ПЭЛЕМ ГРЭНВИЛ ВУДХАУЗ





Annotation

В этой книге мы вновь встречаемся с героями П.Г. Вудхауза в романах, ранее не публиковавшихся, и с уже известными по прежним публикациям персонажами.

Пэлем Грэнвил Вудхауз
Собрание сочинений
Том 13. Салли и другие

Дживс и феодальная верность

Перевод с английского И.Бернштейн

1

Если бы я стал утверждать, будто тогда в ванне, задумчиво намыливая пятку и распевая, помнится, лирическую песню, «Белые ручки любил я на берегу Салимара»,[1] я был в жизнерадостном настроении, этим я бы только ввел в заблуждение читающую публику. Нет, ведь меня ждал вечер, не суливший ничего доброго ни человеку, ни зверю. Тетя Далия прислала мне из своего загородного дома Бринкли-Корт, что в Вустершире, письмо, в котором просила в порядке личного одолжения накормить ужином ее знакомую супружескую чету по фамилии Троттер.

Тетя Далия сама признавала, что они совершенно несносны и уморят меня своим занудством, но их необходимо обаять, так как она в настоящее время ведет сложные деловые переговоры с мужской половиной, и тут пойдет на пользу любая мелочь. «Так что уж, пожалуйста, не подкачай, мой добрый, доблестный Берти», — на такой жалостной ноте кончалось ее письмо.

А поскольку тетя Далия — это моя хорошая, достойная тетка (не путать с тетей Агатой, той, что зубами раздирает крыс и пожирает собственное потомство), когда она пишет: «Не подкачай», — я не подкачиваю. Но, как я уже признался выше, перспектива вечера с Троттерами мне совсем не улыбалась. Я рассматривал ее как проклятие, павшее на мою голову.

Тем более что прошедшие полмесяца я уже и так прожил в подавленном состоянии из-за отсутствия Дживса, который отбыл на летний отдых. Ежегодно в первых числах июля он прекращает работу, бросает инструмент и отправляется в Богнор Риджис ловить креветок, а меня оставляет в положении того поэта, про которого мы учили в школе, что он постоянно оставался без своих газелей.[2] Бертрам Вустер без своего неизменного помощника превращается в тень самого себя и совершенно не в силах сладить с какими-то Троттерами.

Об этих Троттерах, кто бы они, черт их побери, ни были, я и размышлял с сердечным сокрушением, уже перейдя от левой пятки к

левому локтю, когда из спальни до моего слуха донесся осторожный звук шагов, отчего я сразу встрепенулся, вскинул голову, охваченный дивным волнением, и мыло замерло у меня в кулаке. Раз по моей спальне кто-то осторожно ходит, это может означать лишь одно — если, конечно, исключить внеплановый визит грабителя, — а именно, что из отпуска, загорелый и посвежевший, возвратился надежный столп дома сего.

За стеной тихо кашлянули в подтверждение моей правоты, и я в полный голос спросил:

— Это вы, Дживс?

— Да, сэр.

— Вернулись, наконец?

— Да, сэр.

— Добро пожаловать в дом № 3а, Беркли-меншенс, Лондон, W. 1! — провозгласил я, испытывая примерно то же чувство, что и пастух, когда заблудшая овца трусцой возвращается к нему в овчарню. — Хорошо отдохнули?

— Вполне, благодарю вас, сэр.

— Расскажете мне при случае, как вы там проводили время.

— Непременно, сэр, когда вам будет угодно.

— То-то я, наверное, заслушаюсь. А сейчас вы что делаете?

— Вам только что пришло письмо, сэр, я положил его на туалетный стол. Вы сегодня ужинаете дома, сэр?

— Да нет, к несчастью. У меня встреча с четой неизвестных зловонных пузырей, которым покровительствует моя тетя Далия. Так что можете, если хотите, идти к себе в клуб.

Как я уже однажды упоминал в своих мемуарах, Дживс состоит членом очень избранного клуба лакеев и дворецких под названием «Подсобник Ганимед», расположенного на Керзон-стрит, и я понимал, что после столь долгого отсутствия ему теперь не терпится рвануть туда, пообщаться с приятелями, возобновить знакомства, ну, и так далее. Я, например, побыв вне города неделю, по возвращении первым делом устремляюсь к «Трутням».

— Представляю, какой горячий прием вам окажут одноклубники, споют вам «Хей нонни-нонни» и «Ча-ча-ча», — сказал я. — Вы, кажется, упомянули, что мне пришло письмо?

— Да, сэр. Его только что доставили с посыльным.

— Похоже, что-то важное, а?

— Такое предположение напрашивается, сэр.

— Распечатайте и зачитайте, что там.

— Очень хорошо, сэр.

Последовала полутораминутная заминка, во время которой, поскольку на душе у меня полегчало, я успел исполнить «Выкатывайте бочку», «Я люблю мою красотку» и «Каждый день я приношу тебе фиалки» в порядке перечисления. Наконец, сквозь стену просочился голос Дживса:

— Письмо изрядной длины, сэр. Быть может, довольно будет, если я вкратце передам его содержание?

— Валяйте, Дживс. Перехожу на прием.

— Письмо от некоего мистера Перси Горринджа, сэр. Если опустить не идущие к делу подробности, мистер Горриндж желает позаимствовать у вас одну тысячу фунтов, сэр.

Я вздрогнул. Мыло выскользнуло у меня из пальцев и с глухим стуком приземлилось на банном коврике. Это сообщение без предварительной подготовки мгновенно лишило меня присутствия духа. Не часто случается, что у человека пытаются стрельнуть такую исполинскую сумму, пятерка до будущей среды — вот обычный тариф.

— Как вы сказали, Дживс? Тысячу фунтов? Да кто он такой, этот тип? Я не знаю никаких Горринджей.

— Из текста письма следует, сэр, что вы и этот джентльмен между собой лично не знакомы. Но он является, по его словам, пасынком некоего мистера Л.Дж. Троттера, которого якобы знает миссис Трэверс.

Я кивнул — бесполезно, поскольку Дживсу меня было не видно.

— Да, тут его не опровергнешь, — признал я. — Тетя Далия, действительно, знакома с Троттером. Это тот самый тип, которому она просила меня засыпать сегодня вечером овса в кормушку. Что верно, то верно. Но отсюда вовсе не следует, что я буду нянчить его пасынка и позволю ему совать лапу в мой бумажник. У нас с Л.Дж. Троттером совсем не такие близкие отношения, когда, как говорится, твой пасынок — мой пасынок. Согласитесь, Дживс, стоит раз дать в долг одному пасынку, и что получится? В кругу близких и дальних родственников разнесется весть, что ты — кормилец и поилец, и все сестры, тетки, племянники и дядья обступят тебя со всех сторон, спеша отхватить свое, да кого-нибудь еще, глядишь, и затопчут в свалке. Тут у нас будет не дом, а сплошное кровопролитие.

— В том, что вы говорите, много правды, сэр, но автор письма хлопочет не столько о ссуде, сколько о вложении капитала. Он предлагает вам вложить деньги в театральную постановку по роману леди Флоренс Крэй «Спинола» в его сценической обработке.

— Ах, вот оно что! Понятно. Я начинаю улавливать смысл.

Эта самая Флоренс Крэй приходится… ну, да, можно сказать, что она приходится мне чем-то вроде сводной двоюродной, вернее, троюродной или даже четвероюродной сестры. Она — дочь лорда Уорплесдона, а старик Уорплесдон недавно, в минуту умственного помрачения, женился на моей тете Агате, en secondes noces,[3] так это, если не ошибаюсь, называется. Флоренс — из так называемых интеллектуалов, то есть из тех девиц, у которых черепушка до отказа набита серыми клеточками, в прошлом году она, то ли вдохновленная небесным огнем, но вернее, что просто чтобы отгородиться от мыслей о моей тете Агате, накатала роман, и он был принят «на ура» нашей уважаемой интеллигенцией, которая, как всем известно, восторгается разной немыслимой дребеденью.

— Вы читали роман «Спинола»? — спросил я у Дживса, изловив мыло.

— Пролистал, сэр.

— Что вы о нем думаете? Не стесняйтесь, Дживс, говорите прямо. На букву «Д», так?

— Я бы все-таки не употребил этого слова, на которое вы, сэр, по-видимому, намекаете, но мне он показался произведением не вполне зрелым и слегка, я бы сказал, бесформенным. Лично я в своих предпочтениях склоняюсь больше к Достоевскому и великим русским романистам. Однако сюжет не лишен некоторой занимательности и, вполне возможно, будет небезынтересен для театральной публики.

Я задумался. В памяти у меня что-то забрезжило, но что? Наконец, я вспомнил.

— Вот я чего не понимаю, — сказал я. — Мне отчетливо помнится, тетя Далия как-то говорила, что, по словам самой Флоренс, какой-то продюсер уже взялся поставить в театре драматическую обработку ее романа. Помню, я еще сказал: «Вот дурень-то». Но если это так, чего ради Перси так суетится и лезет к людям в карманы? Для чего ему тысяча фунтов? Тут какая-то загадка, Дживс.

— В письме джентльмена она как раз объясняется, сэр. Один из членов синдиката, финансирующего постановку, принявший на себя обязательство именно на эту сумму, оказался неплатежеспособен. В театральном мире, как я понимаю, такие вещи случаются сплошь и рядом.

Я снова погрузился в раздумья, проливая на себя губкой потоки воды. Тут напрашивался еще один вопрос:

— Но почему Флоренс не направила Перси к Чеддеру? Ведь она с Чеддером помолвлена. Казалось бы, к кому и обратиться за подмогой, как не к тому, кто связан с нею узами любви?

— Возможно, у мистера Чеддера нет свободной тысячи фунтов, сэр.

— Верно. Я, кажется, понял, к чему вы клоните, Дживс. У него нет, а у меня есть?

— Вот именно, сэр.

Положение более или менее разъяснилось. С фактами в руках я мог теперь оценить поступок Перси как вполне разумный. Если тебе надо раздобыть тысячу фунтов, первое условие успеха — обратись к человеку, у которого эта тысяча имеется. А Перси, несомненно, слышал от Флоренс, что у меня денег куры не клюют. Ошибка же его состояла в другом: он вообразил, что я — простофиля из простофиль и швыряю крупные суммы направо и налево всем и каждому, как хлебные крошки голубям.

— Вы бы стали финансировать театральную постановку, Дживс?

— Нет, сэр.

— Вот и я тоже не стану. Я отвечу ему решительным отказом, правильно? И денежки мои останутся лежать в старом кованом сундуке, как вы считаете?

— Я бы безусловно поддержал такое решение, сэр.

— Так и сделаем. Пошлем Перси подальше. Пусть выкусит. А теперь к более насущному делу. Пока я одеваюсь, не смешаете ли мне бодрящий коктейль?

— Разумеется, сэр. Мартини или мой особый?

— Второй.

Я ответил твердо и без колебаний. Дело было не только в том, что мне предстоял вечер в компании супругов, которых сама тетя Далия, прекрасно разбирающаяся в людях, определила как людей несносных. Мне необходимо было подкрепиться еще и по другой причине.

Последние дни перед возвращением Дживса я все отчетливее понимал, что наша надвигающаяся встреча лицом к лицу потребует от меня всей имеющейся у меня в наличии твердости духа и воли к победе. Если я хочу взять верх, для этого надо пойти на все, не жалея средств.

Известно ведь, как бывает, когда два человека с сильными характерами живут бок о бок в постоянном соприкосновении, если «соприкосновение» здесь — подходящее слово. Возникают разногласия. Борьба воль. Тут и там сыпятся и катятся яблоки раздора. И одно такое яблоко, как я отлично понимал, несомненно выкатится на сцену, как только я покажусь Дживсу на глаза, тут уж никаких мартини, при всех их бесчисленных достоинствах, не хватит на то, чтобы я мог выдержать предстоящее испытание.

Я не без волнения промокал влагу и облачался в одежды, и когда по

прошествии четверти часа вошел в гостиную, я, не сказать чтобы весь дрожал мелкой дрожью, но определенно ощущал некоторую нервозность. Появился Дживс с бальзамом на подносе, я рванулся к стакану, точно дрессированный тюлень за куском рыбы, и осушил его, даже не пожелав Дживсу, как полагается, болячку на носу.

Эффект был волшебный. Опасливое предчувствие улетучилось, на его место пришло спокойное ощущение силы. Огонь заструился по жилам, и в одно мгновение Вустера-трепетную лань сменил Вустер-железная воля — иначе не скажешь. Что уж Дживс добавляет в эти свои зелья, я не знаю, но боевой дух они укрепляют чрезвычайно. Пробуждают в человеке тигра. Например, был случай, когда, приняв одну только дозу, я, стукнув кулаком по столу, сказал тете Агате, чтобы она перестала молоть вздор, может быть даже, вздор собачий, точно не помню.

— Превосходный напиток, удался вам как нельзя лучше, — похвалил я Дживса. — Жизнь среди креветок не испортила вам руку.

Но Дживс не ответил. Он словно онемел, и я увидел, как и предчувствовал, что взор его направлен в область моей верхней губы. Это был холодный, укоризненный взор, каким человек обедающий, но не любящий живность в салате, мог бы посмотреть на обнаруженного в тарелке червяка. Я понял, что борьба воль, к которой я себя готовил, уже подняла свою грозную голову.

Я сказал учтиво, но твердо — в таких делах учтивая твердость решает все, а я сейчас, спасибо волшебному напитку, был способен на учтивость любой степени твердости. В гостиной нет зеркала, но если бы было, я бы увидел в нем сейчас старорежимного барона, собравшегося отчитать обслуживающий персонал, чтобы не лезли не в свое дело.

— Что-то привлекло ваше внимание, Дживс. У меня что, нос в саже?

Он и не подумал оттаять. Бывают мгновения, когда Дживс становится удивительно похож на строгую гувернантку. И сейчас было одно из таких мгновений.

— Нет, сэр, — ответил он, — не нос, а верхняя губа. Вы ее испачкали чем-то вроде индийской похлебки.

Я равнодушно кивнул.

— Ах, да, вы, верно, имеете в виду мои усы. Вот, отрастил за время вашего отсутствия. Неплохо выглядят, вы не находите?

— Нет, сэр, не нахожу

Я увлажнил губы волшебным напитком и любезно переспросил, чувствуя на своей стороне власть и силу:

— Вам что, не нравится?

— Нет, сэр.

— Вы не находите, что они придают мне шику? Чуточку…э-э-э… как бы это выразиться?.. чертовщинки?

— Нет, сэр.

— Вы меня огорчили и разочаровали, Дживс, — чрезвычайно учтиво говорю я, дважды прихлебнув из стакана. — Я бы еще мог вас понять, будь они пышные и с заостренными концами, как у фельдфебеля, но ведь это — лишь изящная полоска растительности, вроде той, что уже много лет завоевывает Дэвиду Нивену[4] восторг миллионов. Вы же не отшатываетесь в ужасе, когда видите на экране Дэвида Нивена, правда?

— Правда, сэр. Мистеру Нивену усы очень к лицу.

— А мои, значит, мне не к лицу?

— Нет, сэр.

Это было одно из таких мгновений, когда вдруг понимаешь, что единственный способ сохранить самоуважение — это пустить в ход бархатную длань в железной рукавице, вернее, наоборот. Слабость тут смерти подобна.

Ну то есть всему есть пределы, и притом, достаточно четкие. Дживс преступил эти пределы на добрую милю с хвостиком. Я первый преклоняюсь перед его авторитетом в таких вопросах, как носки, ботинки, рубашки, шляпы и галстуки, но провалиться мне, если я допущу, чтобы он лез куда не следует и вносил правку в физиономию Бертрама Вустера.

Я допил волшебный бальзам и ровным, негромким голосом произнес:

— Весьма сожалею, Дживс. Я надеялся на ваше сочувствие и поддержку, но раз уж вы не способны проявить сочувствие и оказать поддержку, ничего не поделаешь. Однако, будь что будет, я не отступлюсь и сохраню статус-кво — ведь это статусы-кво сохраняют, я не ошибся? Вырастить эти усы мне стоило немалых трудов и забот, и я не собираюсь теперь рубить их под корень из-за того только, что некие предубежденные лица (кто именно, уточнять не будем) не могут оценить веши по достоинству. J'y suis, j'y reste,[5] — прибавил я, как заправский парижанин.

После такой блистательной демонстрации силы моего духа Дживсу, естественно, ничего другого не оставалось, как только сказать: «Очень хорошо, сэр», или что-нибудь еще в таком духе, но получилось так, что он даже и этого сказать не успел, поскольку едва я договорил, как у входной двери раздался звонок. Дживс удалился, мерцая, и спустя мгновение, не переставая мерцать, возвратился.

— Мистер Чеддер! — объявил он.

Следом, тяжело ступая, ввалился упомянутый Чеддер по прозвищу Сыр, которого я меньше всего ожидал да, пожалуй, и меньше всего хотел сейчас видеть.

2

Не знаю, как вам, а мне присутствие некоторых людей ужасно действует на нервы, я начинаю бессмысленно хихикать, теребить узел галстука и смущенно переминаться с ноги на ногу. Одним из таких людей раньше был для меня сэр Родерик Глоссоп, знаменитый врач психов, но потом стечение обстоятельств позволило мне проникнуть сквозь отталкивающую наружную оболочку и увидеть лучшую, более нежную сторону его натуры. Другим был Дж. Уошберн Стоукер, имевший привычку, как завзятый пират, похищать людей и затаскивать на свою яхту, да там еще над ними измываться. А третий — как раз д'Арси Чеддер по прозвищу Сыр. Поглядите на Бертрама Вустера, когда он остается с ним с глазу на глаз, и Бертрам предстанет перед вами не в самок выгодном свете.

Учитывая, что мы с ним знакомы, как говорится, вот с этаких лет, вместе учились в начальной школе, в Итоне и в Оксфорде, нам бы полагалось быть как Дамон с этим, как его, Пифиасом. Но мы не как они, совсем даже не как они. Я, когда поминаю его в разговоре, называю его «этот чертов Сыр», а он, насколько мне известно из вполне надежных источников, не упускает случая выразить удивление, что я до сих пор на воле, а не в каком-нибудь психиатрическом заведении. При личной встрече между нами возникает некоторая натянутость и то, что Дживс именует «неполной гармонией душ».

Одна из причин этого, возможно, состоит в том, что Сыр раньше служил полицейским. Он вступил в полицейские ряды сразу по окончании университета в надежде сделать карьеру и занять высокий пост в Скотланд-Ярде, сейчас так поступают многие из общих знакомых. Сыр, правда, очень скоро сложил с себя дубинку и свисток, поскольку его дядя избрал для него другую профессию, но знаете этих легавых, они, даже сняв мундир, все равно сохраняют полицейскую манеру смотреть на человека с подозрением — мол, где вы были в ночь на пятнадцатое июня? — и всякий раз, как мы с ним где-нибудь пересечемся, он дает мне почувствовать, что я — не я, а жалкий обитатель городского дна, задержанный для допроса по делу о недавнем грабеже.

Добавьте к этому, что вышеупомянутый дядя Сыра зарабатывает на жизнь в должности судьи в одном из лондонских полицейских судов, и вам станет ясно, почему я стараюсь его избегать и, по возможности, обходить стороной. Здравомыслящего человека не привлекает общество бывшего фараона, у которого еще вдобавок в жилах течет судейская кровь.

Так что, когда я поднялся ему навстречу, в моем обхождении можно было бы, присмотревшись, прочесть немой вопрос: чему, мол, обязан честью? Мне и вправду было непонятно, с чего это он надумал нарушать неприкосновенность моего жилища, а нарушив, остался стоять как вкопанный, устремив на меня строгий, укоризненный взгляд, словно один мой вид уже оскорбляет его лучшие чувства. Как будто я — какой-то подонок, которого он застиг на месте преступления при продаже другому подонку нескольких унций кокаина.

— Хо! — произнес он, и одного этого возгласа было бы достаточно, чтобы доказать присутствующим, если бы они были, что он прослужил какое-то время в полицейских рядах. Первое, чему денежные мешки обучают своих защитников, это восклицанию «Хо!» — Я так и думал, — продолжал он, насупив брови. — Накачиваешься коктейлями, а?

При обычных обстоятельствах я бы сейчас, конечно, начал нервно хихикать, теребить узел галстука и переминаться с ноги на ногу. Но недаром у меня в желудке еще бурлили две порции Дживсова напитка, оказывая мощное действие, — я не только не дрогнул, у меня даже хватило духу одернуть Сыра и поставить его на место.

— Не понимаю вас, милейший, — холодно проговорил я. — Поправьте, если я ошибаюсь, но, по-моему, именно в это время английскому джентльмену, согласно традиции, полагается опрокинуть стаканчик. Хотите присоединиться?

Сыр скривил рот. Эти полицейские, с ними и так общаться неприятно, могли бы хоть рот не кривить.

— Нет, не хочу, — ответил он коротко и нагло. — Я своему здоровью вредить не собираюсь. Думаешь, как эти стаканчики влияют на глазомер и твердость руки? Может ли человек выбивать дубли, если он глушит себя крепкими напитками? Одно горе.

Тут мне все стало ясно: Сыр волнуется из-за первенства по «летучим дротикам».

Ежегодные состязания по «летучим дротикам» — одно из самых значительных спортивных событий у нас в клубе «Трутни». В сердцах сочленов пробуждается спортивный дух, все толпой ломятся в зал и, не скупясь, по десятке покупают билеты, так что в банке собираются

колоссальные суммы. На этот раз билет с моим именем вытянул Сыр, а так как прошлогодний чемпион Хорас Пендлбери-Дейвенпорт ни с того ни с сего вдруг взял да женился и по настоянию жены вышел из членов клуба, а вторым в прошлом году был я, мой предстоящий выигрыш на этот раз ни у кого не вызывал сомнений. «Вустер — чистый верняк, — передавалось из уст в уста. — Он бросает, как юный бог».

Поэтому понятно, что Сыр, которому в случае удачи светило отхватить куш в пятьдесят шесть фунтов десять шиллингов, считал теперь своей главной заботой в жизни, чтобы я был в наилучшей спортивной форме. Понятно-то понятно, но от этого мне терпеть его заботу было не легче. С той минуты, как он прочел на своем билете фамилию «Вустер» и узнал, что я фаворит состязаний, он стал обращаться со мной, как воспитатель в исправительном заведении для малолетних преступников, которому поручено следить за самым многообещающим из молодых дарований. Он завел привычку возникать в клубе у моего столика, принюхиваться и устремлять на меня укоризненный взор, сопровождая его свистящим вздохом негодования. И вот теперь то же самое он проделывал у меня в доме. Это похуже, чем снова оказаться ребенком в костюмчике маленького лорда Фаунтлероя и при локончиках, а рядом — неотступно бдительная, зоркая няня, не спускающая с тебя ястребиных глаз.

Я уже собрался было высказать ему свое неудовольствие в связи с этими преследованиями, но Сыр продолжил в прежнем наступательном духе:

— Я пришел к тебе, Вустер, для серьезного разговора, — произнес он, свирепо нахмурив брови. — Меня поражает твое легкомысленное и наплевательское отношение к предстоящему турниру. Ты не прилагаешь ни малейших стараний, чтобы обеспечить себе победу, когда придет решающий день. Старая история. Ты слишком самоуверен. Клубные болваны нашептали тебе, что ты непременно выиграешь, ты и рот разинул. Так вот, имей в виду, что напрасно тебе все представляется в таком розовом свете. Я сегодня заезжал в клуб, и там у доски тренировался Фредди Уиджен, да так здорово, что у всех присутствовавших глаза на лоб полезли. Меткость потрясающая.

Я отмахнулся и выше вскинул голову. Можно даже сказать, что я взвился на дыбы. Уж очень больно он ранил мое самолюбие.

— Тю! — презрительно произнес я.

— Что-что?

— Я сказал «Тю!» по адресу Фредди Уиджена. Знаю я, что он собой представляет. Любит покрасоваться, но стабильности никакой. Фредди

будет ничтожнее пыли под колесами моей колесницы.[6]

— Это по-твоему. Ты слишком самоуверен, как я уже сказал. Фредди — очень опасный соперник, можешь мне поверить. Я узнал, что он уже несколько недель соблюдает строгий режим и усиленно тренируется. Бросил курить. По утрам принимает холодные ванны. А ты вот, принимал сегодня утром холодную ванну?

— Еще чего. А горячий кран, по-твоему, зачем?

— Делаешь перед завтраком шведскую гимнастику?

— Да никогда в жизни. Я считаю, пусть шведы сами делают свою гимнастику.

— То-то и оно, — горько вздохнул Сыр. — А ты только и знаешь что шуметь, пьянствовать да объедаться. Мне сказали, что ты вчера был на пирушке у Китекэта Поттера-Перебрайта. Небось притащился домой в четвертом часу, перебудив пьяным гоготом весь квартал.

Я в негодовании вздернул бровь. Полицейское преследование становилось невыносимым.

— Вы что же, констебль, хотите, чтобы я не участвовал в проводах моего друга детства, который через день или два отбывает в Голливуд и, возможно, на протяжении многих лет будет отрезан от цивилизации? Китекэт был бы ранен в самое сердце, если бы я манкировал. И час был не четвертый, а всего половина третьего.

— Ты там пил?

— Отхлебнул какой-то пустячный глоточек.

— А курил?

— Выкурил одну пустячную сигару.

— Не верю. Держу пари, — грозно произнес Сыр и еще свирепее нахмурил брови, — что на самом деле ты пал ниже твари полевой, на самом деле ты там вчера буянил, как матрос в марсельской харчевне, а судя по тому, что сейчас у тебя на шее болтается белая бабочка, а брюхо стягивает белый жилет, ты сейчас опять намылился ехать на очередную безобразную оргию.

Я беззвучно горестно рассмеялся, как я умею.

— Оргию, как бы не так! Я сегодня угощаю ужином знакомых моей тетки Далии, и она меня строжайше предупредила, чтобы я даже не помышлял о выпивке, потому что мои гости — люди из принципа непьющие, и наполнять пиршественную чашу придется лишь лимонадом, оранжадом или ячменным отваром. Вот и вся твоя безобразная оргия.

Это известие, как я и ожидал, подействовало на Сыра пацифически, если можно так сказать. Он не сделался добродушным, это было выше его

возможностей, но подобрел, насколько мог. Он даже почти улыбнулся.

— Отлично, — сказал он. — Превосходно.

— Рад доставить тебе удовольствие. Ну, ладно. Пока.

— Совершенно непьющие, а? Да, это замечательно. Но смотри, не ешь жирного и острого и обязательно пораньше ложись спать. Что ты сказал?

— Я сказал: «Пока». Ты ведь, конечно, торопишься?

— Я никуда не тороплюсь. — Он посмотрел на часы. — Почему, черт возьми, женщины всегда опаздывают? — В его голосе послышалось раздражение. — Ей уже давно пора быть здесь. Я ей сто раз повторил, что дядя Джо особенно свирепеет, если его заставляют дожидаться супа.

Неожиданное вторжение женского мотива меня озадачило.

— Кто это — «она»?

— Флоренс. Мы с ней должны встретиться у тебя. И поедем ужинать к моему дяде.

— Понял. Ну, что ж. Значит, среди нас с минуты на минуту появится Флоренс? Великолепно, великолепно.

Я Произнес эти слова с чувством, стараясь добавить в нашу беседу немного тепла. И сразу же пожалел об этом, потому что Сыр задергался, затрясся, как паркинсоник, и устремил на меня пронизывающий взгляд. Я понял, что мы вступили на опасную почву. И без того деликатная ситуация заметно осложнилась.

Одной из причин, затрудняющих поддержание между мною и Дж. д'Арси Чеддером безоблачно дружеских отношений, является то обстоятельство, что сравнительно недавно меня угораздило затесаться в его любовные дела. Однажды, разозлившись на какое-то его насмешливое замечание насчет современной просвещенной мысли, при том, что к современной просвещенной мысли она питает самую страстную привязанность, его нареченная Флоренс моментально дала ему отставку и — совершенно не по моей вине, просто ей так захотелось, — взяла и обручилась со мной. Из-за этого Сыр, человек вулканических страстей, во всеуслышание выразил намерение разорвать меня на куски и сплясать чечетку на моих останках. А также растереть мне рожу в гоголь-моголь и размазать в виде масла по всему Вест-Энду.

По счастью, до этой ужасной крайности дело не дошло, так как любовь успела вернуться к исполнению своих обязанностей, моя кандидатура была вычеркнута и опасность миновала, но Сыр так до конца и не изжил последствия этого тягостного переживания. Зеленоглазое чудовище постоянно обреталось у него под рукой, готовое по первому знаку включиться в работу, и я у него проходил под рубрикой змеи

подколодной, за которой нужен глаз да глаз.

Так что, хоть мне и было немного не по себе, но меня не удивил ни его пронизывающий взгляд, ни сиплый рык, похожий на ворчание бенгальского тигра над телом поселянина, которым он намерен позавтракать.

— Что значит, великолепно? Тебе так не терпится с ней увидеться?

Вижу, тут требуется действовать тактично.

— Не то что не терпится, — говорю. — Это слишком сильно сказано. Но мне хочется услышать ее мнение по поводу вот моих усов. Она девица со вкусом, и я готов подчиниться ее суду. Как раз перед твоим приходом Дживс подверг их сокрушительной критике, и я немного засомневался. А кстати, что *ты* думаешь о моих усах?

— Я считаю, что это уродство.

— Уродство?

— Безобразие. Ты похож с ними на хориста из бродячей труппы. Так Дживсу, ты говоришь, они не нравятся?

— Похоже, что нет.

— Значит, ты их сбреешь? Слава Богу.

Я насторожился. Я решительно возражаю против распространенного в кругу моих знакомых мнения, будто я в моем доме играю подчиненную роль, и вообще, что Дживс скажет, то и делаю.

— Только через мой труп! Они останутся там, где растут. А Дживсу — фига, если позволительно так выразиться.

Сыр пожал плечами.

— Дело твое. Если ты не против служить всеобщим пугалом…

Я насторожился еще больше.

— Ты сказал, пугалом?

— Именно.

— Ах, вот, значит, как? — парировал я, и если бы на этом месте нас не прервали, возможно, что дальнейшее объяснение между нами приняло бы более острый оборот, ведь я все еще находился под действием волшебного напитка и не склонен был терпеть дерзости. Но не успел я сказать ему, что он тупица и осел, не способный оценить красоту и своеобразие, даже если ему преподнести их на шампуре, как раздался звонок в дверь, и Дживс объявил о приходе Флоренс.

Мне сейчас пришло в голову, что набрасывая, если помните, в самом начале этого повествования, портрет Флоренс Крэй, я, кажется, допустил ошибку, и вы получили о ней не совсем верное представление. Узнав, что она девица образованная, пишет романы и водит дружбу с высоколобыми обитателями Блумсбери, вы, наверное, представили себе ее в виде пухлой коротышки с чернильной кляксой на подбородке, как сейчас модно у интеллигенции женского пола.

Но это очень далеко от истины. Она девушка рослая, стройная, красивая, у нее потрясающий профиль и пышные платиново-белокурые волосы, с такой внешностью вполне можно было бы претендовать на место первой звезды в гареме какого-нибудь султана из высшего класса. Я знал крепких мужчин, которых с первого взгляда сражала ее красота, а заезжие американцы почти всегда провожают ее одобрительным свистом, стоит ей выйти из дома на прогулку.

Она жизнерадостно влетела в гостиную, вся разодетая в пух и прах, но Сыр при ее появлении холодно посмотрел на часы.

— Наконец-то, — произнес он хамским тоном. — Я вас давно жду. Очевидно, вы забыли, что с дядей Джо случается родимчик, если его заставят дожидаться супа.

Я ожидал, что сейчас ему достанется за этот тон, так как Флоренс, я знал, девица с норовом. Но она пропустила его упрек мимо ушей, и я увидел, что ее блестящие карие глаза направлены на меня, притом с каким-то странно восторженным выражением. Может быть, вам случалось видеть, как девочки подросткового возраста взирают в кинотеатре на Хамфри Богарта? Так вот, нечто подобное было в обращенном на меня взоре Флоренс. Ну, прямо картина «Душа пробуждается», если вы знаете, что я имею в виду.

— Берти! — взвизгнула она, затрепетав вся от бушприта до кормы. — Усы! Какая прелесть! Что же вы столько лет прятали их от нас? Это изумительно. Они придают вам шикарный вид. Совершенно другой человек.

На злосчастную растительность у меня под носом за последнее время было выплеснуто столько беспросветной хулы, казалось бы, эти девичьи восторги должны были бы согреть мне душу. Конечно, живешь, как говорится, ради Искусства, а хвала и клевета публики — это дело десятое, и так далее, но все-таки приятно обзавестись одобрительным отзывом, который можно наклеить к себе в альбом, вы согласны? Однако же я остался холоден, особенно в области пяток. Глаза мои сами собой скосились на Сыра — я хотел проверить, как он к этой хвале относится, и с

тревогой убедился, что относ лтся он довольно плохо.

Досада — вот слово, которое вертелось у меня на языке. Сыра явно разбирала досада, словно он за обедом в ресторане раскусил тухлую устрицу. И честно сказать, я его не виню. Когда любимая девушка у тебя на глазах ласково треплет по щеке другого мужчину, да еще пожирает его вытаращенными от восторга глазами, всякий жених от такого зрелища может взбелениться. А Сыр, как я уже говорил, даст фору любому Отелло.

Было ясно, что надо немедленно принимать меры, иначе разбушуются жуткие страсти, поэтому я поспешил перевести разговор на другую тему.

— Расскажи-ка мне, Сыр, подробнее про своего дядю, — попросил я. — Он, значит, любит супы? Неравнодушен к бульонам?

Но Сыр только фыркнул в ответ, как боров, недовольный своим рационом, и я еще раз сменил тему.

— А что слышно с вашей «Спинолой»? — обратился я к Флоренс— По-прежнему идет нарасхват?

Тут я попал в точку. Флоренс просияла.

— Да, успех огромный. Готовят второе издание.

— Замечательно.

— А вы знаете, что ее переработали в пьесу?

— Вот как? Ах, да. Слышал.

— Вы знакомы с Перси Горринджем?

Я поморщился. Поскольку в мои планы входило до наступления вечера нанести Перси жестокий удар решительным и безоговорочным отказом, я предпочел бы пока о нем не поминать. Я ответил, что имя вроде бы знакомое, возможно, где-то в связи с чем-то я его слыхал.

— Это он сделал переработку. Получилось просто великолепно.

В этом месте Чеддер по прозвищу Сыр, у которого, по-видимому, аллергия на Горринджей, опять неприлично зарычал. У Сыра есть две привычки, которые я не терплю: во-первых, к месту и не к месту произносить «Хо!», а во-вторых, под наплывом чувств издавать горлом какой-то смачный, хриплый звук, как будто бизон вытаскивает ногу из болотной трясины.

— У нас уже есть режиссер, который будет ее ставить, он собрал труппу и распределил роли, но возникло досадное затруднение.

— Неужели?

— Да. Один из спонсоров нас подвел, и теперь нам нужно раздобыть еще тысячу фунтов. Но все будет хорошо. Перси уверяет, что деньги он достанет.

И снова я поморщился, а Сыр зарычал. Сравнивать один рык с другим

трудно, но мне показалось, что второй его рык был все же несколько оскорбительнее первого.

— Эта козявка? — произнес он. — Да ему не добыть и шестипенсовика.

Такие речи, разумеется, означают объявление войны. У Флоренс сверкнули глаза.

— Я не позволю вам называть Перси козявкой. Он очень привлекательный и умный.

— Кто это сказал?

— Я говорю.

— Хо! Привлекательный, а? Кого же он привлекает?

— Кого привлекает, не имеет значения.

— Назовите трех человек, которых он привлек. Да еще умный? У него хватит ума разве что разинуть рот при приеме пищи, но не более того. Безмозглая гаргулья.

— Никакая он не гаргулья.

— Самая настоящая гаргулья. Вы что, можете, глядя мне в глаза, отрицать, что он носит короткие бачки?

— Почему бы ему не носить короткие бачки?

— Еще бы ему их не носить, если он козявка.

— Позвольте сказать вам, что…

— Да ладно, пошли, — оборвал ее Сыр и повлек к двери, на ходу напоминая о том, что дядя Джозеф не любит, когда его заставляют дожидаться супа.

Оставшийся в одиночестве, Берти Вустер погрузился в задумчивость, опустившись на стул и закурив сигарету. Горькая дума избороздила его чело. О чем была горькая дума и почему она избороздила чело, сейчас объясню. Дело в том, что услышанный обрывок диалога между обрученными произвел на меня крайне тягостное впечатление.

Любовь — нежное растение, оно нуждается в постоянной заботе и подкормке, что невозможно, если ты рычишь на обожаемый предмет и обзываешь ее приятелей козявками. У меня возникло опасение, что ось Чеддер—Флоренс может в любой момент снова лопнуть, и кто поручится в этом случае, что последняя, вырвавшись на волю, не вздумает вторично объединиться со мной? Я хорошо помню, как было дело в прошлый раз, а, как говорится, обжегшийся на молоке куста боится.

Понимаете, беда с Флоренс в том, что, будучи, бесспорно, как я уже упоминал, совсем недурна собой, и вообще с таким профилем вполне можно на стенку прикнопить, она в то же время, как я тоже отмечал выше,

интеллектуальна до мозга костей, а от девиц такого типа простым смертным вроде меня лучше держаться на расстоянии пушечного выстрела.

Эти мозговитые, серьезные барышни с так называемым сильным характером, им бы только дорваться до вашей души, они тут же пристраиваются сзади и давай толкать. Едва вытряхнут на скорую руку рис из прически по завершении брачной церемонии и прямо в автомобиле, увозящем в свадебное путешествие, принимаются, закатав рукава, совершенствовать своего спутника жизни. А я лично, если что не выношу, так это когда меня совершенствуют. Несмотря на критику с разных сторон — например, со стороны тети Агаты, — мне самому Б. Вустер нравится такой, какой есть. Оставьте его в покое, говорю я. Не пытайтесь его переделать, а то улетучится весь аромат.

Даже когда мы были просто помолвлены, помню, эта особа вырвала у меня из рук недурной мистический триллер и взамен потребовала, чтобы я прочел совершенно жуткое сочинение какого-то типа по фамилии Толстой. А что могло ждать меня после того, как священник сделает свое дело и она получит законное право «свести седину мою с горестью во гроб»,[7] — и вообразить невозможно. Так что, когда еще немного погодя Бертрам Вустер взял шляпу и легкое пальто и отправился в «Савой» кормить Троттеров, сердце у него сжималось от дурного предчувствия.

Как я и думал, пиршество наше не подняло мне настроение. Тетя Далия не погрешила перед истиной, назвав моих сотрапезников несносными типами чистой воды. Л.Дж. Троттер оказался человечком с лицом хорька. Он на протяжении всего ужина не вымолвил практически ни слова, поскольку чуть только он пробовал что-нибудь сказать, как обожаемая его половина затыкала ему рот; а миссис Троттер предстала передо мной могучей бабищей с Крючковатым носом, она, не умолкая, трещала весь вечер, главным образом, про какую-то нехорошую женщину по фамилии Бленкинсоп. И все, что можно было этому противопоставить, это остаточное действие Дживсова бальзама. Я испытал огромное облегчение, когда Троттеры наконец со мной разлучились и я направился к «Трутням», чтобы спешно подкрепиться.

В клубе было пустовато — по обычаю, чуть ли не все сочлены после ужина ушли в мюзик-холл, и я оказался один в курительной комнате. Без преувеличений скажу, что не прошло и пяти минут, как я уже сидел в кресле с сигаретой в зубах и с полным стаканом на подлокотнике и наслаждался глубоким покоем. Натянутые нервы расслабли. Истерзанная

душа отдыхала.

Разумеется, долго так продолжаться не могло. Затишья в битве жизни всегда мимолетны. Настал миг, когда у меня возникло зловещее ощущение, что я не один, и оглянувшись, я оказался лицом к лицу с Дж. д'Арси Чеддером.

4

Мне бы, должно быть, раньше надо было уточнить, что Чеддер по прозвищу Сыр с колыбели посвятил себя водному спорту. Он распоряжался командой гребцов в Итоне и четыре года сидел на веслах, когда уже был в Оксфорде. Он и теперь каждое лето в дни Хенлейнской регаты исчезает из Лондона и с упоением обливается потом, защищая спортивную честь гребного клуба «Леандр». Если судьба когда-нибудь забросит его в Нью-Йорк, я не сомневаюсь, что он там угрохает целое состояние, катаясь в лодке по пруду в Центральном парке, где берут по 25 центов с носа. Без весла в руке он не бывает почти никогда.

Ну и понятно, вести образ жизни галерного раба и не нарастить при этом бицепсы и трицепсы невозможно, так что в конце концов Сыр сделался настоящим чудо-богатырем — широкая грудь колесом, могучие плечи тверды, как камень. Я помню, Дживс как-то упоминал одного своего знакомого, обладавшего силой десятерых. Вот и о Сыре можно так сказать. У него вид настоящего чемпиона по борьбе без правил.

При моих широких взглядах не приходится специально оговаривать, что люди бывают разные и всякие, до последнего вре лени я к его мясистости относился вполне терпимо и доброжелательно. Я считаю, хочешь быть мясистым, будь им, и помогай тебе Бог. Но в данную минуту мне не нравилось, что у него не только мускулатура выпирает во все стороны, но еще и взгляд устремлен на меня с самым зловещим выражением, словно он вышел тайно на тропу войны и рыщет, кого бы убить. Сыра что-то явно беспокоило, и не будет преувеличением сказать, что, заглянув ему в глаза, я как сидел в кресле, так прямо и съежился.

Очевидно, решил я, он разозлился из-за напитка, которым я восстанавливаю растраченные силы, и уже хотел было ему объяснить, что делаю это исключительно в целебных целях, по рекомендации одного видного медицинского светила с Харли-стрит, но тут он заговорил:

— Никак не могу принять окончательное решение, — проговорил он.

— Решение о чем, Сыр?

— Сломать ли тебе, к чертовой бабушке, шею или не сломать?

Я съежился еще немножко больше. Сидишь тут в пустой курительной комнате один на один с маньяком-убийцей. Психов, страдающих манией убийства, я особенно недолюбливаю, тем более таких, у которых обхват грудной клетки — сорок четыре дюйма[8] и бицепсы соответствующей толщины. Смотрю, у него еще и пальцы подергиваются, — тоже дурной знак. «О, кто бы дал мне крылья, как у голубя!»[9] — эти слова в точности передают мои тогдашние чувства. На пальцы Сыра я постарался не смотреть.

— Сломать мне, к чертовой бабушке, шею? — переспросил я, надеясь на разъяснение. — Но почему?

— А ты не знаешь?

— Понятия не имею.

— Хо!

На этом месте Сыр временно умолк, чтобы изгнать муху, которая по пути завернула к нам в окно и застряла у него в голосовых связках. Откашлявшись, он продолжал:

— Вустер!

— Я тут, старина.

— Вустер, — повторил Сыр, и если он не заскрежетал зубами, то я уж и не знаю, как ими скрежещут. — Что было у тебя на уме, когда ты отпускал усы? Зачем ты их отрастил?

— М-да, не простой вопрос. Бывает, вдруг накатывает на человека. — Я почесал подбородок. — Наверное, мне подумалось, что с усами будет веселее.

— А не было ли у тебя задней мысли? Не служат ли они частью твоего коварного плана похитить у меня Флоренс?

— Мой дорогой Сыр!

— На мой взгляд, все это довольно подозрительно. Ты знаешь, что произошло, когда мы вышли от дяди Джо?

— К сожалению, нет. Я в тех местах почти не бываю. Сыр снова скрипнул зубом или двумя.

— Сейчас я тебе расскажу. Я отвез Флоренс в такси домой, и всю дорогу она восторгалась твоими усами. Противно было слушать.

Я хотел было тут ввернуть, что, мол, девицы на то и девицы, чтобы постоянно чем-нибудь восторгаться, но потом раздумал.

— Когда мы доехали до ее подъезда, я расплатился с шофером, оборачиваюсь, а она смотрит на меня как-то по-особенному пристально,

приглядывается то с одного боку, то с другого, то так, то этак.

— Тебе, конечно, было приятно?

— Замолчи и не перебивай.

— Пожалуйста. Я просто хотел сказать, что такое внимание лестно.

Он задумался. Что бы там между ними ни произошло, похоже, вспоминать о вчерашнем свидании ему было трудно.

— А потом, — проговорил было Сыр, и снова смолк, борясь с волнением. — Потом, — повторил он, когда дар речи к нему вернулся, — она высказала желание, чтобы я тоже отпустил усы. Говорит — я воспроизвожу дословно, — что, мол, когда у мужчины лицо большое и красное и голова как тыква, небольшое затемнение на уровне верхней губы способно делать чудеса, нарушая монотонность. Как по-твоему, Вустер, у меня голова как тыква?

— Вовсе нет, старина.

— Не похожа на тыкву?

— Нет, на тыкву не похожа. Может быть, есть что-то от купола собора Святого Павла, это да.

— А вот она сравнила ее с тыквой и сказала, что если поместить посередине усы щеточкой, уличному движению и пешеходам от этого будет большое облегчение. Она помешалась. Я носил усы на последнем курсе в Оксфорде, и вид был ужасный. Почти как у тебя сейчас. Усы, каррамба! — буркнул Сыр, и я очень удивился. Вот уж не думал, что он знает такие слова. — «Да я бы для родного дедушки на смертном одре, — ответил я ей, — не стал бы отпускать усы, как он меня ни умоляй. С усами у меня был бы идиотский вид». А она мне на это: «У вас без усов идиотский вид». — «Ах, вот как?» — спрашиваю. А она мне: «Вот так». — «Да?» — это я ей. «Да», — это она мне. Я тогда сказал: «Хо!» А она мне на это: «Сами вы хо!».

Если бы она еще сказала: «Хо с присыпкой», — получилось бы, конечно, сильнее, но должен признать, что ее пас на этом отрезке диалога произвел на меня впечатление. В нем, на мой взгляд, была и резкость, и сила удара. Девушки, должно быть, обучаются этому в выпускных классах. Да притом еще, не забудем, Флоренс последнее время вращалась в богемных кругах — в живописных мастерских Челси, в интеллигентских квартирах Блумсбери и тому подобных местах, а уж там умеют отбрить как нигде.

— Так что вот, — заключил Сыр Чеддер, немного помолчав, — Слово за слово, пошли в ход резкие выражения, оглянуться не успели, а уже она отдает мне кольцо и заявляет, что будет рада, при первой моей

возможности, получить назад свои письма.

Я горестно поцокал языком. Но он раздраженным тоном попросил, чтобы я не цокал, и я перестал, объяснив, что цокал исключительно потому, что его трагический рассказ меня глубоко тронул.

— У меня сердце сжимается от сострадания, — сказал я.

— Ах, сжимается?

— Безмерно.

— Хо!

— Ты что, сомневаешься в моем сочувствии?

— Еще как сомневаюсь, черт подери. Я же тебе сказал, что обдумываю решение, и решить мне надо вот что: знал ты заранее, что произойдет? Предвидел своим дьявольски хитрым умом, как обернутся события, если ты отрастишь усы и покажешься в них Флоренс?

Я попробовал издать веселый смешок, но знаете эти веселые смешки, они не всегда получаются, когда тебе надо. Этот смешок даже на мой собственный слух больше походил на хрип.

— Ну, что? Прав я? Такую мысль ты держал в своем дьявольски хитром уме?

— Вовсе нет. И кстати сказать, я не обладаю дьявольски хитрым умом.

— Зато Дживс обладает. Возможно, замысел принадлежит ему. Признайся, это Дживс подстроил мне ловушку?

— Мой милый! Дживс не строит ловушек. Он счел бы это для себя непозволительной вольностью. И к тому же, как я тебе уже говорил, он возглавляет общественное движение против моих усов.

— М-м-м, пожалуй. Да, я склонен снять с него обвинение в соучастии. Улики говорят, что ты сам это придумал.

— Что еще за улики?

— Когда я сидел у тебя и сказал, что должна прийти Флоренс, случилась одна многозначительная вещь: ты просиял.

— Ничего я не сиял.

— Это уж извини. Я прекрасно разбираюсь, когда человек сияет, а когда нет. Твое лицо было для меня как открытая книга. «Настал ответственный момент, — говорил ты себе. — Сейчас она их увидит».

— Ничего подобного. Если я и просиял, в чем я очень сомневаюсь, то разве, может быть, из тех соображений, что как только она появится, ты, наконец, уберешься.

— Ты хотел, чтобы я убрался?

— Да, хотел. Ты занимал место, которое мне было нужно для других целей.

Это был вполне убедительный ответ, я видел, что Сыр заколебался. Он провел по лбу своей мясистой лапой, искореженной гребным спортом.

— Это надо будет обдумать. Да-да, надо будет обдумать.

— Вот и отправляйся прямо сейчас и начинай обдумывать, не откладывая, мой тебе совет.

— Так и сделаю. Буду думать, соблюдая полнейшее беспристрастие, взвешивая то и это. Но если мои подозрения окажутся справедливы, уж я знаю, как поступить.

С этими грозными словами Сыр удалился, оставив меня с довольно основательно поникшей головой. Когда тип с таким взрывчатым нравом, как Сыр Чеддер, заберет в багчку, что ты ставишь на него ловушки, дело может кончиться любым побоищем и кровопролитием; но мало этого, у меня еще мурашки по коже бежали от сознания, что Флоренс опять рыщет на свободе. Я с тяжелым сердцем допил виски с содовой и поплелся домой. Внутренний голос шептал мне: «Да, брат Вустер, дела принимают опасный оборот».

Когда я вошел, Дживс разговаривал по телефону.

— Весьма сожалею, — отвечал он в трубку, и я обратил внимание на то, что говорит он учтиво, но твердо, совсем как я во время нашего с ним давешнего объяснения. — Нет-нет, прошу вас, дальнейшие объяснения бесполезны. Боюсь, что вам придется принять мой ответ как окончательный. Всего вам наилучшего.

Так как он не вставлял в свою речь на каждом третьем слове «сэров», я понял, что на проводе кто-то из его приятелей, хотя, судя по тону, не тот, у кого сила десятерых.

— Что это было, Дживс? — поинтересовался я. — Небольшая ссора между друзьями-соклубниками?

— Нет, сэр. Я разговаривал с мистером Перси Горринджем. Он позвонил незадолго до вашего прихода. А я притворился, что я — это вы, и уведомил его, что его просьба о тысяче фунтов невыполнима. Я надеялся этим избавить вас от неловкости личного отказа.

Признаюсь, я был тронут. После того как я одержал над ним верх в поединке воль, он вполне мог разобидеться и пренебречь своим долгом феодальной верности молодому хозяину. Но Дживс и я, хотя можем в чем-то не соглашаться, например по вопросу об усах, однако никогда не допустим, чтобы наше разногласие перешло границы.

— Благодарю вас, Дживс.

— Не стоит благодарности, сэр.

— Удачно вышло, что вы успели вернуться домой и оказались в

нужную минуту на посту. Приятно провели время в своем клубе?

— Вполне, сэр.

— А вот я в своем — не очень.

— Неужели, сэр?

— Встретил там Сыра Чеддера в дурном настроении. Расскажите мне, Дживс, как вы проводите время в «Подсобнике Ганимеде»?

— Многие члены клуба, сэр, садятся честь по чести играть в бридж. Ведутся также весьма увлекательные разговоры. А если кому желательно позабавиться, всегда есть клубные книги.

— Клубные… А, ну да, я помню.

Вы, надеюсь, тоже помните, если вам довелось находиться поблизости, когда я излагал события в Тотли-Тауэрс, загородном доме сэра Уоткина Бассета, где мне удалось с помощью этой клубной книги одолеть силы тьмы в лице Родерика Спода.

Согласно пункту одиннадцатому «Правил», если вы не забыли, члены клуба «Подсобник Ганимед» обязаны записывать в особую книгу интимные сведения о своих работодателях. Так вот, из клубной книги стало известно, что Спод, самодеятельный диктатор-любитель и главарь банды Черноштанников, которые ходили в широких черных трусах и орали «Хайль Спод!», этот самый Спод, оказывается, кроме того, еще втихую шьет дамское исподнее белье на своей фирме под названием «Eulalie Soeurs». Вооруженный таким знанием, я, разумеется, без труда низвел его в разряд третьестепенной державы. Диктаторам неинтересно, чтобы о них распространялись подобные сведения.

Однако, хотя в тот раз клубная книга и сослужила мне добрую службу, я вообще-то ее не одобряю. В моей жизни мало ли что случалось, и разве приятно сознавать, что всякие происшествия и эпизоды, которые я хотел бы похоронить в пучине забвения, теперь служат ежедневной забавой сборищу лакеев и дворецких?

— Вы не могли бы, Дживс, вырвать из вашей клубной книги материалы о Вустере?

— Боюсь, что нет, сэр.

— В них содержится много взрывчатого материала.

— Ваша правда, сэр.

— Что если он станет достоянием гласности и дойдет до тети Агаты?

— На этот счет вы можете не беспокоиться, сэр. Каждый член клуба полностью сознает, что строжайшее соблюдение тайны — это sine qua non.

— И все-таки мне бы спокойнее жилось, если бы этот лист…

— Эти одиннадцать листов, сэр.

— …если бы эти одиннадцать листов были преданы огню. — Тут меня вдруг осенила одна мысль. — А про Сыра Чеддера у вас в. книге что-нибудь есть?

— Кое-что имеется, сэр.

— Дискредитирующее?

— В сущности, нет, сэр. Его личный лакей всего лишь сообщает, что у него привычка в волнении восклицать: «Хо!», а также по утрам перед завтраком нагишом делать шведскую гимнастику.

Я вздохнул. Я вообще-то и не надеялся, но все-таки жаль. Я всегда считал, — и по-моему, справедливо, — что в затруднительном положении ничто так не помогает, как небольшая порция своевременного и меткого шантажа. Как славно было бы, например, явиться к Дж. д'Арси Чеддеру и сказать: «Слушай, Сыр, мне известна твоя тайна», — и он бы тут же, у меня на глазах, сник. Но на какой успех можно рассчитывать, когда шантажируемая сторона только в том и виновата, что восклицает: «Хо!» и скручивается в узел, прежде чем приступить к яичнице с беконом? Было очевидно, что мне не добиться против Сыра того морального триумфа, какой я стяжал в борьбе с Родериком Сподом.

— Ну ладно, — смирился я. — Раз так, значит так, верно?

— Судя по всему, да, сэр.

— Ничего не остается, кроме как держать выше голову и покрепче сжать зубы. Пожалуй, пойду лягу и прихвачу с собой душеспасительную книгу. Вы читали «Загадку красного рака», сочинение Рекса Уэста?

— Нет, сэр, не имел удовольствия. И прошу прощения, сэр, забыл сказать: незадолго перед вашим приходом звонила леди Флоренс Крэй. Ее милость велела передать, что будет рада, если вы ей позвоните. Сейчас я наберу ее номер, сэр.

Я удивился. В чем дело? Конечно, нет причины, почему бы ей не попросить, чтобы я ей позвонил. Но, с другой стороны, зачем?

— Что ей надо, она не сказала?

— Нет, сэр.

— Странно, Дживс.

— Да, сэр… Одну минуту, миледи. Мистер Вустер у телефона.

Я взял у него трубку и сказал: «Алло!».

— Берти?

— Он самый.

— Надеюсь, вы еще не легли спать?

— Нет-нет, что вы.

— Я так и думала. Берти, вы не окажете мне услугу? Я хочу, чтобы зы

повезли меня сегодня в ночной клуб.

— Куда?

— В какой-нибудь ночной клуб. В заведение низкого пошиба. Дешевое и малоприличное. Мне нужно для книги, которую я пишу. Чтобы передать атмосферу.

— О! А! — Я понял, о чем она. В атмосферах я разбираюсь. Жена Бинго Литтла, известная романистка Рози М. Бэнкс, на атмосферах собаку съела, мне сам Бинго говорил. Она часто посылает его в разные злачные места, чтобы он записал свои наблюдения, что там и как, а она потом это использует в качестве горючего для очередной главы. Судя по всему, если ты сочиняешь романы, надо подбирать правильную атмосферу, иначе читающая публика примется присылать ругательные письма, начинающиеся словами: «Дорогая мадам, известно ли вам, что…?». — Вы пишете про ночные клубы?

— Да. Я как раз остановилась на том месте, где мой герой приезжает в ночной клуб, но я в этих заведениях никогда не бывала, а только в респектабельных, которые посещают наши знакомые, но это совсем не то, нужно что-то более… как бы сказать…

— Что-нибудь похлеще?

— Да, похлеще.

— Вы хотите поехать сегодня?

— У меня нет выбора. Завтра я уезжаю в Бринкли.

— Погостить у тети Далии?

— Да. Ну, так как, вы сможете?

— Вполне. Буду рад.

— Отлично. Меня должен был отвезти д'Арси Чеддер, — добавила Флоренс, и я услышал в ее голосе нечто стальное и брезгливое, — но оказалось, что он занят. Вот мне и пришлось обратиться к вам.

Это можно было бы сказать и потактичнее, подумалось мне, но я не стал вдаваться.

— Договорились. Я заеду за вами в половине двенадцатого.

Вы удивлены? Вы говорите себе: «Но как же так? Что такое, Вустер?» — недоумевая, почему я ввязываюсь в ситуацию, от которой должен бы бежать как от огня? Но на это у меня есть готовый ответ.

Понимаете ли, мой быстрый ум моментально сообразил, что тут я, возможно, извлеку для себя некоторую выгоду. Накормлю ее, напою, глядишь, она и смягчится, и тогда, кто знает? Не исключено, что мне удастся помирить ее с кисломолочным продуктом по фамилии Чеддер, с которым она до сих пор предполагала пойти к алтарю, а я таким образом

отведу от себя угрозу, постоянно чернеющую на вустеровском горизонте, пока данная особа на свободе. Тут понадобится, я считал, только несколько сердечных слов от сочувствующего бывалого человека, а их в моем распоряжении сколько угодно.

— Дживс, — сказал я, — я опять ухожу. И значит, дочитывание «Загадки красного рака» придется отложить, но тут уж ничего не поделаешь. На самом-то деле я уже, кажется, разгадал эту загадку. Или я очень глубоко заблуждаюсь, или же прихлопнул сэра Юстаса Уиллоуби, баронета, его дворецкий.

— Вот как, сэр?

— К такому выводу я пришел, перебрав улики. Все эти попытки бросить тень подозрения на священника меня не обманули ни на минуту. Позвоните-ка в «Пеструю устрицу» и закажите столик на мое имя, ладно?

— Не слишком близко к оркестру, сэр?

— Вот именно, Дживс, вы правы, как всегда. Не слишком близко к оркестру.

5

Уж не знаю, почему, но в последнее время в ночные клубы меня не особенно тянет. Видно, старость, что ли, подкрадывается. Но я все-таки еще сохраняю членство в некоторых из них, включая «Пеструю устрицу», где я велел Дживсу заказать мне столик.

У этого заведения жизнь была неспокойная. Время от времени мне приходили от его владельцев вежливые уведомления о том, что они в очередной раз сменили название и адрес. Пережив облаву в качестве «Сырного духа», клуб стал называться «Замороженным лимитом», подвергся бандитскому налету, после чего бесстрашно поднял на входом знамя со странным девизом[10] «Удивленная креветка», а уж оттуда до «Пестрой устрицы» было, конечно, рукой подать. Во дни моей пылкой юности я провел немало приятных вечеров в стенах этого заведения под разными вывесками, и мне подумалось, что если оно хоть отчасти сохранило прежнюю форму, это как раз то, что нужно Флоренс. Мне оно запомнилось именно своей пестротой. Оттого, вероятно, оно так притягивало и бандитов, и полицейских.

В половине двенадцатого я заехал за Флоренс. Она вышла ко мне какая-то хмурая, губы поджаты, глаза устремлены в пространство и холодно поблескивают. Впрочем, так всегда бывает с людьми после

бурной перебранки. Пока ехали в такси, моя дама безмолвствовала, как гробница, и все время постукивала ногой по полу автомобиля, из чего можно было заключить, что она думает про Сыра, с сердечной мукой или нет, я, конечно, не знаю, но думаю, что да. В «Пеструю устрицу», шествуя позади Флоренс, я вошел с оптимизмом. Похоже было, что удача обещает мне улыбнуться и я смогу смягчить Флоренс, если только буду внимателен в выборе слов и достучусь до лучшей стороны ее натуры.

Когда мы сели за столик и я огляделся, мне, признаться, подумалось, что для моих целей скорее подошло бы менее ослепительное освещение и обстановка задушевнее, если допустимо так сказать про обстановку, и даже, может быть, без такого сильного запаха копченой селедки, который стоял в помещении наподобие тумана. Но зато с эстрады, где сидели музыканты, какой-то насморочный субъект пел в микрофон нечто душещипательное, способное размягчить самое каменное сердце.

Удивительная вещь. Я знаю нескольких сочинителей душещипательных песен, это самые жизнерадостные люди из всех моих знакомых, улыбчивые, шутники, остроумцы, и тому подобное. Но стоит им взять в руки перо и бумагу, и они сразу впадают в меланхолию. «Все мне грустно, все немило, ты мне сердце разбила», — в таком духе. Сегодняшний певец доносил через микрофон до всеобщего сведения, что он плачет в подушку, так как его любимая завтра выходит замуж, и, главное, не за него. Это ему сильно не нравилось. Внушало беспокойство. Вдвоем с микрофоном они выжали из этого события все, что только было возможно.

Кто-нибудь другой на моем месте, наверное, воспользовался бы этим нытьем и, не откладывая, тут же перешел к делу. Но я, со свойственной мне проницательностью, сообразил, что надо выждать, пока оно сработает. Поэтому, заказав копченую селедку и бутылку чего-то, что на поверку оказалось чем-то вроде крысиного яда, я завел разговор на более отвлеченную тему, а именно: как продвигается новый роман? Романисты, особенно женского пола, любят оповещать людей о своих достижениях.

Флоренс сообщила мне, что роман продвигается успешно, но не быстро, она вообще из тех, кто работает медленно и вдумчиво, между абзацами долго размышляет и не жалеет усилий в поисках подходящего слова, точно выражающего то что требуется выразить. Как Флобер, пояснила она, и я сказал, что она на верном пути. Я тоже, говорю, пользовался таким методом, когда писал статью для «Будуара».

Я имел в виду журнал для тонко воспитанных читательниц «Будуар светской дамы», принадлежащий моей любезной и любимой тете Далии.

Она издает его уже четвертый год, к неудовольствию своего мужа, моего дяди Тома, вынужденного платить по счетам. И по ее заказу я как-то раз написал для этого журнала статью — или материал, как говорим мы, журналисты, — на тему: «Что носит хорошо одетый мужчина».

— Так вы, стало быть, завтра отбываете в Бринкли? — продолжал я разговор. — Вам там понравится. Свежий воздух, песчаные почвы, собственное водоснабжение, стряпня Анатоля, и прочее.

— Да. И, конечно, я буду счастлива познакомиться с Дафной Долорес Морхед.

Имя было мне незнакомо.

— Дафна Долорес Морхед?

— Романистка. Она там будет. Я в восхищении от ее книг. Да, кстати, она пишет сериал для «Будуара».

— Вот как? — Это меня заинтриговало. Всегда интересно узнать, над чем работают коллеги-писатели.

— Вашей тете это, должно быть, стало в немалую сумму. Дафна Долорес Морхед — писательница дорогая. Не помню точно, сколько она берет за тысячу слов, но что-то колоссальное.

— Выходит, тетин журнал процветает?

— Видимо, так.

Последнюю реплику Флоренс произнесла безразличным тоном, вдруг утратив всякий интерес к тетиному «Будуару». Не иначе как ее мысли вновь обратились к Сыру. Она скучливым взглядом обвела помещение. Народу в зале, между тем, прибавилось, на пространстве для танцев толкался простой народ обоего пола.

— Ну и публика! — сказала Флоренс— Честно сказать, Берти, меня удивило, что вы посещаете такие места. Ночные клубы все наподобие этого?

Я прикинул.

— Есть похуже, есть получше. Этот, я бы сказал, средний ночной клуб. Шумновато, конечно, но вы ведь просили, чтобы заведение было побойчее.

— Я вовсе не жалуюсь. Я запишу кое-какие наблюдения. Как я себе представляю, здесь как раз такое место, куда отправился Ролло в ту ночь.

— Кто это Ролло?

— Ролло Биминстер. Герой романа.

— А, понимаю. Ну, конечно. Вышел поразвлечься.

— Не поразвлечься, а он был вне себя. В отчаянии. Он лишился той, которую любил.

— Вот это да! А дальше что?

Я воодушевился. Что бы ни говорили про Бертрама Вустера, но если мне подкинуть нужную реплику, я уж как-нибудь ее не упущу. Тут на меня можно положиться. Я откашлялся. Жареная рыба и бутылка были уже на столе. Я отправил в рот кусок рыбы и отпил содержимого бутылки. На вкус это было что-то вроде репейного масла.

— Вы меня жутко заинтересовали, — сказал я. — Он лишился, стало быть, той, которую любил?

— Она ему сказала, что не желает больше с ним ни видеться, ни разговаривать.

— Ну и ну. Тяжелое переживание. Бедняга.

— И он идет в этот злачный ночной клуб. Чтобы забыться.

— Держу пари, что это ему не удается.

— Нет, конечно. Он обводит взором весь здешний блеск и пестроту и понимает, что это все пустое. Я, пожалуй, использую для сцены в ночном клубе вон того официанта с водянистыми глазами и с фурункулом на носу, — пробормотала Флоренс, делая заметки на обороте меню.

Я плеснул себе еще глоток жидкости из бутылки, для храбрости, и набрал в грудь воздуху.

— Если *он* лишается той, которую любит, — тоном крупного знатока приступил я к делу, — или, обратно же, если *она* лишается того, кого любит, это всегда — ошибка. Не знаю, как считаете вы, но мне лично кажется, что глупо давать отставку герою своей мечты просто из-за какой-то пустячной размолвки. Поцелуйтесь, и мир, мир навсегда — вот мое мнение. Я видел сегодня вечером Чеддера в клубе «Трутни», — продолжал я, переходя на личности.

Флоренс гордо выпрямилась и сдержанно отправила в рот кусочек рыбы. А когда груз прошел в трюм и она смогла опять говорить, то холодным, металлическим голосом коротко переспросила:

— Да?

— Он был в ужасном состоянии.

— Да?

— В отчаянии. Как безумный. Обводил взглядом клубную курилку, и чувствовалось, что она кажется ему безлюдной пустыней.

— Да?

Наверное, если бы сейчас кто-нибудь подошел и спросил бы у меня: «Как идет дело, Вустер? Успешно?» — я бы ответил отрицательно: «Что-то непохоже, Уилкинсон — или Бэнкс, или Смит, или Нэчбулл-Хьюгессен, или как там его, — так бы я сказал. — Впечатление такое, что ни тпру, ни

ну». Однако я не отступался:

— Да, он был вне себя. Казалось, еще немного, и он соберется и махнет в Скалистые горы стрелять медведей-гризли. Ужасная мысль.

— Ужасная для тех, кому жаль медведей?

— Нет, я имел в виду тех, кому жаль Чеддера.

— Я к их числу не принадлежу.

— Вот как? Ну, а если бы он поступил в Иностранный легион?

— Я бы это одобрила.

— Разве приятно вам было бы думать, что он сейчас бредет по раскаленным пескам, и ни одной пивной в поле зрения, только берберы, или как их там, стреляют в него из-за каждого угла?

— Да, приятно. Если бы я увидела, что какой-нибудь бербер целится в д'Арси Чеддера, я бы, со своей стороны, взяла подержать его шляпу и пожелала ему удачного выстрела.

И снова у меня возникло ощущение, что дело застряло на мертвой точке. Выражение лица у Флоренс было такое холодное, как рыба у меня на тарелке (я за этими разговорами совсем про нее забыл). Мне стало понятно, каково приходилось тем ребятам из Библии, которые тщетно пытались зачаровать глухого аспида. Всех подробностей не припомню, хотя в школе я один раз даже получил награду как знаток Священного Писания, знаю только, что они из кожи вон лезли, чтобы зачаровать этого аспида, взмокли от пота, а результат — ноль. С глухими аспидами, насколько я понимаю, почти всегда так.

— Вы знаете Хораса Пендлбери-Дейвенпорта? — задал я вопрос после затянувшейся паузы, когда мы оба молча ковыряли каждый свою рыбину.

— Того, что женился на Валери Туислтон?

— Того самого. Он бывший наш клубный чемпион по «летучим дротикам».

— Да, мы знакомы. А он еще тут при чем?

— При том, что он воплощает мораль и служит венцом басни. Пока они ходили помолвленные, у них с Валери произошла ссора примерно такого же калибра, что и у вас с Сыром, и они чуть было не расстались навеки.

Флоренс бросила на меня ледовитый взгляд.

— Обязательно надо упоминать мистера Чеддера?

— Я рассматриваю его как главную тему в сегодняшней повестке дня.

— А я — нет. И я, пожалуй, поеду домой.

— Нет-нет, погодите. Я должен рассказать вам про Хораса и Валери. Они поссорились, как я уже сказал, и чуть было не расстались навсегда, но

их помирила одна женщина, которая, по словам Хораса, кажется, разводила коккер-спаниелей. Она рассказала им свою трогательную историю, и эта история растопила их сердца. Когда-то она любила некоего субъекта, но повздорила с ним из-за сущего пустяка, а он развернулся кругом и уплыл в Федеративные Штаты Малайи, где женился на вдове плантатора-каучуковода. С тех пор каждый год она получала простой букет белых фиалок и с ним записку: «А ведь могло бы быть…». Вы же не хотите, чтобы и у вас с Сыром получилось так?

— Очень даже хочу.

— И вам ничуть не больно думать, что, может быть, в эту самую минуту он ходит по пароходствам и наводит справки насчет отплытия в Малайю?

— Сейчас ночь, и все пароходства закрыты.

— Ну, завтра, с утра пораньше.

Она положила нож и вилку и как-то странно на меня посмотрела.

— Берти, вы удивительный человек, — проговорила она.

— То есть, в каком смысле удивительный?

— Наговорили тут столько чепухи, чтобы помирить меня с д'Арси. Я, конечно, восхищаюсь вами за это. Я нахожу, что вы ведете себя благородно. Впрочем, все знают, что мозгов у Вас — как у болотной курочки, но зато вы — сама доброта и щедрость.

Я оказался в затруднительном положении, поскольку ни одной болотной курочки лично не знал и поэтому не мог судить о том, сколько у нее мозгов, но из слов Флоренс можно было понять, что маловато, и я уже собрался было спросить, а кто такие это знающие все, на которых она ссылается, когда она продолжила свои рассуждения:

— Вы ведь сами хотите на мне жениться, верно?

Мне пришлось опять отхлебнуть здешнего вина, прежде чем я смог ответить. Это был трудный вопрос.

— Ну да, а как же, — заверил я ее, чтобы она не обиделась. — Всякий захочет.

— И тем не менее вы…

Договорить она не успела, потому что в эту минуту внезапно, как это всегда происходит, началась облава. Джаз-банд замолчал на полуслове. Стало тихо. Словно из-под половиц, повыскакивали какие-то молодцы с квадратными челюстями, и один из них, судя по всему, главный распоряжающийся, голосом зычным, как сирена в тумане, велел всем оставаться на местах. Я еще, помнится, подумал, как они все точно подгадали: как раз к тому моменту, когда наш разговор принял неприятный

оборот и уже грозил серьезной неловкостью. Мне доводилось слышать о лондонской полиции дурные отзывы, — как, например, от Китекэта Поттера-Перебрайта и остальных наутро после лодочных состязаний между Оксфордом и Кембриджем, — но человек непредубежденный не может не признать, что в отдельных случаях полиция выказывает чудеса такта.

Я, разумеется, не испугался. В такие передряги я попадал уже неоднократно и заранее знал, что будет дальше. Поэтому, видя, что моя дама переполошилась, я поспешил развеять ее опасения:

— Волноваться совершенно не о чем. Не надо «рыдать, лия потоки слез и в грудь себя бия»,[11] как говорит Дживс. Все нормально.

— Они нас не арестуют?

Я снисходительно улыбнулся. Уж эти мне новички.

— Глупости. Нет ни малейшей опасности.

— Откуда вы знаете?

— Мне все это давно и хорошо знакомо. Коротко говоря, сейчас произойдет следующее. Нас всех сгонят в кучу, и мы в простых фургонах мирно отправимся в полицейский участок. А там в приемной выстроимся в очередь, и каждый назовет свое имя, фамилию и адрес, допуская при этом в мелочах некоторые отклонения от истины. Я, например, обычно называю себя Эфраим Гэдсби, проживающий по адресу: Стрэтхем-коммонз, Джубили-роуд, «Настурции». Почему именно так, сам не знаю, такая фантазия в голову пришла. А вы, если послушаете моего совета, назовитесь Матильдой Ботт, дом 365 по Черчиль-авеню, Ист-Далидж. По завершении этих формальностей нас отпустят по домам, а хозяин этого заведения останется один перед лицом его величества Закона.

Но Флоренс мои слова не успокоили. Я вижу, ей ну никак не сидится на месте. Вопреки предписаниям человека-сирены, она вскакивает со стула, будто пронзенная снизу спицей, и говорит:

— А по-моему, будет все не так.

— Так-так, если только они не завели новые порядки.

— По-моему, потащат в суд.

— Да нет же.

— Я лично не намерена рисковать. Всего наилучшего!

И сорвавшись с места, Флоренс бросилась к служебной двери, находившейся неподалеку от нашего столика. Ближайший констебль взлаял, как гончий пес, и рванул вдогонку.

Разумен ли был мой следующий поступок? Этого я так для себя и не

решил. То мне кажется, что да, ведь рыцарь Байярд[12] на моем месте поступил бы так же; а то — все-таки нет. А произошло, говоря вкратце, вот что: когда жандарм пробегал мимо меня, я выставил ногу, и он на полном скаку ласточкой спикировал на пол. Флоренс улизнула, а страж закона, разобравшись, где у него ноги, а где руки, поднялся с пола и уведомил меня, что я арестован.

А так как при этом он одной рукой держал меня за шиворот, а другой — сзади за штаны, сомневаться в правоте этого честного малого у меня не было оснований.

6

Ночь я провел «в узилище зловонном»,[13] как сказал поэт, и наутро, чуть свет, был доставлен в полицейский суд на Винтон-стрит, где мне предъявили обвинение в «нападении на служителя закона и в воспрепятствовании исполнению им служебного долга» — выражение, на мой взгляд, емкое и по существу. Я был жутко голоден и небрит.

С мировым судьей этого района я прежде не встречался, как правило, я пользовался услугами его конкурента в районном суде на Бошер-стрит. Но Барми Фодеринг-Фиппс, познакомившийся с ним как-то в новогоднюю ночь, предупреждал, что с ним лучше дела не иметь, и теперь я в этом лично убедился. Мне даже подумалось, пока я слушал из уст пострадавшего фараона сагу о моем прегрешении, что Барми, обозвавший этого законника непробиваемым болваном с отдельными наиболее отталкивающими чертами испанского инквизитора высших степеней, скорее недооценил его в этом качестве, чем переоценил.

Вид старого негодяя мне сразу не понравился. Он дышал ядом. Выражение его лица, если это можно назвать лицом, по ходу повествования становилось все мрачнее и беспощаднее. Он то и дело бросал на меня сквозь пенсне свирепые взоры, и даже самый подслеповатый зритель не мог бы не заметить, что все его симпатии — на стороне полицейского, а на роль мальчика для побоев выдвинут задержанный Гэдсби. Мне становилось все яснее, что задержанный Гэдсби сейчас получит по первое число и хорошо, если не угодит на остров Дьявола.[14]

Тем не менее, когда полицейский договорил свое «J'accuse»[15]* и меня спросили, желаю ли я что-нибудь сказать, я приложил старания. Да,

признал я, в тот вечер, о котором речь, я действительно вытянул ногу, в результате чего констебль полетел вверх тормашками, но сделано это было случайно, без задней мысли. Просто у меня затекла нога от долгого сидения за столиком, и захотелось расслабить мышцы.

— Знаете, как иной раз бывает, хочется размяться, — пояснил я.

— Думаю, вы у меня получите возможность поразмяться вдоволь, притом в течение длительного времени, — посулился судья.

Сразу угадав в этом шутку, я от всей души расхохотался, желая показать, что с чувством юмора у меня все в порядке. Пристав из глубины зала сразу рявкнул: «Тишина в зале!» И напрасно я пытался втолковать ему, что меня рассмешило остроумие его чести, он только опять на меня зашикал. А тут и его честь еще раз всплыл на поверхность.

— Однако, — пробурчал он, поправляя пенсне на носу, — учитывая вашу молодость, я склонен проявить снисхождение.

— Вот и роскошно! — обрадовался я.

— Роскошно — не роскошно, а штраф десять фунтов. Следующий!

Я заплатил мой долг перед Обществом и двинул домой.

Когда я возвратился под родимый кров, Дживс был занят домашними делами, отрабатывая свое еженедельное жалованье. Он скосил на меня вопрошающий глаз, и мне стало ясно, что ему от меня причитаются объяснения. Его наверняка удивило, что спальня пуста и постель не смята.

— Небольшие трения со служителями закона, Дживс, — сообщил я ему. — Что-то вроде того, как «Юджин Арам в наручниках шел, / И два стража шли по бокам».[16]

— Вот как, сэр? Весьма неприятно.

— Мне это совсем не понравилось, а вот судья, с которым я сегодня утром обсуждал этот случай, получил уйму удовольствия. Я привнес луч света в его сумрачную жизнь. Вы знали, что полицейские судьи — великолепные комики?

— Нет, сэр. Этот факт мне неизвестен.

— Представьте себе некое подобие Граучо Маркса и попадете в самую точку. Шпарил шутку за шуткой, и все на мой счет. А я выступал в роли Простодушного, и мне это совсем не доставляло удовольствия, тем более, не дали завтрака, вернее, ничего такого, что сознательный гурман согласился бы признать завтраком. Вы когда-нибудь проводили ночь в застенке, Дживс?

— Нет, сэр. В этом отношении мне повезло.

— Там у человека разыгрывается такой аппетит! Так что поспешите на подмогу, если вы не против, и беритесь скорее за сковородку. Яйца в доме

есть, надеюсь?

— Есть, сэр.

— Мне понадобится с полсотни и, пожалуй, такое же количество фунтов бекона. И тосты. Четырех батонов, я думаю, хватит, но будьте наготове подать еще, если понадобится. Да, и кофе. Скажем, шестнадцать кофейничков.

— Очень хорошо, сэр.

— А вы после этого, конечно, поспешите к «Подсобнику Ганимеду», — не без горечи заметил я, — чтобы записать мои злоключения в вашу клубную книгу?

— Боюсь, сэр, у меня нет выбора. Я должен. Правило номер одиннадцать чрезвычайно строгое.

— Что ж, должны так должны. Я совсем не хочу, чтобы вас выволокли в середину каре с дворецкими по сторонам и срезали у вас пуговицы с пиджака. Кстати, о клубной книге. Вы уверены, что в ней нет ничего на букву «Ч» про Чеддера?

— Ничего, кроме того, что внесено мною вчера, сэр.

— Н-да, от этого проку мало, — вздохнул я. — Не скрою от вас, Дживс, что Сыр Чеддер представляет теперь для меня серьезную опасность.

— Неужели, сэр?

— Я надеялся, что, может быть, у вас там найдется что-нибудь такое, чем можно было бы заклепать его орудия. Но, конечно, раз нет, значит нет. Ладно, несите сюда мой завтрак, да поживее.

Минувшей ночью я почти не спал на дощатом ложе, какие гестапо на Винтон-стрит предоставляет для удобства своих клиентов, поэтому, насытившись, я завалился в постель. Мне, как Ролло Биминстеру, хотелось все забыть. И было уже сильно за полдень, когда телефонный звонок вырвал меня из объятий глубокого сна. Чувствуя себя неплохо освежившимся я нырнул в халат и подошел к аппарату.

Это оказалась Флоренс.

— Берти? — пискнула она.

— Как? Вы же собирались сегодня в Бринкли.

— Сейчас отправляюсь. Я позвонила узнать, что с вами было вчера после моего ухода?

Я рассмеялся горьким смехом.

— Приятного мало, — ответил я. — Меня загребла полиция.

— Но вы же говорили, они не арестуют.

— Вообще нет. Но арестовали.

— А сейчас вы в порядке?
— Заметно осунулся.
— Не понимаю. Почему вас арестовали?
— Длинная история. Вкратце говоря, я понял, что вы решили покинуть помещение, смотрю, за вами следом во всю прыть несется фараон, я выставил ногу, он споткнулся, ну, и утратил к преследованию всякий интерес.
— Господи милосердный!
— Мне подумалось, что так будет правильно, потому что еще мгновение, и он ухватил бы вас сзади за брюки. Он, конечно, этого не стерпел, и в итоге я провел ночь в тюремной камере, а утром имел малоприятный разговор с мировым судьей в полицейском участке на Винтон-стрит. Впрочем, сейчас я уже почти совсем отдышался.
— О, Берти!
Она, похоже, растрогалась и дрогнувшим голосом сказала мне «спасибо», а я ответил, что не стоит благодарности. Тут она вдруг охнула, как будто получила кулаком поддых на уровне третьей жилетной пуговицы. И переспросила:
— Винтон-стрит, вы сказали?
— Да.
— Ах, Боже мой! Вы знаете, кто там судья?
— Затрудняюсь вам сказать. Мы не обменялись визитными карточками. На суде мы звали его запросто «Ваша честь».
— Это дядя д'Арси Чеддера!
Я чуть не чертыхнулся то изумления.
— Ей-богу?
— Ей-богу.
— Тот, что любит суп?
— Тот самый. Можете себе представить, что было бы, если бы вчера вечером я у него обедала, а сегодня утром предстала бы перед ним, задержанная полицией!
— Да, неловко. Не найдешься, что сказать.
— Д'Арси бы мне этого не простил.
— Не понял.
— Он бы расторг помолвку.
— То есть как?
— Что — как?
— Как бы он расторг помолку? Она ведь уже расторгнута? Флоренс засмеялась, как говорится, нежным серебристым смехом.

— О, нет. Сегодня утром он позвонил, взял назад все, что было сказано, и получил мое прощение. С сегодняшнего дня он отпускает усы.

У меня — гора с плеч.

— Замечательно! — говорю.

Тут она завздыхала: «О, Берти!», «Ах, Берти!», я спросил, о чем она, и она объяснила, что вздыхает, поскольку я так рыцарствен и щедр.

— Мало кто еще из мужчин, испытывая ко мне такие чувства, был бы способен вести себя так.

— Да ну, пустяки, — говорю я.

— Я страшно тронута.

— Забудьте. Так, значит, у вас с ним опять мир и любовь?

— Да. Смотрите, не проговоритесь ему, что я была вчера с вами в ночном клубе.

— Конечно, конечно. Ни полслова.

— Д'Арси ужасно ревнив.

— Мне это известно. Он ничего не узнает.

— Уж пожалуйста. Даже если бы он только проведал, что я сейчас разговариваю с вами по телефону, с ним и то случилась бы истерика.

Я хотел было снисходительно рассмеяться в ответ и возразить, что это, как выражается Дживс, сугубо маловероятно, откуда бы Сыру узнать, что мы тут чешем языки, как вдруг я краем глаза заметил у себя в поле зрения некий крупный предмет. Я слегка повернул голову и убедился, что этот кр. пр. на самом деле — могучая фигура д'Арси Чеддера собственной персоной. Я не услышал дверного звонка и не видел, как он вошел, но это, несомненно, был он — опять явился моему взору, точно проживающее по здешнему адресу привидение.

7

Тут требовалось соображать молниеносно. Нельзя же допустить, чтобы к вам приходили и прямо в гостиной закатывали истерики. Да и вряд ли, выяснив, кто у меня на том конце провода, Сыр ограничится только истерикой.

— Конечно, Китекэт, — внятно произнес я в трубку. — Разумеется, Китекэт. Я понимаю, Китекэт. Но сейчас я должен попрощаться, Китекэт, так как ко мне зашел наш общий друг Чеддер. Пока, Китекэт. — Я повесил трубку и обернулся к Сыру. — Говорил с Китекэтом, — пояснил я ему.

Сыр на это ничего не сказал, а продолжал стоять и мрачно взирать на

меня. Теперь, зная о кровном родстве Сыра с судьей на Винтон-стрит, я увидел меж ними явное фамильное сходство. У племянника, как и у дяди, была манера щуриться и смотреть на человека из-под нависших бровей. Разница была лишь в том, что дядюшка пронзал вас взором сквозь стекла пенсне, а племянничек действовал невооруженным взглядом.

Сначала я подумал, что неудовольствие моего гостя вызвано моим костюмом: я принимал его в халате и пижаме, а в три часа дня такое одеяние может натолкнуть на определенные мысли. Но нет, оказалось, что на повестке дня вопрос посерьезнее.

— Вустер, — произнес Сыр голосом гулким, как шум Корнуолского железнодорожного экспресса в туннеле. — Где ты был минувшей ночью?

К этому вопросу, признаюсь, я был совсем не готов. Я даже покачнулся. Но тут же напомнил себе, что против меня нет никаких улик, и снова воспрял духом.

— Аа, Сыр! — воскликнул я приветливо. — Заходи, заходи. Ах, ты уже зашел? Ну, тогда присаживайся и расскажи, что новенького. Прекрасная погода, не правда ли? Многие не любят июль в Лондоне, но мне лично нравится. На мой вкус, в это время года тут что-то такое есть эдакое.

Но он был, похоже, как раз из тех, которые июль в Лондоне не одобряют, судя по тому, что рассуждать на эту тему не пожелал и только фыркнул по своему обыкновению.

— Где ты был минувшей ночью, черт бы тебя побрал? — повторил он, и я заметил, что лицо у него багровое, щеки подергиваются и глаза, подобно звездам, вот-вот покинут свои орбиты.

Я сделал попытку изобразить равнодушие и спокойствие.

— Минувшей ночью? Дай припомнить. Это будет ночь на двадцать второе июля, верно? Гм. Кхе. Ночь на…

Он два раза сглотнул.

— Вижу, ты подзабыл. Позволь освежить твою память. Ты был в ночном притоне вместе с моей невестой Флоренс Крэй.

— Кто, я?

— Да, ты. А сегодня утром ты предстал перед полицейским судьей в участке на Винтон-стрит.

— Ты уверен, что говоришь обо мне?

— Вполне уверен. Информация получена от моего дяди, тамошнего судьи. Он у меня сегодня обедал, и уходя, заметил на стене твое фото.

— Я и не знал, что у тебя на стене висит мой фотопортрет. Очень тронут.

Но он продолжал кипятиться.

— Фото групповое, — буркнул Сыр, — и ты оказался на нем среди прочих. Дядя Джо присмотрелся, засопел и спрашивает: «Ты знаешь этого молодого человека?» Я объяснил, что мы принадлежим к одному клубу, поэтому поневоле иногда пересекаемся, только и всего. Хотел еще добавить, что по собственному желанию я бы к тебе десятифутовым шестом не притронулся, но он, все так же сопя, поспешил выразить радость оттого, что я не состою с тобой в дружбе, поскольку такой человек не годится в друзья его племяннику. Он сказал, что утром ты был доставлен к нему в суд по обвинению в нападении на полицейского, задержавший тебя полицейский показал, что ты подставил ему ножку в ночном клубе во время его погони за платиновой блондинкой.

Я оскорбленно поджал губы. Вернее, я хотел оскорбленно поджать губы, но у меня не получилось

— Ах вот оно что. Лично я не стал бы так уж доверять показаниям полицейского, который проводит время, гоняясь за платиновыми блондинками в ночных клубах. А что до твоего дяди, рассказывающего небылицы, будто бы меня доставили к нему на суд, то известно, что представляют собой эти полицейские судьи. Низшая форма прудовой жизни. Когда у парня не хватает ума и предприимчивости, чтобы продавать заливных угрей, его определяют судьей в полицейском участке.

— По-твоему, при рассмотрении группового фото его обмануло некоторое сходство?

Я отмахнулся.

— Не обязательно некоторое. В Лондоне полно людей, смахивающих на меня очень сильно. У меня самый распространенный тип наружности. Мне рассказывали про одного субъекта, некоего Эфраима Гэдсби, из тех Гэдсби, что проживают на Срэтем-коммонс, так он просто вылитый я. Данный факт я, конечно, приму во внимание, когда буду подавать в суд на этого твоего родственничка за клевету и диффамацию, и не исключено даже, что пожалею его и решу все-таки смягчить справедливость милосердием. Но ты бы лучше предостерег старого дурака, чтобы впредь был осторожнее и не давал воли языку. Всякому терпению есть предел.

Сыр секунд на сорок пять погрузился в задумчивость.

— Платиновая блондинка, — произнес он по истечении паузы. — Полицейский показал, что у нее были очень светлые волосы.

— Эффектная, должно быть.

— Я нахожу чрезвычайно существенным то, что Флоренс как раз платиновая блондинка.

— Не вижу, почему. Среди девушек платиновых блондинок сотни. Мой дорогой Сыр, спроси себя, возможно ли, чтобы Флоренс оказалась посетительницей жалкого ночного клуба вроде этого… как ты сказал, он называется?

— Я не говорил. Но вроде бы он называется «Пестрая устрица».

— А, ну да. Слышат о таком. Как я понимаю, малоприличное заведение. Невозможно поверить, чтобы Флоренс посещала подобные притоны. Такая утонченная, интеллектуальная девица? Нет и нет.

Сыр призадумался. Кажется, его пробрало.

— Вчера она просила, чтобы я сводил ее в ночной клуб, — проговорил он, припоминая. — Какие-то ей нужны материалы для новой книги.

— Но ты, конечно, отказался?

— Вообще-то нет. Я сказал, что согласен. Но потом между нами возникли, э-э-э, разногласия, и это отпало.

— А она, разумеется, вернулась домой и легла спать. Как иначе могла поступить милая, невинная английская барышня? Неужели ты хоть на миг мог предположить, что она без тебя отправилась в какое-нибудь злачное местечко? Тем более, в притон, где, ты сам говорил, постоянно снуют полчища полицейских, гоняясь за платиновыми блондинками, да и не то еще может происходить под покровом ночи. Нет, Сыр, выкинь из головы такие мысли, они, позволь тебе заметить, тебя не достойны… А вот и Дживс, — обрадовался я, увидев, что безупречный слуга неслышными шагами вошел в гостиную со старым добрым подносом в руках. — Что вы нам принесли, Дживс? Ваше особое освежительное?

— Да, сэр. Я подумал, что мистер Чеддер будет, возможно, рад освежиться.

— Мистер Чеддер как раз созрел для стаканчика. Я сам к тебе не присоединюсь, Сыр, ты же знаешь, турнир по «летучим дротикам» на носу, я сейчас соблюдаю более или менее строгий режим. Но ты непременно должен отведать Дживсов сказочный бальзам. У тебя были переживания… волнения… беспокойства, а он приведет тебя в норму. Да, кстати, Дживс.

— Сэр?

— Вы не помните, какую душеполезную книгу я собирался вчера вечером почитать на сон грядущий, когда вернулся домой из клуба после разговора с мистером Чеддером?

— Разумеется, помню, сэр.

— Это была «Загадка красного рака», не правда ли?

— Совершенно верно, сэр.

— Кажется, я еще сказал, что мне не терпится поскорее к ней

вернуться?

— Насколько я помню, сэр, это ваши точные слова. Вы сказали, что считаете минуты, когда, наконец, ляжете в постель и раскроете названное сочинение.

— Благодарю вас, Дживс.

— Не стоит благодарности, сэр.

Он выплыл вон, а я широко раскинул перед Сыром руки, как бы говоря: «Voila».

— Слыхал? Если и теперь я не чист, как стеклышко, то уж и не знаю, как что. Но позволь, я налью тебе магического бальзама, испытаешь его уникальную живительную силу.

Что удивительно в Дживсовых эликсирах (многими уже отмечено), это что они пробуждают в человеке спящего тигра и они же действуют в обратную сторону: то есть, если тигр в человеке не спит, а, наоборот, бодрствует вовсю, они его умиротворяют. Врываешься в дом, как дикий лев, опрокидываешь стопку и уходишь ягненок ягненком. Необъяснимо. Но факт.

Так случилось и с Сыром Чеддером. Пока не выпил, он пыхтел, рычал и был в любую минуту готов к предательству, интригам, грабежам,[17] как где-то кто-то сказал, и тут же, прямо у меня на глазах, стал добрее и лучше. На середине первой рюмки он уже миролюбиво признал, что был ко мне несправедлив. Я, может быть, и величайший из ослов, когда-либо сумевший улизнуть от эмиссаров психбольницы, ищущих новые таланты, сказал он, но ясно, что вчера в «Пеструю устрицу» я Флоренс не водил. И мое счастье, что не водил, добавил он, а то, в противном случае, он бы сломал мне хребет на три части. Словом, вполне дружеский, сердечный разговор.

— Возвращаясь к началу нашего разговора, — сменил я тему после того, как мы с ним сошлись во мнении, что его дядя Джозеф глуп и слеп на оба глаза, надо бы ему обратиться к хорошему окулисту, — я заметил, что, говоря о Флоренс, ты назвал ее «моя невеста». Значит, с тех пор как мы виделись прошлый раз, над вами пролетел голубь мира? Можно считать вашу расторгнутую помолвку восстановленной?

Он кивнул.

— Да. Я пошел на ряд уступок по некоторым пунктам. — Он как бы невзначай коснулся пальцем своей верхней губы, и по лицу его пробежала тень муки. — Сегодня утром состоялось примирение.

— Отлично!

— Ты что, рад?

— Конечно.

— Хо!

— В каком смысле «Хо»?

Он пристально посмотрел на меня.

— Вустер, ладно тебе прикидываться. Ты же знаешь, ты сам в нее влюблен.

— Глупости.

— Глупости? Как бы не так. Меня не проведешь, и не надейся. Ты боготворишь ее, и я по-прежнему склонен думать, что эта твоя затея с усами имела на самом деле целью похитить ее у меня. Одно могу сказать: если я когда-нибудь увижу, что ты увиваешься вокруг Флоренс и пытаешься ее у меня сманить, я разломаю тебе хребет на четыре части.

— На три, ты говорил.

— Нет, на четыре. Впрочем, рад сообщить, что ближайшее время она будет для тебя вне пределов досягаемости. Сегодня она уезжает в Вустершир в гости к твоей тетке миссис Трэверс.

Поразительно, как одно неосторожное слово может посадить человека в глубокую калошу. Я чуть было не промолвил:

«Да, она мне говорила», что имело бы, понятно, катастрофические последствия. Но в последнюю минуту я все же сумел вместо этого пробормотать:

— Вот как? Она едет в Бринкли? И ты тоже?

— Я приеду следом через несколько дней.

— С нею ты, значит, не поедешь?

— Подумай сам. Неужели я соглашусь явиться на люди, пока эти чертовы усы, на которых она настаивает, не приняли мало-мальски пристойный вид? Буду сидеть в четырех стенах и дожидаться, чтобы эта мерзкая растительность немного разрослась. Пока, Вустер. Ты не забудешь, что я тебе говорил насчет твоего спинного хребта?

Я заверил его, что буду помнить, он допил свой эликсир и удалился.

8

Несколько следующих дней я был в пике своей формы, кипел энергией и очаровывал всех и каждого бодрыми улыбками и остроумными замечаниями. В этот благодатный период, если слово «благодатный» здесь подходит, я, можно сказать, ожил, как цветок после поливки.

С моих плеч свалился колоссальный груз. Только те, кто испытал на

себе, каково это, когда отдыхаешь в курительной комнате, а из воздуха то и дело упрямо материализуется Дж. д'Арси Чеддер, подкрадывается сзади и дышит тебе в затылок, — только изведовавшие эту муку способны до конца оценить облегчение, испытываемое от того, что можно спокойно развалиться в кресле и заказать порцию подкрепляющего, совершенно не опасаясь, что вот-вот опять появится этот выдающийся бич Божий. Я чувствовал себя приблизительно так же, как девочка Мэри, если бы, оглянувшись, не обнаружила у себя за спиной неизменного барашка.

Но тут, как раз когда я говорил себе: «Вот это жизнь!», — посыпались телеграммы.

Первая настигла меня дома после завтрака, когда я раскуривал первую утреннюю сигарету, и мне стало не по себе, словно передо мной лежит и тикает адская машина. Телеграммы в моей жизни слишком часто служили провозвестниками, или знамениями, или как там еще это называется, назревающей катастрофы, я не жду от них ничего хорошего и всегда готов к тому, что вот сейчас из конверта что-то выпрыгнет и цапнет меня за ногу. С телеграммы, например, если помните, начался трагический эпизод с сэром Уоткином Бассетом, Родериком Сподом и серебряным молочником в виде коровы, который я, посланный тетей Далией, выкрал в Тотли-Тауэрс из колекции сэра Уоткина.

Не приходится удивляться поэтому, что теперь я с подозрением разглядывал прибывшую телеграмму, спрашивая себя, не наступит ли сейчас опять очередное землетрясение?

Но как бы то ни было, телеграмма пришла и лежала передо мной, и, взвесив все «за» и «против», я пришел к выводу, что мне ничего другого не остается, как вскрыть ее.

Так я и сделал. Телеграмма оказалась отправлена из Бринкли-кум-Снодсфилд-ин-де-Марш и подписана «Трэверс», из чего с очевидностью следовало, что она — дело рук либо моей тети Далии, либо ее мужа Томаса П. Трэверса, пожилого симпатичного господина, за которого она со второй попытки вышла замуж несколько лет назад. А поскольку текст начинался со слов: «Берти, чудовище», — я сразу узнал руку тетушки. У них в семье так несдержанна в выражениях только женская половина, а дядя Том, как правило, называет меня «Мой мальчик».

Содержание телеграммы было следующее:

Берти, чудовище, требуется твое скорейшее прибытие. Брось все и приезжай сюда, с тем чтобы остаться подольше. Совершенно необходимо взбодрить субъекта с бачками. Целую. Трэверс.

Я до полудня ломал голову над этим посланием и, идя обедать в клуб «Трутни», отбил по дороге ответ, точнее — краткий запрос:

С бачками или бочками? Целую. Вустер.

По возвращении домой я нашел вторую телеграмму от нее:

С бачками, осел. У субъекта короткие, но четко выраженные бакенбарды. Целую. Трэверс.

Удивительная вещь — память. Как часто она оказывается не способна поразить желаемую цель! Где-то у меня в мозгу шевелилось смутное воспоминание, что где-то от кого-то я слышал о чьих коротких бакенбардах, но в какой связи, я ну никак не мог вспомнить. И тогда, следуя старому доброму правилу обращаться за информацией к первоисточнику, я вышел из дома и отправил такую телеграмму:

О каком субъекте с короткими бачками речь и почему его требуется взбадривать? Телеграфируйте все подробности, так как в настоящий момент недоумеваю, озадачен и не могу взять в толк. Целую. Вустер.

Тетя ответила со свойственным ей размахом и пылом, из-за которых многие в их кругу держатся за шляпы, когда она пускается во все тяжкие:

Слушай, ты, позорище. Ты что это, хочешь разорить меня на телеграммах? По-твоему, я сделана из денег? Какое тебе дело, кто таков этот субъект с бачками и почему его требуется взбадривать. Просто приезжай немедленно, как тебе сказано, да смотри не тяни с этим. И кстати, съезди в ювелирную мастерскую «Эспиналь» на Бонд-стрит и возьми у них мое жемчужное ожерелье. Усвоил? Бонд-стрит, «Эспиналь», жемчужное ожерелье. Жду тебя завтра. Целую. Трэверс.

Слегка ошарашенный, но не спустивший флага, я ответил следующим образом:

Вполне уразумел Эспинально-Бонд-стритовскую — жемчужно-ожерельную сторону, но вы упускаете из виду, что приехать в Бринкли мне в настоящий момент не так-то просто, как вы, похоже, воображаете. Имеются разные трудности и т. п. Сложные взаимозависимые

обстоятельства, если вы меня понимаете. Требуется глубокий анализ. Тщательно все взвешу и сообщу решение. Целую. Вустер.

Видите ли, Бринкли-Корт — мне, конечно, как дом родной и заслуживает пяти звездочек по путеводителю Бедеккера как местопроживание месье Анатоля, французского повара моей тети, так что в обычных условиях, получив от нее приглашение, я лечу туда со всех ног. Однако в данном случае я сразу сообразил, что для моего приезда в дом тети сейчас имеются серьезные препятствия. Не приходится объяснять, что я имею в виду тот факт, что там гостит Флоренс и в скором времени ожидается Сыр Чеддер.

Из-за этого-то я и колебался. Кто может ручаться, что последний, обнаружив в доме меня, не решит, что я приехал по следам первой, как юный Лохинвар, прибывший из западных стран?[18] А стоит такой мысли мелькнуть у него в мозгу, и к чему, спрашивается, это приведет? Его прощальные слова про мой позвоночник все еще кровоточили у меня в памяти. Я знал его как человека, зря словами не бросающегося, если он говорит, что разломает мне хребет на четыре части, можно быть уверенным, что ровно на четыре части он и будет переломан.

Я провел вечер в волнении и беспокойстве. Будучи не в настроении пировать в «Трутнях», я рано вернулся домой и только было взялся за свою «Загадку красного рака», как зазвонил телефон. Нервная система у меня была в таком расстройстве, что я подпрыгнул чуть не к потолку. Из последних сил доковыляв до телефона, я снял трубку.

Голос, долетевший до меня по проводам, принадлежал тете Далии.

Я сказал: «долетевший», но, вероятно, правильнее было бы употребить слово «прогудевший». Недаром в девичестве и в молодые замужние годы моя тетка при любой погоде вместе с товарищами из «Куорна» и «Пайчли»[19] скакала по лугам и оврагам, беспокоя британских лис, — с тех пор у нее остались кирпично-красный цвет лица и небывалая мощь голосовых связок. Сам я никогда за лисами не гонялся, но кто этим занимается, вынужден, как мне говорили, постоянно орать во всю глотку, перекрикивая встречный ветер на дальние расстояния, и это становится привычкой. Если у тети Далии есть недостаток, то это — манера, разговаривая в небольшой гостиной, кричать вам в лицо так, будто вы — старый закадычный друг, скачущий с собачьей сворой по дальнему краю поля. А в остальном это — добрая, веселая, крупная женщина, сложением напоминающая Мэй Уэст[20] и, любимая всеми, включая нижеподписавшегося. Наши с нею отношения всегда были

дружественными до мозга костей.

— Алло, алло, алло! — прогудела она на свой неискоренимый охотничий манер. — Это ты, Берти, голубок?

Я подтвердил.

— В таком случае, что это за разговоры про какие-то затруднения и обстоятельства, свинья ты Гадаринская?[21] Он, видите ли, должен взвесить! В жизни не слыхала такого вздора. Немедленно приезжай, а не то получишь с обратной почтой вечное проклятие родной тети. Если мне и дальше придется в одиночку управляться с этим чертовым Перси, я рухну под тяжестью такого бремени.

Она замолчала, чтобы перевести дух, и я изловчился ввернуть вопрос:

— Перси — это и есть субъект с бачками?

— Он, миляга. Распространяет по всему дому непроницаемый мрак. Живем, как в густом тумане. Том говорит, если в ближайшее время положение не будет исправлено, он примет меры.

— Отчего же он в таком мраке?

— Оттого что влюбился до безумия в Флоренс Крэй.

— А-а, тогда понятно. И огорчается из-за того, что она помолвлена с Чеддером?

— Ну да. Исстрадался весь. Бродит в тоске из угла в угол, вылитый Гамлет. Так что приезжай и расшевели его. Води его гулять, пляши перед ним, рассказывай анекдоты. Все что угодно, лишь бы вызвать улыбку на этой физиономии с бачками и в роговых очках.

Конечно, она была права. Ни одна хозяйка дома не потерпит Гамлета под своей крышей. Но как подобный субъект очутился в Бринкли и отравляет там атмосферу, — это было выше моего разумения. Моя старая родственница была очень разборчива в том, что касалось приглашения гостей. Не всякий член кабинета министров был к ней вхож. Я задал ей этот вопрос, и она ответила, что все объясняется просто.

— Я же рассказывала тебе, что веду деловые переговоры с Троттером. У меня здесь гостит вся семейка: отчим Перси Л.Дж. Троттер, мать Перси миссис Троттер и лично Перси. Я-то звала одного Троттера, но миссис Т. и Перси позвонили и напросились.

— Понятно. Так называемое пакетное соглашение. — Тут я в ужасе смолк. Память моя вдруг заработала, и я вспомнил, почему короткие бачки, о которых шла речь, показались мне знакомыми. — Троттер? — воскликнул я.

Тетя неодобрительно охнула.

— Не ори, пожалуйста. У меня чуть не лопнула барабанная перепонка.

— Но вы сказали, Троттер?

— Ну да, я сказала, Троттер.

— А этого Перси фамилия не Горринлж?

— Несомненно так. Он сам это признает.

— Тогда мне очень жаль, старушка, но я к вам приехать никак не смогу. Упомянутый Горринлж не далее как позавчера пытался стрельнуть у меня тысячу фунтов на постановку пьесы, которую он лично соорудил из книжки Флоренс. Я его просьбу беспощадно отклонил. Так что сами видите, получилась бы большая неловкость, встреться мы с ним во плоти. Я бы не знал, куда глаза девать.

— Если это все, что тебя смущает, выкинь из головы. Флоренс сказала, что он раздобыл эту тысячу еще где-то.

— Вот это да! У кого же?

— Она не знает. Он держит это в секрете. Сообщил просто, что деньги достал и можно ставить. Поэтому не бойся с ним встретиться. Да даже если он и считает тебя первым гадом на земном шаре, тебе-то что? Разве мы не все такого мнения?

— Н-да, в этом что-то есть.

— Значит, приедешь?

Я в сомнении прикусил губу, вспомнив про Чеддера по прозвищу Сыр.

— Ну, что ты молчишь, бессловесный? — строго спросила моя тетя. — Говори.

— Я думаю.

— Перестань думать и ответь толком. Если это поможет тебе принять положительное решение, замечу, что Анатоль сейчас в наилучшей форме.

Я вздрогнул. Раз дело обстоит так, безусловно, было бы безумием отказаться от места за пиршественным столом.

До сих пор я лишь мельком упоминал этого Анатоля, но сейчас воспользуюсь случаем и сообщу, что его продукцию надо самому отведать, чтобы в нее поверить, степень ее совершенства никакими словами не передашь. После того как приготовленный Анатолем обед растаял у тебя во рту, расстегиваешь жилет и, отдуваясь, откидываешься на спинку стула в полном убеждении, что сверх этого жизнь уже ничего больше не может тебе подарить. Но не успел опомниться, как наступает вечер и подают ужин, еще того неописуемее, и ты испытываешь блаженство, настолько близкое к райскому, насколько способен пожелать здравомыслящий человек.

Ввиду всего вышесказанного я счел, что, как бы ни выражался и как бы ни поступил Сыр Чеддер, обнаружив меня если и не совсем бок о бок с

его возлюбленной, то все же в непосредственной близости от нее, однако на риск разбудить в нем зверя придется пойти. Конечно, малоприятно быть разорванным на тысячу кусков рукой стопудового Отелло, который потом еще спляшет чечетку на твоих останках, но если в желудке у тебя при этом находится созданная Анатолем Timbale de ris de veau Toulousiane,[22] неприятные ощущения в значительной мере сгладятся.

— Еду, — сказал я.

— Умница. Ты освободишь меня от Перси, и тогда я смогу сосредоточиться на Троттере. А чтобы пробить до конца эту сделку, мне понадобится вся мыслимая сосредоточенность.

— Что за сделка? Вы мне так и не сказали. И что такое этот Троттер, если он вообще что-то собой представляет?

— Я познакомилась с ним у Агаты. Он ее приятель. Владеет чуть не всеми газетами в Ливерпуле, но хочет заполучить плацдарм в Лондоне. И я добиваюсь, чтобы он купил у меня «Будуар».

Я изумился. Вот уж чего никак не ожидал. Мне всегда казалось, что журнал «Будуар светской дамы» — ее любимое детище. И вдруг оказывается, она его продает. Меня это поразило — все равно как если бы Роджерс продавал Хаммерстайна.[23]

— Но как же так? Почему? Вы же его любили, как родного сына.

— И люблю. Но у меня нет больше сил то и дело ходить к Тому за денежными вливаниями. Всякий раз, как я обращаюсь к нему с просьбой об очередном чеке, он спрашивает: «А разве ваш журнал еще не окупается?» Я отвечаю: «Нет, дорогой, пока еще нет». А он на это: «Гм!» — и добавляет, что, мол, если так будет продолжаться, мы все к Рождеству перейдем на пособие как неимущие. Мое терпение лопнуло. Я — как те нищенки, которые с младенцами на руках умоляют на улице купить у них веточку вереска. И когда я встретила у Агаты Троттера, то решила: вот человек, которому я передоверю «Будуар», если только человеческим ухищрениям под силу это осуществить. Ты что-то сказал?

— Я сказал: «Ох, ах!» Хотел еще добавить, что очень жаль.

— Да, жаль. Но деваться некуда. С каждым днем добывать У Тома деньги становится все труднее. Он говорит, что любит меня всей душой, но всему есть предел. Ну, ладно, жду тебя завтра. Не забудь про ожерелье.

— Завтра с утра пошлю за ним Дживса.

— Хорошо.

Тетя Далия, кажется, хотела еще что-то сказать, но тут женский голос за кадром произнес: «Три минуты истекли», — и она сразу повесила

трубку, как женщина, которая испугалась, как бы с нее не содрали еще пару шиллингов, или сколько там полагается.

В комнату неслышно просочился Дживс.

— Э-э, Дживс, — сказал я. — Завтра мы едем в Бринкли.

— Очень хорошо, сэр.

— Тетя Далия зовет меня, чтобы я немного взбодрил нашего знакомца Перси Горринджа, который у них там завелся.

— Вот как, сэр? Тогда, может быть, вы позволите мне на той неделе съездить на один вечер в Лондон?

— Конечно, Дживс, конечно. Собираетесь поразвлечься?

— В клубе «Подручный Ганимед» состоится ежемесячный банкет, сэр. Меня попросили занять кресло председателя.

— Занимайте, разумеется. Вы более чем достойны этой чести.

— Благодарю вас, сэр. К исходу дня я вернусь.

— Вы выступите с речью, я полагаю?

— Да, сэр. Без речи председателя какой же банкет?

— Не сомневаюсь, что они у вас все будут кататься от смеха. Да, чуть не забыл. Тетя Далия просила меня привезти ее ожерелье. Оно в мастерской «Эспиналь» на Бонд-стрит. Не могли бы вы утром за ним зайти?

— Разумеется, сэр.

— И вот еще что, я чуть было не упустил вам рассказать. Ту тысячу фунтов Перси все же раздобыл.

— Неужели, сэр?

— Нашел себе благотворителя. Интересно, кто этот простофиля?

— Да, сэр.

— Глупец какой-нибудь.

— Несомненно, сэр.

— Тем не менее — вот. Только подтверждает слова покойного Барнума,[24] что простофили родятся каждую минуту.

— Вот именно. Это все, сэр?

— Да, это все. Доброй ночи, Дживс.

— Доброй ночи, сэр. Утром я упакую вещи.

9

К вечеру следующего дня, после приятной поездки по живописной сельской местности, я завернул в ворота Бринкли-Корта и, выйдя из своего

двухместного «бентли», пошел уведомить хозяйку о нашем прибытии. Я нашел тетю Далию в кабинете, или «логове», где она проводила досуг за чашкой чая и романом Агаты Кристи. Когда я предстал перед нею, она бросила на мои усы мимолетный взгляд, правда, вздрогнула, как нимфа, которую застали за купанием, и пробормотала: «И это — лицо, которое останавливало тысячу башенных часов?»,[25] — а так никаких замечаний не отпустила. Возможно, сберегала на будущее.

— Привет, рептилия, — сказала она. — Так ты, стало быть, приехал?

— Приехал, — подтвердил я, — волосы в косице, и застегнутый на все пуговицы. Рад вас приветствовать, престарелая родственница.

— И я тебя, безмозглая твоя голова. Ожерелье мое ты, конечно, забыл привезти?

— Совсем даже нет. Вот оно. То самое, что дядя Том подарил вам на Рождество, верно?

— Верно. Ему нравится, когда я надеваю его к обеду.

— Кому же не понравится, — галантно отозвался я. Вручив драгоценность, я закусил тостом с тетиного стола. — Ну-с, приятно снова очутиться под старым родным кровом. За мной — моя прежняя комната, надеюсь? А как вообще дела в Бринкли-Корте и окрестностях? Как поживает Анатоль?

— Прекрасно, как всегда.

— У вас шаловливое выражение лица.

— Я чувствую себя неплохо.

— А дядя Том?

По ее цветущему лицу пробежала тень.

— Том все еще не в духе, бедняжка.

— Из-за Перси?

— Ну да.

— Значит, мрак Горринджа по-прежнему не развеялся?

— Куда там. После приезда Флоренс стало только хуже. Том кривится всякий раз, как его видит, особенно за столом. Говорит, что когда у него на глазах Перси отодвигает, не отведав, блюда, созданные рукою Анатоля, у него кровь приливает к голове и от этого начинается несварение. Ты ведь знаешь, какой у него чувствительный желудок. Я похлопал тетушку по руке.

— Бодритесь, — сказал я ей. — Я этого Перси развеселю. Фредди Уиджен показал мне на днях фокус с двумя пробками и веревочкой, который не может не вызвать улыбку на самой страдальческой физиономии. У нас в «Трутнях» все хохотали до колик в животе. Две

пробки, надеюсь, у вас найдутся?

— Хоть двадцать, если понадобится.

— Отлично. — Я взял пирожное под розовой глазурью. — Так что с Перси мы разобрались. А как остальной персонал? Кто-нибудь еще тут гостит, кроме Троттеров и Флоренс?

— Пока нет. Том обмолвился, что завтра должен заехать к ужину некто лорд Сидкап по пути на воды в Дройтвич. Не знаешь такого?

— Понятия не имею. Закрытая книга для меня.

— Это один из лондонских знакомцев Тома. Будто бы большой знаток по части старинного серебра, Том хочет показать ему свою коллекцию.

Я кивнул. Дядя Том, как известно, — страстный коллекционер старинного серебра. Оба его жилища — и Бринкли-Корт, и городской дом на Чарльз-стрит — набиты разными штуковинами, рядом с которыми лично я даже лежать мертвым в канаве ни за что бы не согласился.

— Крупный специалист, значит, лорд Сидкап?

— В этом духе.

— Ну, что ж, люди всякие нужны.

— Завтра к нам еще примкнет жених, мистер Чеддер, а послезавтра — Дафна Долорес Морхед.

— Знаю. Флоренс мне про нее рассказывала. Вы, кажется, закупили у нее роман с продолжениями?

— Да. Я решила, что будет разумно посолить шахту. Этого я не понял. Что за привычка изъясняться загадками?

— Что значит, посолить шахту? Какую еще шахту? Про шахту я первый раз слышу.

Наверное, не будь у нее рот забит тостом, она бы поцокала языком, поскольку, сглотнув второпях и расчистив таким образом путь, она ответила с раздражением на мою непонятливость:

— Ты действительно непроходимый осел, юный Берти. Неужели ты никогда не слышал, как солят шахты? Это общепринятая мера предосторожности в бизнесе. Если у тебя есть пустая шахта и ты хочешь продать ее какому-нибудь зеленому дурачку, надо насыпать в нее унцию или две золотого песка и пригласить дурачка самому ознакомиться с месторождением. Он приезжает, видит золото, убеждается, что шахта — предел мечтаний, и достает чековую книжку. Я действую по такому же принципу.

Но я по-прежнему недоумевал и честно сказал ей об этом. Тут она все-таки поцокала языком.

— Так и не понял, тупица? Я купила роман с продолжениями, чтобы

представить Троттеру журнал в выгодном свете. Он увидит анонс, что в «Будуаре» печатается роман Дафны Морхед, и скажет себе: «Ого! Дафна Долорес Морхед и тому подобное! Да это шикарное издание!»

— Но разве эти люди не захотят ознакомиться с документацией, с цифрами там всякими, прежде чем раскошеливаться?

— Не захотят, если их перед этим целую неделю, а то и дольше кормить стряпней Анатоля. Потому я их сюда и пригласила.

Вот теперь я все понял, и ход ее мыслей показался мне вполне здравым. Действительно, в обедах и ужинах Анатоля есть что-то влияющее на психику, размягчающее и туманящее рассудок. Напитавшийся ими Троттер, конечно, уже ходит в розовом тумане и только мечтает, как бойскаут, делать направо и налево добрые дела. Еще день-два такой обработки, и он еще, пожалуй, станет умолять тетю Далию, чтобы она приняла от него в порядке личного одолжения сумму, вдвое выше запрашиваемой.

— Тонко задумано, — похвалил я ее. — Да, по-моему, вы на правильном пути. Анатоль уже подавал вам свои Rognons aux montagnes? [26]

— Да, и Selle d'agneau aux laitues a la Grecque тоже.[27]

— Ну, тогда, я считаю, дело сделано. Осталось только отпраздновать. Одно меня смущает: Флоренс сказала, что мадам Морхед — одна из наших самых дорогостоящих работниц пера, и надо забросать ее кошельками с золотом, прежде чем она согласится поставить свою подпись над пунктирной линией. Это верно?

— Совершенно.

— Но тогда, черт подери, — по обыкновению поставил я вопрос ребром, — как вам удалось добыть на это у дяди Тома драгоценный металл? Он что, не платил в этом году подоходный налог?

— Как бы не так. Я думаю, даже в Лондоне были слышны его стенания по этому поводу. Бедняжка, как он страдает, когда приходится платить!

Это правда. Дядя Том, хоть денег у него куры не клюют, пока не отошел от дел, был одним из князей рынка, которые везут с Востока золото мешками, тем не менее испытывает глубокое отвращение к тому, чтобы псы из Налогового управления совали лапу к нему в карман и выгребали свою долю. Расставаясь со своими кровными, он потом неделями отсиживается где-то в углу, обхватив голову руками и бормоча про разорение и бедственные плоды социалистического законодательства: что с нами со всеми будет, если и дальше так пойдет?

— Да, он мучается, как душа грешника в аду, — подтвердил я. — И однако же, несмотря на это, вы обобрали его на изрядную сумму. Как вам это удалось? Из того, что вы вчера говорили мне по телефону, у меня сложилось впечатление, что он сейчас менее всего склонен к тратам. Мне представилось, что человек прижал уши и ничего слышать не желает, как Валаамова ослица.

— Ну, ты-то что знаешь про Валаамову ослицу?

— Я? Да я знаю Валаамову ослицу, как свои пять пальцев. Вы забыли, что я, еще учась у преподобного Обри Апджона в начальной школе, один раз получил приз за лучшее знание Библии?

— Списал, конечно.

— Ничего подобного. Совершенно честно. Но вернемся назад. Как вы исхитрились уговорить дядю Тома раскошелиться? У вас на это, я думаю, ушло целое ведро, дамских уловок?

Мне бы не хотелось неуважительно говорить про любимую тетушку, утверждая, будто она хихикнула в ответ, но то, что я от нее услышал, сильно смахивало на хихиканье, тут двух мнений быть не может.

— Да вот, исхитрилась.

— Но как?

— А ты чего суешь нос, куда тебя не просят? Исхитрилась, и все.

— Понял, — кивнул я и оставил эту тему. Мне показалось, что тетя Далия не хочет разглашать информацию. — А как продвигаются переговоры с Троттером?

Но и тут я, по-видимому, коснулся обнаженного нерва. Тетя перестала хихикать, и лицо ее, обычно, как я уже говорил, покрытое здоровым румянцем, положительно побагровело.

— Лопни его потроха! — произнесла она с таким напором, от которого в прежние годы ее соратники по «Куорну» и «Пайчли» подскакивали в седлах, — Не знаю, что с ним такое, с чертовым сыном. Уже умял девять обедов и восемь ужинов, созданных Анатолем, но от разговора по существу уклоняется. Не говорит ни «да», ни «нет».

— Есть такая песня: «Ни да, ни нет она мне не ответила», я часто пою ее в ванне. Мотив такой…

Я затянул было песню высоким, приятным баритоном, но вынужден был умолкнуть, получив от тети Далии Агатой Кристи по голове. Старая родственница целила от бедра, как герой ковбойского фильма.

— Не испытывай уж слишком мое терпение, миленький Берти, — ласково сказала она и погрузилась в задумчивость.

— А знаешь, в чем, по-моему, тут корень зла, — проговорила она,

когда очнулась. — В мамаше Троттер. Это от нее исходит идея несотрудничества. Почему-то она не желает, чтобы сделка между нами состоялась, и не велит ему вести переговоры. Это — единственное объяснение, которое приходит в голову. Тогда у Агаты он разговаривал так, как будто дело стало только за тем, чтобы договориться об условиях. А теперь юлит и увиливает, словно сверху наложили запрет. Когда ты угощал их ужином, как тебе показалось? Он у нее под каблуком?

— Еще как под каблуком! Плакал от восторга, если она ему улыбалась, и дрожал от страха, стоило ей нахмурить брови. Но почему она может быть против покупки «Будуара»?

— Не спрашивай. Совершеннейшая загадка.

— Вы не могли ее тут чем-нибудь разозлить?

— Нет, конечно. Я все время — сама любезность.

— И однако же — вот.

— Именно что вот, гори все огнем.

Я глубоко вздохнул, выражая сочувствие. У меня нежное сердце, оно болезненно сжимается при виде чужого горя, и теперь от горя доброй старушенции из-за преследующей ее неудачи оно так сжалось, словно на него высыпали груду кирпичей.

— Грустно, — пробормотал я. — А казалось, улыбается надежда на лучшее.

— Да, так казалось, — подтвердила тетя Далия. — Я была убеждена, что знаменитая Морхед и ее роман с продолжениями сделают свое дело.

— Может быть, конечно, он просто обдумывает.

— Может быть.

— Пока человек обдумывает, он, естественно, не говорит ни «да», ни «нет».

— И увиливает?

— Может и увиливать. А что же еще ему остается?

Мы бы еще долго так рассуждали, подвергая увиливание Троттера все более глубокому анализу, но в это-время открылась дверь, и в комнату заглянуло озабоченное лицо, обезображенное по сторонам короткими бачками, а в центре — очками в черепаховой оправе.

— Послушайте, — сказало лицо, страдальчески искривившись, — вы не видели Флоренс?

Тетя Далия ответила, что с обеда не имела такого удовольствия.

— Я думал, может быть, она с вами.

— Нет, она не со мной.

— А-а, — произнесло лицо, демонстрируя целую гамму чувств, и

попятилось.

— Эй! — успела окликнуть его тетя Далия, когда оно уже почти совсем скрылось. Она встала, подошла к столу и взяла с него коричневый конверт. — Для нее только что пришла вот эта телеграмма. Отдайте, когда увидите ее. И раз уж вы здесь, познакомьтесь, это мой племянник Берти Вустер, краса и гордость Пиккадилли.

Я, конечно, не ожидал, что, узнав, кто я, он пустится танцевать по комнате на пуантах. Он и не пустился. Он задержал на мне укоризненный взгляд, более или менее такой же, каким таракан смотрит на кухарку, которая посыпает его порошком от насекомых.

— У меня была переписка с мистером Вустером, — холодно произнес он. — Мы также говорили с ним по телефону.

И удалился, до последнего мгновения не спустив с меня укоризненного взгляда. Можно было убедиться, что Горринджи не из забывчивых.

— Это был Перси, — пояснила тетя Далия. Я ответил, что догадался.

— Ты заметил, какое у него было выражение лица, когда он произнес имя Флоренс? Ну, просто умирающий гусь под дождем.

— А вы заметили, — со своей стороны, осведомился я, — какое у него было выражение лица, когда вы произнесли имя Берти Вустер? Ну, просто человек нашел дохлую мышь в кружке с пивом. Не особенно любезный господин. Не в моем вкусе.

— Еще бы. По-моему, на такого типа даже родная мать не могла бы смотреть без отвращения. А вот у мамаши Троттер, представь себе, он любимчик. Она в нем души не чает. Обожает его так же страстно, как ненавидит миссис Бленкинсоп, жену советника Бленкинсопа. Во время вашего совместного ужина она упоминала миссис Бленкинсоп?

— Несколько раз. А кто это?

— Ее соперница в борьбе за место королевы ливерпульского света.

— Неужели и в Ливерпуле борются за первенство в свете?

— Еще как. Троттер и Бленкинсоп идут, я слышала, ноздря в ноздрю. То одна вырывается на полноса вперед, то другая. Борьба не на жизнь, а на смерть, как раньше в Нью-Йорке боролись за превосходство четыреста богатейших семейств. Но зачем я тебе это рассказываю? Твое место сейчас в саду на закате, поймай Перси и взбодри его неприличными анекдотами. У тебя, надеюсь, имеются в запасе неприличные анекдоты?

— Да, пожалуй.

— Тогда двигай вперед. «Так ринемся в пролом еще раз, / Завалим стену мертвыми телами!»[28] Улю-лю! Йойкс! Гони, гони! — заключила

тетушка, вернувшись к охотничьему жаргону своей молодости.

Ну, что ж. Когда тетя Далия приказывает двигать вперед, то встаешь и двигаешь, это, кто понимает, в ваших же интересах. Но из дома навстречу закату я вышел в довольно безрадостном настроении. Перси Горриндж произвел на меня впечатление человека, растормошить которого будет нелегко. В нем угадывалась такая же суровость и неумолимость, какую я заметил в Чеддеровом дяде Джозефе во время нашего краткого общения в полицейском суде на Винтон-стрит.

Так что я был, скорее, даже доволен, когда оказалось, что в саду на закате никакого Перси на наблюдается. Я не стал за ним гоняться, а просто принялся прохаживаться взад-вперед, вдыхая свежий воздух. Но успел вдохнуть его совсем немного, когда он вдруг появился из-за рододендрона и мы столкнулись чуть ли не нос к носу.

10

Если бы не бачки, я бы его, наверное, не узнал. Не прошло еще и десяти минут после того, как он просунул голову в дверь к тете Далии, но за этот краткий промежуток времени он совершенно переменился. Передо мной стоял не унылый гусь под дождем, как определила его тетя, а веселый, бойкий малый. Он высоко держал голову, жизнерадостно улыбался, и вообще чувствовалось, что этот человек с минуты на минуту пустится отбивать чечетку. Можно было подумать, что он насмотрелся на смешной фокус Фредди Уиджена с двумя пробками и веревочкой.

— Привет, привет, Вустер, — бодро воскликнул он, словно страсть как обрадовался встрече с Бертрамом. — Гуляете?

Я ответил, что да, гуляю, и он расплылся в улыбке, будто ничего умнее и замечательнее я не мог придумать. «Умница этот Вустер, — как бы говорил он. — Ходит гулять».

Затем последовала пауза, во время которой он глядел на меня с любовью и слегка переминался с ноги на ногу, шаркая подошвами и как бы пританцовывая. Потом он сказал, что вечер — чудесный, и я, со своей стороны, это подтвердил.

— А какой закат! — указал он на небо.

— Смачный, — кивнул я, и действительно, полнеба полыхало, как в цветном кинофильме.

— Глядя на него, — сказал он, — я вспомнил стихотворение, которое на днях набросал для «Парнаса». Небольшая такая вещица. Не хотите

послушать?

— Да, пожалуй.

— Называется «Калибан на закате».

— Что на закате?

— Не что, а кто. Калибан.

Он откашлялся и начал декламировать:

Я стоял на закате рядом с одним человеком
И смотрел, как заходит солнце.
Воздух полнился лепетом летних ароматов,
Бодрый ветерок пел, как вечерний горн,
Звучащий с неба, пламенеющего на западе,
Алого, сиреневого и золотого
И синего, как очи Елены,
Когда она сидела в Илионе,
Взирая с высоты на греческие шатры,
Темнеющие внизу.
А он, этот человек, стоявший рядом,
Глазел на такую несказанную красоту,
Как тупое, бессмысленное животное.
Он сказал:
«Вам не кажется, что этот закат
Напоминает
Кусок
Кровавого бифштекса?»

Перси дочитал стихотворение и открыл глаза — он декламировал с закрытыми глазами, для пущей проникновенности, — и заключил:

— Интонация, разумеется, горькая.

— О да, ужасно горькая.

— У меня было горько на душе, когда я писал это. Вы, кажется, знакомы с типом по фамилии Чеддер? Это я его имел в виду. Конечно, в действительности мы с ним никогда не стояли рядом, глядя на закат, но, понимаете ли, я чувствовал, что, доведись ему любоваться закатом, он произнес бы именно эти слова. Я прав?

— Полностью.

— Бездушный чурбан, не правда ли?

— Бездушный до мозга костей.

— Не способный к тонким переживаниям.

— Совершенно не способный.

— Правильно было бы назвать его тыквоголовым болваном?

— В самую точку.

— Да, — сказал Перси. — Хорошо, что она, наконец, от этого избавилась.

— Кто — она?

— Флоренс.

— О, а! Избавилась от чего?

Он внимательно посмотрел на меня, глубоко дыша, как овсяная каша в кастрюльке, перед тем как закипеть. Я человек наблюдательный и умею делать выводы из того, что наблюдаю, и я понял, что в его жизни недавно произошло некое событие, от которого он взошел, как на дрожжах, и теперь должен либо с минуты на минуту лопнуть от избытка эмоций, либо излить их на первого встречного. Несомненно, он бы предпочел, чтобы этот первый встречный оказался не в вустеровском духе, но, наверное, он говорит себе: разборчивость тут неуместна, приходится довольствоваться тем, что есть.

И он остановился на втором варианте.

— Вустер, — произнес Перси и положил руку мне на плечо, — можно я задам вам один вопрос? Ваша тетя говорила вам, что я люблю Флоренс Крэй?

— Д-да, помнится, упомянула как-то.

— Я так и думал. Она — дама не из молчаливых, хотя и обладает рядом прекрасных качеств. Я вынужден был с ней поделиться вскоре после приезда сюда, так как она поинтересовалась, почему, черт возьми, я брожу в унынии, как дохлая курица?

— Или как Гамлет?

— Как Гамлет или как дохлая курица, все равно. Я признался, что это из-за любви к Флоренс, к которой я питаю пламенную страсть, а недавно узнал о ее помолвке с этим остолопом Чеддером. Для меня, я ей объяснил, это было словно удар обухом по голове.

— Как сэру Юстасу Уиллоуби.

— Как вы сказали?

— Это из «Тайны красного рака». Его однажды вечером в собственной библиотеке шмякнули по макушке тяжелым предметом, и если хотите знать мое мнение, это сделал дворецкий. Но я вас перебил.

— Да, вы меня перебили.

— Простите. Вы говорили, что для вас это было словно удар обухом

по голове.

— Совершенно верно. Я прямо закачался.

— Сильное, видно, было потрясение.

— Чрезвычайно сильное. Но теперь… Помните, ваша тетя вручила мне телеграмму для передачи Флоренс?

— Да, конечно.

— Она была от Чеддера о расторжении помолвки.

Я, разумеется, не наблюдал за тем, как Перси качался, испытав потрясение, но в любом случае не так сильно, как я при этих его словах. Закат у меня перед глазами заходил ходуном, а пташка, добывавшая червячка себе к ужину, на мгновение обернулась двумя пташками, и обе мелко дрожали.

— Ч… что? — прохрипел я, едва устояв на ногах.

— Да-да.

— Он расторг помолвку?

— Именно.

— Господи! Но почему? Перси покачал головой.

— Этого не могу вам сказать. Я только знаю, что нашел Флоренс на конюшенном дворе, она чесала за ухом кота. Я подошел и говорю: «Вот телеграмма вам». А она на это: «Да? Должно быть, от д'Арси». При звуке этого имени я содрогнулся, и пока я содрогался, она вскрыла конверт. Телеграмма была длинная, но Флоренс прочитала лишь начальные строки и вскрикнула. Я спросил: «Что, дурные вести?» А она сверкнула глазами, приняла гордый, холодный вид и ответила: «Вовсе нет. Вести замечательные. Д'Арси Чеддер расторгает помолвку».

— Ну и ну!

— Еще бы не ну.

— А больше она вам ничего не сказала?

— Нет. Только произнесла несколько убийственных слов про Чеддера, с которыми я полностью согласен, и удалилась в направлении огорода. Я же пошел прочь, как вы можете себе представить, вне себя от радости. Я противник современной манеры пользоваться жаргонными выражениями, но признаюсь без стыда, что шел и бормотал про себя: «Шик-блеск-красота!» Простите меня, Вустер, я должен вас оставить. Не стоится на месте.

С этими словами Перси двинулся прочь, гарцуя, как молодой мустанг, а меня оставил одного разбираться с вновь создавшимся положением.

Меня охватили мрачные предчувствия. А если вы спросите: «Но почему же, Вустер? Все же в полном порядке. Правда, свадьба упомянутой

девицы с Сыром Чеддером отменяется, но тебе-то что? Ведь тут же под рукой имеется Перси Горриндж, который всегда с радостью готов взвалить на свои плечи бремя белого человека». Но я вам отвечу: «А вы видели когда-нибудь Перси Горринджа?» То есть я не представляю себе, чтобы Флоренс, даже с досады, согласилась принять ухаживания субъекта, который по своей доброй воле отпустил баки и сочиняет стихи про закаты. Гораздо вероятнее, думалось мне, что оставшись с незаполненной бальной картой на руках, она пойдет по испытанному и верному пути, иначе говоря, обратится к злосчастному Бертраму. Так она уже поступила однажды, а такие вещи легко приобретают силу привычки.

Я недоумевал: что могло побудить Сыра к такому непостоянству? Нет, что-то тут не так. При нашей последней встрече, если помните, у него были налицо все признаки человека, опутанного шелковыми узами любви. Это однозначно и неоспоримо подтверждалось каждым его произнесенным на прощание словом. Ведь не станешь же, черт возьми, грозить тому, кто вздумает увиваться за твоим обожаемым предметом, что переломаешь ему хребет на четыре части, если ты не питаешь к этому предмету никаких серьезных чувств, верно?

Что же, в таком случае, могло пригасить светоч его любви, и так далее?

Может быть, это он из-за усов? Увидал себя в зеркале на третьи сутки, третьи сутки — самый опасный срок, и понял, что никакие радости супружества этого не искупят. Поставленный перед выбором между любимой девушкой и выбритой верхней губой, он не выдержал, сломался, и отдал предпочтение губе?

Желая получить информацию из первых рук, я поспешил в огород, где, если верить Перси Горринджу, должна была находиться Флоренс, — ходит, наверное, сейчас взад-вперед, понурив голову.

И действительно, она находилась там, и голову понурила, только не прохаживаясь взад-вперед, а наклонясь над крыжовенным кустом и жадно поедая крыжовник. При виде меня она выпрямилась, и я сразу, без предисловий, задал вопрос по существу:

— Что такое я слышу от Горринджа?

Она со страстью проглотила крыжовину, что свидетельствовало о душевном волнении, и я убедился, что, как я и ожидал на основании слов Перси, она вне себя от бешенства. Видно было, что она отдала бы все ежегодные деньги, которые получает на булавки, только бы съездить д'Арси Чеддеру зонтиком по голове.

Я продолжал:

— Он говорит, что в вашей лютне образовалась трещина?

— Простите, не поняла?

— Трещина между вами и Сыром. По словам Перси, гармония нарушена, и будто бы Сыр расторг помолвку.

— Совершенно верно. Разумеется, я очень рада.

— Вы рады? Вы довольны случившимся?

— Конечно. Какая девушка не обрадуется, избавившись от жениха, у которого лицо свекольного цвета и голову словно накачали велосипедным насосом?

Я прижал ладони ко лбу. Как человек довольно проницательный, я определил на слух, что такой разговор — не язык любви. Право же, ведь если бы вы услышали, как Джульетта отзывается в подобном духе о Ромео, вы бы наверняка удивленно вздернули брови и заподозрили нелады в их отношениях.

— Но когда я с ним виделся последний раз, все вроде бы было в порядке. Я бы поклялся, что он, хоть и нехотя, но смирился с отращиванием усов.

Флоренс опять нагнулась и сорвала крыжовину.

— Усы ни при чем, — сказала она, поднявшись из-за куста. — Все дело в том, что д'Арси Чеддер — ничтожный, низкий, ползучий, пресмыкающийся, жалкий и презренный червь, — на одном дыхании отбарабанила она сквозь сжатые зубы. — Знаете, что он сделал?

— Нет, конечно.

Она опять нырнула за крыжовиной, подкрепилась, и когда снова показалась на поверхности, у нее из обеих ноздрей вырывались языки пламени.

— Прокрался вчера в тот ночной клуб и навел справки.

— Бог ты мой!

— Да. Кто бы поверил, что человек может так низко пасть? Он подкупил служащих, ему дали посмотреть записи метрдотеля, и оказалось, что один столик был заказан на ваше имя. Этим подтвердились его самые подлые подозрения. Он узнал, что я была там с вами. Вероятно, — заключила Флоренс, снова обращаясь к крыжовенному кусту и снимая остатки урожая, — такое подлое, ищейское направление ума приобретает всякий, кто служит в полиции.

Не будет преувеличением сказать, что я ужаснулся. И более того, даже изумился. Вот уж никак не думал, что толстощекому остолопу Сыру по зубам такая тонкая детективная работа. Конечно, я всегда уважал в нем физическую силу, но считал, что способность одним ударом повалить быка

— в этом он весь. Мне и в голову не приходило заподозрить в нем аналитический ум, достойный самого Эркюля Пуаро. Это показывает, как заблуждаются те, кто недооценивает человека только за то, что он не знает в жизни другой заботы, как только совать в воду и выдергивать из воды весло, хотя и кажется, что глупее занятия и придумать невозможно.

И правильно заметила Флоренс, что это неожиданное змеиное коварство у Сыра — результат того, что он, пусть недолго, но служил в полиции. Так и представляешь себе, как, выдавая новичку на руки полицейский мундир и форменные башмаки, начальствующие лица каждого отводят в сторону и учат его некоторым приемам, необходимым в избранной профессии. Сыр Чеддер, похоже, все хорошо усвоил и, возможно, даже научился обмерять пятна крови и собирать сигарный пепел.

Впрочем, все эти соображения лишь мельком пронеслись у меня в голове. А в основном меня занимали мысли поважнее, замыслы с размахом, как, по словам Дживса, выражался Гамлет. Я имею в виду, в какое положение попал теперь Б. Вустер, раз Сыру все известно. Флоренс, напитавшись крыжовником, пошла было прочь, но я ее задержал.

— А что в телеграмме? — спросил я.

— Не желаю об этом говорить.

— Зато я желаю. Обо мне там что-нибудь есть?

— А как же. Много.

Я сглотнул раз-другой и провел пальцем за воротником вокруг шеи. Я так и думал.

— Он упоминает о своих намерениях относительно меня?

— Да. Он пишет, что разломает вам хребет на пять частей.

— На *пять?*

— По-моему, на пять. Не позволяйте ему! — горячо сказала Флоренс, и было приятно убедиться, что она — против. — Что еще за глупости, спины ломать? В жизни не слышала ничего подобного. Постыдился бы.

И зашагала к дому походкой оскорбленной королевы, которая встала утром не с той ноги.

Между тем пейзаж тускнел на глазах, как говорит Дживс. Близился час предобеденного гонга. Я прекрасно сознавал, чем чревато опоздание к обеду, сотворенному Анатолем, но у меня не хватало решимости пойти и облачиться в смокинг. Я был так поглощен мыслями, что на меня нашел как бы столбняк. Крылатые насельники ночи подлетали ко мне, вились, приглядывались и улетали прочь, а я стоял неподвижно и размышлял, как быть. Когда тебя преследует такой бандит, как д'Арси Чеддер, необходимо

употребить все мысли, какие имеются у тебя в наличии.

Внезапно, среди обступившего меня непроглядного мрака, блеснул светлый луч и растекся, пламенея, по всему горизонту. Я понял, что в общем и целом позиция моя вовсе

не плоха.

Понимаете, я только теперь сообразил: ведь Сыр не знает, что я в Бринкли. Он думает, что я обретаюсь в столице, и именно там раскинет свой невод. Примется звонить по телефону мне домой, поднимет звон, подождет-подождет и, не получив ответа, отступится в недоумении. Устроит засаду в «Трутнях», рассчитав, что уж туда-то я загляну, но убедившись, что не заглядываю, оттуда тоже уберется в недоумении. «Его все нет», — скажет он себе, конечно, скрежеща зубами, но так ничего и не добьется.

А в Бринкли ему теперь, после разрыва, ход заказан. Кто же это ездит гостем в дом, где находится барышня, с которой расторг помолвку? Так не делают, верно? Поэтому сюда он не явится. Если есть на земле место, где на сегодняшний день уж точно нет опасности столкнуться с какими-либо Чеддерами, то это — Бринкли-Корт.

Я облегченно вздохнул, взял ноги в руки и с песней на устах поспешил в свою комнату. Дживс был на посту, не то чтобы уж прямо с хронометром в руке, но неодобрительно покачивая головой в ожидании задержавшегося молодого хозяина. У него даже дрогнула левая бровь, когда я, наконец, появился.

— Знаю, знаю, что я опаздываю, — сказал я, начиная разоблачаться. — Я гулял.

Мое объяснение Дживс принял снисходительно.

— Вполне понимаю, сэр. Вечер такой погожий, я предположил, что вы, вернее всего, прогуливаетесь в парке. Я так и сказал мистеру Чеддеру, что в этом состоит причина вашего отсутствия.

11

Уже наполовину просунувшись в рубашку, я окаменел, как те парни в старых сказках, которые неуважительно разговаривали с волшебниками, и в наказание их заколдовывали. Уши у меня навострились, точно у жесткошерстного терьера, но я все равно не мог поверить тому, что они услышали.

— Мистеру Че…Че… Как вы сказали, Дживс?

— Сэр?

— Я не понял. Вы хотите сказать, что… вы сообщаете мне, что Сыр Чеддер находится в этом доме?

— Да, сэр. Он недавно приехал на автомобиле и ждал вас здесь. Он выразил желание увидеться с вами и досадовал на ваше затянувшееся отсутствие. Удалился он, только когда наступило время ужина. Из его слов я понял, что он надеется встретиться с вами по окончании ужина.

Я тупо пролез в рубашку и перешел к завязыванию галстука. У меня дрожали руки-ноги — отчасти от страха, но еще больше от справедливого негодования. Без. преувеличения скажу, что это, на мой взгляд, было уж совсем безобразие. Я знаю д'Арси Чеддера как человека грубой душевной организации, который, как говорил Перси Горриндж, смотрит на закат и видит в нем сходство с кровавым бифштексом, что верно, то верно; но даже и от человека с грубой душевной организацией мы вправе ожидать какой-то деликатности, чуткости и тому подобного. А если ты одной рукой расторгаешь помолвку с Флоренс, а другой рукой нахально навязываешь ей свое общество, это представляется мне, как и всякому порядочному человеку на моем бы месте, ну просто, можно сказать, уж совсем за гранью.

— Это чудовищно, Дживс! — воскликнул я. — Неужели в его тыквенной голове нет никакого понятия о пристойности? Неужели ему не свойственны ни такт, ни чуткость? Вы знаете, что сегодня под вечер он телеграфной депешей, наверняка в самом недопустимом тоне, сообщил, что прерывает отношения с леди Флоренс?

— Об этом я не был уведомлен, сэр. Мистер Чеддер со мной не поделился.

— Наверное, заехал на почту по пути сюда, накатал телеграмму и отправил, она пришла незадолго до того, как прибыл он сам. Подумать только, отправить такое сообщение телеграфом! То-то служащие на почте, должно быть, посмеялись. И после этого еще набраться нахальства и явиться сюда. Это, Дживс, уже не лезет ни в какие ворота. Я не хочу быть резким, но единственное слово, каким можно определить д'Арси Чеддера, это — «мужлан»! Что вы на меня так уставились? — поинтересовался я, заметив, что Дживс разглядывает меня довольно многозначительно.

Он ответил тихо и неумолимо:

— Ваш галстук, сэр. Боюсь, он не выдерживает критики.

— Разве сейчас подходящий момент обсуждать галстуки?

— Да, сэр. Галстук должен иметь правильную форму бабочки, но вы этого не достигли. С вашего позволения, я поправлю.

И поправил. Получилось, надо признать, безукоризненно, однако я не успокоился.

— Вы понимаете, что моя жизнь под угрозой?

— Вот как, сэр?

— Уверяю вас. Этот огрызок колбасы… я имею в виду Дж. д'Арси Чеддера… недвусмысленно высказал намерение разломать мне хребет на пять частей.

— Неужели, сэр? Почему же?

Я изложил ему факты, и он выразил мнение, что положение дел внушает беспокойство. Я заглянул ему в глаза.

— Даже так, по-вашему?

— Да, сэр. Серьезную тревогу.

— Хо! — произнес я, позаимствовав любимое восклицание Сыра, и собрался уже заметить Дживсу, что раз он не нашел более подходящих слов для описания жуткой опасности, з которой я очутился, я готов приобрести ему в подарок «Тезаурус» Роджета, но тут прозвучал гонг, и я вынужден был со всех ног мчаться к кормушке.

Я бы не причислил мой первый ужин в Бринкли-Корте к самым приятным из мероприятий, в которых мне довелось принимать участие. Хотя, по иронии судьбы, именно в тот день Анатоль, этот гений кастрюль и сковородок, почти превзошел самого себя. Вот что он предложил собравшимся:

Le caviar frais

Le consomme aux pommes d'amour

Les sylphides a la creme d'ecrevisses[29]

Les корюшка в сухарях

Le какая-то дичь с жареным картофелем

Le мороженое,

ну, и конечно, les фрукты и 1е кофе. Однако воздействовало все это роскошество на душу Вустера не больше, чем если бы на столе стояла просто-напросто какая-нибудь тушенка. Я не хочу сказать, что отодвигал тарелку, не отведав кушанья, как, по словам тети Далии, поступал с пищей насущной Перси, но сменявшие друг друга блюда положительно обращались золой у меня во рту. Вид Сыра по ту сторону стола притуплял аппетит.

Возможно, это была всего лишь игра воображения, но, как мне представлялось, со времени нашей последней встречи он заметно разросся, как вверх, так и поперек, а смена выражений на его ярко-розовой

физиономии ясно отражала ход его мыслей, если уместно назвать это мыслями. Он бросил на меня, пока мы ели, от восьми до десяти грозных взглядов, но на словах ничего не сказал, только, когда еще рассаживались, сообщил, что надеется переговорить со мной по окончании трапезы.

Впрочем, он не только со мной, но и вообще ни с кем не поддерживал застольной беседы. Мадам Троттерша, сидевшая от него по правую руку, попыталась развлечь его рассказом о том, как недопустимо вела себя супруга советника Бленкинсопа на недавнем церковном базаре, но Сыр, со своей стороны, лишь молча глазел на нее, точно тупое, безмозглое животное, как сказал бы Перси, и молча загребал пищепродукты.

Я сидел рядом с Флоренс, но она тоже помалкивала, храня холодный и гордый вид и катая хлебные шарики, поэтому я имел полную возможность все хорошенько обдумать, так что когда дошла очередь до кофе, у меня уже был готов стратегический план и детально продумана тактика. Когда тетя Далия дала сигнал дамскому полу удалиться и оставить мужчин в обществе портвейна, я воспользовался случаем и украдкой выскользнул через дверь в сад, опередив женские головные силы. Не сорвался ли с губ Сыра сдавленный возглас при этом моем хитром маневре, определенно сказать не берусь, но, по-моему, у меня за спиной раздался некий звук, словно охнул в лесу волк, больно споткнувшийся о камень. Но я был не настроен возвращаться и переспрашивать, а предпочел затеряться на просторе.

Будь обстоятельства не такими — хотя когда они бывают не такими, какие они есть? — я бы, наверное, с удовольствием прогулялся после ужина по парку, поскольку воздух был полон лепечущих ароматов, и бойкий ветерок весело трубил с небес, щедро усыпанных звездами. Но любоваться садом в сиянии звезд может лишь тот, у кого на душе покой, а моей душе до покоя было так далеко, как только можно себе представить.

Что делать? — спрашивал я себя. Складывалось впечатление, что самым разумным было бы с моей стороны, если я хочу сберечь в целости свой позвоночник, завтра чуть свет сесть в автомобиль и рвануть в необозримые дали. Оставаться на месте значило бы самым неприятным образом все время увиливать от встречи с Сыром и постоянно находиться в движении, чтобы расстроить его кровожадные планы. Мне пришлось бы мчаться, подобно серне или молодому оленю на горах бальзамических,[30] как, помнится, выразился однажды Дживс, а мы, Вустеры, не расположены опускаться до уровня серн или оленей, ни молодых, ни в зрелом возрасте. У нас есть собственная гордость.

Я уже принял решение завтра утром испариться, как снег на вершинах

гор, и податься на время в Америку, или Австралию, или на острова Фиджи, или еще куда-нибудь, но тут я почуял, что к лепечущим ароматам лета примешался крепкий сигарный дух. В сумерках я разглядел приближающуюся человеческую фигуру. В первый напряженный момент я подумал, что это Сыр, и уже приготовился было рвануть с места на манер того самого молодого оленя, но потом все встало на свои места. Это был всего лишь дядя Том, совершавший вечернюю прогулку.

Дядя Том — большой любитель вечерних прогулок в зеленых зарослях. Седой джентльмен с орехово-смуглым лицом — это к делу не относится, я просто так его описываю, для полноты картины, — он любит бродить среди клумб и кустов рано поутру и поздно вечером, поздно вечером особенно, так как он страдает бессонницей, и туземный лекарь внушил ему, что против этого глоток свежего воздуха на сон грядущий — самое верное средство.

Завидев меня, он остановился для опознания.

— Это ты, Берти, мой мальчик?

Я дал утвердительный ответ, и он подгреб ближе, изрыгая клубы дыма.

— Почему ты покинул нас? — спросил он, имея в виду мое бегство из столовой.

— Да так как-то, вдруг захотелось.

— Не много потерял. Ну и публика! Этого типа Троттера я не перевариваю.

— Вот как?

— Его пасынка Перси я тоже не перевариваю.

— Вот как?

— И этого Чеддера я терпеть не могу. Я их всех не перевариваю, — заключил дядя Том. Его вообще нельзя отнести к гостеприимным хозяевам. К девяноста четырем процентам чужих людей у себя в доме он относится с плохо скрываемым отвращением и всеми средствами старается их избегать. — Кто, интересно, пригласил сюда Чеддера? Наверное, Далия, но почему, мы, конечно, никогда не узнаем. Несносный молодой бегемот, в жизни не встречал несноснее. Зазвать его к нам — это как раз в ее духе. Как-то раз она даже пригласила свою сестру Агату. И кстати, о Далии, Берти, мой мальчик, она внушает мне беспокойство.

— Тетя Далия внушает беспокойство?

— Крайнее. Мне кажется, она чем-то больна. Ты ничего странного в ней не заметил, когда приехал?

Я немного подумал.

— Да нет, как будто бы. Она показалась мне такой же, как всегда. В каком смысле. — странного?

Он озабоченно взмахнул сигарой. Они с моей престарелой родственницей — любящая и дружная чета.

— Вот, например, только что. Я заглянул к ней спросить, не хочет ли она прогуляться вместе со мной. Она ответила, что нет, она когда выходит в сумерки, то обязательно наглотается мошек и комаров и прочей гадости, и они ей могут повредить, тем более после сытного ужина. Мы с ней спокойно и мирно переговаривались о том, о сем, как вдруг она как-то вся обмерла.

— То есть упала без чувств?

— Н-нет, этого я бы не сказал. Она осталась стоять, но покачнулась, прижала ладонь ко лбу. И сделалась бледной, как привидение.

— Странно.

— Очень. Меня это обеспокоило. У меня и сейчас на душе неспокойно.

Я задумался.

— Вы не могли что-нибудь такое сказать, что ее расстроило?

— Исключено. Я обсуждал с ней этого парня Сидкапа, который приезжает завтра ознакомиться с моей коллекцией серебра. Ты его не знаешь?

— Нет.

— Он, конечно, осел скудоумный, — сказал дядя Том, он почти всех людей своего круга считает скудоумными ослами, — но в старом серебре, драгоценностях и всяких таких вещах разбирается, говорят, неплохо. И вообще он, слава Богу, у нас только отобедает и уедет, — прибавил дядя Том со свойственным ему гостеприимством. — Но я говорил о твоей тете Далии. Так вот, она покачнулась и сделалась бледной, как привидение. По-моему, она слишком перегружена. Этот ее журнал «Пеньюар светской дамы», или как бишь он называется, выпил из нее все соки. Совершеннейший вздор. Зачем ей издавать какой-то еженедельник? Буду от души рад, если она сумеет продать его этому типу Троттеру и наконец освободится, потому что он не только выматывает все силы у нее, но еще и обходится мне в немалую сумму, чтоб ему. Траты, траты, траты без конца.

После этого дядя Том еще горячо высказался на тему о подоходном и добавочном налогах, и назначив мне скорую встречу в хлебной очереди для неимущих, пошел дальше и исчез во тьме. А я, прикинув, что час уже поздний и, пожалуй, можно без риска вернуться в дом, направился в свою комнату.

Там я стал переодеваться ко сну, а сам, не переставая, думал про то, что только что услышал. Непонятно. За ужином мне, конечно, было немного не до того, но все-таки я бы наверняка заметил, будь у моей тети болезненный вид или вообще что-то в таком духе. Насколько я помню, она со всегдашним азартом и огоньком уписывала все, что значилось в меню. И однако же дядя Том сказал, что она побледнела, как привидение, что, при ее обычном румянце, требовало бы немало специальных усилий. Странно, чтобы не сказать: загадочно. Я все еще размышлял на эту тему и прикидывал, какие выводы сделал бы тут Осборн Кросс, сыщик из «Загадки красного рака», когда мои размышления прервал поворот дверной ручки. За ним последовал мощный удар в дверную филенку, и я порадовался, что сообразил своевременно запереть дверь. Потому что я услышал голос, и это был голос Сыра Чеддера:

— Вустер!

Я отложил «Красного рака», которого только успел открыть, встал и подошел к двери.

— Вустер!

— Потише, приятель, — холодно сказал я в замочную скважину. — Я тебя слышал. Чего ты хочешь?

— Потолковать с тобой.

— Это исключено. Отвяжись от меня, Сыр Чеддер. Я нуждаюсь в покое. У меня побаливает голова.

— Посмотришь, как она у тебя разболится, когда я до тебя доберусь.

— То-то и оно, что тебе до меня не добраться, — удачно парировал я, снова расположился в кресле и занялся книгой в приятном сознании, что одержал над Сыром верх в литературных дебатах. Он обозвач меня из-за двери несколькими ругательными словами, постучал еще, подергал ручку и, наконец, убрался, изрыгая, конечно, проклятия.

Но не прошло и пяти минут, как в дверь снова постучали, на этот раз так негромко и вкрадчиво, что я без труда догадался, кто там.

— Это вы, Дживс?

— Да, сэр.

— Одну минуту!

Проходя по комнате к двери, чтобы впустить Дживса, я с удивлением обнаружил, что мои нижние конечности слегка как бы размякли. Словесная дуэль с давешним гостем потрясла меня сильнее, чем я думал.

— Мне только что нанес визит Сыр Чеддер, — поделился я с Дживсом.

— Вот как, сэр? Надеюсь, с положительным результатом?

— Да, я его совсем сбил с толку, бедного недотепу. Он вообразил, что сможет ко мне проникнуть просто и беспрепятственно, и прямо чуть не рухнул, наткнувшись на запертую дверь. Но у меня после этого происшествия слегка подрагивают ноги. Хорошо бы вы раздобыли мне виски с содовой.

— Разумеется, сэр.

— Тут требуется умение смешивать в точной пропорции. Кто был тот ваш приятель, обладавший крепостью десятерых, о котором вы мне на днях говорили?

— Джентльмен по имени Галахад, сэр. Вы, однако, не совсем верно полагаете его моим личным знакомцем. Это герой поэмы покойного Альфреда, лорда Теннисона.

— Неважно, Дживс. Я только хотел выразить пожелание, чтобы порция виски с содовой, которую вы мне принесете, тоже обладала десятерной крепостью. Лейте, не колеблясь.

— Очень хорошо, сэр.

Он вышел по делам милосердия, а я снова взялся за «Красного рака». Но только успел освежить в памяти улики и приступить к допросу подозреваемых, как меня опять прервали. В дверь гулко ударили кулаком. Я подумал, что вернулся Сыр, и поднялся с кресла, чтобы еще раз послать его подальше через замочную скважину, но тут за дверью раздалось восклицание такой силы и смачности, что оно могло слететь с губ лишь той, которая обучалась этому искусству среди лис и собак.

— Тетя Далия?

— Отопри дверь!

Я отпер, и тетя Далия влетела в комнату.

— Где Дживс? — спросила она в таком сильном смятении, что я посмотрел на нее с тревогой. После рассказа дяди Тома про то, как она обмерла, это ее взволнованное состояние мне совсем не понравилось.

— Что-то случилось?

— Еще как случилось! Берти, — престарелая родственница опустилась в кресло с видом человека, который тонет, — я пропала, и один Дживс способен спасти мое имя от черного позора. Давай его сюда, пусть задействует на всю мощность свои знаменитые мозги.

12

Чтобы ее успокоить, я, любя, погладил ее по макушке.

— Дживс сейчас придет, — сказал я, — и одним взмахом волшебной палочки сразу наведет полный порядок. Поделитесь со мной, моя престарелая дрожащая осинка, в чем дело?

Тетя Далия сглотнула, как обиженный бульдожий щенок. Редко мне доводилось видеть таких перепуганных теток.

— Это все Том!

— То есть дядя, так именуемый?

— А что, скажи на милость, разве у нас в доме имеются еще и другие Томы? — набросилась она на меня в своей прежней наступательной манере. — Да, Томас Портарлингтон Трэверс, мой муж.

— Портарлингтон? — переспросил я, пораженный.

— Он недавно забрел в мою комнату.

Я понимающе кивнул. Я вспомнил, что он мне об этом уже рассказывал. Тогда он как раз заметил, как она прижимает ладонь ко лбу.

— Пока все ясно. Сцена: ваша комната; при поднятии занавеса вы сидите. Забредает дядя Том. Что дальше?

Тетя Далия немного помолчала. А потом проговорила приглушенным — для нее — голосом. Иначе сказать, вазы на каминной полке задребезжали, но штукатурка с потолка не посыпалась.

— Я, пожалуй, расскажу тебе все.

— Расскажите, старая прародительница. Ничто так не облегчает душу, как чистосердечное признание, о чем бы ни шла речь.

Она сглотнула, как второй бульдожка.

— Это короткая история.

— Ну и прекрасно, — кивнул я, так как час был поздний, а за день чего только со мной не произошло.

— Помнишь, мы с тобой говорили, когда ты только приехал… Берти, безобразное ты чучело, — вдруг отвлеклась она от темы, — такое гадкое зрелище, как эти усы, только в кошмарном сне могло привидеться. Будто очутился в параллельном, страшном мире. Для чего ты их отпустил?

Я строго покачал головой.

— Мои усы тут ни при чем, единокровная старушка. Не троньте их, и они вас не тронут. Так, значит, мы с вами говорили, когда я только приехал?..

Она приняла мой укор и мрачно кивнула.

— Да, не надо отклоняться. Будем держаться темы.

— Обеими руками.

— Когда ты только приехал, мы разговаривали у меня, и ты удивился, как я сумела раздобыть у Тома деньги на сериал Дафны Долорес Морхед.

Помнишь?

— Помню. Я и теперь удивляюсь.

— Все очень просто. Я их и не раздобыла.

— То есть?

— От Тома я не получила ни гроша.

— Тогда как же вы?..

— Сейчас объясню. Я заложила жемчужное ожерелье.

Я вытаращился на нее, как говорится, в благоговейном ужасе. Из знакомства с этой леди, восходящего ко дням, когда я младенцем пищал и пускал слюни (прошу простить за выражение) на руках у няньки, я вынес впечатление, что она руководствуется девизом: «Годится все»; но это уже было чересчур даже для нее, ни в чем не знавшей удержу.

— Заложили ожерелье?

— Заложила.

— Сдали в ломбард? Снесли ростовщику?

— Именно. Другого выхода не было. Мне во что бы то ни стало нужен был ее роман, чтобы посолить шахту, а Том не соглашался пожертвовать ни пятерки на удовлетворение алчности этой пиявки Морхед. Он только твердил: «Какие глупости. Совершенно исключено. И речи быть не может». Ну, я съездила украдкой в Лондон, отнесла ожерелье в ювелирную лавку «Эспиналь», заказала там копию и пошла в ломбард. Правда, это только так говорится — ломбард, на самом деле классом выше, вернее будет сказать: взяла ссуду в банке под залог.

Я высвистал обрывок какого-то мотивчика.

— Значит, те жемчуга, что я получил для вас сегодня утром, — поддельные?

— Культивированные.

— Надо же! Ну и жизнь у вас, у теток! — Я не сразу решился задать вопрос, который неизбежно должен был ранить ее нежную душу, тем более — во взволнованном состоянии, но, с другой стороны, долг племянника требовал от меня указать ей на слабое место: — А что если… боюсь, вам будет неприятно это слышать, но что если дядя Том узнает?

— В этом-то все дело.

— Я так и подумал.

Она сглотнула, как третий бульдожка.

— Если бы не это чертово невезение, он бы и за миллион лет не узнал. Том, дай Бог ему здоровья, не способен отличить Кох-и-нор от стекляшки из универсального магазина.

Тут она была права. Дядя Том, как я отметил выше, — страстный

собиратель старинного серебра, в подсвечниках, орнаментах, завитках и венчиках он даст фору любому, но дамские украшения для него, как и для большинства представителей сильного пола, — книга за семью печатями.

— Но теперь завтра к вечеру ему все станет известно. Объясняю, почему. Он, как я тебе уже сказала, зашел в мою комнату, мы с ним немного поболтали весело и дружески, и вдруг он… О, Господи!

Я опять ласково похлопал ее по макушке.

— Ну-ну, старая родственница, успокойтесь. Что он такое сделал вдруг?

— Он вдруг обмолвился, что лорд Сидкап, который будет у нас завтра к обеду, не только знаток старинного серебра, но и специалист по драгоценностям, и Том хочет заодно показать ему мое ожерелье.

— Ух ты!

— По его словам, он не вполне уверен, не воспользовались ли бандиты, продавшие ему жемчуга, его неосведомленностью и не взяли ли с него чересчур большую цену. Теперь Сидкап развеет его сомнения.

— Ну и ну!

— И «Ух ты!», и «Ну и ну!» — и то и другое верно.

— Значит, вот почему вы покачнулись и схватились за голову?

— Ну да. Сколько времени, по-твоему, уйдет у этого врага рода человеческого, чтобы заметить подмену и сообщить об этом Тому? Секунд десять, а то и меньше. И что тогда? Удивительно ли, что я покачнулась?

Чего уж тут удивительного? Будь я на ее месте, я бы тоже покачнулся, да еще как. И менее прозорливый человек, чем Бертрам Вустер, сообразил бы, что моя тетка, которая сейчас сидит передо мной, судорожно вцепившись в свой перманент, попала в беду. Ей угрожает крупная неприятность, и от ее друзей и доброжелателей сейчас требуется серьезно пошевелить мозгами, иначе дом ее с грохотом рухнет.

Я в свое время довольно тщательно изучил семейные отношения и знаю, какие бывают последствия, когда голубок или горлица имеют друг против дружки зуб. Мне объяснял Бинго Литтл, что если миссис Бинго узнает про него некоторые вещи, которые от нее все равно не скроешь, луна в небе станет кроваво-красной, и содрогнутся основания цивилизации. Нечто подобное я слышал и от других мужей, и, само собой, та же картина наблюдается, если проштрафится милая женушка.

До сих пор хозяйкой в Бринкли-Корте была тетя Далия, она осуществляла в доме сильную единоличную власть. Но стоит дяде Тому узнать, что она заложила жемчуга, чтобы купить роман с продолжениями для журнала, который он, дядя Том, с самого начала невзлюбил и прозвал

«Пеньюаром светской дамы», и она разделит судьбу тех монархов и диктаторов, которые, проснувшись в одно прекрасное утро, узнают, что подданные с бомбами в руках их свергли. Дядя Том — добродушный старикан, но и добродушные старикану могут быть трудно переносимы, если создать для этого подходящие условия.

— М-да, — сказал я. — Плохо дело.

— Хуже некуда.

— Этот тип Сидкап, вы говорите, приезжает завтра? Нет времени ничего исправить. Неудивительно, что вы шлете сигналы SOS Дживсу.

— Один он может избавить меня от судьбы, которая страшнее смерти.

— Но сможет ли даже и Дживс спасти положение?

— Я на него рассчитываю. В конце концов, он же знаменитый спасатель.

— Это верно.

— Тебя он в свое время из каких только переделок не вызволял.

— Да-да. Я часто говорю, что второго такого, как он, не найдешь на всем свете. Сейчас придет. Он вышел на минуту принести мне кружку живительного напитка.

Теткины глаза странно блеснули.

— Чур, я первая!

Я похлопал ее по руке.

— Ну, конечно! Считайте вопрос решенным. Неужели вы думаете, что Бертрам Вустер способен присвоить все наличное питье, когда рядом, высунув язык, умирает от жажды любимая тетя? Твоя нужда больше моей, как кто-то там такое сказал раненому на носилках.[31] А вот и Дживс!

Верный слуга более чем своевременно внес поднос с эликсиром. Я принял от него долгожданный кубок и широким жестом передал престарелой родственнице. Она произнесла: «Тьфу тебе в глаза!» — и одним духом осушила добрую половину. Остальное допил я.

— Ах, да, Дживс, — переведя дух, сказал я.

— Сэр?

— «Ко мне склоните слух».[32]

— Слушаю, сэр.

Мне довольно было одного взгляда на сестру моего покойного отца, чтобы понять, что растолковывать Дживсу ситуацию должен я, больше некому. Родимая старушка, увлажнив свой организм, погрузилась в оцепенение, уставясь перед собой невидящими глазами и тяжело дыша, как олень, загнанный песьей сворой. И ничего удивительного. На свете

отыщется мало женщин, способных сохранить бойкость, когда у них под ногами Фатум подорвал такую шашку тринитротолуола. Выслушав от дяди Тома сообщение о Сидкапе, она, я думаю, испытала примерно те же ощущения, что, бывало, и во времена своей охотничьей молодости, когда лошадь выбрасывала ее из седла, да еще сама наваливалась сверху. Хотя бурный поток румяной Ипокрены,[33] из которого она только что испила, дарит вдохновение, на этот раз он оказал лишь самое поверхностное действие.

— Дживс, тут у нас встретилось некоторое затруднение, и мы были бы рады услышать ваше мнение и получить от вас совет. Дело вот какого рода. У тети Далии имеется жемчужное ожерелье, рождественский подарок дяди Тома (второе имя которого — Портарлингтон, чего вы, держу пари, не знали). То самое ожерелье, которое вы сегодня утром забрали в «Эспинале». Помните?

— Да, сэр.

— Ну, так вот. Дальше интрига усложняется. Это ожерелье — не жемчужное, если вы меня понимаете. По соображениям, входить в которые нам сейчас незачем, то, рождественское, подаренное дядей Томом, она снесла в заклад. А это, что у нее имеется теперь, — подделка и никакой — или почти никакой — ценности не представляет.

— Да, сэр.

— Вы как будто бы не удивлены?

— Нет, сэр. Я это понял, когда получил его сегодня утром. Я сразу увидел, что у меня в руках культивированный жемчуг.

— Бог ты мой! Неужели это видно с первого взгляда?

— О нет, сэр. Я не сомневаюсь, что неопытный глаз легко обманется. Но я в свое время несколько месяцев изучал ювелирное дело под руководством моего родственника, профессионального ювелира. У натуральной жемчужины нет зерна.

— Нет — чего?

— Зерна, сэр. У нее внутри. А у культивированного жемчуга есть. Культивированная жемчужина отличается от натуральной тем, что является результатом внесения в раковину инородного тела, каковое тело раздражает и побуждает моллюска одевать зерно слоями перламутра. Натуральный раздражитель бывает так мал, что его не видно, тогда как зерно культивированной имитации можно различить на глаз просто на ярком свету. Именно так я и поступил с жемчугами миссис Трэверс. Эндоскоп мне не понадобился.

— Что не понадобилось?

— Эндоскоп, сэр. Особый инструмент, позволяющий заглянуть внутрь культивированной жемчужины и разглядеть зерно.

Сердце мое на минуту сжалось от сострадания к моллюскам — ну и жизнь у них, у этих бедных двустворчатых, сплошь одни неприятности за другими — но главным моим чувством было изумление.

— С ума сойти, Дживс! Вы что же, знаете все на свете?

— О, нет, сэр. Просто ювелирное дело у меня нечто вроде хобби. С алмазами, разумеется, используют другой способ. Чтобы удостовериться в подлинности алмаза, нужна грамофонная игла с сапфировым концом, или, иначе говоря, корундовая 9-й степени твердости. Ею надо попытаться нанести маленькую царапину на скрытой поверхности испытываемого камня. Настоящий алмаз, как вы, несомненно, знаете, — это уникальное вещество, имеющее показатель твердости 10 по шкале Моса. Большинство твердых предметов вокруг нас имеют твердость около 7 единиц. Вы что-то хотели сказать, сэр?

Я только хлопал глазами. Дживс, если уж заведется, часто приводит меня своими объяснениями в такое состояние. Но я поднапрягся и продолжил рассказ:

— Коротко говоря, дело в следующем. Ожерелье тети Далии, то, что у нее теперь, представляет собой, как открыли вам ваши натренированные чувства, сплошные зерна и не стоит даже бумаги, на которой это можно записать. Так. Но тут вот какая загвоздка. Если бы не появились дополнительные обстоятельства, все сошло бы ей с рук, сам дядя Том, сколько бы ни старался, нипочем не смог бы отличить поддельного ожерелья от настоящего. Однако возникло колоссальное осложнение. Завтра приезжает его приятель, и ему покажут эту вещь, а он, подобно вам, является экспертом по ювелирным вопросам. Вы понимаете, что будет, стоит ему только бросить взгляд на дешевую подделку? Разоблачение, крах, погибель, безнадежность. Дядя Том, узнав правду, взбесится, и репутация тети Далии резко пойдет на понижение. Вы понимаете, Дживс?

— Да, сэр.

— Тогда скажите, что вы по этому поводу думаете.

— Положение внушает беспокойство, сэр.

Я и не думал, что какие-то слова могут так взбудоражить мою опечаленную тетушку, но от этих слов Дживса она, сидевшая с поникшей головой, взвилась из кресла, как вспугнутый фазан.

— Внушает беспокойство?! И только-то?

Я понимал ее чувства, но поднял руку, призывая к сдержанности.

— Прошу вас, родственная старушка. Да, Дживс, положение, как вы

заметили, внушает некоторое беспокойство, но есть надежда, что вы предложите собравшимся приемлемый выход. Мы будем рады услышать ваше предложение.

Уголок его рта удрученно дернулся.

— Боюсь, сэр, что не смогу предложить решение такой сложной задачи прямо, как говорится, не сходя с места. Мне понадобится некоторое время на размышление. Не позволите ли мне немного походить по коридору?

— Ну конечно, Дживс! Ходите сколько вашей душе угодно.

— Благодарю вас, сэр. Я полагаю вскоре возвратиться с удовлетворительным ответом.

Я закрыл за ним дверь и обернулся к пострадавшей старушенции, которая, вся побагровев, все еще бормотала: «Внушает беспокойство! Подумать только!»

— Мне понятно ваше возмущение, родная плоть и кровь, — сказал я ей. — Мне следовало заранее предупредить вас, что Дживс никогда не подскакивает к потолку и не вращает глазами, какую бы сногсшибательную сенсацию вы на него ни обрушили. Он всегда остается невозмутим, как чучело лягушки.

— «Внушает! Внушает беспокойство»!

— Сам-то я привык не придавать этому значения, хотя порой, как, например, сегодня, могу и взорваться, но опыт научил меня, что…

— «Внушает беспокойство», представьте себе! «Беспокойство»!

— Я знаю, знаю. Эта его манера болезненно действует на нервные центры, кто же спорит. Но, повторяю, опыт научил меня, что за этим выпадом с его стороны всегда следует здравое решение поставленной задачи. Как это говорится? Если появляется чучело лягушки, значит, недалеко и решение.

Тетя Далия встрепенулась. В глазах ее затеплился огонек надежды.

— По-твоему, он в самом деле что-нибудь придумает?

— Я в этом совершенно убежден. Он всегда что-нибудь да придумывает. Хотелось бы мне получить столько фунтов стерлингов, сколько он придумал выходов из разных затруднительных положений с тех пор, как служит под вустеровскими знаменами. Вспомните, например, как он помог мне обставить Родерика Спода в Тотли-Тауэрс.

— И в самом деле, правда?

— Еще бы не правда. Только что передо мной был страшный, грозный Спод, и вот он уже не он, а трясущийся кусок студня у моих ног, лишенный всех своих клыков. На Дживса можно без колебаний

положиться. А вот и он, — сказал я, увидев, что дверь приоткрывается, — на плечах у него голова с выпирающим назад затылком, в глазах — сияние ума, ну, и так далее. Придумали, Дживс?

— Да, сэр.

— Я так и знал. Я только что сказал тете, что вы всегда находите выход. Валяйте, выкладывайте.

— Имеется способ, как может миссис Трэверс выбраться из моря смут.[34] Шекспир.

Я не понял, почему он называет меня Шекспиром, но попросил его продолжать. И он обратился к тете, которая пожирала его глазами, как дрессированный медведь в ожидании сладкой булочки.

— Если, как сообщает мистер Вустер, мэм, этот эксперт по ювелирному делу ожидается здесь в ближайшее время, по-видимому, лучше всего, чтобы ваши жемчуга до его приезда пропали. Говоря яснее, мэм, — разъяснил он в ответ на вопрос вскипевшей владелицы, не считает ли он ее, черт побери, индийским факиром, — надо инсценировать вторжение грабителей, в результате какового драгоценность исчезнет. Как вы понимаете, мэм, если джентльмен прибудет сюда с целью освидетельствовать жемчуга, но обнаружит, что их нет на месте, то и…

— …то он их и не сможет освидетельствовать?

— Именно так, мэм. Rem acu tetigisti.[35]

Я покачал головой. Я ожидал чего-то получше. Похоже, великий ум дал в конце концов слабину, и это меня огорчило.

— Но, Дживс, — заметил я тактично, — где вы возьмете грабителя? Купите в магазине армейских излишков?

— Я думал, может быть, вы бы взяли эту роль на себя, сэр.

— Я?

— Ну да! — воскликнула моя тетушка, и лицо ее осветилось, как луна на театральном заднике. — Вы правы, Дживс. Ты ведь не откажешься сделать для меня такую малость, Берти? Конечно же, не откажешься. Ты понял мысль Дживса? Берешь лестницу, приставляешь к моему окну, влезаешь, хватаешь ожерелье и задаешь стрекача. А я утром прихожу к Тому вся в слезах и говорю: «Том! Мои жемчуга! Они пропали! Какой-то подлый злодей влез ночью и украл их, пока я спала». Так ведь, Дживс?

— Именно, мэм. Мистеру Вустеру осуществить это будет очень легко. Я заметил, что со времени нашего предыдущего приезда в Бринкли-Корт с окон сняли защитные решетки.

— Да, я распорядилась после того случая, когда мы все оказались

ночью в саду, а двери заперты. Помните?

— Вполне отчетливо, мэм.

— Так что у тебя не будет никаких препятствий.

— Кроме только…

Я не договорил. Я собирался сказать: «Кроме моего решительного и бесповоротного отказа браться за это дело в какой бы то ни было форме». Но осекся, прежде чем эти слова слетели у меня с губ. Я сообразил, что преувеличиваю воображаемые опасности и препятствия, связанные с осуществлением задуманного предприятия.

В сущности, подумалось мне, что тут страшного? С ловкостью и проворством Вустеров — это просто игрушки. Некстати, конечно, что придется встать ни свет ни заря, но я готов на такую жертву ради того, чтобы вновь зацвели розы на щеках женщины, которая в мои младенческие лета часто качала меня на коленях, не говоря о том, что однажды она спасла мне жизнь, когда я подавился резиновой

соской.

— Да нет, ничего, — сердечно заверил я ее. — Все так. Вы обеспечиваете ожерелье, остальное предоставьте мне. Которое окно ваше?

— Последнее с левой стороны.

— Право, я…

— Не правая, а левая, дурень. Я иду туда и все приготовлю. Господи, вы сняли такой груз с моей души, Дживс. Я словно заново родилась. Вас не покоробит, если вы услышите, что я пою?

— Нисколько, мэм.

— Наверное, я завтра с утра, как проснусь, так и запою.

— В любое время, в какое вам будет угодно, мэм.

Когда он закрывал за нею дверь, на губах у него мелькнуло нечто близко напоминающее улыбку.

— Приятно видеть миссис Трэверс в такой радости, сэр.

— Да. Вы подняли ее настроение, как хороший тоник. Лестницу, надеюсь, не трудно будет добыть?

— Нисколько не трудно, сэр. Я видел лестницу у стены огородного сарая.

— Я, кстати, тоже ее видел, как я теперь вспомнил. Она, надо думать, и теперь там, так что пошли… Что делаешь вовремя… Как это говорится?

— Что надо сделать вовремя, лучше делать, не откладывая, сэр.

— Верно. Нет смысла стоять и топтаться на месте.

— Никакого, сэр. В делах людей прилив есть и отлив, с приливом достигаем мы успеха.[36]

— Вот именно, — подтвердил я. Лучше мне бы и самому этого не выразить.

Все пошло как по маслу. Я нашел лестницу, она и правда стояла у стены огородного сарая. Приволок ее по пересеченной местности в нужную точку. Приставил. Вскарабкался. В два счета влез в окно и бесшумно двинулся по комнате.

Собственно, не совсем бесшумно, так как наткнулся на столик, который возник у меня на пути, и он опрокинулся с некоторым грохотом.

— Кто там? — спросил из темноты испуганный женский голос.

Ну, надо же, сказал я себе, тетя Далия до того вошла в роль, даже от себя добавила немного краски, чтобы обеспечить полный аншлаг. Какая актриса!

Но голос повторил: «Кто там?» — И ледяная рука страха сдавила мне сердце.

Потому что он принадлежал никакой не тете. Это был голос Флоренс Крэй.

В следующее мгновение комнату залил свет, и я увидел ее воочию — она сидела в постели, и на голове у нее был розовый ночной чепец.

13

Вы знаете стихотворение «Атака легкой кавалерии», которое сочинил некто Теннисон? Его раньше упоминал Дживс, когда рассказывал про человека, у которого была сила десятерых. Оно вообще широко известно, я сам когда-то его декламировал лет семи или около того от роду, если меня призывали в гостиную, чтобы гости могли взглянуть на юного Вустера. «Берти чудесно читает стихи», — говаривала моя матушка (при этом, между прочим, искажая факты: я каждый раз сбивался), — и я сначала пытался спрятаться, но меня находили, вытаскивали, и мне приходилось браться за дело. Малоприятное испытание для всех присутствующих, как мне рассказывали.

Но что я хотел сказать, когда немного отвлекся на воспоминания о милых прошлых днях, это — что хотя почти все стихотворение улетучилось у меня из памяти, но самое сильное место я до сих пор не забыл. Там сперва, если помните, говорится:

Тум тидл ампти-пам
Тум тидл ампти-пам

Тум тидл ампти-пам

и отсюда прямо попадаешь на отыгрыш:

Но кто-то ошибся.

Эти строчки я всегда помню, и сейчас я их процитировал потому, что, стоя в недоумении перед девицей в розовом чепце, я чувствовал себя в точности, как те ребята из кавалерийской бригады. Совершенно ясно, что кто-то ошибся, а именно — тетя Далия. Почему она сказала мне, что ее окно последнее с левой стороны, когда последнее окно с левой стороны было совсем не ее, этого я понять никак не мог. Напрасно я ломал голову, ища, как выражается Сыр Чеддер, скрытые мотивы.

Впрочем, разве угадаешь тайные мысли теток? Да и не время сейчас было для пустого умствования. Первая забота джентльмена, на исходе ночи заброшенного, точно мешок с углем, в девичью спальню, — завязать светскую беседу. Именно этим я и занялся. В подобной ситуации нет ничего хуже неловкой паузы и смущенного молчания.

— Привет, привет, — произнес я как можно бодрее и жизнерадостнее. — Очень извиняюсь, что заявился в такой момент, когда вы в невинном сне распутывали клубок дневных забот,[37] но я, видите ли, вышел подышать свежим воздухом, а все двери заперли, и я решил, чем поднимать на ноги весь дом, просто влезть в первое попавшееся открытое окно. Ведь знаете, это не дело — поднимать на ноги дома. Нехорошо.

Я готов был и дальше развивать эту тему, мне казалось, я на верном пути, получалось гораздо удачнее, чем прикидываться лунатиком, изображать внезапное пробуждение: «Ах, где я?», и так далее. Очень уж глупо… Но тут Флоренс рассмеялась своим журчащим смехом.

— Ох, Берти, — проговорила она, и представьте, совсем не таким досадливым тоном, каким барышни обычно говорят мне: «Ох, Берти». — Какой же вы романтик!

— То есть как?

Она еще посмеялась. Слава Богу, конечно, что она решила не поднимать шума, звать на помощь, и прочее. Но должен признаться, что этот ее журчащий смех меня немного озадачил. Я думаю, с вами тоже такое бывало: вокруг люди хохочут, как гиены, а вы не возьмете в толк, над чем. Оказываешься в невыгодном положении.

Флоренс странно так смотрела на меня, словно на ребенка, у которого хотя и водянка головного мозга, но все-таки он душка.

— Как это на вас похоже! — сказала она. — Я вам сообщила, что моя помолвка с д'Арси Чеддером расторгнута, и вы сразу же устремились ко мне. Не могли дождаться утра. Возможно, вы даже думали поцеловать меня спящую?

Я подскочил дюймов не меньше чем на шесть. Меня охватил ужас, и по-моему, не зря. Черт возьми, ты гордишься своей особой осмотрительностью в обхождении со слабым полом, и вдруг тебе говорят, что ты сознательно лезешь заполночь в окна к спящим девицам с намерением их поцеловать!

— Господи, да ничего подобного! — возразил я и поставил на ножки опрокинутый столик. — У меня и в мыслях ничего такого не было. Вы, вероятно, задумались и пропустили мимо ушей мое объяснение. Я же сказал вам, только вы не слушали, что вышел подышать ночным воздухом, а все двери заперли, и…

Флоренс опять зажурчала. Она по-прежнему умильно смотрела на меня как на славное придурковатое дитя, и даже еще умильнее, чем раньше.

— Неужели вы думаете, что я на вас сержусь? — попыталась она меня успокоить. — Нет, конечно. Я очень растрогана. Поцелуйте меня, Берти.

Что тут будешь делать? Вежливость прежде всего. Я подчинился, хотя и чувствовал, что это уж переходит всякие границы. Не по душе мне такие фокусы, слишком отдают французским духом. Вырвавшись, я сделал шаг назад и увидел, что выражение ее лица изменилось. Теперь она смотрела на меня, как бы примериваясь, наподобие гувернантки, приглядывающейся к новому ученику.

— Матушка глубоко ошибается, — проговорила Флоренс.

— Матушка?

— Ваша тетя Агата. Я удивился.

— Вы что, зовете ее матушкой? Ну, да ладно, дело ваше. Насчет чего же она ошибается?

— Насчет вас. По ее мнению, вы — унылое и безмозглое ничтожество, и вас давно уже надо было поместить в надежное заведение для умственно отсталых.

Я гордо вскинул голову, довольно чувствительно задетый за живое. Значит, вот как отзывается обо мне у меня за спиной эта ужасная женщина! Красиво, ничего не скажешь. И это женщина, напомню вам, чьего отвратительного сынка Тоса я многие годы практически нянчил на своей

груди. То есть, когда он проезжал через Лондон в свою закрытую школу, я неизменно принимал его у себя с ночевкой и не только кормил по-королевски, но, жертвуя собой, водил в театр «Олд Вик» и в Музей мадам Тюссо. Неужели больше не осталось благодарности в мире?

— Вот, значит, что она говорит?

— Она очень забавно вас описывает.

— Ах, забавно?

— Например, что у вас мозги как у индюшки. Ее слова. Тут, конечно, открывалась возможность, при желании, легко это опровергнуть, углубившись в вопрос о том, на каком месте по смышлености стоят в ряду наших пернатых друзей индюшки, но я воздержался.

Флоренс поправила на голове чепец, немного съехавший на сторону при поцелуе. Она продолжала ко мне присматриваться.

— Еще ваша тетя называет вас — «охламон».

— Как вы сказали?

— «Охламон».

— Не понял.

— Это такое старинное слово. Означает, если не ошибаюсь, что вы растяпа и беспросветный болван. Но я ее уверила, что она заблуждается, у вас есть много достоинств, о которых люди даже не подозревают. Я это поняла еще тогда, когда встретила вас однажды в книжном магазине, где вы купили «Спинолу».

Тот случай я не забыл. Тогда все было одно сплошное недоразумение. Я посулился Дживсу, что куплю ему в подарок книгу одного типа по фамилии Спиноза — философ, что ли, такой, или что-то в этом духе, — а парень за прилавком заверил меня, что нет такого писателя, и предложил взамен «Спинолу», мол, я просто перепутал названия, я схватил эту книжку, а тут в магазин возьми да войди Флоренс Крэй. Вообразить, будто я специально купил ее книгу, и начертать в ней дарственную надпись вечным пером с зелеными чернилами было для нее делом одной минуты.

— Я тогда поняла, что вы вслепую ищете дорогу к свету и тянетесь к знаниям через чтение серьезной литературы, что в глубине вашей души заложена духовность, ее надо только вывести на поверхность. Какая благородная задача, сказала я себе, помочь проявиться способностям, таящимся в вашем пробуждающемся сознании. Все равно что наблюдать, как распускается робкий, поздний цветок.

Я прямо взвился. Нашла тоже робкий поздний цветок. Я уже готов был съязвить, сказав ей: «Ах, вот как?» — но она еще не выговорилась.

— Я могу помочь вашему формированию, Берти, я знаю. Вы

стремитесь к самоусовершенствованию, это уже половина победы. Что вы сейчас читаете?

— Н-ну, последнее время было столько всяких дел, то да се, особенно много читать не удавалось, но все-таки я уже дошел до середины книги «Загадка красного рака».

Ее стройный стан был более или менее задрапирован одеялом, но мне показалось, что по нему пробежала судорога.

— О, Берти! — произнесла она, на этот раз с более привычной интонацией.

— Шикарная книга, — заспорил я. — Там одного баронета, сэра Юстаса Уиллоуби, нашли в библиотеке на полу с проломленным черепом, и…

Лицо Флоренс исказила гримаса боли.

— Бога ради! — вздохнула она. — Кажется, помочь выявлению скрытых талантов, таящихся в глубинах вашего пробуждающегося сознания, будет ох как непросто.

— Я бы на вашем месте и не пытался, — сказал я. — Не беритесь, вот вам мой совет.

— Но как же я оставлю вас прозябать во тьме, чтобы вы продолжали жить в праздности, только курили бы и пили в клубе «Трутни»?

Тут она ошибалась. И я ее поправил:

— Я еще играю в «летучие дротики».

— Ах, эти «дротики!»

— Если хотите знать, я скоро буду клубным чемпионом текушего года. Для меня это верняк, спросите кого угодно.

— Как вы можете растрачивать себя впустую на такие пустяки, когда могли бы читать Т.С. Элиота! Я бы хотела видеть вас за…

За каким занятием Флоренс хотела бы меня видеть, я так и не услышал, хотя не сомневаюсь, что она имела в виду что-то ученое и отвратительное. Однако в это мгновение раздался стук в дверь.

Такого развития событий я уж никак не ожидал. Сердце у меня в груди подскочило, как лосось в сезон нереста, и забилось где-то у верхних резцов. Я покосился на дверь с безумной догадкой во взоре,[38] как выражается Дживс. На лбу у меня выступили капли пота.

Флоренс, я заметил, тоже немного испугалась. Навряд ли, отправляясь гостить в Бринкли-Корт, она ожидала, что ее спальня станет сборным пунктом для общественности. Когда-то я любил распевать одну песенку, где был такой припев: «Пойдем, пойдем все вместе к Мод». Похоже было, что сейчас сходное намерение обуревало гостей в доме тети Далии, и

бедной барышне это не могло нравиться. Они вообще любят, чтобы в час пополуночи никто не нарушал их одиночества, а тут у нее одиночества — как у киоскерши на ипподроме.

— Кто там? — спросила Флоренс.

— Я, — ответил зычный низкий голос, и она прижала ладонь к горлу. Я думал, что такой жест можно наблюдать только на сцене.

Дело в том, что зычный низкий голос, вне всякого сомнения, принадлежал д'Арси Чеддеру. Короче говоря, Сыр снова вышел на сцену.

Флоренс заметно дрожащей рукой потянулась за халатом и спрыгнула с кровати, совершенно как горошина с раскаленной лопаты. Казалось бы, современная, выдержанная девица, всегда такая самоуверенная и спокойная, не выказывающая никаких эмоций, разве что вздернет бровь в самом крайнем случае, но тут, похоже, дружественный визит Сыра в тот момент, когда в ее комнате полным-полно Бустеров, привел ее в смятение.

— Что вам надо?

— Я привез ваши письма.

— Оставьте их на коврике за дверью.

— Я не оставлю их за дверью. Я хочу встретиться с вами лицом к лицу.

— Среди ночи? Вы сюда не войдете!

— А вот тут вы заблуждаетесь, — твердо возразил Сыр. — Именно что войду.

Помню, Дживс как-то упоминал, что «поэта взор в возвышенном безумстве блуждает между небом и землей».[39] Вот и взор Флоренс тоже стал блуждать. Я, конечно, сразу понял, что ее так взволновало. Перед ней встала та же проблема, что нередко встает перед действующими лицами детективных романов, а именно: как избавиться от тела, в данном случае — от тела Бертрама Вустера. Если Сыр сюда проникнет, значит, надо на время куда-то, упрятать Бертрама, но вопрос в том, куда?

В спальне у дальней стены стоял гардероб. Флоренс подскочила к нему, распахнула дверцу.

— Туда! — прошипела она, и не правы те, кто утверждает, будто невозможно прошипеть слово, в котором нет шипящих. Флоренс прошипела без труда.

— Полезайте!

Я нашел, что идея недурна. Нырнул в гардероб, и Флоренс закрыла дверцы.

Правда, вероятно, от волнения, закрыла не плотно, а лишь прикрыла отчасти, и мне был слышен весь их последовавший разговор, словно его

транслировали по радио.

Начал Сыр.

— Вот ваши письма, — чопорно произнес он.

— Благодарю, — чопорно же ответила Флоренс.

— Не стоит благодарности, — не менее чопорно отозвался он.

— Положите на туалетный стол, — по-прежнему чопорно распорядилась она.

— Извольте! — чопорно согласился он.

В жизни не слышал такого чопорного обмена репликами.

После недолгой паузы, во время которой Сыр, надо полагать, вываливал корреспонденцию в указанное место, он возобновил разговор:

— Вы получили мою телеграмму?

— Разумеется, получила.

— Обратите внимание, я сбрил усы.

— Я обратила.

— Это — первое, что я сделал, узнав о ваших секретных махинациях.

— Каких таких секретных махинациях?

— Если, по-вашему, это не секретные махинации — тайно отправиться по ночным клубам в обществе этой мокрицы Вустера, то крайне интересно было бы узнать, что это, на ваш взгляд, такое?

— Вам отлично известно, что мне для моей книги нужна была атмосфера.

— Хо!

— И не говорите «Хо!»

— Буду говорить «Хо!» — с сердцем сказал Сыр. — Для вашей книги, вы сказали? А по-моему, нет у вас никакой книги. Нет и не было.

— Ах, вот что? А как же «Спинола», которая вышла уже пятым изданием и переводится на скандинавский?

— Должно быть, работа мокрицы Горринджа. Представляю себе, как от такого оскорбления полыхнули огнем глаза Флоренс. По крайней мере, можно было так понять по тону, которым она проговорила:

— Мистер Чеддер, вы пьяны.

— Ничего подобного.

— Тогда, значит, вы сумасшедший. И будьте любезны, уберите с моих глаз вашу тыквообразную голову!

Мне кажется, хотя утверждать не берусь, что при этих ее словах Сыр заскрежетал зубами. Во всяком случае, раздался какой-то странный звук, словно заработала кофейная мельница. И голос, донесшийся до меня в моем укрытии, был хриплым и дрожащим:

— Моя голова не тыквообразная!

— Полное подобие тыквы!

— Никакого подобия. Могу сослаться на авторитет Берти Вустера, он утверждает, что она, скорее, напоминает купол собора Святого Павла. — Тут он вдруг смолк, и раздался шлепок. По-видимому, Сыр хлопнул себя по лбу. — Вустер! — рявкнул он, как дикий зверь. — Я пришел сюда говорить не о моей голове, а о Вустере, склизком черве, который пробирается у человека за спиной и крадет невест. Вустер, разоритель домашних очагов! Вустер, змей подколодный, погибель всех женщин! Вустер, современный Дон-Как-там-его! Вы все это время исподтишка крутили с ним роман. Думали, я не вижу, да? А я вижу насквозь ваши жалкие… жалкие… черт, забыл слово. Вертелось на языке, и — нету.

— Хорошо бы вас тоже тут больше не было.

— Увертки, вот что! Я знал, что вспомню. Думали, я не вижу насквозь ваши жалкие увертки? Эти ваши выдумки, чтобы я отрастил усы? Думаете, я не понял, что вся эта затея с усами — просто хитрость, предлог, чтобы порвать со мной и переметнуться к подколодному змею Вустеру? «Как бы мне отделаться от этого Чеддера, — спрашивали вы себя. — Ага, придумала! — сказали вы себе. — Велю ему отпустить усы! Он скажет: черта с два! А тогда я скажу: Ах, так? Ну, ладно! Тогда между нами все кончено! И дело сделано». То-то вас наверное, неприятно поразило, когда я возьми да исполни ваше требование. Нарушило все ваши планы, точно? На это вы ведь никак не рассчитывали.

Голосом, который заморозил бы эскимоса, Флоренс проговорила:

— Дверь у вас за спиной, мистер Чеддер. Чтобы она открылась, достаточно повернуть ручку.

Но Сыр не сдавался:

— Дверь тут ни при чем. Я говорю о вас и о гнусном Вустере. Как я понимаю, вы теперь обручитесь с ним, вернее, с тем, что от него останется, после того как я растопчу его физиономию. Я прав?

— Да.

— Вы намерены выйти за этого прыща в человеческом образе?

— Да.

— Хо!

Не знаю, как бы вы поступили на моем месте, услышав такой разговор и впервые осознав, как близка опасность. Наверное, вы бы так же, как и я, сильно вздрогнули. Мне бы, конечно, следовало раньше разглядеть надвигающуюся угрозу, но я почему-то — возможно, я был слишком испуган появлением Сыра, — ее проглядел. И теперь неожиданное

объявление о моей помолвке с девицей, к которой я относился крайне отрицательно, потрясло меня до глубины души, и я, как я уже сказал, сильно вздрогнул.

Но самое неподходящее место для того, чтобы сильно вздрагивать, если хочешь остаться незамеченным и безымянным, это, конечно, гардероб в дамской спальне. Что именно на меня посыпалось вследствие моего резкого движения, сказать не могу, но вероятнее всего — шляпные картонки. Так ли, нет ли, но шум в ночной тишине был такой, как будто в подвал засыпают уголь. Раздалось восклицание, затем могучая рука, рванув, открыла дверцу гардероба, и багровая физиономия воззрилась на меня, в то время как я вытряхивал из своей шевелюры шляпные картонки, — если это действительно были шляпные картонки.

— Хо! — еле выговорил, наконец. Сыр, точно кот, подавившийся рыбной костью. — А ну, вылезай оттуда, гад, — добавил он, цапнув меня за левой ухо и дернув, что было силы.

Я вылетел, как пробка из бутылки.

14

В таких случаях не знаешь толком, что сказать. Я просто сказал: «А, это ты, Сыр. Прекрасная погода, не правда ли?» Но, видимо, это было ошибкой, потому что его всего перекорежило, словно таракан за шиворот попал, и взгляд сделался еще свирепее. Мне стало ясно, что от меня потребуется уйма такта и учтивости, чтобы мы все трое чувствовали себя непринужденно.

— Ты, несомненно, удивлен, — начал было я, но он поднял руку, словно вернулся на полицейскую службу и опять регулирует уличное движение. И произнес тихим, разве что чуточку хрипловатым голосом:

— Ты найдешь меня в коридоре, Вустер. И решительным шагом вышел вон.

Я понял, что побудило его сделать такое заявление: это идеал рыцаря, залегающий у него в глубине души, вышел на поверхность. Сыра Чеддера можно довести до бешенства, но и с пеной у рта он никогда не забудет, что он — Старый Итонец и Пукка Сагиб.[40] Старые итонцы не дерутся в присутствии женского пола. И пукка сагибы — тоже. Они откладывают схватку до той минуты, пока не окажутся наедине со второй стороной где-нибудь в стороне.

Я вполне одобрял его деликатность, так как она давала мне

несомненные преимущества. У меня появилась возможность избежать крупных неприятностей, для этого всего лишь потребуется проделать осторожный маневр отступления, который всегда держат в запасе генералы на тот случай, когда их дела примут совсем уж неблагоприятный оборот. Вы думаете, что загнали генерала в угол, и уже готовы наброситься на него, но, к великому вашему прискорбию и недоумению, как раз когда вы уже подтянули носки и навели последний блеск на доспехи, оказывается, что его уже след простыл. Он удалился по стратегической железной дороге и захватил с собой свои войска.

Вот и я, имея в наличии приставленную за окном лестницу, очутился в таком же выгодном положении. Что мне за дело до коридоров? Они мне совершенно не понадобятся. Мне нужно только вылезти на подоконник, поставить ногу на верхнюю перекладину и с легким сердцем спуститься на твердую землю.

Но бывают такие обстоятельства, которые поставят в тупик даже величайшего из генералов, — это когда он является на вокзал купить билет, но оказывается, что за время его отсутствия стратегическая железная дорога была взорвана. Вот когда он начинает скрести в затылке и кусать губы. Именно это несчастье сейчас приключилось со мной. Подойдя к окну и выглянув наружу, я увидел, что лестницы там нет. В какой-то момент в разгар наших переговоров она исчезла, не оставив по себе и следа.

Что с ней приключилось — загадка, которую я был не в силах разгадать, но этим можно будет заняться позднее. Сейчас же, очевидно, требовалось весь ум Вустеров употребить на более неотложную задачу, а именно: как выбраться из этой комнаты, но чтобы не через дверь и чтобы не оказаться в закрытом помещении один на один с Сыром, настроенным сейчас так, что с ним ни один человек некрупного телосложения не пожелал бы остаться один на один в закрытом помещении. Все это я изложил Флоренс, и она согласилась, как Шерлок Холмс, что проблема действительно представляет определенный интерес.

— Нельзя же, чтобы вы оставались здесь всю ночь, — сказала она.

Это было справедливо замечено, что я и признал, однако. прибавил, что иного решения я сейчас не вижу.

— Вы ведь не возьметесь связать простыни и спустить меня на них из окна?

— Нет, не возьмусь. Почему бы вам не выпрыгнуть?

— И разбиться в лепешку?

— Может, не разобьетесь.

— Но, с другой стороны, может, разобьюсь.

— Невозможно приготовить омлет, не разбив яиц.

Я бросил на нее уничтожающий взгляд. Такой потрясающей глупости, какую она сейчас сморозила, я вроде бы. не слышал в жизни ни от одной барышни, хотя мне случалось слышать от барышень немало потрясающих глупостей. Я уже открыл было рот, чтобы произнести: «А пошли вы знаете куда со своими омлетами!», как вдруг в мозгу у меня что-то хрустнуло, как будто я проглотил дозу умственно-укрепляющего средства, которое так поднимает тонус, что лежачий инвалид вскакивает с постели и пускается плясать бразильскую кариоку. К Бертраму вернулось присутствие духа. Я твердой рукой открыл дверь в коридор, и когда Сыр двинулся на меня, точно серийный убийца, готовый сделать свое черное дело, пригвоздил его к месту силой человеческого взгляда.

— Одну минуту, Сыр, — говорю я ему эдак вкрадчиво. — Прежде чем ты дашь волю своей дикой ярости, вспомни, что ты вытянул в клубе «Трутни» билет с моей фамилией в лотерее на первенство по «летучим дротикам».

Этого оказалось довольно. Он с ходу остановился, словно налетел на фонарный столб, и вытаращил на меня глаза, как кошка в поговорке. Кошки в поговорке, по словам Дживса, хотят, но опасаются,[41] и можно было видеть невооруженным глазом, что именно это происходит с Сыром.

Стряхнув пылинку с рукава, я нежно улыбнулся и еще развил эту тему.

— Ты оцениваешь ситуацию? — говорю. — Вытянув мое имя, ты выделил себя из ряда обыкновенных людей. Объясню на примере, чтобы это было понятно самым примитивным мозгам, — я имею в виду твои мозги, Чеддер… В то время как обыкновенный человек, завидев меня на Пиккадилли, скажет просто: «Вон идет Берти Вустер», — ты при виде меня скажешь: «Вон идут мои пятьдесят шесть фунтов десять шиллингов», да еще, наверное, побежишь за мной следом и будешь заклинать, чтобы я осторожнее переходил улицу, теперь такое страшное уличное движение.

Он поднял руку, потер подбородок. Мои слова явно не пропали даром. Я поправил манжеты и продолжал:

— Буду ли я в достаточно хорошей форме, чтобы выиграть турнир и положить без малого шестьдесят фунтов в твой карман, если ты осуществишь силовой прием, который у тебя сейчас на уме? Прикинь-ка своей башкой, мой милый Чеддер.

Борьба, конечно, была нешуточной, но краткой. Победил разум. Издав хриплый стон душевной муки, Сыр сделал шаг назад, а я весело пожелал

ему спокойной ночи, снисходительно помахал ручкой и пошел к себе.

Когда я вошел, тетя Далия в шлафроке цвета бычьей крови поднялась мне навстречу из кресла, в котором просидела все это время, и охваченная волнением, устремила на меня убийственный взор.

— Ну? — выговорила она с трудом, словно маленький пекинес, не сумевший проглотить чересчур большую котлету. Больше она ничего не смогла сказать и перешла на хрип.

Должен признаться, это меня немного задело. Если кому и полагалось устремлять убийственный взор и испытывать затруднения с голосовыми связками, то это, по моим понятиям, мне. Судите сами. Из-за ошибки, допущенной моей родной теткой при составлении штабного приказа, я теперь должен буду пойти к алтарю с Флоренс Крэй, и к тому же еще я подвергся такой опасности, от которой, не исключено, что непоправимо пострадала моя тонкая нервная система. Я был твердо убежден, что не только не заслужил убийственного взора и горлового клокотания, но, наоборот, имею категорическое право потребовать объяснения и, более того, получить его.

Я только было набрал в грудь воздуху, чтобы все это ей выложить, но она в это время совладала с волнением и смогла заговорить.

— Ну? — произнесла тетя Далия с видом одной из малых пророчиц, собравшейся предать проклятию грехи своего народа. — Разреши занять на минуту твое драгоценное время, чтобы спросить, чем, черт подери, ты занимаешься, бессовестный молодой Берти? Сейчас двадцать минут после полуночи, а с твоей стороны — никаких действий. По-твоему, я должна сидеть всю ночь и дожидаться, пока ты соизволишь исполнить простое, элементарное поручение, с которым больной шестилетний ребенок за четверть часа справился бы и умыл ручки? Может быть, для вас, беспутных лондонцев, сейчас самое время для разгула, но мы, деревенские, любим ночью спать. В чем дело? Отчего такая задержка? Что, черт возьми, ты делал все это время, отвратительное ты молодое чудовище?

Я рассмеялся горьким, глухим смехом. А она оценила его совсем неправильно и попросила меня не изображать звуки скотного двора, будет еще время. Спокойствие, сказал я себе… полное спокойствие.

— Прежде чем ответить на ваши вопросы, почтенная родственница, — сказал я, сдерживаясь изо всех сил, — позвольте один вопрос задать вам. Не соблаговолите ли объяснить мне в нескольких доступных словах, почему вы заявили, что ваше окно — последнее слева?

— Оно и есть последнее слева.

— Ну уж извините.

— Если смотреть со стороны дома.

— Ах, *со стороны дома'?* — Меня вдруг осенила догадка. — А я думал, если смотреть на дом.

— Если смотреть на дом, то оно будет, конечно… — Не договорив, она испуганно вскрикнула и вытаращилась на меня тоже с безумной догадкой во взоре. — Ты хочешь сказать, что забрался не в ту комнату?

— Более, чем просто не в ту.

— В чью же?

— Флоренс Крэй.

Тетя Далия присвистнула. Было ясно, что она поняла всю трагичность положения.

— Флоренс уже лежала в постели?

— В розовом ночном чепце.

— И проснувшись, увидела тебя?

— Почти сразу же. Я там опрокинул пару столиков. Моя тетя присвистнула еще раз.

— Тебе придется жениться.

— Вот именно.

— Хотя, я думаю, она не согласится.

— А я имею надежную информацию в противоположном смысле.

— Ты что же, все уладил?

— Она все уладила. Мы помолвлены.

— Несмотря на усы?

— Усы ей нравятся.

— Вот как? Странный вкус. А как же Чеддер? Мне казалось, что она обручена с ним?

— Уже нет. Та помолвка расторгнута.

— Они расстались?

— Бесповоротно.

— И теперь она взялась за тебя?

— Да.

Теткино лицо выразило озабоченность. Хотя она по временам довольно грубо со мной обращается и обзывает меня разными смачными именами, но вообще-то она меня любит и принимает мое благополучие близко к сердцу.

— Флоренс, мне кажется, для тебя слишком ученая. Насколько я ее знаю, ты и охнуть не успеешь, как она засадит тебя читать У.Х. Одена.

— Она на что-то в этом духе уже намекала, правда, помнится, имя было, кажется, Т.С. Элиот.

— Хочет тебя перевоспитать?

— Похоже, что так.

— Тебе это не понравится.

— Да уж.

Она сочувственно кивнула.

— Мужчины этого не любят. Я объясняю свой счастливый брак с Томом тем, что ни разу даже пальцем на него не надавила. Агата все время старается перевоспитать Уорплесдона, и муки, которые он испытывает, должно быть, ужасны. Недавно она заставила его бросить курить, в результате он повел себя как рыжий гризли, угодивший лапой в капкан. Тебе Флоренс уже велела бросить курить?

— Нет еще.

— Скоро велит. А дальше придет очередь коктейлей. — Тетя Далия покосилась на меня с глубоким состраданием. Видно было, что ее терзает раскаяние. — Кажется, из-за меня ты попал в переделку, мой карапуз.

— Да ладно, не думайте об этом, престарелая родственница, — сказал я ей. — Мало ли что в жизни случается. Меня гораздо больше беспокоит, что будет с вами. Мы должны непременно спасти вас из моря бед,[42] как выражается Дживс. Все прочее не так уж важно. А о себе в сравнении с этим я забочусь лишь в той пропорции, в какой соотносится вермут с джином в крепком сухом мартини.

Было видно, что она растрогана. Глаза ее, если я не обознался, наполнились непролитыми слезами.

— Как это самоотверженно с твоей стороны, милый Берти.

— Пустяки, уверяю вас.

— Кто бы подумал, глядя на тебя, что в тебе столько благородства. И такое твое отношение делает тебе честь, вот все, что я могу сказать. А теперь за деЛо. Ступай и перенеси лестницу к правому окну.

— То есть к левому окну.

— Назовем его правильным окном.

Я собрался с духом, чтобы сообщить ей худую весть.

— Но вы упускаете из виду, — говорю, — наверное, потому, что я забыл вам сказать, что имеется одно препятствие, которое грозит свести на нет наши усилия и начинания. Дело в том, что лестницы там нет.

— Где нет?

— Под правым окном, или, лучше сказать, под неправильным окном. Когда я выглянул, ее там не было.

— Вздор. Лестницы не тают в воздухе.

— В Бринкли-Корте, что в Бринкли-Кум-Снодсфида-ин-де-Марш, еще

как тают, уверяю вас. Про другие места не скажу, не знаю, но в Бринкли-Корте они исчезают, стоит отвести от них взгляд на одно мгновение.

— То есть, ты хочешь мне сказать, что лестница пропала?

— Именно это я стараюсь довести до вашего сведения. Она сложила шатры, как арабы, и беззвучно ушла с прежних мест.[43]

Тетя Далия залилась фиолетовым румянцем и, я думаю, собралась сгоряча издать какой-то клич из своих охотничьих запасов, поскольку, если ее раззадорить, она за словом в карман не лезет, но в этот момент дверь открылась, и вошел дядя Том. Я был слишком взволнован и не мог точно определить степень его возбуждения, но было видно простым глазом, что он охвачен негодованием.

— Далия! — воскликнул он. — Мне показалось, что я слышу ваш голос, и я не ошибся. Почему вы не спите в такой поздний час?

— У Берти разболелась голова, — с ходу сочинила моя почтенная родственница. — Я дала ему выпить аспирина. Как голова, уже лучше, Берти?

— Заметно некоторое улучшение, — успокоил я ее, я ведь и сам здорово быстро соображаю, — А вы что так поздно на ногах, дядя Том?

— Да-да, — подхватила тетя Далия, — вы-то что расхаживаете по дому за полночь, мой благоверный? По-моему, вы бы должны были уже видеть десятый сон.

Дядя Том сокрушенно покачал головой.

— Какой там сон, моя дорогая! Сегодня ночью мне спать не придется. Я слишком встревожен. Весь дом кишмя кишит грабителями.

— Грабителями? Откуда вы взяли? Я, например, не видела грабителей. А ты, Берти?

— Ни одного. Помню, меня это даже удивило.

— Вы, Том, наверное, видели сову или еше какое-нибудь существо.

— Я видел лестницу, когда перед сном прогуливался в саду. Она была приставлена к окну. Я ее сразу взял и отнес на место. Минута промедления, и по ней бы сотнями полезли в дом грабители.

Мы с тетей Далией переглянулись. У нас обоих отлегло от сердца, поскольку тайна исчезновения лестницы раскрылась. Странная вещь: как бы ты ни любил тайны в книжной форме, когда они вдруг подворачиваются в жизни, это всегда действует на нервы.

Тетя сделала еще одну попытку успокоить мужа.

— Не иначе как один из садовников пользовался этой лестницей, а потом забыл отнести на место. Хотя, с другой стороны, — добавила она озабоченным тоном, решив, должно быть, что невредно будет подготовить

почву, — вполне может случиться, что какой-нибудь взломщик вздумает полезть за моим драгоценным ожерельем. Я это совсем упустила из виду.

— А я — нет, — сказал дядя Том. — О нем я подумал прежде всего. Я сразу пошел в вашу комнату, достал ожерелье и положил в сейф, что у нас в холле. Чтобы оттуда его достать, понадобится взломщик семи пядей во лбу, — заключил он не без гордости и ушел, оставив после себя, как выражаются некоторые, чреватую тишину.

Тетка посмотрела на племянника, племянник — на тетку.

— Черт-те что, — промолвила первая, возобновляя переговоры, — Что же нам теперь делать?

Я согласился, что положение сложное. С ходу и не предложишь из него мало-мальски вразумительного выхода.

— Нет ли шансов раздобыть код?

— Ни малейших.

— А Дживс не может взломать сейф? Тетя Далия сразу повеселела.

— Точно! Дживс может все. Супай и приведи его. Я чуть не лопнул от возмущения.

— Где, черт возьми, я вам его достану? Я же не знаю, где его комната. Разве что вы знаете.

— Да нет.

— Не ходить же мне от двери к двери и будить всех домашних. Кто я, по-вашему? Поль Ревир?[44]

Я замолчал, дожидаясь ответа, стою и молчу, и тут, вдруг в комнату входит не кто иной, как Дживс собственной персоной. Даже в такой поздний час Дживс явился точно к сроку.

— Прошу прощения, сэр, — произнес он. — Рад, что не потревожил ваш сон. Я позволил себе прийти, дабы узнать, все ли сошло благополучно. Удалось ли вам ваше предприятие, сэр?

Я горестно покачал головой.

— Нет, Дживс. Я двигался своим таинственным путем, чтоб чудеса творить,[45] но был остановлен неоднократным вмешательством Божьим. — И я в нескольких емких словах ввел его в курс дела. — Так что ожерелье теперь в сейфе, — заключил я, — и вопрос, как я это вижу и как тетя Далия видит, состоит в том, каким бы образом, черт подери, его оттуда достать? Вы уловили?

— Да, сэр. Положение внушает беспокойство. Тетя Далия громко вскрикнула.

— Не надо! — страстно прогудела она. — Если я еще раз услышу

слова «внушает беспокойство», я… Вы не можете взломать сейф, Дживс?

— Нет, мэм.

— Не говорите, пожалуйста: «Нет, мэм», таким безразличным тоном. Откуда вы знаете, что не можете?

— Это требует специального обучения и воспитания, мэм.

— Тогда я пропала, — сказала тетя Далия, направляясь к Двери с решительным и мрачным выражением на лице. Она сейчас походила на маркизу, идущую на эшафот в те времена, когда у них там во Франции творились все эти дела. — Вы не были в Сан-Франциско при землетрясении,[46] Дживс?

— Нет, мэм. Я не бывал ни в одном городе на западном побережье Соединенных Штатов.

— Это я просто к тому, что если бы вы там были, катаклизм, который произойдет, когда приедет лорд Сидкап и откроет Тому страшную правду, мог бы напомнить вам прошлые времена. Ну, да ладно. Доброй ночи всем. Я пойду вздремну немного.

И она мужественно удалилась. Общество «Куорн» отлично школит своих дочерей. Железные характеры. В жестоких тисках обстоятельств, как говорил мне Дживс, от них не услышишь ни стона, ни вскрика. Об этом я напомнил ему, когда мы остались одни, и он подтвердил, что так оно и есть.

— Под тири-рам-ти чего-то там такое… Как дальше-то?

— И под кровавыми ударами судьбы, сэр, Он держит голову высоко.

— Здорово сказано. Сами сочинили?

— Нет, сэр. Автор — покойный Уильям Эрнест Хенли.[47]

— Как-как?

— Название — «Invictus». Но правильно ли я понял из слов миссис Трэверс, что ожидается приезд лорда Сидкапа, сэр?

— Да, он приезжает завтра.

— И это он — тот самый джентльмен, которому покажут ожерелье миссис Трэверс?

— Он самый, голубчик.

— В таком случае, все в порядке, сэр.

Я прямо вздрогнул. Наверное, я его не так понял. Или же он сам не знает, что говорит.

— Все в порядке, вы сказали, Дживс?

— Да, сэр. Вы не знаете, кто такой лорд Сидкап, сэр?

— Никогда в жизни о нем не слышал.

— Вы, наверное, помните его под другим именем, как мистера Родерика Спода.

У меня глаза на лоб полезли. Я едва устоял на ногах.

— Это Родерик Спод?

— Да, сэр.

— Тот самый Родерик Спод из Тотли-Тауэрс?

— Совершенно верно, сэр. Он недавно получил титул лорда Сидкапа по наследству от своего скончавшегося дяди.

— Вот так так, Дживс!

— Ваша правда, сэр. Я думаю, вы согласитесь, что при данных обстоятельствах проблема, стоящая перед миссис Трэверс, решается элементарно. Стоит одним словечком напомнить его сиятельству тот факт, что он продает дамское нижнее белье под торговой маркой «Eulalie Soers», и этого будет вполне достаточно, чтобы побудить его к тактичному молчанию касательно поддельности жемчугов. Когда мы гостили в Тотли-Тауэрс, если помните, сэр, мистер Спод, как он тогда именовался, никак не хотел, чтобы это обстоятельство обрело широкую известность.

— Точно, Дживс!

— Да, сэр. Я решил вам об этом напомнить, сэр. Доброй ночи, сэр.

И он растворился в ночи.

15

Мы, Бустеры, не имеем обыкновения вставать ни свет ни заря, так что солнце уже сияло на небе вовсю, когда я на следующее утро пробудился, чтобы приветствовать новый день. Я доедал освежающую яичницу с чашкой кофе, как вдруг, будто налетел ураган, дверь распахнулась, и вбежала, пританцовывая, моя тетя Далия.

Я говорю, «пританцовывая», потому что в ее движениях наблюдалась какая-то особенная живость с подскоком. Ничего похожего на вчерашнее безнадежное уныние. Тетка была явно вне себя от радости.

— Берти, — сказала она после краткой вступительной речи, в которой она назвала меня молодым лежебокой, постыдился бы так поздно валяться под одеялом в такой безумно радостный день, самый счастливый, по ее мнению, во всем веселом году— Я сейчас разговаривала с Дживсом, и если существовал когда-нибудь на свете выручатель и друг в беде, так это как раз он. Шапки долой перед Дживсом! — так я считаю.

Тут она перевела дух и высказалась по поводу моих усов, что-де они

оскорбительны для Бога и человека, но их нетрудно будет вывести сильнодействующим средством от сорняков, а затем вернулась к изначальной теме.

— Дживс сказал, что этот лорд Сидкап, который приезжает сегодня, — не кто иной, как наш старый знакомец Родерик Спод.

Я кивнул. Я уже понял по ее восторженному виду, что Дживс сообщил ей нашу замечательную новость.

— Это правда, — подтвердил я. — Оказывается, Спод по секрету от нас был с самого начала тайным племянником лорда, который с тех пор, как мы гостили в Тотли-Тауэрс, успел переселиться в надзвездные сферы и дал племяннику возможность подняться на ступеньку вверх. А про «Сестриц Юлали» Дживс вам тоже рассказал?

— Ну, да, со всеми подробностями. Почему ты до сих пор со мной не поделился? Знаешь ведь, как я люблю посмеяться.

В ответ я с важным видом развел руками и при этом опрокинул кофейник, который, к счастью, был уже пуст.

— У меня на губах лежала печать молчания.

— Это у тебя-то печать молчания?

— Можете смеяться, сколько угодно, но я повторяю: эти сведения я получил кон…конфиденциально.

— Уж родной-то тетке мог бы сказать.

Я отрицательно покачал головой. Женщины в таких вещах не разбираются. Для слабого пола Noblesse oblige[48] — пустой звук.

— Конфиденциальные сообщения не сообщают даже родной тетке, если ты, конечно, достойный конфидент.

— Ну, да ладно, теперь мне все известно, и Спод, он же Сидкап, у меня в руках. Как отчетливо я помню тот день в Тотли-Тауэрс, — задумчиво и восторженно глядя вдаль, проговорила тетя Далия. — Вот, казалось, он надвигается на тебя с хищным блеском в глазах и с пеной в углах рта, но тут ты поднимаешься, спокойный, как огурчик, и говоришь: «Минутку, Спод. Одну минутку. Вам, может быть, небезынтересно будет узнать, что про Юлалию мне все известно». Как я тобой восхищалась!

— Естественно.

— Ты был похож на укротителя львов, бросающего вызов хищному монарху джунглей.

— Н-да, некоторое сходство просматривается.

— А он сразу сник. Я в жизни не видела ничего подобного. У меня на глазах он сник и весь скукожился, как мокрый носок. И то же самое произойдет с ним, когда он приедет сегодня вечером.

— Вы хотите отвести его в сторонку и сообщить, что вам известен его позорный секрет?

— Именно. И настойчиво порекомендую, когда Том покажет ему ожерелье, сказать, что это — прелестная вещица и вполне стоит той цены, которую Том за нее отдал. Осечки быть не может. Подумать только, владелец магазина «Eulalie Soeurs»! Загребает, наверное, кучу денег. Я заезжала к ним месяц назад, купить панталоны с корсетом, так магазин ломился от покупателей. Деньги лились на прилавки, как волна цунами. Да, и кстати, насчет панталонов. Флоренс только что показывала мне свои. Не те, что на ней, я имею в виду, а которые у нее в запасе. Спрашивала, как я их нахожу. И вот что я тебе скажу, мой козленочек, — тетя посмотрела на меня с родственным участием, — тут у тебя положение очень серьезное.

— Вы считаете?

— Крайне серьезное. Она решительно настроена на то, чтобы свадебные колокола на этот раз сыграли свою песню. Где-то в ноябре, она говорит, на Ганновер-сквер у Святого Георгия. Уже вовсю рассуждает о подружках, об угощении. — Тетя Далия замолчала и оглядела меня с некоторым недоумением. — Ты словно бы и не расстроен, — заметила она. — Неужто ты один из тех, у кого нервы из закаленной стали, как пишут в книгах?

Я опять развел руками, на этот раз без бедственных последствий для посуды на подносе.

— Я отвечу вам, престарелая родственница. Когда обручаешься столько раз, сколько раз обручался я, и всегда в последний миг бывал спасен от гибели у подножия эшафота, начинаешь верить в свою звезду. Сохраняешь ощущение, что не все еще потеряно, пока не окажешься у ограды алтаря, и орган заиграет: «О, святая любовь», и священник задаст вопрос: «Согласен ли ты?». В настоящее время я попал в суп, это факт, но все может еще, с Божией помощью, обойтись, мне будет даровано спасение, и не исключено, что я выберусь из суповой кастрюли целым и невредимым.

— То есть ты не отчаиваешься?

— Нет. Я возлагаю надежды на то, что, все хорошенько обдумав, эти два гордых расплевавшихся сердца договорятся и помирятся, и я вновь окажусь на свободе. Ведь они расстались из-за того, что…

— Знаю. Она мне рассказала.

— …что Сыр узнал, что на той неделе я водил Флоренс в «Пеструю устрицу», и он отказывается верить, что это было ей нужно просто для создания атмосферы в новой книге. Возможно, когда он немного остынет и

рассудок к нему вернется, он осознает свою ошибку и попросит у нее прощения за столь постыдную недоверчивость. Вот какие у меня мысли. Вот на что я возлагаю надежды.

Тетя согласилась, что в этом что-то есть, и похвалила меня за твердость духа и за верное, как она считает, направление мыслей. Они напоминают ей, она сказала, спартанцев при Фермопилах, уж не знаю, где это.

— Но пока еще ему далеко до такого миролюбия, судя по словам Флоренс. Он убежден, как она говорит, что вы с нею предавались вместе беспардонному разгулу. Ну, и, конечно, досадно, что ты оказался среди ночи в шкафу у нее в спальне.

— Крайне. Было бы гораздо лучше, если бы этого не произошло.

— То-то он, должно быть, опешил. Чего я не могу понять, это почему он тут же на месте не вышиб из тебя душу. Казалось бы, напрашивалось само собой.

Я довольно ухмыльнулся.

— Он вытянул билет с моей фамилией в клубном первенстве по «летучим дротикам».

— При чем тут это?

— Дорогая моя, кто же станет вышибать душу из игрока, от меткости которого зависит его выигрыш в пятьдесят фунтов десять шиллингов?

— А-а, поняла.

— И он тоже понял, когда я ему четко обрисовал картину. Сразу присмирел. Возможно, что мысли о вышибании души и приходят ему в голову, но он будет придерживаться мирной политики, как тот самый кот, который хочет рыбки, но боится лапы промочить. Я ему связал руки раз и навсегда. Других вопросов нет?

— Как будто бы нет.

— Тогда, если вы удалитесь, я встану и оденусь.

Она вышла, и когда за ней закрылась дверь, я скинул вчерашнее, принял ванну, побрился, приоделся и вынес утреннюю сигарету прогуляться среди угодий и сооружений.

Солнце стояло уже гораздо выше, чем когда я наблюдал его предыдущий раз, и его ласковое тепло придало мне дополнительного оптимизма. Я размышлял о Сыре Чеддере и о том, как мне удалось загнать его в тупик, и находил, что мир, в сущности, не столь уж и плох. По-моему, нет на свете ничего, что бы так же бодрило душу, как успех в обведении вокруг пальца злодея, который размахивал кулаками и строил злобные планы. При мысли о связанном по рукам и ногам Сыре я испытывал такое

же удовлетворение, как раньше в Тотли-Тауэрс, когда мне удалось подчинить своей воле Родерика Спода. Ну, настоящий укротитель львов, как говорит тетя Далия.

Правда, с другой стороны, имеется Флоренс, — уже, как выяснилось, обсуждающая кандидатуры подружек на свадьбе, организацию праздничного угощения, и церковь Святого Георгия на Ганновер-сквер, — человек послабее духом позволил бы ее черной тени затмить его жизнерадостное мироощущение. Но неизменное правило Вустеров — считать свои удачи поштучно. Я сосредоточил мысли исключительно на светлой стороне и говорил себе, что даже если спасение в последний миг так и не придет и мне все же придется испить до дна горькую чашу, все же я не предъявлю двух подбитых глаз и одного переломанного позвоночника в качестве свадебных подарков от Дж. д'Арси Чеддера. Будь что будет, тут л выигрываю так или иначе.

Словом, настроение у меня было бодрое, и я чуть ли не напевал «тра-ля-ля!», когда увидел, что ко мне приближается Дживс с видом человека, ищущего аудиенции.

— А, Дживс! — приветливо сказал я. — Прекрасное утро, не правда ли?

— В высшей степени приятное, сэр.

— Вы хотели о чем-то поговорить со мной?

— Если вы уделите мне минуту, сэр. Мне необходимо узнать, сэр, не представляется ли возможности вам нынче обойтись без моих услуг, чтобы я мог съездить в Лондон? Банкет в «Подручном Ганимеде», сэр.

— Я думал, он назначен на той неделе?

— Дату передвинули вперед, сообразуясь с пожеланиями дворецкого сэра Эверарда Эверетта, поскольку он завтра отбывает со своим хозяином в Соединенные Штаты Америки. Сэр Эверард принимает на себя должность британского посла в Вашингтоне.

— Вот как? Пожелаем ему удачи, старому чертяке.

— Да, сэр.

— Приятно видеть, как слуги народа разъезжают туда-сюда, отрабатывая свое жалованье.

— Да, сэр.

— Я имею в виду, если ты — налогоплательщик, и на их жалованье идут твои денежки.

— Совершенно верно, сэр. Буду рад, если вы сочтете возможным отпустить меня на это мероприятие, сэр. Как я вам говорил, я там председательствую.

Понятно, когда он поставил вопрос так, мне ничего не оставалось, как ответить утвердительно.

— Ну, разумеется, Дживс. Поезжайте и пируйте там, покуда ребра не затрещат. Больше вам такая возможность, наверное, не представится, — многозначительно добавил я.

— Сэр?

— Вы столько раз говорили мне, что в «Ганимеде» считается недопустимым, чтобы члены клуба разбалтывали секреты, содержащиеся в клубной книге, а я слышал от тети Далии, что вы выложили ей всю подноготную насчет Спода и «Сестер Юлалии». Разве вас не изгонят с барабанным боем, если это станет известно?

— Сугубо мало вероятно, чтобы об этом кто-то проведал, сэр, и я с готовностью пошел на риск, зная, что на карту поставлено счастье миссис Трэверс.

— Благородно с вашей стороны, Дживс.

— Благодарю вас, сэр. Я всегда прилагаю старания. А теперь, я думаю, мне пора на станцию, если вы меня извините. Поезд на Лондон отправляется совсем скоро.

— А почему бы вам не поехать на автомобиле?

— Но он вам точно не понадобится, сэр?

— Да нет, конечно.

— Весьма признателен, сэр. Так будет гораздо удобнее.

И он зашагал к дому, конечно, чтобы захватить котелок, его неизменный спутник в поездках в столицу. Только он удалился, как меня окликнул блеющий голос, я обернулся и увидел, что ко мне приближается Перси Горриндж, сверкая на солнце очками в роговой оправе.

Первым моим чувством при виде его было удивление. Из всех действующих лиц, каких мне довелось встретить в жизни, он был самый непредсказуемый. Невозможно даже за минуту предвидеть, с каким лицом он явится миру, на его циферблате стрелка переходила от «шторма» к «ясно» и опять к «шторму», как на барометре с испорченным нутром. Накануне за ужином он был само веселье и довольство, и вот теперь, спустя всего несколько часов, снова имел вид дохлой рыбы, из-за чего моя тетя Далия так неодобрительно к нему отнеслась. Уставя на меня тускло-безжизненный взгляд, если такое определение здесь к месту, он не стал тратить время на приветствия и пустые разговоры, а прямо занялся излиянием из души того опасного вещества, которое давит на сердце.

— Вустер! — были его первые слова. — Флоренс мне сейчас рассказала одну вещь, я просто потрясен.

Ну, что на это можно было ответить? Ничего. Подмывало, конечно, поинтересоваться, что за вещь, если про епископа и заклинательницу змей, то мы это уже слышали. Можно было бы еще прибавить два-три слова, что, мол, вот какими теперь, увы, стали барышни, анекдоты рассказывают. Но я ограничился только восклицаниями общего характера: «О! А!» — и стал ждать дальнейших подробностей.

Взор Перси, как раньше взор Флоренс, начал отчаянно метаться, обращаясь то на небо, то на землю и обратно. Видно было, что человек сильно расстроен. Наконец, совладав со своим взором и направив его строго на меня, он

продолжил:

— Вскоре после завтрака я обнаружил ее одну в цветнике, где она срезала цветы, и поспешил предложить, что подержу корзинку.

— Очень любезно.

— Она поблагодарила меня, сказав, что будет очень рада, и некоторое время мы беседовали на нейтральные темы. Слово за словом, и я попросил ее быть моей женой.

— Молодчина!

— Как вы сказали?

— Я просто сказал: молодчина.

— Но почему вы сказали: молодчина?

— Ну, как бы подбадривал, мол, так держать.

— Понимаю. «Так держать». Пожелание, чтобы человек Действовал и дальше в том же духе, и являющееся знаком Дружеского одобрения?

— Верно.

— Но в данных обстоятельствах мне удивительно — я бы даже сказал, стыдно — слышать это из ваших уст, Вустер. Это поступок в дурном вкусе, приличия требовали бы воздержаться от насмешек и издевательств.

— Не понял?

— Если вы победили, это вовсе не причина издеваться над теми, кому не повезло.

— Извините, может, вы бы снабдили меня какими-нибудь комментариями…

Он досадливо поморщился.

— Я же сказал вам, что просил Флоренс быть моей женой, и сказал, что она мне сообщила нечто, повергшее меня в изумление. А именно — что она помолвлена с вами.

Тут я, наконец, понял, на что он намекает.

— О, а. Да-да, конечно. Ну, разумеется. Да, похоже, что мы

обручились.

— Когда это произошло, Вустер?

— Недавно. Он хмыкнул.

— Совсем недавно, надо полагать, ведь еще вчера она была помолвлена с Чеддером. Ничего не разберешь, — сердито заключил Перси. — Голова кругом идет. Не поймешь, на каком ты свете.

Тут я не мог с ним не согласиться.

— Действительно, неразбериха.

— Просто с ума можно сойти. Представить себе не могу, что она в вас нашла?

— Я тоже не могу. Все это совершенно непонятно. Он свел брови, задумался. А потом продолжил:

— Взять ее недавнее увлечение Чеддером. Это, понапрягшись, все-таки можно понять. Он хотя и умственно отсталый, зато представляет собой эдакое молодое, сильное животное. И случается, что девушки интеллектуального склада тянутся к сильным молодым животным. Бернард Шоу положил этот мотив в основу своего раннего романа «Профессия Кэшела Байрона». Но *вы?* Уму непостижимо. Просто хилый мотылек.

— По-вашему, я похож на хилого мотылька?

— Если вы можете предложить более точное сравнение, буду рад его услышать. Я не вижу в вас ни крупицы обаяния и ни малейших признаков каких-либо качеств, которые можно было бы счесть привлекательными для такой девушки, как Флоренс. Диву даешься ее готовности постоянно терпеть в доме ваше присутствие.

Не знаю, как считаете вы, но, по-моему, я не особенно обидчивый человек. В общем и целом, скорее, нет. Но все-таки малоприятно, когда тебя называют хилым мотыльком, и кажется, я обрезал Перси Горринджа довольно резко.

— Вот, значит, как, — сказал я ему и погрузился в молчание. А поскольку он тоже не выказал желания поболтать о тот о сем, мы некоторое время простояли с ним, как два монаха из ордена траппистов,[49] случайно встретившихся на собачьих бегах. И я уже приготовился было, коротко кивнув, удалиться, но в последнюю минуту Перси остановил меня возгласом, по интонации и силе звука совершенно таким же, какой издал ночью Сыр Чеддер, обнаружив меня в шкафу под шляпными коробками. Он смотрел на меня сквозь свои очки-шоры с испугом, если не сказать — с ужасом. Это меня озадачило. Неужели ему потребовалось столько времени, чтобы разглядеть мои усы?

— Вустер! Господи ты боже мой! Вы без шляпы?

— За городом я обычно шляпы не ношу.

— Но на таком жарком солнце! Вы получите солнечный удар! Разве можно так рисковать?

Должен признать, что его забота меня тронула. Я почти перестал на него сердиться. Ведь, правда же, не многие так волнуются за здоровье людей, практически им не знакомых. И это доказывает, что бывает, иной наболтает тебе разной чуши насчет хилых мотыльков, а на самом деле под внешностью, которую, я думаю, всякий признает отталкивающей, у него доброе сердце.

— Да вы не волнуйтесь, — попытался я его успокоить.

— Я очень даже волнуюсь, — горячо возразил он. — Я настаиваю, чтобы вы либо надели шляпу, либо ушли в тень. Не хочу показаться назойливым, но ваше здоровье для меня, естественно, представляет большую ценность. Дело в том, что я поставил на вас в клубном первенстве по «летучим Дротикам».

Я ничего не понял.

— То есть как это? Как вы могли поставить на меня в клубном первенстве?

— Я неясно выразился. Очень разволновался. Правильнее сказать, я перекупил вас у Чеддера. Он продал мне билет с вашим именем. Так что вы можете понять мою нервозность при виде того, как вы ходите по такой жаре с непокрытой головой.

В жизни мне не раз случалось пошатнуться и чуть не упасть, но еще никогда не бывало, чтобы я пошатнулся и чуть не упал так основательно, как при этих словах. Минувшей ночью, если помните, я назвал свою тетю дрожащей осинкой. Эти же слова сейчас подходили ко мне самому, как обои к стене.

А почему, вы, надеюсь, легко поймете. Вся моя внешняя политика основывалась на той предпосылке, что Чеддер у меня связан по рукам и по ногам и не представляет ни малейшей угрозы. Однако теперь выходило, что нисколько он не связан и опять грозит наброситься подобно ассирийцам со своими когортами, сверкая пурпуром и златом, аки волк на овчарню, и жажда мести настолько его обуяла, что он даже готов пожертвовать ради нее пятьюдесятью шестью фунтами с довеском. От одной только этой мысли я похолодел до мозга костей.

А Перси продолжал:

— Я думаю, что на самом деле у Чеддера добрая душа, хотя он ее и прячет. Признаюсь, что несправедливо судил о нем. Если бы не возвратил уже корректуру в редакцию «Парнаса», я бы изъял из нее «Калибана на

закате». Он сказал, что у вас все шансы выйти победителем в состязании по дротикам, и, однако же, добровольно предложил мне купить у него за смехотворно низкую цену билет с вашей фамилией, поскольку, как он объяснил, он мне симпатизирует и хочет сослужить мне добрую службу. Широкий, щедрый, благородный поступок, он возвращает нам веру в человека. Да, кстати, Чеддер вас искал. Вы ему для чего-то нужны.

Еще раз повторив настоятельный совет насчет шляпы, Перси зашагал дальше своей дорогой, а я остался стоять на месте как вкопанный, не в силах двинуть ни ногой, ни рукой, мучительно, до онемения мозгов, ищя выход из создавшегося положения. Мне было очевидно, что необходимо предпринять какой-то чрезвычайно хитрый контршаг, притом немедленно, но какой же? Вот, как говорится, в чем закавыка.

Понимаете, просто так подхватиться и сбежать из опасной зоны я не мог, хотя, казалось бы, чего уж лучше? Но мне непременно надо было находиться в Бринкли-Корте, когда явится Спод. Как ни уверенно рассуждала тетя Далия, что-де он у нее будет вести себя как миленький, но мало ли какие на самом деле могли возникнуть затруднения, и на этот случай присутствие сообразительного племянника было насущно необходимо. Вустеры не бросают родных теток в беде.

Если же отбросить вариант с крыльями голубя, которыми я бы с радостью обзавелся, да нельзя, какой же еще выход остается? Честно признаюсь, что целых пять минут мне ничего не приходило в голову.

Но не зря говорят о Берти Вустере, что в минуту крайней опасности на него загадочным образом находит вдохновение. Именно это случилось теперь. Неизвестно откуда вдруг явилась мысль, точно расцветшая роза, обдала жаром, и я, ноги в руки, помчался в конюшню, где было стойло моего спортивного двухместного автомобильчика. Не исключено, что Дживс еще не уехал, и если так, то выход у меня есть.

16

Если вы принадлежите к тем достойным людям, которые любят прилечь на досуге с сочинениями Б. Вустера в руках, быть может, вам уже случилось прочитать предыдущий том моих записок, где рассказывается, как Дживс и я гостили раз в Деверил-Холле, загородном имении Эсмонда Хаддока, мирового судьи, и вспомните, как, находясь в доме у Хаддока, Дживс обнаружил, что в собственности у сына тети Агаты Тоса имеется полицейская дубинка, каковую дубинку он у мальчишки изъял, понимая —

да и кто бы не понял? — что такое оружие нельзя оставлять в руках этого юного разбойника и убийцы. Мысль, обдавшая меня жаром, как описано выше, касалась этой дубинки: находится ли она до сих пор у Дживса? От этого зависело все.

Дживса, при параде и в котелке, я настиг уже за рулем машины, готового надавить ногой на стартер. Еще миг, и я бы опоздал. Подбежав, я, не откладывая, задал ему первый наводящий вопрос:

— Дживс, вернитесь мысленно к тому времени, когда мы гостили в Деверил-Холле. Вернулись?

— Да, сэр.

— Тогда следите за моей мыслью. Там в это время находился сын моей тети Агаты Тос.

— Совершенно верно, сэр.

— Уезжая из Лондона, этот малец приобрел малую полицейскую дубинку с целью использовать ее против одноклассника по прозвищу Ябеда, которого за что-то невзлюбил.

— Она же — свинчатка, как ее называют в Америке.

— Неважно, как ее называют в Америке, Дживс. Вы у него ее отобрали.

— Я подумал, что так будет разумнее.

— Так и было разумнее. Никто не спорит. Выпустить такого бандита, как юный Тос, гулять на свободе с подобным оружием, значит накликать беды и… это самое… какое это слово? Кончается на клизму.

— Катаклизмы, сэр?

— Они самые. Вы, несомненно, поступили совершенно правильно. Но речь не о том. Я вот что хочу спросить: эта дубинка, где она теперь?

— В лондонской квартире среди моих вещей, сэр.

— Я поеду с вами и привезу ее.

— Я могу захватить ее на обратном пути, сэр.

Я переступил с ноги на ногу. На обратном пути, как бы не так! Когда же это получится? Наверное, глубокой ночью, сборища в таких горячих точках, как «Подсобник Ганимед», банкетом не заканчиваются. Я знаю, что бывает, когда эти дикие дворецкие хорошенько разойдутся. Они сидят до полуночи, пьют, поют каноны и вообще всячески резвятся, как разгулявшиеся эскимосы в пивном салуне. А я на весь долгий летний день останусь безоружным и стану легкой добычей для кровожадного Сыра, который, как я только что слышал, рыщет поблизости, ища, кого бы пожрать.

— Нет, Дживс, это мне не подходит. Она нужна мне немедленно. Не

вечером, не в среду на той неделе, а срочно, как можно скорее. Мистер Чеддер уже дышит мне в затылок, Дживс.

— Вот как, сэр?

— И чтобы отбиться от мистера Чеддера, мне необходимо оружие. У него сила десятерых, и невооруженный, я буду перед ним, как колос перед серпом.

— Прекрасно сказано, сэр, если мне позволительно заметить, и ваша оценка ситуации абсолютно верна. Мускулатура у мистера Чеддера такая, что ему ничего не стоит раздавить вас, как муху.

— Вот именно.

— Он ударит один раз, и от вас ничего не останется. Он переломит вас надвое голыми руками. Разорвет вас на куски.

Я поморщился. Хорошо, конечно, что Дживс понимает всю серьезность положения, но эти грубые натуралистические подробности показались мне излишними.

— Совершенно незачем расписывать режиссерский сценарий, Дживс, — сказал я с некоторым холодком в голосе. — Я веду к тому, что, вооруженный дубинкой, я смогу бестрепетно встретить его лицом к лицу. Вы согласны?

— Полностью, сэр.

— Тогда вперед, — распорядился я и запрыгнул на пассажирское место.

Эта дубинка, о которой мы говорили, представляет собой довольно короткое резиновое приспособление, на первый взгляд даже не поверишь, что она годится, чтобы справиться с противником такого тоннажа, как Сыр Чеддер. В спокойном состоянии она совсем не кажется таким уж грозным оружием. Но я видел ее в действии и знал ее, как выразилась бы Флоренс, потенциальные возможности. Однажды в Деверил-Холле по соображениям совершенно бесспорным, но сейчас слишком долго рассказывать, Дживс съездил ею по макушке полицейскому Доббсу, добросовестному стражу порядка, и бедняга где стоял, там и упал, как тихий дождь с небес на землю упадает.[50]

Есть такая песня, ее часто поют священнослужители на деревенских концертах:

Я не страшусь врага в блестящих латах,
Как ни сверкает острие его копья.

Не помню, как там дальше, да это и неважно. Просто я хочу сказать, что эти слова очень точно передают мои ощущения. Я не сомневался, что с дубинкой в руке буду держаться уверенно и спокойно, сколько бы Чеддеров ни ринулось с пеной у рта на меня.

Все сошло согласно плану. Проделав приятную поездку, мы подъехали к крыльцу Беркли-мэншенз, вошли в квартиру, там, как и предусматривалось, лежала дубинка, Дживс вручил ее мне, я его поблагодарил в нескольких изысканных выражениях, он отправился на свою оргию, а я, перекусив в клубе «Трутни», забрался в свою машинку и взял курс на Бринкли-Корт.

Первым человеком, которого я увидел, возвратившись часа через два в Бринкли-Корт, была тетя Далия. Она, как расстроенная тигрица, ходила в холле из угла в угол. От ее утренней жизнерадостности не осталось и следа — меня встретила опять сникшая и подавленная тетя, так что сердце у меня екнуло от жалости.

— Вот тебе на! — сказал я. — Престарелая родственница, что случилось? Неужели ваш план не сработал?

Она мрачно пнула подвернувшийся стул, и он улетел в неведомую даль.

— Моему плану не предоставилось возможности сработать.

— Отчего? Спод не приехал?

Она обвела хмурым взглядом холл, наверное, надеялась, что подвернется еще один стул, который можно было бы пнуть. Но стула в пределах сферы ее влияния не оказалось, поэтому она пнула диван.

— Приехать-то приехал, но что же получилось? Прежде чем я успела отвести его в сторонку и произнести хотя бы одно слово, налетел Том и утащил смотреть коллекцию своего обожаемого серебра. Они пробыли в коллекционной комнате уже больше часа и Бог весть сколько еще пробудут.

Я поморщился. Что-то в этом роде следовало предусмотреть.

— А выманить его оттуда никак нельзя?

— Никаких человеческих сил не хватит, чтобы вызволить того, кому Том толкует про свою коллекцию. Он парализует собеседника горящим взором. Единственная надежда — что он будет совершенно поглощен серебряной тематикой и не вспомнит про жемчуга.

Преданному племяннику совсем не хочется толкать горюющую тетку еше глубже в пучину отчаяния. Но выхода не было — я покачал головой.

— Ох, сомневаюсь.

Она опять в сердцах пнула диван.

— И я тоже сомневаюсь. Поэтому-то я неотвратимо схожу с ума и в любую минуту могу завыть страшным голосом, как фея — предвестница смерти. Рано или поздно он непременно вспомнит и поведет Спода к сейфу, я только спрашиваю себя: когда? когда? Кто был тот тип, над которым висел на одном волоске меч, а он сидел и гадал, когда этот меч оборвется и нанесет ему глубокую кровавую рану?

Чего не знаю, того не знаю. Лично я с ним не знаком. И точно, что он не из нашего клуба.

— К сожалению, не могу вам сказать. Может быть, Дживс знает.

При упоминании славного имени глаза моей тети зажглись.

— Дживс! Ну конечно! Вот кто мне нужен. Где он?

— В Лондоне. Попросил у меня свободный день. У них сегодня в «Подсобнике Ганимеде» ежемесячный банкет.

Она издала возглас, который вполне мог быть воплем феи — предвестницы смерти, ранее ею упомянутой, и посмотрела на меня так, как в охотничьи времена, должно быть, смотрела на умственно отсталую собаку, отвлекшуюся от исполнения профессиональных обязанностей, чтобы погнаться за кроликом.

— И ты отпустил Дживса в такое время, когда его присутствие необходимо больше, чем когда-либо?

— У меня не хватило духу ему отказать. Он там сегодня председатель. Скоро уже вернется.

— А к этому времени…

Тетя Далия хотела добавить еще кое-что, если я верно понял ее взгляд, но не успела, так как увидела спускающиеся по лестнице бакенбарды, и в следующее мгновение к нам присоединился Перси.

При виде меня он слегка отшатнулся.

— Вустер! — взволнованно проговорил он. — Где вы пропадали целый день, Вустер?

Я ответил ему, что ездил в Лондон, и он горестно вздохнул:

— По такой жаре! Это вам вредно. Вы не должны перегружать себя, Вустер. Вам надо накапливать силы.

Неудачную минуту он выбрал для своего выступления. Престарелая родственница обрушилась на него, как будто он спугнул или даже вовсе пристрелил лисицу.

— Горриндж, кошмарный вы беженец из преисподней! — зарычала она, по-видимому забыв, что она хозяйка дома. — Убирайтесь вон, чтоб вам пусто было! У нас совещание.

Но, как я понимаю, якшаясь с издателями поэтических журналов, человек закаляется и становится нечувствителен к словесным нападкам, во всяком случае Перси, вместо того чтобы съежиться от страха, чего вроде бы следовало от него ожидать, совершенно не съежился, а, наоборот, выпрямился во весь рост и ответил ей по полной программе.

— Сожалею, что отвлек вас в неподходящий момент, миссис Трэверс, — произнес он со сдержанным достоинством, очень его украсившим, — но у меня к вам поручение от мамаши. Мамаша хотела бы поговорить с вами. Она просила меня узнать, будет ли вам удобно, если она зайдет к вам в вашу комнату.

Тетя Далия от избытка чувств всплеснула руками. Я понимал ее. Меньше всего расстроенной женщине хочется побеседовать с другой женщиной типа мамаши Троттер.

— Только не сейчас!

— Может быть, позже?

— Это что-то важное?

— Насколько я мог понять, крайне важное.

Тетя Далия испустила глубокий вздох страдалицы, на которую со всех сторон наседают.

— Ну, ладно. Скажите, что я жду ее через полчаса. А сейчас, Берти, я пойду в коллекционную комнату. Мало ли, может быть, Том уже выговорился. Но одно последнее слово, — заключила она, направляясь к двери. — Еще одно недочеловеческое страшилище, которое сунется ко мне в трудную минуту и прервет ход моих мыслей, поплатится за это жизнью. Может писать завещание и заказывать погребальный венок из белых лилий!

И со скоростью миль сорок в час удалилась. Перси проводил ее снисходительным взглядом.

— Странная личность, — высказался он.

Я подтвердил, что престарелая родственница действительно местами странная.

— Немного напоминает мне редакторшу в «Парнасе». Та тоже, чуть разволнуется, начинает орать и вскидывать руки. Но насчет вашей поездки в Лондон, Вустер. Зачем вы ездили?

— Да так, знаете ли, дела кое-какие.

— Слава Богу, что вы возвратились живой и невредимый. В наши дни в дорожно-транспортных происшествиях погибает масса народу. Надеюсь, Вустер, вы ведете машину осторожно? Не гоните? Сбавляете скорость на поворотах? Прекрасно, прекрасно. Но мы тут все ужасно о вас

беспокоились. Не понимали, куда вы подевались. Особенно волновался Чеддер. Он решил, что вы исчезли безвозвратно, и жаловался, что ему надо было обсудить с вами кое-какие вопросы. Пойду сообщу ему, что вы вернулись. Это его успокоит.

Он рысцой пустился прочь, а я безмятежно закурил сигарету, по уши собранный и уверенный в себе. Сигарета скурилась до половины, и мне как раз удалось выпустить неплохое дымовое кольцо, когда послышался тяжелый топот, и на горизонте показался Сыр.

Я сунул руку в карман и крепко сжал там мою надежную дубинку.

17

Не знаю, приходилось ли вам наблюдать, как тигр в джунглях, набрав в грудь воздуху, готовится совершить прыжок и попасть обеими лапами на спину существа помельче. Наверное, нет. И мне тоже не приходилось. Но думается, что тигр в такую минуту будет похож на… конечно, если не считать багровую физиономию и голову в форме тыквы, а так-то он будет вылитый Дж. д'Арси Чеддер, взирающий на Вустера. Минуту или две он так стоял, то надувая грудь, то спуская воздух. А потом произнес, как я и ожидал:

— Хо!

Вместо собственноручной подписи, так сказать.

Но я как стоял с непринужденным видом, так и остался стоять. Не спорю, облик этого типа был грозен. Грознее трудно себе представить. Однако, сжимая в кармане дубинку, я без трепета смотрел ему в глаза. Как жена Цезаря, я был готов ко всему.

Равнодушно кивнув, я сказал:

— А, Сыр. Как делишки?

Этот вопрос совсем вывел его из себя. Он заскрежетал несколькими зубами.

— Сейчас ты у меня увидишь, как делишки! Я тебя целый день ищу.

— Тебе что-то от меня нужно?

— Мне нужно вырвать тебе голову с корнем и затолкать тебе в глотку!

Я опять кивнул невозмутимо, как прежде.

— Ах, да. Приблизительно такое желание ты уже выражал вчера вечером, я не ошибаюсь? Теперь я все вспомнил. Весьма сожалею, почтенный Сыр, но, боюсь, с этим ничего не получится. У меня другие планы. Перси Горриндж, несомненно, сообщил тебе, что я ездил утром в

Лондон. Вот за этой вещью. — И вынув из кармана своего надежного защитника, многозначительно помахал у Сыра перед носом.

Определенное неудобство для человека, лишенного усов, состоит в том, что ему нечего покрутить в состоянии растерянности, и он остается стоять с дурацким видом и с отвислой, как увядшая лилия, нижней челюстью. Именно это и произошло сейчас с Сыром Чеддером. Он походил на ассирийца, который, напав, аки волк, на овчарню, нашел, что там проживают не кроткие овечки, а дикие коты, перед лицом которых, понятно, ассириец оказывается дурак дураком.

— Чрезвычайно удобное приспособление, — не довольствуясь эффектом, продолжал я. — Про них много пишут в детективах. Называется — полицейская дубинка, хотя в Америке, если не ошибаюсь, пользуются термином «свинчатка».

Сыр шумно дышал, вытаращив глаза. Вероятно, он ничего подобного в жизни не видел. Новые впечатления подстерегают нас повсюду.

— Опусти эту штуковину! — хрипло проговорил он.

— Я так и намерен поступить, — парировал я молниеносно. — Я опущу ее со всей силой, стоит тебе пошевелиться, и хотя я новичок во владении этим инструментом, промахнуться и не попасть по такой головище, как твоя, я просто не могу. И где ты тогда очутишься, Чеддер? На полу, мой любезный, вот где ты очутишься, а я рядом с тобой непринужденно отряхну ладони и положу эту вещицу обратно в карман. Обладая оружием такого образца, самый тщедушный из слабаков уложит, как миленького, любого верзилу. Выражая мою мысль двумя словами, я вооружен и стою над тобой, прочно расставив ноги, только попробуй прыгнуть, и я спокойно, как огурчик…

Глупо было так говорить, вот это, насчет того чтобы он попробовал прыгнуть, тем самым я подсказал ему мысль, и на слово «огурчик» он подскочил, что было для меня полной неожиданностью. В этом вся беда с такими мясистыми типами вроде Сыра. От них совершенно не ждешь, что они сорвутся с места быстрее кролика и опишут в воздухе дугу. Я опомниться не успел, как свинчатка, выбитая у меня из руки, пролетела через весь холл и упала у подножия дядиного сейфа.

И я остался стоять совершенно беззащитный.

Впрочем, «остался стоять» — это только так говорится. В такие острые моменты мы, Вустеры, не остаемся стоять. Всякий мог бы убедиться, что Сыр в нашем тесном кругу — не единственный человек, способный сорваться с места быстрее кролика. Я думаю, во всей Австралии, где эти животные так размножились, не найдется кролика,

способного проявить хотя бы десятую долю той прыти, с какой я удалился из центра событий. Сделать в воздухе перелет на десяток футов с поворотом назад и приземлиться за диваном было для меня делом одного мгновения. В этом положении относительно друг друга мы какое-то время и пребывали, стоило ему, точно борзому псу, броситься за мной вокруг дивана с одной стороны, как я тут же, подобно электрическому зайцу, перебегал от него на другую сторону, и все его старания кончались ничем. Генералы, о которых я упоминал выше, очень часто прибегают к такому маневру. Стратегическое лавирование, так это называется.

Сколько это хождение вокруг да около продолжалось бы, сказать трудно, но, вероятно, не особенно долго, потому что мой партнер уже начал подавать Признаки изнеможения. Эти мясистые ребята вроде Сыра, если не тренируются к очередному спортивному событию на воде, склонны поддаваться соблазнам чревоугодия. И это приносит свои плоды. Сделав первую дюжину кругов, когда я еще был свеж, как цветок, и готов продолжать в том же духе хоть все лето, Сыр уже громко пыхтел, и лоб его покрылся трудовым потом.

Но, как часто случается, наш спортивный поединок не был доведен до конца. Когда мы уже собирались пуститься по тринадцатому кругу, нас прервало появление Сеппингса, дворецкого в доме тети Далии, и, очевидно, с официальной Целью.

Я обрадовался, так как на какое-нибудь такое стороннее вмешательство как раз и надеялся, однако Сыр был явно недоволен этим превращением нашего дуэта в трио, и я догадывался, почему. Наличие верного слуги мешало ему показать себя с наивыгоднейшей стороны и завоевать победу. Я уже объяснял ранее, что кодекс чести Чеддеров запрещает драку в присутствии дамского пола. То же самое правило распространяется и на случаи, когда среди зрителей наблюдается кто-то из домашней обслуги. Пусть Чеддер даже уже взялся проверять, какого цвета печенка у его противника, но если в публике оказался обслуживающий персонал, всякий Чеддер немедленно сворачивается и возвращается в сыроварню.

Однако возвращаться в сыроварню они не любят, поэтому не приходится удивляться, что вынужденный по вине почтенного мажордома прекратить военные действия, Сыр воззрился на него с плохо скрываемой злостью. Он спросил крайне нелюбезным тоном:

— Чего вы хотите?

— Дверь, сэр.

Сыр и вовсе перестал скрывать свою злость. Взгляд, устремленный им

на Сеппингса, был так ею полон, что, казалось, тете Далии грозит серьезная опасность остаться без дворецкого.

— В каком смысле вы хотите дверь? Которую дверь? Какую дверь? Какого черта вам понадобилась дверь?

Мне стало ясно, что если ему не растолковать, сам он никогда не поймет, поэтому я, так уж и быть, выступил с объяснением. Я вообще люблю в таких случаях помогать людям по мере моей возможности. Поскребите Бертрама Вустера, часто говорю я, и внутри найдете бойскаута.

— Речь идет о входной двери, любезный Сыр, мой танцевальный партнер, вот какую дверь, надо полагать, имел в виду Сеппингс. Готов побиться об заклад, что в дверь позвонили. Я прав, Сеппингс?

— Да, сэр, — с достоинством ответил дворецкий тети Далии. — В дверь позвонили, и я, как предписывают мои обязанности, пришел открыть ее.

Затем, выражая всем своим видом надежду, что этого для усмирения Сыра будет довольно, он приступил к исполнению.

— Дело в том, Сыр Чеддер, мой пирожок, — заключил я объяснения, — что там за дверью, держу пари, дожидается гость.

Я не ошибся. Сеппингс открыл дверь, блеснули золотые волосы, пахнуло «Шанелью Номер Пять», и в дом вошла юная дева, да такая, которую с одного взгляда сразу можно было отнести в разряд симпомпончиков чистой воды.

Те, кто близко знает Бертрама Вустера, подтвердят, что он не из тех, кто станет разливаться соловьем, говоря о представительницах слабого пола. Бертрам Вустер сдержан и критичен. Он взвешивает каждое слово. Так что, когда я называю девушку симпомпончиком, вам должно быть ясно, что тут мы имеем дело с явлением необыкновенным. Она могла бы войти в любое собрание претенденток на корону Всемирной Королевы Красоты, и жюри расстелило бы перед ней красную ковровую дорожку. А модные фотографы бросились бы драться насмерть за право запечатлеть ее на фотопленке.

Подобно героине «Загадки Красного рака» и вообще всем героиням детективов, которые мне в жизни довелось читать, она обладала локонами цвета спелой ржи и очами васильковой голубизны. Подкиньте сюда вздернутый носик и фигурку, изобилующую изгибами наподобие игрушечной железной дороги, и вам не покажется странным, что Сыр, вложив меч в ножны, застыл перед нею с разинутым ртом, более всего

похожий на человека, в которого ни с того ни с сего вдруг ударила молния.

— Миссис Трэверс тут где-нибудь? — вопросило это видение, обращаясь к Сеппингсу. — Скажите ей, что приехала мисс Морхед.

Я был ошарашен. По какой-то причине, может быть, потому, что у нее три имени, я представлял себе Дафну Долорес Морхед в виде пожилой дамы с лошадиным лицом и с пенсне в золотой оправе, подвешенным на черном шнурке к верхней пуговице. Увидев же ее воочию и в натуральную величину, я мысленно поздравил тетю Далию с мудрым решением пригласить эту красавицу в Бринкли-Корт, как я понял, чтобы способствовать продаже «Будуара». И вправду, одного ее слова, конечно, будет довольно для запускания Л.Дж. Троттера в нужном направлении. Он, конечно, превосходный, преданный муж, верный, как сталь, своей супруге, но и превосходные, верные, как сталь, мужья не могут не реагировать по полной программе, когда девушки типа Д-Д. Морхед применяют к ним свои меры воздействия.

Сыр все еще стоял, выпучив на нее глаза, точно бульдог, перед которым положили фунт сырого мяса, но теперь, когда ее васильковые глаза попривыкли к полумраку, она всмотрелась в него и издала возглас, как это ни странно, выражающий одобрение.

— Мистер Чеддер! — воскликнула она. — Ну, надо же! То-то мне показалось, что знакомое лицо. — Она еще раз пригляделась. — Вы ведь д'Арси Чеддер, тот, что выступал за Оксфорд в гребных состязаниях?

Сыр безмолвно кивнул, по-видимому, не в силах произнести ни слова.

— Я так и подумала. Мне показали вас как-то на выпускном балу. Но сейчас я вас с трудом узнала. У вас тогда были усы. Рада за вас, что их больше нет. Без усов вам гораздо лучше. Вообще я считаю, что усы — это что-то ужасное. Я всегда говорю, что мужчина, павший так низко, чтобы отпустить усы, способен даже отрастить бороду.

Этого я так оставить не мог.

— Есть усы и усы, — возразил я и покрутил свой личный ус. Но видя, что она явно с недоумением спрашивает себя, кто этот стройный, приятный незнакомец, я ткнул пальцем себе в грудь и представился:

— Вустер, Бертрам, племянник миссис Трэверс, а она, соответственно, моя тетя. Могу ли я проводить вас к ней? Она, наверное, считает минуты.

Мисс Морхед с сомнением поджала губы, как будто предложенная мною программа действий не во всем отвечала идеалу.

— Д-да, пожалуй, я думаю, надо пойти поздороваться. Однако чего мне на самом деле хочется, это осмотреть дом и сад. Здесь так живописно.

Сыр, пунцовый, как роза, частично вышел из ступора и невнятно,

сдавленно забормотал, словно человек с волчьей пастью, пытающийся декламировать стихотворение «Гунга Дин».[51] Под конец у него даже получилось что-то осмысленное.

— Можно я вам все тут покажу? — сипло спросил он.

— Буду очень рада.

Тут он поспешно сказал: «Хо!» — будто спохватился, что не сказал этого раньше, и теперь торопился исправить промах. Через мгновение они уже приступили к исполнению задуманного, а я, чувствуя себя Даниилом, выходящим через служебную дверь из львиного логова, удалился в свою комнату.

Как там было прохладно и покойно! Тетя Далия полагает, что гостей надо ублажать, предоставляя к их услугам всевозможные кресла и шезлонги, и шезлонг, в который я опустился, мягко принял меня в свои объятия. Скоро я ощутил приятную сонливость, усталые вежды сомкнулись. Я заснул.

Проснулся я спустя полчаса и сразу сильно вздрогнул. Потому что, освежив мозги сном, вспомнил про полицейскую дубинку.

Вскочив в ужасе, я выбежал из комнаты. Необходимо было как можно скорее вновь завладеть этим спасительным орудием. Хотя в первом раунде нашего поединка я и одержал над Сыром верх благодаря более совершенной работе ног и более точному чувству ринга, но ведь неизвестно, когда он раскачается на второй раунд. Временная неудача может ненадолго обескуражить Чеддера, но он по-прежнему — мой лютый враг.

Свинчатка, как вы, надеюсь, помните, пролетела по воздуху, подобно падучей звезде, и приземлилась где-то у подножия дядиного сейфа. Туда я и помчался на окрыленных стопах. Вообразите же мой испуг, когда ее там не оказалось. В Бринкли-Корте постоянно что-то пропадает: садовые лестницы, полицейские дубинки, да мало ли что еще. Человеку остается только поднять руки вверх и обратить лицо к стене.

Я как раз и обратил лицо к стене, к той стене, в которую был встроен сейф. И при этом снова сильно вздрогнул.

Открывшегося мне зрелища вполне хватало на то, чтобы заставить человека вздрогнуть изо всех сил. Первые две или три секунды я просто не верил своим глазам. «Бертрам, — сказал я себе, — ты слишком перенапрягся. Ты просто окосел». Но нет. Я поморгал, протер глаза, но когда я перестал моргать и тереть, то, что я увидел, осталось неизменным.

Дверца сейфа была открыта.

18

Вот в такие мгновения Бертрам Вустер как раз и проявляет себя с самой наилучшей стороны, его холодный ум начинает работать, как машина. Другие, увидев открытую дверцу сейфа, стали бы тратить драгоценное время на стояние с разинутым ртом и гадание, почему она открыта, да кто ее открыл, да почему тот, кто открыл, не закрыл за собой. Не то Бертрам. Поднесите ему что-нибудь на блюдечке, и он не будет мямлить и колебаться. Он действует. Я молниеносно сунул руку внутрь, торопливо пошарил в глубине, и все готово.

Там были ларчики с драгоценностями на каждой полке, и минуты две или три ушли на то, чтобы их открыть и исследовать содержимое, но жемчужное ожерелье имелось только одно, так что мне не пришлось испытывать муки выбора. Я мгновенно сунул его в карман брюк и помчался в логово тети Далии, как тот самый кролик, на которого я так походил во время недавнего близкого общения с Сыром. Она, по моим расчетам, должна была уже быть там, и я с удовольствием предвкушал, как сейчас принесу снова солнечный свет в жизнь этой достойной старушенции. При последней встрече она имела вид человека, очень даже нуждающегося в солнечном свете.

Тетю Далию я застал на означенном месте, она дымила сигаретой и продиралась по страницам очередной Агаты Кристи, но солнечного света я ей не принес, поскольку он у нее уже был. Меня потрясла перемена, произошедшая с ней с тех пор, как она понуро побрела к дяде Тому выяснять, наговорился ли он со Сподом про старинное серебро. Тогда, если помните, вид у нее был обреченный. Теперь же при взгляде на нее можно было заключить, что она изловила синюю птицу. Она повернула мне навстречу лицо, сияющее, как сидение брюк у автобусного водителя, и я бы не слишком удивился, заулюлюкай она победно на охотничий манер. У нее был вид тетки, нектаром вскормленной, вспоенной райским млеком,[52] и я даже подумал, что раз она так жизнерадостно настроена сейчас, до того как услышала добрую новость, как бы она просто не лопнула от радости, когда я ей ее сообщу.

Однако поведать тете Далии хотя бы малую толику моей тайны, с которой я к ней явился, я не смог, ибо, как нередко случается, когда я беседую с этой женщиной, у меня не было возможности вставить ни слова. Едва я переступил порог, как с губ ее, точно летучие мыши из сарая, полетели тучи слов.

— Берти! — загудела она. — Я как раз хотела тебя видеть. Берти, мое золотце, я сражалась, как лев, и одержала победу! Помнишь псалом «Мидийские полки крадутся к нам со всех сторон»? И дальше там: «Восстань, христианин, и всех их сокруши'* Именно это я и сделала. Сейчас я расскажу тебе, как все было. У тебя глаза на лоб полезут.

— Послушайте, — попробовал было ввернуть я, но дальше этого слова дело не пошло. Она смяла меня, как паровой каток.

— Если помнишь, когда мы расстались недавно в холле, я была подавлена, расстроена и растеряна, так как не могла добраться до Спода и шепнуть ему насчет «Сестриц Юлалии», и я побрела в коллекционную комнату, питая слабую надежду на то, что они там хотя бы на минуту умолкнут. Но оказалось, что Том все еще рассуждает, не переводя дыхания, и я уселась в углу на случай, если Спод рано или поздно все же вырвется на волю и я смогу обменяться с ним несколькими словами. Но Спод безропотно слушал, а Том знай себе разглагольствовал. Внезапно кости у меня размягчились, и вся эта коллекция поплыла перед глазами. Потому что Том безо всякого предупреждения заговорил о жемчугах. «Может быть, хотите сейчас их посмотреть? — говорит он Споду. А Спод ему: «Разумеется». — «Они в сейфе, который в холле», — говорит Том. «Идемте», — отзывается Спод. И они пошли.

Она замолчала на миг, чтобы набрать воздуху, это время от времени бывает нужно даже ей.

— Послушайте… — снова попробовал вклиниться я.

Но она, возобновив запас воздуха в легких, продолжила свой рассказ:

— Я думала, что не дойду даже до двери, тем более, по длинному коридору в холл, но все-таки ноги меня вынесли. Нетвердо ступая, иду за ними по пятам, и худо-бедно добрела. Хотя сама не понимаю, зачем. Наверное, у меня была смутная мысль, что мне надо присутствовать, когда Тому все откроется, и тут же, на месте, молить о прощении. Словом, пришла и стою, будто превратилась в соляной столп, точно Лотова жена.

Я вспомнил случай, о котором она говорила, мне досталась эта тема на экзамене у нас в закрытой школе, когда я получил приз за знание Священного Писания, но вы, наверное, не знаете, поэтому вкратце объясню. Этой миссис Лот, не помню уж, из-за чего, во время прогулки было не велено оборачиваться, а не то ее превратят в соляной столп, ну, и она, конечно, сразу же обернулась, и по чистому совпадению вышло как раз так, что она и вправду превратилась в соляной столп. Понимаете, какое безобразие творится? Просто не знаешь, на каком ты свете.

— Я жду, а время идет. Том вынул футляр, передает Споду, тот

говорит: «Ах, вот они где!» или еще какую-то глупость в таком роде, и в этот миг, когда топор в руке Провидения уже почти опустился, появляется Сеппингс, очевидно, засланный моим ангелом-хранителем, и сообщает, что Тома зовут к телефону. «Э? Что? Что?» — переспрашивает Том, как всегда, когда его зовут к телефону, и уходит, и Сеппингс за ним. Ф-ф-фуу! — перевела она дух.

— Послушайте… — опять выступаю я.

— Можешь себе представить, что я чувствовала. Такой потрясающий подарок судьбы все перевернул с головы на ноги. На протяжении нескольких часов я ломала голову над тем, как бы мне остаться со Сподом наедине, и вот теперь он в моем распоряжении. Само собой, я даром времени терять не стала.

«Подумать только, лорд Сидкап, — говорю эдак слащаво, — у нас до сих пор не было ни минуты, чтобы поговорить о наших общих знакомых и о счастливом времени, проведенном вместе в Тотли-Тауэрс. Как поживает милейший сэр Уоткин Бассет?» — прямо воркую.

— Но послушайте…

Она остановила меня повелительным жестом.

— Да не перебивай ты, черт тебя дери! В жизни не встречала человека, который бы так не давал никому слова сказать, — все сам да сам. Неужели ты не можешь послушать, когда тебе рассказывают наиболее, может быть, удивительный случай, который произошел в этих краях за многие годы? Да, так на чем я остановилась? Ага, я спросила, как поживает милейший сэр Уоткин Бассет? Он ответил, что сэр Уоткин поживает на большой с присыпкой. «А милая Мадлен?» Он в ответ — мол, ничего себе, девушка в полном порядке. Тут я набрала побольше воздуха и выдала ему:

«А как идут дела в вашем ателье дамского нижнего белья? «Сестры Юлалии» оно как будто называется? Надеюсь, по-прежнему сыплет вам купюры лопатой?»

И услышала такое, что не знаю, как устояла на ногах. Он весело рассмеялся и ответил:

«„Сестры Юлалии"? О, я с ними уже давно не имею ничего общего. Ликвидировал свои акции. Теперь это компания».

Весь мой план рухнул. Я стою, только глазами моргаю. А он говорит:

«Надо все-таки взглянуть на ваше ожерелье. Мистер Трэверс говорит, что очень хотел бы услышать о нем мое мнение».

Нажал пальцем на замочек футляра, крышка отскакивает, я уже предаю Господу душу и говорю себе: все, это конец, — как вдруг нога моя запнулась обо что-то твердое, наклоняюсь, а на полу лежит… ты и

представить себе не можешь… лежит свинчатка!

Тетя опять поспешно приняла на борт груз воздуха и пустилась рассказывать дальше:

— Да-да, представь себе! Ты навряд ли знаешь, что такое свинчатка, так я тебе сейчас объясню. Это такое небольшое гуттаперчевое орудие, которым широко пользуются уголовные элементы, чтобы колотить им своих родных и близких. Отвернется теща, а они тут же с размаху шмяк ее по черепаховому гребню. В криминальных кругах оно в большой моде, и именно этот предмет, как я уже сказала, лежал у моих ног.

— Послушайте…

Но меня снова властным жестом лишили слова.

— Сначала-то я ни о чем таком не подумала. Просто подняла его машинально, как хорошая хозяйка, которая не любит, чтобы в доме на полу валялись вещи. Мне и в голову не пришло, что это мой ангел-хранитель направляет мои шаги и указывает мне выход из бед и треволнений. Но потом меня вдруг осенило, будто молния вспыхнула. Я разгадала намек моего доброго старого ангела-хранителя. Не сразу, но он все-таки достучался до моей тупой башки. Вот спиной ко мне стоит Спод и вытаскивает из футляра ожерелье…

Я захрипел.

— Но вы его не шмякнули?..

— Конечно, я его шмякнула. А что бы, по-твоему, я должна была сделать? Как бы на моем месте поступил Наполеон? Я сдержанно размахнулась и смачно влепила ему прямо по макушке. Ну, и где-то наземь он упал.[53]

Еще бы. Точно то же произошло когда-то с полицейским Доббсом в Деверил-Холле.

— Сейчас он лежит в постели и думает, что с ним случился припадок головокружения и он ударился головой об поп. Можешь о нем не беспокоиться. Отоспится за ночь, да еще щадящая диэта, и утром встанет в полном порядке. А ожерелье я взяла, взяла его, проклятое, и чувствую себя теперь так, словно могла бы, кажется, поднять за шиворот и стукнуть лбами пару тигров.

Я вытаращился на нее. У меня тоже голова пошла кругом. Сквозь дымку, застлавшую глаза, мне виделось, будто она слегка покачивается, как женщина на ветру.

— Вы говорите, ожерелье у вас? — растерянно переспросил я.

— Разумеется.

— Что же тогда такое вот это, у меня?

Я предъявил ей свой образец.

Некоторое время она явно не могла взять в толк, что происходит, — посмотрела на мое ожерелье, перевела взгляд на меня, потом опять на ожерелье. Только когда я ей объяснил, как было дело, до нее, наконец, дошло.

— Ну да, конечно, — кивнула она с облегчением, — теперь мне понятно. Мне понадобилось сначала звать во все горло Тома, рассказывать ему, что у Спода случился обморок, слушать, как Том стенает: «О Господи! Теперь придется оставлять этого субъекта ночевать!» — и успокаивать его, и помогать Сеппингсу перенести останки в постель, и так далее, и тому подобное, и я совершенно упустила из виду, что следует запереть дверцу сейфа. Том, конечно, тоже об этом не позаботился. Он занят был тем, что рвал на себе волосы и твердил, что последний раз в жизни, черт побери, пригласил в гости клубного знакомого, ведь всем известно, что клубные знакомые, очутившись в чужом доме, прежде всего падают в обморок и пользуются этим предлогом, чтобы застрять и прогостить добрых несколько недель. А тем временем пришел ты, и…

— …и пошарив в недрах сейфа, нашел футляр с жемчужным ожерельем и, естественно, решил, что это ваше…

— …и немедленно наложил на него лапу. Очень благородно с твоей стороны, Берти, я ценю твою заботу. Если бы ты не улизнул утром из дома, я бы тебя предупредила, что Том распорядился, чтобы в доме все положили свои ценности в сейф, но ты укатил в Лондон. Зачем, хотелось бы знать, между прочим.

— За дубинкой, прежде принадлежавшей сыну тети Агаты Тосу. У меня начались неприятности. Угрозы.

Тетя Далия посмотрела на меня с восхищением. Видно было, что она глубоко тронута.

— Так это ты, мое золото, — дрогнувшим голосом произнесла она, — доставил сюда свинчатку? Я-то приписала ее появление непосредственно моему ангелу-хранителю. О, Берти, если я когда-нибудь называла тебя безмозглым болваном, которому полагается уютное место в сумасшедшем доме, я беру все свои слова назад.

Я кратко поблагодарил ее.

— Но что будет теперь?

— Теперь я крикну трижды «ура» и примусь разбрасывать розы из своей шляпы.

Я нахмурился с некоторым раздражением.

— Я говорю не о вас, престарелая родственница, а о вашем племяннике Бертраме, каковой племянник сидит по пояс в густом супе, где и может с минуты на минуту бесследно утонуть. У меня в кармане чьи-то жемчуга…

— Мамаши Троттер, я их узнаю! Она надевает их по вечерам.

— Прекрасно. С жемчугами, значит, разобрались. Они принадлежат, как мы выяснили, мамаше Троттер. Теперь вопрос, что с ними делать?

— Как что, положить обратно.

— В сейф?

— Именно. Положи их обратно в сейф. Замечательная мысль. Как это мне самому в голову не пришло?

— Вы попали в самую точку. Да, я пойду положу их обратно в сейф.

— Я бы на твоем месте не стала откладывать. Отправляйся прямо сейчас.

— Иду. Да, кстати, приехала Дафна Долорес Морхед. Она сейчас в саду вместе с Сыром.

— Ну, и как она тебе?

— Глаз не отвести, если мне позволено воспользоваться этим выражением. Я и не представлял себе, что бывают такие роскошные романистки.

Я готов был и дальше описывать отрадное впечатление произведенное на меня красотой юной гостьи, но тут пороге возникла фигура мамаши Троттер. Она бросила меня взгляд, явно оценивающий мое присутствие как совершенно излишнее.

— О, добрый вечер, мистер Вустер, — холодно произнесла мамаша Троттер. — Я рассчитывала застать вас одну, миссис Трэверс, — добавила она со свойственным ей тактом, которым она славится на весь Ливерпуль.

— Я должен, к сожалению, удалиться, — успокоил я ее. — Всего вам наилучшего.

— И вам того же.

— Ну-с, пока, пока. — И я ринулся в холл приободренный, поскольку, по крайней мере, часть моих бед с минуты на минуту должна была с моих плеч свалиться. Если, конечно, сейф не успели запереть.

Сейф запереть не успели. Я подошел и уже готов был вытащить из кармана футляр и пихнуть на место, как за спиной у меня раздался голос. Я обернулся, как вспугнутый олень, и увидел Л.Дж. Троттера.

Со времени моего приезда в Бринкли-Корт я почти не имел случая пересечься с этим крысомордым старикашкой. Он еще тогда, во время ужина, которым я их угощал, показался мне не особым любителем

молодого общества. Поэтому я слегка удивился, что сейчас он как будто бы не прочь завести со мной разговор, и пожалел, что он не выбрал для этого более подходящий момент. Имея при себе проклятое ожерелье, я жаждал только одного — остаться в одиночестве.

— Эй, — обратился он ко мне. — Где ваша тетя?

— У себя в комнате, — ответил я. — Разговаривает с миссис Троттер.

— Да? Ладно. Увидите ее, скажите, что я лег спать. Это меня удивило.

— Спать? Но еще ведь совсем рано.

— У меня опять разыгралась моя диспепсия. У вас не найдется при себе таблетки от расстройства?

— К сожалению, нет. Не захватил.

— Черт! — ругнулся он и потер себе живот. — У меня страшная боль, кажется, будто я проглотил двух диких кошек. Постойте-ка, — вдруг сменил он тему, — почему это сейф стоит открытый?

Я подкинул ему мысль, что, по-видимому, его кто-то отпер, и он кивнул в подтверждение моей теории.

— Безобразие, — сказал он. — Возмутительная неосторожность. Так что угодно могут украсть.

И прямо у меня на глазах подошел и ткнул дверцу. Она с лязгом захлопнулась.

— Охх! — прокряхтел он, опять потер живот, кивнув, пожелал мне доброй ночи и зашагал вверх по лестнице. Я словно примерз к полу. Ну, просто как жена Лота.

Троттер ушел, и вместе с ним улетучилась всякая возможность для меня запихнуть что-либо обратно в сейф.

19

Я не стану утверждать, будто у меня уж такое необыкновенно богатое воображение, пожалуй, что нет, но в ситуации, вроде выше описанной, и не требуется особенно богатого воображения, чтобы представить себе, что теперь будет. Отчетливо, как верхнюю строку в таблице окулиста, я увидел, какое будущее ждет Бертрама.

Мне ясно представилось, как у захлопнутой дверцы сейфа стоим мы с полицейским инспектором, да при нем еще силы поддержки в лице крайне неприятного с виду сержанта.

— Вы пойдете добровольно. Вустер? — спрашивает инспектор.

— Кто? Я? — говорю я, весь дрожа. — Я вас не понимаю.

— Ха-ха! — смеется инспектор. — Вот остряк, а, Фодерингей?

— Шутник, сэр, — отвечает сержант. — Я даже усмехнулся, ей-богу.

— Теперь уже поздно для таких штучек, приятель, — гнет свою линию инспектор, снова приняв суровый вид. — Кончились ваши игры. Мы располагаем доказательством, что вы приблизились к этому сейфу и извлекли из него ценное ожерелье, собственность миссис Л.Дж. Троттер. Если это не означает для вас пять лет в кутузке, я проиграл пари.

— Но уверяю вас, я думал, что оно принадлежит тете Далии.

— Ха-ха, — смеется инспектор.

— Ха-ха, — подпевает за ним сержант

— Очень правдоподобная история, — говорит инспектор. — Расскажите ее присяжным и посмотрите, как они е оценят. Фодерингей, наручники!

Вот какая картина возникла у меня перед глазами, пока стоял перед захлопнутой дверцей сейфа, весь съежившись, как присоленная устрица. За окнами в саду птицы пели свою вечернюю песню, а мне чудилось, будто каждая из них исполняет собственную арию на слова: «Да, братцы, загремел Вустер. Теперь мы не увидим Вустера несколько лет. Ах, какая жалость, какая жалость. Был славный парень, пока не ушел в криминал».

Тяжелый стон вырвался из моей груди, но прежде чем за ним последовал второй такой же, я уже мчался в комнату к тете Далии. На ее пороге меня встретила мамаша Троттер, посмотрела на меня строгим взглядом и прошествовала мимо, а я вошел к престарелой родственнице. Она сидела в кресле, прямая, как доска, и глядела перед собой невидящими глазами. Мне сразу стало ясно, что опять случилось нечто, покрывшее черным инеем ее солнечную душу. Сочинение Агаты Кристи валялось на полу, явно соскользнувшее с ее колен в тот миг, когда она содрогнулась от ужаса.

Как правило, заставая эту честнейшую старушку в состоянии глубокой подавленности, я имел обыкновение приводить ее в норму, шлепая ее ладонью между лопатками и призывая держать хвост пистолетом, но сейчас личные беды не оставляли мне досуга на воодушевление теток. Можно было не сомневаться, что какие бы катастрофы и катаклизмы ни случились у нее, они не могли равняться с теми, что обрушились на меня.

— Послушайте, — сказал я, — произошла ужасная вещь! Тетя Далия мрачно кивнула. Мученица на костре была бы жизнерадостнее.

— Можешь поставить свои лиловые носки, что так оно и есть, — отозвалась она. — Мамаша Троттер сбросила маску, будь она проклята. Она положила глаз на Анатоля.

— А кто бы не положил?

Минуту мне казалось, что моя тетя сейчас вскочит и влепит любимому племяннику порядочную оплеуху, но усилием воли ей удалось себя успокоить. Конечно, «успокоить» — не то слово, внутри она продолжала вся кипеть, но ограничила проявления гнева областью устного слова.

— Ты что, не понял, осел ты эдакий? Она открылась и изложила свои условия. Заявила, что позволит Троттеру купить у меня «Будуар», только если я уступлю ей Анатоля.

Вы можете судить о том, как я переволновался, по тому, что в душе у меня на эту страшную весть ничто не отозвалось. При других обстоятельствах, услышав даже о самой отдаленной угрозе того, что сей несравненный податель блюд может выйти в отставку и переправиться к Троттерам, «в пустынном воздухе теряя аромат»,[54] — услышав такое, я бы наверняка побледнел, задохнулся и не устоял на ногах, но теперь, повторяю, я выслушал это известие с совершенным спокойствием.

— Вот как? — только и переспросил я. — Вы послушайте, родная старушенция, что было. Я только подошел к сейфу и собрался было засунуть на место троттеровские жемчуга, как этот непотребный Л.Дж. Троттер очень заботливо взял и захлопнул дверцу, пресекши, тем самым, мои усилия и старания и поставив меня в крайне безвыходное положение. Я весь дрожу, как осиновый лист.

— И я тоже.

— Что теперь делать, не представляю себе.

— И я не представляю себе.

— Я напрасно ломаю голову, ища выход из этого, как говорят французы, impasse.

— Я тоже. — Она в сердцах запустила Агатой Кристи в подвернувшуюся вазу. Моя тетя, когда негодует, всегда проявляет склонность швырять и пинать всякие вещи. В Тотли-Тауэрс во время одного из наших самых бурных совещаний она перебила у меня в спальне все, что стояло на каминной полке, включая терракотового слона и фарфорового пророка Самуила в младенчестве за молитвой. — По-моему, ни одной женщине в истории не приходилось решать такие вопросы. С одной стороны, на мой взгляд, жизнь без Анатоля…

— У меня на руках это дорогое жемчужное ожерелье, собственность миссис Л.Дж. Троттер, и когда его пропажа…

— …совершенно невозможна. С другой…

— …обнаружится, поднимется страшный шум и гам, вызовут полицейских инспекторов с сержантами…

— …стороны, мне необходимо продать «Будуар», иначе мне не на что будет выкупить из заклада мое ожерелье…

— …и меня схватят с поличным, как говорится, горяченьким.

— Горяченьким!

— Вы ведь не хуже меня знаете, что ждет человека, схваченного с поличным, горяченьким.

— А холодненьким? — мечтательно вздохнула тетя Далия. — Как подумаю о его заливных креветках на льду так сразу же говорю себе, что надо быть безумной, чтобы согласиться на жизнь без Анатоля. Ах, его Selle d'agneau 'a la Greque! Его de poulet roti petit Due! И эти Nonats de la Mediterrande au Fenouil![55] Но потом я спохватываюсь, что надо быть практичной. Мне во что бы то ни стало надо получить обратно ожерелье, и если для этого потребуется… Боже милосердный! — возопила она (если тут подходит это слово), и каждая черточка ее лица выразила страдание. — Но что скажет Том, когда узнает, что Анатоль покидает нас?

— А что он скажет, когда узнает, что его племянник угодил за решетку?

— Как ты сказал?

— Я сказал: угодил за решетку.

— Кто это собирается угодить за решетку?

— Как, кто? Я.

— За что это?

Я устремил на нее взор, какого, строго говоря, ни один племянник не должен устремлять на родную тетку. Но я пришел в страшное негодование.

— Вы что же, меня не слушали?! — горячо спросил я ее. Она не менее горячо мне ответила:

— Разумеется, я тебя не слушала. Неужели ты воображаешь, что, когда мне угрожает потеря лучшего повара на всю Центральную Англию, я могу еще уделять внимание твоим дурацким разговорам? Что ты там болтал?

Я выпрямился. Слово «болтал» больно ранило меня.

— Я просто сообщил вам, что Л.Дж. Троттер захлопнул дверцу сейфа, в результате чего я не смог положить злосчастное ожерелье на место, и похищенная драгоценность осталась у меня на руках.

— Ну и что?

— Я также рискнул предсказать, что не успеем мы оглянуться, как сюда явятся полицейские инспекторы с сержантами, сграбастают меня в охапку и уволокут в кутузку.

— Какая ерунда. Почему кто-то может подумать, что ты к этому как-

то причастен?

— Ха-ха, — произнес я. Этакий короткий, горький смешок. — Вам не кажется, что когда эта штука обнаружится у меня в кармане, могут возникнуть некоторые подозрения? Того гляди меня задержат, найдут при мне краденое, и не надо читать много детективных романов, чтобы знать, каково приходится злосчастным, у которых при себе находят краденое. Им достается так, что не обрадуешься.

Тетя Далия пришла в волнение. В благополучные времена моя тетя бывает непредсказуема, насмешлива и придирчива, когда я был моложе, она нередко давала мне по уху, если находила, что мое поведение того заслуживает; но стоит черным тучам сгуститься над Бертрамом, и она — в гуще схватки работает кулаками направо и налево.

— Дело плохо, — произнесла моя тетя, подняла с полу маленькую скамеечку для ног и запустила ею в фарфоровую пастушку на камине.

Я подтвердил это и добавил, что не просто плохо, а ужасно.

— Придется тебе…

— Т-с-с-с!

— Что?

— Т-с-с-с!

— Что значит: Т-с-с-с?

А зашипел я потому, что услышал за дверью приближающиеся шаги. Однако объяснить ей это я не успел, так как ручка двери резко повернулась, и вошел дядя Том.

Я определил на слух, что у моего родича, вернее — свойственника, не все в порядке. Потому что, когда у дяди Тома на душе забота, он бренчит ключами. Сейчас ключи тарахтели так, будто дядя играет на ксилофоне. А выражение лица было мрачное и страдальческое, какое у него появляется при известии, что на конец недели ожидаются гости.

— Это наказание Божие! — воскликнул дядя Том, весь клокоча.

Тетя Далия постаралась скрыть собственную тревогу за улыбкой, которую она, наверное, считала приветливой.

— Ах, это вы, Том? Заходите, заходите, составите нам компанию. Что вы называете наказанием Божьим?

— Все вот это. Я расплачиваюсь за то, что по слабости характера позволил вам пригласить сюда этих проклятых Троттеров. Так и знал, что случится что-нибудь ужасное. Чувствовало мое сердце. Когда в дом набиваются такие люди, того и жди несчастья. Само собой понятно. У него лицо, как у крысы, у нее добрых двадцать фунтов лишнего веса, а ее сынок носит баки. Безумием было допустить, чтобы они переступили наш порог.

Вам известно, что произошло?

— Нет. Что же?

— Кто-то украл ее ожерелье!

— Боже правый!

— Я так и думал, что вы воскликнете: «Боже правый!» — с мрачным удовлетворением в голосе сказал дядя Том. — Сейчас она остановила меня в коридоре и попросила открыть сейф, так как она хочет надеть к сегодняшнему ужину свои жемчуга. Я отвел ее в холл, отпер сейф, а их там не оказалось.

Я мысленно приказал себе сидеть тихо.

— Вы хотите сказать, они пропали? — уточнил я. Он бросил на меня довольно раздраженный взгляд.

— Ты соображаешь быстро, как молния, — заметил он. Ну, а что в этом дурного?

— Но как это могло случиться? — спросил я. — Разве сейф был открыт?

— Закрыт. Но, по-видимому, я оставил его открытым. Суета с обмороком этого треклятого Сидкапа могла отвлечь мое внимание.

Тут он чуть было опять не сказал, что, мол, вот какие веши случаются, когда пускают в дом подобную публику, но не сказал, верно вспомнил, что его он пригласил сам.

— Так что вот, — сердито продолжал дядя Том. — Должно быть, кто-то оказался возле сейфа, когда мы поволокли его наверх, увидел, что дверца сейфа открыта, и воспользовался удобным случаем. Старуха Троттер всполошилась, я едва уговорил ее немного обождать и не посылать сразу за полицией. Сказал, что надо сначала тихо самим провести расследование, это может принести результат получше. Скандал нам совсем ни к чему. Но навряд ли бы я ее уломал, если бы не молодой Горриндж, он подошел и поддержал меня. Вполне толковый юнец, этот Горриндж, хотя и носит баки.

Я непринужденно откашлялся. По крайней мере, постарался, чтобы получилось непринужденно.

— Какие же шаги вы намерены предпринять, дядя Том?

— Я намерен во время ужина извиниться и уйти, сославшись на головную боль, — она у меня и вправду имеется, да будет вам известно, — и обыскать все комнаты. Глядишь, может быть, и нападу на след. А пока что пойду выпью. Вся эта история на меня очень неприятно подействовала. Не хочешь пойти со мной пропустить по рюмочке, Берти, мой мальчик?

— Я, пожалуй, еще останусь, если вы не против, — ответил я. — Мы

тут с тетей Далией беседовали о том о сем.

Дядя Том исполнил финальное арпеджио на ключах.

— Ладно, как угодно. Но мне, в моем теперешнем состоянии, кажется странным, что кто-то может отказаться от выпивки. Ни за что бы не поверил, что такое возможно.

Дверь за дядей Томом закрылась, и тетя Далия с хрипом выдохнула воздух.

— Уфф! — произнесла она.

Я нашел, что это метко сказано.

— Что нам теперь делать, как вы думаете? — спросил я ее.

— Я знаю, что бы я хотела сделать: поручить разрешение всех наших трудностей Дживсу, если бы некоторые умники не умудрились отпустить его на пирушку в Лондон, когда он так нужен нам здесь.

— Он мог уже возвратиться.

— Позвони Сеппингсу и спроси. Я надавил звонок.

— Э-э, Сеппингс, — сказал я, когда он явился со словами: «Вы звонили, мэм?» — Дживс еще не вернулся?

— Вернулся, сэр.

— Тогда пошлите его сюда со всей возможной скоростью. Несколько мгновений спустя вышеназванный персонаж был уже среди нас, такой головастый и сообразительный, что сердце мое взыграло, словно я увидел радугу в небесах.

— О, Дживс! — простонал я.

— О, Дживс! — простонала и тетя Далия, дыша мне в затылок.

— После вас, — вежливо сказал я.

— Нет, давай сначала ты, — возразила она, любезно уступая мне очередь. — Твоя беда горше моей. С моей еще можно подождать.

Я был тронут.

— Очень благородно с вашей стороны, моя старушенция. Ценю. Дживс, прошу вашего самого пристального внимания. Уж будьте добры. У нас тут возникли некоторые затруднения.

— Да, сэр?

— Собственно, их в общей сложности два.

— Да, сэр?

— Назовем их: Затруднение *А* и Затруднение *В,* если вы не против.

— Разумеется, сэр. Как вам будет угодно.

— Тогда вот вам Затруднение *А,* относящееся ко мне.

Я быстро обрисовал ему картину, ясно и доступно изложив факт за фактом.

— Так что вот, Дживс. Приведите в действие мозги. Если вам желательно прохаживаться по коридору, сделайте милость.

— Это не понадобится, сэр. Мне уже видно, что тут надо будет сделать.

Я сказал, что хорошо бы мне тоже это стало видно.

— Ожерелье следует вернуть миссис Троттер, сэр.

— То есть возвратить по исходному адресу?

— Именно так, сэр.

— Но, Дживс, — возразил я дрогнувшим голосом, — она же может удивиться, как оно ко мне попало. Что если она примется выяснять и расспрашивать, а расспросив и выяснив, бросится к телефону звать полицейских инспекторов и сержантов?

Маленький мускул в уголке его рта снисходительно дрогнул.

— Операция по возвращению, сэр, должна быть произведена, разумеется, в тайне. Я бы предложил, например, занести драгоценность в покои дамы, когда там никого не будет. Скажем, в тот момент, когда хозяйка будет сидеть за обеденным столом.

— Но ведь и я тоже буду сидеть за обеденным столом. Не могу же я извиниться и сбегать наверх во время рыбной перемены.

— Я как раз собирался предложить, чтобы вы поручили это дело мне, сэр. Мои передвижения будут не столь ограничены.

— То есть вы вызываетесь все это дельце обделать сами?

— Если вы передадите драгоценность в мои руки, сэр, я с радостью все осуществлю.

Я чуть не онемел от избытка чувств. Меня ожег стыд и пронзило раскаяние. Я понял, как сильно ошибался, заподозрив, что Дживс сам не соображает, что говорит.

— Вот это да, Дживс! Это по-феодальному.

— Ну что вы, сэр.

— Вы разрешили такую трудную задачу. Rem… как там дальше у вас говорится?

— Rem acu tetigisti, сэр?

— Оно самое. Это ведь значит «Ты попал пальцем в самую точку»?

— Да, сэр. Это будет приблизительный перевод с латыни. Я рад, что вам понравилось данное выражение. Но, если я не ошибаюсь, вы говорили, что существует еще одно обстоятельство, которое вас беспокоит?

— Затруднение *B* — это моя проблема, Дживс, — вступила в разговор тетя Далия. Престарелая родственница в продолжение всего предыдущего диалога сидела за кулисой и досадовала, что ее не выпускают на сцену. —

Она касается Анатоля.

— Да, мэм?

— Его требует у меня миссис Троттер.

— Вот как, мэм?

— Она говорит, что не позволит Троттеру купить у меня «Будуар», если ей не отдадут Анатоля. А вы знаете, как мне важно продать «Будуар». Клянусь духом селитры! — горячо воскликнула моя тетя. — Вот если бы нашелся способ придать Л.Дж. Троттеру твердости характера, чтобы он мог противостоять своей толстухе и не подчиниться ей!

— Такой способ есть, мэм.

Тетя Далия подскочила на добрый фут с четвертью. Можно было подумать, что этот спокойный ответ был на самом деле восточным кинжалом, который вонзился ей в мякоть ноги.

— Что вы сказали, Дживс? Что такой способ есть?

— Да, мэм. Я полагаю, что побудить мистера Троттера к неповиновению супруге будет достаточно несложно.

Мне не хотелось никому портить настроение, но тут я не мог не вставить слово.

— От души сожалею, что приходится оторвать чашу радости от ваших уст, престарелая страдалица, — сказал я, — но, боюсь, тут всего лишь принимается желаемое за действительное. Опомнитесь, Дживс. Ваши речи… как это называется?., без… безосновательны?

— Безосновательны или легкомысленны, сэр.

— Благодарю вас. Вы говорите, Дживс, безосновательно или легкомысленно о том, чтобы побудить мистера Л.Дж. Троттера сбросить иго и пойти против желания его значительно лучшей половины, но не слишком ли ваши надежды… черт, опять забыл слово.

— Радужны, сэр?

— Да. Радужны. Как ни кратковременно мое знакомство с этой четой, я этого Л.Дж. Троттера вижу насквозь. Он относится к мамаше Троттер с таким же преклонением, какое может испытывать крайне робкий червь к здоровенной курице породы плимутрок или орпингтон. Стоит ей пикнуть, и он сворачивается в клубочек. Так что ваше заявление о том, как несложно побудить его к неповиновению, повисает в воздухе, вам не кажется?

Я думал, что здесь я его уел, но ничего подобного.

— Если позволите, я сейчас объясню, сэр. Мне известно от Сеппингса, который многое слышал своими ушами, что эта дама крайне честолюбива и жаждет видеть своего супруга возведенным в рыцарское достоинство,

мэм.

Тетя Далия кивнула.

— Это верно. Она постоянно об этом рассуждает. Ей кажется, что таким образом она утрет нос олдерменше миссис Бленкинсоп.

— Именно так, мэм. Я сильно удивился.

— Разве таким субъектам дают рыцарское звание?

— О да, сэр. Джентльмену, занимающему столь видное положение в издательском мире, постоянно грозит опасность удостоиться посвящения.

— Опасность? Они же любят, когда их посвящают в рыцари?

— Но не те из них, кто, подобно мистеру Троттеру, отличается застенчивым нравом, сэр. Для него этот ритуал был бы тягостным испытанием. Посвящаемый должен, например, в атласных брюках до колен пятиться назад с мечом между ног, впечатлительному джентльмену, ведущему упорядоченный образ жизни, это пришлось бы не по вкусу. И, конечно, его пугает мысль, что впредь до кончины он будет именоваться не иначе как сэр Лемуэль.

— Неужто его имя — Лемуэль?

— Боюсь, что да, сэр.

— Воспользовался бы вторым именем.

— Второе его имя — Генгульфус.

— Бог ты мой, Дживс! — покачал я головой, вспомнив о своем дяде Томасе Портарлингтоне. — По-моему, кто-то мутит воду в источнике, из которого проистекают имена, вам не кажется?

— Несомненно, сэр.

Тетя Далия слушала нас с недоуменным выражением лица, как человек, который никак не возьмет в толк, о чем речь.

— К чему вы ведете, Дживс? — спросила она.

— Сейчас объясню, мэм. Я намеревался высказать предположение, что, услышь мистер Троттер о стоящем перед ним выборе: либо купить «Будуар светской дамы», либо же его супруге станет известно, что ему уже был предложен титул и он отказался, — и возможно, он выкажет более сговорчивости, чем прежде, мэм.

Тетю Далию словно ударили по лбу носком, полным мокрого песка. Она пошатнулась и, чтобы не упасть, вцепилась в мою руку повыше локтя, притом достаточно чувствительно. Поэтому ее ответного замечания я не расслышал, хотя, несомненно, она сказала: «Ух ты!» или «Фу ты, ну ты!», или еще что-нибудь в таком же духе, так что, я полагаю, невелика потеря. Когда туман растаял и я опомнился, Дживс продолжал развивать свою мысль:

— Дело в том, что несколько месяцев назад мистер Троттер по распоряжению миссис Троттер нанял себе личного камердинера — молодого парня по фамилии Уорпл, и этот Уорпл в корзинке для бумаг добыл написанный рукой мистера Троттера черновик письма с отказом. Он недавно стал членом клуба «Подсобник Ганимед» и, в соответствии с Правилом № 11, передал документ секретарю для помещения в архив. Благодаря любезности секретаря я получил возможность с ним ознакомиться, и его фотокопию мне должны прислать сюда по почте. Я полагаю, мэм, если вы упомяните об этом в разговоре с мистером Троттером…

Тетя Далия издала возглас, тембром подобный возгласам, которые она привыкла издавать в былые дни «Куорна» и «Пайчли», когда призывала собачью свору взять след и работать в обе ноздри.

— Он в наших руках!

— Есть все основания предполагать, что так оно и есть, мэм.

— Сейчас же за него возьмусь.

— Не выйдет, — остановил я ее. — Он лег в постель. Обострение диспепсии.

— Тогда утром, сразу же после завтрака, — сказала тетя Далия. — О, Дживс!

Эмоции переполнили ее, и она снова вцепилась в мою руку. Ощущение такое, как будто тебя укусил аллигатор.

20

Назавтра часов около девяти утра на парадной лестнице Бринкли-Корта можно было наблюдать редкостное зрелище: Бертрам Вустер спускался к завтраку.

В кругу моих близких известно, что я только в самых редких случаях присоединяюсь по утрам к толпе общественно питающихся, — предпочитаю поглощать копченую селедку или что там мне подадут, в уединении своей спальни. Но целеустремленный человек, в случае надобности, не побоится ничего, а я решился любой ценой оказаться на месте в драматический момент разоблачения, когда тетя Далия сорвет накладную бороду и объявит дрожащему Л.Дж. Троттеру, что ей известно все! То-то будет, я предвидел, феерическое зрелище.

Хотя и не вполне очнувшись ото сна, я, кажется, никогда еще так ясно не ощущал, что жаворонок в небе, улитка на листе, а в небе Бог, и вообще

все прекрасно на белом свете.[56] Благодаря выдающемуся уму Дживса затруднение тети Далии убрано с дороги, и теперь я могу, если не постесняюсь, посмеяться в лицо всем полицейским инспекторам и их сержантам, которые бы вздумали к нам наведаться. И кроме того, вчера на сон грядущий я предусмотрительно унес у престарелой родственницы резиновую дубинку, и теперь она опять находилась при мне. Неудивительно поэтому, что, входя в столовую, я почти готов был разразиться песней и засвистать веселой коноплянкой,[57] как выражается иногда Дживс, я сам слышал.

Первое, что мне бросилось в глаза, когда я переступил порог, был Сыр Чеддер, пожирающий ветчину, а второе — Дафна Долорес Морхед, заканчивающая завтрак гренками с джемом.

— Привет, Берти, старина! — воскликнул первый, помахав мне вилкой в самой дружественной манере. — Вот и ты, приятель. Заходи, заходи, дружище. Рад видеть тебя в такой отличной форме.

Его сердечное приветствие удивило бы меня больше, если бы я не разгадал в нем военную хитрость, рассчитанную на то, чтобы притупить мою бдительность и внушить мне ложное чувство безопасности. Весь в состоянии боевой готовности, я подошел к буфету и стал левой рукой накладывать себе сосиски и бекон, правой сжимая в боковом кармане полицейскую дубинку. Военные действия в джунглях учат нас ни в чем не полагаться на случай.

— Прекрасное утро, — проговорил я, усевшись за стол и омочив губы в чашке кофе.

— Да, прелестное, — согласилась Морхед, еще более вчерашнего напоминавшая умытый росою цветок в первых лучах солнца. — Д'Арси хочет покатать меня по реке на лодке.

— Да, — подтвердил Сыр, обратив на нее пламенный взор. — Дафна должна полюбоваться рекой. Можешь сказать своей тете, что к обеду нас не будет. Нам готовят сэндвичи и крутые яйца.

— Да, этот симпатичный дворецкий.

— Именно, как вы выразились, этот симпатичный дворецкий, — подтвердил Сыр, — который также счел уместным приложить бутылочку из здешних подвалов. Мы отбываем через минуту.

— Побегу соберусь, — сказала Морхед.

Она поднялась с ослепительной улыбкой, и Сыр, как ни переполнен он был ветчиной, галантно подскочил, чтобы открыть перед нею дверь. Когда он возвратился к столу, я демонстративно крутил в руке резиновую

дубинку. Это его, кажется, удивило.

— Эй, — обратился он ко мне, — что ты делаешь этой штуковиной?

— Да так, ничего, — небрежно отозвался я и положил ее рядом со своей тарелкой. — Просто подумал, что неплохо иметь ее под рукой.

Он с недоуменным видом проглотил еще кусок окорока. Но потом лицо его прояснилось.

— Ты что, думал, что я на тебя наброшусь?

Я ответил, что нечто в подобном роде приходило мне в голову, и он весело рассмеялся.

— Что ты, Господь с тобой! Я тебя считаю своим самым дорогим другом, старина.

Если так, как вчера со мной, он обращается со своими самыми дорогими друзьями, подумалось мне, каково же тогда достается от него тем, кто не такой дорогой? Мысль эту я ему высказал, и он покатился со смеху, словно стоял в суде на Винтон-стрит и его честь мировой судья отпустил очередную остроту, которыми он там всех и каждого смешит до колик.

— Ах, ты вот о чем! — Он беззаботно отмахнулся от моих слов. — Забудь об этом, приятель. Выкинь из головы, милый человек. Возможно, я тогда слегка и обозлился, но это дело прошлое.

— Точно? — недоверчиво переспросил я.

— Совершенно точно. Теперь я понимаю, что я перед тобой в большом долгу. Если бы не ты, я бы мог и сейчас еще быть помолвлен с этой несносной Флоренс. Спасибо тебе, Берти, дружище.

Ну, я ему ответил: «Пожалуйста», или: «Не стоит благодарности», или еще что-то в том же духе, но голова у меня шла кругом. Сначала пришлось рано встать к завтраку, потом Сыр Чеддер обозвал Флоренс «несносной» — понятное дело, я чувствовал себя словно в дурном сне.

— Я думал, ты ее любишь, — пробормотал я, растерянно тыкая вилкой в сосиску.

Он опять засмеялся. Только такая мясистая масса оптимизма, как д'Арси Чеддер, способна столько смеяться в столь ранний час.

— Кто? Я? Нет, конечно. Может, мне и померещилось это когда-то… знаешь, бывают детские фантазии… но когда она заявила, что у меня голова как тыква, завеса упала с моих глаз, и от этой фантазии тоже ничего не осталось. Тыква, видите ли. Могу сказать тебе, друг мой Берти, что есть люди — не буду называть имен — которые находят мою голову величественной. Да-да, я знаю из надежного источника, что с такой головой я выгляжу как король среди людей. И это даст тебе

приблизительное представление о том, какая на самом деле дурочка это Флоренс Крэй, чтоб ей пусто было. Какое облегчение, что благодаря тебе я от нее избавился.

Он еще раз меня поблагодарил, и я еще раз ответил: «Пожалуйста», а может быть, «Не стоит благодарности». Все плыло у меня перед глазами.

— Значит, ты не думаешь, — спросил я дрожащим голосом, — что, когда горячая кровь поостынет, может состояться примирение?

— Совершенно исключено.

— Один раз так уже было.

— Больше не будет. Теперь я знаю, что такое любовь, Берти. Говорю тебе, когда человек — который да останется безымянным. — смотрит мне в глаза и говорит, что при первом взгляде на меня, хотя у меня тогда были усы, такие же гнусные, как твои, она ощутила удар вроде электрического, я испытываю душевный подъем, точно выиграл Хенлейскую гонку «Бриллиантовое весло». Между мною и Флоренс все кончено и забыто. Она — твоя, старик. Бери ее, дружище, бери ее.

Ну, я, естественно, сказал ему: «Большое спасибо» или что-то в этом роде, — но он уже не слушал. Его позвал серебристый голос, и он, задержавшись еще на миг, чтобы доесть остатки окорока, пулей вылетел из комнаты с раскрасневшимся лицом и сияющими глазами.

А я остался с тяжелым сердцем в груди и с беконом и сосисками, обратившимися в пепел у меня во рту. Я понимал, что это конец. Самому ненаблюдательному человеку было бы очевидно, что д'Арси Чеддер подвел черту. Акции «Морхед, привилегированные» растут, акции «Крэй, обыкновенные» идут вниз и не имеют спроса.

А я-то надеялся, что со временем здравый смысл возобладает, эти два разлученных сердца раскаются и решат попытать удачу еще разок, а я тем самым опять буду спасен. Но, увы, этому не бывать. Бертрам попался с потрохами. Придется ему все-таки испить горькую чашу до дна.

Я взял себе вторую чашку кофе — она показалась мне той самой горькой чашей. Но тут в столовую вошел Л.Дж. Троттер.

В моем ослабленном состоянии мне меньше всего улыбалось сейчас беседовать с Троттерами, но если сидишь в столовой с кем-то один на один, разговор так или иначе неизбежен, и пока Троттер наливал себе чай, я заметил, что сегодня прекрасная погода, и порекомендовал взять сосисок с беконом.

Реакция его была неожиданной: он задрожал весь с головы до ног.

— Сосиски? — переспросил он. — Бекон? — переспросил он. — Не говорите со мной о сосисках и беконе, — простонал он — У меня

обострилась диспепсия.

Что ж, если ему угодно было обсуждать на людях боли в животе, я готов предоставить ему терпеливое ухо. Но он перескочил на другую тему.

— Вы женаты? — спросил он.

Я страдальчески поморщился и объяснил, что пока еще нет.

— И не женитесь, если имеете хоть крошку здравого смысла. — На минуту он в мрачном молчании завис над чашкой чая. — Вам известно, что происходит, когда вы женитесь? Вами помыкают. Вам больше не принадлежит даже собственная душа. Вы становитесь нулем у себя в доме.

Должен признаться, что я удивился той открытости, с какой он посвящал малознакомого человека в свои семейные дела. Но я отнес это на счет его обострившейся диспепсии. Животные колики вполне могут лишить страдальца способности уравновешенного суждения.

— Съешьте яйцо, — посоветовал я, ведь я же не чудовище бессердечия.

Он позеленел и скрутился двойным узлом.

— Не говорите, чтобы я ел яйцо! Не советуйте, что мне есть! Я на яйца и смотреть не могу, такое со мной творится. Это все чертова французская кухня. Погибель для пищеварения. А вы говорите, жениться, — вернулся он к первоначальной теме. — Не толкуйте мне о женитьбе. Не успеешь жениться, как на тебя уже навешивают пасынков, которые отращивают бакенбарды и не желают работать. Единственная их работа — это, видите ли, писать стишки про закат. Пфу!

Я человек довольно проницательный, и у меня возникло подозрение, что, возможно, он намекает на своего пасынка Перси. Однако проверить это подозрение я не успел, так как в столовую уже набились люди, общим числом примерно двадцать девять — такова, как известно, сейчас средняя цифра насельников загородного дома, выстраивающихся в очередь за кормежкой. Вошла тетя Далия и взяла себе яичницу. Появилась миссис Троттер и взяла колбасу. Перси и Флоренс взяли: он — ломоть ветчины, она — порцию жареной пикши. Дяди Тома было не видно, из чего следовало, что он завтракает в постели, это его обычная манера, когда в доме гости, у него на них не хватает сил, пока он как следует не подкрепится.

Присутствующие расселись, склонили головы над тарелками, растопырили локти и занялись завтраками, когда явился Сеппингс с утренними газетами, после чего застольная беседа, и прежде не особенно оживленная, совсем замерла. И к этой безмолвной аудитории теперь присоединился еще некто, мужчина ростом добрых семи футов, с

квадратным подбородком, с волевым лицом, в центре которого просматривались небольшие усики. Я давно не видел Родерика Спода, однако узнал его без труда. У него такая примечательная наружность, что, раз увидев, не забудешь никогда.

Мне он показался слегка бледноват, можно было подумать, что с ним недавно случился приступ головокружения, в результате которого он упал и ударился головой об пол. Голосом, для него довольно слабым, он произнес: «Доброе утро», и тетя Далия оторвала взгляд от номера «Дейли миррор».

— Лорд Сидкап! — воскликнула она — Вот уж не ожидала, что вы окажетесь в силах спуститься к завтраку! Вы уверены, что это разумно? Вы уже лучше себя сегодня чувствуете?

— Значительно лучше, благодарю вас, — храбро отозвался он. — И шишка почти совсем спала.

— Я очень рада. Это действие холодных компрессов. Я так и думала, что они помогут. Лорд Сидкап, — объяснила тетя сидевшим в столовой, — вчера вечером упал и сильно ушибся головой. По-видимому, у него случился приступ головокружения. В глазах вдруг почернело, не правда ли, лорд Сидкап?

Он кивнул, и тут же, похоже, раскаялся, так как болезненно поморщился, совсем как бывает со мной, когда необдуманно тряхнешь головой наутро после попойки в «Трутнях».

— Да, — подтвердил он. — Чрезвычайно странная история. Я стоял и чувствовал себя вполне нормально, — даже можно сказать, лучше не бывает, — и вдруг меня словно что-то ударило сзади по затылку. Больше я ничего не помню до той минуты, когда уже очутился у себя в комнате, и вы поправляете у меня под головой подушку, а ваш дворецкий наливает мне прохладительный напиток.

— Да, такова жизнь, — философически заметила тетя Далия. — Да-да, так всегда бывает. Сегодня мы здесь, а завтра нас уже нет, как я часто говорю… Берти, несносный мальчишка, выйди отсюда со своей сигаретой. От нее запах как от навозной кучи.

Я встал — почему бы не исполнить просьбу? — и уже подошел было к стеклянной двери в сад, как вдруг из уст миссис Троттер вырвался звук, который я бы определил как сиплый визг. Вам никогда не случалось наступить на невидимую кошку? Вот что-то в этом же роде. Я оглянулся и увидел, что лицо у нее сделалось почти таким же красным, как у тети Далии.

— Не может быть! — визжала она, глядя на развернутый лист

«Тайме», который ей достался при давешнем разборе газет, и выражение у нее на лице было такое, с каким житель Индии мог бы смотреть на кобру, если бы обнаружил ее утром на дне ванны.

— Подумать только!.. — Дальше язык отказался ей подчиняться.

Со своей стороны, Л.Дж. Троттер устремил на супругу взгляд, каким кобра могла бы посмотреть на жителя Индии, помешавшего ей принимать утреннюю ванну. Его можно было понять. Человек, страдающий диспепсией, и без того не пользующийся сочувствием собственной жены, не может благосклонно слушать, как эта самая жена верещит за завтраком, будто ее режут.

— Да что, черт возьми, случилось? — спросил он раздраженно.

Грудь миссис Троттер вздымалась, как море в декорациях.

— Я скажу вам, что случилось. Рыцарское звание пожаловали Роберту Бленкинсопу!

— Да? — удивился Л.Дж. Троттер. — Надо же!

Потрясенная женщина, по-видимому, сочла, что «Надо же!» — недостаточно сильно сказано.

— И это все, что вы можете сказать?!

Оказалось, что не все. Теперь он проговорил: «Гм-гм». Но она продолжала извергаться, точно те вулканы, из которых время от времени выкипает содержимое, причиняя хлопоты ближним домохозяевам.

— Роберт Бленкинсоп! Роберт Бленкинсоп! Какая подлая нелепость! Не представляю себе, до чего мы дожили. В жизни моей не слышала ничего более… Могу я спросить, над чем вы смеетесь?

Л.Дж. Троттер скукожился под ее взором, как смятый лист копировальной бумаги.

— Я не смеюсь, — робко ответил он. — Просто улыбаюсь. Представил себе, как Бобби Бленкинсоп пятится в атласных брюках до колен.

— Ах, вот оно что! — закричала миссис Троттер так оглушительно, как кричат разносчики на пляже, оповещая покупателей, что в продаже имеются брюссельская капуста и апельсины-корольки. — Позвольте вам сказать, что это во всяком случае вам больше не угрожает. Если вам теперь предложат рыцарское звание, Лемуэль, вы от него откажетесь. Вам понятно? Я не допущу, чтобы оскорбляли ваше достоинство.

Раздался звон. Это тетя Далия выронила чашку с кофе. Я знал, что она подумала. Примерно такая же мысль мелькнула и у меня в голове, когда я узнал от Перси, что билет Первенства по «летучим дротикам» с фамилией «Вустер» перешел в другие руки, и Сыр Чеддер может теперь

беспрепятственно рвать меня когтями и зубами. Ничто не способно так огорчить женщину, как сознание, что тот, кого она считала уже у себя в руках, оказывается совсем даже у нее не в руках. Настолько не в руках, что

«идет, куда не лень,
парень свободный,
парень красивый
и в шапке набекрень»,

как поется в песне. Неудивительно, что это ее потрясло, я думаю, до самого корсета.

В тишине, установившейся после того, как Л.Дж. Троттер откликнулся на ультиматум своей мадам, — если не ошибаюсь, он ответил ей: «Ладно», — на пороге опять возник Сеппингс.

В руках он держал серебряный поднос, и на этом серебряном подносе покоилось жемчужное ожерелье.

21

В кругах, где вращается Бертрам Вустер, почти всем известно, что он не из тех, кто легко бросает на ринг полотенце и признает поражение. Под ударами этой… как ее?.. ну, в общем, беды… он будет стоять, если только погодные условия благоприятствуют, не склонив окровавленной головы, и пусть пращи и стрелы яростной судьбы норовят подорвать его гордый дух,[58] им для этого придется подтянуть носки и хорошенько потрудиться.

Однако, признаюсь, что ослабленный ранним подъемом к завтраку, я при виде этой картины определенно дрогнул. Сердце у меня ушло в пятки, и в глазах, как вчера у Спода, потемнело. Сквозь черный туман я с трудом различил дворецкого-негра, протягивающего угольный поднос мамаше Троттер, которая походила на замыкающего участника негритянского джаз-банда.

Пол у меня под ногами вздыбился, словно началось особенно мощное землетрясение. Мой взор блуждал меж небом и землей, и встретив взор тети Далии, я увидел, что и ее взор блуждает в тех же направлениях.

Но все-таки она, как всегда, бросилась в бой:

— Вот спасибо, Сеппингс! — весело сказала она. — А мы тут как раз гадали, куда подевалось это ожерелье? Оно ведь ваше, миссис Троттер, не правда ли?

Мамаша Троттер рассматривала драгоценность сквозь лорнет.

— Мое-то оно мое, — подтвердила она. — Но хотелось бы знать, каким образом оно попало в руки этому человеку?

Тетя Далия продолжала борьбу за спасение:

— Вы, наверное, нашли его, Сеппингс, на полу в холле, где лорд Сидкап выронил его, когда упал в обморок?

Вот здорово придумано, подумал я. И действительно, такое объяснение вполне бы сошло, не вздумай Спод, осел несчастный, влезть со своим особым мнением.

— Не вижу, как это могло произойти, миссис Трэверс, — произнес он в своей всегдашней надменной манере, из-за которой его все вокруг терпеть не могут. — Ожерелье, находившееся у меня в руках в тот момент, когда я лишился чувств, принадлежало вам. То, которое принадлежало миссис Троттер, предположительно находилось в сейфе.

— Вот именно, — подхватила мамаша Троттер, — а жемчужные ожерелья сами из сейфов не выпрыгивают. Пожалуй, я отойду к телефону и позвоню в полицию.

Тетя Далия гордо вздернула брови. Наверное, это ей было нелегко, но она все-таки вздернула.

— Я вас не понимаю, миссис Троттер, — произнесла она с величавым негодованием. — Вы что же, предполагаете, что мой дворецкий мог взломать сейф и выкрасть ваше ожерелье?

И снова вмешался Спод. Бывают же такие несимпатичные люди, которые не способны подержать рот закрытым даже когда это необходимо.

— Почему взломать? Взламывать сейф было совершенно незачем. Он же стоял открытый.

— Хо! — воскликнула мамаша Троттер, не посчитавшись с тем, что авторское право на это междометие принадлежало Сыру. — Теперь понятно, как обстояло дело. Ему понадобилось только засунуть руку и схватить. Телефон, кажется, в коридоре?

Тут Сеппингс, наконец, внес свою лепту в этот пир разума и излияние душ:

— Не дозволено ли мне будет объяснить, мэм?

Тон Сеппингса был строг. Правила их гильдии не допускают, чтобы дворецкие награждали хозяйских гостей злобным взглядом, но нежным я бы его взгляд тоже не назвал. Ее безответственную болтовню про полицию и телефоны он счел для себя обидной, и было ясно, что в свой очередной пеший поход он с собой мамашу Троттер не возьмет.

— Эту вещь нашел не я, мэм. По поручению мистера Трэверса я

обыскивал комнаты обслуживающего персонала и обнаружил ее в комнате мистера Дживса, личного слуги мистера Вустера. Когда я поставил мистера Дживса об этом в известность, он сообщил мне, что подобрал ожерелье с пола в коридоре.

— Вот как? В таком случае велите этому человеку Дживсу, незамедлительно явится сюда.

— Очень хорошо, мэм.

Сеппингс удалился, и я бы тоже многое отдал за то, чтобы исчезнуть, ибо я понимал, что не пройдет и двух минут, как Бертраму Вустеру неизбежно придется во всем признаться, разгласить на весь белый свет махинации тети Далии и покрыть ее бедную старую голову смятением и позором. Конечно, Дживсу феодальная верность наложит на уста печать, но нельзя же позволить, чтобы человеку накладывали на уста печать, если это будет означать для него обвинительный приговор в суде да еще язвительные замечания со стороны мирового судьи. Будь что будет, а придется открыться. Кодекс чести Бустеров на сей счет очень строг.

Я оглянулся на тетю Далию и с одного взгляда понял, что мысль ее идет по тому же направлению и что все это ей очень не нравится. При ее румянце побледнеть она не могла, но губы были крепко сжаты, а рука, намазывающая джем на кусочек тоста, заметно дрожала. Выражение лица у нее было такое, как у женщины, которая не нуждается в гадалках и хрустальных шариках, чтобы понять, что с минуты на минуту все взлетит на воздух.

Я так сосредоточенно ее разглядывал, что только при звуках тактичного покашливания отвлекся и обнаружил, что к обществу в столовой присоединился Дживс. Он стоял сбоку и имел спокойный и почтительный вид.

— Мэм? — обратился он к хозяйке дома.

— Эй, вы! — рявкнула на него мамаша Троттер.

Его почтительная поза не подверглась никаким изменениям. Если его и покоробило такое обращение, по внешнему виду заметить этого было нельзя.

— Вот ожерелье, — проговорила мамаша Троттер, направляя на него испепеляющий взор через правое и через левое стекла лорнета. — Дворецкий сказал, что нашел его в вашей комнате.

— Да, мэм. Я намеревался после завтрака выяснить, кому оно принадлежит.

— Ах, вот как? Вы намеревались?

— Я полагал, что эта безделушка — собственность одной из

горничных.

— Эта… как вы сказали?.. эта безделушка?

Он снова уважительно кашлянул — это прозвучало как кашель благовоспитанной овцы на склоне дальнего холма.

— Я без труда определил, что это — дешевая подделка из культивированного жемчуга, мэм.

Вам знакомо такое выражение: ошеломленное молчание? Я встречал его в книгах, в тех местах, где герой обрушивает на головы собравшихся поразительное известие, по-моему, оно как раз дает представление о тишине, которая устанавливается в таких случаях. Молчание, воцарившееся за завтраком в Бринкли-Корте после заявления Дживса, было такое ошеломленное, что просто дальше некуда,

Первым его нарушил Л.Дж. Троттер.

— То есть как это, дешевая подделка? Я заплатил за это ожерелье пять тысяч фунтов.

— Ну, конечно, — негодуя, затрясла головой мамаша Троттер. — Он пьян.

Я почувствовал себя обязанным вступиться и разогнать черные подозрения, или что там делают с подозрениями.

— Пьян?! — возмутился я. — В десять часов утра? Не смешите меня. Впрочем, мы сейчас проверим. Дживс, скажите быстро: «Твистер свистнул у Ситуэлла виски и свитер».

Что Дживс и повторил отчетливо и звонко.

— Как видите, — удовлетворенно заключил я.

Тетя Далия, ожившая, как цветок, принявший унцию-другую желанной влаги, выступила с ценным добавлением от себя.

— Да-да, — поддержала она меня. — На Дживса можно положиться. Раз он говорит: фальшивые, значит, они фальшивые и есть. Он в драгоценностях разбирается, как никто.

— Вот именно, — сказал я. — Ему про них все известно. Он проходил обучение по ювелирной специальности у собственной тети.

— У кузины, сэр.

— Да, конечно, у кузины. Простите, Дживс.

— Ну что вы, сэр.

Тут снова втерся Спод.

— Ну-ка, дайте я взгляну на этот жемчуг, — распорядился он. Дживс протянул ему поднос.

— Вы, я думаю, подтвердите мое мнение, милорд.

Спод взял с подноса нитку жемчуга, посмотрел, понюхал и высказал

суждение:

— Совершенно верно. Имитация, и не очень искусная.

— Так сразу наверняка сказать нельзя, — усомнился Перси и был изничтожен взглядом.

— Нельзя? — Спод ощетинился, точно шершень, чьи чувства ранены бестактным замечанием. — Нельзя сказать наверняка?!

— Разумеется, он может сказать наверняка, — заступился я за Спода, не то чтобы уж прямо дружески шлепнув его по спине, но с таким свойским выражением, которое свидетельствовало о дружеской поддержке со стороны Бертрама Вустера. — Он же знает, что внутри культивированной жемчужины имеется зерно. Вы с первого взгляда разглядели зерно, верно, старина Спод, вернее, старина лорд Сидкап?

Дальше я собирался поговорить о том, как в раковину впихивают инородное тело, чтобы обмануть моллюска, а он верит и принимается одевать это тело слоями перламутра — я все-таки считаю, что нехорошо это, надувать моллюска, который хочет только одного — чтобы его оставили в покое наедине с его мыслями, — но Спод встал.

— И весь этот переполох — во время завтрака! — с глубоким негодованием произнес он. Я его вполне понял. У себя дома он, наверное, поглощает утреннее яйцо в уютном одиночестве, прислонив свежий номер газеты к боку кофейника, и никакие страсти не бушуют вокруг и не мешают спокойствию. Он вытер рот и вышел вон через стеклянную дверь, болезненно поморщившись и приложив руку к макушке, когда раздался голос Л.Дж. Троттера, притом такой силы, что от него чуть не лопнула его чашка с чаем:

— Эмили! Объяснитесь!

Мамаша Троттер направила на него лорнет, но с таким же успехом она могла бы воспользоваться и моноклем. Троттер встретил ее взгляд, и мне показалось — утверждать не берусь, так как он сидел ко мне спиной, — что в его глазах была железная твердость, от которой у мадам размякли все кости. Во всяком случае, когда она заговорила, звук ее речи напоминал, как я как-то слышал от Дживса, писк ранней пташки на рассвете.[59]

— Я… я не могу этого объяснить, — залепетала… да-да, залепетала мамаша Троттер. Я хотел было написать «забормотала», но «залепетала» выразительнее.

Л.Дж. Троттер взлаял, как тюлень:

— Зато я могу! Вы опять тайно снабжали деньгами этого своего братца.

О братце мамаши Троттер я услышал сейчас впервые, но нисколько не

удивился. Я знаю по собственному опыту, что все жены преуспевающих бизнесменов обязательно где-то прячут сомнительных братцев и время от времени их тайком подкармливают.

— Нет, не снабжала!

— Не лгите!

— О! — съежившись, воскликнула бедная женщина и еще больше съежилась. Сцена приобрела совсем невозможный характер, и тут Перси, замерший за столом в виде чучела, изготовленного мастером-таксидермистом, не выдержал страданий матери и встал, как встают, когда кто-нибудь из сотрапезников провозгласит тост «За дам!». Опасливо, точно кот в проулке, боящийся получить обломком кирпича в бок, он открыл рот, однако голос его прозвучал, хоть и тихо, но твердо:

— Я могу все объяснить. Мамаша не виновата. Она хотела почистить жемчуг и поручила мне отнести ожерелье к ювелиру А я отдал его в заклад и заказал копию, потому что мне срочно понадобились деньги.

— Вот так так! — воскликнула тетя Далия. — Слыханное ли это дело? Чего только не придумают люди, а, Берти?

— Признаюсь, я тоже ничего подобного не слышал.

— Поразительно, да?

— Фантастика, я бы сказал.

— Однако же бывает.

— М-да, бывает.

— Мне потребовалась тысяча фунтов, чтобы вложить в постановку, — уточнил Перси.

Тут Л.Дж. Троттер, который этим утром был в голосе, взвыл так, что в буфете лязгнуло серебро. Повезло Споду, что он оказался вне пределов слышимости, а то бы его ушибленной голове это могло повредить. Даже я, человек здоровый, и то подскочил дюймов на шесть.

— Ты вложил тысячу фунтов в какой-то *спектакль!*

— Не в какой-то, а в спектакль по пьесе Флоренс и моей. Моя обработка ее романа «Спинола». Один из наших спонсоров нас подвел, и я, чем огорчить девушку, которую люблю…

На него широко открытыми глазами смотрела Флоренс. Если помните, описывая, как она выглядела, когда впервые узрела мои усы, я заметил, что в ней появилось нечто от фигуры «Пробуждение души».[60] На этот раз «Пробуждение души» было еще заметнее. Бросалось в глаза за милю.

— Перси! Вы сделали это для меня?

— Да, и опять сделаю, — с вызовом ответил Перси. Заговорил Л.Дж. Троттер. Не стану утверждать, что он начал свою речь с возгласа: «Да чтоб

мне лопнуть!» Но каждое его слово было пропитано именно этой мыслью. Он был, что называется, вне себя, и я даже слегка пожалел мамашу Троттер, при всей моей к ней антипатии. Царству ее пришел конец. Отныне и впредь было совершенно ясно, кто фюрер в доме Тротгеров. Червь вчерашнего дня — или, если угодно, червь десяти минут назад, — оказался червем в тигровой шкуре.

— Вопрос решен! — возопил он. Я почти уверен, что это слово здесь подходит. — Больше ты не будешь слоняться по Лондону, молодой человек! Мы сегодня же, прямо сейчас уезжаем отсюда…

— Что? — вякнула тетя Далия.

— …и как только прибудем в Ливерпуль, ты приступаешь к делу, притом, с самого низа, как тебе следовало сделать еще два года назад, если бы я не поддался уговорам вопреки собственному убеждению. Пять тысяч фунтов я отдал за ожерелье, и ты…

Чувства переполнили его, и он замолчал, чтобы перевести дух.

— Но, мистер Троттер! — взволнованно произнесла тетя Далия. — Вы же не уедете сегодня до обеда?

— Уедем. Думаете, я соглашусь вытерпеть еще один обед этого вашего французского кухмистера?

— Но я надеюсь, вы не уедете, прежде чем мы с вами не уладим дело насчет покупки «Будуара»? Может быть, вы уделите мне пять минут для разговора в библиотеке?

— Нет времени. Я должен заехать в Маркет-Снодсбери и обратиться к врачу. Вдруг он сможет что-то сделать, чтобы унять боль. Вот здесь, — пояснил Л.Дж. Троттер и ткнул пальцем в область четвертой жилетной пуговицы.

— Ай-яй-яй, — покачала головой тетя Далия.

И я тоже покачал головой. Но больше никто из присутствующих не выразил сочувствия, причитающегося каждому страждущему. Флоренс во все глаза, сколько у нее их было, упивалась зрелищем Перси Горринджа, а Перси заботливо склонился над мамашей Троттер, которая сидела с таким видом, будто чудом осталась жива после взрыва бомбы.

— Идем, маман, — проговорил Перси, поднимая ее на ноги. — Я смочу тебе виски одеколоном.

И с укоризненным взором в сторону Л.Дж. Троттера бережно повел ее вон из столовой. Сыночек — лучший друг женщины.

На лице у тети Далии все еще оставалось выражение ужаса. Я понимал, о чем она думает. Отпусти она сейчас этого Троттера в Ливерпуль, и все погибло. Такие тонкие сделки, как продажа дамского

еженедельника покупателю, пропитанному апатией потребительского спроса, по почте не заключаются. Необходимо иметь его под рукой, обнимать за плечики и давить своим обаянием.

— Дживс! — воскликнул я, сам не зная почему, на самом-то деле я не видел, чем бы он мог помочь.

Дживс почтительно ожил. На протяжении всех последних речей и объяснений он стоял в глубине сцены с отчужденным, отсутствующим видом, который он всегда принимает, если оказывается при массовках кто-во-что-горазд, в которые понятие благопристойности не позволяет ему вмешиваться. Я сразу воспрял духом, увидев с его стороны готовность сплотить ряды.

— Не позволительно ли мне будет внести предложение, сэр?

— Да, Дживс?

— Мне представляется, что тут мистеру Троттеру может принести облегчение один из моих утренних бальзамов.

В горле у меня заклокотало. Я его понял.

— Вы имеете в виду те смеси, которые вы приготавливаете для меня, когда этого требует состояние моих мозгов?

— Вот именно, сэр.

— То есть паши смеси подействуют, если залить их в рот мистеру Роттеру, вернее сказать, наоборот?

— О да, сэр. Они оказывают действие непосредственно на внутренние органы.

Этого мне было достаточно. Я убедился, что Дживс, как всегда, *тетигистит* эти, как их, *ремы.*[61] Я спросил у Троттера:

— Вы слышали?

— Ничего я не слышал. Думаете, что при такой боли… Я остановил его властным жестом.

— Ну, так слушайте теперь, — объявил я. — Бодритесь, Л.Дж. Троттер! Прибыли морские пехотинцы Соединенных Штатов. Никакой врач вам не нужен. Ступайте с Дживсом, и он приготовит вам смесь, которая вернет ваш живот в пик сезонной формы, не успеете вы выговорить «Лемуэль Генгульфус».

Он оглянулся на Дживса с безумной догадкой во взоре. У тети Далии, я услышал, перехватило дыхание.

— Это правда?

— Да, сэр. Могу гарантировать успех. Л.Дж. Троттер звучно охнул.

— Идемте, — кратко вымолвил он.

— Я с вами, — сказала тетя Далия. — Буду держать вас за ручку.

— Одно только предупреждение, — остановил я их на пороге. — Сначала, когда вы проглотите содержимое стакана, у вас возникнет минутное ощущение, будто вас поразила молния. Не обращайте внимания. Это все входит в целительный процесс. Последите только за своими глазами, а то они выскочат из орбит и ударятся о стену.

И они вышли из столовой, оставив меня наедине с Флоренс.

22

Странно, но факт, что среди сутолоки и суеты последних событий, когда люди постоянно приходили и уходили по двое, по трое, а в случае Спода — по одному, я совершенно не задумывался о том, что неизбежно настанет момент, когда я и эта девица останемся с глазу на глаз в так называемом solitude ‘a deux.[62] И вот теперь, когда это случилось, растерялся, не зная, с чего начать разговор. Но я все-таки попытал удачи, воспользовавшись тем же приемом, что и раньше, когда пришлось завязывать разговор с Л.Дж. Троттером.

— Передать вам сосиску? — предложил я.

Она ответила отрицательным жестом. В том смысле, что ее душевное волнение невозможно унять сосисками.

— О, Берти, — только произнесла она и смолкла.

— Или кусок ветчины?

Флоренс покачала головой. Спрос на ветчину оказался так же невысоким.

— О, Берти, — повторила она.

— Я здесь, перед вашими глазами, — отзываюсь, чтобы ее подбодрить.

— Берти, я не знаю, что делать.

И снова отключилась. Я стою, жду, что дальше. Мелькнувшую было мысль предложить еще и порцию рыбы я сам отверг. Дурацкое занятие — перебирать все, что значится в меню, словно какой-нибудь официант перед нерешительной посетительницей.

— Я чувствую себя ужасно, — говорит она.

— А вид у вас цветущий, — заверил я ее, но она отмахнулась и от этого тонкого комплимента.

Снова наступило молчание. А потом у нее все-таки вырвалось:

— Из-за Перси.

Я в эту минуту жевал тост, но тут галантно положил его обратно на

тарелку.

— Из-за Перси? — переспросил я.

— О, Берти, — в который раз повторила Флоренс. И судя по тому, как дергался у нее кончик носа, она была вне себя. — Все это… что сейчас произошло… когда он сказал, что не огорчит девушку, которую любит… и я поняла… на что он пошел ради меня…

— Я с вами совершенно согласен, — сказал я. — Благородный поступок.

— …со мной что-то произошло. Я словно впервые увидела настоящего Перси. Конечно, я всегда восхищалась его интеллектом, но это — совсем другое. Мне открылась его душа, я увидела…

— Как она прекрасна, да? — подсказал я ей. Флоренс глубоко-глубоко вздохнула.

— Я была сражена. Потрясена. Я поняла, что он — воплощенный Ролло Биминстер в жизни.

Мгновение я не мог сообразить, кто это. Потом вспомнил.

— О, а, да. Вы не успели мне подробнее рассказать о нем, только, что он пришел в отчаяние.

— Это в самом начале, до того как они с Сильвией помирились.

— Они, значит, все-таки помирились?

— Да. Она заглянула ему в душу и поняла, что никого другого для нее не существует.

Я уже упомянул, что в то утро сообразительность моя достигла высшей точки, и в этих ее словах я уловил отчетливый призвук про-персивальских (на сегодняшний день) настроений. Я мог, конечно, ошибаться, но думаю, что не ошибался. И эти настроения я оценил как благоприятные, заслуживающие дальнейшего внедрения. Как справедливо заметил Дживс, в людских делах бывают спады и подъемы, на гребне приносящие удачу.[63]

— Послушайте, — говорю я ей. — Вот какая мысль мне пришла в голову: почему бы вам не выйти за Перси?

Она вздрогнула. Очнулась. Затрепетала. Ожила, словно ощутила под килем струение жизни. В ее глазах, устремленных на меня, я без труда заметил свет надежды.

— Но ведь я обручилась с вами, — возразила она в том смысле, что готова, кажется, убить себя за такой глупый поступок.

— Ну, это несложно исправить, — успокоил я ее. — Отмените помолвку, и все дела, вот вам мой совет. Зачем вам в доме такой хилый мотылек, как я, вы нуждаетесь в родственной душе, в друге, который носит

шляпу 9-го размера и будет сидеть с вами, держась за руки, и говорить о Т.С. Элиоте. Перси как раз отвечает всем этим требованиям.

Флоренс слегка задохнулась. Свет надежды разгорелся еще ярче.

— Берти! Вы согласны меня освободить?

— Ну разумеется. Само собой, горькая утрата, и все такое прочее, но считайте вопрос решенным.

— О Берти!

Она повисла у меня на шее и наградила меня поцелуем. Неприятно, конечно, но что поделаешь, с такими вещами приходится мириться.

Так мы стояли, без слов заключив друг дружку в объятия, когда тишину нарушил как бы взвизг местной собачонки, должно быть, стукнувшейся носом о ножку стола.

Но только это была не собачонка. Это был Перси. Он стоял в дверях, весь напружинившись. И неудивительно. Ведь, если любишь девушку и, входя в комнату, застаешь ее в обнимку с другим парнем, испытываешь ужасные страдания.

Овладев собой ценой огромного усилия, Перси произнес:

— Продолжайте, прошу вас. Извините, что помешал.

И громко сглотнул. Он явно не был готов к тому, что Флоренс, вдруг оторвавшись от меня, прыгнула к нему почти с такой же ловкостью, как я прыгал от Сыра Чеддера.

— Э-э, не понял, — сказал он, держа ее на весу.

— Я люблю вас, Перси!

— Это правда? — Лицо его на миг посветлело, но за этим сразу же последовало затемнение. — Вы же помолвлены с Вустером, — мрачно заметил он и посмотрел на меня так, словно, по его мнению, половина всех бед человечества происходит из-за таких людей, как я.

Я зашел за стол с другой стороны и взял еще один тост. Холодный, конечно, но я вообще-то люблю холодные тосты, было бы масла побольше.

— Нет-нет, — пояснил я ему, — с этим покончено. Приступайте, старина. Вам зеленый свет.

И Флоренс прибавила дрожащим голосом:

— Берти меня освободил. Я целовала его из благодарности. Когда я призналась ему, что люблю вас, он снял с меня обязательства.

Было видно, что на Перси это произвело впечатление.

— Вот это да! Очень благородно с его стороны.

— Такой он человек. Берти — воплощенное рыцарство.

— Несомненно. Я поражен. Поглядеть на него, никогда не скажешь.

Мне уже осточертело без конца слушать от разных людей, что

поглядеть на меня, никогда не скажешь того или сего, и вполне возможно, что на этот раз я бы ответил что-нибудь язвительное, не знаю, правда, что. Но, прежде чем я собрал ся с мыслями, Флоренс вдруг испустила возглас, близко напоминающий вопль отчаяния:

— Но, Перси, что нам делать? У меня есть только небольшие ежемесячные суммы на туалеты.

Я не уловил ход ее мыслей. И Перси тоже. Мне они показались загадочными, и видно было, что и ему так кажется.

— А при чем тут это? — спросил он.

Флоренс заломила руки — я часто слышал о таком действии, но наблюдал его впервые: это круговые повороты руками, начиная от запястий.

— Я хочу сказать, у меня нет никаких средств, у вас тоже нет, кроме тех денег, что вам будет платить отчим, когда вы войдете в его дело. Нам придется жить в Ливерпуле. Но я не могу жить в Ливерпуле!

Вообще-то говоря, некоторые там все-таки живут, как я слышал, но я ее понимал. Ее сердце было в лондонской Богемии — Блумсбери, Челси, абсент с сэндвичами в студии и всякое такое, она не хотела этого лишиться. В Ливерпуле студий, я думаю, не имеется.

— М-да, — сказал Перси.

— Вы понимаете меня?

— О, вполне, — сказал Перси.

Ему явно было как-то неловко. Очки в черепаховой оправе странно блеснули, баки слегка завибрировали. Минуту он молчал в нерешительности. А потом заговорил:

— Флоренс, я должен перед вами покаяться. Просто не знаю, как признаться. Дело в том, что у меня вполне недурное финансовое положение. Я не богат, но имею приличный доход, вполне достаточный, чтобы содержать дом. И переселяться в Ливерпуль я не собираюсь.

Флоренс вытаращила глаза. По-моему, она подумала, что он, несмотря на такую рань, успел заложить за галстук. Вид у нее был такой, словно она сейчас попросит собеседника произнести: «Твистер свистнул у Ситуэлла виски и свитер». Но сказала она другое:

— Но, Перси, дорогой, вы же не могли это заработать своими стихами?

Он слегка замялся, повертел пальцами. Видно было, человек собирается с духом, чтобы сообщить о себе то, что предпочел бы и впредь держать в тайне. Я, бывало, испытывал подобные ощущения, когда меня приглашала на ковер тетя Агата.

— Я и не заработал стихами, — сознался он. — Сколько пишу, я только и получил что пятнадцать шиллингов в «Парнасе» за «Калибана на закате», да и то сражался за них, как лев. Редактриса торговалась, чтобы я сбавил цену до двенадцати с половиной. Но у меня есть… другой источник доходов.

— Не понимаю, о чем вы? Он понурил голову.

— Сейчас поймете. Поступления из этого источника…э-э-э доходов за прошлый год составили восемьсот фунтов, в этом году эта цифра предположительно удвоится, так как мой агент сумел продвинуть меня на американский рынок. Флоренс, вы отшатнетесь от меня, но я обязан вам признаться. Я пишу детективы под псевдонимом Рекс Вэст.

Я не смотрел на Флоренс, поэтому не знаю, отшатнулась ли она. Но я не отшатнулся, это точно. Я взирал на него в страшном волнении.

— Рекс Вэст? Боже мой! Это вы написали «Загадку красного рака»? — спросил я пресекающимся голосом.

Он опять понурил голову.

— Я. А также «Убийство в сиреневых тонах», «Случай с отравленным пончиком» и «Испектор Биффен разглядывает труп».

Эти три мне до сих пор не попадались, но я заверил его, что незамедлительно внесу их в мой рекомендательный список, после чего задал вопрос, мучивший меня все это время:

— Тогда скажите мне, кто шмякнул тупым инструментом по макушке сэра Юстаса Уиллоуби, баронета?

— Беруош, дворецкий, — тихо и подавленно ответил Перси.

— Я так и подозревал! Подозревал с самого начала! — вскричал я.

Я бы еще поспрашивал его о секретах его Искусства, поинтересовался бы, как он придумывает все эти штуки и работает ли регулярно или же дожидается, пока накатит вдохновение, но трибуну снова заняла Флоренс. Оказывается, она мало того что не отшатнулась от него, но, наоборот, прильнула к его груди и осыпала его лицо жгучими поцелуями.

— Перси! — восторженно лепетала она. — Как это замечательно! Какой вы талантливый!

Перси пошатнулся.

— Значит, вам не противно?

— Ну конечно же, нет. Я восхищена. Вы и сейчас над чем-нибудь работаете?

— Над повестью. Думаю назвать ее «Порода сказывается». Примерно на тридцать тысяч слов. Мой агент говорит, что американские журналы больше всего любят, чтобы все можно было, как там выражаются, уложить

одним выстрелом, то есть поместить в один номер.

— Расскажите мне все подробно, — сказала Флоренс и, взяв его под руку, повела к двери в сад.

— Эй, одну минуточку! — сказал я.

— Да? — обернулся Перси. — В чем дело, Вустер? Говорите скорее, я занят.

— Могу я попросить автограф? Он просиял.

— Вам в самом деле хочется иметь мой автограф?

— Я ваш большой поклонник.

— Славный малый! — произнес Перси, поставил подпись на обороте старого конверта, и они ушли, рука в руке, эта юная пара, начавшая свой долгий совместный путь. Я же, немного проголодавшись после такой волнующей сцены, сел за стол и съел еще порцию сосисок с беконом.

Я еще жевал, когда дверь отворилась, и вошла тетя Далия. Мне было довольно бросить на престарелую родственницу короткий взгляд, чтобы убедиться, что у нее все устроилось. Выше я где-то писал, что ее лицо блестело, как сидение брюк шофера автобуса. То же самое было и теперь. Даже если бы ее выбрали Майской королевой, она не могла бы смотреть веселей.

— Ну, как, Л.Дж. Троттер подписал договор?

— Собирается подписать, как только его глаза вернутся в изначальные орбиты. Ты все правильно предсказал. Когда я уходила, они у него еще летали рикошетом от стены к стене, а он гонялся за ними. Берти, — понизила голос почтенная старушенция, — что такое кладет Дживс в эти свои бальзамы?

Я покачал головой.

— О том ведомо только ему самому и Господу Богу.

— Мощное средство. Помню, я где-то читала про собаку, которая проглотила бутылку перечного кетчупа. С ней такое творилось! Вот и с Троттером тоже. По-моему, Дживс добавляет туда динамита.

— Очень возможно, — согласился я. — Но не будем больше о собаках и кетчупе. Поговорим лучше о счастливых концах.

— О концах? То есть у меня-то все завершилось счастливо, но выходит, и у тебя?..

— У меня тоже. Флоренс…

— Неужели помолвка расстроилась?

— …выходит за Перси.

— Берти, мой мальчик!

— Я ведь говорил вам, что верю в свою звезду. Мораль все этой

истории, как я понимаю, такова: невозможно сломить волю хорошего парня или — я чуть склонил голову в ее сторону — хорошей женщины. Какой это урок для нас, престарелая родственница! Никогда не сдаваться, никогда не отчаиваться. Как ни мрачен горизонт…

Я еще хотел добавить: Как ни черны тучи, и дальше упомянуть, что солнце рано или поздно проглянет, но в это мгновение, мерцая, явился Дживс.

— Прошу меня извинить, мэм, не зайдете ли вы в библиотеку к мистеру Троттеру, мэм? Он вас там ждет.

Вообще-то, чтобы привести в движение тетю Далию, нужна лошадиная тяга, но сейчас она без всякой лошади в одно мгновение очутилась на пороге. Но здесь обернулась.

— Как он? — спросила она Дживса.

— Счастлив доложить, мэм, что здоровье его полностью пришло в норму. Он даже подумывает рискнуть на сэндвич и стакан молока по окончании ваших переговоров.

Тетя Далия устремила на него долгий, почтительный взгляд.

— Дживс, — произнесла она, — вам нет равных. Я так и знала, что вы меня спасете.

— Очень вам благодарен, мэм.

— Вы не пробовали испытать ваши снадобья на мертвых?

— Пока нет, мэм.

— Испытайте, — посоветовала старушенция и ускакала, подобно тому ретивому коню, что, говорят (но сам я не слышал), фыркает надменно под клики медных труб.

Она ушла, и наступила тишина. Я погрузился в размышления. Я обдумывал вопрос, предпринять ли мне некий ответственный шаг или, с другой стороны, может быть, лучше не предпринимать, и в такие минуты человек не разговаривает, а про себя взвешивает все pro и contra. Одним словом, я стоял на распутье.

Мои усы…

Pro: Они мне нравятся. Я считаю, они мне к лицу. Я думал, что буду холить и лелеять их долгие годы и смазывать питательными веществами, чтобы они разрослись и прославили меня на весь Лондон.

Contra: Но безопасно ли это, спрашивал я себя. Припоминая, как мои усы подействовали на Флоренс Крэй, приходится заключить, что они делают меня чересчур неотразимым. И тут таится угроза. Если ты становишься чересчур неотразимым, с тобой начинают происходить всякие вещи, которым, на твой взгляд, лучше бы не происходить, если я понятно

выражаюсь.

Дивный покой снизошел на мою душу. Решение было принято.

— Дживс, — окликнул я его, и в сердце мне кольнуло — естественно, ведь все мы люди. — Дживс, — сказал я, — я Решил сбрить усы.

У Дживса дернулась левая бровь — показатель того, как сильно он взволнован.

— В самом деле, сэр?

— Да. Вы заслужили эту жертву. Когда я наемся… Неплохие сосиски, а?

— Да, сэр.

— Изготовленные из свиней, довольных жизнью. Вы их ели?

— Да, сэр.

— Да, так я говорил: когда я наемся, то поднимусь к себе в комнату, намылю верхнюю губу, возьму в руку бритву… и готово дело!

— Весьма вам признателен, сэр.

Приключения Салли

Перевод с английского Н.Будиной

Глава I САЛЛИ ПРИНИМАЕТ ГОСТЕЙ

1

Салли довольным взглядом окинула длинный стол. Наконец она чувствовала себя счастливой. Все разговаривали и смеялись. В общем, праздник, несмотря на скомканное начало, удался, как она и надеялась. Неловкая сдержанность, вызванная белым вечерним жилетом, в который по случаю торжества облачился ее брат Филлмор, исчезла, и обитатели Образцового пансиона миссис Мичер, постоянные и временные, опять стали сами собой.

На ее конце стола разговор в который раз вернулся к животрепещущей теме — наследство Салли и как его потратить. Приятно иметь собственные деньги, почти так же приятно придумывать, на что пустить чужие. Гости Салли получали немало удовольствия, составляя для нее бюджет. По слухам, в их распоряжение попала кругленькая сумма, так что советы были не лишены некоторой масштабности.

— Позвольте, — отрывисто заговорил Огастес Бартлетт. — Вот что я бы сделал на вашем месте. — Огастес Бартлетт, занимавший какую-то невероятно мелкую должность в брокерской фирме «Кан, Моррис и Браун» с Уолл-Стрит, всегда говорил отрывисто и с напором, как и приличествовало человеку, водившему близкое знакомство с финансовыми воротилами, — Тысяч двести я вложил бы в какие-нибудь надежные бумаги. Мы как раз выпустили облигации, на которые следует взглянуть. С остальным можно и поиграть.

Говоря «поиграть», я имею в виду «рискнуть» и вложить деньги в какие-нибудь новые бумаги. К примеру, стоит присмотреться к «Стальным компаниям». Я слышал, к следующей субботе они подскочат до ста пятидесяти.

Эльза Доланд, хорошенькая большеглазая девушка, сидевшая слева от мистера Бартлетта, не разделяла его мнения:

— Купи театр, Салли, и поставь что-нибудь стоящее.

— И потеряй все до цента, — добавил невзрачный юноша с низким голосом, который сидел через стол от нее. — Будь у меня несколько тысчонок, — сказал он, — я бы все поставил на Свистуна Бенни в следующем матче тяжеловесов. Ко мне попала конфиденциальная

информация: Драчун Тук в седьмом раунде собирается лечь и…

— Послушайте, — перебили его, — дайте сказать! Если бы у меня было четыреста тысяч…

— Если бы у меня было четыреста тысяч, — сказала Эльза Доланд, — я знаю, что я сделала бы прежде всего!

— И что же? — спросила Салли.

— Уплатила бы по чеку. Сегодня утром был крайний срок.

Салли быстро встала, бесшумно обошла стол, положила руку на плечо подруги и прошептала ей на ухо:

— Эльза, дорогая, у тебя правда совсем нет денег? Если что, ты знаешь, я…

Эльза рассмеялась:

— Ты ангел, Салли. Таких больше нет. Ты готова отдать последнее. Конечно, у меня есть деньги. Я только что вернулась с гастролей и купаюсь в золоте. Я просто хотела тебя подразнить.

Успокоившись, Салли вернулась на свое место и обнаружила, что гости успели разделиться на две школы мысли. Консервативные и осторожные во главе с Огастесом Бартлеттом окончательно решили триста тысяч вложить в «облигации Свободы»,[64] а остаток — в какую-нибудь недвижимость; спортивно настроенное меньшинство, вдохновленное познаниями невзрачного молодого человека, уже поставило все деньги на Свистуна Бенни, предусмотрительно разбив сумму на мелкие ставки, чтобы никто ничего не заподозрил. Очевидно, мистер Тук пользовался в кругу знатоков такой безупречной репутацией, что, по мнению невзрачного молодого человека, если взяться за дело осторожно и без спешки, можно было заработать на нем три к одному. Салли показалось, что настало время исправить недоразумение.

— Не знаю, откуда у вас сведения, — сказала она, — но, боюсь, они неверные. У меня всего двадцать пять тысяч.

Эти слова слегка охладили присутствующих. Им, жонглировавшим миллионами, упомянутая сумма на миг показалась недостойной внимания. Примерно столько они выделили наследнице на такси. Однако в конце концов они свыклись с этой цифрой: даже с такой жалкой суммой, как двадцать пять тысяч, можно что-нибудь сделать.

— Если бы у меня было двадцать пять тысяч, — сказал Огастес Бартлетт, первым оправившийся от шока, — я бы купил акции…

— Если бы у меня было двадцать пять тысяч… — начала Эльза Доланд.

— Если бы у меня было двадцать пять тысяч в тысяча девятисотом

году, — перебил ее угрюмый господин в очках, — я бы устроил революцию в Парагвае.

И он погрузился в мрачные размышления о том, к чему бы это привело.

— Так. А вот что собираюсь делать я, — сказала Салли. — Для начала поеду в Европу… во Францию. Я много хорошего слышала о Франции. Так что уеду, как только получу паспорт. Поживу там месяц-другой, вернусь, осмотрюсь, вложу деньги в какое-нибудь симпатичное небольшое дело и буду жить в роскоши. У кого-нибудь есть возражения?

— Могли бы поставить на Свистуна Бенни хоть пару тысяч… — заметил невзрачный молодой человек.

— Да не нужен мне ваш Свистун, — сказала Салли. — Не взяла бы его даже даром. Если мне захочется швыряться деньгами, я поеду в Монте-Карло и буду швыряться ими, как положено.

— Монте-Карло… — Лицо угрюмого господина осветилось при этом магическом слове. — Был я в Монте-Карло в девяносто седьмом, и если бы мне еще пятьдесят долларов… всего пятьдесят… я бы…

На дальнем конце стола зашевелились, раздалось покашливание, скрип отодвигаемого стула; и неторопливо, с естественной грацией старого актера, который набирался мастерства в эпоху, когда в театре еще умели играть, на ноги поднялся мистер Максвелл Фоситт, самый пожилой обитатель меблированных комнат.

— Леди, — сказал мистер Фоситт с учтивым поклоном, — и… — он распрямился, бросив из-под белых густых бровей строгий взгляд на некоторых представителей молодого поколения, которые выказывали чрезмерную норовистость, — и… джентльмены. Думаю, я не могу упустить эту возможность, не сказав несколько слов.

Слушатели его нисколько не удивились. Вполне вероятно, изобилующая событиями жизнь такого большого города, как Нью-Йорк, однажды и предоставила мистеру Фоситту возможность, которую тот упустил, не сказав несколько слов; однако они ничего такого припомнить не могли и давно оставили надежду. С самого начала они понимали, что лишь бездумный оптимист мог рассчитывать на то, что старый джентльмен воздержится от речи в день, когда Салли Николас устроила прощальный ужин. Отчасти, потому что они смирились, однако, главным образом, потому, что после угощения, которое приготовила для них мисс Николас, они испытывали блаженную сытость, все приготовились хладнокровно выслушать старого джентльмена. Была, правда, попытка со стороны Несравненных братьев Мерфи, которые прибыли в город с

эквилибристическим номером и поселились в меблированных комнатах на прошлой неделе, сформировать крайне левую оппозицию и помешать оратору, однако и они затихли под ледяным взглядом хозяйки. Несмотря на краткое знакомство, гуттаперчевые молодые люди безгранично преклонялись перед Салли.

Следует заметить, что это преклонение было вполне уместным. Человеку, которому Салли не понравилась бы, наверное, вообще невозможно было угодить. Невысокая, тоненькая девушка с изящными ручками и ножками, дружелюбной улыбкой и ямочкой, которая время от времени появлялась на подбородке. Лицо ее обрамляла густая копна темных волос, а карие глаза совсем исчезали, когда она смеялась, что бывало часто. Кроме того, у нее была индивидуальность, которой недоставало большинству жильцов миссис Мичер, и она гордо несла знамя юности. Так что, одобрив Салли, Несравненные Мерфи нисколько не погрешили против своих высоких стандартов.

— Меня попросили, — продолжал мистер Фоситт, — хотя, несомненно, среди здесь присутствующих есть люди гораздо более достойные такого задания, по сравнению с которыми я как Марк Антоний по сравнению с Брутом, не могу назвать себя оратором. Меня попросили поднять тост за здоровье…

— Кто это попросил? — поинтересовался тот Несравненный Мерфи, что был пониже ростом, курносый прыщеватый юнец. Несмотря на это, он мог стоять на одной руке, опираясь на перевернутую бутылку из-под имбирного пива и вращая ногами бочку. Что ж, в каждом из нас есть что-то хорошее.

— Меня попросили, — повторил мистер Фоситт, проигнорировав бестактный вопрос, ответить на который, впрочем, ему было бы нелегко, — поднять тост за здоровье нашей очаровательной хозяйки (аплодисменты), а также за ее брата, нашего старого друга Филлмора Николаса.

Упомянутый джентльмен, который сидел на том же конце стола, что и оратор, слегка кивнул в знак признательности. Кивнул он снисходительно, как кивает тот, кто очутился среди низшего сословия, сознает это и все же старается быть любезным. Салли всерьез призадумалась, не запустить ли ей в брата апельсином. Один как раз лежал у нее под рукой, а сверкающая манишка Филлмора представляла собой отличную мишень, однако Салли сдержалась. В конце концов, если хозяйка поддастся примитивным импульсам, что будет? Хаос. Нахмурившись, она посмотрела на неугомонных Мерфи и поняла, что если начнет швыряться фруктами пусть

и ради высоких целей, влияние ее в этом доме ослабнет.

Со вздохом она откинулась на спинку стула. Искушение было велико. Больше всего в людях ей, девушке демократичной, не нравилась напыщенность, и хотя она любила своего брата, отрицать было невозможно: с тех пор как несколько месяцев назад на него свалилось богатство, Филлмор стал невыносимо напыщенным. Если и существуют молодые люди, которым наследство пошло на пользу, Филлмор Николас оказался не из их числа. По-видимому, он возомнил себя Избранником судьбы.[65] Удостоиться беседы с ним простому смертному было труднее, чем получить аудиенцию у надменного монарха. Больше часа Салли уговаривала его выбраться с Риверсайд-Драйв, где он теперь жил, к ней на праздник в меблированные комнаты. И Филлмор прибыл. Он был одет безупречно, так что на фоне его вечернего костюма остальные гости больше походили на участников велогонки-многодневки. Один лишь белый жилет, немой упрек честной бедности, нагнал такого смущения, что гости не могли прийти в себя, пока не съели суп и рыбу! Большинство присутствующих знали Филлмора Николаса нищим юношей, которому твидовые костюмы служили дольше, чем кому бы то ни было, его называли просто Филл и частенько ссужали деньгами. Однако сегодня, увидев белый жилет, бывшие соседи отпрянули, онемевшие и сконфуженные.

— Говоря, — продолжал мистер Фоситт, — как англичанин, поскольку, хотя уже давно я получил то, что на административном языке называется документами, впервые я посетил эту великую страну, будучи подданным ее величества, и могу сказать, что две вещи в Америке всегда производили на меня глубочайшее впечатление — щедрое американское гостеприимство и обаяние американских девушек. Сегодня нам особенно повезло, поскольку гостеприимство нам оказывает американская девушка, и думаю, я не погрешу против истины, сказав, что никто из здесь присутствующих никогда не позабудет этот вечер. Мисс Николас устроила для нас настоящий пир. Я повторяю — пир. На аперитив нам даже предложили спиртное. Не знаю, откуда оно, и не буду спрашивать, как нашей хозяйке удалось его раздобыть, однако нас угостили спиртными напитками. Мисс Николас…

Мистер Фоситт замолчал, раскуривая сигару. Филлмор подавил зевок и взглянул на часы. Салли по-прежнему сидела, внимательно подавшись вперед. Она знала, как важно для старика произнести настоящую речь, и хотя сама предпочла бы сменить тему, готова была слушать бесконечно.

— Мисс Николас, — продолжил мистер Фоситт, опуская сигару —… хотя что это? Почему я зову ее мисс Николас?

— Потому что ее так зовут, — предположил тот Мерфи, что повыше.

Мистер Фоситт взглянул на него неодобрительно. Он вообще не любил всю эту несравненную братию, поскольку, прожив в пансионе много лет постоянно, считал, что временные жильцы, играющие в водевилях, портят репутацию заведения, однако этот ему не нравился в особенности, ибо в первый же вечер по приезде назвал его «дед».

— Да, сэр, — строго сказал он, — ее так зовут. Однако есть у нее и другое имя, которое гораздо милей тем, кто любит ее кто преклоняется перед ней, кто с нежностью смотрит на нее все три года, что она живет под крышей этого дома. Впрочем, имя это, — мистер Фоситт говорил уже не так возвышенно, опустившись практически до выпадов, — вряд ли известно паре никчемных акробатов, которые остановились здесь всего на пару дней и, слава Богу, завтра отправятся в какой-нибудь другой город. Имя это, — мистер Фоситт вновь обратился к возвышенному тону, — Салли. Наша Салли. Три года она порхала по этому дому, как — я обдуманно прибегаю к этому сравнению, — как солнечный луч. Три года она озаряла нашу жизнь и радовала нас. И вот теперь, получив жизненные блага, внезапный приход которых счастливо совпал с ее двадцать первым днем рождения, она уйдет из нашего круга. Из нашего круга, леди и джентльмены, но не из наших сердец. И думаю, я могу надеяться, я могу предсказывать, что, какие бы сферы она ни украшала в будущем, каких бы высот в обществе она ни достигла, она сохранит в уголке своего золотого сердца место для товарищей своей богемной юности. Леди и джентльмены, я пью за нашу хозяйку мисс Салли Николас и нашего старого друга, ее брата Филлмора.

Глядя на своего брата, тяжело поднявшегося на ноги, как только смолкли одобрительные возгласы, Салли почувствовала, что ее сердце бьется чуть быстрее. Язык у Филлмора был подвешен неплохо, и он всегда был на хорошем счету в дискуссионном клубе у себя в колледже. Именно поэтому она так настаивала, чтобы он пришел сегодня вечером. Салли догадывалась, что мистер Фоситт, этот славный старик, скажет много приятных вещей в ее адрес, и сомневалась, что она сумеет достойно ему ответить. А выступить с ответным словом было необходимо. Она хорошо знала мистера Фоситта. Подобные события он рассматривал скорее как сцены из пьесы и свою собственную роль выдерживал с безукоризненным изяществом. Поэтому у нее не было сомнений, что он будет задет, если ему не подадут реплику. На красноречие нужно было ответить красноречием, или вечер будет испорчен.

Филлмор Николас разгладил морщинку на своем жилете, положил на

стол пухлую руку, большим пальцем другой руки зацепился за жилетный карман и окинул стол таким надменным взглядом, что Салли машинально потянулась к апельсину, подумав: неужели и сейчас нельзя…

Очевидно, это — закон природы: чем красивей девушка, тем безобразней у нее брат. Годы не красили Филлмора Николаса. В семилетнем возрасте это был прелестный малыш, однако с тех пор красоту он растерял, и теперь, когда ему исполнилось двадцать пять, отрицать было глупо: он явно не удался. В течение трех предшествующих лет недостаток средств и тяжелый труд как-то сдерживали его фигуру, однако, получив деньги, он пошел вширь и залоснился. Теперь Филлмор выглядел так, словно слишком хорошо и слишком часто ел.

Тем не менее Салли готова была простить ему все это, только бы он произнес хорошую речь. Она видела, как мистер Фоситт откинулся на спинку стула, весь внимание.

Высокопарные фразы были необходимы старику как воздух.

Филлмор заговорил.

— Думаю, — сказал он, — хватит на сегодня речей. Очень мило, что выпили за наше здоровье. Спасибо.

И сел.

Эти простые слова произвели на компанию сильное впечатление, однако не все восприняли их одинаково. Большинство слушателей испытали неподдельное облегчение. Когда Филлмор встал, в его манере чувствовались такая грозная неспешность и опыт, что унылые дали ему, по меньшей мере, двадцать минут, а оптимисты считали, что им очень повезет, если он уложится в десять. Поэтому теперь никто не жаловался, наоборот, большинству гостей выступление Филлмора показалось идеальной послеобеденной речью.

Совершенно по-иному реагировал мистер Максвелл Фоситт. На лице у несчастного старика застыло такое удивление и ужас, словно из-под него внезапно выдернули стул. Он испытывал то тошнотворное ощущение, когда, поднимаясь по лестнице, наступаешь на несуществующую ступеньку. Увидев выражение его лица, Салли вскрикнула, как будто при ней упал и ударился ребенок. Тут же она обежала вокруг стола, обвила руками его шею и заговорила поверх его головы:

— Мой брат, — она запнулась, бросив сердитый взгляд на безукоризненного Филлмора, который опустил голову, избегая встречаться с ней глазами, и разглаживал морщинку на жилете, — сказал не совсем… не совсем то, что, я надеюсь, собирался. Я не умею говорить речи, но… — Салли задохнулась от волнения. — Я люблю всех вас и, конечно, никогда

вас не забуду и… и…

Она поцеловала мистера Фоситта и расплакалась.

— Ну, будет вам, будет, — успокаивал ее мистер Фоситт.

Даже самый снисходительный критик вряд ли осмелился бы назвать речь Салли образчиком ораторского искусства, и все же мистер Максвелл Фоситт считал, что ему ответили достойно.

2

Салли только что кончила рассказывать своему брату Филлмору, какая он свинья. Лекция состоялась на улице перед пансионом. По окончании праздника Филлмор украдкой взял шляпу и пальто и незаметно скользнул в ночь, однако разгневанная сестра настигла его. Ее обличительная речь продолжалась минут десять, в паузах обвиняемый тихо блеял.

Всякий раз, как она останавливалась, чтобы перевести дыхание, Филлмор расправлялся, словно каучуковый мячик, с которого встали. Несмотря на обычную внушительность, он боялся своей сестры, когда та бывала не в духе. Его самоуважение страдало, он стыдился себя, но ничего поделать не мог. Салли всегда была такой. Даже дядя, человек жесткий, после смерти родителей ставший их опекуном, не мог справиться с Салли. В той памятной сцене три года назад, когда они вдвоем, наподобие Адама и Евы, были изгнаны в мир, словесная победа осталась за ней. Салли вышла победительницей и в битве, которую миссис Мичер дала ей в первую неделю жизни в пансионе, что она, видно, по обязанности, делала со всеми постояльцами. Милая обычно Салли, как большинство благородных натур, обладала ураганным потенциалом.

Когда ему показалось, что она выговорилась, Филлмор раздулся до обычного размера и осмелился произнести речь в свою защиту.

— А что такого я сделал? — жалобно начал он.

— Тебе еще раз перечислить?

— Нет-нет, — поспешил Филлмор. — И все-таки, послушай, Салли. Ты не хочешь войти в мое положение. Ты, кажется, не понимаешь, что все это — вот эти меблированные комнаты, — все это осталось в прошлом. Я вырос из этого. Я хочу стряхнуть с себя это. Забыть об этом, черт возьми! Будь же справедливой. Поставь себя на мое место. Я стану большим человеком…

— Скорее жирным, — холодно заметила Салли. Филлмор предпочел не останавливаться на этом вопросе.

Он был обидчивым юношей.

— Меня ждет большое будущее, — вновь начал он. — Как раз сейчас у меня намечается одна сделка, которая… Впрочем, пока не стану тебе рассказывать, но это будет нечто грандиозное. Так вот, — широким жестом он обвел освещенный фасад приюта-для-бездомных, — вот с этим кончено. Все. Точка. Эти люди были хороши, пока…

— …пока ты проигрывал в покер недельное жалованье и искал, у кого бы перехватить несколько долларов, чтобы заплатить за комнату.

— Я всегда возвращал долги! — воскликнул Филлмор.

— Я возвращала.

— Ну, хорошо. Мы возвращали, — с видом человека, которому некогда препираться по мелочам, Филлмор принял эту поправку. — В любом случае, не понимаю, почему, если ты водил знакомство с какими-то людьми во времена, когда был практически на дне, ты должен терпеть их на своей шее всю жизнь. Нельзя запрещать людям говорить: «Я знал его когда-то», но, черт возьми, почему нужно участвовать в этих разговорах?

— Друзья…

— О, *друзья…* — протянул Филлмор. — Вот это меня особенно утомляет. Я в таком положении, что все люди называют себя моими друзьями. И все потому, что отец написал в завещании, что я получу наследство только в двадцать пять лет, а не в двадцать один', как все нормальные люди. Кто знает, где бы я сейчас был, если бы эти деньги достались мне в двадцать один год.

— В богадельне, наверное, — предположила Салли. Ее слова больно ранили Филлмора.

— Ах! — вздохнул он. — Ты в меня не веришь.

— О, с тобой все было бы в порядке. Не хватает одного, — сказала Салли.

Филлмор мысленно перебрал свои достоинства. Ум? Отвага? Широкий кругозор? Предприимчивость? Все на месте. Все в порядке. Он не понимал, где Салли умудрилась найти изъян.

— Только одного? — спросил он. — Чего же?

— Няньки.

Филлмор окончательно обиделся. Он, конечно, предполагал, что с великими людьми так было всегда: ближние обычно не верят в их дары и таланты, пока они мастерски не докажут, что больше не нуждаются в вере. И все же Филлмору приходилось тяжело; мысль о том, что даже Наполеон в свое время прошел через это, служила небольшим утешением.

— Я найду себе место в этом мире, — сказал он угрюмо.

— Ну, конечно, найдешь, — ответила Салли. — А я буду навещать тебя с гостинцами и книжками в дни, когда пускают посетителей… О, привет!

Последнее относилось к молодому человеку, проворно шагавшему по тротуару со стороны Бродвея. Подойдя к ним, он остановился.

— Добрый вечер, мистер Фостер.

— Добрый вечер, мисс Николас.

— Вы не знакомы с моим братом?

— Думаю, нет.

— Да, он оставил дно еще до того, как вы опустились на него, — сказала Салли, — Трудно представить, однако в свое время он тоже питался черносливом за одним столом с такими пролетариями, как мы с вами. А миссис Мичер любила его, как сына.

Мужчины пожали друг другу руки. Филлмор был немаленького роста, однако рядом с ним худой подтянутый Джеральд Фостер казался башней. Это был англичанин лет двадцати пяти, гладко выбритый, с проницательным взглядом, очень приятный на вид. На Филлмора, который недавно записался на курсы «Как с одного взгляда распознать в человеке единомышленника», что могло понадобиться в его великой карьере, он произвел впечатление. Ему показалось, что мистер Фостер, как и он, один из тех, кто своего добьется. Когда принадлежишь к числу избранных, постепенно приучаешься угадывать себе подобных. Своего рода дар.

Некоторое время продолжался бессвязный разговор, который обычно следует за знакомством, потом Филлмор, нисколько не сожалея о прерванной беседе, воспользовался случаем, чтобы ретироваться. Особого удовольствия от разговора с Салли он не получал, и продолжение беседы, скорее всего, понравилось бы ему еще меньше. Так что, по его мнению, мистер Фостер подвернулся как нельзя кстати. Коротко извинившись, Филлмор поспешил вниз по улице.

Салли на минуту замолчала, провожая его взглядом, пока он не скрылся за углом. Ей было немного жаль, что он уходит: она как раз вспомнила целую кучу полезных вещей, которые нужно было бы ему сказать. Совершенно очевидно, Филлмору теперь не часто приходилось выслушивать подобные речи. Затем, отогнав от себя мысли о брате, она повернулась к Джеральду Фостеру и взяла его под руку.

— Джерри, дорогой, — сказала она, — как жаль, что ты не смог прийти! Теперь мне обо всем расскажи.

3

Прошло ровно два месяца с тех пор, как Салли и Джеральд Фостер решили пожениться, однако помолвка хранилась в таком строжайшем секрете, что в пансионе миссис Мичер никто ничего даже не заподозрил. Салли, всю жизнь ненавидевшая действовать тайком, считала любые секреты предосудительными, однако Джеральд проявил невероятную скрытность. Объявив о помолвке, ты усложняешь себе жизнь. Люди пристают к тебе с глупостями. За тобой все время наблюдают или, напротив, избегают тебя. Таковы были его доводы, и Салли, которая нашла бы оправдание, если бы Джеральд вдруг проявил склонность к убийству или поджогу, списала все это на чувствительность артистической натуры. Нет в мире никого чувствительней художника, особенно художника-неудачника. А когда художник настолько неудачлив, что у него даже нет дома, куда он мог бы привести любимую жену, его чувствительность обостряется до предела. Поставив себя на его место, Салли поняла, что затянувшаяся помолвка, о которой будут знать все, превратится в постоянное напоминание о несостоятельности Джеральда, и смирилась с необходимостью хранить тайну, надеясь, что долго им прятаться не придется. Мысль о том, что Джеральд может оказаться неудачником, казалось невероятной. Была в нем, как только что отметил Филлмор, какая-то скрытая энергия. Про таких, как он, обычно с уверенностью говорят, что однажды они проснутся знаменитыми.

— Вечер, — рассказывала Салли, — удался на славу. — Они миновали пансион и медленно шли по улице. — Кажется, все прекрасно провели время, хотя Филлмор постарался все испортить. Разоделся так, будто сошел с рекламной картинки «что носит в этом сезоне элегантный мужчина». Ты не видел его жилет. Он его прикрыл. Наверное, совесть замучила. Такой ослепительно белый, кругом перламутровые пуговицы… Огастес Бартлетт скорчился, как засохший листик, когда увидел это. Я заметила. И все же время лечит раны, так что понемногу все пришли в себя. Мистер Фоситт произнес речь, я произнесла речь и плакала… О, как же было весело! Не хватало только тебя.

— Я бы с удовольствием пришел, если б не этот ужин. Салли… — Джеральд остановился, и Салли увидела, что он дрожит от еле сдерживаемого возбуждения. — Салли, пьесу поставят!

У Салли захватило дух. Сколько раз она предвкушала это мгновение, зная, что рано или поздно оно настанет. Она перечитывала его пьесы, все больше убеждаясь, что они превосходны. Конечно, ее мнение было

субъективным, однако и Эльза Доланд была в восторге, а мнение Эльзы стоило немало. Эльза тоже была одной из тех, кому суждено однажды проснуться знаменитым. Даже старый мистер Фоситт, который строго судил актеров, и не раз говаривал, что в наши дни мастеров не осталось, в эту девушку верил, и предрекал, что она совершит что-нибудь великое, как только представится возможность.

— Джерри! — Она обняла его. — Это же просто замечательно! Значит, Гобл и Кон в конце концов передумали? Я так и знала.

Легкое облачко пробежало по залитому солнцем лицу автора.

— Нет, — сказал он неохотно. — Боюсь, там нет никакой надежды. Сегодня утром я виделся с Гоблом, и он сказал, что ничего не выйдет. Ставить будем «Путь иллюзий». Помнишь? Там еще большая женская роль.

— Ну, конечно! Пьеса, которая понравилась Эльзе. Что ж, все равно хорошо. А кто взялся поставить? Мне казалось, ты ее еще никому не показывал.

— Знаешь… — Джеральд вновь замялся, — как будто этот тип, с которым я ужинал сегодня… Его зовут Крэкнелл…

— Крэкнелл? Тот самый Крэкнелл?

— Тот самый?

— Тот, о котором только и слышно. Его еще называют Малыш-миллионщик.

— Да. А ты что, его знаешь?

— Он учился в Гарварде вместе с Филлмором. Никогда его не видела, но, похоже, довольно неприятный тип.

— Да нет, он в порядке. Мозгов, конечно, немного. А так, ничего. В любом случае, он согласен ставить пьесу.

— Прекрасно, — с энтузиазмом сказала Салли, однако голос ее звучал фальшиво. Не этого она желала для Джеральда. Она мечтала, как он триумфатором входит на Бродвей под знаменем прославленного импресарио, имя которого внушает уважение, так что союз с человеком, знаменитым лишь тем, что ему принадлежит, если верить городским слухам, величайший в истории мироздания склад спиртного, казался ей унизительным.

— Я думал, ты будешь довольна, — сказал Джеральд.

— Я довольна, — спохватилась Салли.

С присущим ей оптимизмом, который никогда надолго не покидал ее, она уже начала бороться с мимолетным огорчением. В конце концов, если пьесу поставят, так ли уж важно, за чей это будет счет? Продюсер — всего

лишь машина, которая выписывает чеки, и, если у него есть деньги, зачем требовать вдобавок аскетизма и высоких моральных принципов? Действительно, важно было одно — кому доверят главную роль, этот мастерски нарисованный характер, вызвавший восторг Эльзы Доланд. Салли решила навести справки.

— А кто сыграет Рут? — спросила она. — У тебя, наверное, уже есть кто-нибудь на примете? Здесь нужна очень умная актриса. Крэкнелл что-нибудь говорит?

— О, да. Конечно, мы это обсуждали.

— Ну и?

— Понимаешь…

Салли вновь заметила это странное, вороватое замешательство. Казалось, сегодня Джеральд не может начать ни одной фразы, предварительно не ощупав почву перед собой, словно осторожно пробирается по темной тропинке. Ей это было совершенно очевидно, потому что такой стиль значительно отличался от его обычной, прямой манеры. Джеральд был не из тех, кто смущается. Решительный и властный, он привык говорить с Салли немного свысока. Сегодня он казался другим.

Он остановился, помолчал немного и опять задал вопрос:

— Ты знаешь Мейбл Хобсон?

— Мейбл Хобсон? Конечно, я видела ее в каком-то ревю. Салли вздрогнула. Ее кольнуло подозрение столь ужасное, что в тот же миг она поняла его абсурдность. И все же, так ли это нелепо? Большинство бродвейских слухов в конце концов доходили и до пансиона. Главным образом, их приносил этот бывалый повеса, невзрачный молодой человек, который был такого высокого мнения о Свистуне Бенни; так что Салли была в курсе того, что имя Реджинальда Крэкнелла, которое всегда шло в паре с чьим-то, в последнее время склоняли вместе с именем мисс Хобсон. И в данном случае, казалось, слухи не врут, поскольку упомянутая леди была именно из тех неотразимых блондинок, на которых обычно и клюют Крэкнеллы. Но даже если так…

— Кажется, этот тип… — сказал Джеральд. — Крэкнелл… — Он избегал смотреть в горящие ужасом глаза Салли. — Словом, Крэкнелл верит в мисс Хобсон… и… ну, он думает, ей эта роль подойдет.

— О, Джерри!

Неужели любовь могла быть настолько слепа? Неужели сердце, пусть и такое большое, как у Реджинальда Крэкнелла, могло настолько подчинить себе его бедную голову, что он готов доверить роль Рут женщине, которая, когда режиссер ее последнего спектакля предложил ей

пройти через сцену и поставить вазу с розами на стол, заявила, что она не танцовщица? Даже истомившийся от любви Реджинальд, казалось бы, мог заметить, что великие драматические актрисы обыкновенно сделаны из другого теста.

— О, Джерри! — повторила она.

Последовало неловкое молчание. Они развернулись и пошли назад к дому. Как-то незаметно Джеральд высвободил Руку. Салли чувствована тупую, почти физическую боль.

— Джерри, может, не стоит? — вырвалось у нее. Услышав этот вопрос, молодой человек вернулся к своей обычной решительной манере.

— Не стоит? Конечно, стоит. Пьесу поставят на Бродвее, вот что главное. Господи! Я так давно пытаюсь пристроить что-нибудь на Бродвее, а теперь должен упустить свой шанс только потому, что подбор актеров оставляет желать лучшего.

— Но, Джерри! Мейбл Хобсон! Она… Она погубит пьесу!

— Глупости. Не так уж она плоха. Потом, эту роль невозможно испортить. Кроме того, мисс Хобсон пользуется известностью, у нее есть поклонники, а Крэкнелл ради спектакля выложит любые деньги. В любом случае, это будет неплохим началом. Конечно, стоит.

Филлмора подобная речь впечатлила бы. Он распознал бы в ней особое звучание, характеризующее даже незначительные высказывания тех, кто своего добьется. На Салли эти слова подействовали не сразу. Тем не менее привычка во всем видеть светлую сторону в дополнение к основному пункту ее кредо, согласно которому возлюбленный просто не может ошибаться, в конце концов подняли ей настроение. Конечно, Джерри прав. Глупо отказываться от контракта лишь потому, что не все его пункты тебя устраивают.

— Дорогой мой! — с любовью сказала она, вновь беря его под руку и покаянно пожимая ее. — Ты совершенно прав. Конечно, теперь я и сама понимаю. Просто вначале это известие меня потрясло. Все будет замечательно. А теперь давай-ка пересчитаем наших цыплят. Как ты собираешься тратить деньги?

— По крайней мере, я уже решил, как потрачу один доллар, — сказал Джеральд, полностью оправившись.

— Я говорю о больших деньгах. Что доллар…

— Столько стоит свидетельство о браке.

Салли сжала его руку.

— Леди и джентльмены, — сказала она. — Взгляните на этого человека. Смотрите внимательно. Мой супруг!

Глава II ПОЯВЛЯЕТСЯ РЫЖИК

1

Салли сидела, привалившись спиной к песчаной дюне, и, чуть прикрыв глаза, наблюдала за утренней жизнью Ровиля-сюр-Мер. Как и на большинстве французских курортов, в Ровиле утро — это время, когда отдыхающие в полном составе стекаются на пляж. Усатые отцы семейств яркими пятнами выделяются на переднем плане. Их чада и домочадцы толкаются под разноцветными зонтиками. Туда-сюда бродят собаки. Малыши усердно работают совочками, то и дело прерываясь, чтобы огреть этим удобным инструментом соседа. Похожий на военного пудель подошел к Салли и, обнаружив, что наткнулся на обладательницу коробки с конфетами, решил задержаться и проследить за развитием событий.

На свете есть мало вещей, столь же приятных, как их ожидание. Каникулы Салли оказались исключением из правила. Это был дивный месяц блаженного счастья. Она неспешно кочевала по французским городам, пока, наконец, не осела в Ровиле, который покорил ее голубым небом, белоснежными отелями вдоль набережной, казино и всеобщим ликованием. Она осталась бы в этом городке надолго, однако тут раздался зов родины. Джеральд писал ей, что пьесу решено играть сначала в Детройте, а уж потом в Нью-Йорке, и премьера состоится вот-вот, так что если она хочет попасть на нее, ей нужно срочно возвращаться. До обидного отрывочное и торопливое послание занятого человека: однако оставить его без внимания Салли не могла и уезжала из Ровиля завтра.

Однако сегодняшний день принадлежал ей, и она умиротворенно разглядывала купальщиков, наслаждаясь непривычным для нее бездельем: знай себе грейся на солнышке да слушай едва различимый плеск волн.

Тем не менее был здесь и недостаток — с утра на пляже ее всякий раз клонило в сон, а спать сразу после завтрака — признак деградации, даже если вы на отдыхе. Поэтому обычно Салли решительно противилась искушению. Однако сегодня солнце светило особенно жарко, а волны шептали особенно вкрадчиво, так что она почти задремала, когда Рядом раздались голоса. Разговоров на пляже было много, и вблизи и поодаль, однако на этот раз беседа велась по-английски, что в Ровиле редкость, и знакомые звуки вернули Салли из страны грез. В нескольких метрах от нее

на песке сидели двое.

С самого начала своего путешествия Салли развлекалась, наблюдая за незнакомцами, которые по воле случая оказывались у нее на пути. Она пыталась снабдить их характерами и профессиями. Интуиция почти всегда ее подводила, однако это не смущало Салли. Вот и теперь она искоса оглядела двух мужчин.

Первый, высокий брюнет с аккуратным сжатым ртом и довольно высокими скулами, что придавало ему какой-то зловещий вид, ей не понравился. Он был из тех выбритых до синевы мужчин, чья жизнь — вечная борьба с непокорной щетиной. Вне всякого сомнения, он брился дважды день и уж точно не терял самообладания, даже если порежется. Салли могла вообразить себе, как он гадко улыбается при этом.

«Сухарь, — поставила диагноз Салли. — Мне бы не понравился. Адвокат, наверное, или что-то вроде».

Она перевела взгляд на другого и встретилась с ним глазами. С самого своего прихода он уставился на Салли. Его рот был слегка приоткрыт. Он разглядывал ее с видом человека, которому после череды разочарований на глаза, наконец, попалось что-то по-настоящему достойное внимания.

«Симпатичный», — решила Салли.

Это был крепкий молодой человек с добродушным веснушчатым лицом и такими рыжими волосами, каких Салли в жизни не видела. На квадратном подбородке был свежий порез. Салли не сомневалась, — вряд ли, когда он получил эту рану, у него достало выдержки не чертыхнуться.

«Вспыльчивый, я бы сказала, — размышляла Салли. — И отходчивый. Особым умом, кажется, не блещет, но приятный».

Она отвела глаза, немного смущенная столь восторженным взглядом.

Брюнет с неприятной ловкостью — чувствовалось, что он все делает так — прикурил сигарету, несмотря на сильный ветер, и, отбросив спичку, возобновил беседу, которая прервалась, очевидно, когда они садились.

— А как там Скримджор? — поинтересовался он.

— Э… Хорошо, — рассеянно отозвался рыжеволосый.

Салли смотрела прямо перед собой, однако чувствовала, что он по-прежнему не сводит с нее глаз.

— Не ожидал, что он здесь. Он говорил, что хочет остаться в Париже.

Возникла небольшая пауза. Салли угостила внимательного пуделя конфеткой.

— Надо же! — сказал рыжеволосый, и голос его от полноты чувств дрогнул. — В жизни не встречал такой красивой девушки!

2

Слова рыжего, столь откровенно заявившего миру о своей точке зрения, Салли удивили, хотя, скорее, приятно. Девушка с широкими взглядами, она посчитала их вполне обоснованными. Спутник его, напротив, был откровенно шокирован.

— Дорогой мой! — воскликнул он.

— Да ничего страшного, — успокоил его рыжий. — Она не понимает. В этом городишке никто ни слова не знает по-английски. Если бы я не вспомнил какие-то обрывки французских фраз, я бы уже с голода умер. Эта девушка, — вернулся он к теме, которая занимала все его мысли, — просто совершенство! Торжественно тебе заявляю: никогда не видел ничего подобного. Смотри, какие руки… а ножки! Такие встретишь только во Франции. Вот рот, пожалуй, чуть-чуть великоват, — нехотя признал он.

Неподвижность Салли в придачу к уверенности рыжего в лингвистической неполноценности местных жителей, кажется, успокоила брюнета. Он перевел дух. Сам он в любой ситуации старался вести себя исключительно корректно и дрогнул при мысли, что оказался рядом с тем, кто допустил оплошность. У него в глазах потемнело, когда рыжий произнес эти несколько слов.

— И все же ты бы поосторожней, — сказал он сурово.

Он оглядел Салли, на попечении которой теперь, кроме пуделя, была присоединившаяся к компании беспутная дворняга, и вернулся к загадочному Скримджору:

— Как там у Скримджора с желудком?

Однако рыжего, очевидно, мало занимал внутренний мир Скримджора.

— Ты заметил, у нее над ушами волосы как бы вьются, — сказал он. — Что? Ах да, по-прежнему, наверное.

— В какой гостинице остановился?

— В «Нормандии».

Салли, которая как раз лезла в коробку за очередной конфеткой, чуть вздрогнула. Она тоже жила в «Нормандии». Очевидно, ее поклонник приехал недавно, поскольку раньше она его в гостинице не видела.

— «Нормандия»? — Брюнет казался озадаченным. — Мне много рассказывали про Ровиль, однако о такой гостинице я не слышал. Где это?

— Небольшая лачуга около вокзала. Так себе местечко. Хотя дешево, и кормят вкусно.

Замешательство его собеседника росло.

— Чего ради Скримджор там остановился? — спросил он. Салли тоже ощутила настоятельную потребность побольше узнать об отсутствующем Скримджоре. Его имя повторялось так часто, что он стал казаться ей кем-то вроде старого приятеля.

— Уж если он в чем-то и привередлив, так это…

— Он тебе найдет как минимум одиннадцать тысяч поводов попривередничать, — неодобрительно заметил рыжий. — Старый зануда!

— Уж если он о чем-то и заботится, так это о гостинице. Сколько я его знаю, он всегда требовал лучшее. Я бы скорее подумал, что он в «Сплендиде».

Какое-то время брюнет с сомнением размышлял над этим вопросом, затем, очевидно, примирился с тем, что эксцентричность богачей следует уважать.

— Я бы хотел с ним повидаться. Спроси, не пообедает ли он со мной в «Сплендиде» сегодня вечером. Скажем, ровно в восемь.

Салли, поглощенная своими собаками, к которым присоединился белый терьер с черным пятном вокруг левого глаза, не могла видеть лицо молодого человека: однако по ответу она почувствовала, что что-то не так. В голосе его звучала наигранная беззаботность.

— Скримджор не здесь.

— А где же он?

— В Париже, наверное.

— Что?! — брюнет заговорил резко, как будто подвергал перекрестному допросу запирающегося свидетеля:

— Тогда почему ты здесь? Он что, отпустил тебя?

— Да.

— И когда ты к нему возвращаешься?

— Никогда.

— Что?!

Рыжеволосый молодой человек вовсе не выглядел затравленным:

— Вообще-то, если хочешь знать, старикашка меня позавчера уволил.

3

Послышалось шуршание песка: брюнет вскочил на ноги. Поглощенная разыгравшейся под боком драмой, Салли рассеянно дала пуделю конфетку, которая по праву должна была достаться терьеру. Бросив в сторону

мужчин быстрый взгляд, она увидела, что брюнет стоит, видом напоминая сурового отца из мелодрамы, который собирается прогнать заблудшую дочь из дома в снег. Рыжий внешне невозмутимо рассматривал толстяка в оранжевом купальном костюме, который после шести неудачных попыток залез-таки в воду и теперь дрейфовал на манер буйка.

— Ты хочешь сказать, — начал брюнет, — что после всех хлопот, на которые пустилась семья, чтобы раздобыть тебе это место, практически синекуру, дающую безграничные возможности, если правильно себя повести, ты преспокойно бросил его…

За этим последовал жест, полный отчаяния:

— Боже мой, ты неисправим!

Рыжий ничего не ответил. Он по-прежнему разглядывал пляж. Из всех летних развлечений мало что дает такой же стимул, как наблюдение за купающимся французом средних лет. Тут и драма, и боевик, и приключенческий роман. С первого момента, когда трепещущий палец ноги осторожно пробует воду, и до самого финала, когда купальщик по-тюленьи плюхается в воду, зрителю скука не грозит. Кроме того, рассуждая исключительно с эстетической точки зрения, вереница усатых крепышей в облегающих купальных костюмчиках на сверкающе голубом фоне взбодрит и унылого. Однако рыжеволосый молодой человек, до недавних пор состоявший на службе у мистера Скримджора, взирал на этот бесплатный цирк без всякой радости.

— Это просто безумие! Что ты собираешься делать? А нам что прикажешь делать? Что теперь, всю жизнь подыскивать тебе места, на которых ты не можешь удержаться? Уж поверь мне, мы… Это чудовищно! Невыносимо! Боже мой!

Тут брюнет, осознав, по-видимому, всю тщетность обычных слов (что не раз случалось с Салли в обществе ее брата Филлмора), резко повернулся и зашагал по пляжу прочь. Его эффектный уход был несколько испорчен, когда ветер сорвал у него с головы соломенную шляпу и бросил ее прямо под ноги проходящему малышу.

Он оставил после себя напоенную электричеством тишину, какая бывает вслед за громовым раскатом; оглушающую тишину, когда сам воздух протестующе трепещет. Сколько она могла продолжаться, не скажет никто, поскольку через минуту ее нарушил вполне земной звук. Низкий булькающий рык возвестил Ровилю о начале самой грандиозной в сезоне собачьей драки.

Все начал терьер с пятном на глазу. Так посчитала Салли. Таким, вероятно, будет и приговор истории. Даже лучший друг терьера, стремясь

оправдать его, не смог бы отрицать, что именно он первым схватился за оружие. Однако будем справедливы: на самом деле, виновата была Салли. Сгорая от любопытства, почему мифический Скримджор предпочел обойтись без рыжего, она выдала пуделю три конфеты подряд. На третий раз терьер не выдержал.

Есть в собачьей драке какая-то дикая, неистовая ярость, перед которой простой смертный испытывает бессилие, как перед разбушевавшейся стихией. Она кажется никому неподвластной. Зритель сознает тщетность вмешательства и совершенно подавлен. К тому же, на этот раз речь шла о необычной драке, великолепной схватке, которую по достоинству оценил бы даже пресыщенный обитатель черных кварталов или разборчивый критик из шахтерского поселка в Ланкашире. Отовсюду спешили псы всех размеров, пород и мастей. Некоторые с лаем занимали места в зрительном зале, однако подавляющее большинство тут же бросалось в бой ради принципа. Нимало не заботясь о первопричинах, они были вполне довольны тем, что удалось поучаствовать. Терьер, ухватив пуделя за левую заднюю ногу, вновь формулировал свои цели. Беспутная дворняга, судя по всему, пыталась обратить в свою веру совершенно незнакомого селихемского терьера.

Салли, откровенно говоря, оказалась не на высоте, впрочем, как и целое сонмище набежавших зрителей. С самого начала ее словно парализовало. Рычащие комья то и дело бились о ее ноги и, огрызнувшись, отскакивали, а она не двигалась. Отовсюду неслись советы по-французски. Туго набитые купальные костюмы подпрыгивали и размахивали руками. Однако никто не сделал ничего толкового, пока на театр военных действий не прибыл рыжеволосый молодой человек.

Собачьи драки не могут длиться вечно по одной причине — рядом по воле Провидения неизменно оказывается Мастер, чародей, который, возможно, и не преуспел в других жизненных баталиях, но в этой области сведущ и влиятелен. В Ровиле таким оказался рыжий молодой человек. Да, его темноволосый спутник с презрением отвернулся от него; надменный Скримджор пренебрег им. Семья считала его ярмом на шее, но собак разнимать он умел. Его появление принесло с собой мир. Он подействовал на сплетенных в единый ком бойцов так же, как Священный Грааль, скользящий по солнечному лучу, действовал на сражавшихся рыцарей. Он не походил на голубя мира, однако даже самый придирчивый зритель не смог бы отрицать, что он именно тот, кто нужен. Руки его несли покой, голос зачаровывал; и быстрее, чем можно подумать, он по одной извлек всех собак из обшей кучи. В конце концов на месте Армагеддона остался

лишь маленький шотландский терьер, задумчиво вылизывающий покусанную лапу. Остальных участников баталии, которые, придя в себя, недоумевали, из-за чего весь сыр-бор, хозяева тащили в разные стороны под градом взаимных обвинений.

Совершив это чудо, молодой человек повернулся к Салли. Храбрый (а кто-то, возможно, скажет, безрассудный) минуту назад, теперь он являл все признаки робости, что располагало. Затем он, очевидно, набрался смелости, и на лице его появилась болезненная гримаса, которая обычно возвещает миру о том, что англичанин собирается говорить на чужом ему языке.

— J'espere, — сказал он, сглотнув два раза перед путешествием сквозь дебри иностранного языка. — J'espere que vous n'etes pas… черт, как же это будет… J'espere que vous n'etes pas blessd?

— Blessd?

— Ну да, blessd. Ранены, ну, в смысле пострадали. Укусили вас? Тьфу! J'espere…[66]

— Ах, укусили! — просияла Салли. — Нет, что вы! Меня не укусили. Знаете, я думаю, ужасно смело спасти нам всем жизнь.

Молодой человек, кажется, пропустил комплимент мимо ушей. Он в ужасе уставился на Салли. Добродушное лицо залила краска стыда, подбородок дрожат.

— Ох ты, Боже мой! — выдохнул он.

Потом, очевидно, решив, что единственным выходом из такой ситуации будет отступление, он развернулся и пошел так быстро, что это скорее напоминало бегство. Салли смотрела вслед с сожалением. Ей по-прежнему было интересно, почему Скримджор уволил его.

4

Время отхода ко сну в Ровиле, кажется, напрямую зависит от близости к морю. Роскошные отели вдоль набережной ведут нездоровый образ жизни: до самого утра ночной воздух бередят звуки неумолчного джаза. В пансионах подешевле, вроде «Нормандии», в постель, как правило, забираются спозаранку. И хотя Жюль, упитанный молодой туземец, совмещавший в «Нормандии» должности ночного портье и лифтера, всю ночь сидел на посту в холле, мало кому из постояльцев требовались его услуги.

Вечером того дня, когда в ее жизнь вошли брюнет, его рыжеволосый

спутник и их приятель мистер Скримджор, Салли вернулась в гостиницу незадолго до полуночи. В маленьком холле было темно и тихо. Одна слабая лампочка горела в клетке лифта, другая над стойкой в дальнем углу освещала верхнюю часть дремавшего на стуле Жюля. Салли казалось, что Жюль постоянно чем-то занят. Его работе, как и женской, не было конца-края. Сейчас он восстанавливал силы небольшой порцией столь благотворно влияющего на нервы сна. Салли, которая слушала в казино оркестр, а потом бродила при луне, почувствовала себя виноватой за это вторжение.

Она стояла, не решаясь потревожить портье, — ее доброе сердце, всегда сочувствующее обиженным, уже давно болело за этого измученного тяжким трудом пеона. И тут она с облегчением услышала на улице шаги, за которыми последовал скрип входной двери. Раз Жюлю все равно пришлось бы просыпаться, она уже не чувствовала себя такой виноватой. Дверь громко хлопнула. Жюль пошевелился, булькнул, заморгал и распрямился на стуле. Обернувшись, Салли увидела, что вновь прибывший — тот самый рыжий молодой человек.

— Добрый вечер, — сказала Салли радушно.

Молодой человек остановился, неловко шаркнув ногой. По-видимому, утреннее происшествие еще не изгладилось у него из памяти. Может, он проходил красным весь день, а может, зарделся по случаю этой новой встречи, только лицо у него было знакомого пунцового оттенка.

— Э… Добрый вечер, — сказал он, кое-как распутывая ноги, которые от смущения сплелись одна с другой.

— Хотя вы, наверное, предпочитаете bonsoir,[67] — прожурчала Салли.

Выпад попал в цель: молодой человек уронил Шляпу и, попытавшись подобрать, наступил на нее.

Тем временем Жюль как сомнамбула передвигался по направлению к лифту, затем с грохотом открыл дверцу.

— Какая жалость, что пришлось вас разбудить, — сочувственно сказала Салли, входя в лифт.

Жюль не ответил по той простои причине, что его не разбудили. В результате длительной практики он научился производить подобные действия, не выходя из дремотного состояния. В такие минуты мозг его, если он у него был, работал автоматически. Жюль с лязгом захлопнул дверцу и потянул за нужный рычаг, так что лифт не упал в подвал, а медленно пополз вверх. Лифтер, между тем, так и не просыпался.

Салли и рыжий сидели рядом друг с другом на небольшой скамеечке, наблюдая за его усилиями. Начавшаяся столь бурно беседа заглохла. Салли

не приходило в голову ничего особенно важного, а ее спутник, видимо, был одним из тех сильных молчаливых мужчин, про которых пишут в книгах. Тишину нарушало лишь слабое сопение Жюля.

В районе третьего этажа Салли наклонилась вперед и ткнула Жюля под ребра. Опыт общения с местными обитателями показал ей, что жесты, оказывается, куда действенней слов. Когда ей хотелось чего-то в ресторане или в магазине, Салли предпочитала ткнуть пальцем. Когда же ей потребовалось остановить лифт, она ткнула лифтера. Этот метод заменял дюжину разговорников.

Жюль остановил лифт. Теперь ему предстояло совершить то, что у него получалось действительно хорошо, а именно — открыть решетчатую дверь кабины. Делать это можно го-разному. Жюль делал именно так, как нужно — широким жестом, иногда добавляя «Via!». Он держался скромно, но в то же время с сознанием собственного мастерства, словно говоря: хотел бы я взглянуть на того, кто справится с этим делом лучше. Жюль был убежден, что, может, на вид он и невзрачен, но лифт открывать умеет.

Однако сегодня, казалось, даже это не такое уж утомительное дело ему не по плечу. Вместо того, чтобы вставить ключ в скважину, он глядел на дверь застывшими от ужаса глазами. Этот юноша ко многим вещам в жизни относился очень серьезно, затруднение же, с которым он столкнулся сейчас, кажется, раздавило его.

— Думаю, — сказала Салли, поворачиваясь к своему спутнику, — возникла какая-то заминка. Вы не спросите у него, в чем дело? Я по-французски знаю только О-ля-ля!

Услышав этот призыв, молодой человек собрался, с сомнением оглядел меланхоличного Жюля и придушенно кашлянул:

— О, esker… esker vous…

— Не расслабляйтесь, — подбодрила его Салли. — Кажется, вы его зацепили.

— Esker vous… Pourquoi vous ne… то есть… ne vous… так сказать… quel est le raison….[68]

Он прервался на полуслове, поскольку в этот момент Жюль начал объяснять. Объяснял он торопливо и пространно. То, что слушатели из его объяснений не понимают ни слова, кажется, не пришло ему в голову. Хотя даже если бы такая мысль посетила его, он бы ее отмел, посчитав пустяком. Ему необходимо было объяснить, и он объяснял. Слова били из него, как из гейзера. Звуки, которые можно было бы осмыслить, если бы н отделил их один от другого и произнес медленно, комками кружились в водовороте слов и исчезали навеки.

— Остановите его! — твердо сказала Салли.

Рыжеволосый выглядел как житель Джонстауна, которого попросили остановить знаменитое наводнение.

— Остановить его?

— Ну да, свистните или что-нибудь такое.

Откуда-то из глубин памяти молодой человек выудил слово. Слово, которое когда-то он, вероятно, услышал или прочел где-нибудь; возможно, наследство далеких школьных дней.

— Zut![69] — рявкнул он, и Жюль тут же выключился. Наступила оглушающая тишина, какая бывает в котельной, когда машины вдруг прекратят работу.

— Быстро! — крикнула Салли. — Он у вас в руках. Спросите, о чем он говорит. Конечно, если он сам знает, в чем я лично сомневаюсь. И скажите, чтоб говорил помедленнее. Тогда мы что-нибудь разберем.

Молодой человек кивнул с пониманием. Совет был хорошим.

— Lentement, — сказал он. — Pariez lentement. Pas si… чтоб вас… pas si vite.[70]

— Ah-a-a! — воскликнул Жюль. — Lentement. Ah, oui, lentement.[71]

За этим последовал долгий разговор, из которого Салли не почерпнула ничего, а вот рыжеволосый лингвист очевидно кое-что понял.

— Этот осел, — доложил он несколько минут спустя, — дал маху. Видимо, когда мы пришли, он наполовину спал. Он погрузил нас в лифт, захлопнул дверь, а ключ забыл у себя на столе.

— Ясно, — сказала Салли. — Значит, мы заперты?

— Боюсь, что так, — ответил молодой человек. — Эх, хотел бы я говорить по-французски! Уж я б ему сказал. Болван! Интересно, как по-французски тупица, — в раздумье добавил он.

— Это всего лишь предложение, — сказала Салли. — Но, может, нам сделать что-нибудь?

— А что тут сделаешь?

— Ну, к примеру, можно заорать хором. Большинство жильцов мы перепугаем насмерть, но, может, один-два выживут, пойдут посмотреть, в чем дело, и выпустят нас.

— Великолепная мысль! — сказал молодой человек с уважением.

— Рада, что вам понравилось. Теперь объясните все в общих чертах ему, а то он еще подумает, что мы сошли с ума.

Молодой человек поискал слова и в конце концов подобрал какие-то, которые хоть и коряво, но передавали нужный смысл, так что Жюль в

ответ уныло кивнул.

— Вот и славно! — сказала Салли. — А теперь все вместе на счет «три». Раз, два… Ой, бедненький! Посмотрите на него!

В углу лифта эмоциональный Жюль беззвучно рыдал, уткнувшись в обрывок тряпки, который служил ему носовым платком. Его безутешным всхлипам из шахты лифта вторило гулкое эхо.

5

В наши дни, когда мир заполонили дешевые брошюры с советами на всевозможные темы, мы в большинстве своем имеем представление о том, как нужно вести себя в затруднительной ситуации, и, если мы не знаем, что делать до прихода врача, как соорудить из старой отцовской фуфайки элегантное пальтишко для младенца или как приготовить холодную баранину, нам некого винить, кроме самих себя. Однако до сих пор никто не разработал практических советов, как правильно вести себя с рыдающим лифтером. В результате Салли и ее спутник какое-то время просто стояли растерянно переглядываясь.

— Бедняжка! — сказала Салли, обретая дар речи. — Спросите у него, что стряслось.

Молодой человек посмотрел на нее с сомнением.

— Знаете, — сказал он, — что-то мне не хочется говорить с этим типом. В смысле, мне немного трудно. Не знаю, отчего, но каждый раз, когда я говорю по-французски, мне кажется, что у меня сейчас отвалится нос. Может, оставим его в покое, пусть поплачет?

— Да как вы можете?! — воскликнула Салли. — Неужели вы такой бессердечный? Неужели вы один из этих извергов в человеческом обличье?

Молодой человек нехотя повернулся к Жюлю и помолчал, производя ревизию своего словаря.

— Вам бы судьбу благодарить за этот случай. Ведь только так можно выучить язык, и причем совершенно бесплатно. Так что он сказал?

— Похоже, он что-то потерял. Я, кажется, разобрал слово perdu.

— Но ведь это, вроде бы, значит куропатка?[72] Я точно видела это слово в меню.

— Разве стал бы он говорить о еде в такую минуту?

— А что? Французы — странные люди.

— Хорошо, попробую еще раз. Но с ним очень трудно говорить. Стоит

ему почувствовать малейшее внимание, он начинает тарахтеть как пулемет.

Он обратился к страдальцу еще с одним вопросом и внимательно выслушал подробный ответ. Внезапно лицо его озарилось.

— А, — сказал он, — вот оно что! — Он повернулся к Салли. — Теперь понял. Проблема в том, что если мы закричим и разбудим весь дом, мы выберемся, а он потеряет работу. Так уже было однажды, и ему сказали, что в следующий раз его выгонят.

— Значит, об этом надо забыть, — сказала Салли решительно.

— Тогда нам придется ждать довольно долго. Насколько я его понял, единственная наша надежда — что кто-нибудь еще вернется поздно. А это вряд ли. Он думает, что все постояльцы уже видят десятый сон.

— И все же подождем, я не могу допустить, чтобы из-за нас бедняга лишился работы. Скажите ему, пусть спустит лифт на первый этаж. А там придумаем, как скоротать время. Нам о многом надо поговорить. Можно рассказать друг другу историю своей жизни.

Обнаружив в своих жертвах столько доброты и снисходительности, Жюль приободрился и спустил лифт на первый этаж. Там, бросив в направлении ключей на далекой стойке тот долгий алчущий взгляд, каким, наверное, Моисей смотрел на Землю обетованную с вершины горы, он сел и вновь погрузился в дрему. Салли устроилась поудобнее в своем Уголке.

— Вы бы покурили, — сказала она. — Все ж какое-то занятие.

— Да, огромное спасибо.

— Теперь, — сказала Салли, — расскажите, почему Скримджор вас уволил.

Под влиянием ночного приключения рыжеволосый молодой человек, вначале так сконфузившийся при виде Салли, понемногу приходил в себя, однако, услыхав этот вопрос, он вновь смутился. Знакомый румянец запылал на его щеках, и он произнес, заикаясь:;

— Ну я… Мне страшно неприятно, что так вышло!

— Со Скримджором?

— Вы знаете, о чем я. Каким жутким идиотом я выглядел сегодня утром. Я… Я и вообразить не мог, что вы понимаете по-английски.

— Да что вы… Я вовсе не возражала. Это было очень мило и лестно. Разумеется, я не знаю, скольких девушек вы встречали за свою жизнь, но…

— Пожалуйста, не надо! Я чувствую себя полным дураком.

— Я также прошу прощения за свой рот. И впрямь великоват. Но я знаю: вы здравомыслящий человек и понимаете, что моей вины здесь нет.

— Не издевайтесь надо мной, — взмолился рыжий. — Вообще-то,

если хотите знать, я считаю, что у вас идеальный рот. А еще я думаю, — продолжил он немного лихорадочно, — вы самая прекрасная из…

— Вы собирались рассказать мне про Скримджора, — сказала Салли.

Молодой человек заморгал, как лунатик, который, гуляя во сне, наткнулся на что-то твердое. Собственное красноречие увлекло его.

— Про Скримджора? О… Вам будет скучно.

— Не валяйте дурака, — сказала Салли укоризненно. — Неужели вы не понимаете? Мы все равно что на необитаемом острове. До завтра нам делать нечего. Остается разговаривать. Я хочу услышать про вас все. А потом все расскажу про себя. Если вы стесняетесь откровенничать первым, начну я. Сперва лучше представиться. Я Салли Николас. А вы?

— Я? А ну да, понимаю!

— Еще бы. Я объяснила как можно яснее. Ну так кто же вы?

— Кемп.

— А имя?

— Вообще-то, — сказал молодой человек, — обычно я стараюсь его не называть. Видите ли, мои родители сыграли со мной скверную шутку.

— Меня именами не удивишь, — сказала Салли ободряюще. — Моего отца звали Иезекииль, а брат у меня — Филлмор.

Мистер Кемп посветлел:

— Ну, по сравнению с этим… Нет, то есть я хочу сказать, — заговорил он извиняющимся тоном, — это, конечно, ужасно красивые имена.

— Продолжайте, — сказала Салли.

— Меня назвали Ланселотом. Конечно, на Ланселота я ничуть не похож и никогда не буду. Приятели зовут меня Рыжиком, — добавил он уже веселее.

— И я их не виню, — заметила Салли.

— Вы не будете возражать, если для вас я тоже будут Рыжиком? — робко спросил молодой человек.

— Нисколько.

— Это страшно мило с вашей стороны.

— Ну что вы, что вы!..

Жюль пошевелился во сне и захрюкал. Больше ничто не нарушало ночного безмолвия.

— Вы собирались рассказать мне о себе, — напомнил мистер Ланселот Р. Кемп.

— И расскажу вам *все*, — сказала Салли. — Вовсе не потому, что считаю, что вам будет интересно…

— Будет!

— Не потому, что считаю, что вам будет интересно…

— Правда будет!

Салли холодно посмотрела на него:

— У нас что, дуэт? — осведомилась она. — Или слово все-таки дали мне?

— Простите, пожалуйста!

— Так вот, повторяю в третий раз. Не потому, что думаю, что это вас заинтересует. Просто я не оставлю вам никакого предлога, чтобы отказаться, когда очередь дойдет до вас. Вы не поверите, насколько я любознательна. Ну что ж… Во-первых, я из Америки. Сюда приехала отдыхать. Это первый мой настоящий отдых за три года, с тех пор как я ушла из дома. Вообще-то, — прибавила Салли, — из дома я сбежала.

— Здорово!

— Простите?

— В смысле, правильно. Готов поспорить, вы правильно поступили.

— Я говорю, дом, — продолжала Салли. — Но это было жалкое подобие, понимаете. Из тех, где чувствуешь себя «почти как дома». Разве это может сравниться с настоящим? Мама и папа умерли много лет назад. А нас с братом, скрепя сердце, приютил у себя дядя.

— Эти дяди, — сказал Рыжик с чувством, — сущие звери! Взять хотя бы… но я вас перебиваю.

— Дядя был нашим опекуном. Он распоряжался деньгами моего брата и моими тоже до тех пор, пока мне не исполнился двадцать один год. Брат по завещанию получал свои в двадцать пять. Бедный папа слепо доверял дяде. И что вы думаете?

— Мерзавец все промотал?!

— Ни цента. Правда, странно? Вы когда-нибудь слышали о дядюшке, которому слепо доверяют и который оправдывает доверие? Так вот, мой оказался таким. В общем, за деньгами он присматривал прекрасно, но характер. у него был не очень приятный. Жесткий. По-настоящему жесткий! Такой, как… Ну почти, как это сиденье. Он ненавидел бедного Фила…

— Фила?

— Моего брата зовут Филлмор. Я вам уже говорила.

— Ах да!

— Дядя все время к нему придирался. Хотя, надо признать, Фил постоянно давал ему поводы. С ним вечно что-нибудь случалось. Года три назад его отчислили из Гарварда, и мой дядя поклялся, что больше с ним

дел иметь не будет. Тогда я сказала: если Фил уйдет, уйду и я. Поскольку, очевидно, это полностью соответствовало дядюшкиному представлению о спокойной старости, никаких возражений не последовало, и мы с Филом собрали вещи. Мы поехали в Нью-Йорк и с тех пор живем там. Примерно полгода назад Филу исполнилось двадцать пять, и он получил деньги. А месяц назад и я достигла заветной черты. Так что все кончилось хорошо. Теперь ваша очередь.

— Но, послушайте, вы же… Вы же столько пропустили. В смысле, как вы жили в Нью-Йорке? Вам, наверное, тяжело пришлось?

— Мы нашли работу. Фил сменил пару мест и в конце концов стал ассистентом помощника режиссера в каком-то театре я умела только танцевать, поскольку с детства купалась в роскоши, и я пошла. Танцевать. Я нашла работу в одном заведении на Бродвее, называется «Цветник». Видимо, для смеха меня окрестили учительницей, как будто можно чему-то научить людей, которые туда приходят. Счастье — если сумеешь уцелеть, и тебя не затопчут насмерть.

— Какой ужас!

— Да нет. Поначалу было даже забавно. Хотя, — тут Салли призадумалась, — вряд ли я продержалась бы долго, я уже начала выдыхаться. Думаю, ни одной девушке в Америке не наступало на ногу столько толстяков. Не знаю, почему, но любой посетитель, у которого было хоть немного лишнего веса, инстинктивно выбирал меня. Потому я и люблю теперь сидеть на песочке и смотреть на купающихся французов. Такое наслаждение видеть тушу в двести пятьдесят фунтов и знать, что тебе не придется танцевать с ней.

— Да уж! Представляю, как вам было противно!

— Знаете, что я думаю… Из-за этого я буду очень домашней женой. Я не стану шататься по дансингам, слушать джаз. Мне нужен только маленький домик за городом, вязание, кулинарные книги, а в половине десятого — спать. Теперь вы расскажите мне свою историю. И постарайтесь, чтобы она была длинной, потому что спасательную экспедицию ждать не стоит. Я абсолютно уверена, последний постоялец забрался в постель сто лет назад. Мы просидим здесь до завтра.

— Все-таки давайте лучше покричим.

— И оставим Жюля без работы? Нет уж!

— Мне, конечно, жаль старину Жюля, но когда я думаю о том, что приходится испытывать вам…

— Начинайте свою историю, — сказала Салли.

6

Рыжик повел себя, как жених, которому за праздничным столом предстоит произнести ответный тост. Он беспокойно зашевелил ногами и сплел пальцы.

— Понимаете, я ненавижу говорить о себе, — сказал он.

— Я так и подумала, — отозвалась Салли, — потому и рассказала свою биографию первой, чтобы не оставить вам путей к отступлению. Ну, не будьте же такой пугливой фиалкой. Мы — потерпевшие кораблекрушение. Мне ужасно хочется услышать вашу повесть. Впрочем, даже если бы мне было неинтересно, я бы предпочла слушать вас, а не храп Жюля.

— А он и впрямь похрапывает. Вам не мешает? Хотите, я его растолкаю?

— Все-таки есть в вас что-то беспощадное, — сказала Салли. — Вы, кажется, только тем и заняты, что придумываете, как бы досадить несчастному Жюлю. Оставьте его в покое хоть на минуту и расскажите о себе.

— А с чего начать?

— Ну, детство, я думаю, мы опустим.

— Хорошо… — Рыжик нахмурился в поисках эффектного вступления. — Я, что называется, сирота, примерно как и вы. В смысле, родители у меня уже умерли, и все такое.

— Спасибо, что объяснили. Так намного понятнее

— Маму я не помню. А отец умер, когда я заканчивал Кембридж. Хорошо там было, — продолжил он, воодушевляясь. — Не так чтобы слишком, но хорошо. Я боксировал и играл за полосатых.[73] Меня даже отобрали полузащитником схватки для матча, который Англия должна была сыграть против Уэльса. И, между нами, мне светила, ни больше ни меньше, карьера в сборной.

Салли смотрела на него во все глаза.

— Это хорошо или плохо? — спросила она.

— Э?

— Вы перечисляете свои преступления или мне следует аплодировать? Вот хотя бы эти полосатые, они кто?

— Они… ну, полосатые, понимаете.

— А… Ну да, — сказала Салли. — В смысле, полосатые.

— То есть я имею в виду, я играл… был в команде… в смысле, играл в

регби, понимаете… Регби… За Кембридж, против Оксфорда. Я был полузащитник схватки.

— А кто такой полузащитник схватки? — терпеливо спросила Салли. — Знаю-знаю, сейчас вы скажете, что это — полузащитник схватки, но нельзя ли попроще?

— Полузащитник схватки — это такой полузащитник, который ифает в схватке. Он пасует открытому полузащитнику, а тот четвертным, и начинается атака. Не знаю, понятно ли вам?

— Непонятно.

— Это безумно трудно объяснить, — сказал Рыжик. — Кажется, я никогда раньше не встречал человека, который не знал бы, кто такой полузащитник схватки.

— Ну ладно. В общем, я поняла, что это каким-то образом связано со спортом, так что оставим. Наверное, это нечто вроде квотербэка в американском футболе. А что за карьера в сборной?

— Ну… Я мог бы стать игроком, который выступает за Англию. Понимаете, сборная Англии играет против Уэльса, Франции, Ирландии и Шотландии.[74] И если бы не эта катастрофа, я бы играл против Уэльса.

— Поняла, наконец-то. Вы пытаетесь объяснить мне, что очень хорошо играете в регби.

Рыжик густо покраснел.

— О… Не то чтобы… Просто в том году Англия осталась без полузащитника.

— Какая трагедия для страны! И все же вы бы играли за сборную, если бы не эта катастрофа. Какая катастрофа?

— Оказалось, что несчастный отец не оставил мне ни гроша. Я так и не понял, почему так получилось. Я-то всегда считал нас вполне обеспеченными. А тут выяснилось, что у меня совсем ничего нет. Признаюсь, я удивился. Пришлось бросить Кембридж и пойти работать в дядину контору. Ну и, конечно, я все завалил.

— Почему «конечно»?

— Понимаете, я не очень способный. В общем, как бы там ни было, я плохо схватывал. Примерно через год дяде надоело со мной возиться, и он устроил меня учителем в школу, но и это я завалил. Потом он находил мне еще пару мест. И каждый раз я все заваливал.

— Что-что, а заваливать вы умеете.

— Да уж, — скромно ответил Рыжик. Они помолчали.

— А что у вас вышло со Скримджором? — спросила Салли.

— Я работал у него, — сказал Рыжик. — Напыщенный старый осел,

однажды надеется стать премьер-министром. Он большая шишка в суде, а недавно его избрали в Парламент. Мой кузен когда-то был у него нефом. Через него-то я и познакомился со старым хрычом.

— Ваш кузен был кем? Вы бы говорили по-английски.

— Мой кузен — это тот, которого вы видели со мной утром на пляже.

— А кем, вы сказали, он был у мистера Скримджора?

— Негром. Это так называется. Мой кузен тоже юрист. Одна из этих восходящих звезд…

— Мне показалось, он сам что-то вроде адвоката.

— Теперь — да. А начинал он негром у Скримджора. Помощником, понимаете. Его зовут Кармайл. Может, слышали? Он в общем-то известен в своих кругах. Брюс Кармайл.

— Не слышала.

— Ну, так вот, он устроил меня к Скримджору секретарем.

— А почему мистер Скримджор вас уволил?

Лицо Рыжика омрачилось. Он нахмурился. Глядя на него сейчас, Салли поняла, что недаром утром он показался ей вспыльчивым. И все-таки он ей по-прежнему нравился. Ее не привлекали уравновешенные мужчины.

— Не знаю, любите ли вы собак? — сказал Рыжик.

— Любила до сегодняшнего утра, — ответила Салли. — Наверное, когда-нибудь снова полюблю. Теперь же я, если можно так выразиться, собаками сыта по горло. Но не удаляетесь ли вы от темы? Я спросила, почему мистер Скримджор вас выгнал.

— Я и рассказываю.

— Очень хорошо. Я не поняла.

— У этого гада, — вновь нахмурился Рыжик, — была собака. Очень симпатичный спаниель. Большой мой приятель. А Скримджор — негодяй, которому нельзя держать собаку. Один из тех придурков, которым рядом с собаками не место. И вообще, из всех занудливых, напыщенных, хвастливых и черствых старикашек…

— Минуточку, — сказала Салли. — У меня такое ощущение, что вам не очень-то нравится этот Скримджор. Правильно?

— Да!

— Так я и подумала. Женская интуиция! Продолжайте.

— Он постоянно дрессировал бедное животное. Я не выношу, когда собаки показывают фокусы. Собакам это совсем не нравится. Они же страшно чувствительные. Ну, а Скримджор вечно заставлял этого спаниеля проделывать разные дурацкие трюки. На это ни одна уважающая себя

собака не согласится. В конце концов однажды старина Билли не выдержал и заартачился. Он был слишком хорошо воспитан и кусаться не стал. Просто затряс головой и уполз под софу. Вы думаете, Скримджор понял, что лучше оставить его в покое? Ничуть не бывало! Нет, ну такого мерзкого…

— Да-да, знаю, а дальше?

— Этот гад все больше раздражался и в конце концов вытащил его из-под софы и ударил тростью. Понимаете, — ледяным тоном уточнил Рыжик, — он начал бить его тростью. — Он помолчал немного, нахмурившись. — Спаниеля! Представляете себе?! Можно ли бить спаниеля?! Это все равно, что поднять руку на маленькую девочку. Но все-таки он старик, понимаете, это меня немного остановило. Я вырвал у него трость и разломал на мелкие кусочки. По счастью, оказалось, что это очень дорогая трость. Такая, с золотым набалдашником. Подарок от избирателей, что ли. В общем, неплохо я ее измочалил. Потом наговорил ему всякого, он меня и выгнал. И вот я приехал сюда.

Салли немного помолчала.

— Вы поступили совершенно правильно, — сказала она наконец суровым голосом, в котором не было обычных легкомысленных нот.

Она еще помолчала.

— А что вы теперь собираетесь делать?

— Не знаю.

— Будете искать что-нибудь?

— Да, наверное, придется. Семья, конечно, будет страшно недовольна.

— Ради всего святого! Почему вас это волнует? — не выдержала Салли.

Она не могла смириться с тем, что человек, проявивший недюжинную смелость и инициативу в истории с подлым Скримджором, становится таким мягкотелым, как только речь заходит о семье. Конечно, он воспитывался как богатый наследник и привык плыть по течению, но все же…

— Главная ваша проблема, — сказала она, переходя к вопросу, в котором имела твердые убеждения, — это…

Ее речь была прервана скрипом входной двери, что в «Нормандии» в час ночи можно без преувеличения назвать чудом. Вошел молодой человек в смокинге. В «Нормандии», которая специализируется главным образом на степенном среднем возрасте, это редкость. Присутствие в гостинице столь молодого лица объяснялось, если это нужно объяснить, следующим образом: примерно в середине пребывания в Ровиле он порядком

проигрался в казино, и ему пришлось срочно перебираться из роскошного «Сплендида» в скромную «Нормандию». Причина его позднего прихода заключалась в том, что весь вечер он околачивался в «Сплендиде» в надежде встретить там какого-нибудь добросердечного друга прежних беззаботных дней и перехватить денег.

Между Жюлем и вновь прибывшим произошел короткий диалог, ключи просунули сквозь решетку, дверь открылась, и лифт снова поехал. Через несколько минут Салли, на которую внезапно навалилась невыносимая усталость, выключила свет и забралась в постель. Уже засыпая, она пожалела, что так и не смогла подробно обсудить с Рыжиком, как важно проявлять инициативу. И решила сделать это при первой же возможности.

Глава III ДОСТОПОЧТЕННЫЙ МИСТЕР КАРМАЙЛ

1

Однако к шести часам следующего вечера Салли пришла к заключению, что Рыжику в жизни, очевидно, придется обойтись без ее ценных советов и рассчитывать только на собственные силы. За весь день он ни разу не попался ей на глаза, а вечером она уезжала из Ровиля в Париж. Поезд отходил в семь пятнадцать. В Париже она планировала сделать пересадку и отправиться в Шербур, где ее ждал пароход, на котором она забронировала каюту до Нью-Йорка.

Все еще надеясь повидаться с Рыжиком, она отвезла чемоданы на вокзал и, оставив их на попечение любезного носильщика, заглянула напоследок в городское казино. Ей не хотелось уезжать, не подбодрив нового друга. Как и многие девушки с живым умом, Салли всегда интересовалась делами окружающих, или, как сказал бы ее брат Филлмор, «совала свой нос повсюду». Рыжик показался ей достойным того, чтобы подтолкнуть его в верном направлении. А потому, войдя в казино, она испытала большую радость, увидев его огненную шевелюру за одним из игровых столов, вокруг которого собралась толпа.

В Ровиле есть два казино. Одно на набережной, куда ходят, главным образом, подышать морским воздухом и сыграть в безобидную игру под названием «буль».[75] Серьезные люди посещают городское казино на площади Массена недалеко от вокзала, где играют по-крупному. Едва завидев юного Кемпа, Салли поняла: он не просто играет по-крупному, он выигрывает. В самом деле, он разошелся не на шутку: на столе перед ним уже высился порядочный холмик квадратных фишек, еще одну солидную порцию подталкивал к нему через стол крупье с деревянным лицом.

— Epatant![76] — задумчиво прошептал кто-то рядом с Салли и убрал локоть, которым давил ей в бок, чтобы свободней жестикулировать. Салли была не слишком сильна во французском, однако разобрала, что он благоговейно радуется происходящему. Впрочем, казалось, все вокруг благоговейно радуются. Несомненно, публика в европейских казино отличается странным альтруизмом. При виде чужого выигрыша она

испытывает моральное удовлетворение.

Крупье левой рукой подкрутил усы, а правой — колесо, и вновь все замерли. Салли, которая пробралась туда, где поменьше толкались, увидела наконец лицо Рыжика, и у нее вырвался непроизвольный смешок. Он был точь-в-точь фокстерьер, стерегущий крысиную норку: волосы дыбом, уши того гляди встанут торчком от напряжения.

В напряженной тишине, которая повисла вокруг колеса, смех прозвучал до неприличия отчетливо и не остался незамеченным. Публика, наблюдающая за игрой в рулетку, испытывает нечто вроде религиозного экстаза. Так что, если бы Салли расхохоталась в храме, вряд ли смятение было бы большим. Самые благочестивые прихожане обернулись к ней оскорбленно, а Рыжик, заметив ее, подпрыгнул. В этот момент шарик с сухим щелчком упал в красный сектор. Когда стало ясно, что на этот раз счастливчик поставил не на тот цвет, паства содрогнулась в едином вздохе. Так бьются кающиеся грешники на негритянском молитвенном собрании. Со всех сторон на Салли бросали укоризненные взгляды. По всеобщему убеждению, удача отвернулась от Рыжика именно из-за ее неблагоразумия.

Единственный, кого этот проигрыш нисколько не огорчил, был сам Рыжик. Он сгреб свою добычу, рассовал ее по карманам и протолкался к Салли, которая теперь потеряла в глазах толпы всякое уважение. Зрителям хотелось, чтобы Рыжик продолжал. На него смотрели как на актера, который на середине реплики внезапно покинул подмостки и сошел в зал. Даже ожесточенная ссора, которая как раз в эту минуту разгорелась между двумя игроками, поспорившими из-за пятифранковой фишки, не слишком утешила публику.

— Надо же! — сказал Рыжик, проворно вытаскивая Салли из толпы. — Здорово, что я встретил вас. Я вас искал повсюду.

— Странно, что не нашли, ведь я там и была. Я тоже вас искала повсюду.

— Нет, правда? — обрадовался Рыжик, прокладывая путь из игрового зала в вестибюль, где в уголке они и присели. Здесь было тихо и пусто, только швейцар в роскошной форме стоял у дверей. — Это жутко мило с вашей стороны.

— Мне нужно с вами поговорить до отхода поезда. Рыжик вздрогнул:

— Поезда? Что это значит?

— Поезд. Чух-чух, — объяснила Салли. — Я сегодня уезжаю, понимаете?

— Уезжаете? — Он смотрел на нее с ужасом, как самый благочестивый член общины, которую они только что покинули. — Как

это уезжаете? Вы же не собираетесь уехать из Ровиля?

— Собираюсь.

— Почему? Куда вы едете?

— Назад в Америку. Мой пароход отплывает завтра из Шербура.

— Как же так!

— Мне очень жаль, — сказала Салли, тронутая его вниманием. Она была сердечной девушкой, и ей нравилось, когда ее ценили, — но…

— Слушайте, — Рыжик густо покраснел и бросил свирепый взгляд на швейцара, наблюдавшего за их разговором со снисходительностью человека, который и сам прошел через такое. — Знаете что, выходите за меня замуж.

2

Салли уставилась на его ярко-красный профиль с искренним изумлением. Рыжик во многом был человеком непредсказуемым, она уже успела это понять, и все же не ожидала, что настолько.

— Замуж?!

— Ну… Вы понимаете, о чем я?

— Да. Думаю, да. Вы намекаете на священные узы. Да, я понимаю, о чем вы.

— Ну, так как же?

Салли понемногу приходила в себя. Теперь ее разбирал смех. Она посмотрела на Рыжика, который все еще пожирал глазами швейцара. Того настолько захватила романтика происходящего, что он мурлыкал себе под нос какую-то шансонетку. Он не слышал, о чем они говорят, а даже если бы и слышал, то все равно ничего не понял бы. Однако он изрядно поднаторел в языке взглядов.

— Только не думайте, что я нарочно изобретаю трудности. Вам не кажется, что это немного неожиданно?

— Еще бы! — воскликнул Рыжик. — Но я думал, вы здесь надолго.

— Милый вы мой, мы ведь почти незнакомы. Вам не приходило это в голову?

Она терпеливо похлопала его по руке, и швейцар вздохнул, расчувствовавшись.

— Кажется, я знаю, что произошло, — сказала Салли. — Вы просто спутали меня с какой-то другой девушкой. С девушкой, которую вы по-настоящему хорошо знаете, которой вы представлены, как положено.

Посмотрите на меня хорошенько, и вы сами поймете.

— Если я посмотрю на вас хорошенько, — сказал Рыжик лихорадочно, — я за последствия не ручаюсь.

— И этому человеку я собиралась прочесть лекцию о предприимчивости!

— Вы самая прекрасная девушка, какую я встречал! — Глаза его все еще были прикованы к швейцару у дверей. — Да Уж, неожиданно… Ничего не могу поделать. Я влюбился в вас с первого взгляда, и все тут!

— Но…

— Послушайте. Ничего особенного, конечно, я собой не представляю, и все такое, но… Я только что выиграл кучу денег…

— И теперь собираетесь купить меня?

— Я имею в виду, у нас будут деньги для начала… Конечно, до сих пор все, за что я ни брался, я заваливал к чертовой матери… Но ведь должно же быть что-то, что я умею делать. И уж будьте уверены, я постараюсь. Тем более, с вашей поддержкой, и все такое, понимаете…

— А вам не приходило в голову, что я, возможно, уже помолвлена с кем-то другим?

— Не может быть! Неужели вы?..

Впервые с начала их разговора он повернулся к ней и посмотрел так трогательно, что Салли стало совсем не смешно. Как ни глупо, этот человек говорил всерьез.

— Вообще-то, да, — ответила она.

Рыжик Кемп закусил губу и с минуту помолчал.

— Тогда всему крышка! — произнес он наконец.

Салли вдруг охватило сложное, не поддающееся анализу чувство. Это чувство, незнакомое ей, было материнской нежностью. Мать испытывает то же самое, слушая, как ее ребенок с очаровательной настойчивостью требует невозможного. Салли хотелось усадить Рыжика на колени и поцеловать. Ей было жаль его, но смотреть на него как на разумного взрослого человека она не могла.

— Вы же это несерьезно! — сказала она.

— Несерьезно! — сказал Рыжик глухо. — То есть как, несерьезно?

— Так не бывает! Нет такой штуки, как любовь с первого взгляда. Любовь приходит, когда вы хорошо знаете человека и…

Салли вдруг остановилась. Ей пришло в голову, что вряд ли она вправе читать подобные лекции. Ведь сама она влюбилась в Джеральда Фостера в общем-то внезапно. Что она знала о Джеральде, кроме того, что любит его? Они решили пожениться через две недели после знакомства.

Это воспоминание немного охладило ее пыл, и она закончила банально:

— Это же просто смешно.

Рыжик погрузился в смиренную меланхолию.

— Глупо было надеяться, что я вам небезразличен, — сказал он угрюмо. — Кто я, в сущности, такой?

Это было отступление от темы, которого так ждала Салли. Она обрадовалась возможности сменить тон разговора, ставшего чересчур сентиментальным.

— Вот об этом-то я и хотела с вами поговорить, — сказала она, ухватившись за эту самоуничижительную реплику. — Я вас целый день искала, чтобы досказать то, что начала вчера в лифте, когда нас прервали. Вы позволите, я буду говорить с вами как любящая тетушка? Нет, лучше как сестра. Правда, лучше, если я буду для вас сестрой. Как вы считаете?

Рыжик взирал на новую родственницу без всякого энтузиазма.

— Я ведь и в самом деле беспокоюсь о вашей судьбе. Рыжик посветлел:

— Это ужасно мило с вашей стороны.

— Прислушайтесь к голосу разума! Встряхнитесь!

— Встряхнуться?

— Ну да, расправьте плечи, поднимите голову, поработайте локтями. Сделайте что-нибудь. Почему вы все время слоняетесь, ничего не делаете и надеетесь на эту вашу Семью? Почему всю жизнь вам надо помогать? Почему вы сами себе не поможете? Почему кто-то должен искать для вас работу? Почему вы сами не побегаете и не поищите? Почему вы все время беспокоитесь, что подумает Семья? Почему не проявите независимость? Понимаю, вам было трудно оказаться вот так, без гроша, но, Боже мой, любой человек, который чего-то в жизни достиг, хоть однажды побывал в такой ситуации. В этом есть свой интерес. Вы ничего не добьетесь, если будете позволять Семье переносить вас, как… как толстого щенка, с места на место. Работу нужно подбирать по себе и для себя. Подумайте, что вы умеете делать — должны же вы уметь хоть что-то, — а там, хватайте эту работу, держитесь за нее покрепче и научитесь делать ее шутя. Сейчас у вас появились какие-то деньги. Хорошо. Значит, есть время осмотреться. А потом, за дело! Поймите же, это ваша жизнь, и представьте, что Семьи нет!

Салли перевела дыхание. Рыжик ответил не сразу. Он смотрел на нее завороженно.

— Когда вы говорите вот так быстро, — произнес он задумчиво, — у вас нос немножко шевелится. Это забавно!

У Салли вырвался возмущенный возглас:

— Вы что же, совсем не слушали меня?

— Да нет, слушал! Клянусь вам!

— Ну и что же я сказала?

— Вы… Э… А глаза у вас просто сверкают.

— Забудьте про мои глаза. Так, что я сказала?

— Вы сказали, — произнес он в раздумье, — мне надо найти работу.

— Ну, вообще-то я немного лучше выразилась, но имела в виду примерно это. Что ж… Тогда хорошо. Рада, что вы…

Он смотрел на нее с угрюмым обожанием.

— Знаете, — прервал он Салли, — можно я буду вам писать? Письма, в смысле, и все такое. Думаю, это меня бы поддержало.

— У вас не будет времени на письма.

— Найду. У вас случайно нет какого-нибудь адреса в Америке? То есть, чтобы я знал, куда писать.

— Я дам вам адрес, по которому меня всегда можно найти.

И она продиктовала адрес принадлежащих миссис Мичер меблированных комнат, который Рыжик почтительно записал на манжете.

— Пожалуй, и вправду пишите мне, — сказала Салли. — Мне же захочется узнать, как вы там. Я… О Боже! Эти часы идут правильно?

— Да. А в котором часу у вас поезд?

— Поезд! Да он уже ушел! Или уйдет через две секунды. — Салли бросилась к двери, чем привела швейцара, никак не ожидавшего такого поворота, в полное замешательство. — До свидания, Рыжик. Пишите мне и помните, что я сказала.

Рыжик, когда речь зашла о том, чтобы поработать ногами, также проявил неожиданную прыть и кинулся за ней вдогонку. Они вместе выскочили на улицу и понеслись к вокзалу.

— Не отставайте! — подбодрил Рыжик. Бежал он легко, как человек, которому в свое время светила карьера в сборной.

Салли экономила дыхание. Поезд уже тронулся, когда они ноздря в ноздрю вбежали на перрон. Рыжик подскочил к ближайшей двери, распахнул ее, аккуратно подхватил Салли и забросил ее внутрь. Она приземлилась прямо на ноги пассажиру, сидевшему в углу, тут же вскочила и высунулась в окно. Верный Рыжик рысцой бежал рядом с набиравшим скорость поездом.

— Рыжик! Бедный носильщик! Дайте ему на чай! Я забыла!

— Ладно!

— И не забудьте, что я вам сказала!

— Ладно!

— Позаботьтесь о себе и «Долой семью!»

— Ладно!

Поезд выехал из вокзала. Салли бросила прощальный взгляд на своего рыжеволосого друга, который, стоя на краю платформы, размахивал носовым платком. Затем, совершенно запыхавшаяся, она повернулась к своему соседу по купе:

— Извините. Надеюсь, я вас не ушибла.

И очутилась лицом к лицу с кузеном Рыжика, брюнетом из вчерашней истории, Брюсом Кармайлом.

3

Мистер Кармайл обыкновенно не позволял себе отвлекаться на мелкие сюрпризы, однако сейчас он был слегка ошеломлен. Он узнал в Салли вчерашнюю француженку, которая привлекла внимание кузена Ланселота на пляже. И вот, предполагаемая француженка бегло заговорила по-английски. Откуда этот дар языков? И как, ради всего святого, совершенно незнакомая с Ланселотом еще вчера, она умудрилась настолько подружиться с кузеном, что сегодня наперегонки гоняла с ним по платформе, кричала ему из окна и называла Рыжиком? Брюсу Кармайлу было известно, что среди отбросов общества, к которым он причислял Ланселотовых приятелей, эта вульгарная кличка в ходу: но как узнала об этом она?

Если бы Салли не была такой хорошенькой, мистер Кармайл несомненно посмотрел бы на нее с презрением — ее поступки никак не укладывались в установленные им жесткие рамки приличия. Однако запыхавшаяся и раскрасневшаяся, она была чудо как хороша, и мистер Кармайл выдавил улыбку.

— Вовсе нет, — ответил он на ее вопрос, хотя это было и далеко от истины. Большой палец на левой ноге страшно ныл. Даже такая маленькая девушка, как Салли, может нанести увечья, если ее изо всех сил метнет вам на ноги полузащитник сборной по регби.

— Вы позволите? — сказала Салли, присаживаясь. — Мне нужно отдышаться.

Пока она восстанавливала дыхание, поезд набрал скорость.

— Едва успели, — приветливо сказал Брюс Кармайл. Палец ныл уже не так сильно. — Еще немного, и опоздали бы.

— Да уж. На счастье, со мной оказался мистер Кемп. Он очень меткий,

правда?

— Кстати, а как вы познакомились? — спросил Кармайл. — Вчера утром на пляже…

— О, тогда мы еще друг друга не знали. Но оказалось, что мы живем в одной гостинице. Мы около часа просидели вместе в лифте. Вот тогда-то мы и познакомились.

В купе заглянул официант и сообщил, как ни странно, по-английски, что в ресторане накрыли к ужину.

— Не хотите поесть?

— Умираю с голоду, — сказала Салли.

По дороге в вагон-ресторан она корила себя за глупость: разве можно судить о человеке по его внешности? Мистер Кармайл, несмотря на мрачноватый вид, оказался очень приятным собеседником. К тому моменту как они уселись за столик, Салли решила, что он ей даже нравится.

Однако за ужином манеры его изменились. Дружелюбия как ни бывало. К приему пищи он относился серьезно и считал необходимым держать официантов в строгости. Он заметил пятнышко на скатерти, содрогнулся, а затем, нахмурившись, погрузился в меню. Тем временем Салли подружилась с приветливым официантом, веселым старичком, который сразу же полюбил ее как собственную дочь. Официант не знал английского, а Салли — французского, однако они прекрасно поладили. Мистер Кармайл с раздражением отмахнулся от его добродушных советов — в «Сплендиде» официанты никогда не лезут к вам в ухо со своими предложениями — и сделал заказ на англо-галльском диалекте, обычном для странствующего британца. «Бум!» — радостно подытожил официант и исчез.

— Милый старичок! — сказала Салли.

— Бесцеремонный донельзя! — возразил мистер Кармайл. Салли почувствовала, что по вопросу об официантах их мнения расходятся, так что вряд ли разговор на эту тему получится приятным, и она решила поговорить о чем-нибудь другом. Мистер Кармайл нравился ей меньше, чем минуту-другую назад. Однако он был так любезен, что пригласил ее поужинать, и она постаралась думать о нем как можно лучше.

— Кстати, — сказала она, — моя фамилия Николас. *Я* всегда считаю, что для начала лучше представиться. Вам не кажется?

— Меня зовут…

— О, я знаю. Рыжик, то есть мистер Кемп, сказал мне.

Мистер Кармайл, оттаявший с уходом официанта, при упоминании о кузене вновь обратился в лед.

— В самом деле? — холодно поинтересовался он. — А вы как будто с ним теперь друзья?

Салли его тон не понравился. Он словно осуждал ее, а она не желала выслушивать замечания от незнакомцев и вызывающе посмотрела через стол.

— Почему же «как будто»? Я вам сказала, что мы с ним подружились, и объяснила как. Невозможно полночи просидеть в лифте с человеком и не узнать его. Мистер Кемп оказался очень приятным собеседником.

— Да что вы?

— И очень интересным. Мистер Кармайл поднял бровь.

— Интересным? Неужели?

— Да, интересным. — Салли уже упивалась битвой. Обычно мужчины во всем охотно с ней соглашались, потому она так воинственно среагировала на недружелюбие, которое исходило от ее собеседника в последние несколько минут. — Он мне все рассказал о себе.

— И вам было интересно?

— А что в этом странного?

— Ну… — Холодная полуулыбка скользнула по лицу мистера Кармайла. — Бесспорно, у моего кузена масса весомых достоинств. Он чудесно играет в регби и, насколько мне известно, проявил большие способности к боксу. Но я и не подозревал, что он мастер светских бесед. Мы всегда считали его туповатым.

— Я думала, только королевские особы говорят о себе «мы»,

— Я имел в виду нашу Семью.

Упоминание о Семье окончательно разозлило Салли, так что ей пришлось замолчать на время, чтобы привести мысли в порядок.

— Мистер Кемп рассказал мне про Скримджора, — проговорила она наконец.

Брюс Кармайл с минуту разглядывал метровый батон, который официант положил на стол.

— Неужели? — сказал он. — Да уж, молчаливым его не назовешь.

Официант грохнул на стол супницу.

— Via! — заметил он удовлетворенно, словно проделал какой-то особенно сложный трюк и выжидающе улыбнулся Салли, очевидно, рассчитывая заслужить аплодисменты, по крайней мере, у этой части публики. Однако Салли оставалась суровой. Впервые в жизни с ней говорили пренебрежительно, и это ей не нравилось.

— Думаю, мистеру Кемпу просто не повезло.

— Вы уж простите меня, но я предпочитаю закрыть эту тему.

Салли, конечно, была девушка хорошенькая, но совершенно незнакомая, а мистер Кармайл считал, что внутрисемейные дела с чужаками не обсуждают.

— Он был совершенно прав. Мистер Скримджор бил собаку…

— Детали мне известны.

— Я и не знала. Значит, вы со мной согласны?

— Нет. Человек, который предпочел вылететь с прекрасной работы, только из-за того…

— Ах, ну если вы так думаете, бесполезно с вами разговаривать.

— Правильно.

— И все же я спрошу: что вы думаете делать с Ры… с мистером Кемпом?

Мистер Кармайл опять покрылся льдом.

— Боюсь, я не могу обсуждать…

Раздражение, которое Салли сдерживала до сих пор, наконец прорвалось наружу.

— Ради Бога! — в сердцах воскликнула она. — Будьте же вы человеком, хватит презирать всех вокруг. Вы похожи на портреты восемнадцатого века, ну, с деревянными лицами и рыбьими глазами, которые таращатся на вас из золоченых рам как на досадную ошибку природы.

— Р-р-ростбиф, — благодушно объявил официант, который возник у стола как чертик из коробочки.

Брюс Кармайл с мрачным видом набросился на ростбиф. Салли понимала, что позднее будет стыдиться своей вспышки, однако была слишком захвачена битвой и сидела молча.

— Приношу вам извинения за свои рыбьи глаза, — сказал мистер Кармайл немного тяжеловесно. — Прежде мне не указывали на этот факт.

— Наверное, у вас не было сестер, — ответила Салли. — Они бы вам сказали.

Мистер Кармайл вновь обиженно замолчал. Так продолжалось до тех пор, пока официант не принес кофе.

— Думаю, — сказала Салли, поднимаясь из-за стола, — мне лучше уйти. Кофе я не хочу, а если останусь, могу наговорить грубостей. Я-то надеялась замолвить словечко за мистера Кемпа и спасти его от избиения, но, видно, зря. До свидания, мистер Кармайл. Спасибо за ужин.

Салли пошла прочь. Брюс Кармайл провожал ее негодующим и в то же время восхищенным взглядом. Странные чувства теснили ему грудь.

Глава IV РЫЖИК СТАНОВИТСЯ ОПАСЕН

Несколько дней спустя Брюс Кармайл встретил на Пиккадилли своего кузена Ланселота, который, задумавшись, вовремя не заметил родственника. Из Ровиля они вернулись разными дорогами. Рыжик надеялся, что так пойдет и дальше. Он хотел пройти мимо, ограничившись кивком, однако мистер Кармайл остановил его.

— Вот тебя-то мне и нужно, — сказал он.

— О, привет! — ответил Рыжик безрадостно.

— Я уже собирался звонить тебе в клуб.

— Да?

— Да. Сигарету?

Рыжик взглянул на протянутый портсигар с подозрением, так человек из публики, согласившийся выйти на сцену, смотрит на карту, которую ему сует фокусник. Он глазам своим не верил. За долгие годы знакомства Рыжик ни разу не замечал в кузене подобной сердечности. Странно было, что мистер Кармайл заговорил с ним вообще: насколько он знал, в Семье по-прежнему разбирали дело Скримджора, рана эта еще не зарубцевалась.

— Давно вернулся?

— Дня два.

— Я совершенно случайно услышал, что ты приехал и торчишь у себя в клубе. Кстати, спасибо, что познакомил меня с мисс Николас.

Рыжик вздрогнул:

— Что!

— Я был в том купе, помнишь, на вокзале. Ты бросил ее прямо мне в руки. Мы решили, что это все равно, как если бы ты мне ее представил. Привлекательная девушка.

Брюс Кармайл до сих пор не принял решения по поводу Салли. Одно было ясно — нельзя позволить, чтобы она вот так исчезла из его жизни. Внезапный ее уход раздосадовал мистера Кармайла, и хотя чувство это на первый взгляд мало напоминает любовь, эффект оказался тем же. Брюс Кармайл не обманывал себя: из их последнего спора Салли вышла победительницей. Ему хотелось встретить ее еще раз и доказать, что он намного глубже, чем она, очевидно, посчитала. Одним словом, мистера Кармайла задело не на шутку: и хотя он так и не мог решить, нравится ему Салли или нет, будущее без нее казалось слишком пресным.

— Очень привлекательная девушка. Мы мило побеседовали.

— Догадываюсь, — завистливо сказал Рыжик.

— Кстати, она случайно не оставила тебе адреса?

— А что? — насторожился Рыжик. Он берег адрес Салли как коллекционер, которому удалось раздобыть уникальный экспонат, и не хотел делиться своим сокровищем.

— Видишь ли, я… Э… Я пообещал отправить ей книги, которые ей хотелось прочесть…

— Вряд ли у нее много времени, чтобы читать.

— Эти книги не издавались в Америке.

— Да там почти все издавалось. Ну, или почти все.

— А эти не издавались, — отрезал мистер Кармайл. Скрытность Рыжика начинала его раздражать. Он жалел, что не придумал историю получше.

— Давай их мне, я сам отправлю, — предложил тот.

— Да что ж такое! — возмутился мистер Кармайл. — Ты думаешь, я не в состоянии отправить несколько книг в Америку? Где она живет?

И Рыжик открыл ему номера заветной улицы и дома, который имел счастье быть пристанищем Салли. Он сделал это нехотя только потому, что от такой настырной пиявки, как кузен, ничего нельзя утаить.

— Спасибо. — Брюс Кармайл записал искомую информацию золотым карандашиком в сафьяновую книжку. Он был из тех людей, которые всегда имеют при себе карандаш и не знакомы с обратной стороной потрепанных конвертов.

Повисла пауза. Брюс Кармайл откашлялся.

— Утром я видел дядю Дональда, — наконец, сказал он. Радушия как ни бывало. В нем больше не было нужды, а Брюс Кармайл не любил тратиться попусту. Он говорил холодно, в голосе, как обычно, звенел упрек.

— Да? — Рыжик приуныл. Это был тот самый дядя, в конторе которого он начинал свою карьеру: достойный человек, пользующийся большим уважением в Национальном либеральном клубе, но так и не добившийся любви от племянника. Были у Рыжика и другие родственники, разные мелкие дядюшки и незначительные тетушки, которые все вместе составляли Семью, однако верховодил в этой организации, несомненно, дядя Дональд. По твердому убеждению Рыжика, это был не человек, а сущий нарывной пластырь.

— Он хочет с тобой поужинать сегодня у Блика.

Рыжик все глубже погружался в депрессию. Ужин в компании дяди Дональда вряд ли показался бы кому-то веселым даже в обстановке

«Тысячи и одной ночи». Дядя нагнал бы тоску даже на приятелей императора Тиберия, собравшихся на Капри. Было в нем что-то. А потому ужинать с ним в заведении Блика, настоящем морге, клиентура которого не менялась последние полвека, было тяжелым испытанием. Рыжик очень сомневался, что человек из плоти и крови способен это выдержать.

— Сегодня? — спросил он. — Значит, сегодня? Ну…

— Не валяй дурака. Ты, как и я, прекрасно знаешь, что пойти придется. — Приглашения дяди Дональда в Семье считались королевскими приказами. — Если с кем-то уже Договорился, перенеси.

— Хорошо.

— Ровно в семь тридцать.

— Хорошо, — мрачно сказал Рыжик. И они разошлись. Брюс Кармайл пошел на восток, потому что в конторе в Темпле его ждали клиенты; Рыжик — на запад, потому что Брюс Кармайл пошел на восток. У кузенов было мало общего: однако, как ни странно, сейчас мысли их занимало одно и то же. Пробираясь сквозь толпу на Пиккадилли-серкус, Брюс Кармайл думал о Салли. О ней размышлял и Рыжик, который плелся к Гайд-Парку, то и дело налетая на встречных прохожих.

Рыжик был не в форме, с тех пор как вернулся в Лондон. Дни он проводил в мечтаниях, ночами мучился от бессонницы. Пожалуй, в этом мире, и без того полном разочарований, нет ничего хуже безответной любви. Она сушит человека и низводит его до уровня совершенной репы. Безответная любовь разбередила душу Рыжика. Прежде его не покидал покой. Даже финансовый крах, который изменил всю его жизнь, на деле не слишком потряс Рыжика. Характер позволял ему сносить удары жестокой фортуны с философским «Да ладно!» Теперь он на все реагировал острее. Его выводило из себя даже то, что раньше он считал неизбежным злом, — к примеру, усы дяди Дональда, которые их владелец привык за обедом использовать в качестве колючей проволоки, когда суп идет на штурм.

«Нет! — подумал Рыжик, останавливаясь напротив Девоншир Хауса. — Если он опять будет цедить суп сквозь эти свои заросли, я ткну его вилкой».

Жестокие мысли… жестокие! Они становились все безжалостней, ибо ничто не набирает силу быстрее мятежа. Бунтарские мысли охватывают душу со скоростью лесного пожара. В Рыжике уже тлела искра недовольства, и задолго до того, как он вышел к Гайд-Парку, внутри у него трещало пламя. Когда же он вернулся в свой клуб, он попросту представлял угрозу для общества, по крайней мере, для той его части, которая включала дядю Дональда, дядей Джорджа и Уильяма, а также

тетушек Мери, Джеральдину и Луизу.

Пока Рыжик переодевался для предстоящего празднества в кофейне Блика, настроение его не изменилось. Скажем без утайки, Рыжик клокотал. Он угрюмо боролся с непокорным галстуком, когда поджидавшая своего часа судьба нанесла завершающий штрих. В дверь постучали, и рассыльный вручил Рыжику конверт.

Он взглянул на адрес. Конверт переслали из отеля «Нормандия». Внутри оказалась переданная с борта трансатлантического лайнера «Олимпик» радиограмма следующего содержания:

Помните зпт долой семью. С.

Рыжик тяжело плюхнулся на кровать.

Шофер такси, которое в двадцать пять минут восьмого остановилось перед входом в кофейню Блика на Стрэнде, был сражен наружностью и прекрасными манерами своего пассажира. «Решительный малый», — подумал он.

Глава V САЛЛИ ВЫСЛУШИВАЕТ НОВОСТИ

По прибытии в Нью-Йорк Салли собиралась снять номер в гостинице «Сент-Риджис» и купаться в роскоши, как и подобает богатой наследнице, а затем перебраться в небольшую, но удобную квартирку, которую она, как только выберет время, найдет и обустроит под постоянное жилище. Однако, когда в порту потребовалось дать адрес таксисту, ей вдруг показалось, что в этом плане есть что-то неприятно филлморовское. Она расстанется с меблированными комнатами, в которых прожила три года, когда найдет себе квартиру. А пока, если, конечно, ей не хочется в глазах собственной совести прослыть женской разновидностью Филлмора, правильнее будет вернуться под гостеприимную крышу миссис Мичер и воссоединиться со старыми друзьями. В конце концов, наш дом — там, где наше сердце, даже если количество чернослива в меню превышает все границы разумного.

Может, оттого что, поступив достойно, она была довольна собой, а может, оттого что предвкушала встречу с Джеральдом Фостером после столь долгой разлуки, Салли казалось, что улицы, по которым она проезжает, просто сияют. Было Удивительно свежее нью-йоркское утро — голубое небо, янтарный восход. Даже урны своим видом радовали сердце. Счастливые люди катили на работу в переполненных трамваях, приветливые полисмены бойко регулировали движение, а одетые в белое дворники неторопливо и с видимым Удовольствием выполняли свою поэтичную работу. Вряд ли все эти люди знали, что она вернулась домой, но все они вели себя так, будто день сегодня особенный.

Первую нестройную ноту в этой праздничной увертюре взяла миссис Мичер. Выразив радость по поводу возвращения Салли, она сообщила, что Джеральд Фостер этим утром уехал из города.

— В Детройт поехал. И мисс Доланд с ним. — Тут она прервала сама себя, чтобы сделать едкое замечание слуге, который, вооружившись Саллиным чемоданом, вознамерился испортить обои в холле. — В понедельник там будут играть его пьесу, — продолжала миссис Мичер. Слуга грохотал чемоданом уже на лестнице. — С тех пор как вы уехали, они все репетировали.

Салли огорчилась было, но стояло такое дивное утро и Нью-Йорк после скучного путешествия через океан казался таким чудесным, что она решила не расстраиваться по пустякам. В конце концов, завтра можно

будет поехать в Детройт. Ждать чего-то приятного не так уж плохо.

— Так, значит, Эльза тоже играет? — спросила она.

— Конечно. И я слышала, неплохо. — Миссис Мичер старалась не отставать от закулисных сплетен. Она и сама когда-то играла и даже участвовала в «Флородоре»,[77] правда, в отличие от многих других, не была в том, самом первом секстете. — Мистер Фоситт был на репетиции и сказал, что мисс Доланд бесподобна. А ему, знаете ли, угодить непросто.

— Как там мистер Фоситт?

Миссис Мичер, любившая трагедии, определенно решила испортить Салли настроение. Она оживилась:

— Несчастный старик! Совсем плох. Вчера лег рано, с головной болью. Сегодня я поднималась к нему — выглядит *неважно*. А ведь по городу ходит этот грипп. Наверное, и он заболел. Столько людей уже умерло. Конечно, если верить газетам.

— Боже мой! Неужели вы думаете?..

— Ну, вообще-то он не почернел, — нехотя признала миссис Мичер. — Говорят, они чернеют. Конечно, если верить газетам. Хотя, может, просто время еще не пришло, — добавила она в надежде, что все наладится. — Скоро к нему придет доктор. А так, он всем доволен. С ним сейчас Тото.

Салли разволновалась не на шутку. Как и у всех проживших какое-то время под одной крышей с Тото, у нее сложился вполне определенный взгляд на упомянутое четвероногое. Даже здоровому человеку с трудом удавалось выносить маленькое кудлатое существо с визгливым лаем, носившее гордое имя собаки и бросавшее тень на весь собачий род, а уж больному это вовсе не под силу. У нее сердце кровью обливалось при мысли о мистере Фоситте. Миссис Мичер, напротив, свято верила в целительную силу своего любимца. Эту веру не поколебало даже семилетнее знакомство с ним. Она считала: если Тото у изголовья, больному ничего не нужно, и стремилась почаще баловать страждущего.

— Я должна повидать его! — воскликнула Салли. — Бедняга!

— Ступайте. Его комнату вы знаете. Слышите? Тото с ним болтает, — благодушно заметила миссис Мичер. — Печенья хочет, вот в чем дело. Тото любит похрустеть после завтрака.

Когда Салли отворила дверь, больной с тоской в глазах повернулся и, увидев ее на пороге, просиял. Правда, сейчас мистер Фоситт обрадовался бы любому посетителю: его маленький гость явно засиделся и исчерпал терпение обычно радушного старика. А то, что вновь прибывшая оказалась его дорогой Салли, он воспринял как истинное чудо.

— Салли!

— Минуточку! Тото! На!

Тото при виде еды онемел, спрыгнул с кровати и, склонив набок голову, вопросительно уставился на печенье. Он был недоверчив, однако на этот раз клюнул на приманку и дал вывести себя в коридор. Салли швырнула печенье на лестницу, скользнула назад в комнату и захлопнула дверь. Тото тявкнул раза два то ли в знак благодарности, то ли от бессильной ярости и засеменил вниз. Мистер Фоситт вздохнул облегченно.

— Салли, вы явились как ангел милосердный. Почтеннейшая миссис Мичер заботится о моем благе, и я не устану преклоняться перед ее добротой, однако она заблуждается, полагая, что этот треклятый щенок сочетает в себе достоинства сиделки, чудодейственного снадобья и недели на курорте. Она упорно его мне подсовывает, а он все время лает, совсем как сейчас, когда вы с поистине женской находчивостью, которая выше всяких похвал, выставили его вон. Мне всякий раз кажется, что бьют молотом по листовому железу. Да, вы — неповторимая женщина. Ваши добрые дела блестят в злом мире.[78] Когда вы вернулись?

— Я только что прибыла в наемном ландо.

— И тут же забежали навестить старого друга? Ах, Салли дорогая, я признателен и польщен.

— Конечно, я зашла к вам. А вы думали, когда миссис Мичер сообщит мне, что вы заболели, я просто скажу «Ну и ну!» и заговорю о погоде? Что это вы? Решили всех перепугать? Миленький вы мой, вам очень плохо?

— Тысяча мышей изнутри грызет мне поясницу, и все время хочется холодненького. Да что я? Ваше присутствие лучше любого лекарства. Расскажите-ка мне, как нашей Салли понравилось за границей?

— Нашей Салли очень понравилось.

— Вы были в Англии?

— Проездом.

— Ну и как там? — нетерпеливо спросил мистер Фоситт.

— Сыро. Очень сыро.

— Так и должно быть, — снисходительно сказал мистер Фоситт. — Надо признать: как бы я ни был счастлив в этой стране, иногда я все же скучаю по прекрасным лондонским денькам: когда над улицами висит мягкий коричневый туман, мостовая сочится грязной жижей, а сквозь моросящий дождик видны желтые отблески «Погребка», которые сияют, как огни далекой гавани. Хотя, — прибавил мистер Фоситт, — говоря про «Погребок», я вовсе не желаю умалять достоинства других питейных заведений. Я провел множество прекрасных часов в «Линейке», да и в

«Рюмке» тоже. Знаете, Салли, вы многое упустили, не задержавшись в Англии.

— Упустила. Воспаление легких.

Мистер Фоситт укоризненно покачал головой:

— Это предрассудки, моя дорогая. Вы полюбили бы Лондон, если бы не испугались его мрачноватого вида. Однако где же вы тогда были? В Париже?

— Какое-то время. А потом уехала на юг, к морю. Там было чудесно. Наверное, я никогда бы не вернулась, если бы не дела. Ну и, конечно, я по всем вам соскучилась и хотела побывать на премьере у мистера Фостера. Миссис Мичер сказала, что вы видели репетицию.

— Я видел собачий бой, — сурово произнес мистер Фоситт. — Они сказали, что это репетиция. В наше время репетировали по-другому.

— Ох! Нежели все так плохо?

— Пьеса хорошая. Я бы даже сказал, превосходная. Есть над чем поразмыслить. Но играют они…

— Миссис Мичер сказала, что вы хвалили Эльзу.

— Наша почтеннейшая хозяйка ничего не перепутала. У мисс Доланд большие способности. Она чем-то напомнила мне Матильду Дивайн, под знаменем которой много лет назад я играл один сезон в Старом Королевском театре. У нее есть дар, но сейчас он пропадает попусту на мелкой роли. В пьесе только одна интересная роль — та, которую загубила мисс Мейбл Хобсон.

— Загубила! — У Салли упало сердце. Этого она и боялась, но не испытывала никакого удовлетворения от того, что ее предсказания сбылись. — Она настолько ужасна?

— Лицом она — ангел, но актерских способностей у нее не больше, чем у раскисшего пудинга, который наша дорогая миссис Мичер имеет обыкновение подавать по пятницам. За годы, проведенные в театре, я не раз сталкивался с тем, что можно назвать «Подруга продюсера в роли звезды». Мисс Хобсон затмила их всех. Помню, в девяносто четвертом отпрыск некоего богатого и влиятельного семейства решил пристроить девицу, к которой он воспылал чувствами, на роль, и для талантливого актера сложную. Моя роль была маленькая, второстепенная. И вот, на первой же репетиции, к, помнится, сказал своему дорогому другу Артуру Мозби, к несчастью, теперь давно уже покойному. Прекрасный был жён-премьер,[79] но, как и многие милые люди, любил закладывать за галстук. Так вот, помню, сказал я ему: «Артур, дорогой мой, я даю этой пьесе две недели». А он мне: «Макс, ты неисправимый оптимист. Один вечер,

дружище, не больше». Помню, мы даже поспорили на полкроны. Он выиграл. Премьеру играли в Вигане, нашу примадонну освистали, и на следующий день пьесу сняли с репертуара. Мне невольно вспомнился этот случай, когда я увидел мисс Хобсон на сцене.

— Ох, бедный Дж… бедный мистер Фостер!

— Не думаю, чтобы этот молодой человек заслуживал сочувствия, — строго сказал мистер Фоситт. — Вы, вероятно, мало знаете его, а вот я в последнее время виделся с ним довольно часто. Попомните мои слова, успех, если он к нему придет, скажется на нем очень плохо. Не нравится он мне, Салли. Думаю, не будет преувеличением сказать, что это самый эгоистичный молодой человек, которого я знаю. Он напоминает мне старину Билли Фотерджила, с которым я в конце восьмидесятых немало гастролировал. Я вам когда-нибудь рассказывал историю о том, как Билли и один театрал?..

Салли совершенно не хотелось слушать о приключениях мистера Фотерджила. Нелестный отзыв о Джеральде больно задел ее. Она уже собиралась броситься на его защиту, но тут увидела бледное осунувшееся лицо старика. В конце концов, он не хотел обидеть ее. Откуда ему знать про них с Джеральдом?

Она резко сменила тему:

— А Филлмора без меня не видели?

— Филлмора? Как же! На днях, как ни странно, столкнулся с ним на Бродвее. И вы знаете, он вроде бы изменился — уже не такой надутый и чопорный. Может, я к нему несправедлив, но в последнее время мне он порой казался немного высокомерным. Так вот, в эту нашу встречу все было по-другому. Он как будто даже обрадовался мне и был очень любезен.

Салли успокоилась. Видимо, подумала она, ее слова в тот прощальный вечер не пропали даром. Мистер Фоситт, однако, придерживался другой теории по поводу перемен в Избраннике судьбы.

— Осмелюсь предположить, — заметил он, — сказывается благотворное влияние этой юной леди, его невесты.

— Невесты? У Филлмора нет невесты!

— Неужели он не написал вам? Видимо, собирался сообщить при встрече. Да-да, Филлмор помолвлен. Она была с ним, когда мы встретились. Некая мисс Винч. Из театральных кругов, насколько я понял. Очаровательная юная леди и, как мне показалось, весьма разумная.

Салли покачала головой:

— Вряд ли. Филлмор никогда бы такую не выбрал. Волосы

морковного цвета?

— Нет, брюнетка, если не ошибаюсь.

— Наверное, разодета…

— Напротив, очень скромная и изящная.

— Тогда вы что-то напутали, — решительно сказала Салли. — Она не может быть такой. Надо будет самой взглянуть. Вы только подумайте, стоит человеку ненадолго уехать, как друзей уже косят болезни, а братьев водят за нос какие-то вампирши!

Стук в дверь прервал ее жалобы. Миссис Мичер ввела в комнату симпатичного низенького господина в очках и с черным чемоданчиком.

— К вам доктор, мистер Фоситт. — Миссис Мичер смотрела оценивающе, словно пытаясь разглядеть симптомы надвигающейся черноты. — Я как раз говорила ему, что вы наверняка подцепили эту новую форму гриппа — испанку. Этим утром умерли еще два человека. Конечно, если верить газетам…

— Не могли бы вы, — обратился к ней доктор, — принести мне стаканчик воды?

— Ну конечно.

— Только не большой. Маленький стаканчик. Дайте воде немного стечь, а когда будете подниматься, постарайтесь не расплескать. Я всегда прошу милых дам, как та, что сейчас нас покинула, — продолжил он, когда дверь за миссис Мичер закрылась, — принести мне стакан воды. Для них это развлечение, нам — спокойнее. Они думают, я собираюсь проделать с этой водой какой-то сложный трюк, а на самом деле, мне просто хочется пить. Что ж, приступим к осмотру.

Осмотр продолжался недолго, и его результаты опечалили доктора.

— Диагноз, который поставил наш добрый друг, оказался верным. Дорого бы я дал, чтобы это было не так, но это так. У вас действительно испанка. Случай не тяжелый. Оставайтесь в постели, а я выпишу вам рецепт. За вами требуется уход. Эта юная леди сиделка?

— Что вы! Вообще-то…

— Конечно, я сиделка, — решительно вмешалась Салли. — Это ведь не трудно, доктор? Я видела: сиделки взбивают подушки. Это я могу. Что-нибудь еще потребуется?

— Главная ваша задача — быть здесь и не впускать эту дивную говорливую леди, которая только что нас покинула. Кроме того, от вас потребуется метко бросать книги и туфли, когда сюда попытается проникнуть мохнатое существо, которое встретилось мне внизу. Если вы с этим справитесь, я могу со спокойным сердцем оставить больного на вас.

— Но Салли, дорогая моя! — обеспокоенно сказал мистер Фоситт. — Не стоит вам терять со мной время. У вас же наверное, тысяча дел.

— Прежде всего, я помогу вам выздороветь. Только выйду на минутку на почту и вернусь.

Через пять минут Салли отправила Джеральду телеграмму, в которой сообщила, что не сможет попасть в Детройт к премьере.

Глава VI ПЕРВАЯ ПОМОЩЬ ФИЛЛМОРУ

1

Салли смогла выехать из Нью-Йорка только в следующую пятницу. Она прибыла в Детройт в субботу утром и сразу направилась в гостиницу «Статлер». Удостоверившись, что Джеральд остановился здесь же, она позвонила ему в номер, чтобы спускался, пошла в ресторан и заказала завтрак.

Настроение у нее было неважное. Она устала, ухаживая за больным мистером Фоситтом, и не выспалась в поезде. Однако истинная причина ее подавленности была в Джеральде. Он говорил с ней по телефону вяло, без всякого энтузиазма, словно ее приезд после долгой разлуки был событием незначительным. Это ее обидело и озадачило.

Выпив чашку чая, Салли успокоилась. Мужчины по утрам всегда такие. Несомненно, сейчас в ресторан прибежит совсем другой Джеральд, оживленный и бодрый после холодного душа. Ну, а пока официант принес завтрак, и это было как раз то, что ей нужно.

Она наливала себе вторую чашку кофе, когда в ресторан вошел плотный молодой человек и встал в дверях, выискивая кого-то взглядом. Она уже успела заметить его краем глаза, когда он проходил через вестибюль, и заинтересовалась. До чего же этот человек похож на Филлмора, подумала Салли и тут же поняла, что это и есть Филлмор.

Она пришла в замешательство. Что он делает так далеко на Западе? Ей казалось, Филлмор не выезжает из Нью-Йорка. Хотя, конечно же, деловой человек не может сидеть на месте. В любом случае, он был здесь, и она окликнула его. С минуту Филлмор вертел головой во все стороны, кроме нужной, наконец увидел сестру и пошел к ее столику.

— Салли? Ну, надо же! — Держался он как-то нервозно, можно даже сказать, конфузился. Салли списала это на неспокойную совесть: решил вступить в брак без сестринского благословения и теперь не знает, как выложить ей эту новость.

— Что ты здесь делаешь? — продолжал он. — Я думал, ты в Европе.

— Я вернулась неделю назад и все это время ухаживала за несчастным мистером Фоситтом. Он болел, бедняжка. А сюда я приехала посмотреть пьесу мистера Фостера. Знаешь, «Путь иллюзий». Как прошла премьера?

— Не было никакой премьеры.

— Филлмор! Соберись! Премьера была в понедельник.

— Нет. Ты что, не слышала? Из-за этого жуткого гриппа все спектакли отменили. Театры закрыты. Это же было в газетах.

— Мне некогда читать газеты. Ох, Филл! Какая жалость!

— Да уж, тяжело. Все такие нервные, скажу тебе. Я тут просто с ног сбился.

— А ты-то при чем? Филлмор покашлял:

— Я… э… О! Совсем забыл сказать. Я, как бы… тоже занимаюсь спектаклем. Крэкнелл — помнишь, учился со мной в колледже, — предложил мне приехать, взглянуть на пьесу. Наверное, хочет, чтобы я вложил деньги, и все такое.

— Я думала, у Крэкнелла денег куры не клюют.

— Да, но, видишь ли, такие, как он, всегда не прочь поделиться с приятелем, если дело выгодное.

— А дело выгодное?

— Пьеса замечательная.

— Мистер Фоситт тоже так говорит. Но ведь Мейбл Хобсон…

Обширное лицо Филлмора дрогнуло:

— Салли! Это — ужасная женщина! Она не умеет играть и все время лезет командовать. Хотя бы эта история с ножом…

— С каким еще ножом?

— Нож для бумаги. Понимаешь, реквизит. Лежал не на месте. Я-то точно знаю, я тут ни при чем…

— Ты? — удивилась Салли. Видимо, влюбленность плохо подействовала на умственные способности Филлмора.

— Ну… э… знаешь, это бывает. Женщина в ярости… Она обвиняет первого, кто попадется на глаза… Этот нож…

Филлмор страдальчески затих.

— Мистер Фоситт говорил, что Эльза хорошо играет.

— Да, неплохо, — равнодушно отозвался Филлмор. — Но, знаешь, — тут лицо его прояснилось, а в голосе послышалось оживление, — если на кого и стоит взглянуть, так это на мисс Винч. Глэдис Винч. Играет служанку. Она только в первом акте, и слов у нее немного, вроде «Вы звали, мэм?» Но надо слышать, как она их говорит! Салли, это не девушка, а гений! Такой характерной актрисы давно не было! Запомни мои слова, совсем скоро ее имя будет сиять огромными буквами на Бродвее. Индивидуальность? Ха-ха! Обаяние? Нет слов! Красота?..

— Ладно! Ладно! Я все знаю, Филл. А теперь, может, расскажешь, как

ты осмелился сделать предложение, не посоветовавшись со мной?

Филлмор густо покраснел.

— О, так ты знаешь?

— Да. Мистер Фоситт сказал мне.

— Ну…

— Что, ну?

— Понимаешь, я ведь просто человек, — заявил Филлмор.

— Замечательное признание. Ты стал скромным, Филл. Он и впрямь изменился к лучшему за то время, что они не виделись. Словно кто-то проткнул его булавкой, и вся напыщенность вышла. Если это заслуга мисс Винч, как полагал мистер Фоситт, Салли целиком одобряла их роман.

— Я вас как-нибудь познакомлю, — пообещал Филлмор.

— Да, пожалуйста.

— Ну, мне пора. Вообще-то я искал Банбери. У меня с ним встреча.

— Кто такой Банбери?

— Режиссер. Наверное, завтракает у себя в номере. Пойду посмотрю.

— Надо же, ты *занят!* Чудо! Им повезло, что за ними присматривает такой человек!

Филлмор. ретировался, а Салли осталась ждать Джеральда. Она больше не обижалась на него. Бедняга! Неудивительно, что он показался ей расстроенным.

Он появился через несколько минут.

— Джерри, дорогой! — воскликнула Салли, когда он подошел к столу — Я только что узнала. Как жаль!

Джеральд сел. По телефону его голос звучал многообещающе, лицо все обещания исполнило. Он выглядел нервным и понурым.

— Мне, как обычно, повезло, — сказал он мрачно. — Такое могло случиться только со мной. Чертовы идиоты! Ну, скажи, какой смысл закрывать театры из-за этой эпидемии? Люди целыми днями толкутся в магазинах. Это не опасно. А в театрах почему-то опасно! Полный бред! Я вообще не верю, что она существует, эта испанка. Стоит кому-то подхватить насморк, как он уже кричит, что умирает. Сплошное притворство!

— Не думаю, что они притворяются, — возразила Салли. — Бедному мистеру Фоситту было действительно плохо. Потому я и не смогла приехать раньше.

Джеральда, кажется, не заинтересовала ни новость о болезни мистера Фоситта, ни то, что Салли, хоть и с опозданием, но, наконец, приехала. Он мрачно ковырялся ложечкой в грейпфруте.

— Мы торчим здесь который день. Всем надоело до смерти. Труппа разваливается. Они устали без конца репетировать, когда никто не знает, будет ли вообще премьера. Неделю назад все были полны энтузиазма, а теперь сдулись. Пьеса загублена! Мой шанс! Я упустил его!

Салли слушала его опустошенная. Она пыталась быть справедливой, не забывать, что он перенес ужасное разочарование. И все же… Как назло, больше всего ей не нравились мужчины, склонные жалеть себя. Страдало и самолюбие: приезд ее для него явно ничего не значил. Чувствуя себя предательницей, Салли невольно вспоминала то, что говорил о Джеральде мистер Фоситт. Никогда раньше она не замечала, что он так зациклен на себе. Сейчас он просто ткнул ее в это носом.

— А тут еще с этой Хобсон одни неприятности, — продолжал Джеральд, в отчаянии вонзая вилку в яичницу. — Не надо было ей давать роль, не надо. Ей не справиться. Эльза Доланд сыграла бы в тысячу раз лучше. На днях я дописал несколько строчек для Эльзу, так эта Хобсон просто взвилась. Ты не знаешь, что такое «звезда», пока не увидишь такой вот ходячий манекен. Мне пришлось целый час уговаривать ее чтобы она не бросила роль.

— А может, пусть бросит?

— Боже мой! Подумай хоть немного, — сварливо сказал Джеральд. — Ты полагаешь, этот Крэкнелл будет давать нам деньги, если она уйдет? Он тут же все прикроет, и что станет со мной? Ты, кажется, просто не понимаешь, какая мне выпала удача. Я буду идиотом, если откажусь.

— Понимаю, — коротко ответила Салли.

Она в жизни не чувствовала себя такой несчастной. Зря она ездила за границу. Возможно, путешествовать приятно, возможно, это расширяет кругозор, но когда возвращаешься, совершенно теряешь связь с людьми. Она проанализировала свои чувства и пришла к такому выводу: ее возмущало то, что Джеральд пытается создать какую-то двойственную ситуацию. Мужчина, когда у него неприятности, либо владеет собой и презирает жалость, либо совершенно разбит и ищет утешения у женщины. Джеральд выставлял напоказ свои беды, чтоб его пожалели, и в то же время воздвигал между ними барьер. Он требовал от нее сочувствия и одновременно отталкивал. Она казалась себе заброшенной и ненужной.

— Кстати, — сказал Джеральд, — вот еще что. Мне тут приходится все время вокруг нее увиваться, так что уж, пожалуйста, не проболтайся, что мы помолвлены.

Салли клацнула зубами. Это было слишком.

— Ну, знаешь! Если тебе так мешает…

— Не валяй дурака! — Джеральд прибегнул к пафосу. — Боже мой! Мне так трудно! Я так страдаю, а ты…

Прежде чем он закончил фразу, настроение Салли резко изменилось. Именно из-за таких перемен она иногда думала, что ей недостает характера. Внезапно ей в голову пришла простая утешительная мысль, полностью изменившая ее взгляд на происходящее. Все в мире представляется ей таким нескладным только потому, что она устала и еще не приняла ванну. Салли мгновенно успокоилась. Если Джеральд казался совсем чужим лишь потому, что она грязная и растрепанная, тогда все в порядке. Она быстро накрыла его руку своей ладонью.

— Прости меня, — сказала она покаянно, — я настоящая свинья. Я тебе очень сочувствую.

— Это были ужасные дни, — пробормотал Джеральд.

— Знаю, знаю. Но ты так и не сказал, что рад меня видеть.

— Само собой, рад.

— Тогда почему не скажешь? И почему не спросишь, как мне понравилось в Европе?

— А тебе понравилось?

— Да, если не считать того, что я соскучилась. Ну вот! На этом рассказы о путешествиях, пожалуй, закончим и перейдем к твоим неприятностям.

Джеральд откликнулся на призыв. Говорил он долго, часто повторяясь. Он явно и окончательно уверовал в то, что Провидение изобрело грипп исключительно для того, чтобы разрушить ему жизнь. Однако теперь он не сторонился сочувствия. После короткой грозы дышалось легче. Салли уже не казалось, что она лишняя.

— Так, — произнес Джеральд, взглянув на часы, — думаю, мне пора.

— Репетиция?

— Да, будь она неладна! Тут больше нечем заняться. Пойдешь?

— Только распакую вещи и помоюсь.

— Тогда увидимся в театре.

Салли встала и пошла к лифту, чтобы подняться к себе в номер.

2

Когда она пришла в театр, репетиция уже началась. Она вошла в темный зрительный зал, откуда доносились голоса, слабые и гулкие, как бывает в пустом помещении, и присела в последнем ряду. Когда ее глаза

привыкли к полумраку, она разглядела в первом ряду Джеральда, сидевшего рядом с человеком, лысину которого обрамлял оранжевый пушок. Она решила, что это мистер Банбери, режиссер, и не ошиблась. То тут, то там в зрительном зале виднелись актеры, не задействованные в первом акте. На сцене Эльза Доланд, очень приятная с виду, вела диалог с человеком в котелке. Когда Салли вошла, она как раз заканчивала реплику:

— Что это значит, отец?

— Пум-пурум, — загадочно ответил котелок. — Пум-пум пум-пум… дальше говорю-говорю-говорю и в конце: «Я буду в библиотеке». *Выходит.*

Он развернулся и пошел за кулисы.

Тут Салли впервые ощутила, насколько напряжена атмосфера. Мистер Банбери, по-видимому, человек с характером схватил стоявшую рядом с ним трость и изо всех сил швырнул ее на сцену.

— Стоп! — заорал он.

— Ну, что еще? — осведомился котелок, остановившись на полпути.

— Реплики надо произносить целиком, Тедди, — воскликнул Джеральд. — Ничего не пропуская.

— Вы что, хотите, чтобы я все проговаривал? — изумился котелок.

— Да!

— Всю эту ерунду целиком? — уточнил котелок, все еще не желая верить.

— Это репетиция! — взорвался мистер Банбери. — Если мы не будем делать, как положено, зачем вообще приходить?

Такой взгляд на вещи показался заблудшему Тедди если и не разумным, то, по крайней мере, имеющим право на существование. Он произнес свои слова и оскорбленно прошаркал за кулисы. Атмосфера была накалена. Теперь Салли это чувствовала. Театр, в сущности, — большой детский сад, а его обитатели — малыши, готовые, чуть что, капризничать. Неопределенность, гостиница в чужом городе, бесконечные репетиции, повторение фраз, которые до блеска отшлифованы еще неделю назад, — все это расшатывало нервы актеров и подрывало дисциплину. Любой пустяк приводил к скандалу.

Эльза Доланд подошла к двери и позвонила, потом, взяв со столика журнал, уселась в кресло возле рампы. Через мгновение на сцену вышла молодая женщина, которую мистер Банбери приветствовал яростным ревом:

— Мисс Винч!

Вновь прибывшая остановилась и взглянула на режиссера. В отличие

от человека в котелке, во взгляде ее не было страдания. Она смотрела добродушно и снисходительно, словно пришла на утренник развлекать детишек. Это была жизнерадостная, здоровая, немного квадратная девушка. Несмотря на серьезный вид, в уголках ее рта пряталась едва заметная улыбка. Она была совсем некрасивой, и Салли, разглядывая ее с живым интересом, удивлялась, что Филлмор сумел увидеть под этой невзрачной внешностью подлинное очарование. Где-то глубоко внутри ее брата, решила Салли, несомненно, тлеет искра разума.

— Да? — благожелательно отозвалась мисс Винч.

Мистер Банбери совсем разволновался:

— Мисс Винч, я просил вас не жевать резинку во время репетиции или нет?

— Просили, — дружелюбно согласилась мисс Винч.

— Тогда почему вы жуете?

Прежде чем ответить, невеста Филлмора в раздумье повертела жвачку языком.

— Это для дела, — объявила она наконец.

— Для какого еще дела?

— Вживаюсь в роль, — пояснила мисс Винч, приятно растягивая слова. — Моя находка. Все горничные жуют жвачку.

Мистер Банбери порывисто взлохматил свои оранжевые волосы правой рукой.

— Вы когда-нибудь видели горничную? — спросил он в отчаянии.

— Да, сэр. И она жевала.

— Я говорю о горничной из приличного дома, — простонал мистер Банбери. — Вы можете хоть на минуту представить, что в приличном доме горничной позволили бы войти в гостиную с этой дрянью во рту?

Мисс Винч досконально обдумала вопрос.

— Может, вы и правы. — Тут она просияла. — Придумала! Мистер Фостер мог бы дописать несколько реплик. Эльза делает мне замечание — я остроумно возражаю. Она мне в ответ еще что-то, а я ей опять что-нибудь смешное, и так далее. У нас бы вышла комическая сцена. Пять-шесть минут. Весь зал лежит.

Услыхав столь оригинальное предложение, режиссер обомлел. Дар речи еще не вернулся к нему, когда из-за кулис на сцену выпорхнуло прелестное создание в голубом бархате и такой изящной шляпке, что Салли внезапно охватила зависть.

— Так!

Природа щедро одарила мисс Мейбл Хобсон: безупречная фигура,

прелестное лицо и копна золотых волос. А вот про мелодичный голос как-то позабыла. Звуки, которые издавала мисс Хобсон в минуты душевного волнения, больше походили на павлиний крик.

— Теперь послушайте меня! Мистер Банбери вышел из транса.

— Мисс Хобсон! Пожалуйста!

— Да, я все знаю…

— Вы прерываете репетицию!

— Совершенно верно, прерываю, — согласилась мисс Хобсон. — И если хотите немного подзаработать, можете поспорить с кем угодно, что я буду прерывать ее снова и снова, каждый раз, когда услышу эти разговорчики. Дописать кому-то слова! Не будет этого, пока я здесь!

Молодой человек с желтыми волосами вышел из-за кулис вслед за разгневанной дамой и попытался успокоить бурю.

— Дорогая!

— Заткнись, Реджи! — отрубила она.

Мистер Крэкнелл послушно заткнулся. Он не был одним из этих брутальных троглодитов. Втянув голову в высокий воротничок, он принялся грызть набалдашник своей тросточки.

— Главная роль у меня, — горячилась мисс Хобсон. — Вы считаете, что нужно увеличить чью-то роль, кроме моей? Извините, это просто смешно! Если кому-нибудь в сценарии добавят хоть полслова, я тут же разворачиваюсь и ухожу. Вы оглянуться не успеете, как меня здесь не будет.

Мистер Банбери вскочил на ноги и замахал руками.

— Бога ради! Мы репетируем, или у нас тут дискуссионный клуб? Мисс Хобсон, никто никому ничего не собирается дописывать. Вы довольны?

— Она сказала…

— О, ерунда, — спокойно заметила мисс Винч. — Так, в голову пришло. Я забочусь только о спектакле.

— Дорогая! — взмолился мистер Крэкнелл, как черепаха, высовываясь из воротничка.

Мисс Хобсон неохотно дала себя уговорить.

— Ну что ж. Хорошо, если так. И все же не забывайте, я умею за себя постоять, — сообщила она, хотя это вряд ли было новостью для тех, кто имел честь с ней общаться. — Одна строчка, и я уйду. Так быстро, что у вас голова закружится.

Она исчезла за кулисами, мистер Крэкнелл засеменил следом.

— Я уже могу сказать свою реплику? — осведомилась мисс Винч со

сцены.

— Да-да, продолжаем репетицию. Мы и так уже пол утра потеряли.

— Вы звали, мэм? — обратилась мисс Винч к Эльзе, которая все это время мирно читала журнал.

Репетиция продолжалась, Салли следила за актерами с замиранием сердца. Дела шли неважно. Это мог заметить даже такой новичок, как она. Бесспорно, мисс Хобсон была необычайно красива. Она блистала бы в любой роли, где нужно мало говорить и много переодеваться. В серьезной пьесе безупречная внешность лишь подчеркивала полную ее бездарность. Салли вспоминала рассказ мистера Фоситта об актрисе, которую освистали в Вигане, и понимала, что провал неизбежен. Американские театралы готовы стерпеть от юной красавицы многое, однако всему есть пределы.

В первом ряду раздался неистовый вопль. Мистер Банбери был опять на ногах. Салли вдруг стало интересно: это сегодняшнее утро на удивление не задалось или так у него каждый день?

— Мисс Хобсон!

Действие драмы только что забросило эту эмоциональную даму в правый угол сцены, к письменному столу. Стол играл в пьесе важную роль. Он символизировал работу, которая по ходу пьесы целиком засосала ее мужа и разбила ее сердце. Дошло до того, что супруг предпочитал молодой жене этот вот стол. Ну, кто такое стерпит?

— Так! — Мисс Хобсон из убитой горем супруги мгновенно превратилась в оскорбленную примадонну. — Что еще?

— На прошлой репетиции, впрочем, так же, как на позапрошлой и поза-позапрошлой я говорил, чтобы в этом месте вы взяли со стола нож для бумаги и рассеянно играли с ним. Вчера вы это сделали, сегодня опять забыли.

— Боже мой! — вскричала мисс Хобсон, задетая за живое. — Это просто неслыханно! С каким ножом, скажите на милость, я буду рассеянно играть, когда здесь вообще нет ножа?

— Нож лежит на столе.

— Его там нет.

— Нет ножа?

— Нет ножа. И сколько можно ко мне придираться? Я все-таки актриса, я не занимаюсь реквизитом. Если вам хочется к кому-нибудь придираться, так придирайтесь к своему ассистенту.

Кажется, этот совет пришелся мистеру Банбери по вкусу. Он откинул голову и взвыл как цепной пес.

Какое-то время не происходило ничего. Потом из-за кулис робко

возникла крупная неуклюжая фигура со сценарием в руках. На лице вновь прибывшего отражались самые мрачные предчувствия. Это был Филлмор, Избранник судьбы.

3

Увы, бедный Филлмор! Он стоял посреди сцены, и на его беззащитных щеках играли отблески пылавшего в мистере Банбери гнева. Оправившись от изумления, Салли по-сестрински ему посочувствовала. Ей не часто случалось жалеть Филлмора. Он был из тех, кто в пору процветания занимает слишком много места, а потому мелкие горести, которые приключались с ним в последние годы, Салли считала скорее полезными и поучительными. Это был повод для радости, а не для беспокойства. Равнодушно взирала она, как в эти тощие годы он питался исключительно кофе и гречишными оладьями, а из соображений экономии избрал несколько кричащий стиль в одежде. Однако на этот раз было иначе. На этот раз произошла трагедия. С его банковским счетом приключилось что-то губительное, и он вернулся туда, откуда начал. Его присутствие могло значить только это.

Салли вспомнились его россказни о финансировании пьесы. Как это похоже на Филлмора! С помощью такого грубого обмана он пытался отсрочить позор, а ведь знал, что рано или поздно правду придется открыть. Она поняла, каково ему было встретить ее в гостинице. Да, она его пожалела.

Слушая неистовую речь мистера Банбери, она поняла, что для этого у нее есть все основания. Филлмору приходилось несладко. Один из основных пунктов в символе веры у театральных режиссеров — если что-нибудь идет неправильно, виноват ассистент. Мистер Банбери, судя по всему, был правоверным режиссером. Он выказал недюжинные ораторские способности. Нож для бумаги вдохновил его. Постепенно Салли поняла, что этот безвредный на вид предмет — источник всякого зла. Один раз он уже исчезал; теперь исчез снова. Могли мистер Банбери продолжать жить, когда в мире такое творится? Вряд ли. Конечно, как стопроцентный американец, он готов был попытаться, но шансы на успех оценивал как один к ста. Ему нужен нож для бумаги. Ножа нет. Почему нет? Где он, в сущности?

— Уверяю вас, мистер Банбери, — жалобно блеял несчастный Филлмор. — Вчера после репетиции я положил его вместе со всем

реквизитом.

— Видимо, нет.

— Я точно положил.

— У него, наверное, выросли ножки, — с холодным презрением сказала мисс Хобсон, на секунду прекращая подкрашивать нижнюю губу.

И тут раздался спокойный ясный голос:

— Нож забрали.

В полемику вступила мисс Винч. Она стояла рядом с Филлмором, мирно жуя жвачку. Чтобы поколебать ее душевное равновесие, требовалось нечто большее, чем громкие голоса и машущие руки.

— Мисс Хобсон взяла его, — продолжала она, уютно растягивая слова. — Я видела.

Волнение в суде. Обвиняемый, который уже оплакивал горькую судьбу, благодарно выпучил на адвоката глаза. Обвинитель, мистер Банбери, схватившись за голову, очевидно, уже жалел, что так раздул эту историю. Мисс Хобсон, атакованная какой-то мелюзгой, взвилась и выронила помаду, которую ловко подхватил неутомимый мистер Крэкнелл. У него были свои недостатки, но помады ловить он умел.

— Что? *Я* взяла? Да ничего подобного!

— Вчера после репетиции мисс Хобсон взяла нож, — продолжала мисс Винч, обращаясь к миру в целом, — и рассеянно метнула его в театрального кота.

Мисс Хобсон, кажется, начинала что-то припоминать. Последовавшее за этим замечание мистера Банбери не вернуло ей спокойствия. Режиссер, как и все остальные, последние дни жил в страшном напряжении и, хотя обычно он предпочитал не связываться с темпераментными актрисами, история с пропавшим ножом глубоко ранила его душу, так что ему просто необходимо было высказаться.

— Я буду вам очень признателен, мисс Хобсон, если в дальнейшем, выясняя отношения с котами, вы не будете трогать реквизит. Боже мой! — воскликнул он, осознав вдруг, как жестоко обошлась с ним судьба. — Я никогда такого не видел! Я всю жизнь провел в театре. Я работал с Назимовой. Она не швыряла ножами в кошек.

— Ненавижу кошек, — сказала мисс Хобсон.

— Котя-котик, — пробормотала мисс Винч, — серенький животик, бархатная спинка…

— Боже мой! — Джеральд Фостер вскочил на ноги и присоединился к участникам дебатов. — Мы что, целый день будем спорить о ножах, о котах? Ради Бога, очистите сцену! Хватит время терять.

Мисс Хобсон решила истолковать его слова как публичное оскорбление в свой адрес.

— Не орите на меня, мистер Фостер!

— Я на вас не орал.

— Если хотите мне что-то сказать, возьмите тоном пониже.

— Он не сможет, — заметила мисс Винч. — У него тенор.

— Назимова никогда… — начал мистер Банбери.

Мисс Хобсон не собиралась отвлекаться. Она еще не закончила с Джеральдом.

— В спектаклях, где я играла, — ядовито начала она, — автору не позволяли всюду лезть и хамить ведущей актрисе. В спектаклях, где я играна, автор сидел в задних рядах и говорил, когда к нему обращались. В спектаклях, где я играла…

Тут Салли не выдержала. Все это напоминало собачью драку на пляже в Ровиле. Ей хотелось поучаствовать, и держалась она в стороне лишь потому, что сознавала: это — частная вечеринка, и она здесь чужая. Все же соблазн влезть в драку был до того велик, что она почти бессознательно встала с места и побрела по проходу, поближе к раскаленному центру событий. Она вступила в освещенное пространство у оркестровой ямы и тут попалась на глаза мисс Хобсон, которая, изложив свои взгляды на авторов и их законные обязанности, искала новый объект для нападения.

— Это еще кто такая? — спросила мисс Хобсон.

Салли внезапно оказалась в центре всеобщего пристального внимания и пожалела, что оставила полумрак задних рядов.

— Я — сестра мистера Николаса. — Лучшего способа объяснить, кто она такая, она не нашла.

— Что за мистер Николас?

Филлмор робко пояснил, что он и есть мистер Николас. Он говорил, как преступник на скамье подсудимых, который признает свою вину по главному пункту обвинения. По крайней мере, многие удивились. До сих пор Филлмор был для них безымянным персонажем, отзывающимся на окрик «Эй!».

Услышав это, мисс Хобсон расхохоталась так горько, что даже сильные мужчины побледнели, а у содрогнувшегося мистера Крэкнелла чуть не отлетел воротничок.

— Дорогая! — заныл он.

Мисс Хобсон объявила, что мистер Крэкнелл ей уже поперек горла стоит, и посоветовала ему исчезнуть, что он и сделал, спрятавшись в свой воротник. Кажется, только там он чувствовал себя в безопасности.

— Хватит! — заявила мисс Хобсон. Как ни странно, присутствие Салли стало для нее последней каплей. — Никогда в жизни я не играла в таком дрянном спектакле. Я многое готова стерпеть, но когда какому-то ассистенту позволено таскать в театр своих сестер, кузин, теток… Я ухожу!

— Дорог-а-ая! — жалобно начал мистер Крэкнелл, выныривая на поверхность.

— Да заткнешься ты когда-нибудь? — отрезала мисс Хобсон и, круто развернувшись, как голубая пантера, зашагала прочь. Дверь с треском хлопнула. Этот звук, кажется, вернул мистеру Крэкнеллу способность двигаться. Он припустил следом и тоже исчез.

— Привет, Салли, — сказала Эльза, выглядывая из-за журнала. Бушевавшая вокруг битва ничуть ее не встревожила. — Когда ты вернулась?

Салли быстро прошла по мосткам, перекинутым над оркестровой ямой.

— Привет, Эльза.

Участники дебатов группками разбрелись по залу. Мистер Банбери и Джеральд мерили шагами центральный проход, о чем-то жарко споря. Филлмор рухнул на стул.

— Ты знакома с Глэдис Винч? — спросила Эльза.

Салли обменялась рукопожатием с путеводной звездой Филлмора. При ближайшем рассмотрении у мисс Винч оказапись темно-серые глаза и веснушки. Салли почувствовала, как растет ее симпатия к этой девушке.

— Спасибо, что спасли Филлмора от волков, — сказала она. — Если б не вы, его бы разорвали на части.

— Ну, не знаю, — сказала мисс Винч.

— Это было благородно.

— О!…

— А теперь, — сказала Салли, — пойду, поговорю с ним. Кажется, ему требуется утешение.

И она направилась к живописным развалинам.

4

Филлмор, судя по виду, не верил, что все уже кончилось. Дикий испуг застыл у него на лице, дышал он тяжело.

— Не вешай носа! — сказала Салли. Филлмор затрясся, как желе.

— Теперь рассказывай. — Она уселась рядом с ним. — Я оставляю состоятельного джентльмена, а по возвращении обнаруживаю нищего батрака. Что произошло?

— Салли, — начал Филлмор, — буду с тобой откровенным. Одолжи десять долларов.

— Не представляю, как из этой бумажки ты соорудишь ответ на вопрос, но держи.

— Спасибо. — Филлмор сунул деньги в карман. — Верну на следующей неделе. Хочу сводить мисс Винч куда-нибудь пообедать.

— Если тебе для этого нужно, считай, что это не ссуда, а подарок. Прими его с моим благословением в придачу.

Она оглянулась через плечо на мисс Винч, которая, воспользовавшись возникшей паузой, практиковалась в гольфе, вооружившись вместо клюшки зонтиком.

— Неужели у тебя хватило ума влюбиться в нее, Филл?

— Она тебе нравится? — просиял он.

— Я ее просто полюбила.

— Я так и думал. Она ведь как раз то, что мне нужно. Правда?

— Безусловно.

— Такая участливая.

— Да.

— И добрая.

— Да. И ума у нее хватит на двоих, а это именно то количество, которое необходимо твоей будущей жене.

Филлмор расправил плечи и посмотрел на нее свысока, насколько это возможно для полного человека, сидящего на низком стульчике.

— Придет день, и ты поверишь в меня, Салли.

— Хватит разыгрывать из себя акулу бизнеса, — сказала Салли твердо. — Чем предсказывать будущее и тратить мое драгоценное время, лучше объясни, как ты дошел до такой жизни. У тебя совсем ничего не осталось?

— Я понес некоторые потери, — начал Филлмор с достоинством. — Вследствие чего временно… Ни единого цента, — закончил он.

— Как это случилось?

— Ну… — Филлмор колебался. — Знаешь, мне не повезло. Сперва я купил акции железнодорожных компаний, играл на повышение, а они упали. Так что ничего не вышло.

— Да?

— Потом я купил русские рубли. Думал, они будут падать, а они

выросли. Опять не вышло.

— Боже милостивый! Ведь я все это уже слышала!

— Кто тебе рассказал?

— Да нет. Просто ты похож на человека, с которым я познакомилась в Ровиле. Он рассказывал мне историю своей жизни. Так вот он заваливал все, за что ни брался. Похоже на тебя, правда?

— Не особенно. У меня оставалось еще несколько тысяч, и я вступил в дело, которое выглядело абсолютно надежным.

— Не вышло?

— Только я тут ни при чем, — ответил Филлмор ворчливо. — Жутко не повезло. Один мой знакомый уговорил меня вступить в синдикат. Они купили море виски и собирались толкнуть его в Чикаго. Его доставили в бочках из-под селедки. Мы бы сорвали большой куш, но болван полицейский сунулся туда с ломом. Вот зануда! На бочках ведь ясно было написано: «Сельдь»! — Он содрогнулся. — Меня чуть не арестовали.

— Не вышло. Ну что ж, хоть чему-то можно порадоваться. Полосочки тебя полнили бы.

Салли погладила его руку. Она очень любила Филлмора, хотя обычно, для его же блага, скрывала нежные чувства и держала себя с ним, как она сама однажды совершенно

справедливо заметила, на манер гувернантки, изводившей их в далеком детстве.

— Ничего, бедный ты мой страдалец! Все еще наладится. Однажды мы увидим тебя миллионером. Господи, Филлмор, каким же занудой ты опять станешь! Я просто вижу, как ты даешь интервью и учишь жизни молодежь: мистер Николас добился успеха лишь благодаря упорному труду. Положа руку на распухший жилет, он может сказать: «Ни разу в жизни я не искал легких денег: когда покупаешь акции и думаешь, что они будут расти, а они падают, или думаешь, что они будут падать, а они растут». Филл… Знаешь, что я сделаю? Говорят, чтобы выстроить большое состояние, самое важное — начальный капитал. Я одолжу тебе денег.

— Правда?! Салли, я всегда говорил, ты — просто класс.

— Первый раз слышу. Наверное, бормотал себе под нос.

— Мне нужно двадцать тысяч.

Салли успокаивающе похлопала его по руке.

— А теперь медленно спустись на землю, — сказала она. — Я имела в виду двести долларов.

— Но мне нужно двадцать тысяч.

— Тогда лучше ограбить банк. Дорогу тебе подскажет любой

полицейский.

— Я скажу тебе, *для чего* мне двадцать тысяч.

— Да уж, пожалуйста.

— Будь у меня эти деньги, я бы перекупил у Крэкнелла постановку. Вот сейчас он вернется и скажет, что эта Хобсон играть отказывается, а если она уйдет, будь уверена, он все прикроет. Даже если на этот раз ему удастся ее уговорить, все равно рано или поздно это случится. Такая пьеса пропадает! Салли, я верю в успех. С Эльзой Доланд в главной роли у нас получится замечательный спектакль.

Салли вздрогнула. Деньги у нее появились совсем недавно, и она еще не успела привыкнуть к ним. Она не сознавала, что теперь ей достаточно просто взмахнуть волшебной палочкой и пожелать чего угодно. Театральные постановки всегда представлялись ей чем-то загадочным и для простых смертных недосягаемым. Филлмор, мысливший масштабно, показал ей, что это не выходит за рамки возможного.

— Конечно, он уступит дешевле, но нам самим для начала понадобятся какие-то средства. Придется немного потратиться. Я дам тебе десять процентов.

Салли колебалась. Свойственная ей осторожность, благодаря которой до сих пор ей удавалось без потерь выбираться из всех жизненных передряг, сейчас, как ни странно, дремала. Где-то в подсознании Салли понимала: Филлмор, учитывая его послужной список, решительно не тот человек, которому можно доверить деньги. Однако почему-то эта мысль ее не останавливала. Она была во власти фантазий.

— Это просто золотая жила!

Осторожность беспокойно заворочалась во сне — Филлмор неудачно выбрал выражение. Слова «золотая жила» у новичка в мире финансов вызывают неприятные ассоциации. Салли поклялась себе не вкладывать деньги во всевозможные золотые прииски и жилы. Вообще-то она подумывала об одном из этих магазинчиков для состоятельных людей, которые называются «Синяя птица», «Уютный уголок» или что-нибудь в этом духе и торгуют безделушками по заоблачным ценам. У нее было два-три знакомых, которые открыли такой бизнес и неплохо в нем преуспели. Когда Филлмор заговорил о золотой жиле, «Уютный уголок» вдруг показался ей удивительно заманчивым.

И тут одновременно случились две вещи. Драматург и режиссер, прогуливавшиеся по проходу, подошли к рампе, и она увидела лицо Джеральда. В ту же минуту в зал ворвался Реджинальд Крэкнелл, всем видом напоминая гонца, несущего дурные вести.

Один взгляд на Джеральда — и Салли позабыла о всякой осторожности. «Уютный уголок», минуту назад весело сиявший перед ее мысленным взором, задрожал и растаял. Все стало понятно и просто. Джеральд был несчастен, она могла сделать его счастливым. Он угрюмо ждал катастрофы, одного ее слова было достаточно, чтобы спасти его. Салли удивлялась, над чем тут вообще размышлять.

— Хорошо, — просто сказала она.

Филлмор задрожал всем телом. Даже мощный электрический разряд вряд ли произвел бы такое действие. Прежде ему никогда не удавалось одним лишь красноречием обратить в бегство осторожную и здравомыслящую Салли. Свои шансы он оценивал примерно как один к ста.

— Ты согласна? — прошептал он, сдерживая дыхание. В конце концов, может, он просто ослышался.

— Да.

Многообразие чувств, охвативших душу Филлмора, вылилось в безбрежный рев. Отражаясь от стен, он пронесся по пустому театру наподобие трубного гласа и гулким эхом зазвенел на галерке. Мистер Банбери, вполголоса беседовавший с мистером Крэкнеллом у рампы, вздрогнул, как испуганный мул. Во взгляде, который он бросил на Филлмора, были и упрек, и угроза. Минутой раньше это превратило бы финансового магната в бесформенную кашу. Однако теперь Филлмор не обращал внимания на какие-то там взгляды. Он шагнул к рампе.

— Крэкнелл, — сказал он важно, — можно тебя на пару слов?

Глава VII НЕКОТОРЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ УСПЕХЕ

Актеры и актрисы, как дети, с легкостью огорчаются, если с ними приключается несчастье, однако, как и дети, они с легкостью приободряются, стоит удаче улыбнуться им. Салли и не предполагала, что простому смертному по силам вот так осчастливить всех вокруг, между тем ей это удалось, нужно было просто одолжить брату двадцать тысяч. Даже золотой век вряд ли принес бы в труппу подобное согласие. Пелена апатии и уныния, покрывшая актеров за неделю простоя, исчезла без следа. Головокружительный взлет Филлмора, который из жалкого бутафора превратился во владельца постановки, показался им по-настоящему драматичным. Почти все они играли в пьесах, где к одиннадцати вечера нечто подобное происходило с многострадальной героиней. Так что ситуация потрясла их своей театральностью. Кроме того, теперь, когда мисс Хобсон ушла, все были согласны, что она только портила все.

В душах воцарился оптимизм, и по труппе поползли бодрые слухи. Котелок-Тедди доподлинно знал от гостиничного лифтера, что театры откроют самое позднее во вторник, в то время, как другой авторитетный источник, продавщица из табачного киоска, сообщила человеку, игравшему дворецкого, что в Толедо и Кливленде театры открываются уже завтра. Все чувствовали, что вот-вот сквозь облака проглянет солнце, судьбе вскоре надоест издеваться над приличными людьми, и она прекратит это глупое занятие.

Филлмор опять стал самим собой. У каждого из нас есть особая манера выражать бурную радость, была она и у Филлмора, который обзавелся новым жилетом в придачу к сотне сигар по полдоллара за штуку и стал крайне разборчив в еде. Возможно, виной тому была оптическая иллюзия, однако Салли казалось, что в первый же день новой жизни он прибавил как минимум шесть фунтов. В бытность свою рабом, приглядывающим за ножами и прочим реквизитом, он немного похудел. Теперь его силуэт приобрел мягкие округлости. И когда он останавливался на тротуаре против театра, упиваясь афишей, на которой значилось

ФИЛЛМОР НИКОЛАС
представляет,

простому люду приходилось делать порядочный крюк, чтобы его обогнуть.

В эту пору, когда вокруг нее ключом била радость, казалось бы, и сама Салли, которая, как фея-крестная, устроила все это, должна быть абсолютно счастлива, однако, к ее собственному недоумению, счастливой она себя не чувствовала. Какое-то неясное облачко омрачало ее мысли, никак не желая оформиться и подойти поближе. И вот, наконец, однажды вечером, когда Джеральд нанял автомобиль и пригласил ее на загородную прогулку, ее озарило.

С тех пор, как ушла мисс Хобсон, Джеральд пребывал в наилучшем расположении. Подобно Филлмору, он был из тех, кто меняется в лучах благоденствия. От дурного настроения не осталось и следа, былое обаяние вернулось к нему. И все же… Машина бесшумно катила по живописным лесам и полям вдоль реки, а Салли казалось, что что-то не так.

Джеральд добродушно болтал. Уж он-то вполне был доволен жизнью. Он разглагольствовал о том, что собирается Делать дальше.

— Если пьесу ждет успех, а так и будет, я им еще покажу! — Челюсть его принимала квадратные очертания, а направленный в счастливое будущее взгляд сверкал. — Удача — вот все, о чем я прошу, а уж там… До сих пор мне не везло, но…

Он все говорил и говорил, но Салли уже не слушала. Стояло время года, когда густая послеполуденная жара мгновенно сменяется вечерней прохладой. Солнце скрылось за деревьями, с реки подул холодный ветер. И внезапно, словно ветер очистил ее мысли, она поняла, что не давало ей покоя все эти дни. Она увидела нагую правду, и мир для нее померк. Салли поняла основное различие между мужским и женским взглядом на жизнь.

Успех! Как преклоняются перед ним мужчины, и как мало их интересует что-либо иное. По иронии судьбы, именно об этом шла речь в пьесе Джеральда, которую она спасла от гибели. Среди ее знакомых много ли таких, которые видят в жизни что-то, кроме бесконечной погони за успехом, на достижение которого нужно бросить все силы? Филлмор, Джеральд… И у того, и у другого в жизни есть любовь, но стоит она на втором месте — что-то, о чем можно подумать в свободное от работы время. Для нее Джеральд — все. Его успех всегда был чем-то второстепенным и интересовал ее постольку поскольку. Ей достаточно его самого, без прикрас. А вот Джеральду ее одной мало. Салли затрясло от бессмысленной ревности.

— Замерзла? — спросил Джеральд. — Скажу шоферу, чтоб ехал обратно… Не вижу причин, почему бы этой пьесе не продержатся в Нью-

Йорке год. Всем она нравится. Если дела пойдут удачно, за мной еще будут бегать, и я…

Салли смотрела на раскинувшийся вокруг суровый мир. Небо покрывали свинцово-серые тучи, с реки тянуло ледяным холодом.

Глава VIII МИСТЕР КАРМАЙЛ И РЫЖИК ПОЯВЛЯЮТСЯ ВНОВЬ

1

В следующую субботу, когда Салли уезжала из Детройта в сопровождении Филлмора, который на несколько дней возвращался в Нью-Йорк, чтобы отметиться на Бродвее и снять контору, она пребывала в совершенно ином настроении. Она уже винила себя за то, что была такой капризной, просто отвратительной. Естественно, мужчинам хочется преуспеть. Такая уж у них работа. Тем более, от успеха Джеральда зависело и ее положение. Так что последнее дело — жаловаться на то, с каким усердием он старается ей же на пользу.

В такое расположение ее привели отчасти приятные события последних дней. Детройт, город доброжелательных зрителей, полюбил «Путь иллюзий». Как и пророчествовал Тедди, театры открылись во вторник, и публика, за неделю истосковавшаяся по развлечениям, валила валом, от всей души приветствуя спектакль. Газеты, которые далеко не всегда соглашаются с мнением побывавших на премьере, на этот раз были на удивление единодушны: Джеральда провозгласили подающим надежды драматургом, а Эльзу Доланд — подающей надежды звездой. Даже Филлмора назвали подающим надежды продюсером. И все-таки не обошлось без ложки дегтя: торжество Филлмора чуть не испортил тот факт, что Глэдис Винч упоминалась лишь однажды; какая-то газета поместила ее фамилию, превратившуюся в Ванч, среди «в спектакле также заняты».

— Одна из величайших характерных актрис на современной сцене… — горевал он, обсуждая с Салли этот возмутительный эпизод наутро после премьеры.

Однако благодаря своей жизнерадостной натуре он довольно быстро оправился от этого удара. Все вокруг сияло, и черной неблагодарностью было бы роптать на судьбу из-за одного облачка на горизонте. Всю неделю спектакль делал прекрасные сборы. Эльза Доланд день ото дня играла все лучше. Немало радости доставила и телеграмма от мистера Крэкнелла, который хотел выкупить постановку; очевидно, со временем мисс Хобсон смягчилась. Однако самое главное — в один из вечеров на спектакль

пришел великий Айк Шуман, которому принадлежала половина нью-йоркских театров. В Детройте он присматривал за постановкой своего мюзикла и оценил «Путь иллюзий» на отлично. Так что, Филлмор, сидя напротив Салли в поезде, излучал довольство и важность.

— Пожалуй, нужно, — прервала затянувшуюся паузу Салли.

Филлмор очнулся от счастливых грез:

— Э?

— Говорю, нужно. Положение, как-никак, обязывает.

— Что нужно-то?

— Купить шубу. Разве ты не об этом размышлял?

— Не валяй дурака, — сказал Филлмор, все же покраснев.

За прошедшую неделю он, как сказал бы мистер Банбери, рассеянно играл этим словом. А почему бы и нет? Нельзя же Мерзнуть.

— С каракулевым воротником, — не отступалась Салли.

— Вообще-то, — величественно сказал Филлмор, возвышенная душа которого не принимала подобных шуток, — я обдумывал предложение Айка.

— Айка?

— Айка Шумана. Он в поезде. Только что его видел.

— Мы уже зовем его Айк!

— Само собой, я зову его Айк, — сказал Филлмор разгневанно. — Все его так зовут.

— И у него есть шуба, — пробормотала Салли. Филлмор изобразил усталость.

— Ты оставишь в покое эту проклятую шубу? Собственно говоря, почему я не могу ее купить?

— Филл!.. Как ты жесток со мной! Разве я когда-нибудь говорила, что не можешь? Я — самая горячая сторонница шубы. С такими большими манжетами. Ты покатишь в своем автомобиле по Пятой авеню, а я буду показывать на тебя и говорить: «Вот мой брат!» — «Ваш брат? Быть того не может!» — «Правда-правда». — «Да нет, вы шутите. Это же сам Филлмор Николас». — «Знаю. И все же он мне брат. Мы даже вместе покупали шубу».

— Хватит уже про шубу!

— Да что, шуба… — скажу я. — Главное внутри. Завернувшись в мех, пыхтя долларовой сигарой, там скрывается тот, о ком мы с гордостью говорим…

Филлмор холодно взглянул на часы:

— Мне нужно повидаться с Айком Шуманом.

— Айк уже назначает нам свидания.

— Он хочет поговорить о спектакле. Предлагает сперва поехать с ним в Чикаго, а уж потом — в Нью-Йорк.

— О нет! — воскликнула Салли в ужасе.

— А что такого?

Салли понемногу приходила в себя. Спектакль для нее неразрывно был связан с Джеральдом, и на мгновение ей показалось, что, если пьесу повезут в Чикаго, разлука с ним затянется. Однако она тут же поняла: конечно же, постоянного его присутствия не потребуется, и через несколько дней Джеральд вернется в Нью-Йорк.

— Думаешь, сначала нужно завоевать Нью-Йорк, а уж потом браться за Чикаго? Конечно, здесь есть свои плюсы.

Хотя и другой вариант неплох: успех в Чикаго поможет нам в Нью-Йорке. Так-так… Это надо обдумать.

Он нахмурил брови и погрузился в размышления.

— Все неправильно, — сказала Салли.

— Э?

— Это делается совсем не так. Губы надо плотно сжать, а указательный палец правой руки усталым жестом приложить к виску. Тебе многому предстоит научиться, Филл.

— Прекрати!

— Филлмор Николас, — сказала Салли, — знал бы ты, как мне больно высмеивать единственного брата, ты бы меня пожалел. Но ведь это для твоего же блага. А теперь беги, порадуй Айка. Знаю, он ждет тебя с часами в руке. Он спросил, садясь в вагон: «Правда он придет, мисс Николас?» И сколько тоски было в его голосе! «Ну, разумеется, придет, мистер Шуман, — ответила я. — Мой брат достиг небывалых высот, но, несмотря на это, он по-прежнему сама доброта. Конечно, придет». — «Ах, если б так! — вздохнул он. — Мне бы вашу уверенность! Вы же знаете этих продюсеров. Тысяча дел. Вечно в заботах. Задумается о шубе и забудет обо всем остальном». — «Не волнуйтесь, мистер Шуман, — сказала я, — Филлмор Николас свое слово держит».

Салли, всегда готовая развлекать ближнего, не щадя сил, с удовольствием продолжила бы этот диалог, однако Филлмор встал и пошел прочь. Его солидная спина безмолвно протестовала против ее легкомыслия. Она посмотрела вслед брату и взяла журнал.

С трудом прокладывая дорогу сквозь джунгли рекламы, она принялась за увлекательный рассказ и в конце концов обнаружила, что он в двух частях и второй не хватает. Как вдруг раздался голос:

— Здравствуйте, мисс Николас.

Напротив нее в кресле, где только что восседал подающий надежды продюсер, сидел не кто иной, как Брюс Кармайл, как всегда, почтительно-сдержанный.

2

Салли была потрясена. Конечно, в наши дни путешествуют все и, если вы обнаруживаете в Америке человека, которого оставили в Европе, ничего особо примечательного в этом нет. И все-таки Салли почувствовала себя, как во сне, ей казалось, что время повернулось вспять и открыло ту главу ее жизни, которую она полагала закрытой навеки.

— Мистер Кармайл! — воскликнула она.

Мысли о Салли не покидали мистера Кармайла, с тех пор как он расстался с ней в Парижском экспрессе, а вот Салли думала о мистере Кармайле редко, настолько редко, что ей даже пришлось немного покопаться в памяти, чтобы опознать его.

— Мы всегда встречаемся в поездах, — заговорила она, оправившись от удивления. — Никак не ожидала увидеть вас в Америке.

— А я вот приехал.

Салли хотела сказать, что она так и подумала, как вдруг язык ей сковало смущение. Она вспомнила, что во время их последней встречи она вела себя непростительно грубо. А всякий раз, когда она бывала с кем-то грубой, ее терзали угрызения совести. Так что она ограничилась банальным «да?».

— Да, — сказал мистер Кармайл. — Уже много лет я не отдыхал по-настоящему. Мой врач говорит, что я немного переутомился. Вот я и решил, что неплохо будет съездить в Америку. Каждому, — изрек мистер Кармайл, в который раз с тех пор, как покинул берега Англии, пытаясь убедить себя, что затеял это путешествие вовсе не ради того, чтобы возобновить знакомство с Салли. — Каждому следует посетить Америку хоть раз. Это расширяет кругозор.

— Какие же у вас впечатления от нашей славной страны? — поинтересовалась Салли.

Мистер Кармайл с радостью воспользовался возможностью поговорить на отвлеченную тему. Он и сам немного смутился в начале разговора, хотя по лицу его невозможно было об этом догадаться. Звук собственного голоса подбодрил его.

— Сейчас еду из Чикаго, — закончил он краткий отчет о своем путешествии.

— О!

— Прекрасный город.

— Не знаю, не бывала. Я возвращаюсь из Детройта.

— Да, мне говорили, что вы в Детройте. Салли в изумлении вытаращила на него глаза.

— Говорили, что я в Детройте? Боже мой! Кто?

— Я… э… навел справки по вашему адресу в Нью-Йорке, — сказал мистер Кармайл, немного смешавшись.

— Откуда вы узнали, где я живу?

— Мой кузен… э… Ланселот сказал мне.

Салли на мгновение замолчала. Она почувствовала себя в точности, как герой детективной истории, который заметил за собой слежку. Конечно, этот практически незнакомый ей человек приехал в Америку вовсе не для того, чтобы преследовать ее, и все же было совершенно ясно, что она его заинтересовала. Это как будто бы лестно, однако Салли сомневалась, что это приятно. Брюс Кармайл не значил для нее абсолютно ничего, и ей не хотелось думать, что она для него значит, по-видимому, очень много. Чтобы свернуть с этой чересчур личной темы, она ухватилась за упоминание о Рыжике.

— А как поживает мистер Кемп? — спросила она. Смуглое лицо мистера Кармайла как будто стало еще темнее.

— Нам ничего о нем неизвестно, — сказал он коротко.

— Ничего неизвестно? Что это значит? Вы говорите, словно он пропал куда-то.

— Он действительно пропал.

— Господи! Когда?

— Вскоре после нашей последней встречи.

— Пропал!

Мистер Кармайл нахмурился. Глядя на него, Салли почувствовала, как растет неприязнь. Что-то в этом человеке не понравилось ей с самого начала, какая-то жесткость.

— Куда же он подевался?

— Не знаю. — Мистер Кармайл опять нахмурился. Рыжик, очевидно, был для него больной темой. — И не желаю знать, — продолжал он гневно, и на щеках его, которые, Салли не сомневалась, ему приходилось брить дважды в День, появился легкий румянец. — Мне это безразлично. Семья умыла руки. В будущем пусть заботится о себе сам, как хочет.

Думаю, он просто не в себе.

Салли уже пылала от возмущения, однако сдерживалась. Она бы с удовольствием вызвала мистера Кармайла на бой — все-таки странно, как она прониклась интересами Рыжика, — но понимала, что, если ей хочется (а ей хотелось) услышать побольше о своем друге, нужно расположить к себе собеседника и задобрить его.

— Да что у вас стряслось? В чем дело? Брови мистера Кармайла сомкнулись.

— Он оскорбил дядю… Дядю Дональда. Страшно оскорбил. Единственный, схем ему нельзя было…

— Ссориться?

— Именно. От этого зависело его будущее.

— Что же он натворил? — воскликнула Салли, изо всех сил стараясь, чтобы неуместная радость не прорвалась наружу.

— Подробности мне неизвестны. Дядя не особенно распространялся. Он пригласил Ланселота поужинать, чтобы обсудить планы на будущее, и, судя по всему, тот ему надерзил. Спорил с ним! Держался грубо и оскорбительно. Дядя и слышать о нем больше не желает. Видимо, этот осел выиграл в Ровиле какие-то деньги и окончательно тронулся. Дядя просто уверен, что он сошел с ума. Я с ним согласен. С тех пор о Ланселоте ничего не слышно.

Мистер Кармайл вновь погрузился в размышления. Прежде чем Салли успела что-либо произнести, проход рядом с ними перегородил массивный корпус Филлмора. Очевидно, ему требовались объяснения. Он вопросительно оглядел загадочного незнакомца, который мило беседовал с его сестрой и к тому же захватил его место.

— Привет Филл, — сказала Салли. — Филлмор, это мистер Кармайл. Мы познакомились за границей. Мой брат Филлмор, мистер Кармайл.

После того, как их надлежавшим образом представили, Филлмор одобрил мистера Кармайла. Особенно по душе ему пришелся его значительный вид.

— Странно, что вы встретились вот так, — сказал он приветливо.

Проводник, который стелил постели, в ожидании стал на рейде неподалеку.

— Вам лучше пойти покурить, — сказала Салли, — я ложусь спать.

Ей хотелось побыть одной и подумать. Повесть мистера Кармайла о восставшем бунтаре взволновала ее.

Мужчины отправились покурить, а Салли, разыскав свободное место, присела подождать, когда ей постелят. Ее переполняло радостное

возбуждение. Так, значит, Рыжик последовал ее совету! Она им гордилась. Чудный рыжик! Довольна она была и собой, испытывая почти греховную гордыню, как это подчас случается с советчиками, которые видят, что к их совету прислушались. Она чувствовала себя творцом. В конце концов, разве не она создала этого нового Рыжика? Она встряхнула его. Она спустила его с привязи. Из кроткого, во всем покорного Семье существа он превратился в дикое создание, бросающееся на дядюшек.

Она совершила подвиг, что спорить. А после стольких славных дел, согласно правилу, установленному поэтом, человек может рассчитывать на заслуженный покой.[80] Однако Салли лежала без сна в тряском поезде, который с приближением рассвета, видимо, решил опробовать американские горки собственного изобретения. У изголовья стояла Тень сомнения, суровая и вопрошающая. Так ли уж похвальны ее деяния? Разумно ли было вмешиваться в жизнь этого молодого человека?

— Что ты скажешь на это? — спрашивала Тень сомнения.

3

Рассвет не принес успокоения, вопрос оставался без ответа. Не взбодрил ее и завтрак. В Нью-Йорке Салли сошла с поезда, терзаемая раскаянием и тревогой. Она отклонила предложение мистера Кармайла подвезти ее до дома и отправилась пешком в надежде, что свежий утренний воздух окажет на нее целебное действие.

Теперь она не понимала, как могла когда-то одобрять этот необдуманный поступок. Что за беспокойный бес дернул ее полезть в чужую жизнь напролом, сметая все на своем пути! Она не понимала, что вообще делает на свободе. Такая угроза для общества. Ей встретился достойный молодой человек, очевидно, из тех, кто всю жизнь опирается на помощь родственников, и она подучила его разрушить свое будущее. В довершение Салли вспомнила о безумной радиограмме, которую отправила с корабля, и щеки ее запылали.

Несчастный Рыжик! Она представила, как он, стерев ноги в кровь, бродит по Лондону в напрасных поисках работы, как заставляет себя обратиться за помощью к дяде Дональду, как надменные лакеи спускают его с лестницы, как он ночует под мостом, с тоской глядя в темные воды Темзы, как забирается на парапет и…

— Уф! — сказала Салли.

Она подошла к дверям дома, где ее радушно встретила миссис Мичер,

и не подозревавшая о том, что Салли только что погубила рыжеволосого юношу с приятными манерами и безупречным поведением, конечно, когда сующие повсюду нос девицы не сбивают его с толку.

Миссис Мичер была в прекрасном настроении и болтала без умолку. Газета «Варьете», которую она любила больше всего на свете, разумеется, после Тото, в пятницу утром известила ее, что пьеса мистера Фостера пользуется в Детройте большим успехом и публика в полном восторге от мисс Доланд. Не каждый день ее питомцы отправлялись из меблированных комнат прямиком в Зал славы, так что, по словам миссис Мичер, в доме ни о чем другом не говорили. В честь этого триумфа вокруг шеи у Тото была повязана голубая ленточка, а в животе, что со стороны незаметно, покоился цыпленок.

А правда, что мистер Филлмор приобрел постановку? Далеко пойдет, она всегда говорила. И мистер Фоситт всегда говорил то же…

— О, как там мистер Фоситт? — спросила Салли, коря себя за то, что позволила другим заботам полностью вытеснить мысли о своем недавнем пациенте.

— Его больше нет с нами, — сказала миссис Мичер с таким значением, что Салли, пребывавшая в мрачном расположении духа, истолковала эти слова совершенно определенным образом. Она побелела и вцепилась в перила.

— О, Господи!

— Уехал в Англию, — добавила миссис Мичер. У Салли отлегло от сердца.

— Ох, а я-то подумала…

— Нет… Это нет. — Миссис Мичер вздохнула; она немного разочаровалась в старичке, который так отлично начал, только затем, чтобы вновь обрести крепкое здоровье. — Он вполне поправился. Лучше и быть не может. Посмотреть на него, — миссис Мичер с трудом справлялась с обидой, — так можно подумать, этот грипп только на пользу. Впрочем, — попыталась она найти оправдание уважаемому жильцу, — он получил хорошие новости. У него брат умер.

— Что!

— Да нет, я не имела в виду, что это хорошая новость, вовсе нет, хотя, если подумать, всякая плоть как трава, и все мы должны быть готовы вырваться из темницы на свободу— Однако, кажется, этот новоявленный брат — я лично не знала, что у него есть брат, да и вы, наверное, не знали, мужчины такие скрытные! — так вот этот брат оставил ему деньги, и мистеру Фоситту пришлось срочно бежать на корабль и отправиться за

океан, чтобы присмотреть там за делами. Вступить во владение имуществом, кажется, так это называется. Уехал в страшной спешке. Передавал вам привет и сказал, что напишет. Забавно, что у него оказался брат, правда? У таких, как он, — сказала миссис Мичер, в глубине души женщина рассудительная, — не бывает братьев. У меня самой есть двое: один — в Портленде, штат Орегон, другой — Бог знает где. Так вот я говорю…

Но Салли уже вырвалась из ее цепких рук и поднималась к себе в комнату. На минуту ее охватило приятное волнение, которое мы испытываем всякий раз, когда слышим хорошие новости о тех, кого любим, и она почти развеселилась. Конечно, она жалела его брата, которого, впрочем, не имела удовольствия знать лично, а только слышала о его существовании, и все же приятно было думать, что последние годы жизни ее старый друг проведет в достатке.

Однако вскоре ее мысли вновь приняли меланхолический оттенок. Измученная бессонной ночью, она устало повалилась на кровать, но заснуть не смогла. Ее терзали угрызения совести. Кроме того, неугомонная миссис Мичер принялась шумно рыскать по дому. О ее перемещениях можно было судить по скрипу половиц и энергичному лаю Тото.

Салли беспокойно заерзала и, повернувшись на другой бок, вдруг застыла, как парализованная. Она увидела нечто такое, что потрясло бы любую девушку, найди она это у себя в спальне. Из-цод кровати робко выглядывали совершенно мужской ботинок и шесть дюймов серой штанины.

Салли соскочила на пол. Она была храброй и собиралась обстоятельно расследовать этот инцидент:

— Что вы делаете у меня под кроватью?

Вопрос был вполне обоснованным, и, очевидно, незваный гость счел его заслуживающим ответа. Он приглушенно чихнул и пополз.

Сперва показался ботинок. Потом нога. Потом внушительный корпус в пыльном пальто. И в конце концов перед зачарованным взором Салли предстала невероятно рыжая шевелюра, которая могла принадлежать лишь одному человеку в мире.

— Рыжик!

Мистер Ланселот Кемп, стоя на четвереньках, щурился на нее.

— О, привет! — сказал он.

Глава IX РЫЖИК СТАНОВИТСЯ ПРАВОЙ РУКОЙ

Только теперь, увидев перед собой Рыжика, живого и здорового, с всклокоченными волосами и запачканным носом, Салли вдруг осознала, насколько сильно она на самом деле тревожилась за этого молодого человека и насколько ярко рисовалось ей, как он, холодный и непонятый, покачивается в волнах Темзы. Она была девушкой с живым воображением, но на этот раз ее фантазия разыгралась не на шутку, совершенно выйдя из-под контроля. Поэтому она почувствовала такое облегчение, что поначалу даже не удивилась тому, что он здесь. Никогда прежде она не испытывала столь безграничной радости. Салли упала в кресло и залилась визгливым смехом, который даже ей самой показался странным. Рыжик решил, что у нее истерика.

— Послушайте! — сказал он, чувствуя, что веселью не видно конца. Он беспокоился. Все-таки обнаружить у себя под кроватью незнакомца — это тяжелое потрясение для девушки.

Салли выпрямилась, булькнула и вытерла глаза.

— Как же я рада вас видеть! — сказала она, задыхаясь.

— Правда? — развеселился он. — Прекрасно. — Ему показалось, что неплохо будет извиниться. — Слушайте, мне ужасно неловко… В смысле, вторгся сюда. Я и не знал, что это ваша комната. Думал, пустая.

— Хватит, хватит. Зря я вас побеспокоила, вы, кажется, отдыхали. Вы всегда спите на полу?

— Как-то это все…

— Конечно, может, это у вас для красоты, вроде мушки, — сказала Салли, — тогда все в порядке. Но на случай, если вы не знаете, на кончике носа у вас грязь.

— Надо же! Что, правда?

— Разве я стала бы вводить вас в заблуждение?

— Вы не возражаете, если я взгляну в зеркало?

— Конечно, если не боитесь.

Рыжик поспешил к туалетному столику.

— Вы совершенно правы, — объявил он, доставая носовой платок.

— Я так и думала. Я очень наблюдательная.

— И волосы у меня немного растрепались.

— Даже очень.

— Послушайтесь моего совета, — сказал Рыжик серьезно, — никогда не лазайте под кроватями, ничего хорошего в этом нет.

— Да, кстати. Вы не обидитесь, если я задам вам вопрос?

— Ну что вы… Задавайте.

— Довольно откровенный вопрос. Вам может не понравиться.

— Нет-нет.

— Хорошо. Что вы делали у меня под кроватью?

— У вас под кроватью?

— Да, у меня под кроватью. Вот под этой. Это — кровать, понимаете? Моя. Вы были под ней. Зачем? Или, другими словами, почему вы залезли ко мне под кровать?

— Я прятался.

— Играли в прятки? Это многое объясняет.

— Миссис Как-ее-там… Бичер… Мичер… искала меня. Салли неодобрительно покачала головой:

— Напрасно вы поощряете миссис Мичер. Ей не пристали такие детские забавы.

Рыжик яростно потер лоб.

— Как-то это все…

— Мне ужасно неловко все время цепляться к вашей наружности, — сказала Салли. — Меня лично все в ней устраивает, вот только пыль на челе… Вы испачкались, когда терли лоб. У вас, наверное, руки грязные.

— Точно, грязные!

— Так почему бы не взяться за дело всерьез и не помыть их?

— А вы не против?

— Целиком «за».

— Громадное вам спасибо. В смысле, это же ваша раковина, и все такое, понимаете. Я хочу сказать, я и так веду себя как дома.

— О, нет.

— Вот только мыло…

— Возьмите мое. Мы, американцы, славимся своим гостеприимством.

— Спасибо огромное.

— Полотенце справа от вас.

— Спасибо огромное.

— А платяная щетка — у меня в сумке.

— Спасибо огромное.

И он погрузился в раковину на манер морского котика, подняв столб брызг.

— Ну, а теперь, — сказала Салли, — почему вы прячетесь от миссис

Мичер?

На лице у него появилось измученное, почти затравленное выражение.

— Слушайте, эта женщина… Этот ее свойский вид… Как бы сказать… Я пугаюсь! Я услышал, что она меня разыскивает, и решил укрыться, переждать. Если она меня найдет, придется гулять с этой ее собакой.

— С Тото?

— Да, с Тото. Знаете, — произнес Рыжик с обидой в голосе, — ни одна собака не имеет права быть *такой*. Думаю, вряд ли кто-нибудь еще любит собак так, как я, но эта лохматая крыса… — Он содрогнулся. — С ней неловко показаться на людях.

— А почему нельзя вежливо, но твердо отказать ей?

— Вот в этом-то и дело! Видите ли, я тут немножко задолжал за комнату, так что мне довольно тяжело быть, как вы говорите, твердым.

— Как же вы умудрились задолжать ей? Я уезжала в прошлую субботу, и вас здесь еще не было. Вы прожили тут не больше недели.

— Неделю ровно. Вот за неделю и должен.

— Как же так? Когда мы расстались в Ровиле, вы были миллионером.

— Дело в том, что тогда я вернулся назад в казино и прилично проигрался. Остальные деньги потратил по дороге в Америку, сам не знаю как.

— А зачем вы вообще приехали в Америку? — Салли почувствовала, что любой здравомыслящий человек задал бы этот вопрос еще в начале разговора.

Лицо его залил знакомый румянец.

— О, я подумал, что того стоит. Страна великих возможностей как-никак.

— И вам уже представилась какая-нибудь из них?

— Я вроде нашел себе место. Работаю официантом В одном ресторанчике на Второй авеню. Зарплата небольшая, но я бы исхитрился заплатить за неделю, только с меня прилично удержали за то, что я бью посуду, и все такое. Похоже, я опять все завалил.

— О, Рыжик! Вам нельзя работать официантом!

— Вот и хозяин, кажется, так считает.

— Я хочу сказать, вы способны на большее.

— На что? Вы и представить себе не можете, как они здесь прекрасно обходятся без меня. Я обиваю пороги, предлагаю свои услуги, и везде мне отвечают, что попытаются и дальше прожить без моей помощи.

Салли призадумалась на минуту.

— Есть!

— Что?

— Филлмор даст вам работу. Я все устрою. И как я раньше об этом не подумала?

— Филлмор?

— Мой брат. Ну, конечно, вы ему пригодитесь.

— А что я буду делать? Салли подумала.

— Вы будете… О! Вы будете его правой рукой.

— А ему нужна правая рука?

— Само собой. Он — молодой человек, стремится к успеху. Конечно, ему нужен помощник.

— М-да, — задумчиво произнес Рыжик. — Только я никогда не был правой рукой.

— О, вы быстро все схватите. Я прямо сейчас отведу вас к нему. Он — в «Асторе».

— Только знаете, — сказал Рыжик.

— Ну что еще?

— Я могу опять все завалить.

— Господи, Рыжик! Должно же в этом мире быть хоть что-нибудь, что вы не завалите. И не спорьте. Вы помылись? Обсохли? Вот и славно. Пошли.

— Ладно.

Рыжик шагнул было к двери, да так и замер с поднятой ногой словно зачарованный. Из коридора раздавался пронзительный лай. Рыжик посмотрел на Салли. Затем бросил тоскливый взгляд в сторону кровати.

— Не трусьте вы так, — строго сказала Салли.

— Да, но…

— Сколько вы должны миссис Мичер?

— Долларов двадцать, кажется.

— Я ей заплачу.

Рыжик покраснел от неловкости.

— Нет, уж лучше я повешусь. То есть я имею в виду, — он запнулся, — это ужасно мило с вашей стороны, и вообще… Я передать не могу, как я вам благодарен, но нельзя же…

Салли не собиралась настаивать. Ей понравилась эта суровая жажда независимости. Ее брату Филлмору в периоды безденежья такое и не снилось.

— Хорошо, — сказала она. — Будь по-вашему, гордец! Рыжик, — резко прибавила она. — Возьмите себя в руки. Вы же все-таки мужчина.

Мне на вашем месте было бы стыдно так трусить.

— Вы уж простите меня, но эта лохматая тварь и вправду..

— Забудьте о ней. Я буду рядом.

Они вышли в коридор и чуть не наступили на Тото, который охотился на призрачную крысу. Миссис Мичер маневрировала этажом ниже. При виде Рыжика лицо ее озарилось зловещей улыбкой.

— Мистер Кемп! А я вас обыскалась. Салли живо перебила ее.

— О, миссис Мичер! — сказала она, проводя своего юного питомца сквозь опасную зону— Как же я удивилась, повстречав здесь мистера Кемпа! Ведь он мой давний приятель. Мы познакомились во Франции. Теперь мы пойдем, столько всего надо обсудить, вспомнить старое. А потом заглянем к Филлмору…

— Тото…

— Ах, что за пес! Вам бы с ним погулять, — сказала Салли. — Сегодня чудный денек! Вот и мистер Кемп думал взять его на прогулку, но мы спешим и, видимо, придется ловить такси. Вы и представить не можете, как занят теперь мой брат. Если мы опоздаем, он никогда нам не простит.

И она прошла вниз по лестнице. Миссис Мичер была недовольна, однако возразить не посмела. Было в Салли что-то, что даже в прежние дни всегда ставило ее в тупик, а теперь, когда Салли стала богатой и независимой, домовладелица буквально благоговела перед ней. Входная дверь закрылась, прежде чем дар речи вернулся к миссис Мичер. Рыжик остановился на тротуаре и перевел дух.

— Знаете, вы были просто бесподобны! — Он смотрел на Салли с нескрываемым восхищением.

Она приняла комплимент сдержанно.

— А теперь поохотимся на Филлмора, — сказала Салли. — Хотя спешить на самом деле, конечно, ни к чему. Сперва прогуляемся, а потом заедем к нему в «Астор» и напросимся на обед. А сейчас мне не терпится все о вас узнать. Кое-что я уже слышала. Я встретила вашего кузена, мистера Кармайла. В поезде, когда возвращалась из Детройта. Вы знали, что он в Америке?

— Нет. Я… э… в некотором роде потерял связь с Семьей.

— Это я поняла из рассказов мистера Кармайла и чувствую, что несу ответственность. Все случилось из-за меня.

— О, нет.

— Конечно, да. Я сделала вас тем, кто вы есть. Могу гордиться. Я дергала вас, пока всю душу из вас не вытрясла. Вы никогда не порвали бы с Семьей, если бы я не подсказала вам в Ровиле. Расскажите мне, что

случилось. Я умираю от любопытства. Мистер Кармайл говорил, вы оскорбили дядю.

— Дядю Дональда. Вообще-то мы и в самом деле немного повздорили. Он потащил меня ужинать, и мы… э… в некотором роде не сошлись во мнениях. Для начала он потребовал, чтобы я извинился перед старикашкой Скримджором, и я отказался.

— Какой благородный человек!

— Кто, Скримджор?

— Да нет же, Господи! Вы.

— О! — Рыжик покраснел. — А потом случилась вся эта история с супом.

— Что значит «вся эта история с супом»? Какая история? С каким супом?

— Когда подали суп, атмосфера немного накалилась.

— Не понимаю.

— Я имею в виду, неприятности начались, когда официант разлил нам суп. Мы заказали такой густой, с пряностями.

— Хорошо. Дальше.

— А у дяди, — я вовсе не обвиняю его, поверьте, теперь-то я понимаю, что это скорее его беда, а не вина, — у него большие усы. Совсем как у моржа, и суп он сквозь них процеживает. В общем я… я попросил его этого не делать. Просто попросил, понимаете. А он развозмущался, и к тому времени как принесли рыбу, мы уже крепко сцепились. Наверное, моя вина. Я не особенно благоволил к родственникам в тот вечер. Как раз повстречал Брюса, — кузена, знаете, — столкнулся с ним на Пиккадилли и разволновался. Брюс всегда действует мне на нервы, а тут еще дядя Дональд со своим ужином… И вообще. Кстати, вы получили книги?

— Какие книги?

— Брюс сказал, что хочет отправить вам какие-то книги. Поэтому я и дал ему ваш адрес.

Салли вытаращила глаза.

— Никаких книг он мне не посылал.

— А говорил, что пошлет, и мне пришлось дать ему ваш адрес.

Салли немного призадумалась. Она не была тщеславной, однако все улики свидетельствовали о том, что мистер Кармайл проделал три тысячи миль с одной лишь целью — возобновить знакомство с ней. Да, несомненно. Хотя, конечно, какая ей разница. И все-таки она тревожилась. Да и какой девушке понравится, когда за ней по пятам ходит мужчина,

который ей скорее неприятен?

— Что же было дальше? — спросила она.

— А там и рассказывать почти нечего. Как раз перед ужином я получил от вас радиограмму, так что не собирался выслушивать весь этот вздор. Кажется, мы остановились на рыбе? Ну, ее мы еще как-то съели, а вот мясо уже не пошло. Одно за другим, знаете… Как он только меня не обзывал! В конце концов мне надоело. Я сказал ему, что больше не нуждаюсь в Семье и буду жить самостоятельно. Вот теперь и живу. Все.

Салли слушала эту сагу затаив дыхание. Как никогда она сознавала свою ответственность. Слабые сомнения в том, разумно ли было передать практически все состояние в руки брата, этого эксцентричного финансиста, теперь исчезли. Она обязана была проследить за первыми шагами своего юного протеже, и Филлмор оказался удивительно кстати.

— Едем в «Астор», — сказала она. — Я познакомлю вас с Филлмором. Он театральный продюсер, и у него точно для вас что-нибудь найдется.

— Ужасно мило с вашей стороны так обо мне заботиться.

— Рыжик, — сказала Салли, — вы для меня как внук. Ловите такси.

Глава X ТЕНЬ ОПУСКАЕТСЯ НА САЛЛИ

1

Несколько недель, которые последовали за воссоединением с Рыжиком, показались Салли чем-то вроде золотого века. На всех границах ее маленького королевства установились мир и благоденствие, и каждое утро она просыпалась в таком аккуратно разглаженном и отутюженном мире, что даже самый придирчивый пессимист вряд ли нашел бы повод для критики.

Вот только Джеральд по-прежнему был в тысяче миль от нее. Он поехал в Чикаго проследить за постановкой пьесы — Филлмор последовал-таки совету своего приятеля Айка и решил сперва отвезти спектакль в Чикаго, — и там какой-то обезумевший от горя продюсер попросил его переделать работу собрата-драматурга, чья комедия шла со скрипом в одном из театров, а это означало, что ему придется остаться в Чикаго еще на какое-то время. Печально, поскольку Салли со дня на день ждала его в Нью-Йорк, однако она запретила себе расстраиваться. Ведь в остальном все шло как будто безупречно. Жизнь скорее баловала ее. Филлмор крепко стоял на ногах, за Рыжика совесть была спокойна, она нашла себе квартиру, новая шляпка была ей к лицу, а «Путь иллюзий» пользовался оглушительным успехом. Если верить отчету Филлмора, жители Чикаго мало интересовалось чем-то кроме «Пути». Национальные проблемы перестали занимать их, местные события оставляли равнодушными. Все мысли горожан были об одном — как раздобыть билеты. Постановка, по словам Филлмора, стала крупнейшим событием в истории Чикаго со времен великого пожара.

Однако самым приятным из всех этих происшествий, считала Салли, было то, что вопрос о будущем Рыжика разрешился. Он поступил на службу в Общество с ограниченной ответственностью «Театральная компания Филлмора Николаса» (директор-распорядитель Филлмор Николас) — брат придумал бы название и подлиннее, но это все, что поместилось на медной табличке. Целыми днями Рыжик сидел в приемной. Основная его обязанность заключалась в чтении вечерних газет. Кем он был в точности, даже сам он затруднялся сказать. Иногда он чувствовал себя рулевым, иногда почтенным рассыльным, а иногда не очень

почтенным. Большую часть времени ему приходилось отбивать атаки черни, осаждавшей кабинет Филлмора, который по-королевски восседал в соседней комнате и вынашивал великие планы.

Возможно, Рыжик иногда и сомневался в том, что от него требуется в обмен на пятьдесят долларов, которые он получал каждую пятницу, но, несомненно, был признателен Салли за то, что она нажала на нужные пружины и устроила его на работу. Он благодарил ее всякий раз, как они встречались, а в последнее время они встречались часто, поскольку он помогал обставлять ее новую квартиру, не щадя сил, и говорил, что при этом поддерживает форму.

— Я что хочу сказать, — Рыжик, толкавший массивное кресло, остановился на полпути. За последние десять минут Салли выбрала для этого кресла уже третье место, — неужели я откажусь попотеть немного, когда вы нашли для меня такую работу…

— Рыжик, довольно, — сказала Салли.

— Да, но, честно говоря…

— Если не замолчите, заставлю вас оттащить это кресло в соседнюю комнату.

— А что, надо? — Рыжик потер мозолистые ладони и ухватился за кресло. — Как скажете.

— Да нет же, глупый вы человек! Кроме гостиной, в этой квартире — спальня, ванная и кухня. Ну, для чего, скажите на милость, мне там держать громадное кресло? Все-таки мне кажется, что так, как стояло вначале, было лучше.

— Значит, двигаем назад?

Салли подумала, нахмурившись. Расставлять мебель оказалось делом хлопотным.

— Нет, — решила она, наконец, — около окна будет лучше. — Она виновато взглянула на Рыжика. — Вы уже, наверное, от меня устали.

— Устал! — Рыжик, ухватив кресло, потащил его на другой конец комнаты. — Знаете, я так считаю, — он вытер бусинки пота, выступившие на его веснушчатом лбу. — Вы нашли для меня работу и…

— Стоп!

— Ладно… и все-таки это благодаря вам, сами знаете.

Салли села в кресло и потянулась. Глядя на то, как работает Рыжик, она и сама устала. С гордостью она осмотрелась вокруг. Несомненно, комната начинала выглядеть уютно. На стенах картины, на полу ковер, да и мебель почти расставлена. Впервые в жизни она чувствовала себя дома. Все три года в меблированных комнатах она мечтала о своем доме, где она

могла бы закрыть дверь и побыть в одиночестве. Квартира была маленькой, и все же это райский уголок. Она смотрела и не находила недостатков… разве что… Ей вдруг показалось, что чего-то не хватает.

— Привет! — воскликнула она. — А где моя фотография? Я же сама вчера ставила ее на каминную полку.

Рыжик раскраснелся, видимо, от тяжелой работы. Его щеки пылали. Он внимательно изучил камин.

— Тут нет никакой фотографии.

— Вижу, что нет. А вчера была. Или не было? Я точно собиралась поставить ее туда. Может, забыла. Знаете, на свете нет ничего прекрасней этой фотографии. Не очень на меня похожа, их ретушируют, понимаете. Ну да что с того? Я ей очень дорожу: на ней я выгляжу так, как мечтала бы выглядеть в действительности, если б только могла.

— Я на фотографиях никогда не получаюсь, — важно заметил Рыжик с легким сожалением в голосе.

— Не расстраивайтесь!

— О, я нисколько… Так просто сказал…

— Рыжик, — сказала Салли, — простите, что прерываю вас. Это, бесспорно, ценное замечание. Но, понимаете, кресло не на месте! Там, где оно стояло вначале, было лучше. Не изобразите еще разок вьючную лошадь? А потом я приготовлю вам чаю. Конечно, если найду чай, и молоко, и чашки.

— Чашки еще есть. Я точно знаю, потому что позавчера две разбил. А за молоком можно сгонять на угол, если хотите.

— Да, пожалуйста, сгоняйте. Я просто без сил из-за этой мебели.

За столом Салли допросила его:

— В этой работе, которую, как вы только что заметили, я великодушно для вас подыскала, я одного не понимаю — откуда у вас столько свободного времени? Как получается, что вы можете тратить свои драгоценные часы, вернее, драгоценные часы Филлмора, каждый день передвигая мебель у меня в квартире?

— Я обычно отпрашиваюсь.

— Может, вам лучше быть у себя на посту и заниматься делом? Кстати, чем вы там занимаетесь?

Рыжик задумчиво помешал чай, размышляя над этим вопросом.

— Да так, сижу, понимаете, — он еще немного подумал. — Разговариваю с посетителями. Говорю, что вашего брата нет, записываю фамилии, адреса… и все такое.

— Филлмор с вами советуется?

— Иногда дает почитать рукописи, которые нам присылают. Жуткая ерунда, чаще всего. Иногда посылает меня вечером на какой-нибудь водевиль.

— В награду за службу?

— Нет. Посмотреть какой-нибудь номер, а потом доложить ему. На случай, если он решит использовать это в своем ревю.

— В каком еще ревю?

— А вы не знали, что он собирается ставить ревю? Ну, конечно. Затеял что-то грандиозное. Хочет всех переплюнуть.

— Боже мой! — Салли встревожилась. Как это похоже на Филлмора, подумала она, ввязаться в дорогостоящий проект, когда нужно двигаться вперед, потихоньку укрепляя уже достигнутые завоевания. Всю жизнь ее брат считал на миллионы там, где осторожный человек довольствовался бы сотнями. Внутри у него бурлил неисчерпаемый источник оптимизма. — Что ж, действительно грандиозный замысел? — выдавила она.

— Да, амбиций у него полно. Прямо Наполеон.

— Надо с ним поговорить, — решительно сказала Салли. Поведение Филлмора ее раздосадовало. Все шло прекрасно, все вокруг были так безмятежно счастливы — тишь да гладь, а он взял и все испортил. Ей снова пришлось беспокоиться.

— Да ладно вам, — заспорил Рыжик. — Это приносит большие доходы. В Лондоне, знаете, гребут деньги лопатой.

Салли покачала головой.

— У него не получится, — сказала она. — И вообще… С этим креслом тоже не получается. Все-таки оно должно стоять у окна. Взгляните сами, ведь правда?

— Точно! — ответил Рыжик и терпеливо взялся за дело.

2

Салли не стала меньше тревожиться за своего кипучего брата, получив вскоре от мисс Винч из Чикаго телеграмму следующего содержания:

Вы кормите Филлмора мясом?

Она не могла бы сказать, что полностью уловила смысл послания, но был в нем какой-то зловещий намек, и это подтолкнуло ее без промедления начать расследование. С трудом оторвавшись от радостей меблировки, она

отправилась в штаб-квартиру Общества с ограниченной ответственностью «Театральная компания Филлмора Николаса» (директор-распорядитель Филлмор Николас).

По прибытии она обнаружила, что Рыжика на обычном месте нет. Его пост занимал паренек нежного возраста с прыщавой внешностью, который, услышав ее имя, смягчился, отбросил горделивую холодность и посоветовал проходить прямо в кабинет. Салли прошла прямо в кабинет и обнаружила Филлмора, который, задрав ноги на грязный стол, изучал что-то похожее на эскизы костюмов.

— А, Салли! — сказал он рассеяно и устало, что должно было свидетельствовать о больших заботах. Благополучие продолжало молчаливо и беспощадно трудиться над надеждой американского театра. То, что совсем недавно, по возвращении из Детройта, было просто легкой полнотой под нижней челюстью, теперь превратилось в откровенный второй подбородок. Новый жилет он носил расстегнутым. — Я довольно занят, — продолжал он. — Всегда рад тебя видеть, но, в самом деле, занят. Сотня дел.

— Ну что ж. Я буду сто первым. Филл, что это я слышу? Какое ревю?

Филлмор стал похож на маленького мальчика, застигнутого за кражей варенья, если, конечно, великий импресарио может так выглядеть. В минуты сомнений ему случалось размышлять над тем, что сказала бы Салли, узнай она об этом проекте, и он надеялся, что она не узнает ничего до тех пор, пока приготовления не зайдут так далеко, что вмешательство станет невозможным. Он очень любил Салли, однако, как ни прискорбно, ей была свойственна какая-то досадная осторожность, так что он опасался критики с ее стороны. Как человеку вести дела, когда вокруг вьются женщины и все время критикуют? Он взял ручку и положил обратно, застегнул и расстегнул жилет, почесал за ухом одним из листов с эскизами.

— Ах да, ревю!

— Не надо говорить «ах да»! Ты отлично знаешь, это безумие.

— Понимаешь… Это мои дела… Чего ты вмешиваешься?..

— Я вовсе не хочу тебе указывать, что делать, Филл, но, вложив деньги, полагаю, я стала кем-то вроде твоего партнера, так что, я имею право издать страдальческий вопль, если ты рискуешь всем…

— Извини меня, — величественно сказал Филлмор; он немного повеселел. — Дай, я все объясню. Женщины ничего не понимают в бизнесе. Все твои деньги вложены в «Путь иллюзий», а этот спектакль, как ты знаешь, пользуется огромным успехом. Тебе нечего беспокоиться о других постановках, которые я планирую.

— Я не о деньгах беспокоюсь. Я беспокоюсь о тебе. Снисходительная улыбка заиграла в складках его лица.

— А за меня тревожиться не надо. У меня все в порядке.

— Нет, не все. Начинающий продюсер просто не имеет права ввязываться в такой огромный проект. Ты не можешь себе этого позволить.

— Детка, как я уже говорил, женщине здесь не разобраться. В подобном случае человек всегда может привлечь инвесторов.

— Ты хочешь сказать, что отыскался болван, который согласился дать тебе деньги?

— Конечно. Никакого секрета, по-моему, здесь нет. Твой друг мистер Кармайл заинтересовался некоторыми моими проектами.

— Что!

До сих пор Салли была просто встревожена, теперь пришла в ужас. Этого она никак не ожидала. Брюс Кармайл проникал в ее жизнь приливной волной. Укрыться от него было нельзя. Куда бы она ни пошла, она наталкивалась на него, ей оставалась лишь бессильная злоба. Положение становилось невозможным.

Филлмор неправильно истолковал ужас в ее голосе.

— Все будет в порядке, — заверил он ее. — Он очень богатый. Крупное состояние, плюс приличный годовой доход. Даже если что-нибудь пойдет не так…

— Не в том дело…

Однако объяснять что-либо Филлмору было бесполезно, и Салли замолчала. Пока она горевала над этим осложнением, которое нарушило спокойное течение ее жизни, в соседней комнате раздались голоса. Дублер Рыжика убеждал кого-то, что шеф занят, и беспокоить его не следует. Это ему не удалось. Дверь распахнулась, и в комнату влетела мисс Винч.

— Филлмор, идиот несчастный! — Хотя смысл ее телеграфных посланий был окутан тайной, когда дело дошло до живого общения, оказалось, что мисс Винч — сама прямота. — Хватит чесать в затылке! Слушай меня. Ты рехнулся!

Когда Салли видела невесту Филлмора в прошлый раз, она поразилась ее непоколебимому спокойствию. В Детройте казалось, что мисс Винч ничто не может вывести из себя. Теперь от безмятежного спокойствия не осталось и следа, и это показалось Салли недобрым знаком. Она почувствовала, что лишь чрезвычайное происшествие могло привести ее будущую невестку в такой раж.

— А, это ты! — сказал Филлмор. Когда дверь открылась, он негодующе вскочил на ноги, как лев, потревоженный в своем собственном

логове, однако, увидев, кем оказался незваный гость, успокоился.

— Да, это я! — Мисс Винч в отчаянии упала на вращающийся стул и попыталась восстановить душевное равновесие с помощью жвачки. — Филлмор, дорогой, ты ужасно милый. Я тебя люблю. Но с такой головой место тебе в психушке. Тебя там ждут — не дождутся.

— Что ты го во… — начал Филлмор.

— А ты что об этом думаешь? — спросила мисс Винч, поворачиваясь к Салли.

— Я только что ему говорила, что это глупости. — Салли обрадовалась союзнику. — Еще не время заниматься таким огромным проектом, как это ревю…

— Ревю? — Мисс Винч прекратила терзать жвачку. — Какое еще ревю? — Она воздела руки. — Видимо, придется мне проглотить эту жвачку. Невозможно жевать, когда голова идет кругом. Ты еще и ревю ставишь?

Филлмор застегивал и расстегивал пуговицы на жилете. Вид у него был затравленный.

— Разумеется, — ответил он немного лихорадочно, — Я попросил бы вас, девушки…

— Рехнулся! — повторила мисс Винч. — Пишите письма. Отделение для буйных, чайнику. — Она крутанулась на стуле к Салли. — Послушай! Его надо остановить. Мы должны объединиться и отстранить его от дел. Это в его же интересах. Знаешь, что он предложил мне? Угадай с трех раз. Хотя, что толку? Ты никогда не догадаешься. Этот несчастный псих решил дать мне главную роль в своем новом спектакле. Мне!

Филлмор оставил в покое жилетные пуговицы и протестующе замахал руками.

— У меня на этот счет собственное мнение…

— Да, сэр! — Мисс Винч легко миновала препятствие. — Вот что он собирается взвалить на плечи ничего не подозревающей публики. Сижу я мирно у себя в номере, ковыряюсь вилкой в яичнице, читаю утреннюю газету, как вдруг звонит телефон. Какой-то господин спрашивает меня внизу. Ну, пусть подождет минутку. Быстренько одеваюсь, и вниз на лифте. Вестибюль залит сиянием.

— Что это значит?

— Этот господин оказался таким рыжим — не увидишь, не поверишь, — пояснила мисс Винч. — Сверкает как солнце. Они в гостинице даже свет погасили, ради экономии. Англичанин. Приятный малый. Зовут Кемпом.

— О, так Рыжик в Чикаго? — воскликнула Салли. — А я-то думаю, почему его нет на стульчике в приемной.

— Я отправил Кемпа в Чикаго, — объяснил Филлмор, — присмотреть за труппой. Такая у меня тактика: если сам не могу наведываться время от времени, посылаю своего представителя…

— А вот это ты будешь рассказывать своей бабушке долгими зимними вечерами, — прервала мисс Винч лекцию по управленческой стратегии. — Возможно, мистер Кемп и присматривал за труппой, и все же в первую очередь он прибыл, чтобы позвать меня в Нью-Йорк на мою собственную коронацию. Филлмор, видите ли, желает, чтобы я была здесь. Я должна проводить набор актеров на второстепенные роли. Я! Ты представляешь себе?

— Ну… — Салли колебалась.

— Ничего не говори! Знаю не хуже тебя. Печально, но факт.

— Ты упорно недооцениваешь свои способности, Глэдис, — упрекнул ее Филлмор. — У меня есть кое-какой опыт в этой области, я видел немало актрис, и уверяю тебя, что такой характерной…

Мисс Винч быстро встала, порывисто поцеловала Филлмора и снова уселась. Она достала из сумки еще одну жвачку, однако, покачав головой, спрятала ее назад.

— Как мило, что ты все это говоришь! — сказала она. — Не хотелось будить тебя, но, Филлмор, дорогой мой, выгляни на минутку из своей палаты и прислушайся к голосу разума. Я же прекрасно понимаю, что творится в твоей несчастной расстроенной башке. Эльза Доланд сидела на мелких ролях, ты взял и за один вечер сделал из нее звезду. Она едет в Чикаго, критики и публика сходят по ней с ума. Вообще-то, — с энтузиазмом обратилась к Салли благородная мисс Винч, — ты и представить себе не можешь, насколько она хороша, пока не увидишь ее на сцене. Это и впрямь сенсация. Все говорят, она будет великой актрисой. Замечательно! Ну а что же наш Филлмор? Несчастный хлопает себя по лбу и восклицает: «Вот это мысль! Получилось в первый раз, получится и во второй. Я могу печь звезд из ничего». И выбирает меня!

— Что ты гово…

— Однако в этом плане есть один недостаток. Эльза — гениальная актриса. Если бы он не обратил на нее внимания, это сделал бы кто-нибудь другой. А малютка Глэдис? Здесь все по-другому— Она повернулась к Салли. — Ты видела меня на сцене, и, позволь заметить, ты видела все, на что я способна. Мне нужна роль служанки: в первом акте занести поднос, во втором — пару раз сказать «Слушаюсь, мэм»! Вряд ли у Эллен Терри

«Да, мэм» выйдет лучше, чем у меня, и подносы я ношу лучше Сары Бернар. Но на этом — все. Ничего больше. Тот, кто думает иначе, зря потратит деньги. Между нами, хорошо я умею только стряпать.

— Глэдис, дорогая! — возмущенно воскликнул Филлмор.

— Я прирожденная повариха, и не собираюсь скрывать это от мира. Ради моего цыпленка ты оставишь дом и мать. А пирог со свининой по-английски… Как-нибудь устрою себе выходной и приготовлю вам. Закачаетесь! А играть — увольте. Не умею, да и не хочу. Я пришла в театр поразвлечься. А какое уж тут развлечение, когда ты пашешь в главной роли, глядя, как критики машут секирами в первом ряду, и ни на минуту не забываешь, что мы тратим свои собственные деньги, на которые можно купить домик с прачечной… Ну да, в том-то и дело, Филлмор, дорогой. Кажется, я тебе уже говорила.

Салли стало жаль Филлмора. Он сидел, опершись подбородком на руку и угрюмо глядя перед собой — просто Наполеон на Эльбе. Несомненно, он мечтал взять мисс Винч за шиворот и загнать ее на вершину славы и этот проект был дорог его сердцу.

— Что ж, как хочешь, — сказал он убитым голосом. — Говорить больше не о чем.

— Как это, не о чем? Поговорим о твоем ревю. Хорошенькое дело!

Филлмор вскочил на ноги и ударил по столу раскормленным кулаком. Терпению человеческому бывает предел.

— Нет, не хорошенькое! Господи! Это уж слишком! Я не намерен терпеть, когда в мои дела вмешиваются. Связывают мне руки… Не допущу! У меня широкие перспективы и… и… широкие перспективы… Я вынашиваю планы и… планы… я их вынашиваю… Оттачиваю детали… И что? Две бешеные девицы вламываются ко мне в кабинет, как раз когда я пытаюсь сосредоточиться и… сосредоточиться… Не потерплю! Советы — пожалуйста, вмешиваться — нет. Я… Я… Я… И постарайтесь запомнить!

Дверь с треском захлопнулась. Вихрь пронесся через приемную, и раздался еще один удар, послабее. Шаги замерли в дали коридора.

Салли потрясенно взглянула на мисс Винч. Воинственный Филлмор — это было что-то новенькое.

Мисс Винч разворачивала очередную жвачку.

— Какой он милый все-таки, — сказала она. — Надеюсь, он не возьмет эти, мягкие, — пробормотала она, вдумчиво жуя.

— Мягкие?

— Сейчас он вернется с коробкой конфет, — объяснила мисс Винч. — И ведь так и знай, возьмет эту размазню с кремом! Сколько раз я ему

говорила, что люблю другие. Что ж, пока ясно одно. Он крепко вбил себе в голову эту затею. Пляшет и поет в лучах солнца. Тяжело будет спустить его на землю. — Она легонько вздохнула. — Когда отзвонят свадебные колокола, мне бы хотелось, чтобы у него все-таки хватило денег на квартиру. — Она в раздумье пожевала. — Не то, чтобы для меня это было очень важно, я буду рада двум комнаткам и кухне, если там Филлмор. Ты и представить не можешь: я на нем просто сдвинулась. — Ее веснушчатое лицо просияло. — Прямо, как наркотик. Налюбоваться на него не могу. А самое смешное, я ведь прекрасно вижу, что он полный болван. Какой же он болван! Сама знаешь! Вот что мне в нем нравится. И еще, как он шевелит ушами, когда волнуется. Из болванов получаются самые лучшие мужья. Соберешься замуж, выбирай болвана. Сперва стукни его по лбу, и если звенит, не раздумывай. Семейная жизнь не ладится, если у мужа есть мозги. Для чего они мужчине? Один вред. — Она остановилась и внимательно пригляделась к Салли. — Что ты делаешь с кожей?

Говорила она так торжественно и серьезно, что Салли рассмеялась.

— Что я делаю с кожей? Просто ношу на себе.

— Надо же, — с завистью проговорила мисс Винч. — Хотелось бы мне иметь такой цвет лица. Вот чертовы веснушки! В восемь лет у меня уже была самая полная коллекция на всем Среднем Западе, а с тех пор экспонатов добавилось. Некоторые говорят, надо их лимонным соком. Моим, что ни дай, все проглотят и добавки попросят. По-моему, от них одно поможет — отпилить голову.

— А чем они тебе так мешают?

— То есть как это чем? Какой разумной девушке хочется ходить, как передвижная выставка?

— Вот глупости! Филлмор без ума от веснушек.

— Он тебе так и сказал? — спросила мисс Винч с интересом.

— Не в таких словах, но по глазам видно.

— В общем-то он их видел, когда делал мне предложение. И потом, вряд ли женская красота для него много значит, а то он не выбрал бы меня. Все равно, ужасно неприятно, когда берешь журнал и видишь рекламу крема: «Ваш муж охладел к вам. Можно ли его винить? Разве вы пытались избавиться от этих безобразных пятнышек?» Это же прямо обо мне. Хотя я не замечала, чтобы Филлмор ко мне охладел, так что, может, все в порядке.

Когда через несколько дней, вернувшись из Чикаго, Рыжик зашел к ней в гости, Салли встретила его в подавленном настроении. Размышляя о недавней сцене, она понимала, что дела обстоят хуже, чем она предполагала. Это дурацкое ревю, которое она считала нечаянной вспышкой безумия, оказалось всего лишь образчиком того, что ее заблудший брат намеревался совершить, отдельным примером, случайно отобранным из целого набора безумных схем. Сомнений в этом теперь уже не оставалось, Филлмор решил действовать энергично и с размахом. Переубедить его Салли не могла. Унизительная мысль! За все эти годы она настолько привыкла руководить им, что этот бунт против ее власти заставил ее почувствовать себя беспомощной и неполноценной.

А деньги на все это давал Брюс Кармайл… Непонятно отчего, Салли понимала: когда (на «если» у нее не хватало оптимизма) он их потеряет, она окажется некоторым образом в долгу перед ним, словно все произошло по ее вине. Ей совершенно не хотелось быть в долгу перед мистером Кармайлом.

Рыжик сказал, что заглянул на тот случай, если ей захочется опять все переставить, однако у Салли совсем не осталось замечаний. Теперь ее занимали дела, куда более обременительные. Усадив Рыжика в кресло, она принялась изливать ему свои беды. Беседа с ним ее успокаивала. В мире, где после краткого затишья вновь наступил хаос, он казался основательным, что утешало.

— Я бы не волновался, — заметил Рыжик, спокойный, как мисс Винч, после того, как Салли изобразила ему неистового Филлмора на фоне разорительных ревю.

— Легко вам так говорить, — воскликнула она. — Как же тут не волноваться? Филлмор — совершенный младенец. А теперь еще валяет дурака. Окончательно потерял голову. И остановить его я не могу! Вот что самое ужасное. Раньше стоило мне посмотреть ему в глаза, и он, поджав хвост, уползал к себе в корзинку, а теперь я как будто никакого влияния на него не имею. Только фыркает и опять бегает кругами, изры-

гая пламя.

Рыжик попытался обратить ее внимание на светлую сторону.

— Я думаю, вы преувеличиваете. Я хочу сказать, вполне вероятно, он нашел какого-то лопуха… То есть, может, ваш брат не все расходы взял на себя. Может, поблизости оказался какой-нибудь там Джонни с пухлым бумажником. Это часто бывает. В газете читаешь, что такой-то продюсер ставит спектакль, а на самом деле банкноты отсчитывает какой-нибудь тип, который остается в тени.

— В том-то и дело! Все хуже некуда. Филлмор сказал, что деньги дает ваш кузен мистер Кармайл.

Это крайне заинтересовало Рыжика. Он подпрыгнул на стуле.

— Вот это да! — воскликнул он.

— Именно. — Салли по-прежнему волновалась и все же была довольна, что ей наконец-то удалось поколебать его невыносимую бесстрастность.

Рыжик хмурился.

— Это уж слишком! — заметил он.

— Я тоже так думаю.

— Мне это не нравится.

— И мне.

— Знаете, что я думаю? — сказав он, со свойственной ему прямотой набрасываясь на эту деликатную тему. — Он в вас влюбился.

Салли вспыхнула. Она уже поразмыслила над имевшимися уликами и пришла к такому же заключению, однако смутилась, услышав это от кого-то еще.

— Я знаю Брюса, — продолжал Рыжик, — и поверьте, он не из тех, кто без причины пустится на риск. Денег, конечно, у него тонны. Его папаша был тот самый Кармайл из «Кармайл, Брент и К°» — угольные шахты в Уэльсе, и все прочее… Думаю, он оставил ему около тысяч пятьсот. Да мой кузен вообще может не работать, если не хочет. Конечно, ему по средствам субсидировать все спектакли, какие ему понравятся. Только это на него совсем не похоже, в том-то и штука. Он такого делать не станет, нет у него спортивного духа. Помню, всю Семью натравил на меня, когда узнал, что я проиграл кое-что на скачках. Если он и вправду раскошелился на такое рискованное предприятие, тут что-то есть, помяните мое слово. А я не вижу другого объяснения, кроме… Ну, то есть, стал бы он так делать просто, чтобы ваш брат считал его отличным парнем и другом?

— Да вряд ли, — согласилась Салли. — Ну, хватит об этом. Расскажите лучше, как вы съездили в Чикаго.

— Хорошо. Но позвольте еще пару слов про этого мота. Я не понимаю, каким образом это все касается вас. Вы же помолвлены с другим. Когда Брюс подкатит к вам и скажет: «Не желаете ли?» — вы просто ответите, что он промахнулся и может отчаливать. Вручаете ему шляпу, и он уходит.

Салли неловко рассмеялась.

— Думаете, все так просто? По-вашему, девушкам это нравится? Да

что там обсуждать. Это ужасно, и разговорами тут ничего не решишь. Так что давайте сменим тему. Как вы съездили в Чикаго?

— О, хорошо. Довольно грязный город.

— Все так говорят. Но вам-то что, вы же из Лондона.

— Да нет, мне ничего. Вообще-то я неплохо провел время. Посмотрел пару спектаклей. Ходил на них как представитель вашего брата. Ничего, хорошие. Кстати, удивительно, с кем только не столкнешься, когда вот так мотаешься.

— Вы говорите так, словно прогуливались по улицам с закрытыми глазами. Встретили кого-нибудь знакомого?

— Одного типа, которого не видел много лет. Вообще-то мы вместе учились в школе. Такой Фостер. Хотя вы его, наверное, знаете. По крайней мере, имя должны были слышать. Он написал пьесу, на которую ваш брат дал деньги.

У Салли подпрыгнуло сердце.

— Так вы видели Джеральда… Фостера?

— Столкнулся с ним как-то вечером в театре.

— И вы правда учились вместе.

— Да. Он даже был со мной в одной команде в последнем классе, тоже играл в регби.

— Тоже полузащитник схватки? — спросила Салли, улыбаясь.

Рыжик остолбенел.

— Двух полузащитников схватки в команде не бывает— сказал он, потрясенный ее неосведомленностью. Полузащитник схватки — это такой полузащитник, который участвует в схватке и…

— Да, вы мне уже объясняли в Ровиле. Так кем же тогда был Джеральд… мистер Фостер? Шесть и семь восьмых, или что-то вроде?

— Он был крайний трехчетвертной, — ответил Рыжик с подобающей серьезностью. — Довольно быстрый и верткий, однако делать обратный пас в центр так и не научился.

— Какая неприятность! — посочувствовала Салли.

— Если на крайнего трехчетвертного бежит крайний из другой команды, а сбоку его прижимает пятнадцатый номер, — горячился Рыжик, — единственное, что ему остается, если он не хочет вылететь в аут, дать обратный пас.

— Понимаю, — сказала Салли. — Как же я сама не подумала. Наверное, вы ужасно обрадовались встрече. Столько всего надо было обговорить.

Рыжик тряхнул головой.

— Да не так уж и много. Мы никогда особо не дружили. Видите ли, этот Фостер был просто гнида.

— Что!

— Гад, — пояснил Рыжик. — Дрянь. С ним у нас мало кто общался в школе. Лично я его всегда не выносил.

Салли окаменела. Вплоть до этого момента Рыжик ей нравился и когда-нибудь потом, несомненно, понравится снова, однако, услышав эти слова, она обнаружила, что смотрит на него с нескрываемой враждебностью. Да как он смеет сидеть тут и говорить так о Джеральде?

Ничего не подозревавший Рыжик, между тем, раскуривал сигарету и развивал свою тему:

— Странно все-таки в школе. Обычно если человек отличился в спорте — играет в крикет, или регби, или еще что, — популярности ему просто не избежать. А вот эта гнида Фостер как-то Умудрился, никто его особенно не любил. Конечно, были у него какие-то приятели, но вообще ребята его избегали. Возможно, потому что он немного важничал… задирал нос, знаете… Лично я с ним не общался, потому что он был нечестным. Конечно, это не сразу замечаешь, надо пожить с человеком какое-то время, но мы-то с ним прожили под одной крышей…

Салли удалось сдержаться, хотя голос у нее немного дрожал.

— Должна заметить, — сказала она, и тон ее насторожил бы Рыжика, не будь он так занят, — что мистер Фостер — большой мой друг.

Однако Рыжик по-прежнему пытался прикурить; занятие не из легких, когда от окна тянет сквозняком. Голову он наклонил, а руки сложил коробочкой, которая наполовину скрывала его лицо.

— Послушайтесь моего совета, — бормотал он. — Не связывайтесь с ним. Гнусный тип.

Говорил он с рассеянной медлительностью человека, погруженного в дело, и Салли больше не могла сдерживать пылавший внутри огонь.

— Может быть, вам интересно узнать, — сказала она, выстреливая слова сквозь сжатые зубы, — что за Джеральда Фостера я выхожу замуж.

Голова Рыжика медленно появилась из сложенных чашей рук. В его глазах застыло удивление и какой-то ужас. Сигарета безвольно свисала изо рта. Ничего не говоря, он сидел, ошеломленно уставившись на Салли. Спичка обожгла ему пальцы, он вздрогнул и выронил ее. Резкая боль словно разбудила его. Он заморгал.

— Вы шутите, — тихо проговорил он, и в голосе его была какая-то тоска. — Этого не может быть.

Салли раздраженно пнула ногой стул, на котором сидела. В этих

словах ей послышалось осуждение. Он осмеливался критиковать…

— Очень даже может!

— Гримаса отчаяния исказила лицо Рыжика. Он не мог решиться. Наконец, с видом человека, который подготовился к ужасному, но неизбежному испытанию, он заговорил хрипло, больше не глядя на Салли, опустив глаза к спичке на ковре. Она все еще дымилась, и он машинально придавил ее каблуком.

— Фостер женат, — сказал он коротко. — Он женился за день до того, как я уехал из Чикаго.

4

Рыжику показалось, что в наступившей тишине, которая наполнила комнату живым присутствием, оборвались даже звуки, доносившиеся с улицы, как будто слова его были заклинанием, отрезавшим его и Салли от остального мира. Только маленькие часы на каминной полке тикали, тикали, тикали, колотились, как испуганное сердце.

Он уставился прямо перед собой. Все мышцы одеревенели. Он не мог шевельнуться, как иногда случалось с ним в кошмарах, и ни за какие сокровища Америки не согласился бы поднять глаза, посмотреть Салли в лицо. Он видел ее руки; пальцы впились в ручки кресла, суставы побелели.

Горько упрекая себя за неловкость и бестактность — нельзя было обрушивать на нее эту новость так внезапно, — он, как ни странно, испытывал что-то вроде радости. Никогда прежде он не был так близок с ней. Словно барьер, стоявший между ними, рухнул.

Что-то зашевелилось… Это была ее рука. Пальцы медленно разжались, вновь стиснули ручки кресла, потом как бы с сожалением отпустили. По жилам опять текла кровь.

— У вас сигарета потухла.

При звуке ее голоса, внезапно нарушившего тишину, Рыжик вздрогнул, как от удара.

— О, спасибо!

С усилием он чиркнул спичкой. Она шумно вспыхнула. Рыжик поспешно задул ее, и жуткая тишина вновь повисла над ними.

Он машинально затянулся. На мгновение он увидел лицо Салли — бледные щеки, горящие глаза, гордо вздернутый подбородок, как знамя над полем битвы. Настроение его изменилось. Теперь он испытывал лишь тупое бешенство, беспомощную ярость против человека, который был в

тысяче миль от них.

Салли вновь заговорила. Голос звучал глухо, словно она была где-то далеко. В нем ощущалась какая-то странная скука.

— Женился?

Рыжик швырнул сигарету в окно. Заметив, что курит в такую минуту, он пришел в ужас. Ему совсем не хотелось курить. Он кивнул.

— И на ком же он женился?

Рыжик покашлял. Что-то стояло у него в горле, и говорить было трудно.

— На такой Доланд.

— На Эльзе Доланд?

— Да.

— Эльза Доланд. — Пальцы Салли выбивали дробь на ручке кресла. — Эльза Доланд?

Вновь наступила тишина. Маленькие часы суетливо тикали на каминной полке. За окном гудели автомобили. Откуда-то издали донесся слабый перестук набирающего скорость поезда. Эти привычные звуки теперь показались Салли странно новыми и нереальными. Ей чудилось, что ее перенесли в какой-то другой мир, где все по-иному, незнакомо и ужасно, — все, кроме Рыжика. В его облике ей виделось что-то привычное и ободряющее.

Словно покинув собственное тело, она спокойным критическим взглядом со стороны наблюдала за происходящим. И вдруг она поняла: то, как держится Рыжик, заслуживает восхищения. В этом перевернутом мире он вел себя безупречно. Он не пытался утешить ее банальностями. Он ничего не говорил и даже не смотрел на нее. Салли сознавала, что сочувствие стало бы для нее сейчас пыткой и выносить чужие взгляды ей просто не под силу.

Замечательный Рыжик. Все в том же отстраненном состоянии она беспристрастно рассматривала его, и благодарность поднималась из глубин ее души. Он сидел перед ней, ничего не говоря и не делая, словно знал: среди этого кошмара ей помогает сохранить рассудок эта полыхающая шевелюра, глядя на которую, она чувствовала, что есть в мире вещи незыблемые.

Рыжик не двигался. В комнате стало почти темно. Сквозь окно светил фонарь.

Она резко встала. Мало-помалу, очень медленно удушливое облако, окутавшее Салли, рассеивалось. Она приходила в себя. Черная минута была позади, она возвращалась в мир живых. Жестокая, почти нестерпимая

боль жгла ее изнутри, однако смутно она осознала: ей грозило что-то страшнее боли, и только с помощью невозмутимого Рыжика она вышла победительницей.

— Ступайте ужинать, Рыжик, — сказала она. — Вы, наверное, умираете с голода.

Он ожил, как придворный в замке Спящей красавицы, встряхнулся и неуклюже поднялся с кресла.

— О, нет! — сказал он. — Совсем нет, правда.

Салли зажгла свет, и он сощурился. Теперь она уже могла выдерживать чужие взгляды.

— Сходите, поешьте, — сказала она, — Закажите себе что-нибудь вкусное и побольше. Вы заслужили… — Ее голос на мгновение дрогнул. Она протянула ему руку. — Рыжик, — сказала она нетвердо. — Я… Рыжик, вы истинный друг.

Когда он ушел, Салли села и заплакала, затем деловито вытерла глаза.

— Ну вот, мисс Николас! — сказала она. — Час назад вы бы так не смогли… А сейчас мы сварим на ужин яйцо и посмотрим, как вам понравится.

Глава XI САЛЛИ СБЕГАЕТ

Если бы Рыжика Кемпа попросили перечислить собственные достоинства, вряд ли список получился бы длинным. Возможно, для начала он заявил бы, что всегда хочет как лучше, а потом долго грыз в раздумье карандаш. Однако даже если бы ему удалось в конце концов дополнить этот перечень пунктом-другим, про такт и деликатность он и не вспомнил бы.

Между тем, оставив Салли на несколько дней одну, он продемонстрировал именно эти качества. Нелегко было держаться вдали от нее, однако он крепился. Исходя из личного опыта, он твердо верил: когда человеку плохо, он желает уединения. В свое время Рыжику тоже случалось, как он сам бы сказал, «попадать в переделки», и в такие моменты он просил только, чтобы ему позволили спокойно обдумать и пережить все в одиночестве.

Однако с наступлением субботы он решил, что уже можно переходить к действиям. Суббота в общем-то неплохой день, чтобы возобновлять старые знакомства. На работу идти ему было не надо, а самое главное — накануне он получил недельное жалованье. Некоторую сумму у него ловко изъяла миссис Мичер, однако оставалось вполне достаточно, чтобы попытаться утешить Салли с поистине княжеским размахом. Ему показалось, что было бы неплохо взять напрокат автомобиль и свозить ее в один из загородных ресторанчиков, которых, как он слышал, много по дороге в Бостон. Он обдумал план. И чем больше Рыжик над ним размышлял, тем лучше он ему казался.

Подтолкнула его к этому решению и необычайно хорошая погода. В последнее время погода вообще стала откровением для Рыжика. В Америке он впервые узнал, что такое бабье лето, и чувства переполняли его. И вот, этим субботним утром он стоял на крыше пансиона, радуясь как чуду бархатным лучам солнца, и ему казалось, что в такой денек нет ничего лучше, как повезти Салли в открытом автомобиле за город.

Дом миссис Мичер возвышался на одной из боковых улочек в нижней части авеню. С его крыши, если вам удалось пробраться сквозь заросли болтающегося на веревках выстиранного белья, было видно много интересного. Налево — площадь Вашингтон-сквер, полная дремлющих итальянцев и детишек на роликовых коньках, а справа — вид, который никогда не надоедал Рыжику: высокие трубы пароходов компании

«Кунард», медленно плывущие вниз по реке. Из-за домов виднелись только они, так что казалось, что корабль плывет по Девятой авеню.

Сегодня труб было четыре, из чего Рыжик заключил, что это — «Мавритания». Поскольку из Англии он прибыл именно на этом корабле, на него нахлынули воспоминания. Он наблюдал за величавым продвижением труб, пока они не скрылись за высокими домами. Тогда Рыжик повернулся, полез сквозь лес простынь и спустился в свою комнату за шляпой. Через четверть часа он уже стоял в подъезде ее дома, с плохо скрываемым отвращением разглядывая саржевую спину своего кузена, который беседовал с джентльменом в форме.

Когда беспечный золотоискатель, с песней шагая по пустыне, вдруг нос к носу столкнется с гремучей змеей, вряд ли его настроение сменится так же резко, как у Рыжика при этом возмутительном зрелище. Встретить мистера Кармайла было неприятно даже на родной Пиккадилли. Обнаружить его здесь сейчас было просто отвратительно. Только одно могло привести его в этот дом — очевидно, он пришел к Салли. У Рыжика внезапно сжалось сердце: он вспомнил роскошный сверкающий автомобиль, который видел у дверей. Было ясно, в этот золотой осенний денек не ему одному захотелось прокатить Салли.

Он по-прежнему стоял, не двигаясь, когда мистер Кармайл повернулся. Смуглое лицо было нахмурено, из чего следовало, что он остался недоволен результатами беседы с консьержем. При виде Рыжика лучше ему не стало.

— Привет! — сказал он.

— Привет! — ответил Рыжик.

Вслед за этим обменом любезностями последовало неловкое молчание.

— Ты к мисс Николас?

— Да, а что?

— Ее нет. — Мистер Кармайл как будто немного повеселел, встретив кого-то, с кем можно поделиться плохими новостями.

— Нет?

— Нет. Судя по всему… — На лице Брюса Кармайла читалось негодование, которое всякий здравомыслящий человек испытывает, видя чужие безрассудства. — Судя по всему, ей вдруг взбрело в голову прокатиться в Англию.

Рыжик пошатнулся. Удар был неожиданным и оттого сокрушительным. Словно во сне он побрел вслед за своим кузеном на залитую солнцем улицу. Брюс Кармайл разговаривал с шофером.

— Как выяснилось, мне больше не нужна машина. Можете ехать в гараж.

Шофер, человек угрюмый, приоткрыл один глаз и осторожно сплюнул. Так плевал бы Рокфеллер, предчувствуя, что в переговорах по деликатному финансовому вопросу вот-вот наступит переломный момент.

— Все равно придется платить как за целый день, — заметил он и, чтобы придать словам весомости, открыл второй глаз.

— Разумеется, я заплачу, — отрезал мистер Кармайл в раздражении. — Сколько с меня?

Шофер получил деньги и укатил прочь.

— В Англию? — переспросил Рыжик, у которого голова шла кругом.

— Да, в Англию.

— Почему?

— Откуда мне знать, черт возьми? — Брюсу Кармайлу в эту минуту даже лучший друг показался бы невыносимым. Вид кузена с широко раскрытым ртом причинял ему почти физические страдания. — Мне известно лишь то, что сказал швейцар. Она отплыла сегодня утром на «Мавритании».

Трагическая ирония потрясла Рыжика. Значит, когда он, стоя на крыше, спокойно разглядывал трубы парохода…

С отсутствующим видом он кивнул мистеру Кармайлу и зашагал прочь. Говорить больше было не о чем. Солнце уже не грело, и жизнь потеряла для него всякий интерес. Он чувствовал уныние, вялость, заняться было нечем. Даже мысль о том, что его кузен, человек осторожный в тратах, был вынужден заплатить за машину, которая ему не нужна, нисколько его не радовала. Он бесцельно брел по улицам. Зашел в парк и тут же вышел. В парке было скучно. На улице было скучно. Во всем городе было скучно. Город без Салли стал бесцветным и пустым, и напрасно сияло солнце — это ничего не меняло.

Наконец пришел вечер, а с ним — письмо. Это было первое хоть немного приятное событие, случившееся с Рыжиком в этот тоскливый бессмысленный день: на конверте стоял штамп славного корабля «Мавритания». Он жадно схватил письмо со стойки и унес наверх к себе в комнату.

Комнаты в пансионе миссис Мичер особой роскошью не отличались. Хозяйка явно не принадлежала к числу следящих за модой декораторов. Ей казалось, если добавить кресло к самому необходимому, что должно быть в спальне, большего постоялец, платящий семь с половиной долларов, ожидать не может. Как правило, суровая обстановка удручала Рыжика,

когда он возвращался к себе, однако этим вечером — таково уж волшебное действие письма от нужного человека — он приободрился и даже повеселел. Бывают минуты, когда и мудрое изречение, подвешенное в рамке над умывальником, не может полностью подавить нас.

Рыжик взялся за чтение своей корреспонденции не спеша и со множеством церемоний. Он повел себя как маленький мальчик, которому неожиданно перепала порция мороженного: прежде чем наброситься на него, какое-то время пожирал письмо глазами, чтобы продлить удовольствие. Первым делом он полез в нагрудный карман и извлек на свет фотографию Салли, которую преступно вынес у нее из квартиры. Он долго и жадно всматривался в ее черты, потом поставил карточку на туалетный столик, чтобы была под рукой, если понадобится. Затем снял пальто и ботинки, расстегнул воротничок, набил и раскурил трубку, положил кисет со спичками на подлокотник кресла, придвинул его поближе к кровати, чтобы можно было сидеть, задрав ноги. Устроившись поудобней, он вновь раскурил трубку и взял письмо. Осмотрел штамп, почерк, которым был написан адрес, и марку. Взвесил конверт на руке. Объемистое.

Он взял с туалетного столика фотографию и внимательно вгляделся в нее. Потом снова раскурил трубку и, наконец, откинувшись в глубины кресла, распечатал конверт.

«Рыжик, дорогой…»

Прочитав это, Рыжик ощутил необходимость еще раз взять в руки фотографию и изучить ее повнимательнее. Он долго разглядывал ее, затем отложил, вновь раскурил трубку и продолжил чтение.

«Рыжик, дорогой. Боюсь, увидев обратный адрес, Вы испытаете потрясение, и чувствую себя очень виноватой. Сбежала и даже не попрощалась. Не выдержала. Знаю, слабость, трусость, но больше не могу. Попробовала терпеть, но на третий день поняла: не получается. Спасибо, что дали мне побыть одной и не навещали. Никто, кроме Вас, так не поступил бы. Хотя разве найдется в мире такой же понимающий человек, как Вы?»

На этом месте Рыжик был вынужден снова взглянуть на фотографию.

«Слишком много воспоминаний связано с Нью-Йорком. В месте, где был когда-то счастлив, становится невыносимо, когда счастье ушло.

Обнаруживаешь, что кругом полно призраков. Я не смогла этого стерпеть. Попыталась, но не сумела. Потому и уезжаю залечивать раны, если получится. Мистер Фоситт теперь в Англии. Я зашла к миссис Мичер за своей почтой и нашла письмо от него. Его брат умер, знаете, и среди прочего оставил ему в наследство модное ателье на Риджент-стрит. Его брат был тот самый «Лоретт и К°». Думаю, в будущем мистер Фоситт продаст фирму, но пока бедный старичок совершенно запутался, и ему это даже в голову не приходит. В письме он все время повторяет, как ему нужна помощница и как он хотел бы, чтобы я приехала. Так что я поддалась на уговоры и уезжаю. Все что угодно, лишь бы подальше от призраков и чем-нибудь заняться. Не думаю, что в Англии мне полегчает, но там хотя бы меня не будут на каждом углу настигать воспоминания. Никогда и нигде не бывайте счастливым, Рыжик. Это слишком рискованно, чересчур рискованно.

Получила я письмо и от Эльзы Доланд. Полное любви. Мы ведь всегда с ней дружили. Конечно, она и не подозревала о нашей с Джеральдом помолвке. Я одолжила Филлмору деньги, чтобы поставить ту пьесу с Эльзой в главной роли, и она мне так признательна. Пишет, что при первой же возможности обязательно меня отблагодарит… Как все странно!

От Джеральда тоже пришло письмо. Конечно, я его ждала, но… Как бы Вы поступили на моем месте, Рыжик? Прочитали бы? Я, наверное, целый час просидела, разглядывая конверт, а потом… Понимаете, к чему все это? Что там в письме, я и так догадывалась, а читать его — лишняя боль. Что сделано, то сделано. К чему теперь объяснения? Зачем? Ничему не помочь. Ничего не исправить… Я сожгла его, Рыжик. Последнее письмо, которое получила от него. Развела костер в ванной на полу. Бумага занялась, потемнела, потом ярко вспыхнула, а я все подкладывала новые спички, чтобы огонь не потух, и в конце концов остались только кучка пепла и пятно на кафеле. Одна грязь!

И Вы сожгите это письмо. Я изливаю на Вас весь этот яд в надежде, что почувствую себя лучше. Вы ведь не против? Знаю, что нет. Если у кого-то и был настоящий друг…

Как ужасно потерять из-за кого-то голову, Рыжик. Это случается вдруг, и сделать ничего нельзя. Любой из нас благоразумен и рассудителен, говоря о любовных делах других. Когда я работала в дансинге — помните, я вам рассказывала, — одна девушка у нас влюбилась в совершеннейшую скотину. У него был гнусный рот и прилизанные черные волосы — любому было понятно, что он собой представляет. А эта девушка ни слова не желала слышать. Сколько раз я с

ней говорила. Теперь мне смешно вспоминать, какой благоразумной и уравновешенной я тогда была. Она меня не слушала. Неясно почему, но ей был нужен только этот человек, и, конечно, все случилось так, как и предполагали.

Если бы мы так же хорошо разбирались в собственной жизни, как мы разбираемся в чужой! Случись это несчастье с какой-нибудь другой девушкой, я легко доказала бы, что так даже лучше и страдать из-за того, кто мог поступить, как Джеральд, не стоит. Я просто слышу себя. Но, понимаете, что бы он ни сделал, Джеральд все тот же Джеральд, а Салли — все та же Салли. И сколько бы я себя ни уговаривала, никуда от этого не деться. Остается только жаловаться своему рыжему другу, хотя я, как и он, прекрасно знаю, что девушка, даже если ей плохо, должна держаться с достоинством и вое горе скрывать, у нее должно достать гордости, чтобы ничем не выдать свою боль.

Гордость! В этом-то и дело, Рыжик. С моей гордостью обошлись так же, как вы с тростью мистера Скримджора — измололи, изрубили, искрошили в щепки! Какие мы все-таки жалкие создания! Я имею в виду, девушки. По крайней мере, мне кажется, что большинство девушек такие же, как я. Если бы Джеральд умер, и я потеряла бы его, я бы испытывала совсем не то, что сейчас. Я прекрасно это сознаю. Сердце мое разбилось бы, и все же было бы по-другому. Сейчас страдает моя гордость. Я всегда была самоуверенным созданием, которое всеми командует, важничает и задирает нос, этакий воробей. И вот настала расплата! Да, Рыжик, это расплата! Не знаю, поможет ли мне бегство. Разве что у мистера Фоситта действительно найдется для меня какое-нибудь тяжелое дело…

Конечно, я понимаю, как это все случилось. Эльза — девушка хорошенькая и обаятельная. Однако суть даже не в этом. Она имеет успех, а успех — слабость Джеральда. Он его боготворит. Ее ждет великолепная карьера, и она может помочь ему. Он будет писать пьесы, она — играть в них. А что могла предложить ему я? Да, знаю, говорить так унизительно, это — неуважение к себе самой. Надо быть выше этого, правда? Как будто я соревновалась за какой-то приз… Но у меня уже не осталось гордости. Что ж!

Ну, вот я и выплеснула все, что было на душе, и впрямь чувствую себя немного лучше. Вряд ли надолго, но даже одна минута — это уже кое-что. Рыжик, дорогой, я Вас теперь долго не увижу, если мы вообще когда-нибудь увидимся, но, пожалуйста, не забывайте: я много думаю о Вас. Я чувствую ответственность. Вы мне как ребенок. Теперь, когда у Вас появилась работа, держитесь за нее покрепче. Пожалуйста, пожалуйста,

пожалуйста, ничего больше не завалите! До свидания. Я так и не нашла той фотографии, которую мы вместе искали у меня дома, а то послала бы ее Вам. Вы бы поставили ее на каминную полку, и всякий раз, когда собирались что-нибудь завалить, ловили бы мой строгий взгляд и брали бы себя в руки.

До свидания, Рыжик. Надо заканчивать, почта уже закрывается. Всегда ваш друг, где бы ни была. Салли».

Рыжик отложил письмо и то ли вздохнул, то ли выругался. Он размышлял, не съездить ли ему, в Чикаго, чтобы свернуть Джеральду Фостеру шею. Отказавшись от этого плана, как от бесполезного, и не в силах думать ни о чем другом, он вновь раскурил трубку и взялся за письмо.

Глава XII ПИСЬМА РЫЖИКУ

«Лоретт и К°».
Риджент-стрит
Лондон, Уэст-Энд
Англия

21 января

Дорогой Рыжик! Мне уже лучше. Все-таки три месяца прошло с тех пор, как я последний раз Вам писала, и, наверное, Вы скажете, что только жалкое безвольное создание за это время не почувствовало бы себя лучше. Я согласна, трех месяцев человеку вполне достаточно, чтобы справиться с чем угодно. Как ни прискорбно, у меня не очень это получается. Однако и то хорошо, что все свои горести я теперь убрала подальше в подвал и не вытаскиваю их оттуда что ни день. А это уже кое-что, правда?

Наверное, я должна поделиться с Вами впечатлениями от Лондона, но я уже настолько привыкла к городу, что никаких впечатлений у меня просто не осталось. Мне кажется, я живу здесь годы и годы.

По адресу видно, что мистер Фоситт все еще не продал свое ателье. Однако вот-вот продаст, он сам мне сказал. Богатый на вид господин с усиками и цепким взглядом ежедневно с ним обедает, так что, думаю, переговоры уже ведутся. Бедный старик! Ему безумно хочется уехать отсюда, осесть в деревне, разводить уток и прочую живность. Лондон его разочаровал. Город не тот, что прежде. Теперь мистер Фоситт уже смирился, а до этого бродил по улицам безутешный, пытаясь отыскать приметы своей юности. Он не был в Англии почти тридцать лет! А беда в том, что раз в тридцать лет Лондон охватывает безумная тяга к переменам, и вот какой-нибудь фасад из синего вдруг становится красным, что повергает вернувшегося изгнанника в отчаяние. Мистер Фоситт — как Рип Ван Винкль. Первое потрясение он пережил, обнаружив, что «Империя» из мюзик-холла превратилась в театр. Потом ему сказали, что другой мюзик-холл, «Тиволи», и вовсе снесли. А когда в довершение всего, он отправился посмотреть булочную на Руперт-стрит, над которой квартировал в восьмидесятых, обнаружилось, что там теперь ателье. Тут на него навалилась страшная тоска, однако, к счастью, на город лег приятный красноватый туман, и стало ясно, что кое-что сохранилось, как в старые добрые времена.

В «Лоретт и К°» у меня довольно много дел, и слава Богу! (Не очень-то разбираясь в бизнесе, я сперва решила, что Ко — это фамилия младшего компаньона, и мне не терпелось с ним познакомиться. «Мисс Николас, позвольте представить вам мистера £о вашего большого поклонника».) Я занимаю примерно ту же должность, что и Вы в «Театральной компании Филлмора Николаса», то есть что-то вроде правой руки, только женский вариант. Слоняюсь по магазину, встречаю посетителей, которые говорят: «Прекрасная погода, мэм!» (что обычно низкая ложь), и провожаю их к тем, кто занят настоящим делом. Я бы не прочь так проработать еще несколько лет, однако мистер Фоситт решительно настроился продавать. Не знаю, как Вы, но все остальные англичане, которых я видела, мечтают приобрести дом в Лоумшире,[81] или Гемпшире, или Шропшире, или еще где-нибудь. Вся их жизнь посвящена тому, чтобы подзаработать немного деньжат и «выкупить старое имение», которое, разумеется, пришлось продать в конце первого акта из-за того, что наследник наделал долгов.

Когда мистер Фоситт был маленьким мальчиком, он жил в небольшой деревушке в Глостершире, недалеко от местечка, которое называется Чисистер. Готова поспорить, Вы и не подозревали о его существовании. Так вот, пятьдесят лет он об этом и не вспоминал, а тут вдруг возжаждал переехать туда и провести остаток дней в окружении поросят и кур. На днях он возил меня посмотреть дом Ох, Рыжик, я видела английскую деревню! Почему англичане вообще живут в городах, не понимаю. Старые-престарые дома из серого камня, желтые стога, прекрасные раскисшие тропки, развесистые деревья и голубые холмы на горизонте. Как там покойно! Если бы я решила продать душу, взамен я потребовала бы у дьявола лет сорок вот в такой английской деревне.

Может, Вам показалось, что я чересчур занята и позабыла о Вашем существовании. Так вот, чтобы доказать, насколько я Вами интересуюсь, расскажу такую историю. Неделю назад, читая газету, я наткнулась на заголовок «Встречаются сборные». Поначалу я не обратила особого внимания, а потом вдруг меня осенило. Это же то самое, что Вам когда-то светило! И я отправилась в место под названием Твикенхем, где планировался матч, взглянуть, чем Вы занимались, пока за Вас не взялась я и не сделала Вас почтенной правой рукой. Собралась огромная толпа, и меня чуть не задавили насмерть, однако я терпела ради Вас. Я догадалась, что англичане в белом, а те, что в красном, приехали из Уэльса. Когда мужчина рядом со мной перестал вопить, он был уже багровый, я обратилась к нему: «Не будете ли вы так любезны подсказать мне, который у англичан полузащитник схватки?» Как раз в этот момент на нашем крае

поля дюжина головорезов в красном набросились на кроткого юношу, который своим телом закрыл мяч Рыжик, Вам просто повезло! Это и был полузащитник схватки и, как я поняла, такие происшествия для него обыденность. Это называется «захват», и он этому подвергается все время. Почему Вы выбрали такой жестокий спорт? Благодарите свою счастливую звезду за то, что целый и невредимый сидите на стульчике в приемной у Филлмора и можете вызвать полицию, если кто-нибудь начнет наскакивать на Вас. Вы и в самом деле были способны на такие отважные подвиги? Должно быть, в Вас заключены глубины, о которых я и не подозревала.

На днях, катаясь по Пиккадилли на империале автобуса, я заметила в толпе прохожего, который показался мне знакомым. Оказалось, мистер Кармайл. Значит, уже вернулся в Англию. Слава Богу, он меня не видел. Не хочу сейчас встречаться с людьми, которые напоминают мне о Нью-Йорке.

Спасибо, что сообщили мне новости, только, пожалуйста, больше этого не делайте. Я начинаю вспоминать, а я не хочу вспоминать. Вот так, Рыжик. Давайте я буду Вам писать, потому что это действительно мне помогает, а Вы на мои письма не отвечайте. Договорились? Уверена, Вы поймете.

Так, значит, Филлмор и Глэдис Винч поженились! Судя по тому, что я видела, лучшего для братца Ф. и придумать нельзя. Прекрасная девушка. Надо ему написать…

«Лоретт и К°»,
Лондон

12 марта

Дорогой Рыжик, на прошлой неделе прочитала в субботней газете, что «Путь иллюзий» теперь идет в Нью-Йорке, и весьма успешно. Что ж, я рада. И все же, думаю, не стоит такое помещать в газетах. Некоторых это выбивает из колеи.

Днем позже я проделала одну забавную штуку, из тех, какие приходят в голову, когда ты в плохом настроении, одинок и позаброшен. Я заехала к Вам в клуб и спросила Вас! Приятный старичок в форме на входе по-отечески сообщил мне, что в последнее время Вас что-то не видно, и он лично предполагает, что Вы уехали из города, но не присяду ли я, пока он разузнает. Он подозвал крошечного мальчика, тоже в форме, и тот поскакал, пронзительно выкрикивая на все лады «Мистер Кемп! Мистер Кемп!» Странно было слышать, как Ваше имя эхом разносится по всему

дому. Мне стало ужасно стыдно за то, что я причинила им столько хлопот. И когда мальчик вернулся, сунула ему в ладошку два пенса, что, наверное, против всех правил, хотя ему, кажется, понравилось.

Мистер Фоситт продал ателье и подался в деревню, так что я совсем без дела.

Монкс Крофтон
(что же это значит?)
Мач Миддлфорд
Шропшир
Англия

18 апреля

Дорогой Рыжик, все без толку! Без толку! Изо всех сил я стараюсь убежать от Нью-Йорка, а Нью-Йорк преследует меня и настигает прямо в моем убежище. Неделю назад или около того брожу я бесцельно по Стрэнду и вдруг натыкаюсь, на кого бы вы думали? Филлмор рука об руку с мистером Кармайлом! Обойти их мне не удалось. Во-первых, потому что мистер Кармайл заметил меня, во-вторых, потому что теперь, чтобы обойти беднягу Филлмора, потребуется целый день. Я краснею за него, Рыжик! И там, на Стрэнде, тоже покраснела. Даже в самых жутких кошмарах я не представляла его таким огромным. Чем же питался наш Филлмор, чтобы так разрастись? Бедняжка Глэдис! Смотрит на него, наверное, и подозревает, что вышла замуж сразу за двоих.

У Филлмора, как обычно, полно грандиозных проектов, и он с легкостью рассуждает о том, что приобретет в Англии. Он приехал, хотя, полагаю, Вам это известно, чтобы договориться о постановке «Пути иллюзий» в Лондоне. Остановился в «Савое», и они с радостным гиканьем потащили меня туда обедать, как отбившегося от стада ягненка. Ничего хуже со мной случиться просто не могло. Филлмор без умолку говорил о Бродвее, и к тому времени, как он разобрался с французскими пирожными и едва дыша развалился на стуле, дожидаясь кофе и ликера, меня уже охватила такая тоска по родине, что, не будь вокруг столько народа, я бы разревелась. Безумием с моей стороны было приближаться к «Савою». Это же продолжение Бродвея. Повсюду, куда ни глянь, за столиками сидели американцы. Мне казалось, что все происходит в Нью-Йорке.

Что ж, если судьбе угодно перенести Нью-Йорк в Англию специально, чтобы расстроить мои планы, придется с этим смириться. Пусть все идет своим чередом, отныне я плыву по течению. Два дня назад меня занесло

сюда. Мистер Кармайл пригласил Филлмора (кажется, он его полюбил) и меня в Монкс Крофтон, и отказаться не было никакой возможности. Так что я приехала, и вот сижу в огромной спальне с камином, креслами и прочей роскошью и пишу Вам. Филлмор играет в гольф. Он возвращается в Нью-Йорк в субботу на «Мавритании». Я пришла в ужас, услышав от него, что в дополнение ко всему остальному он занялся организацией боксерского поединка на звание чемпиона в легком весе.[82] Будет это в Джерси-Сити, и он пообещал обоим боксерам огромные гонорары. Спорить с ним бесполезно. В ответ он просто сыплет примерами, какие состояния сделали на этом другие. Кроме того, уже слишком поздно. Насколько я поняла, бой состоится недели через две. Все равно меня мороз по коже продирает.

Хотя, что теперь беспокоиться. Давайте сменим тему. Вы бывали в Монкс Крофтоне? Вероятно, нет, поскольку, мне кажется, я слышала, что это недавнее приобретение. Мистер Кармайл купил его у какого-то лорда, который проигрался на фондовой бирже. Надеюсь, Вы здесь не были, потому что собираюсь описать это место во всех подробностях. Хочу излить Вам душу. Рыжик, чем Англия заслужила такие райские уголки? В своем невежестве я полагала, что Чисистер мистера Фоситта прекрасен, однако он и близко не стоял. Никакого сравнения. Конечно, у мистера Фоситта обычный деревенский дом, а это — Поместье. Про такие места, как Монкс Крофтон, пишут в романах. Знаете: «Солнце садилось над стенами замка Г… в…шире, вблизи от живописного местечка В… Оттуда рукой было подать до деревушки Д…» Легко представить, что теннисоновская Мод жила здесь. Величественный английский дом. Как же здесь красиво! Я без ума.

На станции вы садитесь в автомобиль и примерно через три мили подъезжаете к большим железным воротам, по обеим сторонам стоят каменные колонны, а на них — каменные звери. Рядом с воротами — хорошенький домик, из которого, притрагиваясь к шляпе, выпрыгивает старичок. На самом деле это всего лишь сторожка, но вы-то думаете, что уже приехали и готовитесь вылезать. Однако тут машина снова трогается, и вы едете еще миль пятьдесят через буковый лес, где полно кроликов, а на открытых лужайках гуляют олени. В конце концов, когда вам уже кажется, что путешествие не кончится никогда, резкий поворот, и вот он дом. До сих пор его не было видно, потому что деревья растут слишком густо.

Дом очень большой, низкий и квадратный, с одного края что-то вроде башенки, и совершенно очаровательное крыльцо с зубцами наверху. Думаю, в старые времена хозяева поливали оттуда визитеров

расплавленным свинцом. Повсюду чудные лужайки, кустарники, а в низине среди полей — озеро. Конечно, пока еще слишком но а вообще слева от дома в июне расцветет, наверное, миллион роз. Вдоль розария тянется высокая старая стена из красного кирпича, а за ней огород, который я исследовала сегодня утром. Он огромный, с теплицами и разными штуками. В уголке там прелестнейшая ферма с конюшней, где во дворе бегают щенки, и у вас сердце щемит, такие они миленькие. Большая сонная кошка сидит на солнце и щурится, не обращая внимания на щенков, которые кувыркаются вокруг. И такая кругом тишина, что слышишь, как все растет. А дрозды… Ах, Рыжик, это просто рай!

Но есть здесь и ловушка. Как раз то самое место, где все отрада глазу, лишь низок человек.[83] Ну, может, конечно, не низок, но уж неприятен точно. Теперь я понимаю, почему Вы никак не могли поладить с Семьей. Я видела их! Они здесь! Да-да, и дядя Дональд и все остальные. В Вашей Семье принято ездить по гостям всей шайкой, или мне просто повезло, и я попала на уик-энд в кругу родных? Когда я спустилась к ужину в первый вечер, гостиная ломилась, и не только потому, что Филлмор был там, повсюду сидели дяди и тети. Я чувствовала себя маленьким львом в Данииловом рву. Теперь я точно знаю, что вы имели в виду, говоря о Семье. Они смотрят! Конечно, мне все равно, я чиста как первый снег, но могу себе вообразить, каково было Вам с Вашей вечно неспокойной совестью. Тяжело, должно быть, приходилось. Кстати, отправить это письмо будет непросто, почти как в детстве пронести депешу сквозь вражьи ряды, когда играешь в Гражданскую войну. Здесь принято оставлять письма на столике в холле, а после обеда кто-нибудь забирает их и на велосипеде отвозит в деревню. Однако если положить его туда, один из родственников непременно его обнаружит, и я превращусь в изгоя, поскольку, друг мой, это не шутка — быть уличенной в переписке с таким сорняком, как Вы. Как низко паду я в их глазах. По крайней мере, это следует из того, что я видела вчера вечером, когда за обедом вдруг всплыло Ваше имя. Кто-то вспомнил о Вас, и тут же разожгли костер. Главарем выступал дядя Дональд. Я робко заметила, что встречалась с Вами, и мне показалось, что Вы все же человек. Тут установилась страшная тишина, а потом все заговорили разом, объясняя, как я не права и как жестоко меня обманула девичья неопытность. Оказывается, юное невинное создание вроде меня абсолютно не способно распознать отбросы общества и их истинную подлость. Вы не достойны говорить с такими, как я, поскольку Вы в лучшем случае позор рода человеческого. Говорю это на случай, если Вы думаете, что пользуетесь любовью в Семье. Так вот, не пользуетесь.

Придется мне проявить змеиную изворотливость, чтобы вынести это письмо из дома. Схожу в деревню сама, если удастся проскочить мимо родственников. Однако это достаточно сложно, поскольку, как ни странно, я здесь в центре внимания. Стоит мне выйти из своей комнаты, тут же, откуда ни возьмись, появляется тетушка или дядюшка, чтобы мило со мной побеседовать. Иногда мне начинает казаться, что меня словно взвешивают. Ну что ж, пусть взвешивают.

Пора одеваться к ужину. До свидания.

Ваша, сидящая на весах, Салли.

P.S. Насчет дядюшкиных усов Вы были абсолютно правы, а вот в том, что это его беда, а не вина, я с Вами не согласна. Думаю, все-таки он нарочно.

Пока что Монкс Крофтон
Мач Миддлфорд
Шропшир
Англия

20 апреля

Дорогой Рыжик! Уезжаю отсюда сегодня. В опале. Со всех сторон тяжелые холодные взгляды. Напряженное молчание. Дядя Дональд больше не хочет дружить. Наверное, Вы догадываетесь, что произошло. Да и я могла бы заметить, к чему идет. Теперь-то я понимаю, это все время витало в воздухе.

Филлмор пока ничего не знает. Он уехал как раз перед этим. Впрочем, очень скоро я с ним увижусь. Я решила: хватит бегать, возвращаюсь домой. Прятаться здесь — трусость. Кроме того, я чувствую себя уже настолько лучше, что, наверное, смогу встретиться с призраками. В любом случае, попытаюсь. Увижу Вас почти сразу после того, как Вы получите это письмо.

Я брошу его в Лондоне, и, думаю, оно поплывет на том же корабле, что и я. На самом деле, конечно, вряд ли вообще стоит писать, но я ускользнула к себе в комнату и жду автомобиль, который заберет меня на станцию, так что надо чем-то заняться. Сюда доносятся приглушенные голоса. Наверное, меня обсуждают. Говорят, что я никогда им не нравилась. Что ж!

Ваша, организованно идущая на выход,
Салли.

Глава XIII СТРАННОЕ ПОВЕДЕНИЕ СПАРРИНГ-ПАРТНЕРА

1

Сидя у себя в квартире утром по возвращении в Нью-Йорк, Салли испытывала примерно то же, что пловец, который, поколебавшись немного на краю бассейна с ледяной водой, собирается с духом и прыгает. Было больно, однако она понимала, что поступила правильно. Если ей хочется счастья, надо бороться, а все эти месяцы она бежала от борьбы. Она отбросила колебания, готовая к любым неожиданностям, и вот ее уже вынесло на середину. Было больно. Она ждала, что будет больно. Но это не тупая меланхолия. Эта боль толкала к действию. Она чувствовала, что живет, что сопротивляется.

Она закончила распаковывать вещи и привела себя в порядок. И тут же подумала о Рыжике. Внезапно она поняла, что ей ужасно хочется повидаться с Рыжиком. Его спокойная дружба будет ей поддержкой и опорой. Она жалела, что не отправила ему телеграмму, чтобы он встретил ее в порту. Там было ужасно. Среди гулких таможенных ангаров она почувствовала себя одинокой и заброшенной.

Она взглянула на часы и удивилась, что еще так рано. Возможно, она застанет его в конторе и вытащит на обед. Она надела шляпку и отправилась в путь.

Неугомонная страсть к переменам, так свойственная Нью-Йорку, за время ее отсутствия не миновала и приемную Театральной компании Филлмора Николаса. Ее приветствовал совершенно новый юноша, сидящий на месте того, с кем в прошлый свой визит она установила столь сердечные отношения. Как и его предшественник, он был прыщав, однако на этом сходство заканчивалось. Нынешний рассыльный был мрачен и смотрел на нее строго и подозрительно. Какое-то время он пристально разглядывал ее, словно застал за кражей промокательной бумаги, затем так же жестко пожелал, чтобы она изложила свое дело.

— Мне нужен мистер Кемп, — сказала Салли.

Рассыльный сурово поскреб щеку линейкой. Вид у него был строгий, и Салли ни за что не догадалась бы, что всего за секунду до ее прихода он пытался удержать эту самую линейку на подбородке, одновременно

жонглируя двумя пресс-папье. Несмотря на презрение к людским слабостям юноша мечтал выступать на сцене.

— Как фамилия? — холодно спросил он.

— Николас, — сказала Салли. — Я сестра мистера Николаса.

Однажды это признание привело к самым плачевным последствиям, однако сегодня все сошло благополучно. На рассыльного слова Салли подействовали, как выстрел. Он конвульсивно дернулся, открыл рот и выронил линейку. Пока он наклонялся за ней, он сумел взять себя в руки. На самом деле, он спрашивал вовсе не о том, как фамилия Салли, он хотел, чтобы она повторила, кто ей нужен. Так что ему повезло. Удерживать и линейку, и пресс-папье было сложно, он устал, расстроился и собирался выместить зло на юной посетительнице. Обнаружив, что побеспокоила его сестра босса, он посчитал целесообразным радикально сменить тактику. Наклонялся он, еще нахмурившись, а когда вернулся к вертикальному положению, на лице его уже играла самая обаятельная улыбка, словно солнечный луч пробился сквозь лондонский туман.

— Не желаете ли присесть? — сказал он с безупречной вежливостью и, полностью отбросив чопорность, рукавом пиджака смахнул пыль с одного из стульев. Потом добавил, что утро сегодня прекрасное.

— Спасибо, — сказала Салли. — Вы не скажете ему, что я пришла?

— Мистера Николаса нет, мисс, — сказал рассыльный с вежливым сожалением. — Он уже вернулся в Нью-Йорк, однако сейчас опять уехал.

— Мне не нужен мистер Николас. Мне нужен мистер Кемп.

— Мистер Кемп?

— Да, мистер Кемп.

Холмистое лицо рассыльного, сознающего собственное бессилие, приняло горестное выражение.

— Такого не знаю, — сказал он извиняющимся голосом.

— Но как же… — внезапно Салли прервала фразу. Мрачное предчувствие закралось к ней в душу. — Давно вы здесь? — спросила она.

— Весь день, мэм, — сказал рассыльный.

— Я хочу сказать, давно вы здесь работаете?

— С месяц, наверное, мисс.

— И за все это время мистер Кемп в конторе не появлялся?

— Впервые слышу эту фамилию. На что он похож? В смысле, как выглядит?

— У него очень рыжие волосы.

— Никогда не видел, — сказал рассыльный.

Перед Салли открылась голая правда. Она винила себя за то, что

уехала, она говорила себе, что должна была это предвидеть. Предоставленный себе самому, невезучий Рыжик в который раз все завалил. На этот раз он, должно быть, сделал что-то действительно значительное, поскольку Филлмору, конечно, не так-то легко было уволить того, кто находится под ее особым покровительством.

— Где мистер Николас? — спросила она. Ей показалось, что всю информацию можно получить только у Филлмора. — Вы сказали, его нет.

— И правда нет, — сказал рассыльный с подкупающей прямотой. — С полчаса назад уехал в Уайт Плейнс на своем автомобиле.

— В Уайт Плейнс? Зачем?

Прыщавый юнец всей душой отдался светской болтовне. Обычно он ценил свое время и не позволял внешнему миру отвлекать его — ведь тот, кто избрал своей дорогой в жизни профессию жонглера, не должен упускать малейшей возможности тренироваться, однако Салли произвела на него настолько благоприятное впечатление, что он готов был говорить с ней столько, сколько она пожелает.

— Наверное, поехал взглянуть на Клопа Батлера, — сказал он.

— На какого клопа? — переспросила озадаченная Салли. Рассыльный снисходительно улыбнулся. Прекрасный пол он почитал, однако знал, что женщины редко разбираются в вещах, по-настоящему важных. Он их не винил. Так уж они устроены, и это надо просто принять.

— Клоп Батлер тренируется в Уайт Плейнсе, мисс.

— А кто такой Клоп Батлер?

На лице рассыльного появились следы прежней суровости. Вопрос Салли оказался животрепещущим.

— То-то и оно! — переходя к этой теме, он утратил вежливую почтительность. — Кто он такой! Вот и все так говорят. Кого побил Клоп Батлер?

— Не знаю, — ответила Салли, поскольку рассыльный замолчал и пристально уставился на нее, словно в ожидании ответа.

— И никто не знает, — горячо поддержал ее юноша. — Кучку заморышей. И все. Каких-то дохляков, про которых никто и не слыхивал. Ну, разве что Урагана Маллинса, да и то потребовалось пятнадцать раундов, чтобы рефери засчитал ему победу по очкам. Босс решил дать ему шанс, выставить его против чемпиона, а я вам говорю: законный претендент на звание — Клег Биннс. Он-то уложил Урагана Маллинса в пятом. Что ж, — сказал рассыльный, утомленный людской глупостью, — может, кто и думает, что Клоп Батлер продержится шесть раундов против Лью Лукаса, но я ставлю два доллара, что нет.

Салли начинала понимать.

— О, так Клоп… мистер Батлер выступает в этом матче, который организует мой брат?

— Точно. Будет драться против чемпиона в легком весе. Лью Лукас — чемпион. Вот такой парень!

— Да? — сказала Салли. Юноша смотрел на нее, склонив голову набок, словно ожидал чего-то.

— Да, *сэр!* — многозначительно произнес он, наконец. — Лью Лукас — горячий парень. Мы жили на соседних улицах, — добавил он, желая окончательно подтвердить доблесть своего героя. — Я видел его старенькую мать, вот как вас. Говорю вам: видел ее раз сто. И какой-то дохляк Клоп Батлер собирается побить такого парня?

— Действительно, странно.

— Вот именно! — подтвердил юнец, попытавшись прихлопнуть муху, устроившуюся на пресс-папье.

Опять повисла пауза. Салли засобиралась.

— И вот еще что, — продолжил рассыльный, не желая закрывать эту тему— Может Клоп Батлер сто тридцать пять раз обежать ринг и не запыхаться?

— Судя по всему, вряд ли.

— Говорят, он ловкий, — эксперт саркастически усмехнулся. — Что ж… А толку? Бить-то не умеет, не справится и с ореховым мороженым.

— Кажется, вам не нравится мистер Батлер.

— О, против него лично я ничего не имею, — великодушно заметил рассыльный. — Я просто говорю, что рядом с Лью Лукасом ему делать нечего.

Салли встала. Какой бы захватывающей ни была беседа, ее ждали более важные дела.

— Как я найду брата в Уайт Плейнсе? — спросила она.

— Любой подскажет вам дорогу к спортивному залу. Если поспешите, как раз успеете на поезд.

— Спасибо большое.

— Не за что.

Со старомодной вежливостью он распахнул перед ней дверь, которая от долгого простоя слегка заржавела, а затем с видом человека, который от приятной, но пустоватой болтовни переходит к делу, вооружился двумя пресс-папье и с крайней осторожностью водрузил на подбородок линейку.

2

Филлмор вздохнул с облегчением и бочком пошел к выходу. Помещение было огромное, не то конюшня, не то гимнастический зал. По стенам висело спортивное снаряжение, а в центре располагалось широкое огороженное канатами пространство, вокруг которого с выжидающим видом толпились люди. Наш век — век коммерции. Времена, когда выдающиеся боксеры тренировались вдали от посторонних глаз, прошли. В наши дни любой, кто способен выложить пятьдесят центов, может приходить и смотреть, сколько влезет. Сегодня посмотреть на тренировку собралось человек сорок, хотя, к великому сожалению мистера Лестера Барроуза, менеджера блистательного Клопа Батлера, не все они заплатили звонкой монетой. Среди присутствующих было полно газетчиков, имевших право на бесплатный проход, — этих писак, которые отшлифуют немного грубоватые высказывания мистера Батлера о том, что он собирается проделать с мистером Лью Лукасом, и передадут его слова следующим образом: «Я в отличной форме и за исход поединка не опасаюсь», и художников, которые изобразят его полуобнаженным с ногами на несколько размеров больше, чем у нормального человека.

Облегчение Филлмор почувствовал оттого, что мистер Барроуз, известный болтун, который ухватил его за пуговицу пятнадцать минут назад, наконец-то отвлекся. Он убежал разрешать вопрос, требовавший его личного присутствия, и оставшийся на свободе Филлмор поспешил в отель, чтобы раздобыть какой-нибудь еды, что было ему крайне необходимо. Рвение, которое привело его с инспекцией в Уайт Плейнс посмотреть, на что употребит мистер Батлер последний день тренировок — поскольку бой намечен на завтра, — было настолько велико, что он уехал из Нью-Йорка, даже не пообедав.

Филлмор осторожно двигался к выходу, и в дверях столкнулся с Салли. Он шел, оглядываясь через плечо, и заметил ее, лишь когда она сказала:

— Привет, Филлмор!

Салли говорила негромко, однако даже взрыв динамита не подействовал бы на ее брата подобным образом. Скрутившись в прыжке, он взмыл над полом на целых три дюйма. Его охватило странное ощущение, будто его нервы намотали на багор. Он хватал воздух и облизывал губы кончиком языка, не отрывая от нее долгого взгляда.

Великие люди в минуты слабости заслуживают скорее жалости, чем насмешки. Если и может быть оправдание у человека, скачущего, как

молодой барашек, у Филлмора оно было. Всего лишь неделю назад он оставил Салли в Англии, в Шропшире, в замке. Она ни словом не обмолвилась о том, что собирается уезжать из страны, из графства или из дома. Тем не менее вот она, на тренировке Клопа Батлера в Уайт Плейнсе, штат Нью-Йорк, кричит в ухо, даже по плечу не похлопает, чтобы предупредить. Ничего удивительного, что Филлмор вздрогнул. И ничего удивительного, что как только он пришел в себя, в душу его закралось леденящее подозрение.

Филлмор прекрасно сознавал, что означало это приглашение в Монкс Крофтон. В наши дни поклонник уже не испрашивает формального разрешения ухаживать за девушкой у ее ближайших родственников, однако, когда он приглашает девушку и ее ближайшего родственника в свой загородный дом и собирает там всю семью, чтобы познакомить с ней, можно сказать, что мы вышли из сферы умозрений. Взвесив все, Филлмор заключил, что Брюс Кармайл влюблен в Салли, и мысленно уже соединил их руки, дав свое братское благословение. И вот теперь произошло какое-то несчастье. Это совершенно ясно. Если приглашение могло означать лишь одно, то и присутствие Салли в Уайт Плейнсе значило лишь одно.

— Салли! — проквакал он шепотом. — Что… Что…

— Я тебя напугала? Прошу прощения.

— Что ты здесь делаешь? Почему ты не Монкс Крофтоне?

Салли поверх его плеча оглядела ринг и толпу.

— Я решила, что хочу назад в Америку. В сложившихся обстоятельствах было лучше уехать из Монкс Крофтона.

— Ты хочешь сказать…

— Да. Давай не будем об этом.

— Ты хочешь сказать, — не отступался Филлмор, — что мистер Кармайл сделал тебе предложение, а ты его отвергла?

Салли покраснела.

— Мне не очень приятно об этом говорить. В общем — да.

Отчаяние охватило Филлмора. На него повеяло холодом при виде той упрямой тупоголовости, которая так печалит нас в наших ближних. Все шло превосходно. Все устраивалось идеально. Он и предположить не мог, что Салли взбредет в голову все испортить, и она откажется сыграть отведенную ей роль. Ведь партия, которая выпала ей, великолепна не только из-за внушительного состояния претендента, хотя напрасно было бы отрицать, что, размышляя о перспективе получить доступ к банковскому счету мистера Кармайла в качестве шурина, он рисовал будущее радужными красками. Тем не менее этот человек и впрямь ему

нравился. Он ценил его спокойствие и аристократическую сдержанность. Хорошо воспитанный, здравомыслящий, словом, как раз такой муж нужен девушке вроде Салли. И вот она все испортила. С капризным упрямством, свойственным ее в остальном прекрасному полу, она расстроила все планы.

— Почему?

— Филл! — Салли ожидала, что Филлмор, поставленный' перед фактом, выкажет подобные симптомы. Однако теперь, когда они проявились, они действовали ей на нервы. — Я думала, причина очевидна.

— Ты хочешь сказать, он тебе не нравится?

— Не знаю, нравится или нет. Скажем так, недостаточно, чтобы выйти за него.

— Он замечательный парень.

— В самом деле? Это ты так думаешь. А я не уверена. Настоятельная потребность в пище телесной, чувствовал Филлмор, постепенно брала верх над душевной мукой.

— Давай-ка пойдем в отель и поговорим об этом. Там я тебя чем-нибудь покормлю.

— Я ничего не хочу, спасибо.

— Ты не хочешь есть? — Филлмор ушам своим не верил. Он смутно догадывался, что такие эксцентричные натуры существуют, однако трудно было поверить, что он встретил одну из них. — Я умираю с голоду.

— Ну, тогда беги.

— Но я хотел поговорить…

Однако не он один хотел поговорить. К ним спешил маленький человек спортивного вида. Он носил то, что в рекламе его портного, вероятно, звалось роскошным твидовым костюмом в елочку, а на голове у него вопреки предубеждениям красовался котелок. Мистер Лестер Барроуз покончил с делами, которые отвлекли его от разговора с Филлмором несколько минут назад, и теперь ему не терпелось продолжить рассказ о выдающихся качествах своего юного питомца.

— Мистер Николас, вы же не уходите? Клоп как раз готовится к спаррингу.

Он вопросительно оглядел Салли.

— Моя сестра. Мистер Барроуз, — произнес Филлмор слабым голосом. — Мистер Барроуз — менеджер Клопа Батлера.

— Приятно познакомится, — сказала Салли.

— Оч-ч рад, — ответил мистер Барроуз. — Слушайте…

— Я как раз собираюсь в гостиницу чего-нибудь перекусить, — сообщил Филлмор.

Мистер Барроуз, сверкая взором, вцепился в пуговицу на его пальто.

— Да, но послушайте, преж-чем-уйдете-дайте-скажу. Вы никогда не видели этого моего парня, а он в прекрасной форме. Вы уж поверьте, он в форме! Он чародей! Факир! Слушайте, он тут тренировал удар слева, так…

Салли поймала изнуренный взгляд Филлмора, и ей стало жаль его. Она как раз собиралась потребовать от него объяснений, как он осмелился выгнать Рыжика, и объяснений убедительных, но тут вспомнила, что он ей брат и страдает.

— Он самый ловкий в легком весе, — пылко тараторил мистер Барроуз, — со времен Джо Ганза. Говорю вам, я *знаю!* Он…

— А может он сто тридцать пять раз обежать ринг и не запыхаться? — спросила Салли.

Этот простой вопрос произвел на мистера Барроуза громадный эффект. Он отцепился от Филлморовой пуговицы, как усталый моллюск, маленький рот его слегка приоткрылся. Это было, как если бы ребенок внезапно предложил маститому ученому какую-то трудную задачу из высшей математики. Женщины, интересующиеся боксом, попадались мистеру Барроузу и раньше, в молодости, когда он был знаменитым боксером. Первая из трех его жен имела привычку сидеть у ринга во время его матчей, на сугубо профессиональном жаргоне призывая его расшибить башку противнику, однако ни по виду, ни по манерам невозможно было предположить, что Салли принадлежит к числу избранных. Он вытаращился на нее, и отпущенный Филлмор бочком пошел прочь, как птичка, удирающая от змеиного взгляда. Он не был уверен, что поступил правильно, позволив своей сестре бродить среди этого табора, однако инстинкт самосохранения перевесил. Завтракал он рано, и если не поест прямо сейчас, ему конец.

— Чего? — слабо спросил мистер Барроуз.

— Потребовалось пятнадцать раундов, чтобы рефери засчитал ему победу по очкам в матче против Урагана Маллинса, — строго сказала Салли. — А вот Клег Биннс…

Мистер Барроуз уже оправился от удивления.

— У вас неточные сведения, — возразил он. — Слушайте, нельзя же верить всему, что пишут в газетах. Рефери подсуживал Маллинсу: один раз тот полминуты провалялся на ринге, и это не посчитали нокаутом. Вот так-то! Иногда надо просто убить партнера, чтобы тебе засчитали победу. Но в тот раз у них не получилось смухлевать, пришлось объявить *моего* победителем, ведь он был в тысячу раз лучше. Вы хоть раз видели Клопа, мэм?

Салли пришлось сознаться, что она не имела этого счастья. Мистер Барроуз с растущим возбуждением порылся в своем нагрудном кармане, достал оттуда открытку и сунул ей в руки.

— Это Клоп, — сказал он. — Вы только взгляните. Ну что, разве не хорош?

На фотографии был запечатлен молодой человек в минимальном количестве одежды, который болезненно изогнулся, словно у него скрутило живот.

— Сейчас крикну его, он вам подпишет, — пообещал мистер Барроуз, прежде чем Салли успела понять, что это произведение искусства ей подарили, а не просто дали подержать. — Эй, Клоп, сюда!

Юноша в купальном халате, беседовавший с группой поклонников возле ринга, повернулся и лениво побрел к ним, но, увидев Салли, ускорил шаг. Прекрасный пол он любил.

Мистер Барроуз представил их.

— Клоп, это — мисс Николас. Пришла посмотреть, как ты тренируешься. Я ей как раз говорил, какое удовольствие она получит. Пожмите руку Клопу Батлеру, мэм, — обратился он к Салли, — будущему чемпиону мира в легком весе.

Фотография мистера Батлера, подумала Салли, ему льстила. В жизни он оказался на редкость противным молодым человеком. Губы изгибались как-то подло и жестоко, в глазах застыло холодное высокомерие. От него веяло чем-то опасным и зловещим. Но больше всего ей не понравилось то, как он ей ухмыльнулся.

Тем не менее она постаралась быть любезной.

— Надеюсь, вы победите, мистер Батлер, — сказала она. Улыбка, которую она выдавила, произнеся эти слова, окончательно рассеяла сомнения будущего чемпиона, и так не особенно серьезные. Теперь он убедился, что произвел должное впечатление. Он не раз замечал, что с девушками у него всегда так. Было в нем что-то такое. Он самодовольно выпятил грудь под халатом.

— Уж будьте уверены! — заявил он. Мистер Барроуз взглянул на часы.

— Пора начинать, Клоп.

Будущий чемпион отвел глаза от Салли, которую осматривал с видом завоевателя, и пренебрежительным взглядом окинул публику. Зрителей собралось не так много, как ему хотелось, и, по крайней мере, на треть это были газетчики, которые не платили.

— Ну ладно, — уныло сказал он.

Томность оставила его, когда взгляд его вновь упал на Салли. Он несколько воспрял духом. Пусть зрителей набралось и немного, но эти блестящие глаза тоже будут следить за ним и любоваться.

— Для начала сделаем пару раундов с Рыжиком, — сказал он. — Где-нибудь его видели? Вечно его нет на месте, когда надо.

— Я схожу за ним, — сказал мистер Барроуз. — Он где-то здесь болтается.

— Сегодня я с ним разберусь, — холодно сказал мистер Батлер. — Что-то он обнаглел.

Менеджер поспешил прочь, а Клоп Батлер, ухмыльнувшись напоследок Салли, оставил ее и нырнул под канаты. Заинтересованная публика зашевелилась, и только пресыщенные зрелищем газетчики не выказали никаких эмоций. Появился мистер Барроуз, погоняя молодого человека, лица которого не было видно, поскольку он как раз стягивал через голову свитер. Постепенно показались сильные плечи.

Он потянул в последний раз. Перед зрителями предстала копна взъерошенных сверкающих рыжих волос. Увидев это, Салли невольно вскрикнула от удивления, отчего многие повернулись к ней. Рыжеволосый молодой человек, который наклонился за перчатками, внезапно выпрямился, подпрыгнул и уставился на нее беспомощно и недоверчиво. Лицо его медленно окрашивалось в малиновый цвет.

3

Из окаменения его вывел энергичный мистер Барроуз.

— Давай, давай, — произнес он нетерпеливо. — Прибавь обороты, Рыжик.

Ланселот Кемп вздрогнул, как разбуженный лунатик, затем, понемногу приходя в себя, принялся медленно натягивать перчатки. Приятные его черты исказило смущение. Лицо было в тон волосам.

Салли дернула за локоть маленького менеджера. Он в раздражении повернулся, однако, увидев источник беспокойства, просиял с рассеянным видом.

— Кто он? — переспросил он в ответ на вопрос, который Салли задала шепотом. — Да один из спарринг-партнеров Клопа.

— Но…

Мистер Барроуз, обеспокоенный тем, что настало время Действовать, прервал ее.

— Извините, мисс, я должен следить за временем. Нам тут некогда.

Салли отступила. Она чувствовала себя неверным, проникшим на какую-то странную церемонию. Это был час мужчин, и женщинам следовало держаться на заднем плане. Ей казалось, что она совсем маленькая, путается у всех под ногами, как забредший в церковь щенок. Новизна и торжественность происходящего внушали ей благоговейный трепет.

Она посмотрела на Рыжика, который, стоя в противоположном углу ринга, вертел в руках свитер и старался не встречаться с ней взглядом. Он был где-то далеко. Широко раскрыв глаза, она его разглядывала. Неловко переминаясь, он постукивал одной перчаткой о другую.

Мистер Батлер тем временем скинул халат, потянулся, с неторопливым безразличием надел вторую пару перчаток и принялся боксировать с тенью. Он ритмично двигался по рингу взад-вперед, то увертываясь от невидимого противника, то обрушивая на него град ударов, и Салли похолодела, осознав, какой животной силой наделен этот человек. Даже в халате он излучал опасность. В боксерском трико, под которым вырисовывался каждый мускул, он был ужасен и зловещ, — машина, созданная для уничтожения, человек-пантера.

Таким он показался Салли, однако крепкий субъект с глазами навыкате, который стоял рядом с ней, не разделял ее мнения. Очевидно, это был один из тех знающих парней, о которых говорил ее приятель рассыльный, и он был откровенно разочарован увиденным.

— Боксирует с тенью, — придирчиво заметил он своему спутнику. — Да, это у него неплохо получается. Я тоже танцую фокстрот, если партнер не путается под ногами. Но всего один удар, и посмотрим, что с ним станет.

Его друг, тоже человек сведущий, коротко кивнул.

— Угу! — согласился он.

— Лью Лукас, — заметил первый эксперт, — такой же верткий, но у него к тому же мощный удар.

— Угу, — сказал второй.

— Побил несколько дурацких спарринг-партнеров, — пренебрежительно заметил первый знающий парень, — и уже возомнил себя Бог знает кем.

— А, — сказал второй.

Насколько Салли могла истолковать эти замечания, полный смысл которых был ей недоступен, они звучали успокаивающе. На минуту она перестала смотреть на Рыжика как на мученика, готовящегося принять

смерть в львиной пасти. Мистер Батлер, поняла она, вовсе не так хорош, как хочет казаться. Однако облегчение было недолгим.

— Конечно, эту рыжую дохлятину он сожрет, — продолжал первый эксперт. — Забить спарринг-партнера — это он умеет. А Лью Лукас…

Лью Лукас Салли не интересовал. Ее вновь сковал страх. Даже эти знатоки, как мало они ни ценили мистера Батлера, очевидно, не сомневались, что с Рыжиком он расправится. Она попыталась уйти, однако что-то сильнее ее собственной воли удерживало ее там, где она стояла. Она вцепилась в канат и растерянно уставилась на ринг.

— Готов, Клоп? — спросил мистер Барроуз. Будущий чемпион небрежно кивнул.

— Тогда вперед, — сказал мистер Барроуз. Рыжик перестал мять перчатки и вышел в центр.

4

Ремесло боксера — единственная из профессий, где между подготовленным специалистом и обычным дилетантом такая огромная разница. В других областях любитель иногда может составить конкуренцию профессионалу, но не в спорте, и никогда в боксе; все поведение Клопа Батлера свидетельствовало о том, что он верил в эту истину всем сердцем. Сказать, что он держался уверенно, было бы недостаточно: он вел себя с беспечным самодовольством младенца, который собирается расколотить Ноев ковчег молотком. Возможно, Ураганы сопротивлялись ему по пятнадцать раундов, а Клегу Биннсу они сдавались в пятом, однако когда надо было побить спарринг-партнера, полного дилетанта, Клоп в своих возможностях не сомневался. Он был на голову выше и не собирался этого скрывать. Извиваясь по своему обыкновению, как гремучая змея, он вдруг распрямился и нанес Рыжику легкий удар. Затем опять вернулся в стойку и путано закружил по рингу, вознамерившись продемонстрировать зрителям, заплатившим, равно как и бесплатным, что такое настоящая работа ногами. Если и было что-то, чем Клоп Батлер действительно гордился, так это работа ногами.

Прилагательное «легкий» относительно, и удар, от которого на скуле Рыжика расплылся синяк, произвел на присутствующих разное впечатление. Сам Рыжик принял его стойко. Салли содрогнулась всем телом и покрепче ухватилась за канаты, чтобы не упасть. Эксперты издевались в открытую. Им, ценителям, эта атака показалась

смехотворной. Очевидно, они не склонны были рассматривать удары, нанесенные не им, а третьему лицу, вообще как удары. Следующие два, проведенные так же быстро и аккуратно, как и первый, оставили их равнодушными.

— И это называется бить? — сказал первый знающий парень.

— А! — поддержал его второй.

Однако мистер Батлер, даже если услышал эту критику (возможно, так оно и случилось, поскольку деликатность была неведома знатокам, и говорили они в полный голос), нисколько не обеспокоился. Клоп знал, что делает. За ним наблюдала пара блестящих глаз, и он собирался показать себя. Девушки любят чистую работу. Накинуться на парня и выбить из него душу может любой хулиган, но многие не способны проделать это ловко, ярко и технично. Немногие, поистине немногие, думал мистер Батлер, скользнув вперед и нанеся еще один удар.

Тут нос мистера Батлера наткнулся на что-то твердое, он качнулся на пятках, из глаз полетели искры. Он отступил и взглянул на Рыжика с удивлением, почти с болью. До этой минуты он вряд ли вообще воспринимал его как активного участника сцены и чувствовал, что подобные вещи происходить не должны. Спарринг-партнеры так не делают.

Человек посправедливей, возможно, решил бы, что сам виноват. Несомненно, он проявил неосторожность. Нанося удар, он позволил себе стрельнуть глазами в сторону Салли, чтобы посмотреть, как ей понравится такая техника, за что и поплатился. Тем не менее самолюбие его страдало. Он скользил по рингу, обдумывая происшедшее. И чем больше он размышлял, тем меньше ему нравилось поведение молодого ассистента. Тяжелые мысли одолевали его.

Тяжелые мысли одолевали и Рыжика. С тех пор как он оказался в команде Клопа Батлера, ему приходилось нелегко, однако вплоть до сегодняшнего дня обиды на своего работодателя он не держал. Вплоть до сегодняшнего дня Клоп Батлер честно и без злобы колотил его, а он флегматично терпел, как и другие спарринг-партнеры, считая побои частью повседневной работы. Однако сегодня было иначе. Сегодня эти беззаботные удары были оскорблением, умышленно наносимой обидой.

Этот человек пытался выставить его на посмешище, он играл на публику: а мысль о той, что была в публике, отметала все мысли о последствиях. Никто, даже сам мистер Батлер, не сознавал яснее, что в серьезной схватке с человеком, который завтра вечером может стать чемпионом мира в легком весе, у Рыжика нет никаких шансов: однако он

не собирался становиться посмешищем в глазах Салли, не сделав ничего, чтобы отсрочить свой конец. Он хотел погибнуть, высоко держа знамя, а потому со всех сил врезал мистеру Батлеру правой под ребра, в результате чего тот вошел в клинч, а эксперты издали резкий лающий звук, в котором звучала насмешка.

— Ты что это делаешь? — жарко прошипел обиженный боец в Рыжиково ухо, когда они упали друг другу в объятия. — Ты чего, дурья башка?

Рыжик хранил полное молчание. Его челюсти были крепко сжаты. Он увернулся от удара правой, которая просвистела рядом с его подбородком, когда они разжали объятия, и атаковал. Получив хук левой, он покачнулся, однако удар пришелся слишком высоко. В дальнем углу ринга возникла жестокая схватка. Попытавшись уйти в сторону, чтобы не мешали канаты, Клоп внезапно угодил под размашистый удар и упал.

— Тайм! — в ужасе завопил потрясенный мистер Барроуз при виде такого несчастья. Ни разу за годы профессиональной карьеры он не переживал ничего подобного.

Публика была потрясена не меньше. В толпе раздался отчетливый вздох. Газетчики переглянулись, предвкушая, как обрадуются редакторы спортивных отделов, получив эту сенсационную новость позже, по телефону. Эксперты продолжали изводить не любезного им Батлера. Они издали громкий хриплый смешок, а затем один, сложив руки трубой, посоветовал упавшему бойцу пойти поучиться. Что До Салли, она внезапно почувствовала, как волна неистового первобытного счастья захлестнула ее, полностью смыв малодушные сомнения последних минут. Она стиснула зубы, глаза ее горели веселым огнем. Она смотрела на Рыжика и ей хотелось, позабыв о хорошем воспитании, приветственно заорать. Она гордилась им. К гордости примешивалось странное, похожее на страх чувство. Перед ней был уже не тот мягкий приветливый юноша, которого она привыкла по-матерински оберегать, когда ему самому справиться не под силу. Это был новый Рыжик, ей незнакомый.

В тех редких случаях, когда Клопа Батлера отправляли в нокдаун, он использовал хитрый трюк — прежде чем подняться и продолжить спор, он немного лежал и отдыхал, однако на этот раз Клоп вскочил на ноги, не успев коснуться пола, так что шутка одного из экспертов, который начал было громко считать, выбрасывая пальцы, не удалась. Мистером Батлером двигала мысль: даже если ты упал, это не значит, что ты вылетел. На самом деле было ясно, что упал он, просто потому что запнулся. Резвые ноги Клопа Батлера, которые вынесли его целым и невредимым из стольких

боев, на этот раз зацепились одна за другую, как раз когда Рыжик нанес удар. Так что Клоп упал, скорее, оттого что потерял равновесие, а не потому что удар оказался особо сильным.

— Тайм! — взревел он, бросая злобный взгляд на менеджера, — К черту!

И ураган ударов обрушился на Рыжика, Клоп гнал его по рингу, а мистер Барроуз с секундомером в руках уставился на них, открыв рот. Салли не узнавала своего друга, однако мистеру Барроузу еще труднее было узнать Клопа, и он стонал про себя. Хладнокровие, мастерство и отточенная техника — именно эти качества так ценил мистер Лестер Барроуз в своем протеже, именно эти качества так увеличили их банковские счета: и вот теперь, накануне самого важного в его жизни матча в присутствии газетчиков он позабыл о них и позволил обыкновенному спарринг-партнеру выставить себя на посмешище.

Для мистера Барроуза то был горький удар. Если бы Клоп скатился до уровня примитивной драки в обычном бою, он, конечно, расстроился бы и в перерыве между раундами сделал бы Клопу замечание; однако он не испытал бы беспомощного ужаса, который чувствует церковный староста, увидев, как его любимый епископ отплясывает на людях. Клоп Батлер уронил свое достоинство, бросив весь свой арсенал против какого-то спарринг-партнера. Такие веши подчиняются определенным правилам. Чемпион может избивать своего спарринг-партнера до бесчувствия, если ему угодно, однако делать это нужно играючи. Окружающим не должно казаться, что ему трудно.

А Клопу Батлеру было трудно, и это бросалось в глаза. Все свои силы он направил на то, чтобы загнать Рыжика в угол. На ринге свирепствовала битва, и все же Рыжик, как попавший в шторм корабль, ухитрялся выдерживать натиск. Время от времени он выныривал под шквалом ударов, весь в синяках и крови, но не сдающийся.

Ярость мешала Клопу Батлеру. Сохрани он хладнокровие, он бы давно уничтожил Рыжика. Пробить оборону противника было бы для него делом нескольких секунд. Однако он вернулся к методам своей нетехничной юности. Он бил и мазал, бил и мазал, а даже когда попадал, его удары не причиняли особого ущерба. На лице Клопа уже появилась кровь, и зубы его поблескивали сквозь малиновую дымку.

Эксперты лишились дара речи. Сбившись в кучку, они слабо похлопывали друг друга по спине. Кто-то всхлипывал.

И тут внезапно наступил конец. Все закончилось так же быстро и неожиданно, как и началось. Клоп Батлер устал махать руками, а вместе с

усталостью к нему вернулась осторожность. Ноги вновь плели искусный узор. Дважды его левая рука попала в цель. Ложный выпад, короткий удар, и он пробил оборону Рыжика. Тот стоял, покачиваясь, посреди ринга, руки висели, колени подкашивались.

Клоп Батлер примерился, и Салли закрыла глаза.

Глава XIV К МИСТЕРУ АБРАХАМСУ ВОЗВРАЩАЕТСЯ ЦЕННЫЙ РАБОТНИК

1

Говорят, истинное счастье познал лишь тот, кто несет счастье другим. Если верить этому, то, когда через тридцать часов после описанного в предыдущей главе неприятного эпизода Клоп Батлер очнулся от комы на ринге в Джерси-Сити и обнаружил, что мистер Лью Лукас в середине третьего раунда отправил его в нокаут, он должен был испытать тихую радость. Его неумение блокировать короткий хук левой, за которым следует удар правой в челюсть, осчастливило многих.

Особенно радовался мистер Лью Лукас. Рады были и его секунданты, один из которых от счастья даже полез с ним Целоваться. Зрители, большинство из которых сделали крупные ставки на чемпиона, торжествовали. И все-таки Клоп Батлер не веселился. Без всякого преувеличения можно сказать, что его кислый вид внес во всеобщее ликование неприятную нотку. Тяжело хмурясь, он ковылял с ринга.

Однако счастье, причиной которого он был, продолжало распространяться. Эксперты, которые не смогли лично присутствовать на матче, услышали о результатах из телеграфного сообщения и в порыве безудержного веселья объявили всем, что стали богаче на пятьсот долларов. Прыщавый рассыльный из Театральной компании Филлмора Николаса утром в метро привлек всеобщее внимание, когда, оторвавшись от газеты, издал ликующий вопль, поскольку и он обогатился благодаря хрупкому подбородку мистера Батлера. Салли, прочитав за завтраком спортивную страницу, где в подробностях описывался позор претендента на чемпионское звание, испытала горячее удовлетворение. Она редко бывала нерасположена к людям, однако к Клопу Батлеру испытывала жгучую неприязнь.

А вот Лью Лукас пришелся ей по сердцу. Будь он лучшим другом Рыжика, он не смог бы отомстить за него основательней, учитывая, как мало времени было у него в распоряжении. В первом раунде он позабавился с левым глазом мистера Батлера, во втором — хорошенько обработал его корпус, а в третьем — отправил его в нокаут. Можно ли требовать большего? Салли так не считала. Она выпила за здоровье Лью

Лукаса чашку кофе, надеясь, что его старушка мать гордится им.

У нее под боком зазвонил телефон. Она сняла трубку.

— Алло?

— Привет, — сказал знакомый голос.

— Рыжик! — радостно заорала Салли.

— Знаете, я жутко рад, что вы вернулись. Только что получил ваше письмо. Оно было в меблированных комнатах. Я туда случайно забежал и…

— Рыжик, — прервала его Салли, — ваш голос, как музыка, но я хочу *увидеть* вас. Где вы?

— В аптеке через улицу. Я тут думал, может…

— Так поднимайтесь быстрей!

— А можно? Я как раз собирался спросить.

— Вы, жалкое создание! Почему же вы до сих пор не шли?

— Ну, понимаете, вообще-то вчера я не очень выходил на улицу. Видите ли…

— Понимаю. Конечно, — голос Салли наполнился сочувствием. Искоса она бросила благодарный взгляд на большую фотографию Лью Лукаса, который лучезарно улыбался ей с газетной страницы. — Бедняжка, ну как вы там?

— Нормально, спасибо.

— Тогда поспешите.

На другом конце провода возникла легкая пауза.

— Ну…

— Что еще?

— Вид у меня сейчас не очень, знаете.

— Он всегда был не очень. Так что хватит болтать и поспешите.

— То есть…

Салли решительно повесила трубку. С нетерпением она ждала несколько минут, потом на лестнице раздались шаги. Шаги замерли у порога, раздался звонок. Салли подбежала к двери, распахнула ее и в ужасе отпрянула.

— Ох, Рыжик!

Он нисколько не погрешил против истины, сказав, что вид у него не очень. Нетронутый правый глаз преданно смотрел на Салли, а вот левый совершенно скрылся под одутловатой опухолью грязно-лилового цвета. Огромный синяк расплылся на левой скуле, распухшие губы шевелились с трудом.

— Все в порядке, — заверил он.

— Совсем не в порядке. Какой ужас! Бедный, вы, бедный. — Она со злостью сжала зубы. — Жаль, что он его не убил!

— Э?

— Жаль, Лью Лукас, или как там его, не убил эту скотину!

— Знаете, я не знаю. — Жажда справедливости побудила Рыжика встать на сторону своего бывшего работодателя и оспорить эти суровые слова. — Не такой уж он плохой. В смысле, Клоп Батлер.

— Вы что, серьезно говорите, что вам нравится этот негодяй?

— Он ничего. Взгляните на все его глазами, и вообще. Если подумать, нельзя его винить за то, что его так понесло. Подумайте сами, какой-то спарринг-партнер, и вдруг на него накинулся. Естественно, ему это не понравилось. Я сам виноват. Не надо было начинать, конечно. Но я выглядел полным идиотом, а тут еще подумал, что вы смотрите… Ну и мне показалось, что будет неплохо сделать что-то. Конечно, я не имел права. Спарринг-партнер не должен…

— Садитесь, — сказала Салли. Рыжик сел.

— Рыжик, вы слишком хороши для этой жизни.

— Ох, ну…

— Если бы кто-то тюкнул вас по голове и украл часы с цепочкой, вы бы, наверное, сказали, что в этом есть и ваша вина или что-нибудь вроде того. Но я всего лишь сварливая женщина и говорю: жаль, что этот зверь, Клоп Батлер, не погиб жалкой смертью. Я бы пришла и станцевала у него на могиле… А с чего это вы занялись боксом?

— Ну, просто ничего больше не подвернулось. Боксировать я умею, в хорошей форме, и все такое. Так что мне показалось, это неплохо для начала. На жизнь хватает. Платят вполне достойно. Знаете, довольно приятная работа.

— Приятная? Когда тебя вот так бьют?

— О, это перестаешь замечать. К тому же мне всегда нравилось подраться. Ну и когда ваш брат меня уволил…

У Салли вырвалось восклицание.

— Как странно! Я примчалась в Уайт Плейнс, чтобы найти Филлмора и отчитать его, и так ничего ему не сказала! А с тех пор я его не видела, и никак с ним не свяжешься.

— Да. Занятой человек ваш брат.

— Почему же Филлмор отпустил вас?

— Отпустил меня? О, вы хотите сказать… Ну, это, в общем, запутанная история. Недоразумение.

— Что случилось?

— Так, ерунда. Просто…

— Что случилось?

На изуродованном лице отразилось замешательство. Рыжик неловко огляделся по сторонам.

— Не стоит об этом.

— Стоит. Я имею право знать. В конце концов, к Филлмору вас направила я…

— Это так мило с вашей стороны.

— Не перебивайте! Я отправила вас к Филлмору, и он не должен был увольнять вас, не посоветовавшись со мной. Что произошло?

Рыжик в отчаянии теребил пальцы.

— Так неудачно получилось… Видите ли, его жена… Не знаю, знакомы ли вы…

— Конечно, знакомы.

— Ну да. Что же это я? То есть, все-таки жена брата… — тонко подметил Рыжик. — Хотя вообще-то часто бывает, что невестки знать друг друга не желают. Один мой знакомый…

— Рыжик, — сказала Салли. — Нехорошо, что вы увиливаете от моих вопросов. Не думайте, что вам удастся сменить тему. Я неумолима, решительна и безжалостна, и я добуду из вас эту историю, даже если придется использовать штопор. Так что там с женой Филлмора?

Рыжик неохотно вернулся к основной теме:

— Однажды утром она пришла в контору, и мы начали валять дурака…

— Валять дурака?

— Ну, вроде как гоняться друг за другом.

— Гоняться?

— Ну, я гонялся.

— Что вы делали?

— Побегал за ней немножко, понимаете.

Салли с удивлением смотрела на этого поборника легкомыслия.

— Нет, не понимаю. Рыжик смутился еще больше.

— Дело, видите ли, в том, что она проскользнула в приемную совсем незаметно. Я как раз смотрел одну вещь и не знал, что она здесь, и вдруг она выхватила это у меня…

— Что она выхватила?

— Да так… То, на что я смотрел. Отняла… сцапала… без спроса, понимаете, и отдавать не хотела и, вообще, начала дразнить меня, ну я и стал бегать за ней и только изловил, как входит ваш брат. Думаю, —

сообразил наконец Рыжик, — на самом деле они пришли вместе, он просто отстал на минутку. Может, встретил кого или еще что… Ну, в общем, ему не понравилось, что я занимаюсь джиу-джитсу с его женой. И никому на его месте не понравилось бы, — добавил он, как всегда справедливый. — Сразу он ничего не сказал, но немного попозже вызвал меня и уволил.

Салли покачала головой.

— В жизни не слышала такой дурацкой истории. А что у вас отняла миссис Филлмор?

— Да так…

Салли повелительно стукнула по столу.

— Рыжик!

— Ну, вообще-то, — признался ее гость, — это была фотография.

— Фотография кого? Или, если хотите, чья?

— Ну… Если быть точным, ваша.

— Моя? — Салли вытаращила глаза. — Я никогда не дарила вам фотографий.

Лицо его напоминало этюд в багрово-алых тонах.

— Вообще-то вы не то чтобы подарили, — пробормотал он. — То есть я имею в виду…

— Боже мой! — Салли внезапно осенило. — Фотография, которая пропала после переезда. Вы ее украли и молчали все это время?

— Да, я как бы взял ее…

— Ну, вы и притворщик! И вы помогали мне ее искать! — Она смотрела на него почти с уважением. — Вот уж не думала, что вы такой тонкий и коварный. Я столько нового о вас узнаю.

Повисла короткая пауза. Исповедовавшись, Рыжик как будто повеселел.

— Надеюсь, вы не очень о ней горевали? — сказал он, наконец. — Она просто лежала, знаете, и мне захотелось взять ее. А спросить не осмелился и…

— Не извиняйтесь, — сердечно сказала Салли. — Мне даже приятно. Значит, вы опять из-за меня пострадали? Сомнений нет, я — ваш злой гений. Какой же я мерзкий человек! Для начала натравила вас на Семью… Кстати, хочу выразить вам благодарность. Познакомившись с дядей Дональдом, я поняла, какое общественно полезное дело вы совершили. Я разрушила ваши планы. А теперь моя роковая красота кабинетного формата вновь привела вас к краху. Так что теперь я просто обязана подыскать для вас работу. Мне все ясно.

— Нет, правда, не беспокойтесь. Все будет в порядке.

— Это мой долг. Теперь разберемся, что вы действительно *умеете* делать? Кража со взломом — само собой, вот только профессия эта малопочтенная. Вы были официантом, боксером и правой рукой, и все это вам не подошло. У вас есть какие-нибудь мысли по этому поводу?

Рыжик покачал головой.

— Уж что-нибудь я раздобуду, наверное.

— Да, но что? На этот раз нельзя ошибаться. Мне не хочется, гуляя по Бродвею, наткнуться на вас с метлой в руках. Мне не хочется устроить вас курьером, а потом обнаружить вас у себя под дверью. Я бы предпочла так: я иду в свой банк, спросить, не превысила ли я кредит, мне говорят, что президент готов уделить мне две минутки, я робко вхожу и обнаруживаю вас в огромном кресле. Хоть что-нибудь вы умеете делать? Что-нибудь надежное и основательное, чтобы не попасть в богадельню на старости лет? Подумайте!

— Конечно, если бы у меня было немного денег…

— А! Вот это деловой подход! И что же, — поинтересовалась Салли, — вы бы сделали, мистер Рокфеллер, будь у вас немного денег?

— Купил бы этот, ну, с собаками, — быстро ответил Рыжик.

— Этот, с собаками?

— Ну, этот, как его. Для собак, знаете. Салли кивнула.

— Ах, как его, для собак! Теперь поняла. Поначалу вы так туманно выразились. Рыжик, что за бред вы несете? Какие собаки?

— Ну, такое место. Там разводят собак, понимаете, продают их, получают призы на выставках и все такое прочее… Здесь в округе много этих мест.

— Ах, *питомники!*

— Ну да, питомники.

— Что за странная у вас манера, Рыжик! Почему сразу было не сказать «питомник»? Или вам показалось, что так выходит слишком просто? Думаю, если вас спросить, где вы обедали, вы ответите: «Ну, там… где бараньи отбивные»… Рыжик, друг мой, а в этом что-то есть. Кажется, впервые с нашего знакомства вы говорите дело. Ведь вы же прекрасно разбираетесь в собаках.

— Я и вправду их люблю, даже изучал. Вы только не подумайте, что я хвастаю, но немного найдется в собаках такого, чего я бы не знал.

— Еще бы. Думаю, вы и сами в некотором роде собака на общественных началах. Я это поняла еще в Ровиле, когда вы остановили драку. Там было, наверное, миллион собак, а вы нырнули в эту воющую кучу, прошептали им что-то на ухо, и все прекратилось. Нет, чем больше я

об этом думаю, тем больше мне нравится. Наверное, это как раз то, что вы просто не сможете завалить. А деньги такие питомники приносят?

— Мне сказали, прибыль составляет сто процентов.

— Сто процентов? Похоже на один из Филлморовых прожектов. Давайте будем консервативными и скажем девяносто девять. Рыжик, вы попали в цель. Ничего не говорите. Вы станете Собачьим Королем, владельцем величайшего в стране «этого-ну-с-собаками». Вот только как начать?

— Ну, вообще-то, пока я был в Уайт Плейнсе, я познакомился с парнем, который такой продает. Потому я и подумал об этом.

— Значит, можно начать сегодня же. Или завтра с утра.

— Да, — неуверенно сказал Рыжик. — Но здесь есть помеха, знаете.

— Какая еще помеха?

— Деньги. Этот парень меньше чем за пять тысяч долларов не продаст.

— Я одолжу вам пять тысяч.

— Нет, — сказал Рыжик.

Салли посмотрела на него с раздражением.

— Рыжик, я вас отшлепаю, — сказала она. Такой сентиментальный подход к бизнесу приводил ее в бешенство. Значит, только потому что он мужчина, а она женщина, ей нельзя вложить деньги в надежное предприятие? Если бы Колумб проявил подобную твердолобость с королевой Изабеллой, Америку так и не открыли бы.

— Я не могу отнять у вас пять тысяч долларов, — твердо сказал Рыжик.

— Да почему же отнять? — возмутилась Салли. — Хоть на секунду забудьте свое воровское прошлое. Это совсем не то, что красть фотографии у беззащитных девушек. Это бизнес. Я думаю, вас ждет огромный успех, да вы и сами так считаете, зачем же пустые споры? Почему бы мне не вложить деньги в прибыльное дело? Вам не хочется, чтобы я разбогатела?

Рыжик смутился. Он не был силен в дискуссиях.

— Это же куча денег.

— Для вас, может быть. Не для меня. Я богачка. Пять тысяч! Ерунда какая! Я столько трачу на птичий корм.

Рыжик размышлял. Он ничего не знал о финансовом положении Салли, кроме того, что, когда они познакомились, она как раз получила какое-то наследство. Он привык все понимать буквально. К тому же, великолепие Филлмора произвело на него неизгладимое впечатление. Николасы казались обеспеченной семьей.

— Не нравится мне все это, знаете, — сказал он.

— Ничего, — ответила Салли. — Просто соглашайтесь. Вдруг в голову ему пришла утешительная мысль.

— Тогда позвольте мне выплачивать вам проценты.

— Позволить? Друг мой, вам *придется* платить мне проценты. Вы что думаете, мы тут в картишки перекидываемся? Это суровый бизнес.

— Вот и хорошо, — сказал Рыжик с облегчением. — Как насчет процентов? Тридцать пойдет?

— Бред какой! — возразила Салли. — Я хочу три.

— Нет, не выйдет, — запротестовал Рыжик. — Три процента! Я, — продолжал он, согласившись на уступку, — дам вам двадцать.

— Если вы так настаиваете, пусть будет пять. Не больше.

— А может, десять?

— Пять!

— Предположим, — вкрадчиво произнес Рыжик, — я предложу вам семь?

— Ну, сколько же можно торговаться! — осуждающе сказала Салли. — Шесть. И это — мое последнее слово.

— Шесть?

— Шесть.

Рыжик произвел подсчеты в уме.

— Но это же всего триста долларов в год. Мало.

— Да что вы? Я всю жизнь занимаюсь такими делами. Шесть! Согласны?

— Наверное, да.

— Тогда по рукам. Этот человек, про которого вы рассказываете, в Нью-Йорке?

— Нет, на Лонг-Айленде, в южной части.

— Я имею в виду, можно ему позвонить и окончательно сговориться?

— О, да! Адрес я знаю, а номер можно посмотреть в справочнике.

— Тогда бегите и договаривайтесь, пока кто-нибудь вас не опередил. Нельзя терять ни минуты.

Рыжик остановился у двери.

— А вы, правда, уверены?

— Конечно.

— Я хочу сказать…

— Ступайте, — поторопила его Салли.

2

Окно ее гостиной выходило на улицу, которая хоть и не принадлежала к числу важнейших городских артерий, все же предоставляла наблюдателю некоторое количество развлечений. После того как Рыжик ушел, Салли устроилась с газетой на подоконнике, в третий раз перечитывая отчет о матче и лениво наблюдая за миром по ту сторону окна. Погода стояла прекрасная, и мир по ту сторону окна выглядел как нельзя лучше.

Она недолго сидела на своем посту, когда перед домом остановилось такси, и Салли с удивлением и интересом увидела, как из машины вылезает Филлмор. Он расплатился с шофером, такси уехало, и Филлмор остался стоять на тротуаре, отбрасывая крупную тень. Салли уже собиралась окликнуть его, однако тут поведение Филлмора стало настолько странным, что в изумлении она раздумала.

Со стороны казалось, что Филлмор разучивает па какого-то нового танца, и из чистого любопытства Салли решила тихонько понаблюдать, что за этим последует. Для начала он решительно двинулся к входной двери, потом вдруг замер и в страхе отпрянул. Эту фигуру он повторил дважды, после чего застыл в глубоком раздумье. Затем вновь рванул к двери, однако и эта попытка закончилась ничем: словно он налетел на невидимую преграду. В конце концов, резко развернувшись, он припустил вниз по улице и исчез из виду.

Салли недоумевала. Если Филлмор не поленился приехать на такси, чтобы повидаться с ней, почему он отказался от этой затеи на самом пороге? Она все еще размышляла над загадкой, когда зазвонил телефон, и голос брата прохрипел ей в ухо.

— Салли?

— Привет, Филл. Как это называется?

— Как называется… Что именно?

— Танец, который ты только что исполнил на улице. Сам придумал?

— Ты меня видела? — Филлмор расстроился.

— Конечно, видела. И ты меня пленил.

— Я… э… приходил с тобой поговорить. Салли…

Его голос затих понемногу.

— Почему не зашел?

Возникла пауза — Филлмор медлил с ответом, и если тембр его голоса верно отражал чувства, пауза была неловкой. Что-то наверняка тревожило великий ум.

— Салли, — повторил он, наконец, гулко покашляв в трубку.

— Да.

— Я… то есть, я попросил Глэдис… Она скоро зайдет к тебе. Ты дома?

— Я дома. А как она? Мне не терпится снова ее увидеть.

— Она — хорошо. Разве чуть-чуть… немного расстроена.

— Расстроена? Почему?

— Она тебе расскажет, когда придет. Я только что ей звонил. Она прямо сейчас выходит. — Он опять замолчал. — Боюсь, у нее плохие новости.

— Какие новости?

На другом конце провода молчали.

— Какие новости? — повторила Салли, раздражаясь. Тайн она не любила.

Но Филлмор уже дал отбой. Салли положила трубку в раздумье. Она была озадачена и обеспокоена. Впрочем, беспокоиться попусту ей не хотелось, так что она отнесла остатки завтрака на кухню и попробовала развлечься мытьем посуды. Ее отвлек звонок в дверь, она открыла и обнаружила свою невестку.

Хотя замужество и возвело ее в ранг спутницы Филлмора, брак с Надеждой американской сцены внешне не изменил бывшую мисс Винч. Миссис Филлмор осталась все тем же квадратным и дружелюбным созданием. Заключив Салли в мускулистые объятия, она прошла в гостиную.

— Очень рада снова тебя видеть, — сказала она. — Я уж начинала подумывать, что ты никогда не вернешься. С чего это вдруг ты рванула в Англию?

Салли ждала этого вопроса и ответила спокойно:

— Я хотела помочь мистеру Фоситту.

— А кто такой мистер Фоситт?

— Филлмор никогда не рассказывал? Очень приятный старичок. Он жил с нами в меблированных комнатах, его брат умер и оставил ему модный магазин в Лондоне. Он все просил приехать к нему и подсказать, что с этим делать. Потом он продал ателье и счастливо зажил в деревне.

— Что ж, путешествие пошло тебе на пользу, — сказала миссис Филлмор. — Ты еще больше похорошела.

Они замолчали. После этого тривиального начала Салли почувствовала в своей собеседнице необычную серьезность. Странная беззаботность, которая была основной характеристикой мисс Глэдис Винч, казалось, покинула миссис Филлмор Николас. Пока она не заговорила,

Салли этого не замечала, однако теперь стало ясно, что ее собеседницу что-то тяготит. В честных глазах миссис Филлмор читалось смущение.

— Ну, что там за плохие новости? — внезапно спросила Салли. Ей хотелось покончить с неопределенностью. — Филлмор сказал мне по телефону, что у тебя плохие новости.

Некоторое время миссис Филлмор молча скребла ковер кончиком зонтика. А когда заговорила, на вопрос не ответила.

— Салли, а что за человек этот англичанин, Кармайл?

— О, так Филлмор тебе рассказал?

— Он сказал, что один богатый тип в Англии с ума по тебе сходит, делал тебе предложение, а ты отказала.

Досада, охватившая было Салли, исчезла. Вряд ли стоило ожидать, подумала она, что Филлмор удержится и не расскажет эту историю своей жене.

— Да, — сказала она. — Правда.

— А ты могла бы написать ему и сказать, что передумала? Салли вновь почувствовала раздражение. Всю жизнь она стремилась к независимости и не терпела никакого вмешательства в свои личные дела.

— Могла бы, наверное, если бы передумала, да вот только я не передумала. Филлмор тебя прислал меня уговаривать?

— Что ты! Я не уговариваю, — поспешно возразила миссис Филлмор. — Бог свидетель, ни за что на свете я не буду уговаривать человека вступать в брак, если ему этого не хочется. Слишком много я видела людей, у которых семейная жизнь из-за этого не сложилась. Взять хотя бы Эльзу Доланд.

Сердце у Салли подпрыгнуло, словно кто-то дотронулся до оголенного нерва.

— Эльза? — она запнулась, проклиная себя за то, что голос у нее дрогнул. — У нее не сложилось?

— Ничего хорошего, — коротко ответила миссис Филлмор. — Помнишь, она еще вышла замуж за Джеральда Фостера, ну, того, который написал «Путь иллюзий»?

Усилием воли Салли подавила истерический смешок.

— Да, помню, — ответила она.

— Так вот, все — вдребезги. Я попозже тебе расскажу. А про этого англичанина… Может, ты просто не уверена… То есть, не всегда сразу можно сказать, любишь ты человека или нет… Поначалу я на Филлмора никакого внимания не обратила, даже в подзорную трубу его не разглядела бы, а теперь… Но я не об этом. Я говорю, иногда сразу не разберешься в

своих чувствах, а если он действительно хороший человек… Филлмор говорит, денег у него куча…

Салли остановила ее.

— Нет, он не хороший. И я не хочу выходить за него замуж.

— Нет так нет, — сказала миссис Филлмор. — Хотя жаль.

— А почему ты принимаешь это так близко к сердцу?

— Ну… — Миссис Филлмор замялась. Беспокойство Салли росло. Должно быть, поняла она, случилось что-то действительно серьезное, если ее прямолинейная невестка заговорила так бессвязно. — Видишь ли… — миссис Филлмор снова помолчала. — Ох! Как же это трудно! — пробормотала она.

— Что трудно? Ничего не понимаю.

— Все станет яснее ясного, когда я тебе расскажу, — мрачно сказала миссис Филлмор. — И раз уж надо объяснять, думаю, лучше начать с начала. Помнишь это ревю, которое ставил Филлмор… Мы еще обе просили его отказаться. Оно провалилось!

— О!

— Да. Загнулось на гастролях. В Нью-Йорке его так и не поставили, Айк Шуман не позволил. Сценарий нуждался в Доработке, номера нуждались в доработке, декорации были не те. А пока они пытались на скорую руку хоть что-то исправить, возникли проблемы с актерами, и профсоюз все прикрыл. На самом деле, так даже лучше, и я тогда обрадовалась, потому что мы потратили еще больше, а это и так обошлось в целое состояние. Потом Филлмор поставил еще одну пьесу Джеральда Фостера, и она провалилась. Продержалась с неделю. Говорят, новая пьеса, которую сейчас репетируют тоже плохая. Называется «Дикая роза» или что-то в этом духе. К Филлмору отношения это уже не имеет.

— Но… — Салли попыталась вставить слово, однако миссис Филлмор продолжала.

— Ничего не говори, а то я никогда не закончу. В общем, ты же знаешь бедолагу Филлмора. Любой другой притих бы и на время залег на дно, но Филлмор-то из тех, чья лошадь обязательно выиграет в следующем забеге. Послушать его, так большие прибыли ждут нас прямо за углом. Смешно, ведь вижу, какой он болван, и все же люблю его до смерти… Хотя, кажется, я тебе уже говорила… Он подумал, что все вернет, организовав этот боксерский матч вчера в Джерси-Сити. И может, если бы это сошло благополучно, он снова оказался бы на плаву. Но, кажется, все, до чего он дотрагивается, превращается в прах. За день до матча пентюх, который собирается выйти против чемпиона, позволяет собственному

спарринг-партнеру уложить себя и выставить на посмешище. И это при газетчиках! Наверное, ты уже видела отчеты. Они такую историю раздули. Ну, тут всему настал конец. Зрители никогда особенно не верили, что у этого парня, Клопа Батлера, в бою с чемпионом есть хоть один шанс, а когда они прочитали, что он не способен справится даже со спарринг-партнерами, и те гоняют его по всему рингу, они просто решили остаться дома. Бедный Филл! Это был сокрушительный удар. Его ободрали как липку. Зал не был заполнен и на четверть, а боксеры потребовали заплатить им еще до того, как дадут себе труд выйти на ринг. Вот такие дела!

Салли с ужасом выслушала этот перечень несчастий.

— Ох, бедный Филл! — воскликнула она. — Какой кошмар!

— Да уж, тяжело.

— Но ведь «Путь иллюзий» пользуется большим успехом? — сказала Салли, желая отыскать хоть какой-нибудь просвет.

— Пользовался. — Миссис Филлмор снова покраснела. — Ужасно, что я должна тебе об этом сказать.

— Пользовался? Значит, теперь нет? А мне казалось, Эльза была такая популярная. Я читала об этом в Лондоне. Это было даже в английских газетах.

— Да, она стала популярной, — сухо ответила миссис Филлмор. — Настолько популярной, что все продюсеры Нью-Йорка выстроились в очередь. Не успел Филлмор отплыть в Англию, она уведомила нас, что уходит, и подписала контракт с Гоблом и Коном, которые предложили ей главную роль в одной пьесе.

— Она не могла так поступить! — воскликнула Салли.

— И все же поступила. Сейчас она на гастролях. Мне пришлось сообщить новость бедняге Филлмору прямо в порту. Для него это был удар. Должна сказать, вряд ли это можно назвать честной игрой. Я понимаю, в бизнесе не до сантиментов, но в конце концов шанс Эльзе дали мы. Вот только Филлмор не повесил над театром светящуюся вывеску с ее именем, а Гобл и Кон особо оговорили это в контракте, так что остальное уже не имело значения. Люди вообще такие.

— Но Эльза… она такой не была.

— Они все такими становятся. Подвернулась удача — хватай. И, наверное, винить их нельзя. Ты же не ждешь, что кошка откажется от валерьянки. Впрочем, она могла бы подождать до окончания сезона в Нью-Йорке. — Миссис Филлмор накрыла ладонью руку Салли. — Ну, вот я и закончила, и поверь мне, это было нелегко. Ты не представляешь, как мне

жаль, Салли. Я бы миллион долларов отдала, лишь бы этого не случилось. Да и Филлмор. Вряд ли я виню его, что он струсил и не смог тебе сам все рассказать. Ему просто не хватило мужества прийти и покаяться, что он промотал твои деньги. Он так надеялся, что у него выгорит с этим боксом и он сможет вернуть тебе то, что ты ему одолжила, но ничего не вышло.

Салли молчала. Как странно, подумалось ей, эта комната, в которой она надеялась зажить так счастливо, с самого начала оказалась в центре урагана дурных вестей и горьких разочарований. И сильнее всего она мучилась от разочарования. Она всегда любила Эльзу, а Эльза, кажется, любила ее. Ей пришло на память то письмо, полное признательности… Значит, это было неискренне. Ужасно. Бессердечно, эгоистично. Словом, ужасно…

— Это… — Салли задохнулась, и от возмущения на глазах у нее выступили слезы. — Это… отвратительно! Я… я не о деньгах. Не повезло и не повезло. Но Эльза… Миссис Филлмор пожала квадратными плечами.

— Такое не редкость в шоу-бизнесе, — сказала она, — да и вообще в бизнесе, я подозреваю, если приглядеться поближе. Конечно, для тебя это тяжелый удар, ведь Эльза с тобой дружила и могла бы подумать о тебе после всего, что ты для нее сделала. Но не могу сказать, чтобы меня все это очень удивило. — Миссис Филлмор говорила быстро, и Салли смутно догадывалась, что разговор помогает ей в тяжелую минуту. Молчание сейчас было бы невыносимым. — Я играла с ней в одной труппе, а иногда мне кажется, что человека не узнаешь хорошенько, пока не выйдешь с ним вместе на сцену. Эльза — ничего, просто в ней уживаются две души. Как будто раздвоение личности, знаешь. Она ужасно тебя любит. Я знаю. Она сама всегда говорила. И не врала. Она на все готова ради тебя, если это не касается работы. Когда речь заходит о карьере, ты не в счет. Все не в счет. Даже ее муж. Вот это забавно. Если, конечно, можно так сказать. Меня от этого просто трясти начинает.

— Что тут забавного? — понуро спросила Салли.

— Тебя там не было, так что ты ничего не видела, а я была с ними все время и знаю совершенно точно: он женился на ней только потому, что считал ее, ну., полезной. Он вообще не обращал на нее внимания. Потом она произвела фурор в Чикаго, тут-то он и начал увиваться вокруг. А теперь выходит, его надули. Она бросила его спектакль и ушла. Это все равно как жениться на приданом и обнаружить, что у девицы ни гроша за душой. Да и она в общем-то обманулась. Я абсолютно уверена: она-то думала, он станет великим драматургом и будет ее проталкивать. Но что-то непохоже, что его ждет успех. В общем, отношения у них напряженные. Я

слышала, он пьет. Кто-то, кто его видел, сказал мне, что он совсем расклеился. Ты его не встречала?

— Нет.

— Я подумала, ты могла случайно с ним столкнуться. Он ведь живет напротив.

Салли вцепилась в подлокотники кресла.

— Живет напротив? Джеральд Фостер? Как это?

— На этом этаже, — сказала миссис Филлмор, ткнув большим пачьцем в сторону двери. — Ты не знала? Ну, правильно. Я так и думала. Они же туда въехали после того, как ты умчалась в Англию. Эльза хотела быть к тебе поближе и чуть не умерла от радости, узнав, что та квартира пустует. Видишь, она тебя правда любит. Если бы она тебя не любила, стала бы она селиться напротив? Любовь любовью, но она бросила спектакль и разорила тебя, когда ей представился шанс хоть немного улучшить свое положение. Забавно, правда?

На выручку Салли пришел телефонный звонок, избавивший ее от необходимости отвечать. Она прошла через комнату и сняла трубку.

— Алло?

В голосе Рыжика звучало ликование.

— Привет. Вы дома? Все в порядке. В смысле, с тем парнем.

— Да?

— Ну тот, с собаками, помните? — Неудержимое веселье пошло на убыль. Его чувствительное ухо, кажется, уловило недостаток радости в ее голосе. — Я только что звонил ему и обо всем сговорился. Если, — добавил он не слишком решительно, — вы все еще хотите участвовать в этом.

Салли колебалась, но лишь мгновение.

— Ну что вы! Конечно, — сказала она твердо. — С чего вы взяли, что я передумала?

— Я решил… То есть мне показалось… Не знаю.

— Не выдумывайте. Я немного обеспокоена, и когда вы позвонили, сразу не переключилась. Конечно, покупайте, Рыжик. Я очень рада.

— Вы беспокоитесь? Какой ужас!

— Да ничего!

— Случилось что-нибудь?

— Как-нибудь переживу. Я молодая и крепкая. Рыжик немного помолчал.

— Конечно, я не хочу вмешиваться, но, может, вам нужна помощь?

— Нет, Рыжик. Правда, нет. Я знаю, вы готовы на все, но об этом я

должна позаботиться сама. Когда вы отправляетесь на место?

— Думал поехать сегодня после обеда. Так, оглядеться.

— Сообщите мне, каким поездом, и я приду проводить вас.

— Замечательно. Тогда до скорого.

— До скорого, — сказала Салли.

Миссис Филлмор, на время застывшая, как бывает с людьми, присутствующими при телефонном разговоре, который их не касается, ожила, когда Салли повесила трубку.

— Салли, — сказала она, — я думаю, теперь нам следует обговорить, что ты собираешься делать дальше.

Салли чувствовала, что не в состоянии обсуждать планы на будущее. В эту минуту ей хотелось одного — чтобы ее оставили в покое.

— О, все нормально. Я справлюсь. А вот что будет с Филлмором?

— У Филлмора есть я, — сказала Глэдис со спокойной решимостью. — Поэтому ты меня больше беспокоишь. Я вчера всю ночь не спала, думала про тебя. Насколько я поняла со слов Филлмора, у тебя еще остается несколько тысяч. Что ж, раз так, я могу подсказать тебе кое-что действительно стоящее. Я знаю одну девушку…

— Боюсь, — прервала ее Салли, — все мои деньги уже вложены в одно дело.

— И ты не можешь их забрать?

— Нет.

— Послушай, — настойчиво продолжала миссис Филлмор. — Ведь дело-то, правда, стоящее. Некоторое время назад эта моя знакомая занялась оформлением интерьеров и теперь гребет деньги лопатой. Но она хочет расширяться и готова третью часть дела передать партнеру, который вложит в него несколько тысяч. Партнера найти ей будет не трудно, но я позвонила ей утром и попросила подождать, пока не переговорю с тобой. Честно говоря, Салли, такое раз в жизни бывает. Это очень выручило бы тебя. Неужели ты никак не можешь забрать свои деньги и вложить их в это дело?

— Никак. Я ужасно тебе благодарна, Глэдис, но это невозможно.

— Ну, — сказала миссис Филлмор, энергично пронзая ковер зонтиком, — не знаю, что там у тебя за бизнес, но если только вы не печатаете деньги или что-нибудь в этом роде, ты останешься в проигрыше. Ты уверена, что не можешь переиграть?

— Правда, не могу.

Миссис Филлмор поднялась, совершенно разочарованная.

— Что ж, тебе, конечно, видней. Ох! Как же все запуталось, Салли, —

сказала она, вдруг остановившись в дверях, — ты не возненавидишь несчастного Филлмора за это, правда?

— Ну, конечно, нет. Ему просто не повезло.

— Он ужасно этого боится.

— Передай ему, что я его люблю. Пусть не выдумывает. Миссис Филлмор прошла через комнату и порывисто поцеловала Салли.

— Ты ангел, — сказала она. — Жаль, что не все скроены так же. Наверное, просто выкройка потерялась. Что ж, пойду передам все Филлмору. Это его утешит.

Дверь закрылась. Салли села, опершись подбородком на руку, и задумалась.

3

Мистер Исидор Абрахамс, основатель и владелец пользующегося заслуженной популярностью дансинга с поэтичным названием «Цветник», блаженно откинулся на спинку стула и положил на стол нож и вилку, с помощью которых он только что расправился с полной тарелкой сочного гуляша. По своей достойной восхищения привычке он ужинал в кругу семьи, у себя дома на Фар-Рокэуэй. Напротив сидела его жена Ребекка, лицо которой, покоящееся на постаменте из нескольких подбородков, лучезарно улыбалось ему. Его дети Дэвид, Джейкоб, Моррис и Сайд улыбнулись бы ему так же лучезарно, если бы не были слишком заняты гуляшом. Добрый, честный, домашний человек был мистер Абрахамс, настоящая гордость своей общины.

— Мать! — позвал он.

— Да, отец? — откликнулась миссис Абрахамс.

— Что же я хотел тебе рассказать? — задумчиво произнес мистер Абрахамс, пухлым пальцем катая хлебный шарик вокруг тарелки. — Помнишь ту девушку, про которую я тебе как-то говорил… Она работала в «Цветнике»… Фамилия Николас… Она еще получила наследство и бросила работу.

— Помню. Она тебе нравилась. Джеки, дорогой, ешь помедленнее.

— Я и так, — буркнул мастер Абрахамс.

— Она всем нравилась, — продолжал мистер Абрахамс— Пожалуй, самая приятная девушка из всех, что у меня работали, а ведь я беру только приятных, потому что «Цветник» — приятное место, и мне хочется, чтобы все там было приятно. Иначе распугаешь всех клиентов. У меня не какой-

нибудь низкопробный притон. Я за такой и пяти центов не дам. Салли Николас всем нравилась. Всегда любезная, всегда улыбается, и манеры, как у леди. Одно удовольствие иметь такого работника. И что ты думаешь?

— Умерла? — тревожно спросила миссис Абрахамс. Ей показалось, что все шло к этому. — Вытри рот, Джеки, дорогой.

— Нет, не умерла, — ответил мистер Абрахамс, впервые отдавая себе отчет, что его повесть может показаться критику лишенной должного трагизма. — Сегодня после обеда она пришла ко мне и попросилась обратно на работу.

— А! — сказала миссис Абрахамс без всякого выражения. Ярая поклонница местного кинематографа, она надеялась на более пикантную развязку.

— Да, но разве ты не видишь? — продолжил мистер Абрахамс, храбро пытаясь разбудить в своих слушателях интерес— Ты подумай только, года не прошло, как эта девушка уволилась, имея на счету в банке приличную сумму, и вот она возвращается без гроша. Неужели ты не видишь, как трагична жизнь и как осторожно нужно обращаться с деньгами? Это как раз то, что я называю наглядным примером. Одному Богу известно, как ей удалось все истратить. Вот уж не думал, что она — транжира. Мне она казалась скорее разумной.

— Что такое транжира, па-ап? — спросил мастер Джеки, закончив с гуляшом.

— Ей нужна была работа, и я взял ее. Я рад, что она вернулась. В этой девушке чувствуется класс. Именно такие мне нужны. Правда, энергии в ней уже поменьше, чем раньше… Немного притихла как будто… Но в ней чувствуется класс, и я рад, что она вернулась. Надеюсь, она останется. Теперь-то понимаешь?

— Ах! — сказала миссис Абрахамс, проявив наконец энтузиазм. В сущности, история оказалась не такой уж плохой. Она напомнила ей картину с Глорией Гуч, которую миссис Абрахамс видела накануне вечером — «Девушка против целого света».

— Па-ап! — позвал мастер Абрахамс.

— Да, Джеки?

— Когда я вырасту, я буду беречь деньги. Положу все в банк, и пусть лежит.

Легкое огорчение, которое почувствовал мистер Абрахамс, размышляя над бедами Салли, растаяло, как туман под лучами солнца.

— Умница ты мой, — сказал он.

Он полез в жилетный карман, нащупал монету в десять центов,

раздумал, вытащил руку и, наклонившись через стол, потрепал мастера Абрахамса по щечке.

Глава XV ДЯДЯ ДОНАЛЬД ВЫСКАЗЫВАЕТ МНЕНИЕ

Есть в некоторых мужчинах какая-то упругость, полное нежелание признать свой крах — свойство, одинаково полезное и в любви, и в предметах, не столь возвышенных. Брюс Кармайл напоминал тех боксеров, которые по-настоящему начинают драться лишь после того, как им по крайней мере один раз основательно съездят по какому-нибудь чувствительному месту. Хотя Салли весьма решительно отказала ему в Монкс Крофтоне, мистеру Кармайлу и в голову не пришло считать этот вопрос закрытым. Всю свою жизнь он привык добиваться того, чего хотел; намеревался добиться и теперь.

Салли была нужна ему, он твердо в это верил. Иногда он все-таки сомневался, однако все заглушала горечь поражения. Присущая этой девушке богемность, которая прежде бывало коробила его упорядоченный ум, уже позабылась; мистер Кармайл помнил лишь блестящие глаза, бойко вздернутый подбородок и врожденное изящество. Этот веселый образ терзал его в темноте бессонных ночей, словно хлыстом подстегивая к преследованию; так что спокойно и методично, как и подобает достопочтенному волку, идущему по следу Красной Шапочки, он начал собираться в погоню. Деликатность и воображение, возможно, удержали бы его от этого шага, однако этими качествами он никогда не мог похвастаться. Никто не совершенен.

Приготовления к отъезду, хотя он сделал все, чтобы провести их как можно быстрее и незаметнее, не ускользнули °т Семьи. Во многих английских семействах существует, кажется, система внутреннего оповещения, наподобие той что действует в диких африканских племенах, которые через многие мили непроходимых джунглей узнают последние новости и происшествия каким-то телепатическим способом. Вечером накануне отъезда в квартиру Брюса Кармайла на Саут-Одли-Стрит вошел полномочный представитель Семьи, человек, которым Семья гордилась, дядя Дональд собственной персоной.

В его персоне было двести сорок фунтов, и кресло, в которое он ее усадил, заскрипело под тяжкой ношей. Однажды в Монкс Крофтоне Салли испортила своему брату Филлмору все утро, сказав, что под старость он превратится в точную копию дяди Дональда. Лелеемое со школьной скамьи суеверие о его слабом сердце привело к тому, что в течение

последних пятидесяти лет директор-распорядитель Семьи воздерживался от любых упражнений; а поскольку отвращение к физической активности сочеталось в нем с аппетитом, входившим в первую тройку на юго-западе Лондона, к шестидесяти двум годам дядя Дональд превратился в человека, которого мало кто захочет усадить к себе в кресло. Обыкновенно почтительный Брюс Кармайл при виде его почувствовал нечто, напоминающее неприязнь.

Дядя Дональд тяжело дышал. Его моржовые усы слегка колыхались, как водоросли на морском дне. Ему пришлось взбираться по лестнице.

— Так-так… Это еще что? — наконец, произнес он, — Укладываешься?

— Да, — коротко ответил мистер Кармайл. Впервые в жизни он ощущал за собой вину в присутствии этого крупного человека с глазами, как у скумбрии. Обычно такое случалось с его кузеном.

— Уезжаешь?

— Да.

— Куда?

— В Америку.

— Когда?

— Завтра утром.

— Зачем?

На письме этот диалог выглядит живым и энергичным, словно два актера обменялись репликами в водевиле, однако в действительности сцена растянулась минуты на три, поскольку у дяди Дональда была своеобразная манера беседовать: всякий раз перед тем как задать вопрос, он пыхтел, вздыхал и жевал усы с такой болезненной медлительностью, что нервы его собеседника натянулись до предела.

— Поехал за этой девицей, — выдвинул обвинение дядя Дональд.

Брюс Кармайл густо покраснел. Интересно будет отметить, что в эту минуту в голове у него пронеслась мысль: поведение Рыжика тогда, в кофейне Блика, не так уж непростительно, как ему казалось. Вне всяких сомнений Полномочный представитель Семьи бывал невыносим.

— Не желаете виски с содовой, дядя Дональд? — попытался он сменить тему.

— Да, — ответил родственник, который еще в начале восьмидесятых дал обет никогда не отказываться от предложений такого рода. — Наливай!

Возможно, вы подумали, что после этого разговор перешел в более приятную плоскость. Ничего подобного. Вылакав живительный напиток,

дядя Дональд вновь бросился в атаку, нисколько не смягчившись.

— Вот уж не думал, что ты такой дурак, — сурово продолжил он.

Гордый дух Брюса Кармайла терзался. Такие беседы, которые кузен Рыжик воспринимал как обыденность, ему были внове. До сего дня его действия никогда не подвергались критике.

— Я не дурак.

— Нет, дурак. Полный идиот, — уточнил дядя Дональд. — Не нравится мне эта девица. Никогда не нравилась. Неприятная. С первого раза не понравилась.

— Стоит ли это обсуждать? — величаво сказал Брюс Кармайл. Это он умел.

Глава Семьи пожевал усы.

— Стоит ли? — резко переспросил он. — Нет, уж давай обсудим! Для чего я карабкался по этой чертовой лестнице? С моим-то сердцем! Плесни-ка мне!

Мистер Кармайл плеснул.

— Плохи дела, — запричитал дядя Дональд, осушив стакан. — Ох, как плохи! Был бы жив твой несчастный отец, что бы он сказал, увидев, как ты гоняешь по свету за этой девицей? Я-то знаю, что он сказал бы. Он сказал бы… Что это за виски?

— «О'Раферти», особое

— Никогда не пробовал. Ничего. Даже очень ничего. Приятное на вкус. Где купил?

— На Оксфорд-Стрит у «Бильби».

— Надо будет заказать. Приятное. Он бы сказал… Э… Бог знает, *что* он сказал бы. Ну, для чего тебе это? Для *чего?* Вот этого я не пойму. И никто не поймет. Дядя Джордж сбит с толку. Тетушка Джеральдина просто в тупике. Никто не понимает. Девица охотится за твоими деньгами. Это же любому ясно.

— Извините, дядя Дональд, — жестко возразил мистер Кармайл. — Это полный абсурд. Если так, почему она отказала мне тогда, в Монкс Крофтоне?

— Цену себе набивает, — проворно ответил дядя Дональд. — Охмуряет тебя. Известный трюк. В 1881 году, когда я был в Оксфорде, одна девица пыталась охмурить *меня*. И не будь у меня головы на плечах и больного сердца… Что ты знаешь об этой девушке? Что ты *знаешь?* В том-то и дело. *Кто* она такая? Где ты с ней познакомился?

— В Ровиле, во Франции.

— Путешествовала с семьей?

— Одна, — неохотно признался Брюс Кармайл.

— Даже этого ее брата с ней не было? Плохо! — сказал дядя Дональд. — Плохо, плохо!

— Девушки в Америке пользуются большей свободой, чем в Англии.

— Значит, молодой человек, — гнул свое дядя Дональд, — должен поостеречься. Она путешествовала одна? Ну, и как же ты с ней познакомился? Строил глазки на пирсе?

— В самом деле, дядя Дональд!

— Но ведь как-то вы познакомились.

— Меня представил Ланселот. Они с ней приятели.

— Ланселот! — услышав ненавистное имя, дядя Дональд затрясся всем телом, как желе. — Что ж, теперь ясно, что она за птица. Дружит с… Распаковывай!

— Прошу прощения?

— Веши… Распаковывай! Хватит дурить. Об этом и речи быть не может. Найдешь себе хорошую жену. Тетя Мери познакомилась с такими Бассингтон-Бассингтонами, они в родстве с Бассингтон-Бассингтонами из Кента… Старшая девочка очаровательна, прямо для тебя.

Люди скрипят зубами лишь на страницах старомодных романов, однако Брюс Кармайл был близок к этому, намного ближе, чем кто-либо до него. От былой обходительности не осталось и следа. Он был мрачнее тучи.

— И не подумаю, — отрезал он. — Я отплываю завтра.

Однажды дядя Дональд уже сталкивался с открытым неповиновением со стороны племянника, однако так к этому и не привык. Его охватило неприятное чувство беспомощности, труднее всего не растеряться с ответом, когда вам бросили вызов.

— Э? — сказал он.

А мистер Кармайл, бросив вызов, очевидно, решил не останавливаться на достигнутом.

— Двадцать один мне уже исполнился, — сказал он. — Я финансово независим и поступлю так, как мне будет угодно.

— Подумай! — воззвал дядя Дональд, мучительно сознавая бесполезность своих слов. — Все взвесь!

— Я все обдумал.

— Твое положение в графстве…

— Я думал об этом

— Ты мог бы жениться, на ком пожелаешь.

— И женюсь.

— Значит, ты решительно собрался Бог-знает-куда за этой мисс Никак-не-запомню-как-ее-зовут.

— Да.

— А ты подумал, — важно осведомился дядя Дональд, — о своем долге перед Семьей?

Терпение Брюса Кармайла лопнуло, и он камнем пошел ко дну, опустившись до совершенно Рыжиковой прямоты.

— О, к черту Семью! — воскликнул он.

Повисла тягостная пауза, которую нарушил облегченный вздох кресла, из которого вылез дядя Дональд.

— Ну, после такого, — сказал он, — говорить с тобой не о чем.

— Вот и хорошо! — грубо ответил потерявший всякий стыд мистер Кармайл.

— Только учти, если вернешься с такой женой, встречу на Пиккадилли — не поздороваюсь. Так и знай!

Он двинулся к двери. Брюс Кармайл смотрел себе под нос. Момент был напряженный.

— Как, — спросил дядя Дональд, взявшись за дверную ручку, — ты сказал, оно называется?

— Что называется?

— Виски.

— «О'Раферти», особое

— А где купил?

— На Оксфорд-Стрит у «Бильби».

— Надо записать, — сказал дядя Дональд.

Глава XVI В «ЦВЕТНИКЕ»

1

— И после всего, что я для нее сделал, — сказал мистер Реджинальд Крэкнелл дрожащим от жалости к себе голосом. В глазах у него стояли слезы (результат душевных мук и неумеренных возлияний на своем знаменитом складе), — после всего, что я для нее сделал, она меня бросила.

Салли не ответила. Оркестр в «Цветнике» играл на совесть, так что соревноваться с ним охоты не возникало, кроме того, ей было очень трудно попадать в такт беспорядочным па мистера Крэкнелла, так что все ее внимание было поглощено этим. Спотыкаясь, они маневрировали возле столика, за которым восседала мисс Хобсон, с холодным высокомерием наблюдая за всеобщим весельем. Новая повелительница «Цветника» была одета в черное с золотом и вид имела поистине королевский, так что охваченный тоской мистер Крэкнелл сглотнул слезу, пытаясь поймать ее взгляд.

— Если бы я сказал вам, — простонал он в ухо Салли, — сколько… Что это было, ваша нога? Извините! Ничего сегодня не соображаю… Если бы я сказал вам, сколько я потратил на эту женщину, вы бы не поверили. И после всего этого она меня бросает. А все из-за того, что мне не понравилась ее шляпка. Неделю уже со мной не разговаривает, к телефону не подходит. А ведь я был прав. Шляпка-то премерзкая. Совсем ей не идет. Но, — мрачно подытожил мистер Крэкнелл, — таковы женщины.

Салли сдавленно вскрикнула, когда он наступил ей ногу, которую она не успела вовремя убрать с дороги. Мистеру Крэкнеллу показалось, что это крик протеста в твет на столь огульные обвинения, и галантно попытался загладить вину.

— Я не про вас, — сказал он. — Вы не такая. Я понял это с первого взгляда. Вы добрая. Потому я вам и рассказываю все это. Вы разумная девушка с широкими взглядами, вы можете понять. Я все делал для нее. Я устроил ее сюда — вы не поверите, сколько ей платят. Я поставил спектакль с ней в главной роли. Видите жемчуг у нее на шее? Я подарил. А она со мной не разговаривает. Из-за какой-то шляпки. Видели бы вы эту шляпку, вы бы со мной согласились. Ведь вы разумная девушка с

широкими взглядами и понимаете в шляпках. Не знаю, что и делать. Прихожу сюда каждый вечер. — Салли была в курсе. Она часто видела его, однако лишь сегодня Ли Шенстайн, церемониймейстер-джентльмен, подсунул Крэкнелла ей. — Я прихожу сюда каждый вечер и танцую возле ее столика, а она на меня даже не посмотрит. Что, — спросил мистер Крэкнелл, и слезы хлынули из его выцветших глаз, — вы бы сделали на моем месте?

— Не знаю, — честно призналась Салли.

— Вот и я. Я подумал, вы знаете, ведь вы разумная, с широкими взглядами… То есть, я не знаю… Сегодня последний раз попытаюсь. Умеете хранить секреты? Никому не скажете? — спрашивал он настойчиво, — Ну, конечно, не скажете, ведь вы разумная… У меня для нее есть маленький подарок. Подарю ей. Маленький подарочек. Это ее смягчит, как вы думаете?

— Лучше подарить большой.

Мистер Крэкнелл в тревоге брыкнул ногой.

— А я и не подумал. Наверное, вы правы. Но теперь уже поздно. Хотя, кто знает. Или нет? Как вы считаете?

— Да, — ответила Салли.

— Вот именно, — сказал мистер Крэкнелл.

Оркестр разразился барабанной дробью, лязгнул тарелками и замолчал. Мистер Крэкнелл посреди зала слабо хлопал в ладоши. Салли скользнула к себе за столик. Ее бывший партнер, пошарив вокруг неуверенным взглядом, словно что-то потерял, но никак не вспомнит что, зигзагами направился к своему месту. Вновь стали слышны разговоры, которые заглушала музыка. Горячий спертый воздух был наполнен голосами; и Салли, прижав к глазам ладони, вновь почувствовала, что у нее болит голова.

Почти месяц прошел с тех пор, как она вернулась к мистеру Абрахамсу. Безрадостный долгий месяц, череда тоскливых одинаковых дней, когда жизнь больше походила на дурной сон. Словно в ночном кошмаре ее, казалось, разлучили со всеми, кого она любила. Вот уже несколько недель она не видела ни одного знакомого лица. Никто из прежних друзей по пансиону ей не встречался. Филлмор, без сомнения, терзаемый угрызениями совести, заходить перестал. Рыжик устраивал свою жизнь где-то на южном побережье Лонг-Айленда.

Она опустила руки, открыла глаза и оглядела зал. Народу, как обычно, было полно. «Цветник» был одним из многих заведений подобного рода, которые оказались на гребне популярности в охваченном танцевальным

бумом Нью-Йорке; и поскольку, как говорил его собственник, место это было приятное, и все там шло приятно, он продолжал оставаться на плаву в отличие от многих своих соперников. Рекламный буклет сообщал, что «Цветник» — «клуб, где можно поужинать и потанцевать после театра», к чему добавлялось, что зал в нем «просторный и великолепно оборудованный» и заведение это остается «одной из городских достопримечательностей благодаря бесподобной танцплощадке, чарующей музыке, замечательной кухне и высококлассному обслуживанию». Из вышесказанного можно заключить, даже не слышав его собственных суждений по этому поводу, что Исидору Абрахамсу «Цветник» нравился.

Было время, когда он нравился и Салли. Было время, когда работа казалась ей занимательной, интересной и полной развлечений. Но в те дни ее не мучили головные боли, ни, что гораздо хуже, эта пугающая апатия, которая теперь навалилась на нее и из-за которой ежевечерняя работа превращалась в тяжкое бремя.

— Мисс Николас!

Оркестр, который в «Цветнике» никогда не умолкал надолго, заиграл вновь, и церемониймейстер подвел к ее столику нового партнера. Салли машинально поднялась.

— Я тут впервые, — сообщил ее партнер, проталкиваясь на запруженную танцорами площадку. Конечно же, он был большим и неповоротливым. Сегодня весь мир казался Галли большим и неповоротливым. — Шикарное местеч-к0 Я сам с севера. У нас там таких нету. — Он расчищал себе дорогу, используя Салли как таран, и хотя танцевать с мистером Крэкнеллом казалось ей сомнительным удовольствием, теперь она оглядывалась в прошлое почти с тоской. Нынешний ее партнер, несомненно, был худшим танцором в Америке.

— Старый добрый Нью-Йорк! Вот что мне нужно, — непатриотично заметил человек с севера. — Такая жизнь по мне. Видел уже кучу шикарных спектаклей. Давно вы не были в театре?

— Давно.

— Сходите, — сказал он убедительно. — Обязательно сходите! Мой вам совет, шикарные вещи дают. Видели «Миртл в турецкой бане»?

— Я редко хожу в театр.

— Сходите! Это просто умора. С тех пор как приехал, я каждый вечер хожу по театрам. Каждый вечер. Шикарные постановки. Ну, разве только последняя… Надули меня сегодня. Это была премьера, потому я и пошел. Думал, будет, о чем дома рассказать, все-таки побывал на премьере в Нью-Йорке. Билеты по два семьдесят пять вместе со сбором, хотел бы я

получить свои денежки назад. Называется «Дикая роза», — язвительно заметил он, словно это была отговорка со стороны дирекции. — «Дикая роза»! Да уж, дикость страшная. Два доллара семьдесят пять центов.

Какое-то воспоминание зашевелилось в голове у Салли. Почему название этой пьесы казалось таким знакомым? Затем, потрясенная, она вспомнила. Это же новая пьеса Джеральда. Первое время, каждый раз выходя из квартиры, она боялась столкнуться с ним, а потом прочитала в утренней газете заметку, которая рассеяла ее страхи. Джеральда не было в городе, он поехал на гастроли со своей новой пьесой, и называлась она «Дикая роза», Салли была почти уверена в этом.

— Это пьеса Джеральда Фостера? — быстро спросила она.

— Не знаю уж, кто написал эту белиберду, — ответил ее партнер, — но скажу вам: ему повезло, что выбрался оттуда живым. На каторгу ссылают за меньшее. «Дикая роза»! Дикость полная, — сказал человек с севера, очевидно, не любивший тратиться попусту и экономивший свои шутки. — В общем, к концу первого акта публика повалила к выходу. Если бы кто-то не заорал: «Женщины и дети вперед», — возникла бы паника.

Салли обнаружила, что снова сидит за столиком, не очень припоминая, как добралась до него.

— Мисс Николас.

Она начала было вставать и вдруг поняла, что этот призыв не был зовом долга и раздался он не из золотозубого рта мистера Шенстайна. Человек, который произнес ее имя, сел рядом с ней и говорил так четко и сжато, казался ей странно знакомым. Пелена спала с ее глаз, и она узнала Брюса Кармайла.

2

— Я заходил к вам, — говорил мистер Кармайл, — и консьерж сказал мне, что вы здесь. Так что я осмелился последовать за вами. Надеюсь, вы не против? Можно, я покурю?

Он непринужденно закурил. Пальцы его дрогнули, когда он зажигал спичку, однако он льстил себя надеждой, что больше ничто в его поведении не указывало на то, до какой степени он волнуется. Настоящий мужчина, считал Брюс Кармайл, силен и владеет своими чувствами. Момент был, конечно, затруднительным, однако мистер Кармайл решительно настроился ничем себя не выдать. Он искоса взглянул на Салли и подумал, что еще никогда, даже в то утро в саду Монкс Крофтона,

она не была прекраснее. На щеках играл румянец, глаза сверкали. Тучный дух дяди Дональда, который в ходе всей экспедиции был верным спутником мистера Кармайла, поблек и растворился, пока он смотрел на нее.

Повисла пауза. Мистер Кармайл раскурил сигарету и выпустил клуб дыма.

— Когда вы приехали? — спросила Салли, почувствовав, что необходимо что-то сказать. Разум ее был в смятении. Она сама не знала, рада она его видеть или нет. Скорее, все же рада, решила она. Было в этой его холодной и чопорной английскости что-то, отчего, как ни странно, ей становилось легче. Он был так не похож на мистера Крэкнелла и на человека с севера, так спокоен и чужд лихорадочной атмосферы, в которой она жила. Глядя на него, Салли отдыхала.

— Я прибыл сегодня вечером, — сказал Брюс Кармайл, поворачиваясь и глядя ей прямо в глаза.

— Сегодня вечером!

— Мы причалили в десять.

Он снова отвернулся. Желаемого эффекта он достиг, теперь надо было дать ей поразмыслить над сказанным.

Салли молчала. Значение его слов было ей вполне понятно. Его присутствие здесь было своего рода вызовом, на который она должна ответить. Но ей было все равно. Она так долго боролась, что ей больше не хотелось действовать. Она чувствовала себя пловцом, который устал биться и готов поддаться изнеможению. Спертый воздух давил на нее как душное одеяло. Усталые нервы уже не выдерживали ревущей музыки и громких голосов.

— Может, потанцуем? — спросил он.

Оркестр заиграл чувственную слащавую мелодию, песню-однодневку, которая только что взошла на пик популярности. Салли, слышавшая этот мотив, наверное, сотню раз, знала его наизусть.

— Если хотите.

Мастерство во всем — таков был девиз Брюса Кармайла. Он был из тех мужчин, которые берутся лишь за то, что умеют делать с блеском. Еще на заре жизни он решил, что танцы — одна из тех вещей, которые образованный джентльмен знать обязан, и позаботился о том, чтобы изучить эту науку основательно. Следуя за ним, Салли по привычке готовилась вытерпеть обычные толчки и подножки, к которым сводились для нее танцы в «Цветнике», а оказалась в руках мастера, настоящего эксперта, человека, который танцевал лучше, чем она сама; и внезапно она

испытала благодарность, дивный покой, взвинченные нервы расслабились. Полузакрыв глаза, она умиротворенно покачивалась в такт мелодии, из которой таинственным образом исчезло все избитое и дешевое, и в эту минуту ее отношение к Брюсу Кармайлу полностью изменилось.

Салли так и не потрудилась разобраться, что на самом Деле к нему чувствует; одно ей было ясно с самой первой встречи — физически он ей неприятен. Несмотря на привлекательную внешность (а на свой мрачноватый манер, он был красивым мужчиной), Брюс Кармайл ее отталкивал. Теперь, околдованная чудесным танцем, она уже не чувствовала к нему отвращения. Словно какой-то барьер сломался между ними.

— Салли!

Она почувствовала, как его рука сжимает ее талию, как дрожат его мускулы. Она взглянула ему в лицо. Темные глаза внезапно ослепили ее, она оступилась, почувствовав странную беспомощность; с ужасом очнувшись от полудремотного состояния, в котором она покачивалась убаюканная, она поняла, что этот танец не отсрочил решающего разговора, как ей казалось. Музыка вновь хрипела и ревела, и его слова мешались с мелодией, горячим шепотом он повторял все то, что говорил ей на аллее Монкс Крофтона в то далекое весеннее утро. Ошеломленная, она чувствовала, что атаковать ее в подобный момент нечестно, это ей претило, однако разум словно оцепенел.

Внезапно музыка замерла. В ответ на настойчивые рукоплескания оркестр заиграл вновь, но Салли уже шла назад к столику, Брюс Кармайл следовал за ней, как тень. Они не обменялись ни словом. Он сказал все, что хотел, и Салли сидела, уставившись перед собой и пытаясь думать. Она устала, устала. Глаза жгло. Она заставляла себя трезво взглянуть на ситуацию. Стоило ли бороться? И ради чего? Она знала лишь одно: она устала, устала смертельно, устала до глубины души.

Оркестр замолчал. Вновь раздались хлопки, однако на этот раз музыканты не послушались. Постепенно шарканье шагов стихло. Площадка опустела. В «Цветнике» установилась относительная тишина. Казалось, даже разговоры вокруг стали тише. Салли закрыла глаза, и вдруг откуда-то сверху из-под крыши раздалось птичье пение.

Исидор Абрахамс слово держал. Он назвал свое заведение «Цветником» и постарался, чтобы клиенты действительно почувствовали себя в цветнике, конечно, насколько это возможно в слишком душном и шумном, переполненном бродвейском дансинге. На стенах цвели бумажные розы, живые тюльпаны стояли в кадках у каждой колонны, а к

потолку были подвешены клетки с живыми птицами. Одна из них, встревоженная внезапной тишиной, запела.

Салли часто жалела этих птиц и много раз просила Абрахамса скостить им срок, однако в это мгновение ей почему-то не показалось, что птаха на своем языке молит, как и она сама, забрать ее отсюда. Боровшуюся с судьбой Салли эта песня утешала. Она была как бальзам. Внезапно перед ее глазами возникло видение: Монкс Крофтон, прохладный, зеленый и покойный в лучах неяркого английского солнца. Он манил ее, как далекий оазис манит путника в пустыне.

Она почувствовала, как хозяин Монкс Крофтона накрыл ее руку своей ладонью и сжал. Она взглянула, и ее передернуло. Ей всегда не нравились руки Брюса Крамайла. Они были большие, костлявые, покрытые черными волосами. Когда-то давно она подумала, что если однажды он к ней прикоснется, ей будет неприятно. Однако она не шелохнулась. Снова пронеслось видение: старый сад… Гавань, где она сможет отдохнуть…

Он наклонился к ней и шептал что-то на ухо. В зале было необычайно жарко, шумно, людно. Птица под потолком вновь запела, и теперь Салли разобрала, о чем. «Заберите меня отсюда!» Разве что-нибудь еще имело значение? Разве было важно, как тебя заберут, куда или даже кто? Главное, чтобы забрали.

Монкс Крофтон был прохладным, зеленым и покойным…

— Хорошо, — сказала Салли.

3

В качестве полноправного поклонника Брюс Кармайл пребывал в растерянности. Он был несколько разочарован и вовсе не потому, что Салли приняла его предложение так сдержанно. Конечно, ему бы хотелось, чтобы она выказала побольше тепла, но с теплом он готов был подождать. Огорчало его упорядоченный ум вот что: только теперь он заметил, что выбрал для своих признаний неудачное время и место. Он принадлежал к ортодоксальной школе и считал, что предложение следует делать при луне и в уединении, а обстановка «Цветника», несмотря на то, что место это было во всех отношениях приятное, его коробила.

Музыканты заиграли опять, однако не какой-нибудь нежный мотив, которого требует влюбленное сердце. Раздался грубый металлический лязг — оркестр исполнял степ, который заставил бы умолкнуть и самого красноречивого. Танцующие пары раскачивались и сталкивались друг с

другом повсюду, насколько хватало глаз; а за спиной у него двое официантов устроились на привал, чтобы подробно разобрать какой-то спорный вопрос, как принято у официантов. Продолжать сцену на должном эмоциональном уровне было невозможно, и Брюс Кармайл начал свою карьеру жениха незатейливым разговором.

— Черт, ну и шум! — сказал он ворчливо.

— Да, — согласилась Салли.

— Так всегда?

— О, да.

— Адский грохот!

— Да.

Живший в мистере Кармайле романтик плакал навзрыд, выслушивая эти уродливые банальности. Много раз мечтая о том, как все это произойдет, он особое место отводил мгновению, когда самый важный вопрос уже задан и в ответ раздалось тихое «да». Он видел, как с горделивой нежностью склоняется к потупившейся возлюбленной и шепчет что-то ей на ушко. Как можно шептать среди этого столпотворения! И одним махом Брюс Кармайл опустился от нежности к раздражению.

— Вы часто сюда приходите?

— Да.

— Зачем?

— Я танцую.

Мистер Кармайл беспомощно занервничал. Сцена, которая могла быть такой романтичной, внезапно напомнила самый первый в его жизни бал. Ему тогда было двадцать, он сидел в углу за пальмой, потный и робкий, и пытался завязать беседу с чудесной нимфой в розовом. Это был один из редких случаев, когда он оказался не на высоте. Он до сих пор помнил, как жал слишком высокий накрахмаленный воротничок и как липко стало шее, когда крахмал начал таять. Вне всяких сомнений, воспоминание было не из приятных, и его коробило, что оно пришло на ум именно в это мгновение, которое должно стать самым счастливым в его жизни. Почти разозлившись, он попытался перейти к более возвышенному стилю.

— Дорогая, — прошептал он, обнаружив, что если подвинуть стул на два фута вправо и наклониться, то вполне можно шептать, — это такое…

— Batti, batti! I presto ravioli hollandaise, — вскричал один из спорящих официантов у него за спиной. По крайней мере, так показалось Брюсу Кармайлу.

— La Donna e mobile spaghetti napoli Tettrazina, — не растерявшись,

парировал второй официант.

— … это такое…

— Infanta Isabella lope de Vegas mulligatawny Toronto, — произнес первый официант уже не так уверенно, но все же отважно.

— … такое счастье…

— Funiculi funicula Vincente y Blasco Ibanez vermicelli sul campo delta gloria risotto![84] — положил конец спору второй официант, и ему была засчитана победа техническим нокаутом.

Брюс Кармайл сдался и угрюмо закурил. Он был раздавлен знакомым каждому из нас чувством, что все идет не так.

Музыка прекратилась. Граждане маленькой Италии исчезли, — вероятно, готовились к вендетте. Наступило относительное затишье. Однако чувства Брюса Кармайла по-прежнему напоминали нестройный колокольный звон, он не мог вернуть то первое мгновение беззаботного восторга. В голову лезли одни банальности.

— А где ваша компания? — спросил он.

— Компания?

— Ну, люди, с которыми вы пришли, — пояснил мистер Кармайл. Даже сейчас, под гнетом эмоций, он не забыл поинтересоваться этим. В его правильном мире девушки не ходили по ресторанам в одиночку.

— Со мной никого не было.

— Вы пришли одна? — воскликнул Брюс Кармайл в ужасе. И в это мгновение тучный дух дяди Дональда, где-то пропадавший все это время, вернулся и неодобрительно запыхтел сквозь моржовые усы.

— Я здесь работаю, — сказала Салли. Мистер Кармайл содрогнулся.

— Работаете?

— Я танцую, знаете. Я…

Салли замолчала, поскольку ее внезапно заинтересовала сцена, происходившая у столика на другом конце зала. Там стоял рыжеволосый молодой человек крепкого сложения. Он только что подошел к стулу, на котором, пригорюнившись, сидел мистер Реджинальд Крэкнелл. В одной руке он держал корзинку, и из этой корзинки, заглушая гул разговоров, внезапно донесся пронзительный визг. Мистер Крэкнелл вышел из ступора, взял корзинку и поднял крышку. Визг стал громче.

Мистер Крэкнелл встал с корзинкой в руках. Неуверенным шагом и с выражением лица как у человека, который до сих пор питает слабую надежду, он пересек танцплощадку и подошел туда, где сидела мисс Мейбл Хобсон, гордая и неприступная. Мгновение спустя высокомерная леди, оказавшаяся в центре восторженной толпы, прижимала к груди

упирающегося пекинеса, а мистер Крэкнелл, как опытный полководец, использовав последнюю возможность, занял стул рядом с ней. Между ними вновь царила истинная любовь.

Рыжеволосый молодой человек не сводил глаз с Салли.

— Танцуете! — воскликнул мистер Кармайл. Из всех присутствующих один лишь он не почтил вниманием развернувшуюся только что драму. Наделенная интересным сюжетом, должной пикантностью, в общем, всеми качествами, которыми должна обладать драма, она тем не менее оставила его равнодушным. Мысли его были далеко. Укоризненная фигура дяди Дональда все еще стояла перед его мысленным взором и никак не хотела уходить. В ушах звучал суровый голос.

Танцовщица! Профессиональная танцовщица из ресторана на Бродвее! Ужасное сомнение змеей закралось в мысли Брюса Кармайла. Что, спрашивал он себя, ему в действительности известно о девушке, которую он попросил стать подругой его жизни? Откуда ему знать, была ли она… Он не мог подобрать точного слова, чтобы передать свои мысли, однако знал, что имеет в виду. Была ли она достойна этого бесценного дара? Да, именно так. Всю свою жизнь он степенно избегал такого рода женщин. Женщин, связанных со сценой. В Лондоне его знакомые по клубу иногда женились на хористках, однако мистер Кармайл, не имея ничего против хористок, когда они находятся там, где положено, то есть по другую сторону рампы, всегда смотрел на таких молодых людей как на парий. Прекрасное безумие, которое привело его с Саут-Одли-Стрит в Нью-Йорк завоевывать Салли, угасло.

Услышав его голос, Салли повернулась к нему. И было в ее взгляде столько прямоты и честности, что в один миг все ползучие сомнения позорно бежали в темноту, откуда появились. Нет, он не выставил себя на посмешище, возразил он тающему духу дяди Дональда. Разве можно, спрашивал он, хоть на минуту подумать, глядя на Салли, что она не само очарование и совершенство? И внезапно теплые чувства захлестнули Брюса Кармайла приливной волной.

— Понимаете, я потеряла все деньги и должна была чем-то заняться, — объяснила Салли.

— Понимаю, — пробормотал мистер Кармайл; и если бы судьба оставила его в покое, кто знает, до каких вершин нежности он бы воспарил? Но в этот миг судьба, равнодушная к людским чувствам, вмешалась в его жизнь в лице Джорджа Вашингтона Вильямса.

Джордж Вашингтон Вильяме был талантливым негром, которого

мистер Абрахамс отыскал в каком-то мелком театре и пригласил в «Цветник» на ночную работу. Вообще-то он был ударником в оркестре, однако развлекался тем, что, побарабанив немного, вставал с места и делал круг по залу, притворяясь, что стрижет мужчинам волосы. При этом он зажимал барабанные палочки на манер ножниц и постукивал ими. Именно это и случилось, когда мистер Кармайл в наплыве чувств наклонился к Салли и собирался излить ей душу в нескольких изящно составленных фразах. Как же он был удивлен и раздосадован, обнаружив, что какой-то эфиоп, которого ему даже не представили, склонился над ним и предпринимает непозволительные вольности с волосами у него на затылке.

Сказать, что мистер Кармайл был раздосадован — не сказать ничего. Вмешательство этого клоуна, да еще в такую минуту, привело к тому, что у него дрожал каждый нерв. Стук палочек сводил его с ума, а сверкающая белизной дружелюбная улыбка мистера Вильямса стала последней каплей. Гордость мистера Кармайла корчилась от этой пытки. Люди за соседними столиками смеялись над ним, и Брюс Кармайл возненавидел «Цветник». Теперь он подозревал и осуждал всякого, кто хоть как-то связан с этим заведением. Он вскочил на ноги.

— Ну, я пойду, — сказал он.

Салли не ответила. Он смотрела на Рыжика, по-прежнему стоявшего там, где недавно находился мистер Реджинальд Крэкнелл.

— Спокойной ночи, — сказал мистер' Кармайл сквозь зубы.

— О, вы уходите? — Салли вздрогнула. Она чувствовала себя неловко. Как ни старалась, она не могла найти ни одного теплого слова. Она попыталась осознать, что обещала выйти замуж за этого человека, однако никогда прежде он не казался ей настолько чужим, случайно забредшим в ее жизнь. И вдруг, все еще не веря, она поняла, какой непоправимый шаг совершила.

Внезапное появление Рыжика потрясло ее. Странно, но на последние полчаса она забыла о нем и лишь сейчас поняла, что означает для этой дружбы ее замужество с Брюсом Кармайлом. С этой минуты Рыжик для нее не существовал. Если в чем-то и можно быть уверенной, так в этом. Салли Николас дружила с Рыжиком, однако, поняла она, миссис Кармайл видеться с ним не должна. Ее охватило опустошающее чувство потери.

— Да уж, с меня довольно, — сказал Брюс Кармайл.

— Спокойной ночи, — сказала Салли. — Когда я увижу вас? — спросила она неловко.

Брюсу Кармайлу подумалось, что он был не на высоте. Им двигали эмоции.

— Вы не возражаете, если я уйду? — спросил он уже любезнее. — Просто больше не могу оставаться в этом месте. Скажу вам одно: я вас отсюда заберу очень скоро.

— Боюсь, я не могу вот так все бросить, — сказала Салли, верная своим обязательствам.

— Мы поговорим об этом завтра. Я заеду за вами утром и отвезу на прогулку за город. Вам нужен свежий воздух после всего этого. — Мистер Кармайл вновь окинул «Цветник», любимое детище Исидора Абрахамса, гадливым взглядом и недовольно фыркнул. — Боже мой! Ну и заведение!

Он развернулся и пошел прочь. Рыжик со счастливой улыбкой устремился к столику Салли, как почтовый голубь.

4

— Господи! Надо же! — воскликнул он. — Здорово, что я вас встретил. Какая удача! — Он осторожно оглянулся через плечо. — Свалил этот зануда?

— Свалил?

— Ну, смотал, — объяснил Рыжик. — Я имею в виду, он не вернется?

— Мистер Кармайл? Нет, он ушел.

— Отлично! — удовлетворенно заметил Рыжик. — А то я уж подумал, что он пришел вместе с вами, когда увидел, как вы разговариваете. Что он вообще здесь делает? Мало ему Европы, приехал в Нью-Йорк, будь он неладен! Слушайте, как все-таки замечательно, что я вас встретил. Столько не виделись… Конечно, можно писать письма, но это не то. Кроме того, не умею я их писать. Так что мне и впрямь повезло. Хотите, я закажу вам что-нибудь? В смысле, чашку кофе или яйцо? Как же здорово! Нет, правда!

Его простое честное лицо сияло от удовольствия, и Салли показалось, будто из морозной зимней ночи она попала в уютный натопленный дом. И ее настроение внезапно улучшилось.

— Ох, Рыжик! Знали бы вы, как я рада видеть вас!

— Нет, правда? Вы, и правда, рады?

— Да.

— Вот это здорово! А то я боялся, вы меня забыли.

— Забыла!

И вдруг словно озарение снизошло на нее: Салли поняла, какое место он занимал в ее мыслях. Нет, она ни на минуту не забывала о нем.

— Я ужасно соскучилась, — сказала она и почувствовала, что слова

выходят какие-то бледные.

— Надо же! — сказал Рыжик, жалея, что язык намного беднее мыслей.

Они ненадолго замолчали. Ликование, вызванное неожиданной встречей, поутихло, и где-то глубоко в своем сердце Салли ощутила странное чувство. Она попыталась не обращать внимания, но ничего не получалось. Ей казалось, что весь мир встал с ног на голову. Чувство росло. Она сопротивлялась изо всех сил, и все же смутно начинала понимать, что Рыжик для нее значил. Странные веши происходили с ней сегодня, странные чувства одолевали. Рыжик казался ей каким-то незнакомым, словно она увидела его впервые.

— Выглядите вы прекрасно, — сказала она, попытавшись опуститься на землю.

— А я и чувствую себя прекрасно, — сказал Рыжик. — Никогда мне не было лучше. Весь день на воздухе… живу просто, и все такое… много работаю. Дела идут отлично. Видели, только что я продал Перси этому, как его там? Пятьсот долларов за одну сделку. Чек у меня в кармане. Нет, как все-таки удивительно получилось! Я пришел сюда по делам, и тут как раз вы. Сперва я глазам своим не поверил. Надеюсь, ваши друзья не обидятся, что я лезу к вам с разговорами? Вы им объясните, что я просто старый приятель и что вы помогли мне начать свое дело, и все такое. Слушайте, — сказал он, понизив голос— Я знаю, вы не любите, когда вас благодарят, но я просто обязан сказать вам, как вы…

— Мисс Николас.

Возле столика стоял Ли Шенстайн, а рядом с ним выжидал юноша с маленькими усиками и в пенсне. Салли поднялась, и в следующее мгновение растерянный Рыжик остался один, глядя, как она появляется и исчезает среди танцующих пар. Все это походило на какой-то фокус, а он был не в настроении смотреть на фокусы. Он размышлял, постепенно закипая. Все происходящее казалось ему наивысшим проявлением наглости, неприкрытой дерзостью и бесцеремонностью чистой воды. С таким он сталкивался впервые. Вот так прийти, влезть в чужой разговор и, не говоря ни слова, увести ее…

— Что это за тип? — пылко спросил он, когда музыка прекратилась и Салли прихрамывая вернулась на место.

— Мистер Шенстайн.

— А другой?

— С которым я танцевала? Не знаю.

— Не *знаете?*

Салли почувствовала, что положение становится запутанным.

Оставалось лишь во всем признаться.

— Рыжик, — сказала она, — помните, когда мы познакомились, я говорила вам, что танцую в одном ресторане на Бродвее? Это и есть тот ресторан. Я снова работаю.

На лице у Рыжика отразилась полная растерянность.

— Я не понимаю, — сказал он, хотя мог бы не сообщать об этом, все было видно по его лицу.

— Я снова устроилась на работу.

— Зачем?

— Ну, надо же мне чем-то заняться, — продолжила она быстро. Что-то похожее на свет понимания понемногу появлялось в глазах у Рыжика. — Филлмор разорился. Он не виноват, бедняжка. Просто ему ужасно не везло, а все мои деньги были у него в деле, то есть, понимаете…

Она замолчала, смущенная выражением его глаз. Как ни странно, она чувствовала за собой вину. В его взгляде читались удивление, недоверчивость и какой-то ужас.

— Вы хотите сказать… — Рыжик задохнулся и начал снова. — Вы хотите сказать, что вы дали мне… все эти деньги… на собак… а себе ничего не оставили? Вы хотите

сказать…

Салли взглянула на его малиновое лицо и вновь быстро отвела глаза. Повисла напоенная электричеством пауза.

— Слушайте, — взорвался Рыжик с внезапной яростью, — вы должны выйти за меня замуж. Вы просто обязаны! То есть я не то имел в виду, — поправился он быстро. — Я хочу сказать, конечно, вы можете выйти замуж за кого угодно… Но, может, все-таки за меня? Салли, ради Бога, не раздумывайте! Я ничего не говорил вам все это время, мне казалось нехорошо приставать к вам с этим, но теперь… О черт, жаль, я не могу выразить это словами! Оратор из меня паршивый. Понимаете, во мне, конечно, нет ничего особенного, но, наверное, я не совсем вам безразличен. Не стали бы вы делать такое просто ради какого-то парня… а я… я люблю вас, как не знаю что, с тех самых пор, как увидел… Хотя бы попробуйте, Салли. По крайней мере, я за вами присмотрю, и все такое… Я имею в виду, буду работать как проклятый, постараюсь, чтобы вам было хорошо… Я, конечно, не такой осел, чтобы думать, что такая девушка, как вы, может… э… *полюбить* такое ничтожество, но…

Салли накрыла его руку своей.

— Рыжик, дорогой, — сказала она. — я люблю вас. Я должна была уже давно понять это, но, кажется, до сегодняшнего вечера я себя не

знала. — Она встала, наклонилась к нему и быстро прошептала ему на ухо. — Я никогда не буду любить никого, кроме вас, Рыжик. Постарайтесь это запомнить.

Она пошла прочь, но он схватил ее за руку и удержал.

— Салли…

Она вырвала руку, ее лицо исказилось, словно она боролась со слезами, которые уже не могла сдерживать.

— Я натворила глупостей, — сазала она. — Рыжик, ваш кузен… мистер Кармайл… только что сделал мне предложение, и я согласилась.

Она побежала прочь между столиков, словно какое-то дикое создание, возвращающееся домой. Рыжик неподвижно смотрел ей вслед.

5

Когда она вошла в квартиру, телефон в маленькой гостиной заливался. Она догадывалась, кто на другом конце провода, и потому звонок был для нее голосом друга, который взывал о помощи. Даже не закрыв дверь, она подбежала к столику и сняла трубку. Раздались придушенные жалобные звуки.

— Алло… Алло… Слышите… Алло…

— Да, Рыжик, — спокойно ответила Салли. В трубке послышался булькающий крик.

— Салли! Это вы?

— Да, я, Рыжик.

— Я вам уже сто лет дозваниваюсь.

— Я только что вернулась, я шла пешком. Они помолчали.

— Алло. — Да?

— Ну, я хочу сказать… — Рыжик, как обычно, было трудно выражать свои мысли. — Ну, это, знаете… Вы тут сказали…

— Да? — Салли постаралась, чтобы голос ее не дрожал.

— Вы сказали… — начал Рыжик, и снова ему не хватило слов. — Вы сказали, что любите меня.

— Да, — просто ответила Салли.

Другой странный звук донесся из трубки, Рыжик не сразу обрел способность говорить.

— Я… я… Нам надо встретиться. Я имею в виду, нехорошо обсуждать это по телефону. Я просто в нокауте. Я и не мечтал… Но послушайте, что вы там говорили о Брюсе?

— Я сказала… Сказала… — Лицо Салли исказилось, и трубка задрожала в руке, — Я сделала глупость. Я и не думала… А теперь слишком поздно.

— Боже, мой! — завопил вдруг Рыжик. — Вы же не собираетесь… Вы не собираетесь выйти за этого человека?

— Я должна, раз обещала.

— Но как же…

— Не стоит об этом, я должна.

— За такого зануду!

— Я не могу нарушить слово.

— Ничего глупей не слышал, — пылко произнес Рыжик. — Конечно, можете. Девушка не обязана…

— Не могу, Рыжик, дорогой. Правда, не могу…

— Но послушайте…

— Не стоит больше об этом говорить, не надо… Где вы остановились?

— Остановился? Я? В «Плазе». Но подумайте… Салли вдруг обнаружила, что тихонько смеется.

— В «Плазе»! Ох, Рыжик! Нельзя оставлять вас без присмотра. Так транжирить деньги… Ну, хватит на сегодня. Уже поздно, я устала. Я приду к вам завтра. Спокойной ночи.

Она быстро повесила трубку, чтобы пресечь новый протестующий вопль, и обернулась, услышав за спиной голос.

— Салли!

В дверях стоял Джеральд Фостер.

Глава XVII ПРИЗРАК ПРОШЛОГО

1

Щеки у Салли вновь порозовели, и сердце ее, совершив безумный скачок, забилось, как обычно. Придя в себя после внезапного потрясения, она почувствовала, что совершенно спокойна. Всякий раз, когда Салли представляла себе эту встречу, зная, что рано или поздно она произойдет, ее охватывала паника; однако теперь, когда они встретились на самом деле, она оставалась безучастной. После всего, что случилось этой ночью, она была не способна на бурные эмоции.

— Привет, Салли! — сказал Джеральд.

Язык у него заплетался, по лицу блуждала глупая улыбка, он стоял, пошатываясь, одной рукой опершись на дверь. Пиджак и воротничок он снял; было ясно, что выпил он немало. У него было белое одутловатое лицо, и от всей его фигуры веяло какой-то застаревшей неопрятностью.

Салли ничего не говорила. Еще минуту назад раздавленная цепенящей усталостью, сейчас она вступила во вторую фазу утомления, когда перетруженные нервы вдруг наливаются ненормальной живостью. Она смотрела на него спокойно равнодушно и бесстрастно, как будто перед ней стоял чужой человек.

— Привет, — повторил Джеральд.

— Что тебе нужно? — спросила Салли.

— Услышал твой голос. Дверь не закрыта. Дай, думаю, зайду

— Зачем?

Слабая улыбка слетела с его лица, словно была пришпилена. По щеке покатилась слеза. Наступила плаксивая стадия опьянения.

— Салли… С-Салли… Я так несчасн, — особо трудные слоги он неуклюже сглатывал. — Услышал твой голос. Дверь открыта. Дай, думаю, зайду.

Неясное воспоминание пронеслось в голове Салли. Где-то она уже видела это. И тут она поняла. Это был все тот же мистер Реджинальд Крэкнелл.

— Лучше тебе отправиться в постель, Джеральд, — сказала она твердо. Ничто в нем теперь не трогало ее, ни его вид, ни его жалкие страдания.

— Что толку? Не могу я спать. Мне плохо. Не могу спать. Салли, ты не представляешь, как я измучился. Я понял, каким был дураком.

Быстрым жестом Салли попыталась остановить эти запоздалые сожаления по поводу того, как он с ней обошелся. Ей не хотелось стоять здесь и выслушивать слезливые извинения Джеральда, приложившего в свое время все силы, чтобы разбить ей жизнь. Однако, как оказалось, вовсе не это его мучило.

— Каким я был дураком! Не надо мне сочинять пьесы, — продолжал он. — В первый раз как будто получилось, но на этом — все. Зачем я ушел из газеты? Это я хотя бы умел. Надо вернуться. Сегодня вечером очередной провал. Не буду я больше пытаться. Придется опять вернуться к этой рутине, чтоб ее.

И он тихонько зарыдал, исполненный жалости к своей тяжкой доле.

— Как несчас-с-н… — пробормотал он.

Он попытался пройти в комнату, однако, сделав шаг, накренился и вернулся к своей надежной опоре. На мгновение спокойствие покинуло Салли, сменившись презрением. Однако это прошло, и она вновь заключила себя в доспехи безразличия.

— Иди спать, Джеральд, — сказала она, — Утром будет лучше.

Возможно, какое-то смутное воспоминание о том, как ему бывает по утрам, проскользнуло в путаном сознании Джеральда, он сморщился и еще глубже погрузился в меланхолию.

— Может, к утру меня уже не будет в живых, — сказал он торжественно. — Я хочу покончить со всем этим. Покончить! — повторил он, сопровождая свои слова широким жестом, завершить который ему не удалось, поскольку пришлось срочно хвататься за спасительную дверь.

Салли не была расположена к мелодраме.

— Ох, иди спать, — сказала она нетерпеливо. Сковавшее ее холодное безразличие понемногу проходило, уступая место растущему негодованию: она сердилась на Джеральда за то, что он дошел до такого, она сердилась на себя за то, что когда-то находила этого человека привлекательным. Унизительно было думать, что в свое время она полностью подпала под его влияние, и она не чувствовала жалости. Смутно сознавала она эту странную перемену в себе. Обычно, завидев любое попавшее в беду существо, она испытывала горячее сочувствие; однако Джеральд, горевавший над тем, что должен вернуться к нормальной работе, ее не трогал. Страдалец заметил это и прокомментировал.

— Ты совсем… совсем меня не жалеешь, — посетовал он.

— Извини, — сказала Салли. Она резко подошла к двери и толкнула

ее. Прильнувший к своей опоре Джеральд оказался на лестнице. Он цеплялся за ручку с видом человека, который стал свидетелем того, как самые основы мироздания пошатнулись. Он отпустил ручку и неуверенно пересек площадку. Обнаружив перед собой открытую дверь собственной квартиры, он пошатнулся и переступил порог. Удостоверившись, что путешествие его завершилось благополучно, Салли направилась к себе, намереваясь закончить эту тревожную ночь в постели.

Однако почти тут же она раздумала. Спать совершенно не хотелось. Ее охватило лихорадочное возбуждение. Надев кимоно, она пошла на кухню посмотреть, найдется ли на ее продовольственном складе стакан горячего молока.

Она только что вспомнила, что прошлым утром пожертвовала остатки молока рыжему коту с многозначительным взглядом, который через окно забежал к ней позавтракать, когда ее сожаления о подобном расточительстве прервал приглушенный грохот.

Она прислушалась. Звук шел как будто из соседней квартиры. Салли поспешила к двери и открыла ее. И тут за дверью напротив разразилась настоящая канонада, причем каждый новый разрыв казался ее напряженным ушам громче и ужасней предыдущего.

Услышав внезапный шум в ночной тиши, даже самый невозмутимый человек разволнуется. Всего несколько минут назад Джеральд, рассуждающий о том, как покончит со своими страданиями, не тронул Салли; однако теперь на ум ей вновь пришли его слова, и равнодушие уступило место страшным подозрениям. Что и говорить, за свои поступки он не отвечал, и под влиянием алкоголя мог совершить все, что угодно. Прислушиваясь к шуму за дверью, Салли запаниковала.

Вслед за канонадой установилась короткая тишина, однако, пока она колебалась, в квартире напротив вновь раздался грохот, и на этот раз такой пугающе громкий, что Салли отбросила сомнения. Она кинулась через площадку и заколотила в дверь.

2

Сколь бы разрушительными ни были события, произошедшие в его доме, мгновением позже стало ясно, что Джеральд ухитрился выжить — в квартире раздались шаркающие шаги, и дверь открылась. Джеральд стоял на пороге, слабая улыбка вновь играла у него на губах.

— Салли!

Увидев его, неряшливого и совершенно невредимого, Салли тут же перестала тревожиться, и снова рассердилась. Значит, в добавление ко всем остальным обидам, он еще и напугал ее понапрасну.

— Что это за шум? — спросила она.

— Шум? — переспросил Джеральд, и поразмышлял над ее вопросом, открыв рот.

— Да, шум, — сердилась Салли.

— Я делал уборку, — сказал Джеральд с совиной серьезностью, которая свойственна людям, сознающим, что они немного не в себе.

Салли оттолкнула его и прошла в гостиную. Квартира, в которой она оказалась, была почти точной копией ее собственной. Эльза Доланд постаралась сделать ее милой и уютной. Она всегда была искусным декоратором и умудрилась придать некоторое изящество даже своей спальне в пансионе миссис Мичер, месте, безнадежном на первый взгляд, и не имея таких способностей, Салли всегда немного завидовала ей. Особое значение Эльза придавала мелким вещицам, хрупким безделушкам, и переусердствовать не боялась. На стенах теснились картины, маленькие столики были уставлены вазами китайского фарфора, комнату освещали всевозможные лампы с пестрыми абажурами, на полках рядами стояли блюда.

Мы говорим: блюда стояли, картины теснились; однако правильнее будет заметить, что так было когда-то, поскольку лишь врожденная догадливость позволила Салли восстановить сцену, какой она была прежде, чем Джеральд предпринял то, что назвал уборкой. Она влетела в квартиру и, едва переступив порог, в ужасе застыла перед величественными развалинами, которые открылись ее взору. Если бы в маленькой гостиной разорвался снаряд, вряд ли он произвел бы подобные разрушения.

Психологию слабого мужчины под действием алкоголя и обманутых амбиций понять нелегко, поскольку настроения сменяют одно другое так быстро, что наблюдатель сбит с толку. Десять минут назад Джеральд Фостер был охвачен липкой жалостью к себе и, судя по его виду, в данный момент он опять вернулся к этой фазе. Однако в интервале с ним, очевидно, приключилась короткая, но вполне ощутимая вспышка ярости, и бушевал он как берсерк. Что послужило тому причиной, и почему это выразилось в такой форме, Салли, слабо разбиравшаяся в психологии, объяснить не могла, однако это произошло, и тому существовало доказательство самого убедительного свойства. Тяжелая клюшка для гольфа, которую в раздражении или, напротив, в раскаянии швырнули в

угол, свидетельствовала о том, каким способом произведены разрушения.

Повсюду царили уныние и хаос. Пол устилали осколки стекла и фарфора всех размеров. Картины, выглядевшие так словно их жевал какой-то доисторический зверь, лежали под обломками ваз и статуэток. Помедлив на пороге, Салли вошла в комнату, под ногами похрустывал фарфор. С удивлением она оглядела голые стены и повернулась к Джеральду за объяснениями.

Тот опустился на случайно уцелевший столик и тихо рыдал. Ему опять вспомнилось, что с ним обошлись очень, очень плохо.

— Что ж! — сказала Салли со вздохом. — Поработал ты, конечно, от души!

Тут раздался громкий треск, и случайно уцелевший столик, который не был рассчитан на такую тяжесть, сдал под весом своего хозяина. Во все стороны полетели сломанные ножки, и настроение Салли резко изменилось. Практически во всех жизненных ситуациях в равной степени присутствуют трагедия и фарс, и в эту минуту Салли увидела забавную сторону этой драмы. Ее разбирал смех. Если бы она могла проанализировать свои чувства, она поняла бы, что смеется над собой — над слабой сентиментальной Салли, которой однажды взбрело в голову, что этого нелепого человека можно принимать всерьез. На сердце у нее полегчало, и, заливаясь хохотом, она упала в кресло.

Падение, кажется, отрезвило Джеральда, в глазах его появилась какая-то осмысленность. Он выбрался из-под обломков коробки с акварельными красками, глядя на Салли с неодобрением.

— Никакой жалости, — строго заметил он.

— Не могу удержаться! — воскликнула Салли. — Это слишком смешно.

— Это не смешно, — поправил ее Джеральд, мысли которого вновь затуманились.

— Для чего ты это сделал?

Джеральд на миг вернулся к искреннему возмущению, которое укрепило его вооруженную клюшкой руку. Он снова вспомнил о своей обиде.

— Я больше не намерен это терпеть, — сказал он с жаром. — Она подвела своего мужа… Погубила спектакль, ушла играть в другой… А мне что, пыль сдувать с ее вещей? Почему я должен терпеть? Почему?

— Но ведь ты и не терпишь, — сказала Салли, — так чего же теперь это обсуждать? Ты действовал основательно, как и подобает независимому мужчине.

— Вот именно. Независимому мужчине. — Он выразительно поднял палец. — Плевать я хотел, что она скажет, — продолжал он. — Плевать мне, вернется она или нет. Эта женщина…

Салли была не готова обсуждать с ним отсутствующую Эльзу. Забавная сторона дела начала понемногу бледнеть в ее глазах, и веселье сменилось усталым отвращением. Она почувствовала, что больше не может выносить общество Джеральда Фостера. Она встала и решительно заговорила.

— А теперь, — сказала она, — я все уберу. Однако у Джеральда было другое мнение.

— Нет, — сказал он с внезапной торжественностью. — Ничего подобного. Пусть посмотрит. Оставь все, как есть.

— Не валяй дурака, убрать придется. И я это сделаю. А ты пока пойди и посиди в моей квартире. Когда будет можно, я приду и скажу.

— Нет, — сказал Джеральд, качая головой.

Салли, стоявшая на куче хрустящих руин, топнула ногой. Внезапно сам его вид стал ей невыносим.

— Делай, что говорят, — прикрикнула она на него.

Мгновение Джеральд колебался, однако его воинственный пыл быстро угас. Повозражав для виду, он побрел прочь, и Салли услышала, как он вошел в ее квартиру. Она вздохнула с облегчением и взялась за дело.

На кухне нашлась щетка с длинной ручкой. Вооружившись ею, Салли занялась уборкой. Действовала она умело, и постепенно из хаоса начал возникать какой-то порядок. Конечно, чтобы комната вновь выглядела обитаемой, требовалась полная переделка. Однако через полчаса она расчистила пол и смела куски ваз, блюд, ламп, картин и стаканов в аккуратные кучки вдоль стен. Она отнесла щетку на кухню и, вернувшись в гостиную, распахнула окно и выглянула наружу.

Ощущая какую-то нереальность, она заметила, что ночь кончилась. Тихая улица была залита тем странным металлическим светом, который обычно возвещает зарю солнечного дня. Что-то нашептывал прохладный бриз. Небо над крышами домов было ровного бледно-голубого цвета.

Она отошла от окна и пошла к двери. Внезапно нечеловеческая усталость навалилась на нее. Она наткнулась на кресло и поняла, что едва держится на ногах. Ее глаза закрылись еще до того, как голова коснулась подушки, и она заснула.

Салли проснулась. Солнечный свет лился через открытое окно, а с ним в комнату проникали мириады звуков. Город пробудился и занялся делом: по тротуару стучали шаги, гудели автомобили, откуда-то донесся лязг проходящего трамвая. О том, который теперь час, можно было лишь гадать, одно было ясно — утро началось уже давно. Он встала. Мышцы одеревенели. Голова болела.

Салли пошла в ванную, умылась и почувствовала себя лучше. Больше не было тупой подавленности, следствия дурно проведенной ночи. Она высунулась из окна, наслаждаясь свежим воздухом, потом направилась к себе домой. Ее приветствовало хриплое дыхание, и она увидела, что Джеральд Фостер тоже провел ночь в кресле. Он неуклюже развалился у окна, вытянув ноги и положив голову на подлокотник. Зрелище не из приятных.

Некоторое время Салли стояла, глядя на него с отвращением, которое почувствовала еще прошлой ночью. Однако теперь к отвращению примешивалась радость. Мрачная глава ее жизни закрылась навсегда. Что бы ни произошло с ней в будущем, больше она не затоскует по этому человеку, который когда-то был так прочно вплетен в ткань ее жизни. Раньше она думала: вряд ли когда-нибудь ей удастся избавиться от его образа, однако сейчас она смотрела на него спокойно, испытывая нечто среднее между жалостью и презрением. Романтическая дымка исчезла.

Она слегка потрясла его, и он подскочил, щурясь от яркого света. Рот был по-прежнему приоткрыт. Он тупо уставился на Салли, затем неловко вылез из кресла.

— Боже мой! — Джеральд прижал обе руки ко лбу и снова сел. Сухим языком он облизал губы и простонал. — Голова трещит!

Салли могла бы сказать, что он это заслужил, однако сдержалась.

— Ступай в ванну, умойся, — предложила она.

— Да, — согласился Джеральд, снова вытаскивая себя из кресла.

— Хочешь завтракать?

— Нет! — слабо простонал Джеральд и заковылял в ванную.

Салли присела в освободившееся кресло. Никогда в жизни она себя так не чувствовала. Происходящее напоминало сон. Из ванной послышался слабый плеск воды, и она поняла, что снова засыпает. Она встала, открыла окно, и вновь свежий воздух привел ее в чувства. Она наблюдала за жизнью улицы с отстраненным интересом. Все казалась ей нереальным, словно сон. Прохожие сновали по каким-то таинственным делам. Кот с непроницаемым видом изящно переходил дорогу. У дверей дома сонно урчала открытая машина.

Салли очнулась, услышав звонок в дверь. Она подошла, открыла и обнаружила на пороге Брюса Кармайла в легком плаще. Очевидно, пытаясь смягчить суровость своих черт, он расплылся в сияющей улыбке.

— Ну, вот и я! — радостно объявил он. — Вы готовы?

С утра мистер Кармайл был настроен покаянно. За бритьем и позже, в душе, он еще раз все обдумал и пришел к выводу, что его поведение накануне оставляет желать лучшего. Не то чтобы он был груб, однако назвать его приятным тоже было нельзя. Надо признать, прощаясь с Салли в «Цветнике», он был резок, а образцовый влюбленный так себя не ведет. Вчера он позволил эмоциям взять над собой верх, и теперь хотел загладить этот промах. Отсюда и приветливость, которая обычно в столь ранний час не была ему свойственна.

Салли беспомощно уставилась на него. Она совершенно забыла, что он обещал заехать за ней утром и отвезти на прогулку. Она поискала слова и не нашла их. А поскольку мистер Кармайл в этот миг спорил сам с собой, поцеловать ее сейчас или подождать более подходящего момента, оба они растерялись, и сердечная улыбка слиняла с его лица, как будто кончился завод.

— У меня там… э… машина возле дома…

В это мгновение мистер Кармайл лишился дара речи. Как Раз когда он начал фразу, дверь в ванную отворилась, и оттуда выплыл Джеральд Фостер. Мистер Кармайл уставился на Джеральда, Джеральд уставился на мистера Кармайла.

Сунуть голову под холодный кран наутро после бурной ночи — прекрасное тонизирующее средство, однако полностью излечить страдальца ему не под силу. В случае с Джеральдом Фостером, тяжелом и чреватом осложнениями оно вряд ли вообще подействовало. Неизвестный, который вгонял раскаленные докрасна заклепки в основание его черепа с того самого мгновения, как Джеральд Фостер проснулся, трудился по-прежнему. И Джеральд смотрел на мистера Кармайла изнуренно.

Брюс Кармайл со свистом втянул воздух и замер. Его глаза сверкали мрачным огнем. Он разглядывал Джеральда и не находил в нем ничего приятного: сутулая фигура в жалких остатках вечернего костюма, отвратительное помятое лицо с розовыми глазками и сизый подбородок, явно нуждавшийся в бритве. И все сомнения, одолевавшие мистера Кармайла с их самой первой встречи, разом превратились в уверенность. Выходит, дядя Дональд оказался прав! Она именно из тех девиц!

У него под боком тучный дух дяди Дональда удовлетворенно пропыхтел:

— А я что говорил!

Салли не шевелилась. Ситуация казалась ей немыслимой. И, словно все действительно происходило во сне, она почувствовала, что не способна ни говорить, ни двигаться.

— Так… — произнес мистер Кармайл, и выразительно помолчал. Холодная ярость захлестнула его. Он ткнул пальцем в Джеральда, заговорил было, но, обнаружив, что заикается, замолчал снова. В этот ответственный момент он не собирался ронять свое достоинство, заикаясь. Он сглотнул и нашел фразу, оказавшуюся достаточно краткой, чтобы произнести ее на одном дыхании, и в то же время достаточно длинной, чтобы выразить все его чувства.

— Пошел вон! — сказал Брюс Кармайл.

У Джеральда Фостера была собственная гордость, и ему показалось, что пришло время заявить об этом. Однако была у него и мучительная головная боль, так что когда он надменно распрямился, чтобы спросить мистера Кармайла, что, черт подери, тот имеет в виду, жестокий спазм заставил его немедленно съежиться. Он сжал лоб руками и замычал.

— Вон! — повторил мистер Кармайл.

Мгновение Джеральд колебался. Однако еще один пронзительный спазм убедил его, что в продолжении этого спора нет ни выгоды, ни удовольствия, и он медленно потащился к двери.

Брюс Кармайл наблюдал за ним, и кулаки его сжимались. Был момент, когда человеческие инстинкты, которые за ненадобностью в нем почти атрофировались, взыграли настолько, что он готов был атаковать обидчика; однако чувство собственного достоинства шепнуло ему на ухо быть поосторожнее, так что Джеральд благополучно миновал опасную зону и вышел за дверь. Мистер Кармайл повернулся к Салли, как, должно быть, король Артур в подобной, хоть и не столь эффектной ситуации, повернулся к Гвиневере.

— Так… — повторил он.

Салли смотрела на него спокойно — учитывая обстоятельства, подумал мистер Кармайл с возмущением, даже слишком спокойно.

— Забавная история, — сказал он, напирая на каждое слово.

Он подождал, пока она заговорит, однако она молчала.

— Впрочем, этого следовало ожидать, — мистер Кармайл горько рассмеялся.

Салли усилием воли отогнала от себя апатию.

— Если хотите, я все объясню, — сказала она.

— Какие тут могут быть объяснения! — холодно ответил мистер

Кармайл.

— Что ж, — сказала Салли. Повисла пауза.

— До свидания, — сказал Брюс Кармайл.

— До свидания, — сказала Салли.

Брюс Кармайл пошел к двери. Там он остановился на мгновение и оглянулся на нее. Салли стояла у окна и смотрела на улицу. При виде изящной фигурки, блестящих волос, в которых играло солнце, у Брюса Кармайла сжалось сердце. Он засомневался. Однако уже в следующее мгновение он. снова был сильным, и дверь за ним решительно захлопнулась.

Садясь в машину, он невольно посмотрел наверх, но она Уже отошла от окна. В тот момент, когда машина, набирая скорость, шуршала вниз по улице, Салли слушала в телефонной трубке сонный голос Рыжика Кемпа, который, поняв кто ему звонит, тут же проснулся, а услышав то, что она ему сказала, пришел в буйный восторг.

Пять минут спустя он плескался в ванной, фальшиво распевая.

Глава XVIII КОНЕЦ ПУТЕШЕСТВИЯ

Сумерки сгущались медленно и с каким-то виноватым видом, будто стыдясь, что на них возложена неприятная обязанность положить конец прекрасному летнему деньку. На западе за деревьями все еще слабо тлела вечерняя заря, а серебряный серп новой луны уже повис над сараем. Салли вышла из дома и отвесила три поклона, на счастье. Она сошла с крыльца и стояла на усыпанной гравием дорожке, впитывая сладкие вечерние запахи и радуясь жизни.

Сумерки, поначалу ленивые, теперь принялись за дело энергично, желая выполнить работу быстро и основательно. Небо приобрело ровный темно-синий оттенок, зажглись неяркие звезды. Белесая асфальтовая дорога, ведущая в Патчогу, Бабилон и другие крупные центры, растворилась в ночи. В домах на другом конце поля зажглись огни. Со стороны питомника донесся сонный лай, и маленький белый пес, скакавший у ног Салли, замер и вызывающе пискнул.

Вечер был так тих, что шаги Рыжика, медленно возвращающегося из деревни, куда он ходил за провизией, вечерними газетами и шерстью для свитера, который вязала Салли, стали слышны задолго до того, как он свернул к воротам. Салли не видела его, однако, глядя туда, откуда доносились звуки, она вновь затрепетала от счастья, как случалось с ней каждый вечер вот уже год.

— Рыжик, — позвала она.

— Э-гей!

Мохнатый песик, издав еще один важный писк, засеменил к дороге, чтобы лично заняться этим делом. Приветствовали его прохладно. Несмотря на свою любовь к собакам, Рыжик так и не признал Тото. Он долго протестовал, когда с месяц назад Салли, увидев, как убивается миссис Мичер над своим любимцем, которого одолела какая-то пугающая вялость, предложила больному гостеприимство и деревенский воздух.

— Просто чудо, что ты сотворил с Тото, мой ангел, — сказала Салли, когда Рыжик подошел, холодно увертываясь от приветственных прыжков этого любопытного создания. — Он стал другим псом.

— Повезло ему, — заметил Рыжик.

— Когда я жила у миссис Мичер, он передвигался исключительно величавой поступью. Ни разу не ускорил шаг, а теперь все время носится.

— Это животное с рождения закармливали, — сурово сказал

Рыжик. — Потому он и болел. Посидел немного на строгой диете, и все наладилось. Мы сможем, — сказал он, просияв, — отправить его назад уже на следующей неделе.

— Мне будет его не хватать.

— А я чуть не хватил его ботинком сегодня утром, — сказал Рыжик. — Он забрался на кухонный стол и жрал бекон. Так что надо было принять меры.

— Дикарь! — прошептала Салли. — Я всегда говорила, есть в тебе что-то жестокое. Рыжик, что за вечер!

— Ну, надо же! — воскликнул Рыжик, когда они вступили в освещенное пространство у кухонной двери.

— Что еще?

Он остановился и пристально посмотрел на нее.

— Знаешь, с тех пор как я ушел в деревню, ты, кажется, еще похорошела!

Салли обняла его.

— Возлюбленный мой, — сказала она, — ты купил отбивные?

Рыжик замер в ужасе.

— Ну и ну! Совершенно забыл.

— Ох, Рыжик, старый болван! Что ж, придется тебе, как Тото, посидеть немножко на строгой диете.

— Надо же… Ты уж прости. Я купил пряжу.

— Думаешь, ее можно есть?

— А что, у нас совсем ничего нет?

— Фрукты и овощи.

— Отлично! Хотя, конечно, если ты хочешь отбивных…

— Нет, что ты! Я живу духовной жизнью. Кроме того, говорят, овощи хороши для давления или что-то в этом роде. Конечно, про почту ты тоже забыл.

— Нет, что ты! Пришло два письма от людей, которые хотят купить эрделей.

— Не может быть! Рыжик, мы делаем успехи!

— Дела идут, — согласился Рыжик благодушно. — Если так будет и дальше, скоро мы сможем купить маленький автомобиль. Тебе тоже письмо. Вот.

— Это от Филлмора, — сказала Салли, рассмотрев надпись на конверте, когда они вошли в кухню. — Наконец-то. Я уже несколько месяцев ничего не получала от него.

Салли присела и открыла конверт. Рыжик тоже уселся за стол,

устроился поудобней и принялся за вечернюю газету. Но, пробежав спортивную страничку, сложил ее и обратил свой взгляд к склоненной головке жены, испытывая неземное блаженство.

Они были женаты уже год, однако Рыжик до сих пор бродил в волшебном мире недоверчивый и изумленный, так и не сумев полностью осознать, как такое счастье возможно. В свое время он повидал немало вещей, которые на расстоянии выглядели хорошо, но ни одна не прошла тест на близкое знакомство. Ни одна, кроме этого брака.

Брак с Салли оказался одной из тех редких вещей, где все было без обмана. И честные глаза Рыжика сияли, когда он смотрел на жену.

Салли вдруг тихо рассмеялась.

— Рыжик, ты только посмотри!

Он наклонился через стол и взял у нее листок бумаги, который она ему протягивала. Жирным шрифтом на листке было отпечатано следующее:

«Попп»
Потрясающие
Пирожки со свининой
Сочно — сытно — аппетитно
(Скажи: «Попп!» Это может и ребенок)

Рыжик разглядывал шифровку, наморщив лоб.

— Что это? — спросил он.

— Это Филлмор.

— Что ты имеешь в виду?

В горле у Салли забулькало от смеха.

— Филлмор и Глэдис открыли ресторанчик в Питтсбурге.

— Ресторанчик! — Рыжик был шокирован. Конечно, он знал, что на посту директора этот современный Наполеон потерпел полный крах, однако уважения к шурину, которого считал выдающимся умом, не потерял. Чтобы Филлмор Николас, Избранник судьбы, опустился до какого-то ресторана — и не ресторана даже, ресторанчика — это просто неприлично!

Салли, напротив, пришла в восторг, поскольку сестры никогда не питают должного уважения к величию своих братьев.

— Это просто великолепно, — сказала она с энтузиазмом. — Кажется, Филлмор, наконец, нашел занятие по себе. Начали они скромно, торговали пирожками со свининой…

— Но почему «Попп»? — прервал ее Рыжик, желая разобрать вопрос, который его глубоко озадачил.

— Просто название, глупый. Глэдис замечательно готовит. Так вот, она пекла пирожки, а Филлмор продавал их с лотка. И так у них это хорошо пошло, что они открыли ресторан, и он пользуется большой популярностью. Вот послушай, — Салли вновь издала булькающий смех и перевернула страницу— Где же это? Ах вот: «…прочно встали наноги. Нас ждал мгновенный успех, так что я решил расширяться. Бизнесом движут великие идеи. В настоящее время я обдумываю перспективы развития нашего предприятия и в короткое время планирую открыть филиалы в Нью-Йорке, Чикаго, Детройте и других крупных городах. В каждом поставлю управляющего, и в дополнение к обычным блюдам будем продавать Потрясающие пирожки «Попп». Как только это будет сделано, собираюсь выйти с нашими пирогами на британский рынок…». Ну, не чудо ли!

— Головастый парень. Я всегда говорил.

— Признаюсь, прочитав это, я забеспокоилась. Я столько уже видела этих Великих идей! Филлмор всегда так. Как только что-нибудь у него получается, он начинает это расширять, и в конце концов все лопается. Хорошо, что теперь за ним присматривает Глэдис. Она тут прибавила постскриптум. Всего четыре слова, но какое утешение для сестры! «Я так не думаю!» — вот, что она написала. Не знаю, удавалось ли кому-нибудь меня так ободрить. Слава Богу, она крепко Держит его в руках.

— Пирожки! — задумчиво произнес Рыжик, который уже испытывал приступы здорового голода. — Жаль, они не прислали нам свой потрясающий пирожок. Я бы его съел.

Салли встала и взлохматила ему волосы.

— Бедняга Рыжик! Я знала, ты ни за что не сможешь выдержать. Пойдем, вечер отличный. Давай прогуляемся в деревню и устроим пир в трактире. Мы скоро станет миллионерами, так что можем себе позволить.

Ранние рассказы

Перевод С. Кузнецова (Ссмита).
Редактор Н. Трауберг

СОСЕД СВЕРХУ

Когда стучали в дверь, Аннет Бруэм проходила три стадии. Сначала ей становилось чуть-чуть не по себе. Погруженная в сочинение нового вальса, она почти не замечала стука. На второй стадии ей казалось, будто кто-то погрузил в ее мозг раскаленные щипцы, чтобы отвратить ее мысли от музыки. Наконец, дрожа от гнева, она понимала, что это — личное оскорбление; какой-то невидимый дикарь невзлюбил ее игру и выразил свои взгляды каблуком.

Она выжала педаль и ударила по клавишам.

Сверху послышался знакомый стук.

Аннет встала. Лицо ее залил румянец, подбородок вздернулся. В глазах заблистал воинственный огонек. Она вышла на лестницу и отправилась на верхний этаж. Если бы у нее оказался случайный свидетель, он бы пожалел несчастного, который, не зная о кознях рока, победно стоит за дверью, куда вот-вот постучат.

— Входите! — выкрикнул довольно приятный и бодрый голос; но что такое голос, когда черна душа?

Аннет вошла. Комната оказалась обыкновенной мастерской художника почти без мебели и совсем без ковра. Посередине стоял мольберт, из-за мольберта выглядывали мужские ноги. Над мольбертом клубами подымался никотиновый дым.

— Прошу прощения, — начала Аннет.

— Натурщиц мне пока не надо, — ответил Дикарь.-. Оставьте карточку на столике.

— Я не натурщица, — холодно заметила Аннет. — Я просто зашла…

На этот раз Дикарь, наконец, выглянул из-за укрытия и вынув изо рта трубку, швырнул откуда-то стул.

— Прошу прощения, — сказал он. — Присаживайтесь. Как беспечна природа, распределяя свои дары! Мало того что у подлого невежы — приятный голос, он еще и с виду привлекателен! Сейчас он немного растрепан, волосы стоят дыбом, но в остальном он вполне мил. Даже во гневе Аннет не утратила справедливости.

— Я думал, это еще одна натурщица, — пояснил он. — Как только я здесь поселился, от них никакого отбою нет, приходят по десять штук в час. Сначала я не возражал, но, примерно после восемнадцатого порождения солнечной Италии, они стали действовать мне на нервы.

Аннет терпеливо ждала, пока он закончит.

— Мне очень жаль, — сказала она с интонацией «сейчас-ты-у-меня-получишь», — что моя игра беспокоит вас.

Казалось бы, только эскимос в шкурах и теплом белье выдержит такую манеру; но Дикарь и не поежился.

— Мне очень жаль, — повторила Аннет, намного ниже нуля, — что я вас побеспокоила. Я живу этажом ниже, и слышала, как вы стучали.

— Ну что вы! — дружелюбно запротестовал молодой человек. — Мне ваша музыка очень нравится!

— Тогда зачем стучать? — отозвалась Аннет, поворачиваясь к выходу. — Пожалейте, хотя бы, мою штукатурку, — сказала она через плечо. — Надеюсь, вы не обиделись. Всего хорошего.

— Нет! Постойте!

Она остановилась. Он смотрел на нее и приветливо улыбался. С большой неохотой она признала, что у него приятная улыбка. Его спокойствие все больше действовало ей на нервы. Он давно должен был лежать во прахе у ее ног.

— Понимаете, — начал он, — я люблю музыку, но то, что вы играли, — не мелодия. Одно и то же, одно и то же, как будто пластинку заело.

— Я пыталась закончить фразу, — важно, но уже не так холодно, отвечала Аннет, поневоле оттаивая. Было в этом растрепанном человеке что-то очень привлекательное.

— Фразу?

— Да. Музыкальную. Для моего вальса. Я пишу вальс.

На лице его отобразилось настолько непосредственное, почти детское восхищение, что последний остававшийся лед незаметно растаял, и Аннет ясно поняла, что этот возмутитель спокойствия ей положительно нравится.

— Вы пишете музыку? — потрясенно спросил он.

— Я написала одну-две песенки.

— Наверное, это просто здорово, — что-то творить… ну, писать музыку.

— Вы ведь тоже творите? Пишете картины. Молодой человек бодро покачал головой.

— Из меня бы вышел неплохой маляр, — заметил он, — Мне нужна площадь, обычное полотно меня стесняет.

Казалось, он не был этим огорчен, скорее, находил это забавным.

— Позвольте мне взглянуть. Она подошла к мольберту.

— Я бы вам не советовал, — предупредил он, — А вы не боитесь? Не

пожалеете? Что ж, если вам этого действительно хочется…

На взгляд искушенного критика картина и впрямь могла показаться грубоватой. На ней был изображен темноглазый мальчик с большой черной кошкой. Статистика утверждает, что в сутках нет такого момента, когда где-нибудь на земном шаре начинающий художник не рисует детей с кошками.

— Я назвал это «Мальчик с кошкой», — сказал молодой человек. — Довольно точно, а? Сразу поймешь, что к чему. Вот это, например, — он предупредительно указал трубкой на край картины, — кошка.

Аннет принадлежала к той немалой группе людей, которым нравится или не нравится картина в зависимости от того, что на ней изображено. Детей и кошек она любила. К тому же он так хорошо отозвался о ее музыке.

— Я думаю, она просто замечательная, — сказала гостья. Лицо молодого человека отразило скорее удивление, чем радость.

— Правда? — воскликнул он. — Тогда я умру счастливым!

Конечно, если вы мне позволите спуститься к вам и послушать ваши песни.

— А вы будете стучать в пол!

— Я больше никогда в своей жизни ни разу не стукну ни по единому полу, — пообещал бывший дикарь. — И вообще, я ненавижу, когда кто-нибудь стучит по полу. Никогда не понимал таких людей.

В Чэлси дружба зреет быстро. За час с четвертью Аннет узнала, что молодого человека зовут Алан Беверли (за что она, скорей, пожалела его), что у него есть небольшие деньги, так что он не зависит от работы, и очень этому рад. С самого начала их беседы он ей все больше нравился. Он оказался совсем не похожим на художника-неудачника. В отличие от Реджинальда Селлерса, который жил в том же доме и иногда заходил к ней выпить кофе и выплеснуть эмоции, он не приписывал свои неудачи непроходимой тупости и подлости публики. Она настолько привыкла к высказываниям Селлерса о филистерах и горьком уделе гения, что была нимало удивлена, услышав в ответ на свою сочувственную реплику, что, если речь идет о нем, Алане, публика проявляет здравый смысл. Если бы он отчаянно хотел завоевать ее уважение, он не смог бы придумать лучшей фразы. Она терпеливо выслушивала обиженных гениев, поощряя их на дальнейшие рассказы, но ей очень хотелось запустить в них чем-нибудь тяжелым. Аннет не сочувствовала нытикам. Она была бойцом, и ей не нравилось, когда опускают руки под ударами судьбы. Нередко, возвращаясь с очередного обхода издателей, она была готова разрыдаться в

подушку, но на публике гордость велела ей быть веселой и приветливой.

В тот день она впервые поделилась своими тревогами. Этот молодой человек со смешной прической располагал к доверию. Она рассказала ему, как трудно сейчас издать хорошую песню, если за это не заплатишь.

— Но те три песни, которые вы играли, — спросил Беверли, — они же изданы?

— Да, всего три.

— А как их раскупают?

— Очень плохо. Понимаете, песни не покупают, пока их не споет какая-нибудь знаменитость. А те иногда обещают, но обещаний не сдерживают. На них нельзя рассчитывать.

— Назовите их имена, — сказал Беверли, — завтра же всех перестреляю. Неужели ничего не придумать?

— Ждать, что ж еще!

— Я бы хотел, — сказал он, — чтобы вы, как только затоскуете, приходили сразу ко мне и изливали всю горечь. Не держите ее в себе, это вредно. Или позвольте мне спускаться к вам. Просто постучите по потолку.

Она засмеялась.

— Не смейтесь вы! — попросил Беверли. — Это нечестно. Вы не знаете, как чувствительны бывшие обстукиватели полов. Либо вы поднимитесь, либо я спущусь, хорошо? Обычно, чтобы разогнать хандру, мне бывает достаточно выйти на улицу и пристукнуть полицейского, но вам это не подойдет. Так что ничего не остается, как постучать по потолку, и я мигом сбегу к вам.

— Вы пожалеете, что это предложили.

— Ни в коем случае! — твердо ответил он.

— Если вы серьезно, мне правда стало бы легче, — призналась она. — Иногда я готова отдать все будущие деньги, лишь бы кому-нибудь поплакаться. Я всегда думала, как хорошо жилось людям в старинных романах, когда они только и говорили: «Присядьте, я расскажу вам историю моей жизни». Замечательно, а?

— Что ж, — заключил Беверли, поднимаясь, — вы знаете, как меня найти. Я прямо над вами. Там, откуда доносился этот стук.

— Стук? — переспросила Аннет. — Никакого стука не помню.

— Тогда пожмем друг другу руки, — предложил Беверли.

Как раз на следующий день ей выпало серьезное испытание с одной из учениц. Частные уроки были для Аннет и проклятием, и спасением. Они позволяли ей жить и убивали всякую охоту к жизни. Одни учились играть

на фортепиано, Другие — думали, что они поют. У всех были наипрочнейшие головы, но на весь полк не набиралось и чайной ложки серого вещества. В этот день Аннет попалась ученица, которая замыкала колонну.

В студии у Беверли она встретила Реджинальда Селлерса, критически разглядывающего картину. Он ей не нравился. Долговязый, высокомерный, с черненькими усиками и снисходительными манерами, он, к тому же, обычно говорил ей: «Привет, малышка!» На звук выглянул сам Беверли.

— Вы захватили с собой топорик, мисс Бруэм? Если да, присоединяйтесь к избиению младенцев. Селлерс разнес мою кошку с ребенком в пух и прах. Взгляните, как он смотрит. Видите воинственный блеск? Он вышел на тропу войны.

— Мой дорогой Алан, — натянуто сказал Селлерс, — я просто помогаю вам заметить очевидные дефекты. Жаль, если моя критика немного сурова.

— Валяйте, валяйте! — добродушно отозвался Беверли. — Не щадите меня, это пойдет мне на пользу.

— Что ж, если говорить в целом, картина безжизненна. И кот неживой, и ребенок.

Он отошел от картины и взглянул на нее через сложенные в рамку пальцы.

— Да, кот… — продолжал он. — Как бы тут сказать? В нем нет… э… как бы…

— Нет, так нет, — сказал Алан, — Не та порода.

— А по-моему, он очень милый, — вмешалась гостья, не в силах справиться со своим нравом. Она видела, что этот Селлерс — самодовольный осел, и вынести не могла, что Алан так добродушно все выносит.

— В любом случае, — усмехнулся Беверли, — вы оба узнали, что это — кот или кошка, тут вы сходитесь, а это немало для начинающего художника.

— Да-да, дорогой мой, — начал Селлерс— Не обижайтесь на мои замечания. Не опускайте руки. Я вижу, у вас есть задатки. Вы еще распишетесь… э… м-да…

Внимательный наблюдатель без труда заметил бы, как в глазах Аннет сверкнул недобрый блеск.

— Мистер Селлерс, — сказала она елейным голосом, — и сам пробивался с трудом до нынешнего положения. Конечно, вы знаете его работы?

Алан впервые смутился.

— Э… к-х… — начал он.

— Ну как же! — продолжила Аннет все тем же сладким голосом. — Его творения есть в каждом журнале!

Беверли посмотрел с восторгом на великого человека и заметил, что тот краснеет, но отнес это на счет всем известной скромности гениев.

— …На рекламных страницах, — заключила Аннет. — Особенно ему удались рекламы ботинок и сардинок. Мистер Селлерс — мастер натюрморта.

Наступило напряженное молчание. Беверли почти слышал, как рефери отсчитывает.

— Мисс Бруэм, — выговорил наконец Селлерс, — ограничила себя коммерческой стороной моего творчества. Есть и другая.

— Ну конечно, есть! Всего восемь месяцев назад вы продали пейзаж за пять фунтов. А за три месяца до того — еще один.

Это было уже слишком. Селлерс сухо откланялся и молча вышел.

Беверли взял метелку и начал подметать.

— Что вы делаете? — испугалась Аннет.

— Собираю осколки, — объяснил Беверли. — Их надо предать земле. Да, мисс Бруэм, удар у вас мастерский.

Тут он выронил метелку и вскрикнул, потому что Аннет залилась слезами, закрыв лицо рукой и по-детски всхлипывая.

— Господи! — сказал потрясенный Алан.

— Какая же я подлая! Какая мерзкая! Терпеть себя не могу!

— Господи, — повторил Алан, от удивления не нашедший сказать чего-нибудь новое.

— Я свинья! Я злая кошка!

— Господи, — сказал Беверли в третий раз.

— Мы все боремся и бьемся изо всех сил. А я, чем поддержать, дразню и издеваюсь! Он же не может продать свои картины, а я… О! О!

— Господи, — снова произнес Беверли.

Она всхлипывала все тише, потом замолчала, и почти сразу жалобно улыбнулась.

— Простите, — сказала Аннет, — что я была такая дура. Он так ужасно с вами говорил. Я его чуть не исцарапала. Такой злой кошки во всем Лондоне нету!

— Есть, есть, — заверил Алан, показывая на картину. — Во всяком случае, по словам покойного Селлерса. Значит, он не крупный художник? Понимаете, ходит тут, грудь колесом, голова набок, вот я и подумал:

«Постой-ка! Да это же гений!» Нет, не гений?

— Он не может продать ни одну картину! Перебивается заказами на рекламу. А я-а… а…

— Ну, пожалуйста! — попросил Алан. Она упокоилась, всхлипнув напоследок.

— Ничего не могу поделать! — печально сказала она. — я знаю, так нельзя, но я была уже на грани после моих жутких учениц, а он стал говорить с вами так снисходительно… — И она заморгала.

— Бедняга, — сказал Алан, — А я и не знал. О, Господи! Аннет поднялась.

— Я должна пойти, извиниться. Он, конечно, нагрубит мне, но я это заслужила.

Она вышла, а Беверли закурил трубку, подошел к столу и задумался.

Первое правило в жизни — никогда ни перед кем не извиняйся. Хорошему человеку извинения не нужны, а плохой тебя же еще и обидит. Селлерс принадлежал к последним. Когда Аннет, кроткая и кающаяся, убрала коготки и пришла к нему, он простил ее с невыносимым великодушием, которое в другой раз стоило бы ему хорошей взбучки. Но тут она смиренно позволила простить себя и удалилась с мрачным предчувствием, что с сегодняшнего дня он уж станет совсем невыносимым.

Догадка оказалась поразительно верной. Вскоре он возобновил свои визиты к Алану, который заканчивал свою картину, и дал волю критике, которой вполне хватило бы на целый том. Доброжелательность, с которой воспринимал это Алан, изумляла Аннет. Она не питала особого интереса к живописи, если не считать того, что ее все больше занимал создатель данного полотна (это ее немного пугало, когда она находила время задуматься), но если бы не воспоминание о той сцене, она давно показала бы Селлерсу, что такое настоящая критика. Однако у Беверли, по-видимому, не было чувствительности, свойственной творческим людям. Когда Селлерс набрасывался на кошку так, что ему бы не поздоровилось, будь тут Общество покровительства животным, Алан только слабо улыбался. Его долготерпения она понять не могла, но стала им восхищаться.

Наконец, Селлерс получил реальную возможность закрепить свой авторитет. После долгих блужданий удача нашла его. Его картины, месяцами пылившиеся у посредника как остовы разбитых кораблей, обрели свой рынок. За последние две недели очень неплохо ушли три пейзажа и одна картина с аллегорическим сюжетом. Под натиском

нежданной удачи мистер Селлерс раскрылся, как нежный бутон. Когда агент обрадовал его новостью, что аллегорию купил богач из Глазго по фамилии Бэйтс, выложивший за нее сто шестьдесят гиней, взгляды его на обывательские вкусы публики претерпели существенные изменения. Он даже говорил с определенной симпатией об этом Бэйтсе.

— Для меня, — сказал Беверли, когда Анет ему все сообщила, — это хороший знак. Отсюда следует, что в Глазго появился трезвый человек. Пьяный не решился бы взглянуть на эту аллегорию. Очень приятно, очень.

Успехи самого Беверли были более скромными. Он закончил «Мальчика с кошкой» и отправился к агенту с рекомендательным письмом от Селлерса. Теперь Селлерс вел себя как знаменитость, которая рада помочь новичкам.

Расставшись с картиной, Беверли не спешил работать. Когда бы Аннет ни зашла, он либо сидел в кресле, закинув ноги на подоконник и покуривая трубку, либо внимал Селлерсу. Теперь, разжившись деньгами, тот бросил рекламу и замыслил большое полотно, еще одну аллегорию. Тем самым он мог посвящать много времени Алану; и посвящал, то есть он говорил и говорил, а тот сидел и курил. Слушал ли он или нет, сказать трудно, но после второй лекции Аннет просто бросило в дрожь.

— Да как вы позволяете! — возмутилась она, — Если бы кто-нибудь стал разговаривать таким тоном со мной, я бы… я не знаю, что я бы с ним сделала! Даже… даже если бы это был очень хороший музыкант.

— Разве вы не считаете Селлерса хорошим художником?

— Картины продать он смог, значит — они хорошие, но говорить с вами свысока он все равно не имеет права.

— Да, такая манера тяжеловата, даже если король говорит с мокрицей, — согласился Беверли. — Так что же нам делать?

— Если бы вы продали хоть одну картину!

— А, вон что! Ну, я свою часть дела выполнил. Теперь пусть трудится мой агент. У меня нет долгов перед публикой. Пусть теперь она кружится перед моей картиной… да, кстати, как там с вальсом?

— Он закончен, — подавлено сказала Аннет. — И даже издан.

— Издан?! Тогда в чем дело? Откуда эта грусть? Почему вы не порхаете по площади и не щебечете от счастья?

— Потому что он издан на мои деньги. Не так много, пять фунтов, но и они не окупились. Если тираж разойдется, издадут еще.

— И вы будете платить?

— Нет, за следующие платят издатели.

— А кто они?

— Грушинский и Бухтеркирх.

— Господи! Да о чем тогда беспокоиться! Считайте, что дело в шляпе! Человек с такой фамилией, как Грушинский, продаст десять таких изданий, а при поддержке Бухтеркирха они заставят танцевать этот вальс всю страну. Младенцы, и те запляшут в колясочках.

— Когда я его видела, он, кажется, так не думал.

— Ну конечно! Он не знает своей силы. Его застенчивость вошла в поговорку. Все музыканты говорят: «Фиалка, а не человек!» Дайте ему развернуться.

— Да я готова на все, чтобы он хоть что-нибудь продал. Как ни странно, он продал! Не было никакой причины, чтобы вальс неизвестного композитора стал продаваться лучше вальсов других неизвестных композиторов, но именно это и произошло. Без всякого предупреждения тонкий ручеек превратился в мощный поток, и сам Грушинский, по-отечески поздравив Аннет, заказал за неделю два новых издания. Беверли, все еще находящийся под неусыпным оком Селлерса, сказал, что он не сомневался в успехе этого вальса с тех пор, как одна лишь фраза привела его в такой восторг, что ему пришлось аплодировать палкой об пол. Даже Селлерс ненадолго забыл про свои триумфы и соблаговолил поздравить Аннет. Деньги потекли, сглаживая дорогу жизни.

То были славные дни, и даже шляпки…

Короче говоря, жизнь била ключом; лишь одно мешало ей достичь совершенства. Ничто так не разлучает друзей, как успех одного из них, но эта беда обошла Аннет стороной. Селлерс был готов потесниться на аллее славы, ученицы, хотя и тупоголовые, ее просто обожали, Беверли — больше всех, но именно из-за него она не чувствовала себя совсем счастливой. Ей, добившейся успеха, было больно смотреть на неудачи. Правда, Беверли не огорчался, мало того — ни за что не хотел обидеть Селлерса. Тот, собственно, тоже не собирался его обижать, — он просто играл на нем свои победные песни. Это ее огорчало, и если, поднимаясь к Алану, она слышала в мастерской его голос, она тут же. не постучавшись, уходила к себе.

Однажды, сидя у себя в комнате, она услышала, как на площадке, рядом с ее дверью, зазвонил телефон. Она вышла и взяла трубку.

— Алло, — произнес сердитый голос. — Мистер Беверли дома?

Аннет до этого слышала, как тот выходил на улицу, она всегда узнавала его шаги.

— Нет, — отвечал она. — Что ему передать?

— Передайте, — сказал рассерженный голос, — что звонил Руперт Моррисон, и спрашивал, что ему делать со всеми этими нотами. Переслать их куда-нибудь, или как? — Голос абонента стал особенно высоким и возмущенным. Очевидно, мистер Моррисон находился в нервном напряжении, когда человеку неважно, кто его слушает, только бы выговориться.

— Ноты? — повторила Аннет.

— Ноты! — взвизгнул мистер Моррисон. — Кипы и кипы этих чертовых нот! Он что, шутит? — истерически заорал он, явно обретя в лице Аннет благодарного слушателя. Она и впрямь слушала, а ему это было очень нужно. — Он сдает мне квартиру! — простонал он. — Я надеялся, что здесь тихо, и я, наконец, допишу свою повесть, — и что же? Каждое утро новый грузовик с нотами! Как тут можно сосредоточиться, когда между этими кипами и шагу нельзя ступить?!

Аннет ухватилась за телефонную будку. В голове у нее все кружилось, но многое стало проясняться.

— Вы меня слышите? — спросил Моррисон.

— Да. От… от какой фирмы приходят посылки?

— Что?

— Кто издатели?

— Не помню. Что-то длинное. Хотя, постойте, — по-моему, Грузчинский и кто-то еще.

— Я передам мистеру Беверли, — ответила Аннет спокойным, ровным голосом. Ей казалось, что голову сжимает свинцовый обруч.

— Эй! Не бросайте трубку! — закричал Моррисон.

— Да?

— И про картины тоже скажите!

— Картины?

— Да. Четыре ужасно здоровые. Размером со слона каждая. Повернуться негде! И…

Аннет повесила трубку.

Мистер Беверли, как обычно, взбегал по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки, но, не дойдя один пролет, увидел открытую дверь.

— Можно вас на секундочку? — спросила Аннет.

— Конечно! А что? Еще один тираж продали?

— Не знаю, мистер… Бэйтс.

Она надеялась, что он смутится, но надежда не оправдалась. Он спокойно принял удар.

— Вы знаете мою фамилию? — спросил он.

— Я знаю гораздо больше. Вы — миллионер из Глазго.

— Да, правда, — признал Алан. — Но это наследственное. Отец тоже был миллионер…

— И вы тратите деньги, — горько заметила Аннет, — чтобы создать рай для дураков, пока вам не надоест и вы не выбросите свои игрушки. Вам не приходило в голову, что это жестоко? Вы думаете, Селлерс будет так же бодриться, когда вы перестанете покупать его картины?

— Я не перестану, — отвечал Алан. — Что ж покупать миллионеру из Глазго, если не его картины? Селлерс ничего не узнает. Он будет писать, я — покупать, все рады и счастливы.

— Вот как? А какое будущее вы уготовили мне?

— Вам? — задумчиво сказал он. — На вас я женюсь. Аннет напряглась от ног до головы и попыталась испепелить его взглядом. Он встретил его с тихим обожанием.

— Женитесь? На мне?

— Я знаю, о чем вы сейчас подумали. Вам страшно оказаться в доме, где висят картины Селлерса. Это вам не грозит. Мы их положим на чердак.

Она попыталась было что-то сказать, но он остановил ее.

— Нет, слушайте! Присядьте ненадолго и выслушайте историю моей жизни. Мы опустим первые двадцать восемь лет и три месяца, заметив, что большую часть из них я искал именно такую девушку. Тридцать девять дней назад я повстречал вас. Вы шли по набережной, я проезжал мимо в такси. Я сказал шоферу остановиться, вы направились к метро «Чэринг-Кросс». Я…

— Меня это не интересует, — прервала его Аннет.

— Сейчас будет интересно, — заверил он. — Значит, я выпрыгнул из такси и побежал за вами. Вы сели в поезд, идущий к Слоан-скверу. Туда же сел и я. Вы перешли Слоан-сквер, свернули на Кинг-роуд и пришли сюда. Я шел за вами. На доме я увидел объявление «Сдается студия», и подумал, что я немного рисую, за художника сойду. Студию я снял, а заодно назвался Аланом Беверли. Вообще-то я Билл Бэйтс. Я часто думал, как живется людям с такими именами, как Алан Беверли, или, скажем, Сирил Тревильян. Что ж, подбросил монету, и мне выпал Алан. Оставалась еще одна важная проблема — как с вами познакомиться. Когда я услышал звуки фортепиано, я сразу понял, что все в порядке. Если я буду долго стучать…

— Вы… хотите… сказать мне… — Голос у Аннет задрожал, — что стучали… чтобы… выманить меня?

— Вот именно, — признался Билл. — Неплохо придумано, а? А теперь скажите мне, как же вы раскопали про вальс? Вы не стали говорить про «рай для дураков» только из-за Селлерса. Кто меня выдал? С Розинского, или как его, я взял честное слово.

— Какой-то Моррисон, — безразлично сказала Аннет. — Он позвонил и просил передать, что картины и ноты ему очень мешают.

Билл засмеялся.

— Бедный Моррисон! Я совсем про него забыл. Понимаете, я ему сдал свою квартиру в Олбэни. Он пишет книгу, ему нужен покой. Это показывает…

— Мистер Бэйтс!

— Да?

— Возможно, вы не хотели меня обидеть. Скорей всего, вы хотели помочь, но… разве вы не видите, как вы меня Унизили? Вы обошлись со мной как с ребенком, сунули мне леденец успеха, чтобы я не плакала. Да вы!..

Билл рылся в кармане.

— Могу я прочитать вам одно письмо? — спросил он.

— Письмо?

— Короткое, от моего агента. Он пишет: «Сэр» — это я, не «Дорогой Билл», заметьте, а «Сэр». Так вот: «Сэр, я рад сообщить Вам, что за Вашу картину „Мальчик с Кошкой" мне предложили сегодня утром десять (10) гиней. Согласны ли Вы на эту цену?»

— Да? — тоненьким голосом сказала Аннет.

— Я был настолько обрадован этой необычайной удаче, что решил познакомиться с покупателем. Им оказалась некая мисс Браун, которая живет в Бейзуотере. Ее там не оказалось, чего не скажешь об одной из ваших учениц. Я спросил, не ждет ли она посылки, и она сообщила мне, что получила от вас письмо, где вы обещаете за этой посылкой зайти.

Аннет закрыла лицо руками.

— Уходите!

— Помните рассказ про людей на острове, которые стирали друг другу белье? — спросил он.

— Уходите! — крикнула Аннет.

— Я всегда думал, — продолжал он, — что это их сближало… привязывало друг к другу.

— Уходите!

— Я не хочу уходить. Я хочу остаться и услышать, что вы выйдете за меня замуж.

— *Пожалуйста*, уходите. Мне надо подумать.

Она услышала, как он повернулся, закрыл дверь и отправился наверх. Вскоре раздались его шаги по паркету. Он ходил из угла в угол, монотонно и нетерпеливо, как зверь в клетке.

Аннет слушала. Шаги не прекращались.

Внезапно она встала, быстро взяла шест для занавесок, на секунду остановилась в нерешительности — и трижды постучала в потолок.

РУФЬ НА ЧУЖБИНЕ

Часы пробили пять, — с живостью, как будто бы время было деньгами. Руфь Уорден встала из-за стола и, надев шляпу, вышла в приемную, где месье Гандино встречал посетителей. Месье Гандино был самым уродливым человеком в Ровиль-сюр-Мэр, владел он ломбардом, а Руфь служила ему с десяти до пяти в некоем смысле как секретарша. Ее обязанности были монотонными, но весьма несложными. Они заключались в том, чтобы уединенно и невидимо сидеть за толстым стеклом и вносить записи о ссудах в толстую книгу. Это занимало все ее время, так как Ровиль может похвастаться двумя казино, а совсем рядом — Монте-Карло. Дела шли хорошо, и хозяин нередко сочувственно качал головой или цокал языком, потому что в своем неофициальном качестве имел добрую душу и каждый раз вздрагивал, когда ему приходилось становиться очевидцем очередной трагедии, проходящей перед его официальным взором.

Он посмотрел, прищурившись, на Руфь, когда та появилась, и Руфь, взглянув на него, как обычно, почувствовала, что та печаль, которая почти непрерывно тяготила ее последнее время, на миг отступила. Особенность его лица заключалась в том, что оно вызывало веселье, — не насмешку, а, скорее, счастливую улыбку. Оно обладало тем неуловимым качеством, которое есть у Щелкунчика, — вероятно, благодаря неисчерпаемому оптимизму, который просвечивает сквозь грубые черты. Что бы там ни говорили, месье Гандино верил в людей.

— Вы уже уходите, мадемуазель?

По тому, что Руфь была в шляпе, направлялась к входной двери, и был тот час, когда она уходила с работы, любой бы посчитал такой вопрос излишним, но месье Гандино ни за что не упускал шанса поупражняться в английском.

— Вы не будете дожидаться своего доброго папу, который регулярно за вами заходит?

— Нет… не сегодня, месье Гандино. Пойду на свежий воздух, немного голова болит. Вы скажете отцу, что я ушла на Променад?

Когда дверь закрылась за ней, месье Гандино вздохнул. Ее печаль не ускользнула от его внимания. Ему было жалко ее, и на то была причина, потому что судьба обращалась с ней не очень ласково.

Если бы в один из тех моментов, когда мистер Юджин Уорден, добродушный и старый джентльмен, был готов мужественно признать, что

он, в сущности, враг только самому себе, кто-нибудь намекнул ему, что он испортил жизнь своей дочери, это бы его сильно удивило. Подобная мысль никогда не приходила ему в голову. Он был один из тех восхитительных, безответственных, чудаковатых людей, чьи головы никогда не посещают подобные мысли.

На памяти своих старейших знакомых, отец Руфи не делал ничего, лишь мирно дрейфовал по жизни. Было время, когда он дрейфовал по Лондону, беря пищу из рук многострадального шурина. Но хотя кровь — не водица, как он любил замечать, ведя переговоры о получении очередного кредита, привязанность шурина имела свой предел. Пришел день, когда мистер Уорден с болью заметил, что его родственник утратил ту проворность, которую проявлял при его просьбах, а немного позже выдвинул ультиматум: мистер Уорден должен покинуть Англию, жить за границей и вести себя так, как будто такой страны нет на карте, и тогда скромное, но вполне приличное жалованье будет ему обеспечено. А нет — так нет. Ему выбирать.

Он выбрал. Он покинул Англию вместе с Руфью. Они поселились в Ровиле, а это — небеса обетованные для тех, кто живет на переводы от родственников.

Руфь поступила на службу почти автоматически. В скором времени по прибытии стало очевидно, что для человека с натурой мистера Уордена, проживающего рядом с двумя казино, его скудного жалованья явно недостаточно. Даже если бы Руфь не хотела работать, обстоятельства ее бы заставили. Но она давно хотела чем-нибудь заняться, и как только появилась вакансия в ломбарде, она за нее ухватилась. Работа была как раз для нее. Теория мистера Уордена заключалась в том, что именно в ломбарде женщина выудит лишний франк или даже два, когда представителю мужского рода в этом откажут. К тому же, постоянно проходя мимо, забегая и заглядывая туда, она получила почти официально заверенное право на любой вакантный пост.

С тех пор она и служила под знаменами месье Гандино.

Пятиминутная прогулка доставила ее на Променад дез Англэ, с его, по-видимому, вечной толчеей, гордостью Ровиля. Вечер был тихий и теплый. Солнце весело грело белые стены домов, яркие сады и два сверкающих казино. Но Руфь шла вяло, не обращая никакого внимания на весь этот блеск.

Посетители, отдыхавшие здесь зимой неделю-другую, склонны вспоминать по возвращении о рае земном, улучшенном заведениями для

азартных игр. Но они — всего лишь посетители, их пребывание заканчивается, а у Руфи — нет.

Она услышала свое имя, повернулась и увидела отца, элегантного, как обычно.

— Что за вечер, моя дорогая! — сказал мистер Уорден. — Что за вечер! Вдохни запах моря!

Мистер Уорден, по всей видимости, был в приподнятом настроении. Он напевал песенку и покачивал тростью. Он часто щебетал что-то Биллу, жесткошерстному фокстерьеру, в котором, как и в хозяине, сочетались изысканность и легкое неприличие. Словом, мистер Уорден веселился.

— Я зашел в ломбард, но ты уже ушла. Гандино сказал мне, что ты здесь. Что за уродец этот Гандино! Но не плох, не плох. Он мне нравится. Мы немного поговорили с ним.

Приподнятое настроение легко объяснялось. Руфь знала своего отца, и предположила — впрочем, правильно, — что Месье Гандино, любезнейший из всех хозяев ломбарда, одолжил ему, так, неофициально, небольшую сумму.

— Гандино должен выступать на сцене, — продолжал мистер Уорден. — С таким лицом он бы сделал состояние. Не захочешь, а засмеешься. Как-то на днях…

Он не договорил. По соседству с его лодыжками Билл, фокстерьер, повстречал знакомого и под бравурный аккомпанемент пытался откусить ему голову. Знакомый, джентльмен неясной породы, с рвением жевал лапу Билла, как истинный гурман. Ирландский терьер, совершенно беспристрастный, пританцовывал вокруг и пытался укусить любого, кто ему подвернется, а два пуделя, прыгая в гущу событий и выпрыгивая из нее, подбадривали всех лаем.

Чтобы прервать собрание такого рода, нужен человек покрепче мистера Уордена. Пожилой джентльмен, совершенно ошарашенный, лишь добавил свой голос в общий галдеж и, намереваясь попасть по знакомому Билла, съездил Биллу своей тростью. По всей вероятности, собрание продолжалось бы, пока бойцы не истребили бы друг друга, если бы откуда ни возьмись не появился молодой человек в сером.

Мир делится на тех, кто может остановить собачью драку, и на тех, кто не может. Молодой человек в сером принадлежал к первому классу. Спустя минуту, пудели и ирландский терьер исчезли полностью; пес сомнительного происхождения ковылял вверх по холму с видом курьера, вспомнившего про очень важное донесение; а Билл, каким-то чудом успокоившийся, сидел в самом центре Променада, зализывая боевые раны.

Мистер Уорден охотно излил свою признательность. Сцена глубоко потрясла его, и даже были моменты, когда он мысленно прощался со своими лодыжками.

— Ну, что вы, какая ерунда! — сказал молодой человек. — Я очень люблю разбирать эти маленькие диспуты. Видимо, собаки меня любят и доверяют моему суду. Собственно, меня можно считать почтенной собакой.

— Что ж, должен сказать, мистер…?

— Винс, Джордж Винс.

— А я — Уорден. Это моя дочь.

Руфь наклонила голову и ощутила, как зоркие карие глаза смотрят прямо на нее в такой манере, которую она не приемлет. Она не привыкла, чтобы особи другого пола встречали ее взгляд так открыто и уверенно; и решила, что этого молодого человека нужно осадить.

— Я видел вас несколько раз с тех пор, как приехал, мисс Уорден, — сказал мистер Винс. — Четыре в общей сложности, — добавил он точности ради.

— Да-а? — сказала Руфь.

Она отвернулась. Ее поза явно предполагала, что разговор окончен, и она была бы признательна, если бы кто-нибудь вымел его отсюда.

Когда они приблизились к казино, в манере мистера Уордена стало проявляться явное беспокойство. Он остановился у самой двери и взглянул на Руфь.

— Я думаю, моя дорогая…

— Собираетесь заглянуть? — поинтересовался мистер Винс. — Я только что был там. У меня есть беспроигрышная система.

Мистер Уорден вздрогнул, как боевой конь при звуках армейского рожка.

— Только она беспроигрышная в обратном смысле, — продолжил молодой человек. — Что ж, удачи вам. Я провожу мисс Уорден до дома.

— Пожалуйста, не затрудняйте себя, — сказала Руфь в той надменной манере, которая часто испепеляла неудачливых отдыхающих.

Однако это не произвело на мистера Винса должного эффекта.

— Ничего, я только рад.

Руфь стиснула зубы. Она еще посмотрит, будет ли он радоваться.

Они оставили мистера Уордена, который прыгнул в двери казино, как заяц в норку, и шли молча, пока Руфь не ощутила, что глаза ее спутника прикованы к ее лицу. Она повернулась и встретила взгляд, полный если не любви, то уж точно восхищения. Руфь покраснела. Она привыкла к

восхищенным взглядам, но этот чем-то отличался, было в нем что-то собственническое.

По всей вероятности, мистер Винс был не из тех, кто тратит время на общепринятые способы начать разговор.

— Вы верите в родственные души, мисс Уорден? — спросил он.

— Нет, — ответила Руфь.

— Ничего, скоро поверите, — сообщил он. — Почему вы попытались отшить меня?

— Я?

— Не надо вам этого больше делать. Мне больно. Я чувствительный человек. Застенчивый. Робкий. Мисс Уорден, вы выйдете за меня замуж?

Руфь думала, что ничто не сокрушит ее холодного отчуждения, но тут сдалась. Она остановилась, глотнула воздух и уставилась на спутника.

Мистер Винс поспешил ее утешить:

— Я не ожидаю, что вы скажете «Да». Это только начало, предупредительный выстрел. В вас, мисс Уорден, я нашел родную душу. Вы никогда не задумывались о родстве душ? Такое, знаете, родство… Постойте, постойте…

Он остановился, задумавшись.

— Я… — начала было Руфь.

— Ш-ш-ш! — сказал молодой человек, подняв руку.

Ее глаза вспыхнули. Она не привыкла, чтобы молодые люди говорили ей «Ш-ш-ш!», и это ей не понравилось.

— Есть! — воскликнул он с облегчением. — Я знал, что смогу, просто тут нужно время. Родство душ — это зеро на рулетке жизни. Мы выбираем девушку, на которой мы смогли бы жениться, как выбираем номер, на который поставить деньги. Девушка с родственной душой приходит и расстраивает все предположения, как выпадает зеро вместо номера.

— Я… — опять начала Руфь.

— Конечно, аналогия грубовата. У меня нет времени сжать ее и отшлифовать. Но суть ясна. Возьмите мой случай. Когда я увидел вас дня два назад, я уже знал, что вы — родственная душа, но годами я искал полную противоположность вам. Вы брюнетка. Недавно я не мог и представить, что смогу жениться на ком-нибудь, кроме блондинки. У вас серые глаза. Недавно моя приверженность к голубоглазым была притчей во языцех. У вас неприятный нрав. Недавно…

— Мистер Винс!

— Вот! — простодушно сказал философ. — Вы топнули. Кроткая голубоглазая блондинка, которую я искал, тихо бы отступила. Три дня

назад моя страсть к тихим блондинкам была непреодолимой.

Руфь не ответила. Бесполезно пытаться возражать тому, кто выказывает все признаки ненормальности. Никакие словеса не могли бы сокрушить этого удивительного человека. Она продолжила свой путь, молча, с каменным лицом, огорченно ощущая, что ее спутник молчанием не смущен, а лицо созерцает с явным восхищением. Мистер Винс, тем временем, бодро щебетал и указывал, на что стоит взглянуть. У дверей Руфь выговорила:

— До свидания.

— До завтрашнего вечера, — уточнил Винс — Я приду к ужину.

Двумя часами позже мистер Уорден легкой походкой вошел в дом, очень счастливый и довольный, с половиной франка в кармане, оставшейся по той простой причине, что минимальная ставка в казино была в два раза выше. Ему было жаль, что он не выиграл, но его голова была слишком полна розовыми мечтами, чтобы впустить какие-либо угрызения. Он очень хотел, чтобы tro дочь вышла замуж за богатого, щедрого человека, который бы содержал его до конца дней, и в этих целях представлял ей всех мало-мальски подходящих людей. О принуждении не было и речи, он был слишком мягким, да и просто ничего не смог бы сделать. Руфь была не из тех, кого легко принудить. Он решил довольствоваться тем, что предоставит ей все лучшие образцы. Ровиль был людным местом, и он часто приводил кого-нибудь из казино, выкурить сигару. Правда, пока что он должен был признать, что его усилия не были особенно успешными. Руфь, замечал он с горечью, была странная девушка. Она не показывала себя посетителям с лучшей стороны, не поощряла их, скорей немного пугала. Но с этим Винсом он связывал более радужные надежды. Тот богат. Это доказывалось тем, с какой приятной легкостью он одолжил ему небольшую сумму, когда, проводив Руфь, опять заглянул в казино и нашел там мистера Уордена в безвыходном положении. К тому же было очевидно, что Руфь ему небезразлична. Сам он вполне презентабелен, совсем недурен, так что нет никаких причин и ей к нему не привязаться. Словом, мир выглядел просто замечательно для мистера Уордена, когда он ложился спать.

Руфь не смогла заснуть так легко. Ее беспокоил этот случай. Что-то вошло в ее жизнь, и обещало произвести побочные эффекты.

Когда следующим вечером она вернулась с прогулки, которую всегда предпринимала после работы, общее раздражение Увеличилось при виде мистера Винса, который, прекрасно освоившись, стоял у камина в маленькой гостиной.

— Здравствуйте, — сказал он. — По странному совпадению, я оказался поблизости, когда ваш отец проходил мимо и пригласил меня поужинать. Вы никогда не задумывались о совпадениях? По-моему, их можно сравнить с зеро на рулетке жизни.

Он нежно посмотрел на нее.

— Для застенчивого человека, понимающего, что девушка, которую он любит, тщательно его осматривает, пытаясь определить, что она о нем думает, — продолжил он, — такие встречи — настоящее испытание. Вы не должны судить обо мне слишком опрометчиво. Сейчас нервный, смущенный, косноязычный, но я не всегда таков. Под коркой застенчивости — состав высшей пробы, мисс Уорден. Люди, которые меня знают, сравнивают меня с лучиком света… Но, вот и ваш отец.

За ужином мистер Уорден был очень недоволен дочерью. Опять то же самое! Вместо того чтобы вести себя учтиво и пытаться расположить гостя к себе, она, по всей видимости, его невзлюбила. Ей едва удавалось сохранять вежливость. Мистер Уорден сказал себе со вздохом, что он ее не понимает. Розовые мечты стали понемногу увядать.

Мысли Руфи о мистере Винсе были в эти дни весьма хаотичными. Хотя она и говорила себе, что он ей совсем не нравится, она начинала чувствовать некое притяжение к нему. В чем именно оно состояло, она сказать не могла. Когда она пыталась это проанализировать, то приходила к заключению, что только он вносил в ее жизнь возбуждение. С тех пор как он прибыл, дни потекли гораздо быстрее. Монотонность куда-то исчезла. Ей даже было приятно пытаться подавить и превзойти его, тем приятней, чем чаще попытки эти проваливались.

Мистер Винс облек это ощущение в словесную оболочку. Его отличала неприятная привычка обсуждать свое ухаживание в манере беспристрастного лектора.

— Я делаю успехи, — заметил он. — При каждой новой встрече вы пытаетесь нанести левый боковой удар в область солнечного сплетения души, а это говорит о том, что вы уже начинаете понимать наше душевное родство. Для таких людей, как мы, счастливый брак держится только непрерывными ссорами. По-моему, самая прекрасная строчка в английской поэзии — «О, как мы ссорились с женой!» Вы были бы несчастны с мужем, который не любил бы с вами ссориться. Сейчас положение таково, что я вам необходим. Если я уйду из вашей жизни, я оставлю по себе щемящее чувство пустоты. Вы сохраните великолепный удар, но будет не на ком его отрабатывать, и вы буквально изведетесь. Теперь, я думаю, дела быстро пойдут в гору. За следующую неделю я умаслю вас подарками. А вот и

первый из них.

Он вытащил кусок бумаги из кармана и передал ей. Это был карандашный набросок, грубый, неоконченный, но замечательно тонкий. Даже Руфь могла это оценить, а она была предвзятый критик, ибо то была карикатура на нее. Она была изображена в полный рост, глядела презрительно и поджала губы. Художнику удалось и уловить полное сходство, и подчеркнуть все, что выдавало презрение и гнев.

— Не знала, что вы художник, мистер Винс, — сказала она, протягивая ему рисунок.

— Жалкий любитель. Можете оставить его себе.

— Спасибо, не хочется.

— Совсем?

— Неумно и очень нагло показывать его мне. Рисунок не смешной, а просто грубый.

— Еще немного, — сказал мистер Винс, — и я решу, что он вам не нравится. Вы любите шоколад?

Руфь не ответила.

— Я пошлю вам его завтра.

— А я отошлю его обратно.

— Тогда я пришлю еще, вместе с фруктами. Подарки! — продолжил монолог мистер Винс — Подарки! Вот в чем секрет. Посылайте подарки. Если бы мужчины только ссорились и посылали подарки, было бы меньше холостяков.

На следующий день, как и было обещано, шоколад прибыл, несколько фунтов в роскошной коробке. Удары судьбы не смогли отбить у Руфи слабости к сладкому, и она с явным трудом отослала коробку обратно. Потом вернулась в ломбард, сияя от морального удовлетворения, которое появляется у тех, кто проявит железную волю.

А в ломбарде происходили странные события.

Странные события, как сказал бы мистер Винс, — это зеро на рулетке жизни. Они выпадают совсем некстати, смущая Умы и разрушая устои. Это событие было и впрямь очень странным.

Руфь, как уже было сказано, в рабочие часы сидела за толстым стеклом, невидимая и невидящая. Клиенты для нее были бестелесными голосами — льстивыми голосами, трогательными голосами, сердитыми, оскорбительными, ноющими, стонущими и взывающими ко всем святым. Короче, они были голосами, так или иначе пытающимися вызвать у месье Гандино больше благородства и щедрости в ответ на их залог. Пользуясь временным затишьем, Руфь сидела за перегородкой, рисуя на промокашке,

когда дверь открылась, и вежливое «Бонжур, месье» оповестило о прибытии очередного бедолаги.

Затем, как электрический разряд, до нее дошел знакомый голос, приятный голос мистера Винса.

Обычно диалоги были продолжительными и мрачными, но ни один из них не казался таким продолжительным и мрачным, как этот.

Снова и снова он возвращался к жалкому центру, серебряному портсигару. Молодой человек умолял; месье Гандино, в официальном расположении духа и при исполнении служебных обязанностей, был непоколебим.

Руфь не могла этого больше вывести. Она зажала горящие уши, и голоса перестали ее беспокоить.

И с тишиной, как вспышка, блеснула мысль, которая объясняла все. Она поняла, почему она зажала уши.

Бедность — это кислота, которая по-разному действует на разные материалы. Она уменьшила до минимума самоуважение мистера Юджина Уордена. Самоуважение Руфи, напротив, выросло до невообразимых размеров. Гордость, словно сорняк, разрослась в ее душе, затемняя и заглушая чистые, прекрасные чувства. Возможно, именно наивные уловки отца, заманивавшего богатых женихов, и вызвали наконец ее мрачное отвращение к роли нищенки про короле Кофетуа. Что ж, понять ее можно. Легенду об этом короле не рассказывают с женской точки зрения, а ведь, наверное, были минуты, когда невеста, если у нее есть характер, воспротивилась монаршьему снисхождению, слишком уж легко он принял, что она только обрадуется.

Это, поняла она, и настраивало ее против Джорджа Винса. Она думала, что он богат. Он создавал такое впечатление. Естественно, она старалась от него защититься. Только теперь она разглядела его. Барьер был сломан. Королевские одежды оказались мишурой, и она увидела человека, которого любила.

Она очнулась от прикосновения. Месье Гандино стоял рядом с ней. Условия, по всей видимости, были оговорены, переговоры закончены, и в его руке был серебряный портсигар.

— Мечтаете, мадемуазель? Никак не мог вас дозваться.

Чем больше звал, тем больше вы мне не отвечали. Надо внести запись в книгу.

Он читал, Руфь делала запись. Потом месье Гандино, сложив бремя службы, глубоко вздохнул.

— Это место многих печалей, мадемуазель. Возьмем, к примеру, этого

молодого человека, вашего соотечественника. Что мог делать он, столь безупречно одетый, в моем заведении? Я это знаю, я, Гандино. У вас, англичан, есть выражение, — я слышал его в парижском кафе, и специально узнал, что оно значит, — вы говорите, что кто-то пускает в глаза пыль. Скольких же молодых людей я повидал здесь, одетых с иголочки! Вы скажете, они богаты? Нет-нет. Преуспевающие? Нет. Они пускают пыль в глаза. Да-да, они всех обманывают. Вчера, после вашего ухода, он был здесь, и сегодня заходил ко мне. Он тратит свои деньги быстро, увы! Этот бедный молодой пускатель пыли.

Когда Руфь пришла домой, она обнаружила своего отца в гостиной, где он курил сигарету. Встретил он ее чересчур добродушно, хотя и с некоторой стесненностью, так как ему мешала сосредоточиться некая задача. Этим вечером он решил серьезно поговорить с Руфью о ней и о ее отношении к мистеру Винсу. Чем больше он его видел, тем больше он утверждался в мысли, что Винс — золотая жила в человеческом обличье, которую он искал все эти годы. Поэтому Уорден отбросил сигарету, поцеловал Руфь в лоб и начал свою речь.

Он давно пришел к заключению, что если и был какой недостаток у его дочери, так это тенденция к неуместной, ничем не оправданной прямоте. Она не обладала тем тактом, которым бы его дочери следовало обладать. Она никогда не согласилась бы промолчать или на что-то закрыть глаза. Иногда ее прямота граничила с резкостью.

Так было и сейчас. Когда он только начал распространяться, она прервала его вопросом:

— Почему ты думаешь, папа, что мистер Винс богат? Мистер Уорден был озадачен. Вопрос о материальном благополучии мистера Винса он обсуждать не собирался. Он аккуратно его избегал. Он думал об этом, и Руфь знала, что он об этом думает, и он знал, что Руфь это знает, но все это не имело ничего общего с самим делом. Слова дочери просто выбили его из колеи.

— Я… почему?.. Я не… Я никогда не говорил, что он богат. Конечно, он вполне…

— Он очень беден.

Челюсть у мистера Уордена немного отвисла.

— Беден? Да это чушь какая-то! — вскричал он. — Только сегодня вечером…

Он не договорил, но было уже поздно.

— Отец, вы занимали у него деньги?

Мистер Уорден вздохнул поглубже, готовясь с негодованием отмести

любые намеки, но передумал и замолчал. Деньги он занимал мастерски, но одного качества ему не хватало. Ему казалось, что здесь дочь видит его насквозь. Нередко это портило все наслаждение от удачно проведенной операции.

— Он отдает вещи в залог! — Ее голос дрожал. — Он был сегодня в ломбарде. И вчера. Я слышала его голос. Он спорил с месье Гандино… торговался…

Дальше говорить она не могла и беспомощно всхлипнула. Память об этой сцене была еще слишком жива.

Мистер Уорден стоял как вкопанный. Много чувств проносились в его душе, но главной была мысль о том, что это откровение пришло как раз вовремя. Вот уж поистине, чудом спасся! Конечно, он и негодовал, что двуликий молодой человек так умело имитировал золотую жилу. Это же могло привести к катастрофическим последствиям.

Дверь открылась, и Жанна, служанка на все руки, оповестила, что пришел мистер Винс.

— Добрый вечер! — сказал он. — Я принес вам еще шоколаду, мисс Уорден, и немного фруктов. Ой, Господи! Что случилось?

Он остановился, но только на минуту. В следующее мгновение он пересек гостиную и на глазах у остолбеневшего мистера Уордена обнял Руфь, а та обняла его.

Билл, фокстерьер, о которого мистер Винс споткнулся, первым подал голос. Почти одновременно к нему присоединился его хозяин, и голоса их поражали сходством, ибо мистер Уорден, не находя слов, только тявкал.

Мистер Винс помахал ему рукой, которая только что обнимала его дочь.

— Все в порядке.

— В порядке? В по-ряд-ке?!

— Родные души, — объяснил мистер Винс через плечо. — Два сердца бьются как одно. Мы собираемся пожениться. В чем дело, дорогая? Не беспокойся, все хорошо.

— Я отказываю! — закричал мистер Уорден. — Я категорически против!

Мистер Винс мягко усадил Руфь в кресло и, держа ее за руку, обратил суровый взор к возбужденному старику.

— Отказываете? Ха, я полагал, что я вам нравлюсь!

Бешенство мистера Уордена понемногу утихло. Оно было чуждо ему, и он о нем жалел. Такие дела нужно улаживать на холодную голову.

— Мое расположение к делу не относится, — сказал он. — Я должен

позаботиться о дочери, и не позволю ей выйти замуж за нищего.

— Совершенно согласен, — одобрительно сказал мистер Винс — Гоните его в шею. Если попытается втереться, посылайте за полицией.

Мистер Уорден колебался. Он всегда немного стыдился занятий Руфи, но ничего не поделаешь.

— Мистер Винс, моя дочь работает в ломбарде, и она слышала то, что произошло там сегодня.

Мистер Винс по-настоящему взволновался. Он озабоченно взглянул на Руфь.

— Вы… вы служите в этом душном… черт! Я вас сразу оттуда заберу. Не ходите туда больше.

Он наклонился и поцеловал ее.

— Может быть, лучше я объясню, — сказал он. — Объяснения — это зеро на рулетке жизни, только и ждут, чтобы выскочить. Вы когда-нибудь слышали о магазинах Винса, мистер Уорден? Так вот, мой отец — их хозяин. Один из наших профилей — детские игрушки, но последнее время мы не можем похвастаться большими успехами. Мой отец так расстроен, что я решил подумать, не смогу ли я чем-нибудь помочь. Надо было найти новый образ, вроде Щелкунчика, только лучше. Я не очень-то привык напрягать мозги и в конце концов понял, мне нужен отдых. Приехал сюда восстановить силы, и тем же самым утром — нашел! Вы, наверное, заметили, что хозяин ломбарда — не образец красоты. Я увидел его в казино, и меня осенило. Он думает, что он — Гандино, но это не так. Он — клоун-весельчак, Дядя Шут, прогоняющий печали. Он нежно сжал руку Руфи.

— Я потерял его, и только позавчера мне удалось узнать, где его можно найти. Вы, конечно, понимаете, что нельзя было просто прийти и попросить, чтобы человек попозировал для детской игрушки. Пришлось использовать его профессию. Так что я собрал безделушек и отправился к нему. Вот и все. Как, годится?

По ходу повествования холодность мистера Уордена потихоньку оттаивала, и под конец засияло солнце его улыбки. С глубоким уважением пожал он руку гостю и сделал самое разумное, что мог только сделать в подобных обстоятельствах, — удалился из комнаты. Лицо у него было примерно такое, как у Моисея на вершине горы.

Минут через двадцать Руфь сказала:

— Пообещай мне кое-что. Обещай, что не пойдешь и не будешь рисовать своего клоуна. Я знаю, это принесло бы большой доход, но бедный месье Гандино может обидеться, а он меня не обижал.

— По рукам, — сказал мистер Винс — Жаль английских детишек, но ни слова больше.

Руфь посмотрела на него почти благоговейно.

— Ты действительно откажешься? Несмотря на все эти деньги? Ты собираешься выполнять все мои просьбы, не считая, во что это тебе обойдется?

Он печально кивнул.

— Ты в двух словах набросала всю политику моей супружеской жизни. Я тебя надул. Я сулил тебе постоянные ссоры. Ты без них обойдешься? Боюсь, тебе будет очень скучно, — с сожалением сказал Винс.

МУЖЧИНА, ЖЕНЩИНА И МИАЗМЫ

Хотя история эта касается главным образом только мужчины и женщины, она настолько пропитана миазмами, что я не могу не внести их в список главных действующих лиц. Словарь Вебстера истолковывает слово «миазмы» как «вредоносные испарения; смертельные пары». По мнению его недавнего работодателя мистера Роберта Фергюсона, такое описание, хотя и немного слабоватое, вполне подходило для того, чтобы в двух словах описать мастера Роланда Бина. До вчерашнего дня он служил у мистера Фергюсона в качестве посыльного, но было в мастере Бине что-то, что не позволяло ему задерживаться на одном месте надолго. Возможно, объединенный синдикат Галахада, Парсифаля и Марка Аврелия смог бы с ним ужиться, но для простого грешного человека, остро осознающего, что есть на земле вещи, которых допускать нельзя, а также и те, которые нельзя сделать, дальнейшее присутствие мастера Бина стало просто невыносимым. Одна совесть вполне достаточна для любого человека. В присутствии мастера Бина их становилось две. Никто не способен выстоять перед посыльным с задатками святого средних лет, который, очевидно, усвоил наизусть Кодекс Пунктуальности и носит его рядом с сердцем; перед посыльным, излучающим сквозь очки в позолоченной оправе почтительный и все понимающий упрек. Мастер Ь был ходячей версией таких книг, как «Шаги к успеху», «Миллионеры не курят», «Молодой человек, просыпайся спозаранку». Галахаду, Парсифалю и Марку Аврелию, как я уже сказал, в его присутствии было бы нечего бояться, но Роберт Фергюсон посчитал, что контракт затянулся. После месяца совместной работы он наконец решился и уволил педанта.

Хотя в данный момент он сидел в своем кабинете, несмотря на то, что последний клерк давно ушел, и сам он давно хотел уйти, его мысли были заняты только что уволенным.

Было ли это угрызениями совести? Не боялся ли он, что ему будет недоставать его поддержки и блеска его очков? Нет, нет и нет. Мысли его были заняты мастером Бином, потому что мастер Бин ждал его в приемной. Днем ему передали, что Роланд Бин хочет его видеть. На это было легко ответить: «Скажите ему, что я занят». На что мастер Бин со всей почтительной учтивостью ответил, что он понимает великую занятость мистера Фергюсона и готов подождать, пока мистер Фергюсон не освободится. Освободится! Можно рассуждать о том, освободится ли

загнанный в западню опоссум, но не используйте это слово в связи с человеком, чей выход из кабинета сторожит Роланд Бин!

Фергюсон в порыве злости пнул корзину. Его поражала вопиющая несправедливость событий. Если уж ты уволен, то уволен. У уволенных нет привилегии преследовать своих хозяев как привидения. Это не по-честному.

Читатель может спросить, в чем, собственно, проблема — почему мистеру Фергюсону нельзя было просто выйти и смело двинуться на врага; но такое предположение может сделать только тот, кто не имел удовольствия поработать вместе с мастером Бином. Мистер Фергюсон имел такое удовольствие и был сломлен.

Слабое покашливание проникло через двери кабинета. Мистер Фергюсон вскочил и схватил шляпу. Возможно, внезапный рывок… Он выскочил из кабинета, словно пассажир, решивший пообедать на перроне станции, где поезд останавливается всего на три минуты.

— Добрый вечер, сэр! — сказал дежуривший.

— А, Бин, — откликнулся Фергюсон, теснясь к двери. — Все еще здесь? Я думал, вы уже ушли. Сейчас, боюсь, у меня нет времени. Может быть, когда-нибудь в другой раз…

Он почти победил.

К сожалению, сэр, вам, скорей всего, не удастся уйтИ, — сказал мастер Бин, всем видом выражая сочувствие'— Входные двери заперты.

Люди, испытавшие боль огнестрельных ранений, говорят, сперва они ощущают всего лишь притуплённый толчок. Именно это испытал сейчас мистер Фергюсон, остановившись на полпути и вопросительно озираясь.

— Портье закрывает ровно в семь, сэр. Сейчас уже двадцать минут восьмого.

Мистер Фергюсон еще находился в оглушенном состоянии.

— Закрывает дверь?

— Да, сэр.

— А как же мы тогда выберемся?

— Боюсь, сэр, что мы никак не выберемся.

Мистеру Фергюсону понадобилось время, чтобы переварить эту новость.

— Я уже не в штате, — сказал мастер Бин, — но я надеюсь, сэр, при сложившихся обстоятельствах вы позволите мне остаться здесь на ночь.

На ночь!

— Было бы удобнее спать здесь, а не на лестнице.

— Мы не можем остаться здесь на ночь, — слабо попытался возразить

мистер Фергюсон.

Он ожидал неприятных минут в компании мастера Бина, но кровь стыла в жилах от одной только мысли о тринадцати неприятных часах.

Он рухнул в кресло.

— Я заходил, — начал мастер Бин, отодвигая на второй план банальный вопрос о предстоящей ночи, — в надежде, что мне удастся переубедить вас и отменить мое увольнение. Уверяю вас, я прилагаю все мое усердие, чтобы быть примерным служащим. Если бы вы восстановили меня и проинформировали, в чем мои недостатки, то я, в свою очередь, обещаю приложить…

— Мы не можем остаться здесь на ночь, — прервал его мистер Фергюсон, выпрыгивая из кресла и начиная метаться по кабинету.

— Не сочтите меня слишком самонадеянным, сэр, но я чувствую, что, если вы дадите мне второй шанс, я сумею оправдать ваше доверие. Я…

Мистер Фергюсон смотрел на него с тихим ужасом. В его сознании только что промелькнула бессонная ночь с выслушиванием блистательной речи мастера Бина. Ему очень захотелось удрать. Он не мог выбраться из здания, но ему было необходимо убежище, где бы он смог спрятаться и собраться с мыслями.

Стремительно покинув приемную, он помчался наверх, и, оказавшись этажом выше, заметил слабую полоску света! пробивавшуюся из-под одной из дверей.

Его энтузиазму мог бы позавидовать любой моряк, потерпевший кораблекрушение и заметивший спасительный парус на горизонте. Он поспешил к заветной двери. Он знал, кому она принадлежит. Это был офис Блэйтвэйта, а Блэйтвэйт был не просто его знакомым, но и спортсменом. Вполне вероятно, ночь была бы не так страшна, если, к тому же, им посчастливится найти колоду карт. И даже без карт, Блэйтвэйт мог составить компанию, а его офис — послужить убежищем. Не размениваясь на формальности, он распахнул дверь без стука. Утопающим не до этикета.

— Знаете, Блэйтвэйт… — начал было он, но тут же осекся. В комнате была только девушка.

— Прошу прощения, я думал…

Он опять остановился. Не успев привыкнуть к яркому свету, он не мог хорошенько ее разглядеть. Когда же это ему удалось, он крикнул:

— Вы!

Девушка взглянула на него, вначале с удивлением, затем — с отчужденной враждебностью. Потом наступила пауза. Восемнадцать месяцев прошло с того момента, когда они разговаривали друг с другом в

последний раз. Не всегда легко завязать беседу после восемнадцатимесячного молчания, особенно, если расставание было достаточно бурным.

Он начал первым.

— Что вы здесь делаете? — спросил он.

— Полагаю, то, что я делаю, вас давно не интересует, — сказала она. — Последние две недели я работаю секретаршей у Блэйтвэйта. Я все думала, встретимся мы или нет. Я видела вас раза два на улице.

— А я вас ни разу не заметил.

— Неужели? — безразлично заметила она.

Он стал приглаживать волосы, выказывая все признаки растерянности.

— Вы в курсе, что мы заперты?

Он ожидал увидеть полное удивление, граничащее с отчаянием, она же озабоченно прищелкнула языком.

— Опять! Что за напасть! Последний раз меня заперли только неделю назад.

Он взглянул на нее с невольным уважением необстрелянного новичка перед ветераном. Конечно, она для него теперь ничего не значила. Она полностью ушла из его жизни. Но он не мог скрыть от себя, что очень давно, восемнадцать месяцев назад, он был очарован именно этим ее несгибаемым духом.

Он присел и с любопытством взглянул на нее.

— Так вы оставили сиену?

— Я думала, мы решили, когда расставались, не ворошить прошлое.

— В самом деле? Тогда давайте представим себе, что мы не знакомы.

— А какая разница?

— Ну, как же? Я лично часто разговариваю с незнакомыми.

— Что ж, я им сочувствую. Повстречать такого зануду! — заметила она, пряча одну восьмую своего зевка за двумя пальцами. — Наверное, — продолжала она, — вы пристаете к ним в поездах и отвлекаете их от чтения утренней прессы?

— Я никому не навязываюсь.

— В самом деле? — сказала она, выказывая все признаки приятного удивления. — Если только не считать сегодняшнего вечера.

— Вы имеете в виду нашу случайную встречу?

— У вас есть свой офис в этом здании, да?

— Да…

— Тогда почему…

— Не вижу, — сказал он с важностью, — почему бы мне не зайти к

приятелю и не подождать его в офисе.

— По делу?

Ее поднятые брови не позволяли ему усомниться в том, что она не доверяет выдвинутой версии.

— Боюсь, что я не вправе обсуждать деловые вопросы, Касающиеся мистера Блэйтвэйта, при его подчиненных. Могу я видеть его лично?

— Мистера Блэйтвэйта в данный момент нет на месте.

— Я подожду.

— Его не будет на месте еще тринадцать часов.

— Я подожду.

— Хорошо. — Она вспыхнула. — Сами напросились, теперь и вините только себя. Если вы сейчас же покинете мой офис и спуститесь вниз, я, может быть, принесу вам какао и немного печенья.

— Какао и печенья! — надменно воскликнул он.

— Да, какао и печенья, — отрезала она. — Можете задирать нос, но подождите, вас ожидают тринадцать часов заточения, а я знаю, что это такое. В прошлый раз я никак не могла уснуть, а когда мне это удалось, мне снилось, как я гоняюсь за шоколадными эклерами по Трафальгарской площади. Кстати, я так ни одного и не поймала. Ночь еще и не думала заканчиваться, а я уже была готова отдать все хотя бы за один сухарик. С той поры я никогда не забываю захватывать с собой что-нибудь на всякий случай. Смейтесь, смейтесь, пока у вас есть для этого силы.

Он улыбался, но улыбка была несколько натянутая. Только профессиональный постник мог оставаться спокойным перед такими муками. Наконец он собрался и сказал с явным презрением:

— Печенье!

Она мрачно кивнула.

— Какао!

Ответный кивок был зловещим.

— Боюсь, мне они не понадобятся.

— Если позволите, — безразлично сказала она, — у меня есть работа.

Она отвернулась к столу, оставляя его наедине с размышлениями. Ему удалось сохранить оборону, но внутри он дрогнул. Выросший в деревне, он имел несчастье с детства развить здоровый аппетит. Однажды, вскоре после переезда в Лондон, он позволил одному очень опасному сумасшедшему убедить себя в том, что единственный путь к здоровой жизни — это полный отказ от завтраков. Обед в тот день стоил ему восемь шиллингов, и только природная скромность не позволила удвоить эту сумму. Для него было ясно как белый день, — еще задолго до рассвета

душа будет молить о крошке печенья и умолять о чашке какао. А не лучше ли… О, нет! Лучше смерть, чем позор. Оглядываясь назад, он ясно видел, что вся история его отношений с этой девушкой была историей борьбы самолюбий. Ему так и не удалось победить в этой битве, но он не считал себя побежденным. Поражения нельзя было допустить и сейчас.

Он скрестил ноги и попытался потихоньку напеть беззаботный мотивчик.

— А не могли бы вы… — сказала она, обернувшись.

— Прошу прошения?

— Эти стоны отвлекают меня от работы.

— Это не стоны, это пение.

— Тогда простите.

— Да не за что. Пробило восемь.

Мистер Фергюсон, лишенный успокоительного влияния музыки, развлекал себя разглядыванием прически присутствовавшего рядом труженика. Это подбросило дров в топку его размышлений, уносящих его все дальше в сторону пункта под названием Былое. Перед ним прошли дни в лесу и вечера на лужайке. Вспомнил он и о буре, о нескольких штормах и о том случае, когда легкий ветерок при ясном небе без всякой видимой причины перерос в настоящий, всесокрушающий ураган. У него было достаточно пищи для размышлений. «И почему только, — размышлял мистер Фергюсон, — каждая девушка в каждом английском городке, способная декламировать “Сегодня не будет отбоя”, и достаточная юркая, чтобы избежать потом линчевания, считает своим долгом собрать пожитки и отправиться в Лондон, чтобы завоевывать театральные подмостки?»

Он вздохнул.

— И не надо стонать, — сказал холодный голос из-за той же прически.

Это было слишком. Мистер Фергюсон, так и не доехавший до конечной остановки, кое-как выкарабкался из поезда воспоминаний и заковылял по направлению к Настоящему.

Оно было безрадужное, но все же не шло нив какое сравнение с голодным и бессонным Будущим. На этом он и сконцентрировал внимание. Ему захотелось узнать, как коротает время мастер Бин. По всей вероятности, делает дыхательные упражнения или читает карманного Аристотеля.

В этот момент девушка отодвинула кресло и встала из-за стола.

Она подошла к маленькому буфету в углу и стала извлекать все необходимое для того, чтобы приготовить какао. Делала она это молча. Вскоре, заполняя пространство, по комнате пополз аромат, и когда он

достиг того места, где сидел мистер Фергюсон, тот напрягся в кресле и приготовился стоять до смерти. Это был не просто аромат, это пела душа какао. Пальцы вцепились в подлокотники кресла.

Девушка вытащила печенье. Она поймала его взгляд.

— Вам лучше поесть. Наверное, я даже… да, совсем забыла, вы ведь не любите какао.

— Нет, — сказал он со всей решимостью. — Не люблю. Видимо, сейчас она была не прочь поговорить.

— Я думаю, а почему вы сюда пришли?

— Не вижу причин это скрывать. Из-за рассыльного.

— Что же он такое сделал?

— Если бы вы его знали, то не стали бы задавать подобных вопросов. Вам не приходилось встречать воплощенную святость, такую это, с порицанием…

— Вы, наверное, забыли, что я была помолвлена с вами несколько недель?

Он был слишком поражен, чтобы оскорбиться. Мысль о том, что он был таким же, как и Роланд Бин, была слишком нова для него, но давала пищу для размышлений.

— Я был таким? — опасливо спросил он.

— Вы сами это знаете. Да! Я не имею в виду ваши взгляды на театр, — это было во всем. Что бы я ни делала, вы так это посматривали, как… как моя тетя! — заключила она. — Вы были всегда правы. Если бы, ну хоть раз, вы сами сделали что-нибудь не так, тогда бы, я думаю… Но нет, вы были просто безупречны!

Мужчина остается хладнокровным под многими обвинениями. Намекните, что у него криминальные наклонности, и он лишь пожмет плечами, но если вы обвините его в излишней добродетели, вы разбудите в нем тигра.

Фергюсон помрачнел.

— По правде сказать, — надменно начал он, — как раз сегодня вечером я собирался поужинать с девушкой из шоу.

— Какая пошлость! — бесстрастно заметила она, отхлебывая какао, и добавила: — Хотя вы, наверное, считаете это верхом безрассудства.

— Ну, это только для начала.

Она сломала свое печенье и внезапно взглянула ему в глаза.

— Кто она? — спросила она тоном, не терпящим возражений.

— Что вы сказали? — ответил он, возвращаясь из приятной задумчивости.

— Кто эта девушка?

— А, она… э… такая Мэри. Мэри Тэмплтон.

Казалось, она на мгновение задумалась.

— Эта милая старушка? Я с ней хорошо знакома.

— Что?

— Мы ее обычно называем «матушка». А с сыном ее вы не встречались?

— С сыном?

— Очень милый молодой человек. Он тоже на сцене, женат, двое очаровательных детей. Бабушка в них души не чает. Она о них не рассказывала?

Она налила себе еще какао, и беседа опять замерла.

— Наверное, вы к ней очень неравнодушны? — спросила она, наконец.

— Просто без ума. — Он сделал небольшую паузу и добавил: — Такая душечка!

Она встала и направилась к двери. В глазах ее был недобрый огонек.

— Вы уходите? — спросил он.

— Я на секунду, приведу этого посыльного. Он, должно быть, уже стосковался.

Он вскочил, но было поздно. Перегнувшись через перила, он видел, как дверь внизу открылась, и после короткого разговора на лестнице раздались шаги.

Там, на лестнице, было темно, и они прошли мимо, так его и не заметив. Мастер Бин, по ходу, беседовал о производстве какао и о тех расстояниях, которые покрывают мексиканские туземцы, чтобы его отыскать, поскольку только им и питаются. Открывшаяся дверь залила ярким светом коридор, и мистер Фергюсон, выходя из укрытия, отправился вниз по лестнице.

Девушка вышла к перилам.

— Мистер Фергюсон! Он замер.

— Это вы меня?

— Вы — к себе?

— Да. Надеюсь, вы оцените Бина. Поистине, кладезь премудрости.

Он продолжил спускаться, а она вернулась к себе и закрыла за собой дверь.

Мистер Фергюсон зашел в свой кабинет и сел.

Жил когда-то человек по имени Симеон Столпник. Он забрался на

столп и, видимо, за неимением более достойных занятий, провел там тридцать лет. Мистер Фергюсон, знакомый с творчеством Теннисона и его поэмой по этому поводу, смотрел на него как на чудака. Читая строки:

… целых тридцать лет,
Помноженных на голод и на муки,
На холод, непогоду и жару,
Я терпеливо на столпе стоял,
Стеная, мучаясь, но не сдаваясь,—

он смог составить некоторое представление о том, что там было не совсем уютно. Ему было жалко этого Симеона, но сейчас, сидя в кресле, в своем офисе, он гадал, а из-за чего, собственно, тот делал столько шума? Скорее всего, он был неженка. Голод, видите ли! Что-нибудь он да ел, иначе бы давно умер. Если покопаться, кто-нибудь снабжал его снизу какао и печеньем.

Да, этот Симеон — просто любитель. Перехвалили, и все.

Сон отказывался прийти к нему на помощь. Ноги затекли, а дальше — ничего. Он встал, чтобы размять их.

Именно в этот момент он полностью утвердился во мнении, что история Симеона Столпника — просто сибаритские россказни. Если бы это была правда, в ней нашлось бы место хрусту в… Но не будем отвлекаться.

Примерно часов через шесть (часов у него не было, а все эти боли, колики и судороги просто не могли уложиться в более короткий промежуток времени), дух окончательно покинул его. Не будем судить его слишком строго. Та девушка наверху разбила его сердце, погубила его жизнь, низвела, сравнив его с Роландом Бином… но у нее были печенье и какао. В таких обстоятельствах и король Артур стал бы ползать в ногах у Гиневеры.

Он бросился к двери и распахнул ее. Из темноты послышался испуганный возглас.

— Надеюсь, я вас не побеспокоила, — произнес кроткий голосок.

Мистер Фергюсон не ответил. Его ноздри раздулись, учуяв знакомый аромат.

— Вы не спите? Можно мне войти? Я принесла немного печенья и какао.

Он принял ее дары молча. В жизни бывают такие святые моменты, когда слова неуместны. Загадочность происходящего лишила его дара

речи. Еще минуту назад все его устремления были нацелены на это печенье. Он был готов получить его под градом усмешек и колкостей, типа «Я же вам говорила». А сейчас он осушал свою чашку и в то же время мог честно смотреть миру в глаза.

Его орлиный взор заметил крошку на рукаве. Подобрав и употребив ее, он обернулся в поисках объяснений.

Она изменилась. Боевой огонек в глазах потух. Казалась, она даже подавлена и чем-то явно напугана. Весь ее вид умолял о спасении.

— Этот ужасный мальчишка! — выговорила она.

— Бин? — спросил Фергюсон, поднимая с ковра очередную крошку.

— Он невыносим.

— Не удивлюсь, что он вас немного утомил. Чем же он все это время занимался?

— Говорил. Сил никаких нету! Он как эти толстые ужасные энциклопедии! Знаете, сколько тонн воды низвергает Ниагара в год?

— Нет, не знаю.

— А он знает.

— Я говорил, он полон полезных сведений. Ну, просто как в книгах об успехе! К примеру, однажды утром ваш шеф хочет узнать, сколько сейчас в Брикстоне диванов, набитых конским волосом, или сколько понадобится булавок, чтобы соединить Лондон и Ватерлоо. Вы делитесь с ним этими полезными сведениями, и он берет вас в долю. Через несколько дней, глядишь, и вы уже миллионер. Но я совершенно забыл поблагодарить вас за какао. Очень вкусно.

Он ждал насмешки, но не дождался. Приятное удивление разлилось по его телу. Даже как-то не верилось.

— И главное, даже не то, что именно он говорит, — продолжала она, — а этот менторский тон.

— Я думал над этим. Скорей всего, весь секрет — в очках.

— Когда он на меня так смотрит, я просто не могу. Сразу вспоминается все плохое, что я успела сделать или даже подумать.

— На вас это так же действует? — оживился он. — Со мной было то же самое.

Родственные души обменялись понимающим взглядом. Она начала первой:

— Мы всегда смотрели на все одинаково, правда?

— Ну конечно, — сказал он и придвинул поближе кресло. — Это моя ошибка… ну, то что случилось.

— Нет, это…

— Нет, моя. Я должен вам кое-что сказать. Конечно, это уже ничего не изменит, но я хочу, чтобы вы знали. Я изменился с тех пор, как приехал в Лондон. К лучшему, надеюсь. Конечно, я и сейчас не ахти что, но, по крайней мере, бросил мерить все своим аршином. Нет смысла судить о мире глазами провинциального городка. Лондон научил меня этому. Я надеюсь, у вас не будет причин сравнивать меня с этим Бином. Я больше не сужу людей. По крайней мере, стараюсь. С меня достаточно смотреть за собой.

— Я тоже должна кое-что сказать, — начала она. — Наверное, уже слишком поздно, но все равно, вы должны об этом услышать. Я тоже изменилась с того времени, как живу в Лондоне. Я привыкла считать, что Вселенная создана для того, чтобы смотреть на мои великие дела и хлопать в ладоши. Лондон как будто приложил лед к моей воспаленной голове, и воспаление прошло. Амбиций поубавилось. Я рада, что у меня есть работа, а потом — свободное время.

Он подошел к ее креслу.

— Мы говорили, что встретимся как незнакомцы, и вот, встретились. Мы никогда не знали друг друга. Вы не против, если мы снова познакомимся? — сказал он.

Тут раздался почтительный стук в дверь.

— Заходите, — раздраженно откликнулся Фергюсон. — Ну, что там еще?

Из-за золотой оправы очков мягко светил взгляд, скорее умиротворенный, чем осуждающий.

— Простите за вторжение. Я больше не на службе, но в сложившейся ситуации, надеюсь, вы простите мне мою смелость. Обдумывая затруднительное положение, в которое мы попали, мне пришла мысль, которая, как мне кажется, дает нам надежду покинуть это здание.

— Что!

— Мне показалось, что, позвонив в ближайший полицейский участок…

— О, Господи! — вскричал Фергюсон и схватился за телефон.

Через две минуты, положив трубку, он сказал:

— Все в порядке. Я все им объяснил. Скоро будут здесь вместе с лестницей. Интересно, а сколько сейчас времени?

Мастер Бин извлек часы.

— Почти ровно половина одиннадцатого, сэр.

— Половина одиннадцатого! Мы здесь уже часов десять! Проверьте-ка, часы.

— Нет, сэр, я стараюсь держать все в полном порядке, я никогда бы не рискнул оказаться непунктуальным.

— Пол-одиннадцатого! — вскричал Фергюсон. — Да у нас еще куча времени, чтобы успеть поужинать в «Савое». Великолепно! Прямо сейчас им и позвоню, закажу столик.

— Ужин! Я думала… Она остановилась.

— Что вы думали?

— Вы же сегодня и так ужинаете… Он удивленно уставился на нее.

— Конечно, нет. Откуда вы взяли?

— Мне казалось, вы что-то говорили о мисс Тэмплтон…

— Мисс Тэмп… А! — Он успокоился. — Ее и не было. Я ее выдумал. Просто пришлось, когда вы обвинили меня, что я такой же, как наш миазмический друг. Допустимая самооборона.

— Я не хочу вас прерывать, сэр, когда вы заняты, но… — сказал мастер Бин.

— Загляните ко мне завтра утром, — сказал мистер Фергюсон.

— Боб, — сказала девушка, когда бормотание оркестра стало предвещать бурю веселой мелодии, — что ты собираешься сделать, когда он придет завтра утром?

— Вызову полицию.

— Нет, правда! Что-то сделать надо. Если бы не он, мы бы здесь не сидели.

— Верно, верно. — Он задумался. — Нашел! Я дам ему работу у Рейкиса и Куртенэ.

— Почему?

— Потому что у меня на них зуб. А в первую очередь потому, — и тут мистер Фергюсон улыбнулся дьявольской улыбкой, — что их филиал в Эдинбурге, а Эдинбург, как ты, конечно, знаешь, находится далеко-далеко от Лондона.

Он перегнулся через столик.

— Правда, как в добрые старые времена? А ты помнишь, первый раз, когда мы с тобой попело…

И тут грянул оркестр.

ПОСЛЕ ШКОЛЫ

Заметьте, я не защищаю Джеймса Датчета и не оправдываю его. Наоборот, я решительно на стороне тех, кто считает, что ему не следовало это делать. Я просто указываю на то, что в этом деле есть смягчающие обстоятельства. Только на это, и ничего больше.

Позвольте нам начать рассмотрение дела спокойно и беспристрастно; не будем делать скоропалительных выводов, изучим само существо вопроса и посмотрим, не найдут ли мои взгляды фактического подтверждения.

Мы начнем с того времени, когда тема колоний впервые начала потихоньку, но угрожающе закрадываться в ежедневные беседы его дяди Фредерика.

Дядя Джеймса и ранее имел тенденцию к обсуждению колоний и своих невероятных финансовых удач в Западной Австралии, но лишь когда Джеймс приехал из Оксфорда, они стали принимать по-настоящему опасный оборот. Вплоть до этого времени дядя Фредерик говорил о колониях как о колониях. Сейчас он стал упоминать о них в непосредственной связи со своим племянником, и вскорости в этих разговорах Джеймс вышел на главные роли. Можно было готовить афиши: «Фредерик Нот представляет Джеймса Датчета в „КОЛОНИЯХ"», и дата премьеры, казалось, была не за горами. Дело в том, что Фредерик Нот недолюбливал ту часть публики, к которой применял стандартное определение: «Им бы лучше зарабатывать себе на жизнь, а не бездельничать дома», и, когда бывал в гостях у своей сестры не упускал возможности распространиться по этому поводу Миссис Датчет была вдовой, и после смерти своего мужа принимала все, что он говорил, за мудрость высшей пробы, хотя на самом деле всей мудрости Фредерика Нота едва хватило бы для среднестатистического дятла. Он сделал капитал на овцеводстве, а пасти овец может и дурак. Однако он обрел репутацию, не бросал слов на ветер. Это произошло еще задолго до того, как ряды М.Л.К.Д.З.С.Н.Ж.А.Н.Б.Д. встали перед реальной угрозой потерять одного из своих членов.

Джеймс, со своей стороны, был всем сердцем против колоний (не вообще, для себя). Он не имел ничего против того, чтобы у Великобритании были свои колонии, но судьба первых поселенцев его не прельщала. Они могли рассчитывать на его моральную поддержку, но

когда речь шла о том, чтобы отправиться в Западную Австралию и стать там, в некотором роде, прислугой для дядиных овец, — нет уж, увольте! Для него вполне подошла бы жизнь писателя. Да, он мечтал попытать себя на литературном поприще. В Оксфорде он регулярно писал для университетской газеты, и даже подумывал послать что-нибудь в столицу. Пока у него еще не было больших успехов, но внутренний голос… (Однако мы отвлеклись. Это — не история о трудностях начинающего писателя, и так мы далеко не уйдем.)

Наконец, нашли временный компромисс. Джеймс остается в Англии, где служит в частной школе Блатервика, а на досуге пишет все, что ему вздумается; но если в своем многотрудном общении с младшими классами он хоть где-нибудь оступится, то тут же отправится в животное царство Западной Австралии. Права на ошибку у него не было. Дядя Фредерик, гонимый теми же соображениями, по которым миссионер обращает неверных, попытался привить Джеймсу любовь к овцам, и потому тот отправился в свою школу примерно в том настроении, какое было у наполеоновского генерала, когда он взбирался на холм близ Ватерлоо.

Школа, именовавшаяся Хароу Хаус, оказалась мрачным особняком на самой окраине Дувра. Лучше быть на его окраине, чем непосредственно в нем, и этим все сказано. Об этом периоде жизни у Джеймса остались воспоминания как о меловом. Мел был повсюду — в классе, в пейзаже, в молоке. Тут, в меловой вселенной, обучал он тоскующих учеников начаткам латыни, географии и арифметики, а по вечерам, после ободряющей чашечки кофе в кабинете мистера Блатервика, отправлялся к себе, писать рассказы.

Это случилось на пятой учебной неделе, когда обычно тихое течение жизни в Хароу Хаусе стало приобретать для нового учителя весьма бурный характер.

Прошу здесь особого внимания. Если мы хотим хоть как-то оправдать Джеймса, то — сейчас или никогда. Не сумею вас убедить — что ж, я умываю руки. Но позвольте изложить факты. В первую очередь утро было просто замечательным. Более того, за завтраком он получил от редактора письмо с уведомлением о том, что его рассказ, наконец, принят.

Ему было всего лишь двадцать два, и подобных вещей с ним еще не случалось.

И не успел он завернуть за угол по дороге в класс, как столкнулся с Виолеттой, горничной, которая, как и он, решила прогуляться в это замечательное утро.

Виолетта была стройная молодая особа с большими голубыми глазами

и очаровательной улыбкой. Этой улыбкой она и одарила Джеймса. Он остановился.

— Доброе утро, сэр, — приветствовала его Виолетта. Из списка существенно важных подробностей я опустил очень важную деталь, а именно — так уж вышло, что вокруг никого не было.

Джеймс посмотрел на Виолетту; Виолетта улыбнулась и посмотрела на него. Утро было все таким же прекрасным, Джеймсу было все те же двадцать два, а в кармане у него все так же лежало еще теплое письмо от редактора.

Вследствие описанных выше обстоятельств, Джеймс наклонился и, по-братски, не более того, поцеловал горничную.

Конечно, это было неправильно. В списке должностных обязанностей Джеймса о целовании горничных не упоминалось. С другой стороны, большого вреда здесь тоже не было. В кругах, в которых Виолетта привыкла вращаться, поцелуй был эквивалентен рукопожатию в каком-нибудь более Щепетильном обществе. Все целовали её — носильщик, зеленщик, мясник, садовник, разносчик, кондитер, почтальон и полисмен. Они были людьми совершенно разных вкусов, взглядов и привязанностей. В религии, политике и скачках их взгляды расходились; в одном они были единодушны, — когда бы они ни проходили мимо Хароу Хауса, они непременно целовали Виолетту.

— Мой рассказ приняли! — поспешил поделиться Джеймс.

— В самом деле, сэр? — порадовалась за него Виолетта.

— Это очень хороший журнал! — добавил учитель. — Редактор — приличный человек.

— В самом деле?

— Конечно, я не буду заключать контракта, пока они не предложат хорошие условия, но мне надо обязательно им еще что-нибудь послать. А утро просто замечательное!

Он последовал дальше. Пытаясь проверить истинность его слов, Виолетта еще постояла, принюхиваясь вздернутым носиком к утренней прохладе, а затем проследовала в дом к своим непосредственным обязанностям.

Пять минут спустя Джеймс, уже в царстве мела, диктовал классу латинский текст. Схожесть сюжета, надо признать, неприятно поразила его: «Дядя Бальба хотел отправить его пасти овец в колонии (провинцию). Бальб сказал, что Британия ему бы подошла, Бальб послал свиток в Микены и получил благосклонный ответ».

Мысленно он уже покинул класс, когда детский выкрик вернул его к

реальности:

— Сэр, а что значит «благосклонный»?

— Ну, хороший, — сказал он после секундного раздумья и написал на доске:

«Бальб — великий человек».

Две минуты спустя он уже вел переговоры с редактором одного из самых престижных журналов, который уговаривал его написать серию коротких рассказов (желательно — не меньше двенадцати).

Научно установлено, что, получив отказ в одном месте, автор направит свой рассказ в другое, но если хоть один из его рассказов принят, он считает своим долгом послать редактору следующий. Действуя по этой железной схеме, Джеймс, разобравшись с делами и выкурив трубку, уселся за работу, чтобы в очередной раз порадовать «Юниверсал».

Прогресс был налицо, когда его творческий процесс был прерван стуком в дверь.

— Входите, — крикнул Джеймс. (Все авторы ужасно раздражительны за работой.)

Вошел Адольф, один из тех иностранцев, которые приезжают, чтобы выучить английский, и готовы ради этого на все. Для них не бывает слишком грязной работы. Мистер Блатервик полагал, что иметь человека в ливрее, — признак хорошего тона, особенно когда принимаешь состоятельных родителей. Конечно, ему хотелось что-нибудь более импозантное, но взгляды Адольфа на жалованье ему нравились. В конце концов, какой-нибудь близорукий родитель при плохом освещении мог подпасть под очарование иностранного лакея! Лучше не зарекаться.

— Да? — сказал Джеймс, уставившись на него.

— Што-нипуть отпрафлять, сэр? — осведомился Адольф. Львиная доля его левых доходов состояла в чаевых за хождение в деревню — на почту и к табачнику.

— Нет, — проворчал Джеймс, повернулся к столу, и был нимало удивлен, увидев, что Адольф не только не ушел, но и закрывает дверь с этой стороны.

— Тс! — прошипел Адольф, прикладывая палец к губам. Джеймс очень удивился.

— В саду, — продолжал посетитель, напоминая усмешкой злую химеру, — я видел фас целофать Фиолетту!

Сердце у Джеймса екнуло. Положение само по себе было не из завидных. Он вкалывал за гроши, спасаясь от бушующих волн Западной

Австралии на этом тихом островке. Что будет, если он хоть на секунду ослабит хватку? Его моментально сметет и унесет к овцам, без надежды на спасение.

— Что вы имеете в виду? — просипел он.

— В саду. Я быть у окна и фее фитеть. Фы и Фиолет. — И Адольф, в худших традициях жанра, изобразил, что именно делал Джеймс. Тот не ответил. В голове у него все кружилось и мелькало.

— Я могу скасать герр Платерфик, я могу не скасать. Джеймс, наконец, собрался с силами. Любой ценой, но этот червь должен быть умиротворен. Мистер Блатервик был суровым человеком. Нет, на такое преступление он глаза не закроет.

— А как насчет Виолетты? — попытался он воззвать к рыцарству лакея. — Ведь она потеряет работу.

— Хо! Я тоше ее целофать. Она толкнуть меня ф лицо.

Джеймс внимательно выслушал эту трагедию, достойную бульварной газетки. Комментариев у него не было.

— Што-нипуть отпрафлять?

Интонация не позволяла ошибиться. Джеймс вытащил полкроны.

— Прошу. Принесите полдюжины марок, сдачу оставьте себе.

— Марки? Хорошо.

Последнее впечатление от посетителя сводилось к сальной усмешке.

Адольф отличался от привычных шантажистов приключенческого романа. То ли он сомневался в платежеспособности Джеймса, то ли его просто не интересовали деньги, но он довольствовался малым. Со стороны казалось, что он стал чаще захаживать в деревню, только и всего. Полкроны за неделю покрыли бы все финансовые расходы.

Но была и другая статья. Помимо денег Адольф ни на минуту не забывал, ради чего, собственно, он послан. Он прибыл учить язык, и это не было для него пустым звуком. Словарный запас обслуживающего персонала был для него слишком скуден, и он назначил Джеймса своим личным учителем, зорко следя, чтобы тот не пренебрегал своими обязанностями.

Первый раз, когда он обратился к Джеймсу с просьбой объяснить непонятные слова из передовицы, Джеймс даже обрадовался, рассчитывая на то, что Адольф решил забыть былое, и, удовлетворившись половиной кроны, решил выказать свое дружеское расположение таким оригинальным образом.

Это было разумно и даже похвально. Его сердце оттаяло. Он прочитал

всю статью, разъяснил ее, даже указал неправильные глаголы, и так мастеровито, что Адольф отмел сомнения по поводу его квалификации. Учитель — хороший; значит, нельзя его упускать.

Повторное появление Адольфа на следующее утро несколько охладило Джеймса, но он решил не отказывать страждущему знаний иностранцу. На этот раз лекция была менее исчерпывающей, но вполне удовлетворительной, если судить по тому, что и на следующее утро Адольф нашел нужным ее повторить. Как видно, его вера в талант учителя была непоколебима.

На этот раз он застал Джеймса за письменным столом.

— Ой, хватит! — простонал Джеймс. — Заберите свою газетенку. Не видите? Я занят и не собираюсь тратить на вас все мое время. Пошел, пошел!

— Там есть много слоф, которые мне не знать, — терпеливо начал Адольф.

Джеймс в сердцах произнес одно из таких слов.

— Но есть слофо, — продолжил Адольф, — которое я знать очень хорошо: «Целофать!»

Джеймс взглянул на него. В диалоге непроизвольно образовалась пауза.

Двумя минутами позже урок английского был в разгаре.

В течение следующих двух недель Джеймсу пришлось убедиться в правдивости всего того, что ему довелось слышать о любви германцев к знанию. Английская молодежь тратит свое драгоценное время в лености и праздности, а вот немецкая — зря его не теряет. Особенно не терял времени Адольф, который все больше походил на репейник или рыбу-прилипалу. Каждый день, сразу после завтрака, как раз в то время, когда могла решиться литературная судьба Джеймса, если бы он имел хоть капельку покоя и уединения, дверь в его кабинет бесцеремонно распахивалась, и начинался урок.

Так больше продолжаться не могло. Последней каплей стала идея Адольфа включить в его учебное расписание вечерние лекции.

Джеймс, как вы уже знаете, имел привычку пропустить вместе с мистером Блатервиком чашечку-другую кофе. Ровно через две недели после злополучной беседы о поцелуях, уже у дверей мистера Блатервика, его поймал Адольф со своей вечерней газетой.

Что-нибудь должно было подсказать Адольфу, что момент выбран неверно. Начнем с того, что у Джеймса болела голова (нельзя безнаказанно

общаться с подрастающим поколением); кроме того, утренний урок полностью выбил из его головы просто гениальнейший замысел; и наконец, только что Виолетта передала ему его же собственные послания, не нашедшие должного понимания у редактора. Об этом Джеймс и думал, когда Адольф обратился к своему учителю.

— Прошу простить, — сказал Адольф, разворачивая газету. В глазах Джеймса появился недобрый огонек.

— Вот, — продолжил Адольф, — неперефотимая икра слоф Я ее не понимать.

Как раз в этот момент Джеймс и дал ему под зад. Адольф подпрыгнул, как испуганная серна.

— Са што…? — вскрикнул он.

Джеймсу уже было нечего терять, и он заехал Адольфу в ухо.

— Хо! — заметил студент, отпрыгивая назад. Затем он добавил пару слов на своем родном наречии и продолжил: — Ну, подошти! Герр Платерфик ошень опрадуется моя маленький история.

И убежал. Джеймс повернулся и отправился восстанавливать свою нервную систему неизменной чашечкой кофе.

Тем временем, склонившись у камина и пребывая в глубокой задумчивости, мистер Блатервик размышлял о нелегкой судьбе хозяина школы. Владелец Хароу Хауса был суровым человеком, таким, которые никогда не покидают рядов, даже если речь идет о борьбе с бакенбардами. У него был блуждающий взгляд, подразумевающее присутствие тела, но явное отсутствие духа. Мамаши, приводящие в первый раз своих сыновей в школу, замечали в этом отсутствующем взоре большую работу ума. «Голова! — говорили они. — Совершенно не знает отдыха. Говорит с тобой, а сам решает большие проблемы. Совсем как Гораций».

В настоящий момент его голова решала большую проблему, связанную с его шурином, Берти Бакстером. Чем больше он размышлял над эпохальными событиями его жизни, тем глубже входила в душу горечь. Берти был вымогателем по призванию. Наш век — век профессионалов, а Берти был специалистом по займам, и на этом поприще проявлял просто сверхъестественную изобретательность. Время было не властно над его талантом. Иногда он выбирал развязность, иногда — деликатность, которой мог убаюкать любого. Мистер Блатервик уже многие годы был для него дойной коровой. Как правило, хозяин Хароу Хауса расставался с деньгами сравнительно легко. Берти умел придать передаче денег нечто такое, что позволяло жертве думать о ней, как о не таком уж плохом вложении капитала. Но как только личный магнетизм

исчезал вслед за своим хозяином, его сменяли размышления. Им и предавался сейчас мистер Блатервик. Почему, спрашивал он себя со всей суровостью, он должен терпеть всяких Берти? Разве нет у Берти своего источника дохода? И вообще, кто такой…

В этот момент вошла Виолетта с послеобеденной чашкой кофе и почтой.

Писем было всего два. На одном из них он с негодованием заметил почерк своего шурина. Кровь застучала в его висках. Неужели этот тип решил, что теперь он сможет занимать по почте? Он разорвал конверт, оттуда выпорхнул чек на пять фунтов.

Это произвело на мистера Блатервика ошеломляющий эффект. То, что это письмо не содержало просьбы о деньгах, было само по себе удивительным, но то, что в нем к тому же был еще и чек на пять фунтов, было просто нереальным и фантастическим.

Он открыл второе письмо. Оно было коротким, но содержательным. Его автор, почтенный Чарльз Джей Пикервиль, в самых любезных словах и выражениях отзывался о его школе и выражал надежду, что мистер Блатервик сочтет возможным принять трех его сыновей, семи, девяти и одиннадцати лет соответственно. А порекомендовал ему эту замечательную школу не кто иной, как его друг, мистер Герберт Бакстер.

Первые чувства мистера Блатервика были смешанными. Сначала он испытал жгучие угрызения совести за то, что мог и в мыслях допустить несправедливость к этому святому человеку. Потом наступило что-то вроде восторга.

Виолетта стояла рядом, держа в руках поднос. Вначале взгляд мистера Блатервика упал на него, затем — на нее.

Надо сказать, что она была совершенно очаровательным созданием. От ее внимания не ускользнуло, что принесенные ею вести оказались добрыми, и, чувствуя почти личную ответственность, она улыбнулась мистеру Блатервику.

Блуждающий взгляд Блатервика остановился на Виолетте. Большая часть его сознания была уже в светлом будущем, тешась заботами о разросшейся до невероятных размеров школе, истинной Мекке для богатых родителей и эксцентричных миллионеров. Оставшейся части вполне хватало для того, чтобы понять, что он в великолепном расположении Духа и почему-то благодарен Виолетте. К сожалению, эта часть его сознания была все же слишком мала, чтобы вовремя предупредить его о неуместности, пусть даже и отеческого поцелуя, которым он незамедлительно одарил Виолетту, *ц* тут в комнату вошел

Джеймс Датчет.

Джеймс замялся в дверях. Виолетта, ничтоже сумняшеся передала ему чашку кофе и выпорхнула из кабинета, оставив немного напряженную атмосферу.

Мистер Блатервик осторожно кашлянул.

— Тучи. К дождю, наверное, — безмятежно начал Джеймс

— А?

— К дождю, говорю.

— А, да-да, — нашелся Блатервик. Они помолчали.

— Жаль, если дождь начнется, — продолжил тему Джеймс.

— Да, жаль будет. Они помолчали еще.

— Да… Датчет, — начал Блатервик.

— Я вас слушаю.

— Я… эээ… может быть… Джеймс был весь внимание.

— Еще сахарку?

— Спасибо, достаточно, — ответил Джеймс.

— Очень бы не хотелось, чтобы дождь пошел. На этом беседа замерла.

Джеймс отставил свою чашку.

— Мне надо кое-что написать. Я, пожалуй, пойду, — сообщил он.

— А? Прямо сейчас? — заметил Блатервик с облегчением. — Великолепная идея, великолепная.

— М-м-м, Датчет, — сказал мистер Блатервик на следующее утро.

— Да?

С самого утра он испытывал только теплые и приятные чувства. Солнце выглянуло из-за туч, а в одном из пришедших конвертов оказалось письмо редактора, в котором говорилось, что он с радостью возьмет рассказ, если будет подправлен абзац, помеченный галочкой.

— К сожалению, мне пришлось расстаться с Адольфом, — сказал мистер Блатервик. — Представляете, он пришел ко мне в кабинет с чудовищной, нелепой клеветой, о которой нет смысла распространяться.

Джеймс немного обиделся. Нехорошо все-таки выкармливать кровососов!

— Ай-я-яй! — сказал он. — И это после моих уроков, которые я давал ему каждый день! Никакой благодарности у этих иностранцев, — заметил он философски.

— Поэтому я и был вынужден… — продолжил мистер Блатервик.

Джеймс понимающе кивнул.

— А вы слышали что-нибудь о Западной Австралии? — спросил он, меняя тему. — Замечательная страна, мне говорили. Я даже думал туда

поехать.

— В самом деле?

— Но изменил свои планы.

СЭР АГРАВЕЙН, РЫЦАРЬ КРУГЛОГО СТОЛА

Однажды, гостя в старинном замке у своего друга, герцога, фамилия которого уходит слишком далеко в древность, чтобы дать хоть какой-то шанс произнести ее правильно, я случайно нашел старинный манускрипт, написанный готическим шрифтом. Он и послужил основой той истории, которую я собираюсь вам предложить.

Мне, правда, пришлось ее немного подправить, так как авторы в те стародавние времена были слабо знакомы с законами композиции. Они старались набрать побольше воздуху и пробубнить все до конца, не размениваясь на остановки и диалоги.

Кроме того, я немного сократил название. В оригинале оно звучало так: «История, рассказанная монахом Амвросием о том, как случилось, что добрый рыцарь Круглого стола сэр Агравейн Печальный отправился на спасение прекрасной дамы и после многотрудного путешествия и преодоления многих напастей получил ее сердце и руку и жил с ней долго и счастливо».

Сказано, конечно, коротко и ясно, для того времени — в самый раз, но сейчас, в наши дни, у нас уж больно строги стандарты. Словом, ярд-другой мне пришлось отрезать.

Итак, мы можем начать.

Большой турнир был в полном разгаре. Весь день рыцари, разгоряченные взаимными обещаниями, бросались друг другу на пики к пущему удовольствию публики. Глаза сверкали, платки взмывали в воздух, зычные голоса глашатаев призывали фаворитов расправиться со своими мускулистыми противниками. Галерка неистовствовала, ближе к арене слышались выкрики торговцев, предлагавших программки турнира и прохладительное. Шум и веселье царили в округе.

По толпе пробежал шепот, и она замерла. На противоположных концах арены появились всадники в полном вооружении.

Герольд поднял руку.

— Леди и джентльмены! Галахад Воинственный и Агравейн Печальный. Галахад — в правом от меня углу, Агравейн — в левом. Оруженосцев просим покинуть арену.

Кто-то попытался предложить один к шести на Галахада, но не нашел желающих. И осторожность эта была не без причины.

Мгновением позже двое всадников встретились посередине ринга. Из

клубов пыли с металлическим лязгом на землю упал сэр Агравейн.

Он собрал себя, поднял и заковылял со сцены. Для него это не было необычным. По правде говоря, всю свою турнирную карьеру он только этим и занимался.

Правда была в том, что сэр Агравейн Печальный был не приспособлен для рыцарской жизни, и это знал. Такое знание и придавало ему тот оттенок меланхоличности, из-за которого он получил свой титул.

До той поры, пока ко мне в руки не попал этот манускрипт, я думал (полагаю, как и все остальные), что любой рыцарь Круглого стола был образцом красоты и силы. У Мэлори вы не найдете ничего, что бы опровергало эту теорию (у Теннисона — тоже). Но, по всей видимости, за Круглым столом бывали исключения, и сэр Агравейн Печальный был из них главным.

Казалось, положение его безнадежно. В этом мире есть место некрасивым и сильным; найдется место и слабым, но красивым. А если уж вам не повезло ни с первым, ни со вторым, приходится полагаться на собственные мозги. Во времена короля Артура они не применялись в домашнем хозяйстве, и спрос на них был совсем вялым. Агравейн был умнее, чем большинство его современников, но роста он был невысокого, три ускоренных курса по бодибилдингу заметных результатов не дали, в общем — с мускулами у него было плохо. Глаза у него были мягкие и кроткие, нос — вздернут подбородок остро выступал из-под нижней губы, как будто Природу во время работы над его лицом кто-то срочно отвлек, и ей пришлось долепливать в спешке. Выступающие верхние зубы довершали картину, придавая ему сходство с испуганным кроликом.

Немудрено, что с такими достоинствами он чувствовал себя за Круглым столом печально и одиноко. В сердце своем он тосковал по романтике, но романтика его сторонилась. Леди при дворе просто его не замечали. Девы в беде, которые периодически забредали в Камелот, жалуясь на драконов или великанов, испрашивали у короля, не отправит ли он с ними доблестного рыцаря (примерно так сейчас вызывают полисмена). Но даже с ними у него не было ни одного шанса. Выбор обычно падал на Ланселота или другого любимца публики.

За турниром следовал пир, куда все и пошли. Пир был веселый и оживленный. Прекрасные дамы, доблестные рыцари, слуги, оруженосцы, охрана и местные жулики — все от души развлекались; все, кроме Агравейна. Он сидел в молчаливой задумчивости, не обращая внимания на насмешки. И когда его сосед, сэр Кэй, обратился к нему за поддержкой в

споре о том, что сэр Гейн, может быть, и хорош в среднем весе, но слабоват на прямой удар, он не ответил, хотя по этому поводу у Агравейна была своя точка зрения.

Тут в залу вошел воин.

— Ваше величество, — вскричал он, — дама в беде!

По залу прошло бормотание, и все заметно оживились.

— Пусть войдет, — просияв, молвил король.

Воин удалился. Рыцари за столом стали охорашиваться и подкручивать усы, лишь один Агравейн оставался безучастным. Ему случалось видеть это и раньше. Вся его манера красноречиво говорила: «А что толку?»

Толпа у дверей расступилась, и в зал вошла дама, при виде которой благородные рыцари побледнели от досады, ибо незнакомка была исключительно неприметной. Возможно, это вообще была единственная обычная девушка, которую они повстречали за всю свою жизнь, потому что никаких упоминаний о других обычных девушках в летописях не найдено.

Рыцари смотрели на нее несколько рассеянно, ибо то были времена, когда тысяча клинков была готова в одно мгновение встать на зашиту беззащитной девы, с одним условием, — если эта дева прекрасна. Настоящий образец немного отличался от идеала, и поэтому никто из них толком не знал, что же именно предусмотрено для подобных случаев.

Наконец король прервал неловкое молчание.

— Э-э? — сказал он. Дама заколебалась.

— Ваше величество, — вскричала она, — я в беде! Помогите!

— Мы так и поняли, — ответил король, беспокойно оглядывая ряды смущенных рыцарей, — А в чем собственно… эээ… проблема? Каждый из моих доблестных рыцарей готов… эээ… встать на защиту дамы, — закончил он, умоляюще взирая на соратников.

Как правило, такая речь служила естественным сигналом для оваций, но в этот раз стояла гробовая тишина.

— Готов и рад, — добавил король, чтобы заполнить паузу. — Это уж смею вас уверить. Так вы говорили?..

— Я — Ивонна, дочь графа Дорма с Холмов, — сказала девица, — и мой отец послал меня просить защиты рыцаря от свирепого дракона, который опустошает наши окрестности.

— Дракон, джентльмены, — объявил король. Обычно это срабатывало. В те времена разобраться с драконом умел любой рыцарь, но на этот раз никто не шелохнулся.

— Свирепый, — добавил он. Ответом было молчание.

Король решил перейти к личным обращениям:

— Сэр Гейн, наше собрание будет благодарно, если вы… Сэр Гейн сказал, что он как раз сегодня растянул связки.

— Сэр Пеллис…

Голос короля упал от неожиданной досады. Такого с ним еще не бывало.

Сэр Пеллис сказал, что ему мешает вросший ноготь.

Король с огорчением продолжил осмотр стола. Внезапно взор его просветлел.

Из-за стола поднимался рыцарь. Это был Агравейн.

— О! — только и произнес король.

Сэр Агравейн невольно сглотнул слюну. Он нервничал, и нервничал так, как никогда еще в этой жизни. Ни разу не ходил он на такие задания, и он волновался как маленький мальчик, собравшийся первый раз в жизни прочитать вслух стихи.

Его смущало не только то, что на него смотрели все, кроме одноглазого сэра Балина, который получил соответствующее повреждение на прошедшем турнире, но и то, что Ивонна, когда он поймал ее взгляд, явственно нахмурилась. Он тихо застонал. Эта леди, подумал он, хочет первоклассного товара или никакого вовсе. Возможно, ей не удастся заполучить Ланселота или Галахада, но она не собирается довольствоваться половиной порции.

Дело в том, что сэр Агравейн влюбился в нее с первого взгляда, с первой секунды. Для других она казалась заурядной и непривлекательной, для него — была Королевой Красоты. Его удивляла реакция остальных рыцарей. Он предполагал, что будет настоящая потасовка за эту сказочную привилегию, и был поистине озадачен, заметив, что из присутствующих встал только он.

— Это, — сказал король девице, — сэр Агравейн Печальный. Вы принимаете его защиту и покровительство?

Агравейн затаил дыхание, но все было в порядке — девица учтиво поклонилась.

— Тогда, Агравейн, — сказал король, — лучше не откладывать. Полагаю, дело срочное, время не ждет, и драконы, э… а… тоже.

Десять минут спустя Агравейн и его дама были в пути.

Первое время они ехали молча. Дама была погружена в размышления, а в голове у Агравейна проносился целый вихрь идей, который кружился вокруг основной мысли, заключавшейся в том, что он, сохнувший по

романтике, эту романтику сполна получил.

Дракон! Да к тому же свирепый. Абсолютно ли он уверен, что сможет урегулировать проблему? Конечно, хорошо в таких случаях иметь предварительный опыт, но думать об этом поздно. По дороге у него даже возникла идея заехать к мудрому Мерлину и получить магическую настойку против драконьих укусов, но кто знает, кусаются ли драконы? Может быть, они только дышат огнем или оглушают рыцарей хвостом?

Таких опасений были десятки. Ему, конечно, не следовало уезжать так опрометчиво, не вооружившись подходящими знаниями. Он уже был готов объявить, что только что вспомнил о совершенно неотложном деле, но, взглянув на даму своего сердца, отмел все сомнения. В конце концов, что такое смерть по сравнению с рыцарским долгом?

Он осторожно кашлянул и вывел даму из задумчивости, осведомившись:

— Едем к дракону?

— Ужасное создание, сэр рыцарь, — отвечала она. — Дышит огнем, не дает никому покоя.

— В самом деле? — посочувствовал Агравейн. — А какого он… э-э… размера?

— Сам он толще, чем десять самых толстых деревьев, а голова достает до небес.

— Не может быть! — задумчиво сказал Агравейн, и добавил. — Хм…

— О, сэр, прошу вас, будьте осторожны!

— Буду, — ответил рыцарь, и редко когда он был так уверен в своих клятвах. Будущее казалось ему исключительно мрачным. Все призрачные надежды на то, что данный дракон окажется сравнительно небольшим и вполне безобидным, испарились. Да, это не какой-нибудь там рахитичный дракончик! Подумать только, с десять деревьев! И огнем дышит… Скорее всего, не удастся испортить ему желудок. Проглотит как соленый орех.

По ходу их разговора на горизонте появилось серое пятно.

— Взгляните! — сказала дама. — Это замок моего отца. Вскоре они въехали по подвесному мосту в массивные ворота, которые с лязгом за ними захлопнулись.

Пока они спешивались, навстречу к ним вышел незнакомец.

— Отец, — сказала Ивонна, — разреши представить тебе доброго рыцаря сэра Агравейна, который любезно согласился…

Агравейну показалось, что она немного колеблется.

— Потягаться с драконом? — подсказал отец. — Замечательно! Входите, входите!

Граф Дорм был невысокий пожилой человек, как показалось Агравейну, — с заговорщицкими наклонностями. У него были близко посаженные глаза и переслащенная улыбка. Даже Агравейн, который был настроен любить, по мере возможности, всю семью Ивонны, испытывал к нему антипатию. Конечно, под личиной мошенника типа «похититель болонок» могло скрываться золотое сердце, но сам его внешний вид приливу симпатий не способствовал.

— Очень хорошо, с вашей стороны… — начал граф.

— Что вы, что вы! — откликнулся рыцарь. — Я слышал, у вас здесь дракон.

— Да, есть такая напасть, — согласился хозяин. — Но мы все обсудим за ужином.

В те времена в хороших домах Англии всех усаживали за один стол. На самых почетных местах сидели гости, далее шли места хозяев, а прислуге оставалось сидеть на сквозняке у дверей.

Свита у графа Дорма была небольшой, но свои количественные недостатки она с лихвой заменяла качественными достоинствами. Ни с одним, кто сидел с дальней стороны стола, Агравейн не пожелал бы встретиться в темном парке. Особенно выделялся субъект, с которым он согласился бы встретиться только в том случае, если на его стороне будет дракон, и не самый мелкий.

Голос хозяина вывел его из задумчивости:

— Надеюсь, вы не устали после путешествия, сэр Агравейн? Моя дочурка вам не докучала? Мы здесь народ тихий, как церковные мыши, но постараемся сделать ваш визит увлекательным.

Агравейн считал, что по части развлечений с него хватит и дракона, о чем не замедлил упомянуть.

— Ах, да, дракон, — сказал граф Дорм, — Совсем про него забыл. Надо будет обсудить этот вопрос, но не сейчас, позже.

Его взгляд встретился со взглядом Агравейна, и он улыбнулся слабой, неискренней улыбкой. Тут рыцарь поймал себя на мысли, что что-то нечисто с этим замком и его обитателями. Постепенно к нему стала приходить уверенность, что вокруг него плетутся интриги, расставляются сети, ведется нечистая игра… короче, — он становится жертвой коварного заговора.

В воздухе ощущалась зловещая таинственность, которая действовала ему на нервы. Когда злобный дракон мародерствует в округе, и рыцарям Круглого стола посылают сигнал бедствия, каждый вправе полагать, что проблема мерзкой рептилии станет пунктом номер один. Но в поведении

хозяина явно просматривалась тенденция обойти этот вопрос. Как только заходила речь о драконах, он сразу становился каким-то скользким и обтекаемым. Это было в высшей степени странно, и напоминало звонок в полицейский участок с единственной целью — обсудить результаты футбольного матча.

По телу Агравейна разлилась волна недоверия. Ему живо вспомнились рассказы о разбойниках, которые заманивают простодушных рыцарей в замки и держат их там, а честной народ, нервно подбадриваемый друзьями потерпевшего, скидывается по кругу на выкуп. Не это ли его случай? Манеры и улыбка хозяина могли бы удовлетворить любой состав присяжных, и те единодушно вынесли бы ему обвинительный приговор, не покидая зала суда. С другой стороны, он — отец Ивонны. Разум сэра Агравейна отказывался записывать такую девушку в его сообщницы.

Конечно, у графа Дорма просто не совсем удачная манера или же он страдает каким-нибудь лицевым тиком, придающим его улыбке двусмысленное значение…

Как бы там ни было, Агравейн высказал твердое намерение не расставаться с доспехами и мечом, когда граф беспечно предложил отдать их слугам для полировки. Рыцаря смутило, что он не стал на этом настаивать.

Рассматривая предмет с философской точки зрения, сэр Агравейн понимал, что на самом деле его вооружение большого значения не имеет. Для громил из свиты его меч не опаснее зубочистки.

И он продолжил трапезу, полный дурных предчувствий.

Трапеза эта была обстоятельной, не перекус на работе. Начавшись рано, она закончилась в те часы, когда Агравейну уже хотелось спать.

Его комната была на самом верху восточной башни. Она ему понравилась, хотя, на критичный взгляд, слишком уж толсты решетки. Дверь была добротная, дубовая, прошитая железными скобами, а на окне темнел занятный узор из массивных железных прутьев.

Только Агравейн закончил тщательный осмотр, как в комнату вошла Ивонна, бледная и запыхавшаяся.

— Бегите! — прошептала она.

Если бы вам довелось провести ночь в мрачном замке, принадлежащем совершенно незнакомому человеку с бегающими глазками и приторной улыбкой, а зайдя к себе в номер, вы обнаружили бы крепкую дверь и окно с металлическим узором, и сразу после вашего открытия к вам забежала бы бледная и запыхавшаяся девушка, шепча «Бегите», вам бы это показалось немного странным. Показалось это странным и Агравейну.

— А? — сказал он.

— Бегите! — повторила она. — Бегите, сэр рыцарь!

В коридоре послышались шаги. Девушка испуганно оглянулась.

— Что здесь происходит?

В полумраке коридора показался граф Дорм. В его голосе слышались неприятные нотки.

— Ваша дочь зашла сказать, что завтрак будет… — начал Агравейн.

Фраза осталась незаконченной. Резким движением граф захлопнул дверь прямо перед его носом. С другой стороны послышался лязг ключей и скрежет засова. Он оказался в ловушке.

Тем временем снаружи граф схватил свою дочь за руку и в отеческом тоне устроил ей небольшой допрос:

— Что ты ему сказала? Ивонна не дрогнула.

— Я уговаривала его бежать.

— Если он захочет покинуть этот замок, — мрачно заметил граф, — он его покинет.

— Отец, я не могу!..

— Чего это ты не можешь?

— Не могу.

Он крепче сжал ее руку. С другой стороны двери слышались приглушенные удары по мореному дубу.

— Да? — сказал граф' Дорм. — Не можешь? Хорошо, а теперь послушай. Никуда ты не денешься. Конечно, жаль, что не нашлось когонибудь получше…

— Отец, я люблю его.

Он отпустил ее руку и озадаченно взглянул на нее в неровном свете факелов.

— Любишь?

— Да.

— М-дэ… Ну хорошо. Не поймешь этих женщин! — заключил он и отправился вниз по лестнице.

Пока проходили эти загадочные переговоры, Агравейн, поняв всю обоснованность своих опасений, колотил в дверь. Несколькими минутами позже он осознал, что дверь не разломает, и сел на кровать, чтобы обдумать положение.

Не имея намерения обманывать уважаемого читателя, скажем, что главной его эмоцией было несказанное облегчение. Все говорило в пользу той теории, что никакого дракона нет, и ему не надо страдать, ибо он никогда не боролся с чудовищами, имеющими привычку пожирать

неудачливых рыцарей. Вся эта затея не нравилась ему с самого начала. Хотя он и был готов к испытанию, но мысль о его отмене ему понравилась.

Внимание его обратилось к неопределенному будущему. Это заключение могло означать одно — финансовые потери. Но он был богат, и это его не беспокоило. Когда ситуация переходит в чисто деловые рамки, всегда есть возможность договориться.

Как и подобает истинному философу, он решил, что дальше сидеть не стоит, и спокойно лег спать.

Когда солнце уже пробивалось сквозь оконную решетку, его разбудило появление великана, принесшего ему завтрак.

Он различил в нем одного из громил, сидевших вечером на другом краю стола. Вся его внешность — густая рыжая шевелюра, мохнатые брови, сильно косящие глаза — говорила о том, что ее обладателю вообще нет необходимости разговаривать. На все попытки завязать беседу он отвечал только ворчанием и вскоре покинул комнату, закрыв за собой дверь.

Вечером его заменил другой, примерно такого же размера и такого же уродства. Все его отличие заключалось в том, что он даже не ворчал.

Приятная беседа, судя по всему, была не в ходу у слуг этого замка. Следующий день прошел без инцидентов. С утра еду принес рыжий ворчун, вечером — рыжий молчун. Жизнь текла мирно, но несколько однообразно. Вскоре Агравейн пришел к заключению, что было бы неплохо ее немного разнообразить.

И ему это, кажется, удалось.

Он уже собрался заснуть, как за дверью послышались сердитые голоса, и он напряг внимание. По-видимому, происходило что-то странное.

Наконец ему удалось разобрать слова:

— С кем я видел тебя на дороге?

— С кем ты видел меня на дороге?

— Кто это с тобой шел?

— А кто с тобой шел?

— А почему со мной кто-то шел?

— А почему со мной кто-то шел?

Значение всех этих фраз осталось для Агравейна полной загадкой. На самом деле, ему посчастливилось услышать первый разговор, положивший начало последующему расцвету мюзик-холла. Многие годы спустя схожие строки стали известны всей Великобритании, от столицы до самых глубин, но в те времена диалог остался незамеченным.

Голоса становились все громче, и посвященному слушателю было бы

понятно, что скоро в ход пойдут кинжалы, эти неуклюжие предшественники полицейских дубинок. Но для Агравейна, в этих делах неопытного, последующие события явились полной неожиданностью. Сначала он услышал звук приглушенного падения, затем шаркающие звуки, стоны и, наконец, тишину.

После этого, к своему удивлению, послышался лязг отпираемого засова.

Дверь распахнулась, и в проеме показалась женская фигура, а за нею бесформенная масса, в которой он верно опознал останки своих тюремщиков.

— Это я, Ивонна, — сказал женский голос.

— Что случилось?

— Я их перессорила. Они такие ревнивые… Я им просто сказала… и вот, пожалуйста!

Она взглянула на груду тел и невольно поежилась. Агравейн понимающе кивнул.

— Жаль, что кухарка останется без жениха.

— Мне все равно. Я сделала это для вас. Идемте. Мы теряем время. Я вас спасу.

Человек, запертый на два дня в маленьком помещении, охотно принимает приглашение размять свои кости. Он молча проследовал за ней, и под покровом темноты они вместе прокрались до зала. Откуда-то доносились голоса слуг.

Ивонна тихо открыла маленькую дверцу, и, пройдя в нее, Агравейн обнаружил, что они у стен замка.

— Прощайте, — сказала Ивонна.

Наступила заминка. Агравейн счел необходимым проанализировать ситуацию. С одной стороны, он был рад оказаться на свободе, с другой — он расставался с Ивонной.

Он взглянул на небо, на стены, и шагнул обратно.

— Я не уверен, что хочу уходить, — сказал он.

— О! Беги, сэр рыцарь! Беги! — вскричала она.

— Ты не поняла, — решил объясниться рыцарь. — Я не хочу сказать ничего дурного о твоем отце, но мне показалось, что… говоря без предрассудков… короче, речь шла о выкупе? Ну что ж, я вполне способен…

— О нет! — сказала она дрожащим голосом. — Ему не нужен выкуп.

— Он что, просто любит похищать?

— Нет-нет… я не могу об этом говорить. Беги!

— Да почему?

Она замолчала, потом, решившись, быстро начала:

— Что ж, я скажу. Слушай. У моего отца шесть детей, и все — дочери. Мы бедны, и всю нашу жизнь нам придется провести в этом захолустье. Не имея возможности выдать нас замуж, отец впал в отчаяние. Потом он сказал: «Если гора не идет к Магомету, Магомет идет к горе». Мою старшую сестру он послал в Камелот просить помощи от трехголового великана. Никакого великана, конечно, не было, но она получила сэра Саграмора. Он, должно быть, был известен при дворе?

Агравейн кивнул.

— Моя старшая сестра очень красивая. В первый же день сэр Саграмор напрочь забыл о великанах. Его больше интересовали котята, которые резвились у нее на коленях. А через два месяца справили свадьбу. Потом отец послал мою сестру Элину просить защиты от единорога.

— Кто же выпал ей?

— Сэр Малибран из Девона. Они поженились через три недели, и мой отец… нет, не могу продолжать. Все и так понятно.

— Основную идею я понял, но в моем случае…

— Ты должен был жениться на мне, — тихо проговорила она, но губы ее дрожали.

Агравейн почувствовал тупую боль в сердце. Он знал, что его мечтам не суждено сбыться, но еще не имел тому подтверждений. Сейчас все стало ясно.

— И ты, конечно, поспешила от меня избавиться… Я так и думал. Ну что ж, я не тщеславен. Прощай.

Он повернулся, но она громко вскрикнула:

— Ведь я же тебя спасаю!

— Спасаешь? Я полюбил тебя, как только увидел. У нее захватило дыхание.

Они взглянули друг другу в глаза при свете звезд, и она обняла его.

— Агравейн!

Он заключил ее в объятия. Для новичка у него получилось очень даже неплохо.

Шесть месяцев спустя Агравейн, заехав в лес, решил зайти к мудрецу.

В те дни почти каждый, кто не был полным идиотом, мог устроиться мудрецом. Для этого было необходимо жить в лесу и отрастить большую белую бороду. Мудрец, к которому обратился Агравейн, по какому-то чудесному совпадению, действительно обладал кое-каким здравым

смыслом. Он внимательно выслушал историю рыцаря.

— Это так меня озадачило, — говорил тот, — что я решил получить консультацию квалифицированного специалиста. Взгляните на меня. Что вы думаете о моей внешности? Не бойтесь, говорите. Правда, я самый уродливый человек в Англии?

— Ну, может быть, не стоит так преувеличивать? — вежливо заметил мудрец.

— Да все так думают. Все, кроме моей жены. Она говорит, что я красавец. Вы знаете Ланселота? Она говорит, что он со мной и рядом не стоял. Что вы на это скажете? И вот еще: для меня совершенно очевидно, что моя жена — одно из самых красивых существ на земле. Я видел многих при дворе, и скажу вам, она им не чета, но сама почему-то себя не ценит. Что вы на это скажете?

Мудрец погладил седую бороду.

— Сын мой, — начал он, — все очень просто. Настоящая любовь слепа, она не обращает внимания на мелочи.

— В самом деле?

— Вы — родственные души. Поэтому то, что снаружи, не так уж и важно. Настоящая любовь — волшебница, посильнее, чем Мерлин. Она играет странные шутки с человеческим зрением.

— Это да.

— Или скажем так: любовь — великий скульптор. Она берет глину и создает из нее божественные создания.

— Кажется, я понял.

Но мудрец только начал расходиться:

— Или возьмем, к примеру…

— Я понял. Я, пожалуй, пойду. Жена будет ждать к обеду, — поспешил попрощаться Агравейн.

— Мы можем представить ее как…

— Да, да, да. Прощайте. Мудрец обреченно вздохнул.

— Всего хорошего, сэр рыцарь, — сказал он. — И не забудь оплатить мне по счету.

Агравейн вскочил в седло и. поскакал, дивясь чудесам, которые мы порой встречаем в жизни.

В ОТЕЛЕ «АЛЬКАЛА»

1

В «Алькала», как и во многих других нью-йоркских гостиницах, распределение цен на номера очень напоминает плохо скрученную сигару — слишком толсто посередине и слишком узко на концах. Комнаты на средних этажах очень дороги, настолько дороги, как будто золотой век не ушел безвозвратно, а задержался как раз посреди гостиницы. Номера ближе к чердаку — дешевле; еще дешевле номера на первом этаже.

В самых дешевых номерах и гостиная, и прихожая, и спальня — в одном месте. Один из таких номеров был совсем уж непритязателен: кресло, еще одно кресло, протертый половик, кровать, сильно напоминающая раскладушку. Вероятно, эта кровать годами мечтала стать полкой для книг, но дальше раскладушки ей продвинуться не удаюсь. Был еще и стол общего назначения, залитый тут и там чернилами. Именно за ним ночь за ночью Максвел Резерфорд писал свои рассказы. Иногда у него получалось то, что не стыдно показать миру.

Максвел Резерфорд был англичанином и младшим сыном англичанина. Его удел не отличался ничем от удела младшего сына в любой другой стране. Свою карьеру он начал как один из многочисленных служащих Нового Азиатского Банка, распространившего свои филиалы по всему миру. Учреждение было действительно солидным, и Макси оставалось лишь принимать поздравления родственников, которые справедливо считали большой удачей получить такое место. Однако сам он не разделял их точки зрения. Как ни солидна, как ни престижна была его должность, в ней было слишком мало романтики. И если уж быть до конца откровенными, место было не особенно прибыльным. Макси получал крохи. Таковы были его перспективы, если бы он решил остаться в банке. Но в очень скором времени он уяснил для себя одну простую вещь — в банке он надолго не останется, а выйдя из него, смело ступит на тернистый путь литературы.

Макси научился радоваться даже тому, что посылала ему судьба, которая его не баловала, но так или иначе, он все-таки был в Нью-Йорке, где иногда что-то происходит. Уж точно, в Нью-Йорке у него было больше шансов, чем в его родном местечке, которое и обозначено-то не на всех

картах. Проигрывал ли он, или ему улыбалась удача, с уверенностью можно сказать одно — он был на ринге, и он был готов драться. Именно поэтому каждую ночь он сидел за письменным столом и писал. Иногда он только пытался, и тогда он испытывал настоящие муки.

Вы не найдете такого часа, когда этот отель полностью погружен в сон. Даже ночью слышатся голоса танцовщиц, репортеров и других ночных пташек. Лежа в кровати, Макси слышал их шаги по коридору и с некоторым временем настолько привык, что ждал их как что-то привычное, то, что, казалось, могло связать его с внешним миром. Но для них он оставался невидимым, как только уходил к себе в номер. Он был абсолютно один в самом сердце великого города. Иногда он улавливал обрывки бесед, иногда до него доносилось чье-то имя. Он взял себе в привычку придумывать характеры и судьбы к этим случайно подслушанным именам. Одно имя, Пегги, доставляло особенно много пищи для фантазии. Он представлял ее веселой и бойкой. Проходя мимо его двери, она всегда что-то напевала. Она пела и в первый раз, когда он только услышал ее имя. «Пегги, перестань! — послышался девичий голос. — Разве тебе еще не надоела эта мелодия там, в театре?» Макси почувствовал, что ему было бы интересно взглянуть на эту Пегги.

Пришел июнь, а за ним и июль, превращая Нью-Йорк в настоящую духовку и стирая границу между дневным и ночным зноем. В такие дни Резерфорду казалось, что его ручка наливается свинцом. Он потягивал воду со льдом и сидел в легкой рубашке, заполняя листы бумаги с молчаливым упорством, которое даже погода не могла из него вытравить. Несмотря на жару, он пребывал в бодром расположении духа. Жизнь начинала идти в нужном направлении. Небольшую новеллу, написанную, когда термометр еще не зашкаливало и голова была ясная, наконец, принял журнал, выгодно отличавшийся от тех, которые до сей поры были благосклонны к его рассказам. Его стали одолевать мечты о целом дне, проведенном в лесу. Повсюду витал этот загородный дух. Отель освобождался от своих обитателей. Еще немного, и Макси был готов присоединиться к толпе отдыхающих.

Он настолько погрузился в размышления, что не услышал стука в дверь. Это был очень требовательный и громкий стук, требующий незамедлительного внимания. Он встал из-за стола и направился к двери.

На пороге стояла высокая девушка с темными глазами. На ней были шляпка и платье, которые, несомненно, призваны, скажем так, агрессивно привлекать внимание. Мысли о том, какую марку духов она использована, оставляли большое поле для догадок.

Ее взгляд, остановившийся на Макси, ни о чем не говорил. Как у старинных призраков, ее глаза чувств не выражали. Макси вопросительно посмотрел на гостью, подспудно сознавая, что он одет по-домашнему.

— Вы стучали? — спросил он, начиная разговор, как и любой мужчина, с этого глупого, но неизбежного вопроса.

Видение заговорило:

— Эй, закурить не найдется?

— Боюсь, у меня нет сигарет, — извинился Резерфорд. — Вообше-то я курю трубку. Вы уж простите.

— Что? — переспросил призрак.

— Боюсь, у меня нет.

— О! — произнесла гостья. — Сигаретой не угостишь? Интеллектуальность беседы стала переходить грань его восприятия. В сочетании с удушающей жарой нью-йоркской ночи это произвело свой эффект, и голова у Макси поплыла.

Незваная гостья воспользовалась его замешательством и прошла в комнату. Добравшись до стола, она занялась тем, что на нем было. Особенно ее заворожила ручка. Она подняла ее и подвергла тщательнейшему осмотру.

— Это что у тебя? — спросила она.

— Ручка, — сказал он не без искательности. — Перо.

— О! — гостья опять сделала паузу. — Закурить не найдется?

Одной рукой Макси нащупал спинку стула, другой — вспотевший лоб. Он был в агонии.

В этот момент, как полагается — самый последний, пришло спасение. Послышались быстрые шаги по коридору, и на пороге появилась вторая девушка.

— Глэдис, чем это ты здесь занимаешься? — строго спросила она. — Это не дело! Нельзя входить в чужие двери и приставать к незнакомым. Кто тут живет?

— Максвел, — сообщил он. — Максвел Резерфорд.

— Чего тебе, Пегги? — произнесла охотница за сигаретами, в небрежной манере роняя манускрипт на пол.

Резерфорд с интересом посмотрел на пришедшую девушку. Она была хрупкая и стройная. Как раз такая, какую он себе и представлял. Платье, в отличие от одежд ее подруги, было простое. Из-под шляпки глядело небольшое, аккуратное личико с вздернутым носиком, гордым подбородком и немного большим ртом, предполагающим, что у человека — хорошее настроение. Серые глаза смотрели прямо и спокойно в его

глаза, прежде чем перейти к статуэтке на столе.

— Не балуйся с чужой чернильницей, Глэдис. Пошли спать.

— Эй, а закурить?

— Пошли наверх, там закуришь.

Первая гостья проявила пример полного послушания и молча направилась к выходу. На пороге она остановилась и осмотрела Макси придирчивым взглядом.

— Пока, лапочка, — попрощалась она с нескрываемым пренебрежением.

— Всего хорошего, — ответил Резерфорд.

— Приятно было познакомиться, — сказала Пегги.

— Спокойной ночи, — сказал он.

— Спокойной ночи.

— Пошли, Глэдис, — твердо произнесла Пегги. И Глэдис пошла.

Макси присел на кровать и промокнул салфеткой лоб. Его немного качало. Он не привык к посетителям.

2

Он закурил трубку и только присел прочитать черновой вариант, когда в дверь опять постучали. На этот раз он действовал быстро, поскольку находился в том состоянии, когда реагируешь на малейший шорох.

— Входите, — крикнул он. Это была Пегги.

Увидев ее, он вскочил на ноги.

— Не хотите ли… — начал он, выдвигая кресло.

Она подошла и элегантно присела на краешек стола. На ней уже не было той шляпки, и Макси должен был признать, что эта перемена — к лучшему.

— Да ничего, я здесь присяду, — ответила она. — Я думала, надо зайти, извиниться за Глэдис. Это на нее так жара плохо действует.

— Да, жарко, — подтвердил Макси.

— И вы заметили? Великолепно! Дедукция, достойная Шерлока Холмса! Она при вас застрелиться не пробовала?

— Господи, что вы!

— Она уже пыталась однажды, но я стащила у нее пистолет, а достать другой не хватило сообразительности. Она хорошая девушка, но иногда на нее находит. Когда погода жаркая. — Она окинула взором комнату и остановила его на Макси. — Как вы сказали, вас зовут?

— Максвел Резерфорд.

— Да ну! С таким прозванием непросто, а? Попробуем немного урезать. Подло называть беззащитное создание таким именем. Как это? Резерфорд? Да, не позавидуешь! А других имен у вас случайно нет? Том или Чарли или что-нибудь в этом духе?

— Боюсь, что нет. Ее глаза опять остановились на нем.

— Я буду звать вас Джордж.

— Спасибо, очень приятно.

— Значит, Джордж? А вы меня зовите Пегги. Пегги Нортон, если уж точно.

— Спасибо, с удовольствием.

— А вы случайно не англичанин? — спросила она.

— А как вы догадались?

— Уж больно вежливый. Все эти «спасибо»… Нет, я не против…

— Спасибо… ой, прошу прощения. Я хотел сказать: «Хорошо, Пегги».

Она с любопытством посмотрела на него.

— Как вам Нью-Йорк?

— Замечательный… по вечерам.

— На Кони-Айленде были?

— Нет еще.

— Я так и думала. А чем здесь занимаетесь?

— Чем занимаюсь?

— Джордж! Прекратите повторять вслед за мной! Мы не водевиль репетируем. Чем вы занимаетесь? Когда ваш босс дает конверт, что он имеет в виду?

— Я — в банке.

— Вам это нравится?

— Ну, нет!

— А почему тогда не уйти?

— Не могу себе этого позволить. Платят, правда, мало, но все же…

— А почему вы не спите в такой поздний час? Работой завалили?

— Нет. Они, конечно, рады бы, но пока не могут. Я пишу.

— Пишете? Вы не против, что я вас немного поспрашивала? Если не нравится, перейду на погоду.

— Ни в малейшей степени! Пожалуйста, пожалуйста, спрашивайте, сколько хотите!

— Джордж, ни у кого уже нет сомнений, что вы англичанин. У нас здесь слишком мало времени, чтобы так изъясняться. Если бы вы просто сказали: «Валяй», мне бы вполне хватило. Ничего, что я вас немного

поучаю, Джордж? Это для вашей же пользы.

— Валяй, — ухмыльнулся Макси. Она одобрительно улыбнулась.

— Так-то лучше. А ты способный ученик! О чем это мы беседовали, перед тем как свернуть на образовательные рельсы? Вспомнила! Ты говорил, что пишешь. А что именно?

— Рассказ.

— Для газеты?

— Для журнала.

— Ого! Одна из тех историй, где герой спасает прекрасную Девушку?

— Приблизительно.

В ее глазах вспыхнул новый интерес.

— Вот те на! Кто бы мог подумать! Прям, как знаменитость какая-то! Тебе надо табличку на дверь повесить! А выглядишь совсем по-простому.

— Спасибо…

— Да нет, Джордж, я имела в виду манеру. А выглядишь ты неплохо, глаза у тебя добрые.

— Спасибо.

— И нос ничего.

— Спасибо.

— И волосы очень приятные.

— Весьма благодарен.

Она молча посмотрела на него, потом весело фыркнула:

— Так ты говоришь, тебе не нравится в банке?

— Совершенно.

— И ты бы взялся за что-нибудь другое?

— Разумеется.

— Так почему ты не идешь в музей? Давно бы сделал состояние! Ты же самая настоящая божья овечка! Был бы у них редчайшим экспонатом! Тебе девушка поет про глаза, нос там, волосы, а ты стоишь и блеешь «Спасибо!»

Резерфорд кивнул головой и улыбнулся.

— Прошу прощения. Тупость — наша национальная черта.

— Оно и видно.

— Теперь, когда ты знаешь все обо мне, расскажи немного о себе, — попросил он. — Что ты делаешь, когда не скрашиваешь ужасные вечера одиноким клеркам?

— Угадай с трех раз.

— Ты актриса?

— Вот это да! А ты — знаток человеческих душ! Такой и впрямь

разгадает любое дело за одну трубку. Да, Джордж, я на сцене. Танцую и пою в шоу «Девичий остров». Случайно не видел?

— Еше нет. Завтра пойду.

— Здорово! Я их предупрежу, чтобы они красную дорожку раскатить не забыли. Тебе понравится.

— Да, я слышал.

— Что ж, тогда до завтра. Я тебе немного улыбнусь со сцены, чтобы тебе не показалось, что ты совсем зазря потратил деньги. Спокойной ночи, Джордж!

— Спокойной ночи!

Она спрыгнула со стола, и ее взгляд упал на фотографии на камине, которые она сразу же начала разглядывать.

— Это что за компания? — спросила она, беря групповое фото.

— Это моя школьная команда. Тот самодовольный улыбающийся шкет с мячом — это я. Заботы мирские еще меня не пообтесали.

Ее взгляд блуждал по полке, пока не наткнулся на фотографию девушки.

— А *это* кто? — сказала она с особым ударением. Неловко, но вместе с тем решительно, он забрал из ее рук фотографию, поставив на место, и еще немного посмотрел на нее, задумчиво облокотившись на каминную полку.

— Кто это? — спросила Пегги. — Джордж, да очнись же! Резерфорд неожиданно вышел из оцепенения.

— Прости, я задумался, — ответил он.

— Оно и видно. Ну, так кто она?

— А? Так, одна.

Пегги от души рассмеялась.

— Спасибо, что объяснил. Джордж, я ведь еще не слепая.

— Я заметил, — сказал Макси, улыбнувшись. — У тебя красивые глаза.

— Да ну! Интересно, что бы она сказала, услышь тебя сейчас?

Она сделала к нему шаг и взглянула на него. Их глаза встретились.

— Она бы сказала, — медленно начал он, — «я знаю, ты любишь меня, и могу тебе доверять, и нимало не возражаю против того, чтобы ты сказал мисс Нортон правду о ее глазах. Мисс Нортон — очень милая девушка. Надеюсь, вы будете хорошими друзьями!»

Наступило молчание.

— Она бы так и сказала? — наконец произнесла Пегги.

— Да, так бы и сказала.

Пегги взглянула на фотографию, а потом опять на него.

— Ты действительно к ней сильно привязан, Джордж?

— Да, — тихо подтвердил он.

— Джордж…

— Да?

— Джордж, она ведь ужасно далеко отсюда?

Она взглянула на него не без любопытства. Он встретил этот взгляд спокойно.

— Не для меня, — ответил он. — Она все время со мной. Он подошел столу и взял пачку бумаг, с которой разбирался до ее прихода. Пегги засмеялась.

— Спокойной ночи, лапочка. Не буду тебя задерживать, а то опоздаешь на работу. Что тогда скажут в банке? Наверное, что-нибудь нехорошее. Спокойной ночи, Джордж! Я еще зайду в один из ужасных вечеров.

— Спокойной ночи, Пегги!

Дверь закрылась. Он услышал звук шагов, затем нерешительную паузу, затем — ее быструю походку.

3

После этого вечера их встречи стали частыми. Постепенно между ними установилась молчаливая договоренность, что она может заглянуть к нему после театра. Он привык нетерпением ожидать ее прихода и беспокоиться, когда она опаздывает. Однажды она привела с собой охочую до сигаре Глэдис, но манеры у той были чересчур жеманными, и разговор никак не клеился. После этого Пегги заходила одна.

Как правило, она заставала его за столом. Его работоспособность очень удивляла Пегги.

— Джордж, — сказала она, усаживаясь на свое любимое место на краешке стола, с которого он заблаговременно убрал бумаги, — мне кажется, ты не отрывался от работы вчерашнего вечера.

Джордж рассмеялся:

— Я возьму небольшой отпуск, когда хоть немножко прославлюсь. А когда я перейду в категорию людей, которые получают двадцать центов за слово, я смогу даже путешествовать.

Пегги покачала головой.

— Для меня, пожалуйста, никаких путешествий. Чушь какая! Только у

кого-то начинает звенеть в карманах, он устремляет свой взор в дальние страны, совершенно забывая бродвейских театрах.

— Тебе нравится Бродвей, Пегги?

— Это мне? Бродвей? А нравится конфета ребенку? Разве тебе он не нравится?

— Что ж, в нем есть своя прелесть, но не это мой идеал.

— Ты мечтаешь о маленьком уютном театре?

Джордж раскурил трубку и мечтательно взглянул на гостью сквозь клубы сизого дыма.

— Далеко отсюда, в Англии, есть такое местечко, называется Вустер. Где-то там есть серый домик с остроконечной крышей и лужайка, окруженная кустарником, а за ней цветник, где полно роз, и у входа на веранду — большой старый кедр. Если ты залезешь на его макушку, оттуда можно увидеть излучину реки и холмы в отдалении, а еще…

— Какое занудство! — воскликнула Пегги. — Нет, какая тоска! Мне подавай Бродвей! Поместите меня на углу Сорок Второй и оставьте меня на некоторое время! Джордж, я никогда не думала, что ты такая заскорузлая деревенщина.

— Не беспокойся, Пегги, это будет еще не скоро. Не раньше того дня, когда я смогу заработать достаточно денег.

— Еще не подобрался к Аллее Бессмертных?

— Я думаю, еще надо немного пройти. Пегги, ты — вроде куклы-неваляшки. Сидишь на самом краешке стола и никак не падаешь.

— Спасибо, Джордж. Ты знаешь, я всегда говорю откровенно. Когда я была маленькая, я брала с собой в кровать любимую куклу. Вот и ты к *ней* так привязан. — И она указала на фотографию.

С того дня, когда они встретились, по молчаливому соглашению эта тема ни разу не затрагивалась.

— Джордж, ты мне так и не сказал, как ее зовут.

— Холидей, — скованно отвечал Резерфорд.

— Это фамилия. А по имени?

— Элис.

— Ну не злись, Джордж! Я тебя не укушу. Расскажи мне о ней. Она живет в том сером доме, окруженном лужайками с розами и деревьями?

— Нет.

— Не будь занудой, Джордж! Да что с тобой?

— Прости меня, Пегги, — сказал Макси, — я чувствую себя как последний дурак. И в этом нет никакого смысла. Пока что я зарабатываю полдоллара в год. Понятно, что жаловаться не на кого. Но, ты знаешь,

когда я пишу, я как бы возвращаюсь домой. Ты напомнила мне не просто неунывающую куклу, а талисман, приносящий удачу. До нашей встречи мне никак не удавалось так много и хорошо писать. Выходит, ты и есть мой талисман.

— Что ж, очень рада. Приятно думать, что у каждого в этом мире есть свое предназначение. Джордж, если я тебя поцелую, это тебе еще больше поможет?

— Лучше не надо. С талисманами обращаются очень осторожно.

Она спрыгнула со стола и подошла к нему, смотря на него большими серыми глазами, которые всегда напоминали ему о котенке.

— Джордж!

— Да?

— Нет, ничего.

Она отвернулась к камину и посмотрела на фотографию.

— Джордж.

— Что?

— Скажи, а какие у нее глаза?

— Серые.

— Как у меня?

— Темнее.

— И лучше?

— Я не думаю, что это подходящая тема.

Она резко повернулась. Кулаки ее были сжаты, лицо ярко горело:

— Я тебя ненавижу! — вскричала она. — Ах, как бы я хотела никогда тебя больше не видеть!..

Она наклонилась к камину, закрыла лицо руками и разрыдалась. Резерфорд вскочил и остановился в беспомощности. Потом подошел к Пегги и робко положил руку на ее плечо.

— Ну, Пегги, не надо… Она резко одернула его:

— Не прикасайся ко мне! Слышишь! Если бы я только никогда тебя не видела!

Она побежала к двери, выскочила и с шумом захлопнула ее.

Он остался стоять, где стоял, подавленный и безмолвный. Затем почти машинально нащупал в кармане коробок и зажег трубку.

Прошло полчаса. Дверь потихоньку открылась, и показалась Пегги. Она была бледна, глаза ее были красными. Она улыбнулась слабой извиняющейся улыбкой.

— Пегги!

Он попытался сделать шаг ей навстречу, но она остановила его.

— Прости меня, Джордж. Я знаю, это глупо.

— Пегги, да что ты!

— Я знаю. Я знаю, как это все нелепо и глупо. Ты был очень добр ко мне. Я подумала, мне надо зайти и извиниться. Прощай, Джордж.

Следующим вечером он ждал ее, но она не пришла. Так проходил день за днем, но она не появлялась. И вот однажды, читая газету, он наткнулся на заголовок «„Девичий остров" уехал на гастроли в Чикаго».

4

С этого момента дела у него пошли вкривь и вкось. Он был в отпуске, наслаждался две недели свежим воздухом и теплым солнцем, а вернувшись в «Алькалу», попытался приняться за работу, но попытка ему плохо удалась. На улице было бабье лето — самая плодотворная пора для любого автора. Но ночь за ночью он уныло сидел за столом, а потом устало ложился в кровать. Он не мог работать, но его мозг пребывал в лихорадочном состоянии. Что-то было не так. Он знал, что это, но упрямо отказывался себе в этом признаться. Все дело в Пегги. Только сейчас он понял, что она для него значила. Он называл ее в шутку талисманом, но это оказалась не шутка. Потеряв ее, он совершенно потерял возможность работать.

Ему было одиноко. В первый раз за свое пребывание в Нью-Йорке он по-настоящему это ощутил. В самые черные дни ему было достаточно взглянуть на фотографию, и боль проходила, но сейчас она потеряла свои былые чары. Ничто не держало его в этом листе картона. Его мысленный взор каждый раз обращался к маленькой темноволосой девчушке, имевшей привычку сидеть на краешке стола, улыбаться и задавать прямые вопросы, открыто глядя на него большими серыми глазами.

А дни все шли, однообразные в своей монотонности, лишь ее мысленный образ сидел все там же и улыбался ему.

Пришла осень, а с ней — и открытие театрального сезона. Одна за одной на Бродвее стали зажигаться электрические афиши, говоря прохожим, что унылые вечера в прошлом, и Нью-Йорк, наконец, становится самим собой. В том театре где раньше шел «Девичий остров», готовили новый водевиль' и отель был снова полон танцовщиц. Снова стал он слышать обрывки оживленных разговоров у себя за дверью, и тщетно надеялся услышать ее голос.

Он потерял сон. Он пытался писать, но мысли мешали

сосредоточиться. Вдруг в один из таких вечеров он услышал стук в дверь. Он вскочил, опрокинув чернильницу, но это был репортер, ошибившийся дверью, который потом очень долго удивлялся, что ж такого он совершил, чтобы вызвать такой отпор.

Но у Бродвея есть свой бальзам. Грустные мысли уходят, когда он зажигает свои огни и до краев заполняется веселой публикой. В последнее время Резерфорд выработал привычку обходить окрестности Сорок Второй улицы как раз перед началом вечерних спектаклей. Сам воздух был пропитан беззаботностью и весельем, и ему нравилось наблюдать за прохожими, представляя их персонажами своих будущих рассказов.

В одно из таких путешествий он забрел на какую-то площадь. Как раз закончился спектакль, и театры освобождались от публики. Такие часы были лучшими в его прогулках. Он отошел на противоположную сторону и в этот момент заметил Пегги.

Она стояла на углу, застегивая перчатки. Через мгновение он был рядом с ней.

— Пегги! — воскликнул он.

Она выглядела бледной и уставшей, но, обернувшись к нему, порозовела и протянула ему руку. В ее манере не было ни малейшей неловкости, было видно — она была искренне рада снова увидеть его.

— Где ты пропадала? — спросил он. — Я уж и не думал тебя увидеть.

Она с любопытством посмотрела на него.

— Ты скучал по мне, Джордж?

— Ну, конечно, скучал! Вся моя работа совсем без тебя расклеилась.

— Я приехала только вчера вечером. Играю в новой пьесе. Джордж, если б ты знал, как я устала! Мы репетировали целый день!

Макси взял ее за руку.

— Пошли, поужинаем. Тебе надо подкрепиться. Черт возьми, Пегги! Я действительно рад тебя видеть! Ты способна дойти до ресторана, или я тебя туда отнесу?

— До ресторана я дойду, но, Джордж, у тебя что, умер богатый дядюшка?

— Пегги, не беспокойся. Это особый повод. Я думал, я никогда тебя больше не увижу. Я сейчас готов купить всю гостиницу!

— Ограничимся ужином. Джордж, а я смотрю, ты не так уж и прост.

— Да уж, о многих моих чертах ты даже и не подозревала!

Было видно, что в этом ресторане Пегги была известной личностью. Главный официант, Поль, по-отечески заулыбался, когда она входила в двери, два-три посетителя сразу повернулись, когда она проходила мимо

их столиков. Остальные официанты незаметно перемигнулись, но Макси был слишком увлечен, чтобы хоть что-нибудь заметить.

Несмотря на все ее протесты, он заказал утонченный и очень дорогой ужин. Особенно придирчив он оказался в выборе вин. Официант, питавший некоторые сомнения на его счет, сразу поменял точку зрения и отправился выполнять заказ, размышляя о том, что никогда не следует судить о клиенте по одежке. Вероятно, данный субъект был из тех эксцентричных миллионеров, которые так любят неузнанными бродить по городу.

— Ну как? — спросила Пегги

— О чем ты? — отозвался он.

— А ты загорел, Джордж.

— Да, был в Кэтскилс.

— Так и тянет в деревню?

— Бродвей тоже ничего!

— Да? Ты начинаешь замечать? Ну и ну! Значит, я вовремя вернулась! Весь этот Дикий Запад меня порядком утомил. Джордж, если кто-то захочет тебя сдвинуть дальше Одиннадцатой авеню, ни в коем случае не соглашайся. За ее пределами в этом мире просто нечего делать! А как с твоим сочинительством?

— Неплохо, но без тебя у меня не было талисмана. Мне Удаюсь попасть в один еженедельник. Там длинный рассказ, и платят за него немало. Именно поэтому я и могу угощать таких великих актрис, как ты.

— Я читала его в поезде, — сказала Пегги. — Очень интересный! Перепиши-ка его для сцены, за это еще лучше платят.

— Я знаю, но кто захочет работать с неизвестным автором?

— Уинфред Найт взялся бы это поставить. Ты его знаешь?

— Видел как-то в журнале. Вид у него умный.

— Он — то, что надо. Если он только получит подходящую вещь, он для нее все сделает! Это как в картах с большими ставками. Сейчас у него поганая пьеса, и скоро он станет рыскать в поисках новой постановки. Если надо, дойдет до Коннектикута.

— Что ж, пускай обратит свой взор ко мне, — ответил Резерфорд. — Кто я такой, чтобы препятствовать его простым и понятным желаниям? Завтра же и начну.

— Конечно, а я помогу. Я немного знакома с ним и могу тебя просветить. После этого Уинфред будет радоваться любому твоему персонажу, как ребенок.

Макси поднял бокал.

— Пегги, ты даже больше чем талисман. Тебе пора взимать с меня комиссию! Ума не приложу, как люди могут писать без такой поддержки. Интересно, какие у них здесь самые дорогие сигары? Надо мне их купить. Положение обязывает. Мы, модные драматурги, не имеем права курить на публике всякие там дешевые суррогаты.

Тот же артистический темперамент заставил его заказать настоящий экипаж, когда они вышли из ресторана, хотя такой вид транспорта и не предусмотрен для клерков, получающих бесконечно малые величины в своих банках. Пегги была не против обычного такси, но Макси категорически возражал, убеждая ее, что это все испортит.

Когда она с легким усталым вздохом уютно устроилась в глубине экипажа, они плавно поплыли по ночному Бродвею.

В полумраке он стал ее украдкой разглядывать. Она показалась ему очень маленькой, задумчивой и хрупкой. Внезапно ему очень захотелось обнять ее, и он попытался сконцентрировать мысли на девушке с фотографии, убеждая себя, что он — человек долга. Его пальцы ухватились за край сиденья, и он сжал их так, что на его руках напрягся каждый мускул.

На кочке коляску тряхнуло, и Пегги удержалась за его руку.

— Пегги! — сипло вскрикнул он.

Ее глаза были влажными. Он видел, как они блестят. Через мгновение он ее обнимал и жарко целовал.

Экипаж подъехал к «Алькале» и они молча сошли к его дверям. По чистой привычке Макси взглянул в свой почтовый ящик. Там было одно письмо.

Так же автоматически он открыл его, и когда его взгляд упал на аккуратный почерк, внутри у него что-то надломилось.

Пегги взглянула на него, стоя несколькими ступеньками ниже, потом перевела взгляд на конверт и опять на него. Он был сломлен и подавлен, как человек, которого только что вывели из гипнотического транса.

С заметным усилием он собрался с духом. Пегги поднялась ступеньки на две и заглянула ему через плечо. Он мог все прочитать в ее серых глазах.

— Спокойной ночи, — сказал он тихим голосом. Она повернулась и взглянула ему в глаза. На мгновение все замерло.

— Спокойной ночи, Пегги, — повторил он.

Она пошевелила губами, как будто хотела что-то сказать, но ничего не ответила, повернулась и стала медленно подниматься по лестнице.

Он смотрел ей вслед, пока она не скрылась за поворотом. Она так и не

обернулась.

5

Пегги снова стала заходить к нему, и никакие призраки больше его не тревожили. Он писал с новой энергией и новым успехом. В последующие годы он написал много пьес, большинство из них были хорошими, но ни одна из них не пришла к нему с такой же легкостью, как та, которую он написал вместе с Пегги. Он писал легко, вдохновенно и без всяких усилий. И непременно Пегги была рядом, помогая и ободряя.

Иногда после обеда он находил у себя на столе коротенькие записки ученическим почерком, примерно такие: «Он гордится своими руками. На самом деле они костлявые, он думает, что они — само совершенство. Лучше, чтобы в одной из сцен он их смог показать», или: «Он думает, что у него хороший профиль. Сделай так, чтобы его партнерша где-нибудь невзначай упомянула об этом».

Были и другие, не менее полезные упоминания «его» особенностей и пристрастий: «Он очень любит гольф»; «Он гордится тем, что может подделывать французский акцент».

Когда она говорила «Он», она имела в виду Уинфреда Найта.

Мало-помалу характер главного героя из журнала стал удивительно напоминать характер Уинфреда Найта, естественно — с некоторыми улучшениями. Сам процесс завораживал автора, словно он готовил сюрприз ребенку. «Ему это точно должно понравиться», — говорил он иногда сам себе, когда писал очередную реплику. Пегги читала новые части и одобряла. Именно она предложила написать монолог героя о его любовных делах в терминах гольфа. От нее же приходили сведения о таких тонкостях мужского характера, о которых человеку со стороны и в голову не пришло бы подумать.

Резерфорд уже и сам удивлялся, насколько полный и живой характер получается у главного героя. Уилли из журнала мог быть кем угодно, он просто подходил для сюжета, но вы его не видели. Уилли в пьесе был настоящей личностью! Макси казалось, что он бы смог узнать его на улице. Конечно, было в сюжете кое-что натянутое, были персонажи, довольно топорные, но даже в самые черные часы о характере главного героя автор мог не волноваться. В нем сходились настоящие живые противоречия: юмор и тяготение к пафосу; тщеславие, скрывающее

застенчивость; сила и слабость, борющиеся одна с другой.

— Ну, милый, да ты совсем как живой! — с восхищением заметил Макси, просматривая готовые листки. — Жаль только, не я тебя создал.

Наконец настал тот день, когда пьеса была закончена, последняя строчка написана и сделано последнее исправление. В этот день, держа рукопись под мышкой, автор отправился в клуб, где ему назначил встречу Уинфред Найт.

С самого начала Резерфорду показалось, что он уже встречался с этим человеком. Со временем их общения, — а Уинфред оказался на редкость общительным, — это чувство только усилилось. И тут он понял. Это — его Вилли, и никто другой. Сходство было просто невероятным. Все его позы, все ужимки содержались в пьесе.

Актер, повествовавший о том, как он чуть не выиграл у чемпиона по гольфу, вдруг остановился, вопросительно глядя на сверток:

— Это и есть пьеса?

— Да, — ответил автор. — Прочитать ее вам?

— Давайте, я сам посмотрю. Где тут первый акт? Ага! Вот он. Закуривайте, а я пока почитаю.

Резерфорд устроился поудобней в кресле и принялся следить за реакцией собеседника. Во время чтения первых страниц, где были вводящие диалоги второстепенных персонажей, лицо Уинфреда оставалось непроницаемым.

— «Входит Уилли», — прочитал он, — это, надо полагать, я?

— Надеюсь, — улыбнувшись, ответил автор. — Это главная роль.

— Хм…

И он продолжил чтение. Макси следил за ним с тайным напряжением. Он знал, что внизу этой страницы есть сатирическая строчка о гольфе, и она обязательно должна задеть Найта, потому что именно эту самую мысль тот высказал не более чем пять минут назад.

И удар достиг цели. Довольный смешок и вздох облегчения прозвучали почти одновременно. Актер обратился к начинающему драматургу:

— Эта строчка о гольфе — просто первоклассная! Макси довольно пыхнул сигарой.

— Там есть еще много интересных замечаний по этому же поводу, — сказал он.

— Рад за вас, — отозвался Уинфред и продолжил чтение. В следующий раз он заговорил только минут через сорок:

— Да это же я! От начала до самого конца. Жаль, что я не видел эту

пьесу раньше и вынужден играть всякий вздор. С головы до пят — я! Великолепно! Сколько вы за это просите?

Резерфорд немного наклонился. В голове у него закружилось. Наконец! Это случилось! Его борьба не напрасна. Он выиграл. Он может ехать куда угодно, и делать все, что угодно.

Как ни странно, мечты его вели не в Англию, а в «Алькала».

6

Постановка не подвела. Успех был оглушительный. Если быть до конца честными, конечно, в первую очередь это был персональный успех Уинфреда. Все были единодушны — роль подходила к нему как перчатка. Даже критики закрыли глаза на мелкие огрехи пьесы, подчеркивая игру главного актера. Да, пьеса была по-любительски очаровательна. Поздней пришло мастерство ремесла и чувство сцены, но когда Резерфорд писал своего Уилли, он был жеребенком, гуляющим без привязи на ниве драматургии, не ведая ее писаных и неписаных законах. Как заметил один критик, от всей пьесы можно было оставить одни монологи Уинфреда, но это ни в малейшей степени не задело самолюбие автора.

В день премьеры он вернулся домой поздно. Он хотел улизнуть пораньше, чтобы повидать Пегги, но Найт, который был в одном из своих бесшабашных настроений, просто схватил его за руку и не позволил уйти. Он остался на шумный и бессмысленный ужин, где каждый поздравлял каждого. Люди, с которыми он никогда не встречался, сердечно пожимали ему руку; кто-то, несмотря на тщетные усилия остальных, произнес тост в его честь. Он сидел за столом, сбитый с толку и никак не проник&1ся настроением собравшихся. Ему хотелось видеть Пегги. Его утомлял весь этот шум. Ох, думал он, как бы извиниться и потихоньку уехать в «Алькалу»! Ему надо было подумать и попытаться понять, что же с ним произошло.

Наконец, вечеринка закончилась бурными рукопожатиями, во время которых ему удалось ускользнуть от Уинфреда, хотя тот собирался увезти его в клуб. Выбравшись, он решил прогуляться пешком по Бродвею.

Когда он добрался до «Алькалы», было совсем поздно. В его комнате горел свет. Пегги ждала новостей.

Увидев его, она спрыгнула со стола и побежала навстречу.

— Ну, как? — спросила она.

Он сел в кресло и вытянул вперед ноги.

— Успех. Невероятный успех. Пегги захлопала в ладоши.

— Это же здорово, Джордж! Я так и знала! Расскажи, как что было. Уинфред хорош?

— Да он весь спектакль и сделал. Остальным и места не осталось.

Он встал и положил руки ей на плечи:

— Пегги, старушка, я не знаю, что сказать. Ты сама прекрасно знаешь, что успехом я полностью обязан тебе. Если бы не ты…

Пегги засмеялась:

— Ой, да перестань! Не смейся надо мной. Похожа я на маститого драматурга? Ну, нет! Я очень рада, что у тебя получилось, но не приписывай мне лишнее. Я вообще ничего не делала.

— Ты сделала все!

— Нет, не я. Ну, давай, не будем ссориться. Расскажи, как все прошло. Много было поздравлений?

Он рассказал ей, что и как с ним сегодня приключилось. Когда он закончил, наступило молчание.

— А теперь, ты, наверное, очень скоро покончишь со всем этим? — наконец спросила Пегги. — Теперь ты можешь ехать домой. Вернешься к своим курам и коровам, да?

Он не ответил. Он задумчиво уставился в пол и, казалось, не слышал вопроса.

— Наверное, эта девушка будет рада тебя увидеть, — продолжала Пегги. — Завтра же ты пошлешь ей телеграмму. А потом вы поженитесь и будете жить в этом нелепом домишке и… — она прервала себя на полуслове, как будто бы ей что-то попало в горло. — Джордж, — прошептала она, — будет жаль, если ты уедешь, Джордж.

Он подпрыгнул на месте.

— Пегги!

Он схватил ее за руку. Он слышал, как глубоко она вдохнула.

— Пегги, послушай. — Он сжал ее руку так, что она поморщилась от боли. — Я не уезжаю. Я никогда не уеду. Да, я негодяй, но я не уеду, я собираюсь остаться здесь, с тобой. Ты мне нужна, Пегги! Ты меня слышишь? Ты нужна мне!

Она попыталась отстраниться, но он крепко держал ее.

— Я люблю тебя, Пегги. Будь моей женой.

В ее глазах появилось крайнее удивление, лицо побелело.

— Ну, как, Пегги? Он отпустил ее руку.

— Нет! — вскричала она.

Он отпрянул назад.

— Нет! — резко выкрикнула она, как будто сама речь причиняла ей физическую боль. — Я не хочу сыграть с тобой такую злую шутку. Я слишком хорошо к тебе отношусь. Ты был очень добр ко мне. Я никогда не встречала такого человека. Ты — единственный приличный и бескорыстный человек, которого я видела, и я не хочу испортить твое будущее. Джордж, я думала, ты знал. Честно, я думала, ты знал. Как я могла себе позволить жить в таком шикарном отеле? Почему меня все знают там, в ресторане? И почему я знала все эти вещи об Уинфреде Найте?

Она перевела дыхание.

— Я…

Он грубо прервал ее:

— У тебя есть кто-нибудь другой, Пегги?

— Да, — тихо ответила она.

— Но ведь ты его не любишь? Она засмеялась.

— Я? Его? Нет, не люблю!

— Тогда выходи за меня, дорогая, — прошептал он.

Она покачала головой. Макси сел и обхватил подбородок. Она подошла к нему и пригладила его волосы.

— Ничего не получится, — ответила она. — Правда, ничего не получится. Послушай. Когда мы встретились, ты мне действительно понравился. И я чуть с ума не сошла, когда ты сказал, как любишь эту девушку на фотографии. Не то, чтобы я пыталась… Я вела себя так подло, это *моя* вина. Я думала, в этом не будет ничего плохого. Твое возвращение казалось настолько далеким и нереальным, и я подумала, мы сможем быть хорошими друзьями и… а теперь ты можешь вернуться к ней, теперь все стало по-другому. Я не буду тебя удерживать. Это было бы слишком подло. Джордж, ты ведь не хочешь оставаться. Тебе сейчас так кажется, а на самом деле ты не хочешь.

— Я люблю тебя, — пробормотал Макси.

— Ты забудешь меня. Ты забудешь меня как одну из бродвейских грез, Джордж. Подумай об этом. Сейчас ты во власти Бродвея, но ты ему не принадлежишь. Ты не такой, как я. У тебя другая кровь. Цыплята и розы у тебя в саду, — вот чего тебе действительно хочется. А Бродвей — это сон. Когда я была маленькой, мне очень хотелось попробовать леденцы, что лежали на витрине. И вот однажды брат купил их мне. Примерно минуту я была самым занятым человеком в мире, облизывая их и смакуя. А потом выбросила. Бродвей — это тот же леденец для тебя, Джордж. Ты возвратишься к своей девушке и к своим коровам. Мне будет немного

больно, но я буду рада, когда у тебя все хорошо сложится. Она ловко нагнулась и поцеловала его в лоб.

— Я буду скучать по тебе, — нежно сказала она и ушла.

Он сидел без движения. Темнота за окном сменилась серым туманом, потом рассвело. Он встал и почувствовал, как замерз.

— Бродвейская греза… — пробормотал он.

Затем он подошел к камину, взял фотографию и поднес ее к окну, чтобы разглядеть получше.

Сквозь неплотно прикрытые шторы на нее упали первые лучи света.

Вудхауз на войне

Перевод с английского И. Бернштейн

ИЭН СПРАУТ И ДЕЛО ВУДХАУЗА

Каждые два года, в середине октября, некоторые англичане собираются на званый обед, вспоминая тем самым, что 15.X.1881 года родился Пэлем Гренвил Вудхауз. В 2000 году они собрались в таком исторически прославленном месте, как Грейз-Инн. Столетняя королева-мать, покровительница Вудхаузовского общества, прислала поздравление. Пэры, сэры и просто люди пили за ее здоровье. Из пэров в общество входит лорд Ллойд-Уэббер, написавший мюзикл «By Jeeves!», из сэров — сын падчерицы Вудхауза Эдвард Казалет, из остальных людей — Тони Блейр.

Когда Вудхауз умер (14 февраля 1975 г.), все это было бы невозможно. Правда, за полтора месяца до смерти он сам стал сэром — королева к Новому году посвятила его в рыцари, — но смутная память о его позоре не позволила бы создать общество и устраивать такие торжества. Больше двадцати лет он прожил в Америке, больше десяти лет до этого — тоже не в Англии. Дело в том, что давно, в самом начале этих долгих лет, он оказался в гитлеровской Германии и несколько раз выступил там по радио. Его обвинили в предательстве, он очень тяжело это принял и в Англию не вернулся. Когда негодование пошло на убыль, ему бы не мешали приехать, но он бы там жить не смог.

Конечно, читали его всегда, и многие — очень любили, но шумная, явная, огромная слава в те годы притихла. Теперь она полностью вернулась. Выходит прелестный журнал «Вустерский соус», собирается Вудхаузовское общество, есть особый сорт роз, которому сумели придать оттенок красноватой сливы в честь его прозвища Plum. Может быть, все изменилось бы и так — англичане отходчивы, но знать наверняка мы не можем; зато знаем, что окончательно добился правды совершенно определенный человек, Иэн Спраут, который был членом парламента (от консерваторов), а одно время — министром в кабинете Маргарет Тэтчер. Преодолевая предрассудки и бюрократическое сопротивление, он собрал все документы и раскопал свидетельства. Если бы не это, королева не даровала бы Вудхаузу рыцарского звания, во всяком случае — не успела бы дать его, как в сказке или вудхаузовском романе, перед самой его смертью.

Когда Вудхауз уже умер, Иэн Спраут издал книгу о его деле *(Ian Sprout. Wodehouse at War)* и своих разысканиях. Именно о разысканиях, о

себе он почти совсем не пишет. Читая, поневоле думаешь, что это — еше один рассказ об отце Брауне, который скрупулезно восстанавливает чье-то доброе имя, вникая в то, что мог сделать именно этот человек, а чего он сделать не мог.

Долгое и печальное дело началось с того, что летом 1940 года, когда немцы так быстро заняли Францию, Вудхауз с женой жили именно там, на самом Севере, в курортном городке Ле-Тукэ, где незадолго до этого купили дом. Тихий, работящий Плам вообще старался сбегать из Лондона, хотя очень его любил.

В Англии сразу узнали, что в Ле-Тукэ пришли немцы, и больше ничего толком о Вудхаузе не слышали. Потом, когда уже разгорелись страсти, многие заверяли, что он немцев приветствовал, с ними ладил и вообще остался намеренно. На самом деле, у него забрали дом, а самого вскоре отправили в лагерь для интернированных. Жене пришлось уехать и жить год под Лиллем с маленькой собачкой. Кстати, уехать в Англию, от которой их отделял только канал, Вудхаузы никак не могли решиться из-за своих животных. Надеюсь, больше народу умилится здесь, чем рассердится.

Что делал Вудхауз в силезском лагере, расположенном в бывшем сумасшедшем доме, тоже толком не знали, но его, конечно, жалели, пока не услышали через год, что он ведет по берлинскому радио беседы для Америки, которая еще сохраняла формальный нейтралитет. Узнали и то, что, перебравшись в Берлин, он живет в хорошем отеле. Вскоре к нему приехала жена. Предваряя дальнейшее, скажем, что осенью 1943 года им разрешили уехать в Париж, куда 25 августа 1944 года пришли освободители.

Когда в Англии узнали о первой беседе, известный журналист Уильям Коннор, выступавший под именем «Кассандра», буквально прокричал по радио, что Вудхауз — предатель. Вслед за этим его назвали предателем Антони Идеи (тогда — министр иностранных дел) и член парламента Квентин Хогг. Посыпались письма. Иэн Спраут нашел и привел в своей книге все до единого; здесь не хватит места их цитировать, и мы попытаемся обобщить. Обличительных — гораздо больше, и авторов нетрудно понять — никто еще не забыл, как решалась судьба страны в поразительной «битве за Британию». Мало того: было ясно, что решается судьба цивилизации или свободы или просто человеческой жизни. Да что там, понять их очень легко. И все-таки, говорит апостол, «гнез человека не творит правды Божьей». Кроме естественного удивления и даже негодования, которыми полны эти письма, замечаешь всякие странности.

Читая, к примеру, письмо Милна, слышишь какую-то давнюю досаду; например, он сетует на то, что Вудхаузу «и так слишком много разрешали». Некоторые возмущаются, что за несколько лет до этого «какому-то юмористу» дал докторскую степень Оксфордский колледж Св. Магдалины. Шон О'Кейси брезгливо называет писателя дрессированной блохой (намного позже Вудхауз так озаглавил свои мемуары, прибавив, что не видит в такой блохе ничего плохого). Наконец, иногда о нем пишут почти теми же словами, какими писали у нас в конце 20-х годов, когда его книги называли «литературой жирных».-Его обвиняют в любви к роскоши, причем, совсем уж в нашем стиле, «буржуйское» отождествляется с «фашистским». Вот, например: «Откройте любую книжку Вудхауза, и вы увидите, что она кишит людьми, которые в жизни не работали. У них есть деньги, им скучно — прекрасная почва для фашизма., персонажи его… по сути своей не демократичны, не прогрессивны, реакционны». Негодование понять можно, но мысль (если это мысль) — совершенно неверна. Трудно найти более свободных и приветливых людей, чем любимые герои Вудхауза.

К счастью и чести англичан, нашлись люди, которые, страдая из-за этих передач, не считают нужным приплетать к ним, по законам травли, какие-то былые провинности. Несколько человек пытаются снять с Вудхауза необоснованные обвинения. Один доказывает, что он не мошенничал с налогами; другой удивляется, что, называя его «пустым и поверхностным человеком», от него ждут «совершенно несокрушимого, стоического поведения, после того, как он побыл в немецком лагере». Третий напоминает, как трудно и опасно судить со стороны, не узнав всех мотивов и обстоятельств. Так возникает тема, которая лучше всего выражена во фразе: «Уверены ли праведные коллеги Плама Вудхауза, что они не поддались бы искушению?». Небольшое письмо Монктона Хоффа (я не знаю, кто это) кончается словами: «А ну-ка, бросим в него камень!» Лорд Ньюборо, «старый друг и почитатель» Вудхауза, объясняет, что «Пламми» (он так и пишет, в кавычках) вообще «не касаются земные дела»; о его Детской наивности говорит и Дороти Сэйерс. Наконец, есть удивительное письмо с подписью «Беспристрастный». Автор — как ни странно, со знанием дела, словно был рядом, опровергает многочисленные неточности. Он пишет, что Вудхауз отказался в лагере от каких бы то ни было привилегий и жил в бывшей палате на 60 человек; что выпустили его из-за возраста; что деньги у него были не от властей, а от немецких и американских издательств.

Подумайте, как это важно и мужественно. Автор решился защитить

человека, которого, что ни говори, именно травили. Очень хорошо, что у людей бывает такой порыв. Помню, как именно в Англии, в Оксфорде, спорили о российском законе, связанном со свободой совести, и кто-то заметил, что надо же как-то защищать православие от католиков. Тогда православный епископ Бэзил Осборн встал и предложил отложить эту тему до того случая, когда среди нас будут католики, которые смогут ответить. Судя по реакции (скорее — приятно-удивленной), даже в Оксфорде такое бывает не часто. Уточню: речь не о том, чтобы защищать «своего», это всюду принято, но о том, как сохранить, а если не было — как воспитать это внимание к чужой чести. Чего тут больше, тяги к правде или тяги к милости? Наверное, есть и то, и это.

Сам Вудхауз ответить на обвинения не мог, более того — он ничего о них не знал, в Берлине английских газет не было. Когда же узнал от приехавшей к нему жены, то страшно растерялся. Все последующие годы, горько ругая себя за глупость, он повторял одно и то же: ему писали многие американцы, и он хотел поблагодарить, а главное, подбодрить всех сразу — смотрите, мы как-то тут все-таки живем. Если не понять таких объяснений, нам в его деле не разобраться. Однако понять их трудно, очень уж мы в этом отношении отличаемся от Англии.

Там — есть, а у нас — бывает редко очень удобный для окружающих императив поведения, который они называют «stiff upper lip» («держать себя в руках, не распускаться»). Он удобен, но небезопасен: легко запрезирать тех, кто его не соблюдает или просто сорвался; ведь это позволяет собой гордиться, а других — стыдить. Собственно, как и всякий императив, применять его надо только к себе. Вудхауз к себе и применял. Он считал неделикатным обременять людей своими горестями, мало того — хотел ободрить и утешить их. После Освобождения во Франции к ним с женой приставили майора Маггриджа, который в мирной жизни был журналистом, а позже — очень прославился. После смерти Вудхауза он опубликовал очерк «Вудхауз в беде», где восхищался выдержкой своего поднадзорного. Тот страдал исключительно сильно, но никого этим не обременял, даже старался подбодрить своего стража, от которого, ко всему прочему, узнал о внезапной смерти очень любимой падчерицы. Англичане тем временем рассуждали, надо ли Вудхауза судить, и в конце концов решили, что вменить ему в вину можно только пользование аппаратурой противника. Когда это выяснилось, Вудхаузы переехали в Америку, пожили в Нью-Йорке и купили дом на Лонг-Айленде, где провели еще четверть века. Такие деревушки с удобствами Вудхауз очень любил; во многих его романах описан райский пригород Лондона, Вэлли-Филдз —

опоэтизированный Далидж, где он когда-то учился. Его обличители не правы, над роскошью он, скорее, смеялся, а искал уюта и удобства в каком-нибудь тихом, маленьком, скромном месте. Стоиком он и в этом отношении не был. Кто решится его упрекнуть?

Негодование понемногу стихало. Серию статей в защиту Вудхауза написал, через несколько лет после скандала, Ивлин Во; наверное, они в какой-то мере подействовали. Его линия защиты несложна и, на мой взгляд, справедлива. Он считает, что сила и прелесть вудхаузовских книг — именно в том, что тот остался ребенком. Если кому-то противно, что человек сохранил детское восприятие мира, Вудхауза можно не читать, но не стоит о нем и судить.

Прежде чем перейти к тому, как Иэн Спраут снял одно за другим несправедливые обвинения, надо поговорить о самом главном. Конечно, Вудхауз героем не был. Дело тут не столько в малодушии (хотя кто знает, свойственно оно вам или нет, пока не случится проверить себя), сколько в свойстве, которое многим очень не нравится. Оно почти всех задевает и даже раздражает. Так, Хилер Беллок жаловался, что Честертон «слишком хорошо ладит с врагом», не догадываясь, что его толстый и кроткий друг, четко разделяя спор и ссору, считал тех, с кем спорил, не врагами, а оппонентами. Очень хорошо говорит об этом свойстве Александр Генис в книге о Довлатове: «Со своим автором он [Гринев] делит черту, из-за которой, как считает Цветаева, Пушкина не взяли в декабристы — "ненадежность вражды". Драма Гринева в том, что, не поступившись своею, он способен понять — и принять другую точку зрения».

Конечно, свойство это — не однородное. Честертон, например, мог понять то, что называл ересью, но не принять. Очень может быть, что Вудхауз, прежде всего видевший человека, вообще о точках зрения не думал — но как бы он тогда писал своих грозных леди и склочных джентльменов? Нетрудно быть добродушным от равнодушия, но это бы заметили, а о нем пишут иначе: скромный, незлобивый, застенчивый, приветливый, благожелательный. Когда они с Этель еще жили в Ле-Тукэ, она обычно сидела с гостями, а он работал, но время от времени заглядывал и спрашивал: «Как, всем хорошо?» Таких свидетельств очень много.

Прибавим еще несколько соображений. Раньше, чем читатель почти инстинктивно воскликнет: «Но это же гитлеровская Германия!», стоит подумать о том, о чем напомнила Дороти Сейэрс ни Вудхауз, ни другие англичане еще не знали самого страшного Ей поверить можно, она все тяжелые годы выступала по радио у себя, в Англии, необычайно пылко, и

для нее Гитлер (если вспомнить слова Честертона) был поистине хуже Ирода. Чутье у нее несопоставимо сильней, чем у Вудхауза, но и она признается, что многого не знала.

Однако было чутье и у него, только касалось оно не живых людей, а некоего духа или воплощавших этот дух мнимых, выдуманных персонажей. Может быть, одно из самых детских (не подростковых!) свойств Вудхауза — искренняя нелюбовь к сильным, агрессивным, важным. Именно он создал Спода, главу английских фашистов. Даже у Хаксли, в «Контрапункте», похожий персонаж неоднозначен, а у Вудхауза — напыщенный злой дурак. Заметим, это — фашист, вроде сэра Освальда Мосли. Тогда «фашистов» и «нацистов» различали, и некоторые, далеко не тупые люди — скажем, тот же Ивлин Во — склонялись к тому, что Муссолини все же лучше «Советов», мало того — лучше тогдашней английской демократии. Тема эта — исключительно важная, и если кто захочет к ней вернуться, мы охотно это сделаем. Однако сейчас и здесь для нас существенно, что Вудхауз такими сомнениями не грешил. Как и для Дороти Сэйерс, для него «оба хуже»: и весь спектр нацизма-фашизма-фалангизма, и коммунисты (вспомним его «диктатуру пролетариата» в рассказе «Арчибальд и массы»). Мучают людей, лезут к ним, лишают свободы — и все, это очень плохо. Совсем другое дело, что живой человек, даже обижавший его лично, оставался для него живым человеком. Законченных злодеев и законченных злодейств ему увидеть не пришлось, поэтому бессмысленно гадать, что бы он тогда сделал. Очень может быть, что жалость к жертве победила бы сочувствие палачу. Именно с кроткими, мирными людьми такое нередко бывает.

Теперь — конкретные обвинения и конкретные свидетельства. Все они в книге Иэна Спраута подкреплены документами.

Никакого сговора не было. Выпустили Вудхауза из лагеря по двум причинам. В том году, осенью, ему исполнялось 60 лет, а Германия, как ни странно, Женевскую конвенцию соблюдала. Правда, вышел он на несколько месяцев раньше, но выпустили сразу несколько человек, вероятно — по году рождения, а кроме того, немцы хотели поспекулировать на его славе, предполагая почему-то, что он играет в Англии чуть ли не роль Гете (именно Гете, так кто-то и сказал). Словом, выходя из лагеря, Вудхауз о предстоящих радиобеседах не знал.

Когда он приехал в Берлин, гостиницы были переполнены. В отель его пристроил старый приятель по Голливуду. Тогда особой роскоши там не было, а если для иных гостей и была, Вудхаузы в их число не входили. Жили они скромно, брали на ужин хлеб из ресторана, маленький мясной

рацион отдавали собачке. Сравнивать их быт стоило бы не с бытом наших людей в очередях и коммуналках (теплушку он испытал), а с привилегиями и удобствами тех, кого Андрей Семенович Немзер назвал «прикормленной верхушкой». Подростком я эту жизнь знала, и думаю, что двум старым англичанам приходилось хуже. Точнее — и хуже, и лучше. Они жили скуднее, в чужой стране, да еще при мерзком режиме. Не обсуждая сравнительные свойства режимов, заметим только, что от них не требовали «сознательности», да и вообще какого-либо вранья; и в этом им было лучше. Вудхауз писал, что хотел, и вот что удивительно: он настолько сумел уйти от злобы и страха, что написал свои лучшие идиллии — «Радость поутру» и «Полную луну», а чуть позже — «Дядю Динамита».

Оставались Вудхаузы в отеле только зимой, прочее время гостили у друзей, правда — в замках, но топить там было нечем, и к холодам приходилось возвращаться в город.

Денег они от немцев не получали. Иэн Спраут приводит перечень их доходов (о которых пришлось дать скрупулезный отчет в освобожденной Франции), и получается, что это гонорары. Кроме того, Этель Вудхауз продала какие-то драгоценности — ничего не поделаешь, они у нее были.

Что еще важнее, ни во Франции, ни в Германии Вудхаузы ни в малейшей степени не дружили с властями. Немцы, поселившиеся в их французском доме, совершенно с ними не считались. Вудхауз рассказывает об этом в беседе, и не понять его может только исключительно простодушный человек, вроде корректора одного из наших отечественных изданий, наставивший вопросительных знаков везде, где, видимо, надо было пометить: «Шутка!»

В Германии, скажем снова, он встретил несколько (очень мало) старых друзей. Там же все-таки люди жили, а не одни нацисты! Кому-кому, а нам стыдно так однозначно представлять себе существование в одной из страшных утопий прошлого, слава Богу, века. Иэн Спраут разузнал все, что мог, об этих его знакомых, они оказались людьми исключительно достойными и много претерпевшими.

Есть и мелочи, скажем — обвинение в том, что Этель Вудхауз вела светскую жизнь. Нет, не вела. Она просто, в отличие от мужа, не была тихой. Когда она сердилась, скажем — на неудобства, она могла раскричаться, и ее слышали многие. Бедный Плам при этом очень смущался, а не кричал никогда. Всего не перескажешь, вот — главное. Ведь заметка — только предисловие к злосчастным беседам, которые публикуются ниже, а они либо тронут читателя, либо нет. Сам Вудхауз много раз ругал себя; мало того — через годы, в Америке, он обрадовался

приезду «Кассандры», позвал его в гости и совершенно покорил. Это очень важно — гораздо чаще люди полностью себя оправдывают, а то и ставят в пример, а уж врагов никак не прощают Судить его вправе только тот, кто был на его месте. В каком-то смысле мы — были, в каком-то — не были, и ровно в этих рамках можем представлять, как бы мы себя вели. Однако тема эта проста только для тех, кто разрешил себе делить мир на чужих и своих или на плохих и хороших, почему-то причислив к «хорошим» себя.

Тут мне и скажут: «То есть как? Вудхауз, пусть очень мало, ко сотрудничал и сосуществовал с нацистами!» Чем вызван гнев — тем, что нацисты ужасны, как были они ужасны и раньше, или тем, что они в то время воевали с Англией? Если причина — вторая, стоит вспомнить, что мы живем не в мифе и не в газетной статье. Люди в оккупации бывали не только старостами, но и врачами или, как аббат Сийес, «просто жили» (примеры есть в семье моей матери, и писать о них я вправе, поскольку ни семья отца, ни я сама просто не остались бы в живых). Англичане, которые в подобной ситуации не были, отпустили Вудхаузу его несчастный проступок, как отпустили и Уайльду, но интонация у них при этом — совсем другая, как будто вообще говорят другие люди. Жалеть Уайльда они стали сто лет назад, сразу после смерти; теперь — им восхищаются. Его порок больше не считают пороком, это, скорее, достоинство, так что о милости, о снисхождении нет и речи. Наверное, кто-то осуждает его без пощады, но там я таких людей не видела, зато увидела здесь — точнее, рассказывая о нем по радио, услышала и упреки в жестокости, и упреки в непозволительной мягкости.

Что до Вудхауза, таким, как мы, нелегко его простить. Нетрудно оправдать Уайльда, если им, в сущности, восхищаешься. Той слабостью или глупостью, которую допустил бедный Плам, восхититься невозможно. Его осудит со знакомой брезгливостью всякий, кто склонен смотреть на человека или снизу вверх, или сверху вниз. Накажут они самих себя — Вудхауза терять жалко: и низкая словесность, и какая-то уж очень высокая достаточно надоели, не говоря о том слое, где они беспрепятственно смешались; и многих тянет к детским книгам, даже средним, вроде «Гарри Поттера». А Вудхауз как раз и пишет детские книги, правда, никак не средние. Сердитый Беллок назвал его лучшим английским писателем в середине 3О-х — вспомним при этом, из кого он выбирал! Мы резонно устали от поучений, даже Честертон иногда раздражает; устали мы и от цинизма, но нередко думаем, что надо выбирать одно из двух. У Вудхауза нет ни того, ни другого: он безупречно легок и безупречно скромен. Конечно, он учит — все писатели учат, но уж никак не прямо и не

намеренно. Предпочесть его неисчислимому множеству английских юмористов может только тот, кто все-таки хочет попасть в его мир, который Ивлин Во назвал идиллическим, но можно назвать и детским. Создал он этот мир потому, что так и не стал взрослым, а невзрослому человеку сложно жить среди правильных, серьезных людей, которые точно знают, чего бы они ни за что не сделали. Может быть, рассказ о деле Вудхауза поможет усомниться *в себе*, а тон его бесед вызовет не презрение, а глубокое почтение к незлобивому человеку, умевшему посмеяться над невыносимыми условиями. Он жалел других, даже врагов, но уж никак не страдал жалостью к себе, нашим любимым пороком.

Н. Трауберг

РАДИОПЕРЕДАЧИ ИЗ БЕРЛИНА

ПЕРЕДАЧА ПЕРВАЯ

«Говорит Немецкая радиостанция на коротких волнах. В нашей Берлинской студии сейчас находится мистер П.Г. Вудхауз, знаменитый писатель, создавший образы неподражаемого Дживса, Берти Вустера, лорда Эмсворта, мистера Маллинера и других замечательных героев. Мистер Вудхауз почти целый год провел в Германии, после того как немецкие войска заняли его виллу в Северной Франции. За это время он закончил новый роман, который, как я понимаю, находится сейчас на пути в США, где будет напечатан, и приступил к работе над следующим романом. Мы подумали, что американским читателям будет интересно послушать самого мистера Вудхауза, поэтому мы пригласили его к нашему микрофону, чтобы он лично рассказал о том, как и что с ним произошло.

У микрофона — мистер Вудхауз»:

«Очень может быть, что мой сегодняшний рассказ покажется слушателям немного бестолковым, а мои рассуждения — несколько бессвязными. Но это, как сказал бы Берти Вустер, легко поддается элементарному объяснению. Видите ли, я только что вышел на свободу после сорока девяти недель, проведенных в немецком лагере для интернированных гражданских лиц иностранного подданства, и последствия пребывания в нем еще не совсем прошли. Ко мне до сих пор не вернулось полностью мое непобедимое душевное равновесие, за которое мною в прошлом все так восхищались.

Оно понемножку возвращается, не беспокойтесь. Загляните ко мне через недельку-другую, и вы будете очень удивлены. Но пока что я чувствую себя слегка не в своей тарелке, меня так и подмывает время от времени делать паузу, чтобы заняться вырезыванием бумажных человечков или втыканием соломы в волосы, сколько их там у меня осталось.

К таким результатам, должно быть, всегда приводит долговременное нахождение за решеткой, а я начиная с 21 июля 1940 года все время проводил в разных «и-лагах». «И-лаг» не следует путать с «оф-лагом» и «шта-лагом». «Оф-лаг» — это куда отправляют пойманных офицеров, а «шта-лаг» предназначен для рядового состава. Нашему же брату, штатскям иностранцам, полагается «и-лаг» — чему мы, конечно, несказанно рады.

С тех пор как я занялся этим бизнесом — то есть, сидением в лагерях, — мне довелось побывать ни много ни мало как в четырех «и-лагах», из них одни были более и-лаговые, другие — менее, но все-таки. Сначала нас посадили в тюрьму, потом — в казарму, потом — в средневековый замок. И только после этого в один прекрасный день на плацу ко мне и остальным нашим ребятам присмотрелись получше и наконец-то приняли правильное решение. Нас отправили в город Тост,[85] что в Верхней Силезии, и поместили в местный сумасшедший дом, где я и провел последние сорок две недели.

Жилось там, во многих отношениях, вполне сносно. Вообще жизнь в концлагере имеет свои преимущества. Во-первых, не бегаешь по кабакам, и освобождается время для чтения. И кроме того, можно хорошенько отоспаться. А главный недостаток состоит в том, что не бываешь дома. Горько думать, что ко времени нашей следующей встречи моя собачка-пекинес меня уже совершенно забудет и прокусит мне икру до кости, как она неизменно поступает с незнакомыми людьми. И по-видимому, возвращаясь к жене, я должен буду запастись рекомендательным письмом, на всякий случай.

Юноши, начинающие строить жизнь, нередко спрашивают меня, как бы им попасть в концентрационный лагерь? Для этого, говорю я, существуют разные приемы. Я лично воспользовался таким: покупаешь виллу в Ле-Тукэ на побережье Франции и жди, пока придут немцы. По-моему, этот способ самый верный и самый необременительный. Ты покупаешь виллу, а все остальное делают они.

На мой вкус, они бы вообще могли не появляться. Но они смотрели на дело иначе и двадцать второго мая приехали — кто на мотоциклах, кто пешком, и все как один явно с намерением погостить подольше.

Все это происходило при соблюдении тишины и порядка. Хорошо то, что Ле-Тукэ — мирное местечко, расположенное в стороне от больших дорог и от общего направления атаки. Армия, имеющая целью выйти на побережье, естественно, будет продвигаться по шоссе прямым ходом на Булонь, а не станет на первом углу после Этапля сворачивать влево. Так что у нас никакого шума и мордобоя не было. Для меня дело ограничилось лишь тем, что я однажды утром прогуливался с женой по лужайке перед домом, и вдруг жена, понизив голос, говорит: «Не оглядывайся, но приехала немецкая армия». Смотрю, действительно приехала армия, бравые такие молодцы в нарядной зеленой форме, и у каждого в руке пулемет.

Когда ты неожиданно обнаруживаешь, что со всех сторон окружен

вооруженными силами вражеской державы, реакция на это открытие бывает довольно интересная. Ты напрягаешься. В первый раз при виде немецкого солдата за своим забором ты испытываешь потребность подскочить вертикально вверх на десять футов, что ты и делаешь. Неделю спустя ты уже подскакиваешь только на пять футов. Ну, а потом, когда прожил с ним бок о бок в небольшой деревушке два месяца, неизбежно начинается братание, и ты сожалеешь, что не выучил в школе немецкий язык — вместо греческого или латыни. Я из всего немецкого языка знаю только одну фразу: Es ist schones Wetter, и раз пустив ее в ход, остаюсь совершенно безоружен, так что дальнейшее наше общение поневоле проходило в форме взаимообмена нежными улыбками.

За те два месяца я достиг в технике нежных улыбок немалых высот. Моя вилла со всех сторон окружена соседскими домами, и в каждом из них жило по немецкому офицеру, которые довольно часто наведывались к нам присмотреть за порядком. А рядом во дворе стояли парни из рабочей части и с ними у нас установились совсем близкие отношения! Не проходило вечера, чтобы двое-трое из них не забегали принять в моем доме ванну с последующим сеансом обмена нежными улыбками на крыльце.

Так день за днем весь июнь и июль текла наша спокойная счастливая жизнь, не омраченная ни единым неприятным инцидентом. Ну, может быть, было что-то раз или два, но не больше. Как-то явился господин административного вида, без малейших признаков любезности в манерах, и заявил, что ему нужен мой автомобиль. А также радиоприемник. И вдобавок еще велосипед. Последнее меня больно задело. Без автомобиля я готов был обойтись, радио почти никогда не слушал. Но этот велосипед я любил. Я посмотрел господину прямо в глаза и сказал: "Es ist schones Wetter", — самым что ни на есть суровым тоном. Мне хотелось его уязвить. И что же он мне ответил? Ничего. Что он мог возразить? P.S. Велосипед он забрал.

Но все это были мелочи, легкая рябь по тихому течению жизни на оккупированных территориях. А в целом у нас продолжала царить атмосфера мира и доброжелательства. Я был свободен в передвижениях — если не считать запрета выходить на улицу после девяти часов вечера. Вскоре я впал в такую беспечность, что даже возобновил работу над романом, прерванную в связи с наплывом военнослужащих. Но тут поступило распоряжение, чтобы все английские подданные каждое воскресенье в двенадцать часов являлись в Пари-Пляж отмечаться в комендатуре. До Пари-Пляжа от нас три мили, а так как велосипед у меня похитили, такая обязанность была для меня довольно обременительна.

Однако я бы не стал роптать, если бы этим дело ограничилось. Но оно не ограничилось. В одно прекрасное воскресное утро, когда я уже вышел на финишную прямую и приближался к дверям комендатуры, мне встретился один из наших местных англичан с чемоданом в руке.

Это мне уже не понравилось. Я ощутил невыразимый ужас. Вудхауз, старина, сказал я себе, похоже, что начинаются осложнения. И спустя несколько секунд опасения мои оправдались. Я вошел в комендатуру и застал там волнение и суматоху. Я сказал пару раз: "Es ist schones Wetter", — но никто не отозвался. А вскоре появился переводчик и объявил, что нас всех интернируют.

Это был удар. Вдруг, ни с того ни с сего, как гром среди ясного неба. Не будет преувеличением сказать, что на минуту старый маэстро задрожал, как плохо схватившееся бланманже. За много лет до того, на одном рауте, когда слегка разбушевались страсти, кто-то шмякнул меня по переносице порцией кровавого бифштекса в деревянном лотке. И вот теперь я почувствовал себя точно так же, как тогда. Такое ощущение, будто стоишь, а мир вокруг тебя качается и разваливается на куски.

Я не знал, что на самом деле мне еще повезло гораздо больше, чем многим другим людям, одновременно со мной угодившим в сети. В то воскресенье по всей Франции задерживали и увозили английских подданных, не давая времени на сборы, и в Булони люди прямо так, в чем были, жили целую неделю на железнодорожном вокзале. По какой-то неизвестной причине для нас в Ле-Тукэ вышло послабление. Нам разрешили побывать дома и собрать кое-что с собой, а так как мой дом находился в трех милях от комендатуры, меня даже отвезли на автомобиле.

Однако, на мою беду, солдат, которого отрядили со мной, не принадлежал к числу людей, полагающих, что собираться в дорогу следует вдумчиво и не спеша. Я представлял себе, что приеду, приму холодную ванну, переоденусь и перекушу, а потом, усевшись в кресло, закурю сигару и составлю список того, что надо взять с собой, а что можно оставить. А он придерживался мнения, что мне на все про все с лихвой довольно будет пяти минут. Сговорились в конце концов на десяти.

Хочу специально обратить внимание моих будущих биографов на следующее обстоятельство: у меня сразу же мелькнула мысль, что вот наконец я смогу препоясать чресла и прочесть на досуге полное собрание сочинений Вильяма Шекспира. Последние сорок лет я все время собирался за него взяться, но все как-то так получалось, бывало только схрупаю «Гамлета» или там «Макбета» и засучу рукава, чтобы разделаться с «Генрихом Шестым, части первая, вторая и Третья», как на глаза

попадается что-нибудь вроде «Загадки замка Зед», и воля моя слабеет.

Что означает «интернируют», я не знал — возможно, это на годы или даже навсегда, а с другой стороны, тут может быть дел всего на пару недель, — но так или иначе, все определенно указывало на полное собрание Вильяма Шекспира, и его я первым сунул в чемодан. Рад сообщить, что в настоящее время голова моя набита Шекспиром до отказа, так что каковы бы ни были прочие последствия моего сидения в концлагере для гражданских лиц иностранного подданства, но по этой линии я остался в выигрыше.

Горькой было разлука с моим романом, там остались недописанными всего пять глав. Но место в чемодане решает все, как сказал бы Дживс, и пришлось нам расстаться. Теперь он находится где-то во Франции, и я еще надеюсь с ним когда-нибудь встретиться, потому что это был неплохой роман, мы с ним дружили.

Не знаю, что взяли бы с собой в сходной ситуации мои слушатели — притом еще, что за спиной стоял немецкий солдат и покрикивал: «Шнель! Шнель!» — или что-то в этом духе. Надо было соображать моментально. В результате я упаковал табак, карандаши, блокноты, шоколад, печенье, пару брюк, пару ботинок, несколько рубашек и два или три носка. Жена пыталась приложить еще фунт сливочного масла, но я отбился. Нет пределов тому, что способен учинить в небольшом чемодане фунт сливочного масла в погожий летний денек. И если уж читать Шекспира, то Шекспир, по моему убеждению, лучше идет без масла.

В конце концов единственной важной вещью, которую я с собой не взял, оказался паспорт, его как раз надо было уложить в первую очередь. У свежеинтернированных иностранцев паспорт спрашивают беспрерывно, и на тех, у кого его нет, смотрят косо и задают им вредные вопросы с подковыркой. Я впервые на своей шкуре испытал, что такое классовые различия, когда попал в категорию интернированных без паспорта и на общественной лестнице оказался где-то между мелким гангстером и портовой крысой.

Захлопнув чемодан и простившись с женой и с младшей собачкой, я пресек попытки старшей втиснуться силой в автомобиль, дабы сопровождать меня к месту заключения, и мы возвратились в комендатуру. А вскоре меня, вместе со всеми нашими, общим числом двенадцать человек, погрузили в автобус и повезли в неизвестном направлении.

Неудобство путешествий в качестве интернированного лица состоит в том, что тебе неизвестен пункт назначения. Как-то нервно себя чувствуешь, когда, отправляясь в путь, не знаешь, предстоит ли тебе

пересечь всю Европу, или же тебя везут в соседний городок. На самом деле мы ехали в Лоос, пригород Лилля, за сто миль от Пари-Пляжа. В общей сложности, с остановками, чтобы прихватить еще кое-кого из членов-учредителей, у нас ушло на дорогу восемь часов.

Удовольствие, испытываемое транспортируемыми от такой поездки, в большой мере зависит от умонастроения главного сержанта. Наш оказался милягой, он давал сигареты и позволял на остановках выходить за красным вином. Так что все путешествие походило на мирную экскурсию школьников на лоно природы. Тем более, что мы все друг друга хорошо знали и неоднократно друг с другом общались, — правда, в несколько иных обстоятельствах. Трое были членами нашего гольф-клуба: Артур Грант, инструктор, Джеф, игрок, и Макс, подносчик клюшек. Кроме них, среди нас еще был Элджи, владелец бара на Рю-Сен-Жан, и Элфред, кабатчик на Рю-де Пари. И остальные, вроде Чарли Уэбба и Билла Илиджа, которые содержали гаражи, тоже были в Пари-Пляже фигуры заметные. Словом, не поездка, а пир духа и излияние душ.

Тем не менее, когда начали спускаться вечерние тени и стал выветриваться хмель от красного вина, у нас у всех на сердце заскребли кошки. Мы почувствовали, как далеко мы от дома, и ничего хорошего не видели впереди.

Что именно ожидало нас впереди, никто из нас себе не представлял. Но предчувствия у всех были нерадостные. Мы опасались худшего.

И общее настроение не улучшилось, когда наш автобус, проехав через Лилль, свернул в переулок, прокатился зелеными лугами под развесистыми дубами и встал перед мрачным сооружением, в котором нельзя было не угадать местную каталажку, иначе говоря — тюрьму. Отталкивающего вида мужчина в мундире французской провинциальной полиции распахнул перед нами ворота, и мы въехали на тюремный двор.

На следующей неделе — Веселые ребята в Лоосской тюрьме».

«Перед вами выступал мистер Вудхауз с первой из серии еженедельных передач, которые мы будем транслировать по этой станции».

ПЕРЕДАЧА ВТОРАЯ

«Говорит Немецкая радиостанция на коротких волнах. Сегодня в нашей студии находится мистер П.Г. Вудхауз известный писатель,

создавший замечательные образы Дживса, Берти Вустера, лорда Эмсворта, мистера Маллинера и других. После того как немецкие части заняли поселок в Северной Франции, где проживал мистер Вудхауз, он почти год провел в Германии. За этот год он закончил новый роман, который, как я понимаю, сейчас находится на пути в США, где будет напечатан, и приступил к работе над следующим романом. Мы подумали, что американским читателям будет интересно услышать, как мистер Вудхауз продолжает свой рассказ.

У микрофона — мистер Вудхауз»:

«На прошлой неделе, если помните, я прервал Одиссею интернированных иностранцев из Ле-Тукэ на том, как наша небольшая группа пилигримов была водворена в Лоосскую тюрьму. Поскольку я с младенчества вел исключительно безгрешную жизнь, у меня до сих пор не было случая ознакомиться с внутренним устройством каталажки, однако с первого же взгляда на официальное лицо при входе я от души пожалел, что он мне теперь представился. В жизни бывают мгновения, когда только взглянешь на незнакомого человека, и сразу говоришь себе: «Я встретил друга». Но тут был не тот случай. На свете, я думаю, не найдется никого, кто бы вообще меньше походил на небесное создание, чем французский тюремщик, а тот, что сидел передо мной и крутил пышный ус, просто приводил на ум фильм «Чертов остров» про французскую каторгу.

Однако всякий писатель по природе — оптимист, наверное у меня в глубине души теплилась надежда, что гостеприимный хозяин, услышав мою фамилию, выскочит из-за стола с возгласом: Quoi? Monseur Vodeouse? Embrassez-moi, maitre!" [Как? Месье Водеус? Поцелуйте меня, мэтр] — и уступит мне на предстоящую ночь свою кровать, добавив, что давно является моим горячим почитателем, и не дам ли я ему автограф для его маленькой дочурки? Но не тут-то было. Он просто еще раз крутанул ус, записал мою фамилию в большую амбарную книгу — вернее, он написал: «Вудхорс», бестолковая голова, — и жестом приказал своим башибузукам отвести меня в мою камеру. Точнее сказать, это, как выяснилось, была не моя камера, а совместная с кабатчиком Элджи и мистером Картмеллом, нашим милейшим и всеми уважаемым настройщиком роялей. Ибо не знаю, как там принято вообще, но в разгар военного сезона в Лоосской тюрьме гостей укладывали по трое в комнате.

Было уже без малого десять часов вечера — обстоятельство, благодаря которому, как выяснилось потом, мы избежали многих неприятностей. Ближе к десяти часам французский тюремщик обычно склонен немного

расслабиться, переодеться в просторную одежду и забыться над увлекательной книжкой. Вот почему вновь поступивших арестантов он оформляет на скорую руку и без должной тщательности. Когда на следующее утро я вышел на тюремный двор и познакомился с теми, кто сидел уже целую неделю, выяснилось, что их по прибытии поставили лицом к стене, раздели до белья, отобрали все, что у них с собой было, и вообще сделали из них котлету. А у нас только отняли ножи и деньги и оставили нас в покое.

Камеры во французских тюрьмах строят закрытые. Там, где в американской тюрьме решетки, здесь — глухая стена с дверью в железных заклепках. Входишь, эта дверь за тобой звучно захлопывается, и ты оказываешься в уютной комнатке площадью двенадцать футов на восемь. В дальнем ее конце — окно, под окном — кровать, у стены против кровати — маленький стол, к нему прикован цепью карликовый стульчик. В углу за дверью — водопроводный кран, под ним раковина, а дальше по стене — то, что можно элегантно назвать: «семейное очко». Единственными картинами на беленых каменных стенах служат карандашные рисунки, выполненные французскими преступниками в той смелой творческой манере, какая естественна для французских преступников.

Мы с Элджи уступили кровать Картмеллу как старейшему члену нашего трио, а сами улеглись на полу. Впервые в Жизни мне выпало провести ночь на жидком тюфяке, постланном на гранитном полу, но мы, Вудхаузы, — народ выносливый, и скоро, сомкнув усталые вежды, я уже спал крепким сном. Помню, засыпая, я успел подумать, что хотя и попал в переделку, совсем не подходящую для пожилого джентльмена на склоне лет, однако же все это довольно занимательно и скорее бы наступило утро, чтобы мне увидеть, что оно с собой принесет.

А принесло оно с собой ровно в семь часов скрежет ключа и открытие маленького окошка в двери, сквозь которое нам просунули три жестяные кружки с тепловатым жидким супом и три булки темно-бурого цвета. Это, надо понимать, был завтрак, но возник вопрос, каким образом нам принять участие в столь праздничном мероприятии? С супом-то еще ничего, мы управились. Делаешь глоток, потом делаешь второй глоток, чтобы удостовериться, действительно ли это так невкусно, как показалось с первого глотка, и не успеешь оглянуться, как суп уже кончился. Задача же, как, не имея ножей, сладить с полученным хлебом, потребовала от нас большой изобретательности. Вариант: просто откусывать кусок за куском — оказался для моих сокамерников невыполнимым, состояние их зубов этого не позволяло. И колотить булкой о край стола тоже не годилось — от

столешницы только щепки летели. Но всегда можно как-нибудь обойти мелкие жизненные трудности, надо только хорошенько пораскинуть умом. Я был произведен в хлебокусатели для нашей маленькой компании, и, по-моему, мною остались довольны. Во всяком случае, я это вещество раздробил.

В половине девятого ключ заскрежетал опять, и нас выпустили на воздух — отдохнуть и поразмяться. Мы очутились на некотором, сверху частично открытом пространстве, огороженном высокой кирпичной стеной, где нам была предоставлена возможность полчаса постоять.

Дело в том, что там только и можно было что стоять плечом к плечу, так как сооружение это, судя по всему, спроектировал человек, своими глазами видевший Калькуттскую Черную дыру[86] и пришедший от нее в восторг. Оно было ярдов двенадцати в длину, а в ширину с широкого конца — шесть ярдов, а потом сужалось и на противоположном конце доходило до двух ярдов. А там еще, помимо нас, находились обитатели других камер. Ну, то есть, ни малейшей возможности устроить дружеский футбольный матч или ярмарку взаимного обмена.

Постояв полчаса, мы, посвежевшие, возвратились в камеры и оставались там все двадцать три с половиной часа следующих суток. В двенадцать мы получили суп и в пять — еще суп. Супы, естественно, разные. В двенадцатичасовом побывала капуста, ее окунул повар, который, правда, торопился и не хотел мочить руки, а в следующем супе даже плавала настоящая фасолина, видимая невооруженным глазом.

Назавтра опять в семь часов утра заскрежетал в замке ключ, и нам дали суп, в восемь тридцать нас выпустили порезвиться на просторе, после чего последовал суп в двенадцать часов и еще один суп — в пять. На следующее утро в семь часов заскрежетал в замке ключ, и… Ну, вам понятно. Можно сказать, здоровый, размеренный образ жизни, предоставляющий человеку вдоволь досуга для чтения Полного собрания сочинений Вильяма Шекспира, чем я, если помните, и намерен был заняться.

Помимо Шекспира, который, бесспорно, помогает забыть обо всем, имелось еще одно утешение: окно. Я думал, что все тюремные камеры снабжены маленьким оконцем из матового стекла под самым потолком, но наше окно было большое, футов пять на четыре, мы могли его распахивать во всю ширь, и из него даже виден был, если стать на кровать, угол огорода и дальше — поля. А воздух, поступавший через окно, очень помогал бороться с нашей атмосферой.

Особая атмосфера в камере служит характерной чертой французской

тюрьмы. У нас в Лоосе в камере номер сорок четыре атмосфера была крепкая, многообещающая, прочно стоящая на ногах и твердо глядящая миру в глаза. Мы к ней очень привязались, гордились и отстаивали ее первенство в спорах с другими заключенными, которые утверждали, будто их атмосферы действуют сильнее и букет у них богаче. Когда первый немецкий офицер, попробовавший войти в наш укромный уголок, отшатнулся и попятился, мы восприняли это как личный комплимент, как заслуженную дань уважения доброму другу.

Но все-таки, несмотря на присутствие такой замечательной атмосферы, мы вскоре немного заскучали. Я-то еще ничего, у меня было Полное собрание Шекспира. Но вот у бармена Элджи не было напитков, чтобы смешивать коктейли, и Картмеллу абсолютно нечего было настраивать. А настройщик без роялей — все равно что тигр, которому семейный врач прописал вегетерианскую диету. Картмелл только и говорил что про рояли и пианино, которые ему Доводилось настраивать в прошлом, и даже по временам одобрительно отзывался об инструментах, которые надеялся еще настроить в будущем; но все же это было не то, чувствовалось, что ему мучительно не хватает живого рояля, прямо вот сейчас, в данную минуту. Или рояля, или на худой конец хоть чего-нибудь, чтобы отвлечься.

И вот на четвертое утро мы написали петицию немецкому коменданту, указав в ней, что, поскольку мы не осужденные, а только интернированные гражданские лица, совершенно не обязательно содержать нас в условиях Редингской тюрьмы,[87] и не найдется ли способа хоть как-то разнообразить нашу жизнь?

Это обращение к суду Кесареву[88] сработало, как волшебство. Выходило, что комендант и понятия не имел, как с нами обращаются, — это все французы сами придумали, — и узнав, взорвался. Раскаты этого взрыва мы могли слышать в коридорах, а затем раздался знакомый скрежет ключа, в дверях возникли белые, как полотно, стражники и объявили нам, что отныне мы имеем право свободно расхаживать по тюрьме.

Все в мире относительно, как сказал кто-то — возможно, Шекспир в своем Собрании сочинений, — и я просто не припомню, чтобы еще когда-нибудь так упивался свободой, как в тот миг, когда, оставив дверь камеры нараспашку, вышел в коридор и принялся прогуливаться взад-вперед.

Признаюсь, хоть это и нехорошо с моей стороны, что удовольствие мое еще мстительно усугублялось от зрелища ужаса и страдания, написанных на лицах тюремного персонала. Если существует на свете

идеал приверженности традициям и правилам этикета, что полагается, а что не полагается, то это французский тюремщик; а тут традицию и этикет попросту выбросили на помойку, и ничего нельзя с этим поделать. Я думаю, примерно такие же душевные муки должен испытывать профессионал-гольфист, при виде того, как возле его лунки отплясывает публика на высоких каблуках.

В конце концов мы над ними, беднягами, все же сжалились и так уж и быть, позволили им запирать нас на ночь. Умилительно было видеть, как они обрадовались. Это положило начало взаимопониманию, и ко времени разлуки нас уже с ними связывали вполне дружеские отношения. Один тюремщик даже раздобрился настолько, что показал нам камеру смертников — как, скажем, хозяин загородного дома водит гостей смотреть конюшни.

Главной темой, обсуждавшейся на наших прогулках по коридорам, был, естественно, вопрос, куда и когда нас переведут отсюда. Мы были убеждены, что Лоосская тюрьма для нас — не более чем перевалочный пункт. Так оно и оказалось. Через неделю после прибытия нам было велено выстроиться вдоль коридора, явился комендант и уведомил нас, что сейчас будет произведена проверка документов, а затем мы должны сложить пожитки и быть готовыми к отъезду. Тех, кому шестьдесят лет и более, выпустят и отправят домой, добавил он. Эти счастливчики вышли из строя и столпились у противоположной стены, как красотки из группы вокального сопровождения. Я, на том основании что мне пятьдесят восемь и три четверти, тоже попробовал было к ним примазаться, но был водворен на место. Мне сказали, что пятьдесят восемь и три четверти — тоже неплохо, но все же недостаточно.

Впрочем, я из-за этого особенно не убивался, мне было не до того. Я вспомнил, что у меня с собой нет паспорта, как бы меня вообще здесь не оставили, когда остальные уедут, куда там им будет назначено. Но, к счастью, тут же вместе со мной находились двенадцать солидных жителей Ле-Тукэ, готовых засвидетельствовать мою личность и благонадежность. Они все собрались вокруг меня и наперебой, горячо принялись за дело. Комендант был явно слегка ошарашен такой лавиной свидетельских показаний, и в конце концов меня тоже включили.

Дело было в субботу вечером, а разговоры и обсуждения потом продолжались еще далеко за полночь. Не знаю, кто первым пустил слух, что нас переводят в Льежские казармы, но кто бы это ни был, он оказался совершенно прав. Именно Льеж стал следующим пунктом нашего назначения. Назавтра в одиннадцать часов утра нам выдали полуденную

порцию супа, а затем вывели наружу, запихали в тюремные кареты и отвезли на вокзал.

По тому, в какой спешке все это происходило, можно было предположить, что наш поезд отходит где-то не позже половины двенадцатого. Но ничего подобного. Наш комендант был человек предусмотрительный. Я думаю, он когда-то опоздал на ответственный поезд, и этот случай не выходил у него из головы. Факт таков, что он обеспечил доставку на вокзал нашей группы интернированных иностранцев к одиннадцати часам сорока минутам утра, а тронулись мы с места в восемь часов вечера. Так и представляешь себе его разговор с отвозившим нас сержантом по возвращении последнего: «Ну, что, поспели эти ребята на поезд?». — «Да, сэр, были на месте за восемь часов двадцать минут до отправления». — «Ух ты, едва не опоздали. В следующий раз смотрите, не откладывайте выезд до последней минуты».

Вообще я за время своего заключения заметил за немцами такую особенность: они начинали собирать нас в дорогу в спешке и суматохе, а затем как-то утрачивали интерес. Это напомнило мне Голливуд. Когда вас приглашают туда на работу, сначала приходит телеграмма с повелением явиться на место точно первого июня в десять часов утра. Пять минут одиннадцатого будет уже поздно, а о том, чтобы приехать второго июня, не может быть и речи, это означало бы крах всей кинопромышленности. Вы начинаете бегать, как угорелый, пересаживаетесь с самолета на самолет, и в десять часов утра первого июня являетесь на студию, где вам говорят, что увидеться с вашим работодателем вы сейчас не можете, он уехал в Палм-Спрингс. После этого ничего не происходит до двадцатого октября, когда вам дают задание и напоминают, что дорог каждый миг.

Вот так же и немцы с поездами, не любят они все откладывать на последнюю минуту.

В целом, подводя итог своему арестантскому опыту, я бы сказал, что заглянуть в тюрьму для ознакомления небезынтересно, но жить там я бы не хотел, хоть вы мне ее подарите. С моей стороны никаких слез при расставании не было. Я был рад, что покидаю Лоосскую тюрьму. Последним, кого я видел, отъезжая, был стражник, который захлопнул дверь арестантской кареты и отступил на шаг, показывая, что путь свободен. Он сказал мне: "Аи revoir", — что, по-моему, было не совсем тактично».

«Вы прослушали вторую из серии еженедельных радиопередач мистера Вудхауза, которые мы транслируем по нашей станции».

ПЕРЕДАЧА ТРЕТЬЯ

«Предыдущая часть моего радиорассказа с продолжениями под общим заголовком «Как стать интернированным лицом и не впасть в уныние», — кончилась, если помните, на том, как наша компания пилигримов едва не опоздала в Лилле на поезд: до его отправления, когда мы прибыли на вокзал, оставалось всего каких-то восемь часов и двадцать минут. А после этого состоялась наша поездка в Льеж.

Одним из неудобств в жизни интернированного иностранца является то, что переезд из одной точки в другую вам приходится совершать в обществе восьмисот себе подобных. То есть, спальный вагон-люкс полностью исключается. Мы проделали двадцатичетырехчасовое путешествие по железной дороге в поезде, составленном из так называемых теплушек со знаменитой надписью: "Quarante Hommes, Huit chevaux", иначе говоря, в вагонах для транспортировки скота. Мне случалось их видеть в мирное время на железных дорогах во Франции, и я тогда еще задумывался, каково это оказаться одним из quarante hommes? И вот теперь убедился: удовольствие сильно ниже среднего. Восемь лошадей, может, и смогли бы устроиться с удобством в этом хлеву на колесах, но сорока человекам он тесен. Всякий раз, вытягивая ногу, я пинал ближнего; и это бы еще ничего, если бы не то, что всякий раз, когда ближний вытягивал ногу, пинок доставался мне. Единственное приятное воспоминание, оставшееся у меня от этой поездки, это как нас выпустили на десять минут на берегу Мааса.

Приехав в Льеж и поднявшись по склону горы в казармы, мы попали в обстановку полной неподготовленности. Германия к тому времени была уже как та старушка, которая жила в сапоге. У нее появилось так много детей, что она не знала, что с ними делать.[89] Новое прибавление семейства в нашем лице, похоже, было ей вовсе ни к чему, — но ведь не вышвырнешь же вон, жалко.

В Льеже приготовления к нашему приему еще не были завершены. Мы были словно гости, раньше времени явившиеся на бал. Например, прибыло восемь сотен человек, которым предстояло питаться почти исключительно супом, и хотя, где раздобыть суп, администрации было известно, о том, во что его разливать, не позаботились.

Но восемьсот интернированных иностранцев не могут просто обступить котел и лакать. Во-первых, они обожгут языки, а кроме того, у кого язык проворнее, тот вылакает больше своей нормы. Ситуация была из

тех, что требуют безотлагательного решения, и выход был найден благодаря нашей изобретательности. При казарме на задворках имелась огромная мусорная куча, куда бельгийские солдаты столетиями выбрасывали старые походные котелки, консервные банки, чашки с выщербленными краями, бутылки, ржавые чайники и емкости из-под машинного масла. Мы это все откопали, вымыли и вычистили — и пожалуйста! Мне повезло, я получил как раз сосуд из-под машинного масла. Он придавал супу толику пикантности, какой не хватало другим.

Льеж походил на настоящий концентрационный лагерь, в каком мы жили потом в Тосте, не больше, чем черновой план-сценарий походит на готовый роман. Имелась какая-то рудиментарная организация, то есть нас распределили по спальням, каждая со своим ответственным, но по сравнению с Тостом, где были: лагерный капитан, его помощники, лагерные комитеты и так далее, Льеж видится совсем примитивным. А кроме того, там была немыслимая грязь, как и во всех других местах, где прежде проживали бельгийские солдаты. Бельгийский солдат не почувствует себя дома, пока не сможет расписаться по донным отложениям на полу.

Мы провели в Льеже неделю, но, оглядываясь назад, мне просто не верится, что наше пребывание там длилось всего каких-то семь дней. Возможно, из-за того, что там было абсолютно нечем заняться, только переминаться с ноги на ногу. Помимо нас, в казармах содержались еще и французские военнопленные, но нам с ними общаться не позволялось, нам был выделен отдаленный уголок казарменного двора. Хватало места только для того, чтобы стоять, и мы стояли. Я как-то подсчитал, сколько часов я простаивал в сутки, от подъема до отбоя, включая построение на поверку и очереди за пищей. Получилось почти шесть часов. Единственное время, когда мы не стояли, было после обеда, когда полагалось лежать на кровати. Потому что в Льеже у каждого имелась кровать. А в остальном в казарме все было практически такое же, — если не хуже, — как в нашей доброй старой незабвенной тюрьме.

Построения для поверки происходили в восемь утра и восемь вечера, и тут я как раз был не против отстоять свои пятьдесят минут или час, так как это было единственное развлечение для мыслящего человека. Вы, наверное, подумаете, что пятьдесят минут — многовато, для того чтобы пересчитать по порядку восемьсот человек, но вы бы поняли свою ошибку, если бы увидели нас в деле. Не знаю, почему, но мы никак не могли усвоить науку построения. Старались. Но не получалось.

Начиналось с того, что сержант приказывал нам построиться в

колонну по пять человек. Приказ передавался по рядам нашими языкознатцами, которые понимали по-немецки, мы умудренно кивали и разбирались сначала по четверо, потом по трое, потом по шестеро. Когда же мы, едва не доведя сержанта до родимчика, все-таки выстраивались в колонну по пять, думаете, на том и делу конец? Вовсе нет. Это было только начало. Внезапно старина Билл из сорок второй шеренги замечал в двадцать третьей шеренге старину Джорджа и с сигаретой во рту переходил к нему поболтать.

А время бежит. Наконец, старина Билл, выслушав все, что старина Джордж имел ему сказать про положение в Европе, отправляется на свое прежнее место, но оно оказывается уже заполненным, как заполняется водой лунка в песке во время прилива. Минуту он стоит обескураженный, но потом быстро соображает, как поступить. Он пристраивается седьмым за стариной Преси, который отходил поболтать со стариной Фредом и, только что возвратившись, занял шестое место.

Тут в дело вступает капрал, в чьих жилах бежит кровь пастушьей собаки. Он отрезает Билла и Преси от стада, и немного погоняв их и порявкав на остальных, вроде бы устанавливает в рядах исходный порядок.

Конец? Опять же нет. Сержант, капрал и французский солдат на ролях переводчика движутся вдоль колонны, считая головы, а потом отходят в сторону и становятся тесным кружком, как игроки в регби. Продолжительная пауза. Что-то не так. По рядам передают, что недосчитались одного человека, и кажется, этот недостающий человек — старина Джо. Мы между собой обсуждаем это известие с возрастающим жаром. Неужели старина Джо сбежал? Не передала ли ему украдкой дочка тюремщика напильник в мясном пироге?

Но нет. Вот появляется старина Джо собственной персоной. Шагает непринужденно, с трубкой в зубах и снисходительно поглядывает на нас, как бы говоря: «Привет, ребята. В солдатики играете? А мне можно с вами?» На его голову сыплют проклятия — по-немецки сержант, по-французски переводчик и по-английски мы, — но он проходит и становится на свое место.

А поскольку почти все участники смотра покинули строй и сгрудились вокруг сержанта и старины Джо, чтобы послушать, что первый говорит второму, возникает нужда в новом пересчете. Нас снова считают, и снова происходит совещание. На этот раз по какой-то загадочной причине нас стало меньше сразу на шесть человек. В наших рядах рождаются пораженческие настроения. Похоже, что мы несем потери.

Вперед выступает патер. Он служит как бы связным между нами и

немцами. Патер задает вопрос: зарегистрировались ли те шестеро, которых привезли из Гента? Но не тут-то было. Так сразу этому лорду Питеру Уимзи[90] нашу загадку разгадать не удается. Интернированные из Гента регистрацию прошли. Начальство снова устраивает совещание. На него приглашаются старосты, и нам велят разойтись по комнатам, а старосты пусть соберут и пересчитают каждый своих подопечных.

Моя комната — пятьдесят вторая В — идет даже на то, что, раздобыв большой кусок картона, пишет на нем мелом: «Звансиг маннер, штиммт!», — что, по уверениям нашего языковеда, означает: «Двадцать человек, все на месте!» И когда нас по свистку снова сзывают на поверку, я несу этот плакат на груди, точно человек-реклама на лондонских улицах. Но, к нашему разочарованию, это не вызвало улыбки на устах начальства. Что, впрочем, вполне понятно, у начальства и без того голова идет кругом от нового пересчета, так как старина Билл опять отошел к старине Джорджу для обсуждения вопроса, действительно ли вчерашний кофе отдавал керосином сильнее, чем сегодняшний? По мнению Билла, да, а Джордж все-таки не вполне в этом убежден.

Капрал, голося, как свора гончих псов, их разгоняет, и собирается новое совещание. Недосчитались пятерых. Полный тупик без проблеска надежды на выход. Но тут кто-то ушлый, не иначе как месье Пуаро, вспоминает: «А те, кто в лазарете?» Их там оказывается как раз пятеро, и нас распускают. Мы с пользой и приятностью провели пятьдесят минут и обогатили наши знания о природе человека.

Нечто похожее происходит в семь утра, когда мы выстраиваемся в очередь за завтраком, а также в одиннадцать тридцать и в семь вечера, перед обедом и ужином, с той только разницей, что в очереди мы движемся и поэтому можем нагляднее проявиться. Если мы плоховато стоим в шеренгах то на ходу вообще норовим сбиться в кучу, и довольно нескольких шагов, чтобы мы уподобились толпе, рвущейся на волю из горящего кинематографа.

Пищу нам раздают из больших котлов, выставляемых за порог общественной кухни в глубине двора. Капрал не особенно оптимистичным тоном, так как уже наблюдал нас в действии, велит нам разобраться по четыре человека. Мы разбираемся, и поначалу кажется, что на этот раз все сойдет благополучно. Но тут вдруг старине Биллу, старине Джорджу, старине Джо и старине Преси одновременно со ста двадцатью другими интернированными гражданскими лицами приходит в голову, что, если выйти из задних рядов, подбежать и затесаться среди передних, можно будет получить свою порцию скорее. Они сразу срываются с места, а

следом за ними и еще человек восемьдесят из наиболее сообразительных, которые разгадали ход их мыслей и решили, что идея вовсе не плоха. Через двадцать минут капрал, убеленный сединой, с глубокими бороздами поперек лба, восстанавливает строй в шеренги по четыре, и все начинается снова.

В хороший день — когда старина Билл и его приятели были в наилучшей форме — на то, чтобы задние в очереди дошли до котла, требовалось три четверти часа. Но трудно было представить себе, что будет в дождливый день.

Впрочем, дождливых дней, к счастью, при нас не было. Ясная солнечная погода держалась всю неделю, пока, по прошествии этого срока, нас не погрузили в фургоны и не отвезли на вокзал. Теперь пунктом нашего назначения была находившаяся оттуда в двадцати пяти милях Цитадель И — где также раньше стояли бельгийские воинские части.

Если бы меня спросили, после кого я предпочел бы занять помещение, после французских заключенных или после бельгийских солдат, я бы затруднился с ответом. Заключенные французы расписывают стены рисунками, от которых щеки скромности заливает краска стыда, но в быту они довольно чистоплотны, — тогда как бельгийские солдаты, о чем я уже говорил выше, оставляют своим сменщикам невпроворот работы. Не хочу быть неделикатным, могу лишь сказать, что кто не чистил сортиров после бельгийских солдат, тот еще горя не видал.

Пожив в Льеже, а потом в Цитадели И, я проникся здоровым отвращением к бельгийцам, которое отличает всякого разумного человека. Если я никогда больше на своем веку не увижу ничего бельгийского, меня это нисколько не огорчит».

ПЕРЕДАЧА ЧЕТВЕРТАЯ

«Сегодня в нашей Берлинской студии находится мистер П.Г. Вудхауз, всем известный создатель образов Дживса, Берти Вустера, лорда Эмсворта, мистера Маллинера и других замечательных героев. Мы подумали, что американским читателям будет небезынтересно услышать от мистера Вудхауза продолжение его рассказа.

У микрофона — мистер Вудхауз»:

«Перед тем как начать сегодняшнюю передачу — четвертую в серии из пяти, что соответствует пяти этапам моего заключения, я хочу сказать

несколько слов на другую тему.

Пресса и публика в Англии выдвинули предположение, что меня заставили выступить с этими передачами, каким-то образом подкупив или запугав. Но это не так.

Я не заключил сделку и не купил освобождение из лагеря ценой выступления по радио, как обо мне говорят. Меня освободили, потому что мне исполнилось шестьдесят лет — точнее, исполнится в октябре. А тем, что я оказался на свободе несколькими месяцами раньше срока, я обязан хлопотам моих друзей. Как я объяснил во Второй передаче, если бы мне было шестьдесят к моменту интернирования, меня отпустили бы домой в первую же неделю.

Побудило же меня выступить по радио простое обстоятельство. За время, что я сидел в лагере, мне пришли сотни писем с выражением сочувствия от американских читателей, людей мне лично не знакомых, и мне, естественно, хотелось сообщить им, как идут у меня дела.

В существовавших условиях ответить на эти письма я не мог, но оказаться неблагодарным и невежливым, якобы пренебрегая ими, очень не хотелось, и радиовыступление представилось подходящим выходом.

А теперь я возвращаюсь к обстоятельствам нашего пребывания в Цитадели И — последнем перевалочном пункте на пути к месту нашего окончательного расположения, городку Тосту, что в Верхней Силезии.

Составляя тексты моих выступлений на тему «Как стать интернированным иностранцем без предварительной подготовки», я сталкиваюсь со следующей трудностью: мне неясно, какие стороны моей жизни в неволе представляются наиболее занимательными для слушателя.

Когда кончится война и вокруг меня соберутся внуки, такой вопрос, разумеется, не возникнет. Им, беднягам, волей-неволей придется выслушать весь рассказ, с подробностями, день за днем, без купюр. Но сейчас, на мой взгляд, нужен все-таки некоторый отбор. Многое из того, что представляется важным и захватывающим самому узнику, другим может быть совершенно неинтересно, Что, например, вам с того, что на путешествие от Льежа до И в двадцать пять миль у нас ушло четыре часа? Или что во время подъема в гору к Цитадели были моменты, когда старику деду казалось, что он сейчас упадет и испустит дух? Вот видите.

И по этой причине я не собираюсь особенно задерживаться на тех пяти неделях, которые я прожил в И. Кстати, пусть это имя никого не смущает. Оно пишется H=U=Y и в любой стране, кроме Бельгии, читалось бы как *ХЬЮИ*. Так что имейте в виду, когда я говорю «И», я не подражаю лошадиному ржанию, а называю нашу цитадель.

Цитадель И — это одно из тех исторических строений, где в мирное время берут за вход по два франка с человека. Возведена она на самом деле при Наполеоне, но атмосфера там исключительно средневековая. Цитадель стоит на вершине горы, настолько крутой, что ее бока вполне годились бы под барельефы Кутзона Борглума,[91] а сверху открывается вид на реку Маас. Словом, цитадель, раз туда попал, то уж попал. Толщина ее стен — четырнадцать футов. Коридоры освещаются узкими бойницами в нишах. Через эти бойницы женатые люди, чьи жены проживают в Бельгии, переговариваются с ними, когда те их навещают. Жена стоит на горе, под самой стеной и, обращаясь к мужу, кричит во весь голос. Видеть же друг друга они не могут. Получается нечто вроде сцены из оперы «Трубадур».

Единственное место, откуда немного видно того, кто стоит под стеной, — это окно в зале, где впоследствии устроили столовую. Тот, к кому пришли, со всех ног бежит в зал и бросается в окно, но не вылетает, а ложится ничком на широченный подоконник. С непривычки это выглядит устрашающе, но потом привыкаешь. Я, впрочем, так до конца и не изжил страха, что вот сейчас человек не рассчитает и вывалится вон. Позднее лежать на подоконнике было запрещено, как и почти все остальное в этом заведении, лозунг которого, кажется, был: «Ступай посмотри, что они делают, и скажи, что этого нельзя». Помню, нас как-то выстроили на дополнительную поверку, исключительно чтобы объявить, что воровать запрещается. То-то мы расстроились.

Эти дополнительные поверки играли значительную роль в жизни Цитадели И, местный комендант явно питал к ним слабость, род недуга.

Вы не думайте, я считаю, что его можно понять. Будь я на его месте, я бы, наверное, тоже устраивал дополнительные поверки. Жил он внизу, в городке, а проезжей дороги, которая бы связывала Цитадель с остальным миром, не существует, есть только крутая, извилистая тропа. Так что добираться к нам ему приходилось исключительно пешком. Был он толстый, коротконогий человечек за шестьдесят, а карабкаться в гору по крутой извилистой тропе для толстых коротконогих человечков, которые уже не так молоды, как прежде, — занятие не из приятных. Долг требовал от него время от времени подниматься в Цитадель и спускаться обратно, и он подчинялся требованию долга; но удовольствия ему это не доставляло.

Представляю себе, как он отправляется в путь, исполненный доброжелательства и благоволения, — так сказать, душка и миляга, — но постепенно, карабкаясь выше и выше, он озлобляется. И когда, наконец, достигает цели, ему уже вступило в поясницу, и бедные старые ноги гудят, вот-вот взорвутся шрапнелью, и видеть, как мы слоняемся без дела и без

забот, ему как нож острый. Он хватается за свисток и сзывает нас на внеочередную поверку.

Помимо этого, внеочередные поверки по два-три раза в день назначает сержант — в тех случаях, когда требуется сделать какое-нибудь объявление. В Тосте у нас для объявлений была специальная доска, на которую ежедневно прикалывали приказы начальства, но в И никто до такой хитрости не додумался. Здесь знали только один способ связи между администрацией и интернированным контингентом: общее построение. Раздаются три свистка, мы устремляемся во двор, через какое-то, довольно продолжительное время более или менее выстраиваемся, и тогда нас оповещают, что на имя Омера прибыла посылка — или что бриться следует ежедневно — или что запрещается курить на поверке — а также держать во время поверки руки в карманах — или что нам разрешается купить игральные карты (а на следующий день — что играть в карты запрещается) — или что наши парни не должны толпиться возле караулки и выпрашивать у солдат пищу — или что на имя Омера прибыла посылка.

Я вспомнил, как во время оно, когда я сочинял музыкальные комедии, одна хористка мне горько жаловалась, что если надо, чтобы плотник вбил гвоздь в задник, по этому случаю обязательно собирают репетицию хора. Теперь мне стала понятна ее досада. Ничто так не омрачает жизнь и не высвечивает жестокость бытия, как троекратный свист, в ответ на который ты должен, не домывшись, выскочить из ванны и, не вытеревшись, кое-как одеться, и выстроившись во дворе, простоять по стойке «смирно» минут двадцать, чтобы затем услышать, что на имя Омера прибыла посылка.

Не то чтобы мы имели что-нибудь против самого этого Омера. Симпатичный человек, его все любили, особенно — непосредственно после получения очередной посылки. Нас только обижало, что никому другому посылки почему-то не приходят. А причина была в том, что его взяли «на месте», то есть прямо на виду у всех его близких и почитателей, проживавших по соседству, а остальные из нас очутились далеко от дома и до сих пор не смогли связаться с нашими женами. Именно это обстоятельство сделало первые недели нашего пребывания в лагере настоящим кошмаром. И дело тут не в посылках. Конечно, получить что-нибудь из дома было бы неплохо, но мы бы обошлись. А вот узнать, что с нашими женами, как они там без нас, — этого всем хотелось. Только позднее, уже в Тосте, стали приходить письма и мы смогли отвечать на них.

К тем немногим почтовым отправлениям, которые все-таки просачивались в нашу цитадель, начальство относилось с большой

опаской. Их сначала раздавали адресатам на общей поверке, позволяли в течение двух-трех минут прочесть, а затем полагалось возвратить их капралу, и тот рвал их на мелкие кусочки. Когда же приходила посылка для Омера, ее вскрывали, просматривали все содержимое от первой банки сардин до последнего шоколадного батончика, и только после этого отдавали получателю. Я думаю, вина за такое обращение лежит на участниках прошлой войны, которые описывали в книгах, как ловко им удавалось бежать из немецкого плена с помощью шифров, присылаемых по почте, а также компасов и прочих приспособлений, запрятанных в банки с мясными консервами. Они, конечно, ничего дурного не имели в виду, но нам из-за них приходилось несладко.

Суровые — вот каким словом я бы описал условия в И, где я провел в заключении пять недель. Когда первая свежесть впечатлений на новом месте потускнела, мы остро ощутили, что положение наше аховое и это, похоже, надолго. Притом еще подходили к концу запасы курева, и наши желудки никак не могли приспособиться к тамошней системе нормирования, которая, для мест заключения, была вполне сносной, но все-таки значительно хуже, чем мы привыкли дома. Мы были почти все большие любители поесть, а нас внезапно посадили на диету, и наши желудки, обозлясь, выражали по этому поводу шумное негодование.

В рацион входили: хлеб, якобы кофе, джем или жир и суп. Иногда вместо хлеба мы получали по пятьдесят крохотных крекеров. В этих случаях несколько человек объединялись, каждый вкладывал в общий котел по пятнадцать крекеров, их крошили, смешивали с джемом, и потом на кухне эта масса запекалась. Получался торт. Возникали, однако, сомнения, стоит ли ради этого жертвовать пятнадцатью кровными крекерами. Торт, конечно, выходил замечательный, но твоя порция моментально проскальзывала в глотку, и дело с концом. Между тем как один крекер можно было жевать в течение некоторого времени.

Начались эксперименты. Один человек нашел в углу двора какой-то куст, на котором росли ягоды, и съел их — поступок здравый, так как, по счастливой случайности, ягоды оказались неядовитые. Другой придумал оставлять от обеда j часть супа, а вечером смешивать его с джемом и съедать в холодном виде. А я лично пристрастился к спичкам. Суешь спичку в рот, пожуешь, разотрешь в кашицу, и можно глотать. Годятся для этого и шекспировские сонеты, особенно с сыром. А когда заработал внутренний ларек, там почти всегда можно было приобрести сыр.

Не много, конечно. Работа ларька была устроена так: двоих заключенных отпускали под конвоем в город, и они закупали там столько

продуктов, сколько в силах были донести в двух рюкзаках. И это из расчета на восемьсот человек… Обычно приходилось по кусочку сыра в два дюйма длины и такой же ширины на одного желающего.

Когда кончился табак, многие из нас стали курить чай или солому. Курильщиков чая принимали в штыки соседи по комнате, уж слишком неприятный дух распространялся от них по всему помещению — эдакая тошнотворная, сладковатая и на диво стойкая вонь. Чаекурение имеет еще тот недостаток, что вызывает припадки. Стало обычным явлением, что человек сидит, бывало, и попыхивает трубкой, и вдруг заваливается на бок, так что приходится применять к нему меры первой медицинской помощи.

Еще одним недостатком Цитадели И было то, что нас тут так же — и даже больше — не ждали, как и в Льеже. Вы, может быть, помните, в прошлой передаче я говорил о том, что в Льеже наш приезд был полным сюрпризом, там не нашлось даже сосудов, из которых мы могли бы выхлебывать суп. А в И не оказалось постелей.

Интернированному иностранцу, чтобы спать, никаких особых роскошеств не требуется, дайте ему клок-другой соломы под бок, и он этим удовольствуется. Но в И поначалу казалось, что для нас не найдется даже соломы. Однако в конце концов солому откуда-то выгребли, довольно, чтобы расстелить тонким слоем по полу, но и только. Одеял нашлось лишь на двадцать человек, я был не из их числа. Не знаю почему, но я всегда оказываюсь не из числа тех двадцати, кому что-то достается. Первые три недели я укрывался ночью собственным макинтошем и теперь мечтаю встретиться с адмиралом Бердом,[92] чтобы обменяться впечатлениями.

Хотя боюсь, я не дам ему рта раскрыть. Только он примется рассказывать какой-нибудь случай на зимовке у Южного Полюса, как я тут же его прерву: «Минуточку, Берд, одну минуточку, дайте-ка я опишу вам свои ощущения по ночам в И с 3-го августа 1940 года и до прибытия моего шлафрока. Не толкуйте мне про Южный Полюс, это все равно как рассказывать Ною про дождик».

Ну, вот. Теперь вы поняли мои слова о том, что рассказ исполненный для лагерника жгучего интереса, у публики вызовет лишь зевоту и желание выключить радио. От скалистых берегов Мэна до заболоченных низин Флориды не найдется, думаю, ни одного человека, который забеспокоится, даже если услышит, что ночами в И мои склоны покрывались инеем и мои розовые маленькие пальцы на ногах замерзали и отваливались один за другим. Ну, да ладно, погодите. Дайте мне добраться до моих внуков.

Однако, как совершенно справедливо кто-то заметил, темнее всего бывает перед рассветом. И как ответил Мафусаил репортеру местной

газеты на вопрос, что чувствует человек, проживший девятьсот лет: «Первые пятьсот лет тяжеловато, а потом — одно удовольствие». Так же было и с нами. Первые семь недель неволи достались нам тяжело, но радость ждала за поворотом. То есть, короче говоря, предстояли хорошие времена. Восьмого сентября, день в день через пять недель после прибытия, нас снова выстроили на дворе и на этот раз сообщили нам не о том, что Омеру прибыла посылка, а что нам следует собрать пожитки, ибо мы снова отправляемся в путь к неизвестному месту назначения.

Местом этим оказалась деревня Тост в Верхней Силезии».

ПЕРЕДАЧА ПЯТАЯ

«В прошлой передаче я остановился на том, как наши восемьсот человек интернированных иностранцев были отправлены в деревню Тост в Верхней Силезии. Не знаю, насколько хорошо мои слушатели разбираются в географии Центральной Европы, поэтому на всякий случай поясню, что Верхняя Силезия находится в самом конце Германии, а деревня Тост находится в самом конце Верхней Силезии — собственно говоря, еще шаг или два от того места, где нас высадили, и мы оказались бы в Польше.

Ехали мы на этот раз не товарняком, не в вагонах для скота, а в человеческом поезде, разбитом на небольшие отделения, по восемь человек в отделении, на дорогу у нас ушло три дня и три ночи, и за это время мы шагу не сделали из своего уютного уголка. Покидая Цитадель И, мы получили с собой по полбатона хлеба и по половине колбасы, а проведя в поезде тридцать два часа, — по второй половине батона и суп. В ночные часы поездка была не очень приятна. Приходилось выбирать между двумя альтернативами: либо сидеть и спать, держа спину прямо, либо нагнуться вперед и поставить локти на колени. В последнем случае тебе грозила опасность столкнуться лбами с тем, кто сидит напротив. Я не понимал смысла выражения «твердолобый йоркширец», пока не расшиб себе лоб о лоб Чарли Уэбба, который родился и вырос в йоркширских краях.

По причине этого, а также из-за того, что мы в пути трое суток не мылись, я был не в наилучшей форме, когда мы прибыли в Тостскую психбольницу, которую для нас переоборудовали под лагерь. Но, несмотря на то, что с виду я походил на ветошь, принесенную вороной с помойки, духом я нисколько не пал. Потому что с первого взгляда определил, что здесь нас ждут условия гораздо лучше, чем на прежних стоянках.

Радовало, например, то, что, как выяснилось, с нами вместе не

приехал «Вшивец», как мы любовно называли одного нашего сожителя в Цитадели И. Это был общественно опасный элемент, причинивший мне много неприятных мгновений за те пять недель, что мы жили с ним в тесном контакте. У бедняги не только были вши, но он еще страдал какой-то в высшей степени заразной кожной болезнью, однако о том, чтобы держаться на расстоянии от других, даже не помышлял. Человек общительный, душевный, он любил, как кошка, тереться возле людей. А однажды я видел, как он помогает на кухне чистить картофель. Славный малый — как хорошо, что его больше не было среди нас.

Другим обстоятельством, внушавшим оптимизм, было то, что, похоже, нам тут, наконец, заживется просторнее. Корреспондент от «Ассошиейтед пресс», позднее приехавший взять у меня интервью, написал, что Тостский сумасшедший дом — не замок Бландингс. Разумеется, нет, кто спорит. Но все-таки там было много места. Если бы у вас имелась кошка и вам захотелось бы, держа за хвост, раскрутить ее у себя над головой, в наших новых квартирных условиях это было вполне осуществимо.

Психбольница Верхней Силезии состояла из трех корпусов — одно большущее кирпичное строение, где вполне могли бы расположиться свыше тысячи человек, и два поменьше, но тоже поместительные. Мы жили и спали в первом, а есть ходили в одно из меньших, и там же был лазарет. Третье здание, так называемый Белый дом, стояло в дальнем конце больничной территории за оградой из колючей проволоки и первые месяца два использовалось только как распределительный пункт для вновь поступающих. Позже вход в него открыли, и он стал своего рода культурным центром лагеря: там занимались и давали концерты наши музыканты, в воскресные дни совершались богослужения, и там же мне выделили для работы палату-бокс с обитыми войлоком стенами, где я написал роман.[93]

Территория больницы представляла собой настоящий, традиционный парк, в нем росли деревья. Кто-то не поленился, вымерял его и установил, что он имеет в окружности ровно триста ярдов.[94] После пяти недель в И он казался нам Йеллоустонским парком. С одного его бока шла высокая слепая стена, но с другой — открывался живописный вид на ограду из старинной колючей проволоки и на чей-то огород. А поперек через центр шла аллея, и летом, когда наши умельцы смастерили мяч из кокоса, обвитого веревкой, там играли в крикет.

Но что особенно понравилось мне в Тосте, как только я разобрался в обстановке, было то, что это действующее учреждение. Прохаживаясь

перед Белым домом, мы могли видеть за колючей оградой человеческие фигуры, и их присутствие свидетельствовало о том, что нам не придется самим строить себе жилище на пустом месте, как это было в Льеже и в И. Здесь был настоящий, работающий лагерь, а не перевалочный пункт.

Это подтверждалось и составом приемной комиссии: в нее входили, помимо прочих, несколько англоязычных переводчиков. После того как был просмотрен наш багаж и все приняли ванну, к нам явился джентльмен, представившийся помощником капитана лагеря, и тогда мы поняли, что теперь у нас все как у людей. Возможно, моим слушателям будет интересно узнать, как устроен концлагерь для гражданских лиц. На самом верху комендант, у него в подчинении — несколько капитанов и оберлейтенантов и сотни две солдат, которых размещают в казарме за пределами территории, обнесенной колючей проволокой. На них, однако, можно не обращать внимания, так как в жизни интернированных они участия не принимают, мы видели только тех немногих, кто посменно стоял часовым на посту. Для нас было важно внутреннее устройство лагеря, то есть область, где находимся мы и смотрим не снаружи внутрь, а изнутри наружу.

Внутри лагеря распоряжается лагерфюрер, у него четыре капрала, по одному на этаж, мы дали им прозвища: Плуто, Розанчик, Джинджер и Дональд Дак.[95] Их обязанность — поднимать нас по утрам и следить за тем, чтобы пересчет узников на поверке завершался до прибытия лагерфюрера с инспекцией, а также неожиданно вырастать рядом с вами из-под земли, когда вы курите в коридоре в неположенное время.

С этими начальственными фигурами в контакте действует небольшая группа лагерного самоуправления: капитан лагеря, двое помощников капитана, ответственные по этажам и ответственные по комнатам. Ответственные по этажам несут ответственность за этаж в целом, ответственные за комнаты — соответственно за комнаты. Помощники суетятся повсюду и очень стараются выглядеть деловито, а капитан лагеря поддерживает отношения с лагерфюрером, еженедельно по пятницам с утра являясь к нему в кабинет со списком жалоб, собранных у простого народа, то есть у меня и у остальных наших. Если, положим, к завтраку два утра кряду подают остывший кофе, пролетариат доводит это до сведения капитана, он передает лагерфюреру, а тот — коменданту.

Да, забыл еще одного начальника над лагерниками, это зондерфюрер, то есть, очевидно, фюрер, который зондирует.

Самым ценным преимуществом настоящего лагеря для интернированных гражданских лиц иностранного подданства является то,

что интернированные лица здесь круглые сутки предоставлены самим себе. На прошлой неделе я рассказывал, как в Цитадели И по многу раз на дню устраивали поверку. А вот в Тосте за все сорок две недели было всего три внеочередных поверки. Начальство там только утром и вечером проверяет, все ли мы на месте, и довольствуется этим. Так что нас пересчитывали в семь тридцать утра и на ночь за час до отбоя и гашения света. А все остальное время мы были вольны делать что хотим.

И по части дисциплины и формальностей тоже соблюдалась мера. Мы были обязаны при встрече приветствовать начальников, но встречались они нам нечасто. Имелась инструкция, согласно которой, если заключенные стоят группой, первый, кто увидит приближающегося начальника, должен крикнуть: «Ахтунг!» (Как в нашей молодости, кто первым увидит человека с бородой, должен был крикнуть: «Бивер!»), после чего, гласила инструкция, все оборачиваются лицом к начальнику, стоя по стойке «смирно» и держа руки вдоль боковых швов своих брюк, — наших лагерных брюк, как вы понимаете, — и смотрят прямо на него, придав корпусу строго вертикальное положение. Инструкция была неплохая, но открывала большие возможности для наших юмористов. Можно неплохо позабавится, если крикнуть: «Ахтунг!» — и потом наблюдать, как твои товарищи вытягивают руки по швам и придают корпусу строго вертикальное положение, а никакого начальства поблизости и в помине нет.

Жизнь за лагерной оградой подобна жизни на свободе в том отношении, что она такова, какой вы сами ее сделаете. Что вы — заключенный, это неприятно, но факт, от него никуда не денешься. Но можно постараться не вешать из-за этого нос. Именно к такой цели мы и стремились, и мне кажется, что и все прочие арестованные в Германии англичане стремятся к тому же. Нам в Тосте очень помогало то, что среди нас были матросы с «Орамы», а это такой народ, развеселят любого.

А кроме того, было много иностранцев из Голландии, главным образом учителя иностранных языков и музыканты, и один замечательный организатор — профессор Дойл-Дэвидсон из Брабантского университета. А это все означало, что теперь наша интеллектуальная жизнь уже не ограничивалась праздным топтанием в коридорах или старинной армейской игрой в цифровое лото — где платишь десять пфенигов за карту с числами, держатель банка вытаскивает из шапки билетики, прочитывает число, и кто первый закроет свою карту, берет банк.

У нас начали устраивать лекции и концерты, ставили ревю и даже одну настоящую комедию — которая получилась бы еще гораздо лучше,

если бы в разгар репетиций исполнитель роли главной героини не угодил на двое суток в карцер.

Мы получили возможность обучаться французскому, немецкому, итальянскому и испанскому языкам, приемам первой медицинской помощи и стенографии, а также выяснить все, что поддается выяснению во французской и в английской литературе. Из интернированных чужестранцев мы превратились в школяров. А к концу моего пребывания в Тосте у нас уже была своя газета — веселый листок под названием «Тост-тайме», выходивший дважды в месяц.

Еще одним важным, с моей точки зрения, преимуществом Тоста было правило, что люди старше пятидесяти лет не дежурили по хозяйству, то есть не делали черной работы. В Льеже и в И возрастного ценза не существовало, там наваливались все разом, от почтенных старцев до беззаботных юнцов, одной рукой, так сказать, чистя сортиры, а другой — картофель. В Тосте же старичье вроде меня жило, не ведая забот. Для нас тяготы трудовой жизни сводились к застиланию своих кроватей, выметанию сора из-под них и вокруг, а также к стирке собственного белья. А когда требовалась мужская работа, например таскать уголь или разгребать снег, за дело бралось молодое поколение, а мы только поглядывали да обменивались воспоминаниями из Викторианской эры.

Но у дежурных были обязанности — такие, как, например, подавальщик в столовой или подсобник на кухне, — на которые не было отбоя от добровольцев. Тому, кто их выполнял, полагались двойные порции, между тем как наградой за прочие дела, вроде таскания угля, служила лишь радость физического труда. Казалось бы, настоящий молодой альтруист, потаскав часа два мешки с углем, должен радоваться, что своим трудом обеспечил счастье многих; но я что-то не слышал от наших работяг высказываний в таком духе. Чаще говорили, притом в сердцах, что когда в следующий раз придет их очередь, они уж как-нибудь позаботятся растянуть лодыжку или лечь в лазарет.

Удивительное это дело — жить в полном отрыве от внешнего мира, как живут узники концлагерей. Питаешься почти исключительно картофелем и слухами. Один из моих друзей завел книжечку, куда записывал все слухи, гуляющие по коридорам; через две-три недели читать их было безумно смешно. Среди военнопленных, как я слышал, лагерные слухи по какой-то причине называются «синими голубями». А мы дали им имя «вечерние сказки», и каждая комната имела своего специального корреспондента, в чьи обязанности входило шнырять по коридорам вплоть до отбоя и приносить перед сном свежие новости.

Эти «сказки» потом никогда не подтверждались, но каждый слух, как говорится, поддерживает дух, так что польза от них все равно была. Не знаю, в самом ли деле «вечерние сказки» тому причиной, или же философский подход к своему положению, которое со мной разделяли многие, но настроение узников Тостского лагеря было на диво бодрым. Я никогда больше не встречал таких неунывающих людей, и всгх их я любил, как братьев.

Этой передачей я завершаю рассказ о моих приключениях в качестве интернированного гражданского лица британского подданства, заключенного № 796, и перед тем, как поставить точку, хочу еще раз поблагодарить всех добрых людей в Америке, которые присылали мне письма, пока я находился в лагере. Кто не сидел в концентрационном лагере, никогда не поймет, что значат для узника письма, особенно такие, как получал я».

Примечания

РАННИЕ РАССКАЗЫ

Эти рассказы Вудхауз написал с 1909 по 1912 г. Они выходили обычно в «Стрэнде» (Англия) или «Космополитэне» (США), а позднее — вошли в сборник «Сосед сверху» (1914). Собственно говоря, они не такие уж ранние, Вудхауз давно писал и издавался, а лет ему было от 27 до 31, смотря в каком месяце они вышли, ведь родился он 15 октября. Однако именно они лучше всего выражают его раннюю манеру. Она — не самобытна, тогда многие писали примерно так; наши читатели, скорее всего, вспомнят О. Генри, иногда даже сюжеты перекликаются.

Вскоре появились первые книги, предвещающие его будущую неповторимость — «Что-нибудь эдакое» (1915), «Неудобные деньги» (1916). Наверное, если бы не они и то, что за ними последовало, Вудхауза давно бы забыли, а так — перепечатывают все, включая «ранние». Некоторые их этих рассказов буквально стали классикой, прежде всего «Сосед сверху», «Руфь на чужбине», и вообще те, где есть трогательность. Казалось бы, уж ее журнальная словесность опошлила до невозможности, но нет, у Вудхауза это и впрямь трогает сердце, может быть — потому, что он действительно был очень добрым.

---

notes

Примечания

1

Белые ручки… на берегу Салимара. — Популярная песня на стихи Л. Хоупа (1865–1904) «Кашмирская невеста».

2

…постоянно оставался без своих газелей. — Намек на строки из поэмы Т. Мура «Лалла Рук» (1817): Я вскармливал милых газелей,/Чтобы жизнь мою украшали,/Но едва привязавшись ко мне,/Они умирали.

3

Вторым браком *(франц.)*.

4

Нивен, Дэвид (1909–1983) — знаменитый киноактер.

5

«Здесь я нахожусь, здесь и останусь» *(франц.)* — фраза, приписываемая французскому маршалу Мак-Магону при осаде Севастополя в Крымскую войну 1855 года.

6

…пыли под колесами моей колесницы. — Перифраза строки из стихотворения Аделы Х.К. Николсон, (1865–1904, псевдоним — Лоренс Хоуп) «Ничтожнее пыли под колесами твоей колесницы».

7

свести седину мою с горестью во гроб. — Библейское выражение. Бытие, гл. 44, ст. 29.

8

Примерно 110 см.

9

…*крылья, как у голубя!* — Цитата из Псалтири. Псалом 55, стих 6 (В русском переводе — 54—7).

10

знамя со странным девизом. — Про знамя со странным девизом говорится в стихотворении Г. Лонгфелло «Эксельсиор» (1842).

11

…и в грудь себя бия. — Цитата из трагедии Дж. Мильтона «Самсон-борец» (1671)

12

Байярд, Пьер де Террай (1473–1524) — знаменитый в Западной Европе «рыцарь без страха и упрека», герой многих преданий и баллад.

13

…*в узилище зловонном.* — Слова из посмертно опубликованного стихотворения Р. Бернса (1759–1796) «Письмо Эзопа к Марии».

14

Остров Дьявола. — Скалистый остров у берегов Французской Гвианы, куда до 1953 года отправляли преступников на каторгу.

15

«Я обвиняю» *(франц.)* — слова-рефрен из знаменитой статьи Э. Золя в защиту Дрейфуса в связи с судебным процессом 1894–1906 гг.

16

…два стража шли по бокам. — Цитата из стихотворения Т. Гуда «Сон Юджина Арама» (1829), где описывается арест убийцы.

17

…готов к предательству, интригам, грабежам, — сказал Шейлок в «Венецианском купце» Шекспира. Действие 5, сц. 1.

18

…*Лохинвар, прибывший из западных стран.* — Зачин поэмы В. Скотта «Мармион» (1808).

19

«Куорн» и «Пайчли» — два из многих английских охотничьих клубов.

20

Мэй Уэст (1893–1980) — американская киноактриса и сценаристка, обладавшая довольно пышными формами.

21

…свинья ты Гадаринская. — Сюжет со свиньями в Гадарине описан в Ев. от Луки. Гл. 8, ст. 37.

22

Запеченная в горшочке сладкая телятина по-тулузски *(франц.)*.

23

Хаммерстайн, Оскар (1895–1960) и *Роджерс, Ричард* (1902–1979) — соавторы знаменитых мюзиклов, таких как «Оклахома» «Звуки музыки» и мн. др.

24

Ф. Т. Барнум (1810–1891) — американский шоумен, «отец рекламы».

25

…останавливало тысячу башенных часов. — Переиначенная фраза из трагедии К. Марло «Доктор Фаустус» (1604), где говорится о Елене Прекрасной, чья красота отправила в плавание тысячу кораблей.

26

Почки по-горняцки *(франц.)*.

27

Седло барашка с латуком по-гречески (франц.).

28

Завалим стену мертвыми телами. — Цитата из хроники Шекспира «Генрих V», акт 3, сц. 1.

29

Черная икра свежая, консомэ из помидоров, сильфиды й раковом соусе *(франц.)*.

30

…оленю на горах бальзамических, — Цитата из библейской книги Песнь Песней, VIII/14.

31

…кто-то там такое сказал раненому на носилках. — Имеется в виду английский знатный рыцарь и поэт сэр Филип Сидней (1554–1586), который, как рассказывают, будучи смертельно ранен, с этими словами отдал свою фляжку раненому солдату.

32

Ко мне склоните слух. — Фраза из монолога Брута над телом убитого Цезаря. У. Шекспир. «Юлий Цезарь». Акт 3, сц. 2.

33

Ипокрена — согласно древнегреческому мифу, источник на горе Геликон, пробитый копытом Пегаса; он посвящен музам и питает вдохновение поэтов.

34

«Море смут» — слова из монолога Гамлета «Быть или не быть». Акт 3, сц. 1 (перев. М. Лозинского).

35

«Попала в самую точку» *(лат.)*.

36

…с приливом достигаем мы успеха. — Цитата из «Юлия Цезаря» Шекспира. Акт 4, сц. 3 (перев. М. Зенкевича).

37

…*распутывали клубок дневных забот*. — Образ из шекспировского «Макбета», акт 2, сц. 2 (перев. Ю. Корнеева).

38

…с безумной догадкой во взоре. — Фраза из стихотворения Дж. Китса «Сонет на первое знакомство с Гомером в переводе Чапмена» (1816).

39

…блуждает между небом и землей. — Цитата из шекспировского «Сна в летнюю ночь», акт 5, сц. 2 (перев. Т.Л. Щепкиной-Куперник).

40

Настоящий господин *(инд.)*.

41

…хотят, но опасаются. — Ссылка на поговорку из сборника Дж. Хейвуда (1546), где говорится про кошку, которая хочет рыбки, но опасается замочить лапы.

42

Море бед — слова из монолога Гамлета «Быть или не быть». Акт 3, сц. 1.

43

…*ушла с прежних мест.* — Строки из стихотворения Г. Лонгфелло «Окончен день» (1845).

44

Ревир, Поль (1735–1818) — один из знаменитых участников Войны за независимость Американских штатов. Прославился тем, что ночью 18 апреля 1775 г. прискакал из Бостона в Лексингтон с известием, что англичане выступают, и поднял всех спящих ополченцев.

45

…таинственным путем, чтоб чудеса творить. — Берти перефразирует стихи Вильяма Купера (1731–1800) God moves in a misterious ways *His wonders to perform*He plants his footsteps in the sea / And rides upon the storm.

46

…в Сан-Франциско при землетрясении. — Катастрофическое Сан-Францисское землетрясение в 8,5 балла произошло в 1906 г.

47

Автор — покойный Уильям Эрнест Хенли. — Имеется в виду слегка переиначенное стихотворение «Invictus. Памяти Р.Т. Хэмилтона Брюса», принадлежащее перу английского поэта У.Э. Хенли (1849–1903).

48

Благородное положение обязывает *(франц.)*.

49

Орден траппистов — выделившаяся в 1664 г. ветвь Цистерцианского монашеского ордена, на членов которой возложены особенно строгие запреты, в частности, они обязаны всю жизнь хранить молчание.

50

…как тихий дождь с небес на землю упадает. — Цитата из шекспировского «Венецианского купца». Акт 4, сц. 1.

51

Гунга Дин. — Стихотворение Р. Киплинга, вошедшее в цикл «Солдатские баллады» (1892).

52

…вспоенной райским млеком. — Цитата из поэмы СТ. Колриджа «Кубла Хан» (1797).

53

…и где-то наземь он упал. — Строка из стихотворения Г.У.Лонгфелло «Стрела и песня»: «Высоко в воздух я пустил стрелу/ И где-то наземь она упала…» (1845).

54

В пустынном воздухе теряя аромат. — Цитата из знаменитой «Элегии на сельском кладбище» (1748) Томаса Грэя (перев. В. Жуковского).

55

Седло барашка по-гречески, маленькая жареная утка «Пти Дюк», нонаты по-средиземноморски с укропом *(франц.)*.

56

…все прекрасно на белом свете. — Перифраз строк из поэмы Р. Браунинга «Пиппа проходит» (1841).

57

…готов был разразиться песней… — Строка из поэмы А. Теннисона «In memoriam» (1850).

58

…и пусть пращи и стрелы яростной судьбы… — Помимо монолога Гамлета «Быть или не быть», здесь цитируется стихотворение У.Э. Хенли «Invictus» («Непобежденный») (1888).

59

Писк ранней пташки на рассвете. — Цитата из поэмы Э. Теннисона «Принцесса» (1847).

60

Пробуждение души. — Популярная в начале XIX века пьеса Рудольфа Штайнера.

61

…тетигистит эти, как их, ремы. — Довольно неуклюжая попытка передать на доступном языке любимое латинское выражение Дживса: Rem acu tetigisti — коснулся самой сути.

62

Одиночество вдвоем *(франц.)*.

63

…*на гребне приносящие удачу*. — Шекспир. «Юлий Цезарь». Акт 4, сц. 3.

64

Облигации Свободы — облигации, выпущенные в США в годы Первой мировой войны.

65

Избранник судьбы — обычно так называют Наполеона.

66

— Я надеюсь, что вы не… Я надеюсь, что вы не ранены? — *Ранена?* —…ранены…Я надеюсь *(франц.).*

67

Добрый вечер *(франц.)*.

68

Разве… Почему вы не… не вы… По какой причине… *(ломаный франц.).*

69

Цыц! *(франц.)*.

70

Говорите медленно… Не так… не так быстро *(франц.)*.

71

Медленно. А, да, медленно *(франц.)*.

72

Потерял (куропатка — «perdrix»).

73

…*играл за полосатых* — форма Cambridge University Rugby Union Football Club полосатая. Этот клуб — старейший в Кембридже, основан в 1872 г. С тех пор играет ежегодный матч (The Varsity Match) против Оксфордского университета. Клуб выступает в университетских соревнованиях, но часто играет товарищеские игры с сильными профессиональными клубами.

сборная Англии играет против Уэльса, Франции, Ирландии и Шотландии — так называемый турнир Пяти наций.

75

буль — разновидность рулетки. Колесо напоминает большую чашу, по краю которой двигается шарик. Само колесо неподвижно и имеет 18 гнезд, пронумерованных цифрами от 1 до 9. Роль «зеро» выполняет цифра 5. Игрок может ставить на любое число, включая и 5. Выигрыш выплачивается 7 к 1. Также можно поставить на чет и нечет, выплата 1 к 1. Возможно, в наши дни уже не существует.

76

Потрясающе! *(франц.)*.

77

Флородора — популярный мюзикл, поставленный в конце XIX в. По сюжету «Флородора» — название духов, производимых из одноименного цветка, который растет на одноименном острове Филиппинского архипелага. Сценарий написал Джимми Дэвис (под псевдонимом Оуэн Холл), музыка — Лесли Стюарта, тексты — Эдварда Бойд-Джонса и Пола Рубенса. Мюзикл был поставлен в Лондоне в 1899 г., однако в историю вошла бродвейская постановка, премьера которой состоялась в 1900 г. За два года дали 552 представления. Спектакль пользовался бешеным успехом во многом благодаря красоте хористок. Молодые люди приходили в театр только ради знаменитого секстета, который в партитуре назывался «Английские девушки», однако больше известен как «Девушки Флородоры». За два года в составе секстета сменилось 70 девушек. Это было вызвано тем, что хористки практически сразу выскакивали замуж за богатых поклонников из первых рядов. Петь во «Флородоре» для молоденьких девушек того времени было все равно, что в наши дни сделаться супермоделью.

78

Ваши добрые дела блестят в злом мире — Шекспир. «Венецианский купец», акт V, сц. 1. Порция: Как далеко свеча бросает луч, / Так добрые дела блестят в злом мире (перев. X Щепкиной-Куперник)

79

Герой-любовник *(франц.)*.

80

А после стольких славных дел — заслуженный покой — цитата из Лонгфелло «Деревенский кузнец». В переводе М.Донского строфа звучит так: Так труд, и радость и печаль / Даны ему в удел, *И утро для него всегда* Начало славных дел. *А вечер счет ведет тому*, Что он свершить успел.

81

Лоумшир — выдуманное графство (в отличие от Гемпшира и Шропшира).

82

В легком весе— 135 фунтов (61,235 кг)

83

где все отрада глазу, лишь низок человек — стихи епископа Реджинальда Хебера (1783–1826). («С гренландских ледяных гор»).

84

Совершенно бессмысленный набор слов *(исп.* и *итал.)*.

85

в город Тост. — На сегодняшней немецкой карте в описываемых местах отыскался только город Фост.

86

Калькуттская Черная дыра — имеется в виду застенок в Калькутте, куда летом 1759 года взбунтовавшийся набоб бросил ночью 146 захваченных им англичан, из которых 143 человека к Утру умерли от жары и удушья.

87

…в условиях Редингской тюрьмы. — Редингская тюрьма описана с мрачными подробностями О. Уайльдом в поэме «Баллада Редингской тюрьмы» (1898).

88

Суд Кесарев — выражение из Евангелия (Деяния Апостолов 25/10, 11).

89

…она не знала, что с ними делать. — Многодетная старушка, не знавшая, что делать с огромным количеством детей, — персонаж из хрестоматийного детского стишка. В русском переводе С. Маршака он начинается так: Жила-была старушка *в дырявом башмаке,* и было у нее детей/что пескарей в реке, и т. д. Но некоторые акценты тут смещены: в оригинале башмак не дырявый и, главное, говорится о ее замешательстве: «она не представляла себе, что с ними делать».

90

Лорд Питер Уимзи — проницательный герой детективных романов английской писательницы Д. Сэйерс (1893–1957).

91

Борглум, К. — американский скульптор, в 20—30-е годы создал колоссальные барельефы-портреты выдающихся исторических деятелей США, высеченные в скале прямо на склоне гор.

92

Адмирал Бэрд, Р.Э. (1888–1957), полярный исследователь и летчик, первым пролетел над обоими полюсами, руководитель американских антарктических экспедиций.

93

…*я написал роман.* — Речь, судя по всему, идет о романе «Деньги в банке» (Money in the Bank), опубликованном в США по окончании войны. Недавно издан в нашей серии (перев. Е.Доброхотовой-Майковой).

94

Арифметические выкладки дают в метрической системе диаметр около 87 метров.

95

Плуто, Розанчик, Джинджер и Дональд Дак. — Имена персонажей из мультфильмов Уолта Диснея.